

THE PERFECT CRIMINALS

Бэлморты... Я знала о них из сказок мамы. Темный народ, хладнокровный и беспощадный. Идеальное зло. Они прекрасны, сильны и коварны. В мире магов бэлморты легко растворяются, становятся его частью, чтобы незаметно подобраться к жертве. Им нужны наши жизни и кулоны — в них сила мага, его чудесная суть. Бесчувственные красавцы — сперва они похищают твое сердце. Мне повезло повстречать парочку таких охотников за головами. Я — всего лишь маленькая ведьма и... По иронии судьбы я по уши влюбилась в одного из них. Но все началось с череды загадочных убийств волшебников и кулона наставницы, доставшегося мне после ее смерти...

В кофейнике стыл кофе. Его бодрящий аромат заполнял просторную кухню. Бен отпил из кружки еще дымящийся напиток и запрокинул голову, с шумом втянув носом воздух. Наслаждаясь вкусом, растекающимся во рту сладкой горечью, он прикрыл глаза. Вспышки памяти обрывками забытого сна напомнили о прошедшей ночи и о том, что произошло после. Кофе больше не казался столь притягательным, а на губах осталось мерзкое послевкусие, напоминающее гарь.

Открыв резко глаза, Бен выпрямился и покрутил головой, разминая шею. Да уж, ночь выдалась паршивая, несмотря на тепло и нежность женщины, в объятиях которой он уснул.... Направляясь к барной стойке, служившей так же обеденным столом, проходя мимо дивана, он небрежно двинул носом ботинка по свесившейся ноге еще спящего Тома. Замычав, брат перевернулся с живота на бок и потер заспанное лицо ладонью.

— Какого черта?

— Есть разговор.

Отставив чашку, Бен неспешно закатал рукава молочно-коричневой рубашки, надетой поверх белоснежной футболки. Он решил себя хоть чем-то занять, пока Том нахально испытывал его терпение. Серые потертые джинсы и черные спортивные ботинки на шнурках — в повседневной жизни Бен предпочитает удобную одежду. Выразительный взгляд голубых глаз метит прямо в сердце. Красивые, мужественные черты лица, и очаровательная, притягательная улыбка сломала жизнь не одной девушке. Светловолосый и атлетично сложенный. Кто бы мог подумать, что этот молодой человек — искусный убийца? Так повелось, что по своей природе бэлморты — охотники за головами — обладают привлекательной внешностью и легко располагают к себе, притягивают жертву, как свет электрической лампы мотыльков. Будто ядовитая конфета — красивая оболочка, таящая внутри смертельную опасность.

Том, раздраженно промычав что-то невнятное, вытащил из-под головы подушку и накрыл ею лицо. Красная с белым клетчатая рубашка, грязно-зеленая мятая футболка и заношенные синие джинсы, а из обуви — светло-коричневые пушистые тапки-зайцы. В его духе. И, пожалуй, это единственная вещь, которой он хоть немного дорожил. Перевозил из города в город, из дома в дом, его личная частичка уюта. Практически каждое утро Тома начиналось с бутылочки холодного пива на завтрак и удобного дивана. На этом сходство с людьми заканчивалось.

Они родились такими — зло среди магов, бэлморты. Род магических существ, который может безнаказанно истреблять себе подобных, и для бэлмортов всегда находится работенка. Маги по своей сути не способны убивать, иначе они рискуют утратить человеческий облик и обречь душу на вечные муки. Как раз в таких случаях и приходит на выручку дар охотников. А собственно, ради чего? Ответ прост: каждое магическое существо обладает способностями, помимо общих характеристик своего вида. Сила, сосредоточенная в кулоне, который с рождения и до самой смерти носится на шее. «Свет», как его называют сами маги, душа и истинная сущность, потерять которую невозможно. Разве что, повстречавшись со смертью — лишь тогда амулет может быть снят, а сила передана кому-то другому.

У бэлмортов амулетов нет, и их легко спутать с простыми смертными. Они обладают

смертоносной магической силой, противостоять которой не может никто. Как у любого хищника, у них множество преимуществ перед иными магами, но бэлморты начисто обделены человечностью. Жалость, сострадание, совесть, любовь, страх — им чуждо это. Утешает лишь одно: убивают исключительно ради денег, а не из спортивного интереса или зова крови. Но если вы маг, и вас кто-то заказал, эти беспринципные твари сделают свое дело безупречно, можете быть уверены.

— Где ведьма, с которой я провел ночь? Она безмятежно спала рядом, а когда я проснулся — ее не оказалось в постели.

— Я сделал то, что должен был сделать ты, — бесхитростно заявил Том и полез в карман джинсов. Вытащив из него цепочку с бледно-голубым кулоном, небрежно швырнул брату. Поймав налету, Бен сжал его в ладони и прикрыл на миг глаза.

— Твою мать, — процедил Бен и бросил кулон на стол. Налив еще кофе в чашку, холодно посмотрел на брата. — Считаешь, я не справляюсь со своей работой?

— Считаю, — парировал Том и, кряхтя, сел на диване. Зеленые, невероятно красивые глаза, прямой, аккуратный нос, усеянный веснушками, и лицо, которое невозможно не заметить в толпе. Прищурившись, он полыхнул в сторону брата суровым взглядом. — Ты затащил цель в койку, Бен.

— Не твое дело, с кем и как я провожу ночь.

— Сними шляху. Сколько можно трахаться с жертвами, а поутру их убивать? Попахивает извращением, не чувствуешь? Я безнравственный и безжалостный козел, — буднично заявил Том, и пожал плечами, — но ты пошел дальше меня.

Бен, размешивающий методично кофе десертной ложечкой, медленно повернул голову, чтобы смерить его ледяным взглядом.

— Вся наша жизнь извращение, Том. Мы такими появились на свет, и ничего не попишешь. Кто-то свыше решил, что бездушные, циничные и хладнокровные твари украсят этот мир. — Бэлморт надменно хмыкнул: — В нас сосредоточенно все зло, на которое только способны люди, но не досталось и доли их положительных качеств.

— Места не хватило, — парировал Том, обхватив большую голову руками.

— Ты понял, что я хотел сказать? — Повысил голос Бен, наклоняясь, чтобы видеть глаза брата.

Том шумно выдохнул.

— Отныне я буду стучаться, прежде чем войти в твою обитель порока, так и быть.

Удовлетворенно кивнув, Бен выпрямился и побрел к окну. Том, облизав пересохшие губы, посмотрел ему в спину и тихо произнес:

— Но чтобы это было в последний раз, слышишь? Я ненавижу убивать их за тебя. Ненавижу, когда ты таскаешь жертв домой.

— Я только хорошеньких таскаю, — буднично заявил Бен, разглядывая пейзаж за окном и безмятежно попивая кофе.

— В том-то и проблема! Были бы они гоблинами или чертихами с бородавками на лице, было бы проще их убирать. Еще бы на телефон вас снял предварительно и выложил в сеть.

Покосившись на смеющегося брата, Бен устало покачал головой и не спеша направился в гостиную, буркнув на ходу:

— Ты бухай побольше и почаще. И не то привидится.

— Мне претит твоя сердобольность. Работа есть работа, но ты ее превращаешь в извращенный ритуал. Щадишь чувства жертвы, убивая во сне? Серьезно?

— Тебе этого не понять, — за окном пробуждалась природа с первыми лучами солнца. Загоралась бриллиантами роса на траве, оживали деревья, стряхивая остатки сна с ветвей. Бен всматривался в светлеющую даль леса, вполуха слушая непротрезвевшего брата. Они с рождения были не разлей вода, хотя и отличались отношением к своей сути. Бен душил любые проявления человечности в себе, даже сейчас, любуясь игрой света восходящего солнца с пестрой листвой. Все, что чуждо роду бэлмортов, где-то внутри отличало его от других охотников. Паршивая овца в породистом стаде. А Том всегда был идеальной бесчувственной сволочью.

— Надо бы тактику сменить, — протянул задумчиво Том, вернув Бена из омота размышлений. — Наш почерк бросается в глаза. Не пора бы переключиться на оружие людей?!

Бен пренебрежительно хмыкнул.

— Зачем? Наша сущность сильнее пистолетов и ножей. Пшик — и все! Жертва ничего не чувствует...

— Я не о том. Чтобы сбить со следа копов. — Том оглядел кухню: — Мне нравится этот дом. И город нравится, только на новую работу устроился, и она мне тоже нравится! — Он усмехнулся. — Оплата невысокая, но торговаться с цыпочками доставляет мне нереальное удовольствие, ни за какие деньги не купишь. — Подняв с пола газету, Том потряс ею: — Местный поставщик ингредиентов для снадобий скопытился, и теперь я за него. Но рано или поздно нас вычислят. Не так уж много охотников в Мортелле.

Хмыкнув, Бен отошел от окна.

Обходя стойку вокруг, он обратил внимание на три конверта из грязно-желтой бумаги с красными восковыми печатями, заметно выделяющиеся среди остальной корреспонденции. Остановившись, он отпил из чашки и, взяв один из конвертов, повертел в руках.

— Том, что это?

— А сам не видишь? — Буркнул в ответ брат и, кряхтя, поднялся с дивана. Потирая небритую физиономию, он побрел к холодильнику, а когда открыл, еще с минуту изучал содержимое. Раздраженно причмокнув, достал бутылку пива и вернулся к любимому дивану.

— Сразу три?! — Бен поднял недоверчивый взгляд на брата. Том привычным щелчком пальцев откупорил бутылку и присосался к горлышку, разом одолев половину содержимого. Удовлетворено вздохнул и только тогда удосужился взглянуть на младшего брата.

— Откуда этот удивленный тон?

— Мы же договаривались, что берем тайм-аут. — Грохнув чашку о стол, Бен процедил сквозь стиснутые зубы: — Какого хрена, Том?!

— Объясни Верховной, что тебя потянуло на покой. — Вздохнув, Том сделал смачный глоток и опустошил бутылку.

— Заказчик — Верховная Ведьма?

— Угу.

— Сроки?

— Как можно быстрее. Не знаю, — раздраженно отмахнулся брат и вновь поплелся к холодильнику. — Вскрой конверт, и все узнаешь.

— Я не притронусь к ним, — твердо произнес Бен, сверля немигающим взглядом брата, уже явно наслаждающегося похмельем. — Пока не приду в норму.

— Вышел из строя, бедолага? Это ты зря — фамильяры не дремлют.

— Плевать я на них хотел! Я устал от бесконечной гонки!

— Это тебе не заурядный маг с просьбой укокошить соседку — цветочную фею или коллегу-травника с редким целительным даром, Бэн! — В помещении заметно стемнело, будто за окном сгустились дождевые тучи. Волна жара взметнулась от бэлморта к потолку и обрушилась удушливой дымкой, заползающей во все щели и застилающей глаза. Он заполнял кухню своей мощью, льющейся по стенам, полу, потолку, высасывающей энергию из электроприборов и всего живого. Комнатные цветы внезапно ссохлись и поникли, свесив листья. Зеленые глаза Тома сверкнули белым огнем. — Сама Верховная обратилась к нам! Дала поручение, и вознаграждение обещает быть щедрым.

— Не в деньгах дело, — Бен устало вздохнул. Стянув со стола кружку, отпил из нее остывший кофе, поморщился и поставил обратно, не обращая внимания на прущую из брата ярость. — Я устал оттирать кровь от одежды, устал отмывать от нее руки. Хочу спокойствия и отдыха хотя бы недельку.

— Надеюсь, кошмары не мучают твою нежную душонку по ночам? — Саркастически протянул заметно остывший и захмелевший Том и, заржав, принялся за вторую бутылку пива. В комнате вновь стало светло, от удушливой дымки не осталось и следа. Брат смерил его тяжелым взглядом, постукивая пальцами по стойке.

— Мне не снятся сны. Даже если бы и снились, то самым большим кошмаром была бы твоя не проспавшаяся рожа. А если учесть, что я вижу ее практически каждое утро, то можно сделать неутешительный вывод: кошмар наяву живет со мной под одной крышей.

— Тогда в чем дело? Совесть проснулась? Мы, охотники, славимся хладнокровием и равнодушием. Нам чужды человеческие слабости, эмоции. Ни сострадания, ни жалости, ни сожаления, ни раскаяния — ничего! Если вдруг захочется порыдать в подушку или отнести цветы на могилу своей очередной жертве, скажи мне — я облегчу твои страдания. — Набрав медленно воздуха в легкие, он процедил сквозь зубы: — И выжгу сердце дотла.

Не успел Том договорить, как в комнате поднялся ледяной ветер, настолько колючий и порывистый, что он спокойно мог содрать кожу с костей. Лампочки замигали, даже те, что не были включены — вся техника в доме взбесилась. Кухонная подсветка за спиной Бена, каждая лампа по очереди, с треском взорвались россыпью искр, словно огненный дождь. Выпустив из рук чашку с остатками кофе, Бен резко и тяжело оперся руками на стол и медленно подался вперед, прожигая брата искрящимся от силы взглядом.

— Я не обмяк и не вышел из ума, Том, — процедил он в лицо брату. И, глубоко вдохнув, рявкнул: — Я устал!

Его голос бумерангом отразился от стен и окон, прозвенел эхом, и бутылка в руках Тома разлетелась вдребезги. Раздраженно поджав губы, брат утер влажную от пива ладонь о рубашку.

— Твое счастье, что она была почти пустая, — спокойно произнес Том и, громко икнув, погрозил брату пальцем. — У тебя неделя, не больше! А после мы вскрываем конверты. — Вздохнув, он оглядел помещение и скривился: — И приברי за собой, мелкий.

Линетт как всегда выглядела прекрасно. Разве что кожа казалась бледнее обычного, но даже в гробу она улыбалась. Чуть заметно, одними уголками губ. Сияющие медным шелком волосы стекали рекой по плечам — я всегда восхищалась ее сказочной красотой. И сегодня, стоя над гробом, никак не могла налюбоваться лицом, словно боялась забыть ее черты — не могла решиться и проститься навеки.

Наверно, я простояла, склонившись над телом, слишком долго — ведьмы-служительницы заметно нервничали, перешептываясь около ажурной ширмы. Пусть подождут, мы больше не увидимся. Им не понять, сколько она значила для меня. Склонившись, я провела кончиками пальцев по рукам Линетт, сложенным на груди. Фарфоровая кожа будто подсвечивалась изнутри — магия еще не угасла, но жизнь уже покинула тело. Больше не откроются прекрасные и пугающие зеленые глаза, не вспорхнут длинные бронзовые ресницы, не прольется весенней каплейю волшебный голос. Она покинула меня, покинула этот мир, оставив после себя пустоту в груди. Отняла частичку души и унесла с собой. Линетт всегда была бескомпромиссной, ее решения не обсуждались. Но я не ожидала, что она поступит со мной так жестоко. Вздохнув, я накрыла ее руки ладонью.

Тяжелый занавес из золотой парчи отгораживал постамент с гробом от толпы магов. Благородное красное дерево, ковер из белых лилий и желтых роз. Густой запах цветов не мог перебить тонкий букет ее духов. Он въелся в память. Как и все, что было связано с Линетт. Несмолкаемый монотонный гомон сводил с ума, от аромата магии кружилась голова. Воздух буквально мерцал от окружающей меня силы — эмоции душили, скорбь холодной рукой сдавила горло, и сложно было сдержаться. Но те, что ждали своей очереди, не осудят. Я ожидала увидеть полный зал желающих проститься с великой ведьмой, возглавлявшей Университет Мортелля, но собралось несколько магов-преподавателей, дворник, библиотекарь и пару незнакомых лиц. Ни родственников, ни друзей. Печально осознавать, что ближе меня, помощницы и ученицы, у Линетт никого не было. Изучение магических существ, их способностей, исследование особых видов — всему этому она обучила в ходе совместной деятельности. Линетт открыла для меня несколько хитростей, которыми овладела за свою многовековую жизнь. Любая ведьма или колдун в состоянии распознать друг друга в толпе, но мне подвластна куда более тонкая материя. Я чувствую то, что не могут чувствовать другие. Если бы ни Линетт, необычный дар так и дремал где-то глубоко внутри и, в конце концов, угас.

Она практически заменила мне мать, относилась с трепетом и заботой, а я стала ей дочерью и отвечала взаимностью. Никогда не забуду ее безупречное лицо и аромат духов. Никогда не забуду то, что узнала от нее и чему научилась. Я не так давно потеряла маму, у горя нет срока давности, а теперь еще и Линетт.... Она была для меня всем, а что я для нее значила?

Толпа из нескольких магов гудела за спиной. Прежде я не замечала, а сейчас слышала негодующие голоса и выпрямилась. Не в силах отойти от гроба, я обернулась и посмотрела на пришедших проститься. Занавес начал медленно и бесшумно подниматься. Сердце сжалось, дышать стало невыносимо тяжело. Больно. Я больше никогда ее не увижу....

Отступив от гроба, вынырнув из ароматного облака ее духов, сотканного из гардении и

ванили, я ощутила себя как никогда одинокой, уязвимой и невыносимо слабой в огромном мире — в мире без Линетт. Кто я без нее? Растерянная девчонка, обладающая исключительной силой, чужая среди всей этой однородной массы колдунов. Для них я такая же серая и безликая, заурядная ведьма. Она учила меня, словно к чему-то готовила. К чему-то чрезвычайно важному и трудному. Вот только я не могу поделиться знаниями с близкими людьми, не имею права раскрыть им свои умения. Что теперь прикажете делать со всем этим запретным багажом, черт возьми?!

Не успела я отойти от гроба, как его окружила толпа из пяти ведьм. Они оправляли алое бархатное платье с золотыми цветами, пущенными по подолу, перекладывали волосы, чтобы они выглядели эффектнее. Белоснежные своды зала, рукотворные золотые узоры на стенах — все слилось перед глазами, мир сузился до лица Линетт. Слезы высохли, но сердце гулко вздрогнуло. Боль утраты не оставит в покое. Я в последний раз посмотрела на прекрасную Линетт прежде чем выйти за ширму. Она словно спала, вот только.... Где ее кулон?

Все маги Эгморра носят на шее кулоны, полученные при рождении. В них заключены наша сила, душа и индивидуальные способности. Обычно кулоны имеют форму шара в золотой огранке или сфере, и цвет, присущий исключительно волшебнику, которому он принадлежит. Оттенок сам по себе не имеет никакого значения, как принято считать, но, все же, способен рассказать кое-что о душе мага.... Снять магическое украшение можно лишь после смерти его хозяина. У Линетт был огненно-красный кулон, похожий на маленькую планету, заточенную в стеклянный шар с золотой сферой. Он мерцал и переливался, будто жил своей собственной жизнью, и сейчас пропал.

Опустив голову, я закуталась в черное пальто, спрятав лицо в воротник-стойку. Потрясающе красивый зал, везде хрусталь и позолота, блики от люстр, сияющих под высоким потолком. Как и все здание Университета, больше похожего на королевский дворец, чем на учебное заведение. Скамьи из черного дерева, алый бархат, широкие светлые окна — я провела здесь много дней и ночей, но более не испытывала восхищения. Обстановка казалась бесцветной и обыденной. Зал утратил частичку, оживлявшую его.

Тихие голоса слились в неразборчивый гул. Шагнув в сторону, я медленно побрела к выходу по ковровой дорожке, задыхаясь от запаха свечей и цветов. Занавес еще не подняли, а толпа уже рвалась к ширме. Голова кружилась, и каждый шаг давался все тяжелее. Кажется, еще мгновение, и я потеряла бы сознание....

— Мисс Браун, — кто-то коснулся локтя, и я обернулась. На меня с сожалением смотрела женщина в деловом черном брючном костюме. Ее лицо показалось знакомым, но я его видела впервые. Некоторые люди обладают типичной внешностью, напоминающей кого-то другого, и этот феномен невозможно объяснить. Русые волосы, уложенные аккуратными волнами, большие серые глаза и сдержанно-печальное выражение лица. Во всем ее виде чувствовалась точность и безупречность, идеальное сочетание со строгим нарядом. Наверняка юрист, но точно не преподаватель, иначе я бы ее знала. — Вы должны пройти со мной.

— Кто вы? — мой голос предательски дрожал, но выражение лица оставалось непроницаемым.

Женщина быстро огляделась и с силой сжала мой локоть. Я не вскрикнула и не выдернула руку, пока она волокла меня из зала. Постоянно озираясь по сторонам и прибавляя шаг, затолкала меня в узкий проход между стеллажом с книгами и огромной картиной, изображающей весенний лес.

— Меня зовут Абигейл, — бесцветно произнесла она. — Это все, что вам следует знать. Сейчас прямо, а на развилке сверните налево.

Я протискивалась по узкому коридору, покорно следуя указаниям. Сказать, что я не понимала происходящего — ничего не сказать. И не знаю, природное любопытство виной моей слепой смиренности или шоковое состояние. В тот миг я не ощущала ни страха, ни боли, поэтому не могла адекватно оценить ситуацию. Просто шла, просто слушала звуки шагов и учащенное дыхание Абигейл. Она всего лишь человек и безумно взволнована, но старается казаться профессионально хладнокровной. Не стану ее переубеждать. Люди предвзято относятся к таким, как я.

На развилке я повернула налево, как сказала Абигейл, и замерла. Мы оказались по другую сторону стен, словно здание вывернули наизнанку. Неподвижный мягкий синий полумрак, сквозь щели на пол падали полосы света. От ощущения магии сдавило виски, воздух пропах древними чарами, от которых по спине скользил холодок. Осторожно вдохнув, я протянула руку и почувствовала покалывание на коже. Нечто непостижимое, за гранью моих возможностей. Неужели темные чары защиты? В те далекие времена, когда их наложили, маги еще не разделяли черную и белую магию. За века стены пропитались ими настолько, что, казалось, сами способны мыслить. Как только я поняла, с чем имею дело, меня окатило силой, от напора которой перехватило дыхание. Ахнув, я одернула руку и последовала за Абигейл. Она терпеливо ждала меня на пересечении четырех коридоров, убегающих в густую тьму. Тайный ход в университете, кровеносная система здания... Бесконечные переходы и тоннели между комнатами и залами, за их стенами, ведущие в самое сердце здания. От волнения сердце неумолимо колотилось в груди громче, чем у Абигейл. Надеюсь, она не заметила, что сумела удивить ведьму, которая, казалось, знала каждый угол в Университете.

Наконец, впереди показался прямоугольник двери. Проход медленно расширялся, я смогла расправить плечи и идти, не касаясь стен. Абигейл, все это время следовавшая сзади, обогнала меня и повернула ручку, слегка поклонившись. Я с опаской шагнула в помещение, наполненное ослепляющим светом. Белые стены, песочно-желтая мебель и огромные окна до потолка. Я закрыла глаза рукой, шагнув вперед. Абигейл, недовольно хмыкнув, вбежала в комнату и стала задвигать шторы. Я почти на ощупь прошла к дивану и опустилась на него. Когда свет перестал причинять боль, убрала руку и осмотрелась. Шикарная обстановка в стиле ампир, обтянутые шелком кресла и диван с резными подлокотниками, массивная хрустальная люстра, камин с позолотой, множество картин на рельефных стенах и круглый стеклянный столик. Я была не просто удивлена, а пребывала в недоумении. Тайная комната в недрах здания, о существовании которой и не подозревала. Сколько еще скрыто за этими стенами?!

Абигейл быстро прошла к камину и застыла спиной ко мне.

— Что происходит? — мой голос больше не дрожал. Оторопь прошла, но сердце продолжало отбивать сумасшедший ритм. Становилось жарко, я расстегнула пальто, стянула его и уложила на подлокотник дивана, оставшись в черном кружевном платье до колен.

— Сейчас все узнаете, — сухо произнесла женщина, разворачиваясь ко мне лицом. Она держала в руках длинный лист, похожий на старинный свиток пергамента — серовато-желтая ветхая бумага, исписанная красивым каллиграфическим почерком. Абигейл подняла на меня глаза: — Линетт оставила завещание, которое я обязана вам зачитать.

Последние распоряжения преподавательницы я слушала краем уха, не понимая, зачем

меня привели сюда. Кресло красного шелка преподавателю химии, ключи от зимнего сада одной из служительниц университета, несколько благотворительных взносов в фонды вымирающих видов животных магического мира и пару старинных вещей для коллег. Оставшуюся часть своих денег Линетт оставила Университету. Я даже не пыталась изображать интерес — сверлила невидящим взором свои туфли. Стоило подумать, насколько утомительно и мерзко после похорон делить имущество умершего, как Абигейл замолчала. Скрутив завещание привычным жестом, она спрятала его в миниатюрный золотой футляр, умещающийся в ладони. Я подняла рассеянно глаза на женщину, и она понимающе улыбнулась.

— У вас есть ко мне вопросы?

— Нет, — все, что я смогла вымолвить. Она склонила сочувствующе голову, и светлые волнистые волосы упали на плечо. Я посмотрела в ее серые и печальные, как летний дождь, глаза. Отрепетированное сострадание, профессионализм законника, в чьи ежедневные обязанности входит сообщать плохие новости и зачитывать последнюю волю умерших. Противно и правильно одновременно, но мне были абсолютно безразличны ее попытки выказать соболезнование. Все, о чем я могла думать — пустота. Пустота внутри, будто от души оторвали кусок, и теперь я должна научиться без него жить или утонуть в бездне воспоминаний и тоски. Тяжело дышать. Как же тяжело дышать....

Глаза защипало, я опустила голову. Мгновение Абигейл деликатно молчала, хотя я так и не уронила ни одной слезы. Сдержалась и просто прикрыла веки.

— Она оставила кое-что и вам.

Не открывая глаз, я нахмурилась, слушая, как женщина-юрист подходит к камину, шелестя одеждой и постукивая низкими каблуками туфель. Когда что-то щелкнуло, я подняла голову и распахнула глаза. В руках Абигейл оказалась небольшая бордовая шкатулка, она открывала ее, стоя передо мной. Едва крышка поднялась, как из нее вырвался мерцающий золотисто-красный свет. Будто бы луч закатного солнца был заточен, и вдруг снова освободился от тесных оков. Я ошарашено открыла рот и спросила, хотя уже точно знала, что вижу:

— Что это?

— «Свет» Линетт, — спокойно ответила Абигейл и с профессиональной интонацией процитировала по памяти: — «Все свои обязательства и права передаю моей помощнице и ученице Эшли Браун. Мы стали настолько близки, что я с легкостью могу назвать ее дочерью. Кулон со «Светом» завещаю ей. На то моя воля».

Сначала я польстилась щедрости скончавшейся преподавательницы. Она ушла из жизни по собственной воле, такова официальная версия. В мире колдунов и ведьм возможно покинуть мир по собственной воле в назначенный день. Ничто не вечно, и, похоже, кто-то свыше решил, что нас это тоже касается. Но нам предоставили выбор, который требует мужества и мудрости. Осознанно уснуть навеки, обратиться в прах.... На мой взгляд, чудовищный дар небес, хуже не придумаешь. Единственное, что продолжает жить после нашей смерти — «свет», заключенный в кулон на шее. Маги вольны распорядиться им, передают из поколения в поколение свои способности и знания потомкам. У Линетт никого не было, кроме меня, и здесь все ясно и логично. Но как на счет обязательств и прав? С этой мыслью наступило прозрение: чтобы слова Линетт могли значить?

Меня забило мелкой дрожью. Я понятия не имела, во что влипла, какие «обязательства» унаследовала и как распорядиться кулоном.

— Прошу вас принять дар Линетт, — слова Абигейл прозвучали издали. В горле застрял ком, и не хватало сил проглотить его. Когда она положила в мою ладонь круглый красный камень, по щеке сбежала горячая слеза. Он не мерцал и не переливался, будто жизнь в нем остановилась вместе с уходом хозяйки. Оказавшись в моей руке, шар начал светлеть, словно в нем зарождалось маленькое солнце. Свет разгорался все ярче, заполнял стеклянную оболочку, пока, наконец, не стал пронзительно-золотым. В кулоне вспыхнула новая жизнь, заискрилась мириадой желтых звезд и потекла в ином ритме, совершенно новым для него. Как замороженная, я смотрела на кулон, пока Абигейл закрывала шкатулку и спешно прятала ее в сумку. Когда я подняла на нее глаза, она чуть заметно вздрогнула и вздохнула. Я точно знала, что в этот момент мои глаза сияют магией.

— Зачем он мне? Как я должна поступить с даром Линетт? — я понимала, что спрашиваю не по адресу, но не могла промолчать.

Абигейл повесила на лицо непроницаемое, холодное выражение.

— Я могу ответить на вопросы, касающиеся исключительно завещания, мисс Браун, — отчеканила она.

Накрыв кулон ладонями, я опустила руки на колени.

— Тогда, может быть, скажете, по какой причине наш разговор носит конфиденциальный характер? Почему другие наследники имущества Линетт не удостоились чести присутствовать на оглашении ее завещания? — Я уже говорила тверже и увереннее, под кожей успокаивающе пролилась сила. Тайная комната, зловещие коридоры, оглашение завещания без свидетелей — что-то здесь было не так. «Щедрость» Линетт наводила на странные мысли, а юрист подливала масла в огонь. И в следующее мгновение она повела себя так, будто боялась огласки или знала наверняка, что нас слышат.

Абигейл едва заметно мотнула головой, округлив глаза. Я расценила ее жест, как отрицательный ответ, и удовлетворенно кивнула. В другой обстановке, не будь утрата столь велика и болезненна, я бы с азартом отнеслась к допросу женщины. Но пустота в душе оказалась сильнее любопытства, хоть ее жар ощущался в груди.

— Вас наняли зачитать завещание и передать мне кулон?

— Да, — чуть слышно отозвалась Абигейл. В ее глазах читалась тревога, а я не настолько безжалостна, чтобы ставить женщину в неудобное положение. Хотя...

— Полагаю, вы не ответите — кто?

Она промолчала, нетерпеливо поглядывая на дверь за моей спиной. Я знала, что она закрыта, и что Абигейл мечтает покинуть комнату, Университет и убраться подальше отсюда. Странно, но я чувствовала ее мысли.

— Позвольте мне проститься с вами на этом.

— Да, конечно, — протянула задумчиво я, глядя на нее так, будто видела насквозь. И я видела. Абигейл не боялась меня, но что-то не позволяло ей чувствовать себя в безопасности здесь и сейчас. — Всего доброго.

Не успела я договорить, как она быстрым, но сдержанным шагом, направилась к выходу, оставив меня наедине с таинственным даром Линетт.

Дождавшись, когда шаги за дверью стихнут, я раскрыла ладони, и яркий золотой свет озарил комнату. Чувство тоски защемило в груди. Рана в душе все еще кровоточила, но слезы высохли — в день смерти Линетт я выплакала все глаза. А все, что мне от нее осталось, так это кулон с силой. Для кого-то он мог оказаться бесценным подарком, но для меня же являлся слабым утешением и компенсацией потери. Какая-то магическая побрякушка взамен

человеческого тепла.... Но, как ни странно, его сияние согревало. Сначала ладони, но вскоре тепло разлилось по всему телу, будто проникая под кожу. Я ощущала легкое и приятное покалывание, невообразимый душевный подъем. словно исцелив глубокую рану, которая еще мгновение назад кровоточила и ныла, испытала необъяснимое облегчение. Магический свет заполнял собой пустоту в груди, как если бы рядом была Линетт. Кулон вернул частичку этой невероятной женщины и поместил в сердце, где надежнее всего хранить самое дорогое и любимое. Дышалось намного свободнее и приятнее. Я непроизвольно улыбнулась.

— Что мне с тобой делать? — подумала вслух и снова покрутила пальцами кулон. Прежде мне не приходилось держать в руках чужие кулоны и уж тем более надевать их. Наверно, следовало спросить у Абигейл, как с ним обращаться, но навряд ли она знает. Мой собственный «свет», нежно-розовый с серебристыми, похожими на звезды, вкраплениями, дрогнул и будто бы потянулся к нему.

Я замерла в изумлении, но лишь на мгновение. Неприятной дрожью пробрала тревога, я обернулась. Как только я переступила порог комнаты, меня охватило ощущение того, что кто-то притаился за стенами. Отчетливо пульсировала посторонняя магия, которая миг назад была еще не так заметна из-за новых ощущений, подаренных кулоном. В подтверждение моих подозрений, за приоткрытой дверью скрипнула половица. Поерзав на месте, я передернула плечами, словно хотела стряхнуть с себя пристальный взгляд, устремленный из темноты коридора. В воздухе витала сила, густая и липкая, как сироп, наполняла комнату. Воздух дрожал перед глазами, но я упрямо всматривалась в узоры на обоях. Совсем рядом маг и он взволнован не меньше меня.

Переложив кулон в одну руку, другой я сгребла пальто и поднялась с дивана. Ладонь обжигала магия, заключенная в крохотном стеклянном шарике, а в груди трепетало беспокойное сердце. Я медленно направилась к двери, не спуская с нее глаз, но дошла лишь до камина. Решив освободить руки, надела пальто и поспешила пристегнуть «свет» Линетт к моей цепочке с кулоном. Щелкнул замочек, два стеклянных шарика соприкоснулись с характерным звонким звуком, и сквозь тело пронесся короткий разряд магии. В глазах вспыхнуло золотое пламя, и на мгновение я ослепла. Облокотившись на камин одной рукой, замерла, ожидая, пока новая сила разместится в моем теле. Так, чтобы нам вместе было комфортно. Магия надела меня, словно перчатку — мимолетное, странное ощущение, точно под кожей что-то шевелится, заполняя собой все доступное пространство. И вдруг я вновь прозрела. Глубоко вздохнув, я опустила взгляд на кулоны. И вздрогнула. Кулон Линетт, как капля росы, скатившаяся по травинке, вобрал в себя вторую капельку — мой собственный кулон. Они слились воедино в стеклянный шарик золотисто-розового цвета. Легко коснувшись его пальцами, я ощутила прилив приятной магической энергии, покалывающей изнутри кожу. В голове гулким эхом зазвучали голоса, прощающиеся с Линетт, скорбящие о ее уходе. Смогу ли я жить с ощущением присутствия посторонних в моем сознании? Жуть какая-то....

Тихие печальные слова слились в гул. Кажется, Линетт подарила мне часть себя, которая будет жить. Которая будет рядом в любую секунду, и к которой еще придется привыкать. Найти бы способ выключить все эти голоса.... За стеной раздался едва уловимый шорох, с моих губ слетел испуганный вздох. Воздух больше не дрожал, сила утекла из помещения, но маг все еще был здесь. Не зная наверняка, успею ли, я решительно двинулась к двери и, собрав всю волю в кулак, распахнула ее.

Меня встретила крошечная тьма и звенящая, давящая на слух, тишина. Сначала я

решила, что незнакомец стоял за другой дверью — пока магия искала пристанище во мне, комната несколько раз перевернулась с ног на голову и обратно. Не удивлюсь, если чутье обманывает.... В горле застрял ком, по спине скользнули ледяные мурашки. Чем дальше я смотрела в темноту, тем быстрее она надвигалась на меня. Я не могла разглядеть ни стен, ни потолка. Решившись войти во мрак, переступила одной ногой порог, и половица скрипнула. Испуганно поставив ногу обратно в комнату, я застыла на месте. Дрожь пробежала по телу, захотелось поежиться и убежать прочь. Но, слушая свое спотыкающееся от страха сердце, я стояла и смотрела. В никуда. В непроглядную тьму коридора.

Когда от тишины сдавило виски, я перешагнула порог и вошла в темноту. словно во сне, двигалась по сужающемуся коридору, прислушиваясь к каждому звуку, но кроме шелеста птичьих крыльев ничего не могла разобрать. Птицы — откуда они здесь взялись?! Осторожно ступая по скрипучему деревянному полу, держась ладонью за стену, я шла на ощупь. Шуршанье перьев приближались, горло сдавило от незаметно подкравшегося страха, и темнота, казалось, становилась только гуще и холоднее. Я погружалась в нее, как в воду, и сердце колотилось, будто стремясь выпрыгнуть из груди. Сознание медленно утекало, я еле передвигала ногами, хотя хотелось бежать, сломя голову. Но вдруг впереди замаячил бледный свет. Из глубин мрака, из недр зачарованных тоннелей он манил и вселял надежду, словно поток свежего воздуха. Прибавив шаг, я спешила к нему, оглушенная собственным дыханием. Еще несколько шагов, еще чуть-чуть, и я выйду из тесного и повергающего в ужас коридора...

Чем ближе я подходила, тем призрачнее становился выход. Прямоугольник света расплзлся голубой дымкой во тьме. Как в ночном кошмаре, повсюду мерещились тени, внезапно из пустоты в спину дохнуло холодом. Перехватило дыхание. Казалось, вот-вот кто-то схватит за плечо и утащит обратно во мрак. Тот, кто подглядывал за мной из-за приоткрытой двери. Тот, чью магическую силу я ощущала еще мгновение назад тягучим леденцом на языке. Быть может, я угодила в его ловушку? И сейчас он наблюдает, словно за мухой, попавшей в блюдо с вареньем. Отталкиваясь от стен сужающегося коридора, я чуть не закричала, ощутив порыв ледяного воздуха рядом с лицом, но успела. Успела выскользнуть из темноты, и очутилась в зале, где прощались с Линетт.

Зал опустел. Ни единой живой души, ни единого звука. Только гроб с телом Линетт загородили ширмой. Меня потянуло в последний раз взглянуть на женщину неземной красоты, ставшей для меня близким человеком. Я торопилась, сама не понимая, зачем это нужно. Подошла, отдернула ширму и замерла. Опираясь руками на стенки богатого гроба, над телом Линетт стоял мужчина. Он был облачен во все черное — тонкий пуловер, брюки и обувь. Прикрыв глаза, он с опущенной головой склонился над изголовьем гроба. Русые волосы средней длины свесились, закрыв верхнюю часть лица, так, что я могла видеть лишь острый подбородок, покрытый короткой щетиной. Он казался приятным и привлекательным, что-то во внешности притягивало взгляд. Застыв в нерешительности, я невольно рассматривала его и не могла оторваться.

В глаза бросилась почти болезненная бледность кожи. Скорбь мужчины ощущалась тяжестью в воздухе, как и боль. По спине скользнул холодок, с губ сорвался беззвучный вздох. Стало безумно неловко — я помешала выражению траура, ворвалась и нарушила уединение. Но он словно не замечал моего присутствия — едва дотрагиваясь, бережно провел пальцами по лбу Линетт, по линии щеки. Я попятилась назад, бормоча под нос «извините», а когда попыталась задвинуть обратно ширму, мужчина открыл глаза и взглянул

на меня из-под занавеса волос. Одним глазом, украдкой. Одним голубым глазом. А я все извинялась и пятилась.... Пока не потеряла его из виду и не побежала прочь из зала. Не разбирая дороги, не оглядываясь, подальше от здания.

Глава 2

— Ну, вот. Еще одна морщинка, — печально протянула Моника, рассматривая свое отражение в высоком, старинном зеркале. Натянув веко пальцем, она капризно надула губки.

Мишель оторвалась от изучения очередной газетной статьи, сообщающей о загадочном убийстве ведьмы, и посмотрела на старшую сестру. Моника небрежным движением перебросила густые черные волосы на плечо. Длинные прямые и блестящие, точно жидкий шелк. Приблизившись лицом к своему отражению, она наморщила аккуратный носик. Мишель, с трудом сдержав усмешку, склонила голову и окинула сестру придирчивым взглядом. Поведя бровью, она надменно хмыкнула.

— В твои годы иметь три мимические морщинки на лице — это сказка. Да, Эшли? Эшли?!

Услышав свое имя, я повернулась на звук и заморгала. Мишель недовольно поджала губы. Да, из нас троих я самая младшая и самая легкомысленная. Что ж поделаешь?! «Летаешь в облаках», как любит говорить Моника. И вовсе не летаю, а всячески стараюсь избегать участия в пустых диалогах. Но ей я не скажу об этом. Сострою легкомысленную улыбочку, и сестра купится. Никогда не понимала, к чему устраивать истерики, стоя каждый раз перед зеркалом.... Обладая даром преображения, Моника могла скрыть любую морщинку и выглядеть всегда молодой и красивой. Но и без магии ее лицо было безупречным. Поэтому каждодневная самокритика сестры вызывала у меня, мягко говоря, раздражение.

Странно, но именно сегодня мне было совершенно безразлично, какой изъян на искусно размалеванном лице обнаружила Моника. Причиной стали тихие голоса в голове, о которых я, конечно, сестрам не сообщала. После кончины Линетт они все чаще звучали, нашептывали, причитали, чем сильно осложняли жизнь. Держа на коленях книгу, я старалась не подавать виду, что меня что-то беспокоит. Прислушивалась к странному шепоту, распутывала звуки, словно клубок нитей. Едва различила четкие слова, как шуршание ткани платья Моника спугнуло их. Это словно поймать нужную радиоволну, настроиться на частоту. Но подобно туману голоса ускользали, почуяв угрозу. В который раз я потерпела неудачу? Сбилась со счета. Пожалуй, соглашусь с сестрами — со стороны я выглядела странно.

— Это не аргумент, — выдохнула Моника, проводя ладонями по бедрам, туго обтянутым платьем. Плотная бордовая материя переливалась золотом, как парча при каждом движении сестры. Узкий покрой наряда выгодно подчеркивал идеальные изгибы ее тела. А цвет гармонировал со смуглой кожей. Она шла в ногу с модой, умела и любила стильно одеваться.

Я, Мишель и Моника — не родные сестры. Моника Лизбен — моя кровная родственница по троюродной сестре матери. Не слишком сложно? Она рано потеряла родителей и выросла в приюте — в Храме Цветения рядом со Стоксом, что на окраине Эгморра. К слову, туда отправляли всех сирот магов. Служительницы принимали несчастных детей и обучали всему, что знали сами. Они-то и привили Монике любовь к себе. Чрезмерную.

Наша средняя сестра, Мишель Ортис, недавно переехала в мой дом из Вагруса —

города, затерявшегося среди холмов Эгморра. Обитель спокойствия, скрытая от внешнего мира. Мишель — дочь сестры моего отца. Ее родителей несколько лет назад не стало, хозяйство и дом отобрали за неуплату налогов. Она была вынуждена искать жилье, но вспомнила обо мне. Совершенно случайно, как водится.

Я потеряла родителей в более сознательном возрасте, и рана на сердце до сих пор кровоточила. По версии полиции маму убил бэлморт. Отца сожгли заживо в родовом имении чуть позже. В ходе следствия размытые и высосанные из пальца улики указали опять же на охотников за головами — так бэлмортов называют маги. В запутанных делах всегда фигурируют эти наемные убийцы. Действительно, как легко и быстро закрываются дела, когда есть на кого все списать! Ведь их и искать не нужно. Служители закона предпочитают не связываться с теми, кого невозможно услышать и увидеть. Охотники, словно невидимки: любое магическое существо можно почувствовать. Мы ощущаем силу друг друга, как легкий ветерок, коснувшийся волос и дохнувший лицо, у каждого свой особенный, тонкий аромат сущности. Только не у бэлмортов: их нельзя выявить среди толпы, разглядеть или почуять, как любого другого волшебника. Совершенные убийцы. Идеальное зло.

Мама рассказывала о них, когда я была маленькой: в полумраке гостиной, где на камине дрожали свечи, она почти беззвучно шептала на ухо, будто боялась, что бэлморты могут нас услышать. Страшная история перед сном, от которой ночью снятся кошмары. Она говорила: «эти твари обладают способностью располагать к себе, внушают доверие. Они красивы и желанны, и если помотришь им в глаза — ты пропала! Смерть от их рук покажется благодатью, и умирать ты будешь с улыбкой на устах. Если в твоей жизни появится невозможно красивый мужчина, от взгляда которого захватывает дух — беги от него! Беги, куда глаза глядят!».

Я еще помню ее лицо, чувствую запах от вещей, но как последние крупинки в песочных часах, воспоминания исчезают, тая дымкой в воздухе. Все реже я прикасаюсь к предметам в ее спальне, будто боюсь, что истрочу последние частички маминой сущности, и в следующий раз не вдохну аромата духов и не смогу вспомнить такой дорогой сердцу взгляд каре-зеленых глаз...

Сложив газету, Мишель закатила глаза. Я всегда считала ее холодные черты притягательными, но не подходящими к мягкому доверчивому характеру. Покосившись на меня, она собрала копну темных волнистых волос и заплела в косу. Самовлюбленность Моника ее забавляла, но всему есть предел. Тяжело вздохнув, я захлопнула книгу и положила рядом с собой. Выдав милейшую из улыбок, ласково произнесла:

— Ты прекрасна, Моника. Какие могут быть сомнения?! Ты ведь это хочешь услышать?

И с этими словами поднялась с дивана. Моника возмущенно цыкнула и отвернулась, тут же утратив ко мне интерес. Лицезрение собственного отражения в зеркале ее привлекало куда больше. Она может стоять так полдня и разглядывать себя, поворачиваясь вокруг оси и строя шутливые мордочки. А в наши обязанности входит слащавая лесть и уверения в том, что очаровательнее нее никого на свете нет. За восемь лет жизни под одной крышей этот способ провести выходной день в кругу семьи, откровенно говоря, приелся. В отличие от старшей сестры, я не торчу перед зеркалом и не люблюсь своим внешним видом. Достаточно десяти минут для того, чтобы нанести макияж и провести пару раз расческой по волосам. Нет, я ухаживаю за собой, шкаф ломится от одежды, но я не настолько помешана на себе.

Я остановилась в дверях и через плечо вопросительно посмотрела на Мишель. Вздохнув, она вновь устала в газету. Довольно улыбнувшись, я побрела на кухню вниз по винтовой

лестнице.

Дом достался мне от матери. Живописный уголок города, превосходный вид на чистейшее озеро Аллабор, в котором плещутся дикие утки и мелкие, разноцветные рыбки. Сад, благоухающий жасмином и изысканной флуфией — деревом с пестрыми, розово-белыми цветами, источающими дивный аромат. Они растут только в Эгморре, поэтому считаются деревом ведьм. Помню, как в детстве с мамой плели из его цветов венки.... Их запах ассоциируется у меня с добром и сердечным теплом. Когда на душе скребут кошки, я отправляюсь в сад, наслаждаюсь им и чувствую, как все проблемы тают, а мысли уносятся прочь.

Спустившись в просторную кухню, совмещенную со столовой, я подошла к окну, занимающему всю южную стену. Время стремилось к вечеру, и на улицах не было ни души. Тихий уголок города с рядами домов, разделенных узкой дорогой. Здесь порой за день не проедет ни одной машины. Нет, ведьмы не летают на метлах! Мы предпочитаем не выделяться из общей массы и разъезжаем на автомобилях. Есть у нас в арсенале несколько фокусов, но людям о них знать не стоит.

Легкие белые шторы колыхнулись на ветру, и перехватило дыхание. Кожа пошла рябью, внезапно стало не по себе. Необъяснимое ощущение заставило отстраниться от окна и обнять себя за плечи. В футболке и джинсовых шортах вдруг стало холодно. Залитая солнцем улица потемнела, утратила краски. Поблекли крыши домов, пожухла листва, флюгеры замерли, будто в испуге. В повисшей тишине раздался тихий гомон, переходящий в шепот. Слышался шорох перьев, скрип старых половиц и свист сквозняков — странные звуки в голове складывались в мое имя. "Эшли"...

Резкий порыв ветра прогнул деревья, с ветвей сорвались стайки воронов с возмущенными криками. Вновь солнце золотило крыши, играло лучами на сочной зелени. Что это было? Я кончиками пальцев коснулась кулона — холодный, безмятежный камень тускло поблескивал. На изгородь, дверь и окна наложены чары-ловушки. Чужаку ни за что не пройти незамеченным. Если кто-то посторонний проникнет за забор, то каждая из нас почувствует. Это сложно описать: чувство тревоги, легкое покалывание на коже, но не то, что сейчас испытала я.

Шаги со стороны лестницы отвлекли от раздумий, и я резко обернулась. Мишель не спеша спускалась, складывая на ходу газету вдвое. На ней струились белые свободные брюки, декорированные сборкой внизу. Под полупрозрачной майкой на тонких бретелях угадывалось черное белье. Переложив корреспонденцию в левую руку, правой она сбросила густую косу с плеча.

— Это начинает утомлять, — низким голосом произнесла она и подошла к холодильнику.

Ее появление спугнуло наваждение, и я была этому рада. Мишель — эмпат. Ей нелегко приходится среди людей, чужие мысли и переживания мучают сестру день изо дня. Она не любит, как я, бродить по улицам. Ей вполне хватает общения с покупателями в своем магазине, чтобы набить голову чужой болью и злобой. Ворчливость и плохое настроение по утрам — это еще полбеды. Странно, как она еще не свихнулась.

Я прошлепала босыми ногами к островку в центре кухни, на котором стоял графин с цитрусовым соком. Налив напиток в изогнутый стакан, я оперлась локтями на столешницу и огляделась. Светлые стены, покрытые декоративной штукатуркой, повсюду цветочные детали. Потолок с лепниной, восточную стену полностью занимает кухонный бирюзовый

гарнитур, украшенный завитками и причудливыми линиями. Мама любила этот дом и своими руками расписывала его. Но прошли годы, возникла необходимость делать ремонт. Я постаралась по возможности сохранить плоды ее творений, на память. Цветы и узоры — выражение ее нежности. Встроенная техника, наливной пол и подсветка — современные тенденции и необходимость.

Достав из морозилки лоток с мороженым, Мишель подошла к островку. Выдвинув из-под него ногой высокий барный стул, сел напротив меня. Она открыла лоток, погрузила в него ложку и, увлеченно высунув язык, принялась мять сливочное лакомство.

— Ты во время сбежала. Еще немного, и она включила бы мамочку.

— У меня все впереди.

— Неужели ей самой не надоедает? — с вдумчивым видом Мишель поднесла ложку ко рту.

— А что, если мы станем такими же лет через сто? — задумчиво протянула я, и Мишель замерла. Медленно подняв на меня взгляд, она вложила в него все возмущение, на которое была способна.

— Через сто лет мне стукнет сто пятьдесят два. Не порть мне и так паршивое настроение, — пробубнила сестра с набитым ртом.

— У тебя оно каждый день такое, — парировала я.

— Напугала, тоже мне! Можно подумать, я буду девочкой! На сколько ты старше меня? На семь лет?!

Мишель взглянула на меня исподлобья, загребая ложкой мороженое.

— И вообще, что с тобой такое? — спросила я и отпила из стакана. Поднеся ложку ко рту, сестра замерла и раздраженно прикрыла глаза. Затем медленно опустив ее в лоток, посмотрела на меня так, будто хотела сжечь взглядом на месте. Я невинно похлопала ресницами.

— Читай хоть иногда прессу, и будешь знать, что творится вокруг.

— Не хочу забивать голову ерундой. И тебе не советую.

— Странно слышать это от тебя, Эш. Не ты ли вечно путаешься под ногами у копов, разнюхивая подробности преступлений?! В Хайенвилле, что ни день, то новая напасть: вампиры, зомби, а теперь истребляют ведьм! — она проговорила это с таким видом, будто ей лично пришлось разгрести перечисленный кавардак. — Вот где бы ты разгулялась от души!

Я холодно вздернула брови, но скрыть насмешливую улыбку не смогла. Мишель даже бухтит забавно.

— Ведьм не так просто убить, — рассудительно отметила Моника, спускаясь по лестнице. Коснувшись розового круглого кулона на шее, она безмятежно улыбнулась:— Свет оберегает нас, а его, как знаешь, невозможно снять. Бэлморты в тех местах не водятся, так что я не вижу смысла верить словам репортеров, дорогая! Либо полиция ошибается, либо это были не ведьмы.

Бэлморты в тех местах не водятся.... Словно мы говорим о каком-то редком виде животных! На самом деле они обитают там, где существ магического вида особенно много, в мире людей им делать нечего. Какой интерес истреблять смертных? У них нет ценных способностей, за которые можно срубить неплохой гонорар. Поэтому бэлморты — неотъемлемая часть волшебного сообщества. Как и в природе, хищники поселяются поближе к дичи, чтобы охотиться. Так и они. И на месте Моника я бы не стала с пренебрежением

отзываться о них. Как-никак, бэлмортам нет равных в силе и скорости, и, конечно же, жестокости и бессердечности.

Придерживая подол длинного платья, Моника спустилась на кухню.

— В нашем городе тоже убили мага, — возразила Мишель.

— Если ты о Майкле Бишоу, — Моника брезгливо перекинулась, — об этом озабоченном аптекаре, норовящем ухватить за задницу всех девушек, мимо которых проезжал на своем кривом потрепанном велосипеде, то поделом ему!

— Он был магом-целителем, — отметила я голосом, лишенным эмоций.

— Интересно, от чего он исцелял несчастных, попавших ему под руку в прямом смысле этого слова?!

— Его убили бэлморты, сердце испепелили. Так и обнаружили тело с черной, обугленной дырой в груди. — Мишель трагично вздохнула: — Бишоу был моим поставщиком ингредиентов для снадобий.

Устроившись на высоком стуле, я задумалась над словами Мишель и взяла в руки газету. Труп аптекаря нашли дома рано утром.... По словам соседей, ничего подозрительного они не слышали и не видели. Но кто-то же лишил жизни и оставил Бишоу лежать бездыханным прямо на полу гостиной? И в грудной клетке зияла выжженная дыра. На том месте, где должно было быть сердце. Воображение внезапно нарисовало перекошенное от ужаса лицо аптекаря, и меня передернуло. В размышлениях не заметила, что комкаю в руках страницы печатного издания, а они превращаются в бутоны цветов. Передо мной скопилась гора разноцветных пионов, лилий и роз. Ойкнув, я осторожно отодвинула к краю стола наколованную растительность и незаметно смахнула на пол. Убедившись, что сестры настолько увлечены спором, что не увидели мою маленькую шалость, облегченно вздохнула и отпила из стакана.

— Полиция любит валить на бэлмортов, когда детективы не способны раскрыть дело! — всплеснув руками, Моника быстрым шагом обошла островок и резко остановилась, посмотрев под ноги. — Повсюду цветы! Найди уже применение своим способностям, пока дом не превратился в огромную клумбу!

— Началось, — злорадно протянула Мишель и запихнула ложку мороженого в рот.

В ответ я состроила кислую гримасу. Хмыкнув, Моника вскинула головой и направилась к шкафчику со сладостями. Живет в моем доме, но с упорной регулярностью делает замечания и бесцеремонно хозяйничает.... Мне следовало бы быть жёстче, но я отдавал себе отчет в том, на какие жертвы иду, давая Монике согласие на въезд. Вошла в ее положение, предоставила угол в трудный период жизни, который давным-давно прошел, между прочим. А она по-прежнему живет со мной под одной крышей! Я могла бы попросить ее найти жилье и съехать, но кровная связь и мягкий характер не позволяют.... К тому же, за годы я привыкла к ее назидательному тону, истерикам у зеркала и покровительственному отношению. Научилась не обращать внимания.

— Я еще не определилась, — сухо бросила я и отпила из стакана. Моника повернулась ко мне лицом.

— Счет в банке, оставленный тебе родителями, медленно тает. Линетт больше нет, Эшли. Чего ты ждешь?

— Жду того светлого момента, когда тебя перестанет волновать данный вопрос. Как-нибудь разберусь, не переживай, — я растянула губы в ледяной улыбке. Сестра фыркнула и быстро отвернулась.

О ногу потерялся кот, и я непроизвольно покрылась мурашками — нежный мех скользил по коже. Посмотрев вниз, я улыбнулась Персику — рыжему коту с глазами цвета янтаря. Пушистый, с блестящей длинной шерстью, крупный и энергичный зверёк. Мы обнаружили его у калитки почти шесть лет назад: милый комочек в корзинке! И из этого комочка выросло необычной красоты животное, покладистое и ласковое.

— Персик любит только тебя, — проронила Мишель и запихнула в рот очередную ложку с мороженым. — О мои ноги он так не трется.

— Слышу сожаление в голосе, — отметила Моника, усаживаясь за стол с упаковкой шоколадных печений. Ее голос сочился ехидством, как и очаровательная улыбка. Мишель пождала губы.

— У меня есть Джош. Зачем мне кот?!

— Он так же трется о тебя? — иронично изумилась старшая сестра, ерзя на стуле. — Никогда бы не подумала, что он способен на такое! — Моника тихо рассмеялась.

Если тема разговора зашла о Джоше, то можно посочувствовать Мишель и из женской солидарности постараться не принимать в нем участия. Достаточно того, что Моника каждый день изводит ее. Посчитав, что мое общество сестрам не так уж и обходимо, я покинула кухню и поднялась на второй этаж в свою спальню. Возникла острая необходимость в свежем воздухе и ответах на вопросы, созревшие в голове. Мишель прекрасно знала, чем меня легко заинтересовать. Новое убийство в городе. Убийство мага, черт возьми! А это нонсенс. Волшебный народ не умирает от старости и не охотится друг на друга — мы бессмертны и несем жуткое наказание за злодеяния. Для убийств и существуют бэлморты.

На скорую руку я нанесла макияж и расчесала волосы. От мамы мне досталась фарфоровая кожа, каштановые локоны и зеленые глаза. Рядом с сестрами, обладающими южной внешностью, я была белой вороной. Натянув синие узкие джинсы, трикотажную белую кофточку с рукавами три четверти и ассиметричной горловиной, сунув ноги в черные туфли, надела черный плащ и шмыгнула на лестницу. Моника и Мишель продолжали жарко спорить, но уйти незамеченной мне так и не удалось. Стоило пробраться в холл, в который плавно перетекала кухня, и Моника вытянула шею, выглядывая в проход. Пришлось подать голос:

— Пойду, прогуляюсь.

— Куда ты все время уходишь? — донесся ее голос, но я уже закрывала дверь.

Глава 3

Теплый ветер дохнул в лицо, разметал волосы по плечам. Я замерла на пороге веранды и огляделась. Осень только вступала в свои права, на улице стояла по-августовски теплая погода. Листва на деревьях не успела пожелтеть, трава продолжала зеленеть, а цветы благоухать, и разве что запах приближающейся прохлады напоминал о том, что лето закончилось.

Ступив на дорожку из белых плоских камней, вьющуюся от автоматической кованой калитки к дому, я поежилась. Что-то воображение разыгралось. Дорожка извивалась змеей по всему саду и убегала к водоему, скрытому зарослями флуций. Из-за защитных чар казалось, что за невысоким забором совсем другой мир. Ощущение магии и многослойных заклятий улетучивается, стоит выйти за калитку. Этот невидимый барьер, как прозрачное желе, не пропускает чары извне.

Я подошла к гаражу. Мой автомобиль красного цвета — спортивная модель с просторным кожаным салоном. Проведя ладонью по капоту, я улыбнулась — эта машина всегда вызывала у меня восхищение. Внутри можно сидеть часами, не заводя двигатель, просто наслаждаться запахом дорогой обивки. Но сегодня захотелось развеяться и повидаться с лучшей и единственной подругой.

Мимо мелькали пестрые улицы, огни вечернего города и фары встречных машин. Еще не стемнело, но скоро Мортелль окутают густые сумерки, и я встречу с Лорелеей. Она русалка, потомок древнего морского рода, от которого почти никого не осталось. Желанная добыча для любого колдуна, но ей удавалось до сих пор скрываться от бэлмортвов. Боюсь представить, сколько Лорелее лет... Кружа по городу, я решила остановиться около кафе с летней террасой. Но на парковке не оказалось свободных мест. Вроде бы только среда, а машину поставить некуда, как в субботний вечер. Объехав заведение со всех возможных сторон, я плюнула и припарковалась напротив входа. Внутренний голос предупреждал о том, что затея, мягко говоря, идиотская, и кругом полно других забегаловок, но хотелось остаться именно здесь. Меня тянуло сюда, а я привыкла прислушиваться к чутью. Хотя редко что-то хорошее из этого выходит.

Заняв столик под навесом из желтых ирисов, я заказала чашечку кофе с шоколадным сиропом и приготовилась ждать закат. Лорелея выходит на сушу только с наступлением ночи и работает на пристани в баре «Сирена». Однако ждать ее там не лучшая идея — толпа пьяных моряков все-таки сомнительная компания. Без нее я стараюсь не наведываться туда.

Внезапный порыв ветра заставил передернуть плечами. По коже поползли мурашки. Ощущение, будто меня настигает тьма, протягивает липкие ледяные пальцы и пытается схватить. И она повсюду. С недавних пор я часто чувствую ее, и с каждым днем только острее. Будто кто-то или что-то преследует меня, не покидает ни на мгновение, и если зазеваюсь, поглотит целиком. Поблизости не было магов, я верю своему чутью, но что-то тревожило душу. Решив отвлечься, я разглядывала интерьер кафе, изучала детали декора, лица посетителей. Деревянные ящики-клумбы с пушистыми хризантемами служили живым ограждением и разделяли ряды столиков, застеленных красно-белыми клетчатыми скатертями. Вьюнки с белыми и желтыми цветами обвивали колонны, держащие навес. В глубине вместительного зала пряталась кухня за плетеной белой стеной, тут же конторка администратора. Справа — высокая птичья клетка. В ней пестрый, желто-синий попугай с

длинным красивым хвостом и не менее привлекательным хохолком проворно крутился на жердочке, воображая перед посетителями за кусочек пирожного.

Кофе принесла симпатичная шатенка в розовом переднике и мгновенно испарилась. Напиток источал тонкий аромат ванили, а нежная пенка вызывала желание немедленно пригубить его. Но едва я поднесла чашку к губам, как раздался сигнал полицейской сирены. Патрульные любят сообщать о своем приближении, будто сидели в засаде и наблюдали, а стоило мне принять удобное положение и расслабиться, как они тут как тут. Замерев, словно губы примерзли к чашке, я зажмурилась. Снова нахлынуло неприятное предчувствие, снова внутри все задрожало. Я обернулась на звук подъезжающей машины, медленно опустив чашку на стол трясущейся рукой.

— Леди, это ваш автомобиль? — спросил приятный мужской голос.

Силясь изобразить приветливую улыбку, я повернулась лицом к патрульному. Привлекательный, лет двадцати семи на вид. Выразительные голубые глаза, короткие светлые волосы и атлетичное телосложение. Он был красив по-мужски, и если бы не строго поджатые губы, показался бы даже смазливый. Морщинки в уголках век говорили о том, что он устал. Окинув его оценивающим взглядом снизу вверх, я подумала, что веду себя крайне неприлично. Правильная Эшли глазеет на копа? Это при живом-то кавалере-детективе. Улыбнувшись своим мыслям, я опустила голову, чтобы он не видел. Но он видел. И не остался равнодушным. Прищурившись, патрульный невольно улыбнулся в ответ. И его лицо озарилось. Движение глаз, небрежный поворот головы, привычный жест — вспышка его индивидуальности, и у меня сбился пульс.

— Да, — я посмотрела на бейджик, только бы скрыть неловкость, — офицер Шерман.

— Вы припарковались в неположенном месте, — деловито сообщил он и вынул блокнот из нагрудного кармана форменной рубашки. — Я выпишу вам квитанцию на оплату штрафа.

— Стоянка оказалась забита, — пролепетала я, сама не понимая, зачем оправдываюсь. Замолчав, я быстро отпила из чашки. Какая же ты дура, Эшли! Бесцеремонно поставив ногу на бампер моей машины, офицер положил блокнот на колено и принялся заполнять квитанцию. Я украдкой разглядывала его, затаив дыхание. — Ничего лучше не придумала, как бросить автомобиль здесь.

Я ловила его ускользающий взгляд и тонула в нем. Там, под этой небесной синевой плескалось нечто темное, запретное. Это чертовски привлекало.

Посмотрев на меня исподлобья, вскользь, патрульный усмехнулся.

— Бывает.

— Глупо получилось, — пробормотала я и снова мысленно чертыхнулась. Что со мной? Зачем я несу этот наивный бред?! Ему плевать на мои трудности. Сколько нарушителей офицеру Шерману приходится ловить каждый день? Предостаточно, чтобы выработался иммунитет к отговоркам и оправданиям. Шерман повел бровью, с сомнением поглядев на меня. Я одарила его коронной обворожительной улыбкой. Бесполезно. Он утратил ко мне интерес и, нахмурившись, продолжил заполнять бланк.

— В следующий раз поищите парковочное место, — рассудительно произнес он.

Каждое слово, произнесенное им, пронзало сердце. Я старалась не глазеть, но не могла удержаться. Однажды повстречавшись с Шерманом взглядом, обомлела и залилась краской. Глупо моргая, я уставилась в чашку. Что же это такое?!

— Знаю, что это не так легко, как кажется. Но, по крайней мере, вы будете спокойны и избежите недоразумений с полицией.

— Недоразумения с полицией — нормальное для меня явление, — вздохнув, прошептала я.

Офицер заполнил квитанцию и оторвал ее от блокнота. Подсунул ее под дворники моей машины.

— Надеюсь, кофе того стоил, — обезоруживающе улыбнувшись на прощание, он сел в служебный автомобиль и унесся следить за порядком на улицах города. В душе будто что-то надорвалось — меня охватило ощущение необъяснимой утраты и разочарования. Неприятный осадок, от которого никак не избавиться. Словно я упустила очень важный момент в своей жизни, и другого случая не подвернется. Полицейский своим мимолетным появлением произвел неизгладимое впечатление, тронул сердце. И то, что произошло, оказалось сильнее меня.

Глава 4

Бар «Сирена» походил на старинную постройку с резными деревянными ставнями, маленькими окошками и высокими потолками. Обветшалые серые стены, как у давно забытого сараюшки, которого не пощадило время. Оригинальная железная крыша в форме морской раковины с флюгером — парусником, высокая дверь и резной штурвал над входом. Все кричало о том, что строил его моряк до мозга костей для таких же, как он, моряков, чтобы те себя чувствовали здесь комфортно и уютно.

Открыв скрипучую тяжелую дверь, я попала в обитель пьянства, но определенно недешевого, как могло показаться со стороны. В деталях интерьера был заметен морской стиль, будто попадаешь в каюту дорогой яхты с ламинированными полами и оббитыми деревом стенами. Стулья с резными высокими спинками тянулись вдоль округлой барной стойки, мягкие бежевые диванчики окружали низкие квадратные столики, а над ними свисали светильники-жемчужины. Барная стойка, похожая на риф, окруженный водопадом — игра света и немного магии. Естественно, на ощупь вода всего лишь дым, но надо отдать должное хозяину заведения — смотрелось весьма эффектно.

Посетителей в этот час оказалось немного, но шуму они производили, как стадион подвыпивших болельщиков. За стойкой вальяжно расхаживал крупный мужчина с не сходящей с лица широкой улыбкой. Он напоминал сытого гуся, обходящего свои владения — хозяин бара, Джереми, собственной персоной. По совместительству бармен. Не то, чтобы у заведения дела шли плохо — напротив, Джереми любил общаться со своими клиентами, слушать их истории.

По залу сновали проворные официантки, преимущественно блондинки, в зеленых кружевных передниках, переливающихся, словно рыба чешуя. И одна девушка выделялась больше других. Белокурые, волнистые волосы ниже талии, фарфоровая кожа, глаза цвета морской волны, и невероятно нежные, тонкие черты лица. От ее улыбки даже я боялась ослепнуть. На вид ей не дать больше двадцати трех, но истинный возраст русалки сложно представить. Триста-четырееста... Цифры не имеют значения, когда так потрясающе выглядишь. Мне по меркам мира магов едва исполнилось двадцать пять, хотя по летоисчислению людей давно перевалило за пятьдесят. Маги не стареют, как смертные. Если Монике давно перевалило за сто, а она выглядела на тридцать, считайте сами... Но как же Лорелее удавалось скрываться от бэлмортов на протяжении стольких лет? Тайна, скрытая в глубинах океана.

Грациозно оправив волосы, Лорелея блеснула жемчужной улыбкой. Сопровождаемая восхищенными взглядами посетителей, она направилась в мою сторону. Я заняла столик в тени, куда свет тусклых мерцающих ламп почти не проникал. Завсегдатаи жались к бару, но были и те, кто жаждал уединения. В противоположном углу зала бросался в глаза статный мужчина в дорогом костюме, волосы — перец с солью. В компании пышной дамы в сверкающем синем платье он распивал бутылку рома за ужином из запеченной рыбы с сыром и овощами. Аромат шел такой, что желудок жалобно свернулся. Две девушки, весело смеясь, заказали вторую бутылку шампанского. Сидящий рядом подвыпивший мужчина лет сорока с редкой бородкой и хитро бегающими глазками, подмигивал им, опрокидывая в себя неизвестно какую по счету рюмку коньяка. Клетчатая красная рубашка, серый шарф на шее, татуировка в виде якоря на запястье, и запах рыбы выдавал в нем моряка.

Несмотря на то, что Лорелея достаточно много времени проводила в окружении пьяных моряков, она продолжала оставаться милой, утонченной девушкой. Внешне. Иногда, все же, пребывание в сомнительной компании сказывалось и проявлялось потоком брани и своеобразного юмора. Не хуже, чем у заправского матроса. Довольно странный коктейль получался.... Красавица, выражающая эмоции крепким словцом, от которого даже я, привыкшая к причудам подруги, краснела до кончиков волос.

Но не только издержки профессии повлияли на характер и привычки Лорелеи. Ее возраст исчислялся в веках, а она оставалась юной и прекрасной. Русалок в мире совсем немного, этот диковинный род магических существ беспощадно истребляли на протяжении нескольких тысячелетий. Морской народ хоть и водился в глубинах океанов и морей, не ходил на нерест и не метал икру в отличие от рыб. Русалки появлялись на свет точно так же, как и люди, но значительно реже, поэтому их вид всегда был немногочислен и считался редким. А из-за предрассудков смертных и морского фольклора, в котором русалки привставали монстрами. Они якобы заманивали моряков и утягивали их на дно, высасывали жизнь и похищали девственниц. Веря в эту несусветную чушь, люди истребляли их. На самом деле все намного прозаичнее: русалкам необходимо продолжать род, а без мужчин это сделать несколько проблематично. Не буду углубляться в историю, и перебирать байки, но выскажу свою версию, опираясь на рассказы мамы. Как-то одному пьяному матросу посчастливилось встретить прекрасную, как море в закатных лучах, девушку. Он провел с ней ночь и случайно утонул — на рассвете она ушла обратно в море, а он бросился за ней. Сказке, по сути, конец, но люди на протяжении веков придумывали продолжение и пикантные подробности, порочащие честное имя русалок.

У Лорелеи авантюрный характер. Сколько раз мы бросались в сомнительные приключения и оказывались на волоске.... Нет, не от гибели. Нам чудом удавалось избежать проблем с полицией. Будь то проникновение в дом, в котором, по словам соседей, обитали призраки, или произошло ужасное убийство. Слежка за подозрительными типами, сболтнувшими лишнего у барной стойки, или поиски волшебных артефактов, описанных в старых магических книгах, владельцами которых случайным и нечестным образом стали смертные... Нами двигала нехватка адреналина и нездоровое любопытство. Если я изучала магический народ и наблюдала за отдельными видами в целях просвещения, то для Лорелеи наши проделки являлись веселыми и увлекательными детскими забавами. Она гораздо старше меня, но в душе оставалась ребенком и безрассудно бросалась в омут с головой. Пробраться в соседский сад и обтрясти яблоню — то же самое, что для нас влезть в полицейское расследование и найти преступника быстрее детективов. Всего-то безобидное хобби.....

Мы познакомились, когда я бежала от преследовавших меня двоих патрульных. В очередной раз пытливый ум и легкомыслие завели неутомимую Эшли слишком далеко. Я пробралась в дом, в котором произошло убийство, рассчитывая найти то, что пропустила полиция. Я вижу то, что не видят другие, что скрывает магия или иные силы. Это мой особенный дар. И порой находки помогают поймать преступника. Если повезет. Чаще я нарываюсь на неприятности. И, в очередной раз, я последовала зову любопытства и попала. Чудом унеся ноги, я скиталась по городу, перебегая от куста до куста, пролетая над крышами зданий. Пока не оказалась перед баром, в котором работала и по сей день работает Лорелея. Она заметила меня, стоя у самого дальнего стола с подносом в руках. Приподняв бровь, быстрым шагом прошла через зал, поставила заказ на барную стойку.

Проходя мимо, она взяла меня за руку и увела вглубь бара. Заметив с первого взгляда во мне родственную душу, утаила от полиции и напоила крепким кофе. Мы подружились с первого дня, стали друг для друга сестрами, понимающими с полуслова и мимолетного взгляда, которых нам так не хватало всю жизнь.

Еще один персонаж являлся неотъемлемой частью антуража бара. Странник. Он старался оставаться незамеченным, но привлекал мое внимание загадочностью и скрытностью. Его столик в дальнем углу зала никто не занимал — с наступлением вечера мужчина в черной толстовке с капюшоном прикуривал сигарету, растворяясь в местной обстановке. Пуская кольца дыма, казалось, не замечал происходящего вокруг. Каждый раз я украдкой рассматривала его, надеясь уловить момент и увидеть лицо. Но тщетно. Его образ окутан мистикой, под капюшоном — крошечный мрак. Обычных людей он отталкивал, но только не меня.

Не раз я пыталась понять, кто передо мной. Пробовала на вкус его ауру, прислушивалась к ощущениям.... Ни капли магии, ни намек на потустороннюю сущность, будто я сижу напротив платяного шкафа. Холодность и отчужденность Странника завораживала, благоговейно глядя во мрак под капюшоном, я играла в его игры. Отвечать вопросом на вопрос — его излюбленная забава. Он раздражал, доводил до кипения, но мне была нужна информация. Несмотря на манеру говорить загадками и действовать на нервы, Странник хороший слушатель и всегда давал ценные советы, хоть и держал на расстоянии. Не могу утверждать, что мы друзья или хотя бы приятели, но твердо убеждена — я могу довериться ему, открыться. Услышанное Странник оставит при себе, все останется между нами и только.

Не моргая, я следила за мужчиной в капюшоне, надеясь уловить момент и рассмотреть лицо, но обзор загородила Лорелея. Она иногда обижалась, думая, что я прихожу в бар под предлогом встречи с ней, но истинной целью моего визита является именно он. К чему лукавить — иногда я так и поступала, но только чтобы потешить самолюбие Странника. Ведь все равно потом проболтаюсь подруге.

Лорелея скользнула мимо, обходя меня. Настолько близко, что лицо защекотала магия, прохладная и свежая, пахнущая морем. Ее золотые локоны коснулись моих плеч. Я обернулась, почувствовав, что она улыбается. И улыбнулась в ответ, посмотрев в сияющие лазурью глаза.

Глава 4(продолжение)

— Я успела соскучиться, Эшли Браун, — строго проговорила она, хотя улыбка с губ не сходила. Остановившись напротив, русалка спрятала блокнот для заказов в карман передника.

— Мы не виделись два дня, — подыграла ей я, вздернув бровь, и сложила руки на столе. — За такой короткий срок в мире не произошло ничего интересного для нас.

— Вот я и говорю, — хмыкнула она, — что успела соскучиться.

— Ты становишься кровожадной, Лорелея, — я с укором склонила голову на бок. Она надула обиженно губки и топнула ножкой.

— Я устала и хочу развеяться. Мне надоели пресные будни с подносом в руках. Каждый вечер одна и та же картина, одни и те же лица. Упившиеся матросы своими грязными мозолистыми щупальцами норовят залезть под передник. Надоело, — она состроила брезгливую мину. — Душа жаждет острых ощущений, чтобы хоть немного приглушить желание убивать их и с упоением скармливать планктону.

— Очень интересно, — усмехнулась я. — Даже не знаю, чем тебе помочь. Похоже, ты зависима от адреналина, дорогая. Посмотрю, что смогу сделать.

— Поговаривают, что в Мортелль вернулись бэлморты, — проговорила Лорелея, глядя в потолок. Улыбка с моих губ медленно сползла.

— Это Странник тебе сказал? У полиции нет доказательств....

— Какая разница? Мы их найдем и разоблачим, скормим рыбам, и в городе воцарится спокойствие! — тихо, но с чувством произнесла Лорелея. Ее лицо озарило сумасшедшее воодушевление, и мне стало немного не по себе, на мгновение. Если бы она заговорщически подмигнула и потеряла ладошки, я бы забила тревогу, но этого не произошло. Пока. — Они же убили Бишоу!

— Они? — с сомнением протянула я. Всю жизнь я искала встречи с бэлмортами — из профессионального и личного любопытства. И, конечно, желая узнать правду о гибели родителей. Но довольствовалась исключительно слухами. Их никто не видел, а кто видел — уже умер. Таинственность и мрачность, вызывающие волнительный трепет.... Они работают группами или в одиночку, по четко отработанной схеме. Но делать выводы, анализируя одно-единственное убийство, я бы не спешила. Полиции выгодно свалить вину на бэлмортов, ведь их невозможно поймать.

Русалка важно кивнула, но вдруг она округлила глаза и помотала головой:

— Я не имела в виду, что их было несколько! Образно выразилась — они, бэлморты. В любом случае, мы должны вмешаться и все разнюхать.

— Любопытно, какова численность их могучего народа? — задумчиво изрекла я и надменно хмыкнула. — Десятки. Сотни, тысячи...?

— Они были созданы убивать, и не важно, сколько их, — громким шепотом ответила Лорелея и поджала губы. — Неужели ты боишься, Эшли?

— Я? — иронично вскинув брови, я внимательно посмотрела на русалку. — Я не хочу лезть на рожон, не подкрепив слухи доказательствами.

— Поверь мне, Эшли. В городе появился бэлморт. Один или десяток — неважно, мурену им в зад!

Наморщив носик, я зажмурилась. Всего на миг, делая вид, что не разобрала последних

ее слов. Нет, я не неженка, но слышать из уст Лорелеи подобные ругательства как-то странно и неудобно, словно я сама брякнула что-то похабное.

— Откуда ты так просвещена.... А, — я понимающе кивнула и, сложив перед собой руки, посмотрела на мужчину в капюшоне. — Странник.

— Да, — нехотя ответила она и скорчила рожу. — Он все знает, все видит.... Я доверяю ему.

— Или тебя интригует и привлекает его таинственность? — я побарабанила пальцами по столу, покосившись на Лорелею. Она возмущенно вытянула губы. — А вдруг он обыкновенный бездомный, скрывающий лицо под капюшоном, чтобы обвести вокруг пальца наивную девушку? Всю ночь сидит здесь, ничего не заказывает, а утром его и след простыл.

— Нет, Эшли, — шепотом возразила русалка, неожиданно потупив взгляд. — Он хороший. Не ты ли бегаешь к нему за советами?

Я медленно подалась вперед.

— За советами, да. И полученную информацию предпочитаю фильтровать и проверять. Ты, наверно, знаешь, кто он на самом деле, раз веришь каждому слову? — выпалив, я тяжело вздохнула и откинулась на спинку стула. — Прости.

Подруга села напротив меня за столик и посмотрела внимательно в глаза.

— Я мало, кому доверяю. Иначе бы не прожила столько, — вздохнув, она покосилась на Странника. — Он ни разу не обманул. Разве это не повод поверить ему снова?

— Возможно, ты права, — согласилась я и погладила русалку по тыльной стороне ладони. — Ты не принесешь мне чашечку кофе?

— С удовольствием! — Лорелея вскочила с места и, взмахнув водопадом волос, унеслась на кухню. Я же поднялась из-за стола и направилась в самый темный и укромный уголок зала. Опустилась на стул напротив Странника и едва не закашлялась от табачного дыма, висящего неподвижным облаком над столиком. Сложив перед собой руки, уставилась в темноту под капюшоном, пытаясь разглядеть лицо. Но тщетно. Может, он настолько уродлив, что одним своим видом способен повергнуть в ужас? Вряд ли дело в комплексах. Тут что-то иное.

— Чего ты хочешь, Эшли? — спросил Странник бархатным, низким голосом, когда ему надоело мое пристальное внимание. По коже побежали ледяные мурашки.

— Это правда, что в город пожаловали охотники за головами? Это они убили Бишоу?

— Я тебе это сказал? — выпустив облако дыма, загадочно произнес он. Я даже не поняла — вопрос это был или утверждение.

— Нет, не важно, кто сказал. Так это правда?

— А что такое — правда?

Не выдержав, я хлопнула ладонью по столу. Он тихо рассмеялся.

— Я знаю, что они в Мортелле. Привела их цель, не приходится сомневаться. Но какая именно, и когда они уберутся из города — не могу ответить.

— В городе произошло убийство мага. Возможно, они уже выполнили задание и уберутся восвояси?!

— А ты хочешь, чтобы они покинули город? — вдумчиво спросил Странник. — Что, если их прислала Верховная Ведьма?

Одно только словосочетание «Верховная Ведьма» заставило задержать дыхание — это же правительница магов! Никто не видел ее. Волшебный народ довольствовался слухами, приходя в трепет от одного упоминания о ней. Она все видела, все слышала.... Но никому не

показывалась. Правила колдунами, прячась в своем замке, о местонахождении которого так же неизвестно. Вероятно, я должна была прийти в ужас после слов Странника, но я не боялась ее. Бэлмортам дарована честь служить ей, но, правда, в исключительных случаях. Линетт говорила, что правительнице приходилось прибегнуть к помощи охотников. Их способности крайне полезны, когда нужно наказать мага, преступившего закон волшебного мира. Мы не можем убивать. Кара за совершение высшего злодеяния ужасна — маг теряет человеческий облик, обращается в монстра, лишаясь способностей. Безумная форма жизни, ограниченная как физически, так и духовно. «Утерявших облик» казнят бэлморты по велению нашей правительницы. Более никому не по силам справиться с ними.

Когда-то и у бэлмортов был властелин. При нем темные маги не были столь безжалостными и алчными. Но поговаривают, что он трагически погиб от рук Верховной Ведьмы. Правда или нет — нам не дано узнать. Где бы он ни был, отныне они предоставлены самим себе и за звонкую монету охотно служат нашей правительнице. В знак благодарности она закрывает глаза на их смертоносный образ жизни. А, может, она боится, что бэлморты ополчатся против ее народа и истребят до последнего ребенка? Темные маги сильнее и быстрее любого из нас. Усмирить свору рожденных убивать монстров не под силу ни одному колдуну, даже самому великому. Найти управу на виртуозов перевоплощения невозможно.

Ведьмы, маги, феи и чародеи всегда жили среди людей. Втайне, постоянно меняя место жительства, чтобы не выделяться. Но полтора столетия назад мы выдали себя. В ту пору случилась война между колдунами и вампирами на людских землях. Истребили практически всех некромантов. Тогда-то люди и узнали, что сказочные существа — не выдумка, и все описанное в книгах, ну, почти все, действительно существует. Еще бы! Зарево на небе от бесконечного потока магии, день слился с ночью воедино, и солнечного света жители Эгморра не видели несколько недель. И только после того, как Верховная Ведьма, старейший из вампиров и правитель смертных не заключили мирный договор, кровопролитие прекратилось. Свинцовые тучи разогнал ветер, вампиры покинули страну, а маги остались и получили одобрение людей на соседство. В той войне бился мой отец. Он служил Верховной Ведьме.

С тех самых пор мы в равных правах со смертными — не скрываемся, когда нам стукнет за шестьдесят, и не боимся применять способности. Но исключительно во благо. Наши правители обговорили свод законов для магических существ, следуя которому мы имеем право применять магию в приготовлении пищи, украшении дома и города, в оздоровительных целях, но ни в коем случае на работе или в магазине, торгуясь с продавцом. Проще говоря, любое воздействие на человека с целью обогащения или причинения вреда преследуется по закону. Именно магов, потому что смертные не удостоились полномочий наказывать нас по своим канонам.

— Зачем ей это?! Она решила кого-то наказать? — не унималась я. — Кто-то провинился? Она же не может приказать убить только потому, что ей так заблагорассудилось?!

Загушив в пепельнице сигарету, Странник скрестил руки на груди. Я чувствовала, как он смотрит на меня, но не могла разглядеть глаз и черт лица. Ненавижу, когда меня видят, а я нет! Ощущаю себя слепым котенком, попавшим в капкан.

— Ты оставила мой вопрос без ответа, Эшли, — напомнил он, и я нахмурилась. — Если бэлморты уберутся из города, тебе станет легче? Я неплохо изучил тебя за годы и годы

нашего знакомства. Ты не угомонишься, пока не вывернешь полицейское расследование наизнанку и не убедишься в своей правоте. Зачем тебе все это? Хочешь выяснить, за что они убили твоих родителей? Узнать, кто их заказал?

— Еще несколько лет назад я бы ответила именно так.

— Не лезь к бэлмортам, они не станут отвечать на твои вопросы, — отрезал Странник ледяным тоном.

Он будто чувствовал, что я лгу. Видел меня насквозь, читал мысли, и от этого рядом с ним становилось не по себе. В глубине души желание отыскать виновного в смерти родителей всегда двигало мной. Каждое расследование, в котором всплывали улики, указывающие на причастность бэлмортов, вызывало интерес. Я жаждала встречи с бэлмортами, думала, они могут пролить свет на тайну гибели мамы и папы, хотя осознавала всю глупость и опасность затеи. Но разве я не имею права знать, кому они помешали? Кто лишил меня семьи?

— Тебе жить надоело? Магия охотников за головами черпает силы из тьмы. Они могущественнее тебя, и в одиночку с ними не справиться. — он достал очередную сигарету из кармана толстовки рукой, одетой в перчатку. Прикурив, выпустил кольцо дыма к потолку. — Именно поэтому ни один колдун не может противостоять им. Да и безумцев, осмелившихся встать на дороге у бэлмортов, единицы. Мой тебе совет, Эшли: смирись. Ты напрасно связываешь каждое появление этих тварей, каждое убийство, совершенное ими, со смертью своих родных. Тем более, столько лет уже прошло.

— У несчастья нет срока давности, — я сглотнула ком в горле. — Но, к твоему сведению, я давно оставила эту безумную затею. Теперь мною движет желание помочь полиции и, конечно же, научный интерес.

Сохранять безразличный вид оказалось нелегко. Я всегда боялась того, что Странник может читать мои мысли. Разумеется, не из профессионального любопытства я искала встречи с темными магами. Запретное всегда манит. И мне хотелось взглянуть на них, ощутить, как в их присутствии замирает сердце. Бэлморты прекрасно уживаются с людьми, селятся по соседству и с легкостью сближаются с ними. Они пьют вместе коктейли по вечерам перед телевизором и приглядывают за их детьми. Смертные не представляют «рабочего» интереса, поэтому охотники за головами их не трогают. Но вот маги — совсем другое дело. Аура у бэлмортов прозрачна, в них невозможно распознать магическую сущность. По этой причине им ничего не стоит подобраться к цели и уничтожить. Но только в том случае, если маг заказан и за него обещана круглая сумма.

Волшебный народ не одобрял и не одобряет дозволения Верховной Ведьмы убивать за деньги. С каждым погибшим магом их негодование только растет, но мало кто понимает, как сложно держать все под контролем.

Вздыхнув, я склонила любопытно голову.

— Со мной все ясно, а вот ты откуда столько знаешь?

— А что я знаю? — он безразлично пожал плечами.

— Тогда какое тебе дело до моей любознательности и тем более безопасности? — я стиснула от злости зубы. — Прежде ты не проявлял заботы!

— Мне безразлично то, чем ты занимаешься. Я дал несколько советов, не более того. Не стоит принимать каждое мое слово за чистую монету и рассматривать, как инструкцию к дальнейшим действиям. Тебе кажется, будто ты меня знаешь? Нет, Эшли, — затушив сигарету в пепельнице, Странник откинулся на спинку стула. — Ты думаешь, что я

благодарен к тебе? Возможно. Я собираю информацию, анализировать ее в мои привычки не входит. Хочешь узнать, кто пожаловал в город? Я не дам тебе ответов, но укажу, где их искать. Ты знала, куда пришла, открывая дверь бара. На что-то рассчитывала? А рассчитывать не стоило ни на что.

— Но ты мне помогаешь, — тихо возразила я.

— С какой стати мне помогать тебе?

— Прекрати! — в сердцах воскликнула я и, сжав кулаки, вскочила со стула. Теплый, колеблющийся поток магии потек над столом к Страннику. Он ощутил импульсы моей вырвавшейся на свободу силы и замер, не успев поднести новую сигарету к губам. Дождавшись, когда магия коснется его, тихо усмехнулся и прикурил, тут же пустив белое облако дыма. Его небрежность пристыдила меня, но я не сжалась и не опустила головы, а спокойно села обратно за стол. Оправив плащ, как ни в чем не бывало, сложила руки перед собой. Странник демонстративно не обращал на меня внимания, и пришлось громко откашляться, чтобы привлечь его.

— Раньше ты не говорил так.

— Когда — раньше?

Я пожала плечами.

— Еще несколько месяцев назад я могла обратиться к тебе за помощью и быть уверена в твоей лояльности. Что же изменилось? Куда подевались отзывчивость и человечность?

— Отзывчивость? Человечность? — раздраженно переспросил Странник. — Я действительно обладаю этими качествами?

— Обладаешь. И ты был единственным человеком, к которому я могла прийти со своими бедами и получить дельный совет. Почти дружеский.

— Ладно, — примирительно произнес он. — Признаю, ты всегда мне нравилась, а точнее твое рвение спасти человечество. И я не видел ничего предосудительного в том, чтобы дать несколько наводок, способствующих продвижению твоего расследования.

— Откуда ты все узнаешь? Есть надежный источник?

— Умею слушать, смотреть, наблюдать, — Странник неопределенно передернул плечами. — Ничего сложного и незаконного.

— Ты знаешь, кто заказал моих родителей? — снова я решила попытать судьбу, но ответ Странника был очевиден.

— Нет. А даже если бы и знал, то не признался. Мне дорога моя шкура, знаешь ли, а ты себя не жалеешь. С тобой опасно иметь дело, Эшли.

— В чем причина перемены отношения ко мне? Своей назойливостью я стала раздражать Ваше Высочество?!

— Почему ты так решила? — без интонации спросил Странник.

Я сцепила пальцы рук перед собой и подалась вперед. Странник не реагировал на меня, продолжая пускать дым в потолок. Мой требовательный, пристальный взгляд начинал его нервировать, и, в конце концов, он сдался. Раздраженно цыкнув, опустил сигарету, положив руку на стол, и вопросительно склонил голову.

— Твои домыслы необоснованны. Ты не раздражаешь меня. Но я никогда не содействовал твоим делишкам. И тут ошибаешься. А то, что я делился информацией, нельзя назвать содействием. Я многим помогаю.

— Многие влезают в дома убитых и гонятся за бэлмортами? — ледяным голосом осведомилась я. Странник иронично рассмеялся.

— В этом тебе нет равных.

— Ты не помогаешь полиции, насколько мне известно. В баре постоянно сидишь в одиночестве, посетители обходят стороной подозрительного мужчину в черном капюшоне. Признайся, кроме меня тебе так же не с кем перекинуться словечком? Кто станет слушать человека, лица которого не видит, чью информацию невозможно проверить? Мне действительно нет равных — такую сумасшедшую стоит поискать! — я раздраженно хмыкнула.

Запрокинув голову, Странник тихо рассмеялся, и то был мягкий, похожий на мех, коснувшийся кожи, звук.

— Пожалуй, я соглашусь с тобой, Эшли. А теперь иди, — он выглянул мне за спину. — Твой кофе готов.

На миг удивление овладело мною, и я открыла рот, чтобы спросить, откуда он знает, что я заказала. Но, вспомнив, с кем имею дело, молча поднялась со стула.

Не успела я отъехать от пристани, как в кармане плаща зазвонил телефон. Не отвлекаясь от дороги и печальных раздумий, я достала его и мельком взглянула на дисплей. Лукас....

— Привет.

— Ты опаздываешь, Эшли. Неужели забыла? — в его мягком голосе промелькнула искорка досады.

Я непроизвольно улыбнулась.

— Нет, конечно. Скоро буду в «Феерии».

— Что-то случилось?

— По дороге заехала к Лорелее. И забыла о времени. Прости.

Ничего, — бесхитростно ответил он. — Приезжай скорее, я соскучился.

Убрав телефон обратно в карман, я покатила к ресторану. С Лукасом мы встречались больше трех лет, и я не знаю даты нашего знакомства. Это довольно-таки странно, потому что обычно девушки запоминают подобные вещи. Вероятно, из-за того, что я не испытывала особой страсти к нему. Скорее, позволяла себя любить. Мне спокойно с Лукасом, уютно. Звучит потребительно и цинично, но честно. Он надежный парень, и когда смотрит на меня, в его глазах светится тепло. Ему нравится меня баловать, потакать капризам. Это и приятно и бесит одновременно. Я не испытываю того трепета от прикосновений Лукаса, которого хотелось бы, но он заботлив и внимателен. И, как говорит Моника, влюблен в меня по уши. В моем сердце томятся нежные чувства к нему, но до любви они никогда не разгорятся. Наверно, по этой причине мне нет дела до того, сколько денег он тратит на то, чтобы порадовать меня и скрасить серые будни.

Плавающий ресторан «Феерия» — настоящий маленький остров. Он дрейфовал по огромному озеру Шайн, и сообщался с сушей при помощи подвесного моста. По-настоящему сказочное место. Здесь уютно и романтично. Вокруг ресторана раскинулись клумбы с сиреневыми и желтыми цветами, переплетающимися в разнообразные фигуры — то диковинные птицы, то бабочки, и даже олени. Позолоченные резные беседки, украшенные электрическими гирляндами цвета янтаря; дорожки, вымощенные мерцающими камнями. А в центре острова кухня — большая беседка с круговой стойкой. Вместо того, чтобы наслаждаться изысками кухни и мастерством поваров, посетители, разинув рты, глазели по сторонам. «Феерия» — далеко не единственное заведение, поражающее воображение. Но только здесь с наступлением вечера подсвечивалось дно озера. Таинственные огни под водой, стайки рыб, поблескивающие среди водорослей — завораживающее зрелище!

Миновав подвесной мост, сияющий желтыми светодиодами, я ступила на остров. Лукас встречал меня на дорожке. В том месте, где она разветвлялась и разбегалась в разные стороны к беседкам со столиками. Мне всегда нравились его каре-голубые глаза и обворожительная улыбка. Лукас спортивно сложен, у него короткий ежик русых, очень мягких на ощупь, волос. Я любила перебирать их пальцами, опустив голову ему на плечо. Сегодня в свете желтых огней и безупречно сидящем темно-сером костюме он и вовсе выглядел прекрасно. Как принц из сказки. При виде него должно бы сердце замирать, но не замирало. Иногда меня это огорчало.

Мягко притянув к себе за руку, Лукас легко коснулся губами моей щеки.

— Знала бы — оделась подобающе, — разочарованно протянула я. Мой вечерний наряд

не подходил к царящей здесь атмосфере.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Ты прекрасна и в повседневной одежде, — провожая до беседки, он не переставал меня восхищенно разглядывать. Я привыкла к этому восторженному взгляду. Не знаю, хорошо это или плохо. — Я и сам в рабочем костюме.

— Ты балуешь меня, Лукас.

— Ничуть. Ты заслуживаешь лучшего, Эшли. И я не в состоянии окружить тебя той заботой и роскошью, которая соответствовала бы твоей красоте.

— Зарплата полицейского позволяет посещать лучшие рестораны в городе?

— Я сдал экзамен на детектива, забыла? — Лукас озарил меня счастливой улыбкой. Мы остановились у беседки. Пригласив войти, он выпустил мою руку.

Ощущая укол совести, я все же попыталась изобразить радость. Уверена, он знал, что я не люблю его. «Слишком хороша для меня», не уставал он повторять, а я кляла себя за бесчувственность и бессердечность. Разве может быть так — мужчина-мечта, а я равнодушна к нему?!

На белой скатерти стояла пухлая вазочка с пышным букетом розовых роз, два кованых канделябра в виде переплетающихся ветвей, в них горели высокие красные свечи. Тарелки с золотыми узорами, столовые приборы и салфетница. Лукас смотрел на меня с нежностью и упоением, как смотрят на бесценную, недостижимую и очень хрупкую вещь, по недоразумению попавшую в руки, и боятся, что она выскользнет и разобьется. Я всегда отводила глаза, не в силах выдержать тяжести и сладости его влюбленного взора.

Легкая тревога даже рядом с Лукасом не оставляла меня. Невидимая сила дышала в спину, я ощущала ее кожей. Везде — за соседним столиком, в поблескивающей воде, за деревьями, окружающими озеро. Страх, сжимавший сердце, ходил по пятам, наблюдал за мной со стороны, но не показывался. Паранойя или чья-то злая шутка? Тягостное, нервирующее чувство, не покидающее с того момента, как я вышла из бара.

— Эшли.

Лукас всегда называл меня по имени, и только у него это получалось чутко и ласково, еще никому не удалось повторить. Голос, от которого мурашки бегали по коже, но не более того. С первой минуты нашего знакомства я поняла, что никогда не полюблю его, какой бы положительный и просто замечательный Лукас не был. Меня тянуло в обратном направлении. Ему не повезло с девушкой, он же был уверен в обратном.

Подняв глаза, я выдавила из себя улыбку.

— О чем ты думаешь?

— Я здесь впервые.

Лукас нахмурился. Подавшись вперед, сложил руки на столе. Он склонил голову, вглядываясь в глаза. Моя улыбка скисла, и я ответила ему усталым взглядом. Я смотрела на него, а в памяти всплыло лицо офицера Шермана. Его случайный беглый взор и улыбка.... Улыбка, от которой сбивался пульс, и я забывала, как дышать. Как сейчас, от одной только мысли. Моргнув, я вдохнула, будто вынырнула с глубины, и мимолетное нескромное наваждение исчезло.

— Тебя что-то тревожит, — уверенно произнес он.

Я неопределенно пожалала плечами. Рассказывать ему о неприятных ощущениях и голосах в голове, не стоило. Лукас обязательно захотел бы вмешаться и обезопасить. Напоминать о том, что я гораздо сильнее, бесполезно. Он — мужчина, и должен оберегать

свою женщину, то есть меня, или хотя бы попытаться это сделать. Я ценила его благородный порыв, но беспокоилась и боялась подставить под удар. Поэтому в большинстве случаев молчала, и пусть все подозрения останутся лишь мрачными мыслями в моей голове, о которых он никогда не узнает. Для его же блага.

Лгать не хотелось, да и не умею я. Поэтому решила отделаться приукрашенной правдой. Как раз в этот момент принесли закуски: официант, похоже, эльф — светловолосый, голубоглазый и стройный со слегка заостренными ушами — поставил перед нами тарелки с овощными салатами и соусники. И только когда он испарился, я смогла собраться с духом и заговорить.

— Голова разболелась.... В Мортелле объявился бэлморт. Мишель вычитала в газете и не перестает упоминать о нависшей опасности. Правда, пока это всего лишь слухи, — потухшим голосом поведала я, ковыряясь вилкой в тарелке.

— Она слишком серьезно воспринимает прессу. С ее восприимчивостью криминальные сводки лучше вообще не читать. — помешивая салат, Лукас осторожно посмотрел на меня исподлобья. — А ты что думаешь?

— Почему Верховная Ведьма не в состоянии остановить их?! Патруль не может взять след, как обычно? Они призваны защищать нас, но в очередной раз пострадал маг.

— Какой смысл ловить того, кто не виден на магических радарах?

— Это политика вашей полиции, — я подняла на Лукаса холодный взгляд, отложив вилку. — Для вас бэлморты — повод бездействовать и закрывать дела, не наказав убийцу.

— Но как мы поймаем их? — совершенно серьезно возмутился он. — Мы же не можем справиться с феями, зачем тогда до охотников пытаться допрыгнуть?!

Я отвернулась.

— Они держат в страхе наш народ, хотя бояться следует не их, а друзей-магов. По собственной инициативе охотники не убивают, в отличие от людей.

— Киллеры, — кивнул Лукас и приступил к салату. — Неуловимые, непобедимые, неизвестные.

Я посмотрела на него долгим взором.

— Неизвестные, — чуть слышно повторила за ним и, задумчиво глядя мимо, взяла вновь вилку. Лукас накрыл мою руку своей ладонью, ласково заглядывая в глаза. Я смущенно заморгала, забыв, о чем думала. Хотя я и являлась его слабостью, не он терял спокойствие, когда мы встречались взглядами. Я чувствовала вину за то, что не люблю его, и каждый раз корила себя за бессердечие. Он был готов на все, только бы я улыбалась. И почему бы не разорвать отношения с нелюбимым человеком? Да потому что рядом с Лукасом комфортно и тепло, он окружал заботой. И не о чем, казалось бы, больше мечтать. Разве что не хватало страсти, острых ощущений и ярких эмоций — с ним я никогда не испытаю этого, но буду обеспечена и любима. Однако, раз уж на жизненном пути он повстречался мне, я не должна гнать подарок судьбы. Лучше получить аккуратную, скромную коробочку с обручальным колечком, чем огромную красивую шкатулку с пестрой ленточкой и огромным бантом, а внутри обнаружить носовой платок.

— Ты слишком много придаешь значения происходящим вокруг убийствам, как и твоя сестра Мишель, — Лукас договорил и на миг застыл. Затем мотнул головой, заметив, что я нахмурилась. — Я не то хотел сказать. Смерть — это, безусловно, очень серьезно и страшно, но редко мы можем противостоять ей, в чьем бы облики она не явилась. Будь то автомобиль без тормозов, несущийся навстречу, тяжелая болезнь или охотник за головами.

Лично у меня бэлморты ассоциируются с волками, убивающими больших животных. Естественный отбор, в ходе которого выживает сильнейший. Все вокруг твердят, что с ними невозможно тягаться, но так просто не может быть! Должен быть какой-то способ убить бэлморта, каким бы сильным и стремительным он не был?!

— Другой бэлморт, — невесело рассмеялась я. — Наверно, ты прав. И наша правительница, очевидно, считает так же — они не более, чем жезл судьбы. Санитары леса, которым лучше не мешать. По-настоящему могущественные магические существа умудряются скрываться от них столетиями, а кому-то удается принять смерть в своей постели, так и не повстречавшись с киллером, идущим по следу. Да, Лукас. Ты меня немного успокоил и взбодрил. Не хочется принимать, как данность, но нет иного выхода. Болезни и старость мы воспринимаем, как неизбежный конец, как должное. Так почему бы не отнести к той же категории гибель от руки бэлморта!?

— Слышу сарказм, — с улыбкой отметил Лукас.

— Скорее цинизм, — я сжала в руке вилку, отведя взгляд. Разумеется, я лукавила. Убийство — есть убийство, и его нельзя воспринимать, как должное. В этом мы различались — Лукас с коповской черствостью относился к деяниям темным магов, а я грезила их остановить.

— Лучше так, чем видеть тебя потухшей.

Под пристальным вниманием я начала заливаться краской, понимая, что улыбаюсь в ответ. Задержав еще на секунду ладонь на моей руке, он убрал ее и отвлекся, наконец, на закуски. Тем более, что нам уже несли горячее. Мясо, приготовленное на решетках, томаты, листья салата и соус — скромно, но очень аппетитно. Аромат, явно приукрашенный магией, не мог оставить равнодушным. Я забыла, о чем думала и переживала, в предвкушении того, как отрежу кусочек, и он растает на языке. Перед глазами стояла тарелка с дымящимся шедевром магического и кулинарного искусства, а официант разливал по бокалам красное фруктовое вино, букет которого идеально дополнял запах яств. Несравненный дуэт, разжигающий желание немедленно съесть все и вылизать тарелку.

Глава 5 (продолжение)

Лукас поднял бокал, задумчиво покрутив его в руке. Казалось, что он изучал его содержимое, но на самом деле собирался с духом. Я подумала, что сейчас он попытается в очередной раз вогнать меня в краску какой-нибудь романтической ерундой. Робко взяла свой бокал и лучезарно заулыбалась. Нужно было срочно что-то предпринять.

— Мы здесь для того, чтобы отметить твое повышение, не так ли, Лукас?

Он нахмурился и неуверенно кивнул, но меня несло дальше. Я не угадала, но ему пришлось согласиться.

— В таком случае, я хочу испить этот бокал вина за нового детектива отдела магии и убийств!

И коснулась своим бокалом его бокала. Не успев возразить, Лукас моргал и смотрел, как я пью. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать моему примеру.

— Мне повезло, чисто случайно.

— Как это? — я уже орудовала столовыми приборами, разделявая сочный кусок мяса с поджаристой, золотисто-коричневой корочкой. Мне удалось сбить Лукаса с толку и это стоило отметить. Высунув кончик языка, пилила ножом бифштекс, пока он возился с овощами. Подняв на меня глаза, он невольно рассмеялся — снисходительно и нежно. Сдув прядь волос, упавшую на глаза, я бросила на него мимолетный взгляд, улыбнувшись в ответ.

— Патрулировал улицы и ответил на вызов — сработала сигнализация в ювелирном магазине.

Я облегченно вздохнула, наколов на вилку результат своего непосильного труда в виде небольшого кусочка, и отправила в рот, при этом внимательно слушая рассказ Лукаса. В последнее время в магазинах и разнообразных лавчонках активно использовали «невидимую» сигнализацию. Таковой она являлась для проникнувших злоумышленников — не производила шума, не мерцала лампочками. Естественно, тут не обошлось без магии. Примитивная система слежения и датчики движения, но невидимые. То есть, заколдованные. Незримые нити-чары тянулись сетью по всему помещению, и воры рисковали обнаружить себя. Безусловно, они были просвещены о чудесах модернизации, но каждый раз испытывал судьбу. И попадались. Благодаря сотрудничеству магов и людей, в Эгморре значительно снизился уровень преступности.

— Когда же они поумнеют, — усмехнулась я. — Сейчас в каждом доме стоит «невидимка».

— То-то и оно, — вздохнул Лукас. — Она же создана при помощи магии, а среди грабителей был один кудесник.

— И что, он попытался ее отключить?

— Это входило в его планы, — он кивнул, не глядя на меня. — Но их нарушил добросовестный охранник, решивший не дожидаться группы захвата. Он вознамерился погеройствовать. И получил пулю в лоб, пущенную из собственного табельного оружия!

Я перестала жевать и уставилась на Лукаса.

— В смысле, грабитель-маг заставил его застрелиться?

— Ага.

— И что случилось дальше?

— Когда я прибыл на место, там развернулось зрелище не для слабонервных. За

мгновение до того, как я ворвался в магазин, прогремел выстрел. Еще дрожали стекла, дребезжали от звуковой волны. Тело охранника едва обмякло и привалилось к стене, как убийца превратился в нечто без кожи. Его скелет менялся, перестраивался — из стройного, крепкого мужчины маг трансформировался — иначе не могу назвать то, что с ним произошло — в горбатого, лысого, морщинистого уродца. Пальцы вытянулись и скрючились, а волосы вылезли и упали на пол. Его глаза утратили цвет, стали прозрачно-серыми, будто подернутые грязной, мутной пеленой, а зубы почернели и заострились. Утробный, нечеловеческий вопль до сих пор звучит у меня голове.... Его подельники чуть не обделались на месте и мгновенно сдались, чтобы оказаться подальше от монстра. Естественно, это чудище пришлось брать голыми руками, но, к счастью, он не мог причинить мне вреда. Как бы ни шипел и ни брызгал слюной, сколько бы ни размахивал ручищами, не мог воздействовать на меня магией, — Лукас, шумно выдохнув, перевел дух. — Когда он начал обращаться, я выстрелил в него электрошокером — чудесной игрушкой, подаренной полицией магами.

Я кивнула.

— Тот, что блокирует способности на пару часов и парализует. Надо себе такой же приобрести.

— К твоему великому огорчению, он создан исключительно для полиции.

— Я переживу, — отпив из бокала, который постоянно наполнял услужливый официант, я улыбнулась. — Значит, ты доставил в отделение чудище, и...?

— Я понял, на что ты намекаешь. Нет, не так быстро. Сперва ко мне подошел детектив Джон Брейнт и предложил сдать экзамен на повышение. Он мотивировал это тем, что его отделу нужны шустрые и смелые парни.

О детективе Джоне Брейнте я знала не понаслышке. Не раз сталкивалась с этим малоприятным типом, влезая в полицейское расследование, но личного знакомства умудрилась избежать. Надеюсь, фортуна не оставит меня и дальше: уж очень не хочется попадать в его поле зрения. Иначе все мои незаконные шалости всплывут одним часом. Что ни говори, а этот мерзкий коп обладал непревзойденным нюхом.

— Не сомневаюсь, что ты сдал его с первого раза, — я склонила голову, с нежностью посмотрев на Лукаса.

Он немного смутился и, невольно улыбнувшись, отвел взгляд.

— Да, и тут же попал в отдел убийств и магии под его начальство. Да, ко всему прочему, теперь он мой напарник.

— Мне показалось, или ты не очень-то доволен? — удивленно протянула я.

— Не могу пожаловаться, — Лукас пожал неопределенно плечами. — Но его методы не всегда мне по душе.

— Грязный коп?

— Нет, прямолинейный и кое-где жестокий. Но, в целом, он отличный сыщик, — Лукас задумался о чем-то и тихо рассмеялся. Я вопросительно изогнула бровь, и он загадочно усмехнулся. — Его главная цель в жизни — поймать живого бэлморта.

— Достойная цель, — я серьезно закивала, а в следующее мгновение рассмеялась. — Есть, ради чего жить!

— Я тоже так думаю. Не жалко всю жизнь потратить, — саркастически отметил он.

После ужина Лукас проводил меня до дома. Мы шли, держась за руки, а когда подошли к калитке, он склонился, чтобы поцеловать меня. Не знаю, как это объяснить: будто

проваливаешься в невесомость, кожа дрожит, и перестаешь дышать. Не сказать, что неприятно, но подобно погружению под воду — надолго воздуха в легких не хватает, и хочется вынырнуть. Наверно, я все же любила его, но какой-то странной, особенной любовью.

Оставив на губах легкое ощущение дрожи и тонкий привкус карамели, он отстранился и прислонился лбом к моему лбу, заглядывая в глаза. Руки мои не выпускал ни на секунду. От Лукаса всегда пахло карамелью — это его природный аромат. Я чувствовала его от кожи и ощущала на языке.

— Машину утром пригонят, — тихо сказал он. — Я позабочусь.

Закивав в ответ, я робко улыбнулась. Тьма, от которой ломило кости, начала сдавливать меня в ледяном кулаке. Я судорожно вздохнула.

— Тебе пора домой, Лукас. Спасибо за прекрасный вечер!

Легко коснувшись губами его щеки, я шагнула назад и легкомысленно помахала рукой. Улыбнувшись в ответ, он попятился к дороге. Когда силуэт Лукаса слился с темнотой улицы, там, где кончался свет фонарей, я повернулась к калитке и вздрогнула. За забором соседнего дома стоял темноволосый, темноглазый парень со слегка перекошенным ртом. Если бы не этот дефект, Майло можно было бы назвать симпатичным.

— Привет, Эшли, — расплываясь в виноватой улыбке, тихо сказал он.

Я нерешительно улыбнулась в ответ.

— Доброй ночи, Майло. Ты напугал меня.

— Прости, — сокрушенно произнес парень и опустил голову, пятясь назад. — Я вышел посмотреть на звезды — сегодня удивительно яркая ночь. И заметил тебя.

— Нет-нет, все в порядке. Я просто не ожидала никого увидеть так поздно, — замявшись, я приоткрыла калитку. — Не буду тебе мешать. Доброй ночи.

— И тебе, Эшли.

Спрятав руки в карманы плаща, я поторопилась к дому. Майло — безобидный парень, но странноватый. Его манера бесшумно подкрадываться и глазеть иногда пугала, а пристальный взгляд вызывал желание исчезнуть. А мне сейчас вполне хватало ощущения паники, преследующего все чаще и все навязчивее. Не помню, когда впервые заметила его появление. Наверно, оно возникло вместе с голосами в голове. Тихие шорохи и перешептывания, в которых невозможно разобрать слов. Оставив Майло наблюдать за звездами, я почти побежала по дорожке к дому, кутаясь в плащ.

Я старалась ни о чем не думать. Забралась в постель и закрыла глаза. В груди назойливо трепетало неприятное предчувствие. словно я что-то знала, какой-то частью себя, но не могла вспомнить, что именно. Дрожала изнутри, от волнения перехватывало дыхание. Сердце билось пойманной бабочкой, но я не могла вспомнить почему....

Безумно хотелось спать. Напряжение росло и зрело, сводило меня с ума. Пульс долбил в висках, отмеряя секунды, а душа истончалась. От меня словно отщипывали по крупице. Я чувствовала себя чашей, до краев переполненной чувствами. Малейшее движение, неосторожный вдох, и они прольются через край. Я боролась, отчаянно сжимала в руках край одеяла и боялась открыть глаза. Тьма подавляла меня, прижимала к кровати, пряталась под ней, чтобы схватить и утащить в пустоту. Она была повсюду. Воздух в комнате вибрировал и остывал, меня начала бить дрожь. Когда перестала ощущать свое тело, по щеке скатилась горячая слеза. Что я должна вспомнить? Почему я? Под кожей будто рой муравьев ползал, а в груди разгоралось пламя. Мягкий шар света, согревающий изнутри. Я чувствовала, как он растет и становится обжигающим, мучительным, невыносимым. Хотелось выцарапать его из груди ногтями, но руки не слушались, больше не подчинялись мне. В горле застрял крик безысходности, и, казалось, через мгновение я сойду с ума или умру, а никто не заметит, и вдруг шар в груди лопнул.

Желто-белый свет застилал глаза. Пронзительно-яркий и теплый, как лучи весеннего солнца в разгар дня... Тело наполнялось магией, струящейся из той части в груди, где миг назад созревал шар. Сознание захлестнуло чувство облегчения, пока сила, пульсируя, растекалась по венам. Я вспоминала то, чего не могла помнить и знать — мысли и видения принадлежали не мне. Тлеющие искорки прошедшей жизни, обрывки чувств и эмоций, радость от ярких событий и горечь. Горечь — ее я отчетливо ощущала. Глаза слепило — мелькали размытые образы, чужие лица, среди которых оказалось и мое. Я застенчиво улыбалась, глядя в глаза самой себе, держа себя же за руки. Еще совсем юная. Опустив взор, заметила прелестный золотой перстень с большим лиловым камнем, длинные ногти, покрытые алым лаком, и в груди вновь дрогнуло. Я знала эти руки, видела кольцо, и оно не принадлежало мне. Я видела воспоминания Линетт. Осмелившись посмотреть, я увидела ее лицо в ореоле золотистого сияния. Чувство умиротворенности затмило остальные ощущения. Ее добрые глаза, рыжие шелковистые волосы, переброшенные через плечо, и на мои глаза навернулись слезы. Я не чувствовала, плачу или нет, как не чувствовала себя, лишь могла видеть глазами Линетт. И она смотрела на меня с сожалением. Из груди вырвался вздох, тяжелый и обжигающий. Кожа горела от магии, но не только сила Линетт жила во мне. Она сама. Я потревожила ее беспокойными мыслями, пробудила воспоминания, пытаюсь понять, что заставило волноваться.

Не успев облегченно вздохнуть, я ощутила невыносимую скорбь. Лицо Линетт потускнело в лучах света, с ее губ пропала улыбка. Она опустила голову, пряча взгляд, медные волосы рассыпались по плечам. Я невольно посмотрела ей за спину. Там, за границей света, из тьмы соткался мужской силуэт. Размытое лицо, нечеткий образ, но от него кольнуло в сердце. Он стоял, отвернувшись, будто не хотел на нас смотреть. Или не мог. Мне казалось знакомым тепло, исходящее от него, похожее на волнуемое море, хотя черты так и не удалось разглядеть. Вибрирующая магия, заполнившая каждую частичку

меня, будто мы — одно целое. Эмоции Линетт теперь принадлежали мне.... Сложно, чертовски тяжело осознать. Видимо, они много значили друг для друга, но что-то разлучило их, зародило семя раздора. Сожаление охватило душу, руки дрогнули. Я старалась не смотреть на таинственный силуэт, будто он причинил мне страдания. А когда Линетт подняла взгляд, по моему телу пронесся разряд пульсирующей энергии. На разум обрушились птичьи крики, я тонула в них, задыхаясь от силы, что текла по венам. Мои пальцы выскользнули из ладоней Линетт, силуэт шагнул к нам, в свет. Я силилась рассмотреть его, но в голове невыносимо звенело от нарастающих звуков. Еще мгновение, и они сломили бы меня, но внезапно все прекратилось.

Я открыла глаза. Часто дыша, лежала на кровати и смотрела на белую дверь своей спальни. Размеренный шум городской жизни, аромат кофе с кухни, а я в теплой постели — это был сон. Изматывающий, безумный сон, после которого тело еще сильнее ломало от усталости. Перекатившись на спину, я увидела за окном Персика. Кожу на груди что-то обожгло, и я громко выдохнула сквозь зубы. Посмотрев вниз, схватилась за кулон. Он пылал, словно раскаленный, чего прежде не случалось. Коснувшись осторожно кончиками пальцев, я ощутила жар, от которого на груди остался легкий ожег. Что же происходит?

Из оков странного сна меня вызволило настойчивое мяуканье Персика. Кот беспокойно вертелся на карнизе и рвался домой. Тыркался головой в приоткрытую форточку, в попытке пролезть, да так усердно, будто за ним мчалась свора собак. Сонно потянувшись, я прислушалась: с улицы доносились тревожные сигналы полицейской сирены. Резко проснувшись, откинула одеяло и спустила ноги на пол. Мишель уже проснулась — на кухне закипал чайник. Моника уже должна была быть на работе.

Быстро натянув белые джинсы и черную майку, обулась в плетеные балетки и поспешила вниз. Оказавшись на кухне, замерла у лестницы, посмотрев на Мишель. Ответие долгим взглядом, она отвернулась к окну и обняла себя за плечи. Пронзительный свист закипевшего чайника нарушал тягостную тишину и, словно накаляющиеся нервы, становился все громче, выше и противнее. Вскользь взглянув на него, я небрежно взмахнула рукой — щелкнул переключатель температурного режима на плите. Чайник мгновенно умолк. Бесшумно ступив на пол, я неторопливо направилась к Мишель. Она чувствовала мое приближение, но лишь слегка повернула голову, чтобы увидеть краем глаза. В груди потяжелело, хотя я еще не знала, что заставило примчаться полицию на нашу тихую улочку. Но уже тянуло выбежать и присоединиться к толпе прохожих, прилипших к забору соседского дома. Это мое проклятье — совать нос во все зловещее и отпугивающее. Мишель отлично знала о нем и наверняка уже мысленно чертыхалась. Ведь ей придется меня сопровождать, чтобы я не наделала глупостей.

— Ты поддержишь меня? — осторожно спросила я, нарушив мрачную тишину. Воздух вокруг сестры затрепетал, мерцая голубыми искорками, невесомо колыхнулись шторы. Окутав Мишель, порыв силы ласковым и послушным зверем обернулся вокруг ног хозяйки. Опустив руку, она вобрала магию в ладонь и вздохнула — едва заметно приподнялись и снова опустились плечи. Я догадывалась, как ей тяжело.... Войти в толпу людей, ошарашенных чьей-то смертью, для нее означало потерять покой на несколько часов, прочувствовать тяжесть постороннего страха и боли. Конечно, она могла бы остаться дома....

— В чем? — лениво отозвалась сестра, уже зная заранее ответ на свой вопрос.

Я облегченно улыбнулась — хороший знак. Мишель не брюзжала и фыркала, выказывая

недовольство и нежелание потакать моим причудам, от которых у нее мурашки бегали.

— В желании подойти поближе и рассмотреть получше, — я прошла мимо нее и остановилась перед окном.

Мишель, покосившись в мою сторону, вымученно хмыкнула.

— Там слишком много эмоционального дерьма. Но если тебе это так необходимо, то я готова.

Я не стала отвечать, сестра и так все понимала.

— Но сразу предупреждаю: я останусь в стороне. Не впутывай меня в эту историю.

— Тебя же саму распирает от любопытства, — возмутилась я, посмотрев на сестру.

— Я все узнаю из газет. А вот почему тебя так влечет к чужим трагедиям? Зачем тебе все это?

— Я осознаю, что когда-нибудь любопытство меня погубит, но эта мысль не отбивает желания разнюхивать, — виновато улыбнувшись, я поднялась на цыпочки. Обвив руками, повисла на шее у Мишель. Она улыбнулась, я почувствовала — как бы ни старалась хмуриться и морщить нос, растаяла от моих по-детски милых объятий. Столько лет мы знали друг друга, она могла бы уже привыкнуть ко всем моим уловкам. А ведь этот трюк еще ни разу не подводил.

Небольшой дом с мансардой, отделанный искусственным камнем. Круглая арка, низкие ступени вели к невысокой двери. Красно-зеленая черепичная крыша с флюгером в виде кошки — жилище мага можно легко узнать по этой любопытной детали. Существовало поверье, что флюгер служил колдунам оберегом и отгонял злых духов от домашнего очага. Помимо всего прочего, он указывал направление ветра, для чего, собственно, и задумывался. Небольшой фруктовый сад, окруженный клумбами, составляющими пестрый узор из декоративных растений всех цветов радуги; дорожка из насыпи и каменная беседка. Здесь жила Саммер, улыбчивая фея, владелица кондитерской в центре города.

Мигалки «скорой» и притихшие сирены полицейских машин леденили душу. Толпа зевак приклеилась к белому штакетнику, выглядывая поверх него во двор. Никто не проронил ни слова, не обменялся впечатлениями. Маги и несколько людей из соседних домов... Казалось, они даже не моргали. Так всегда бывало, когда умирал кто-то из волшебного народа: люди полагали, что нам не страшны ни болезни, ни природные катаклизмы, ни смерть. Если тяжелые заболевания мы в состоянии излечить, то от костлявой не способна укрыть никакая магия. Мы живем сотни, а то и тысячи лет, до тех пор, пока она не постучится в дверь. Перед ней все равны, но мы, магические существа, вольны в выборе, когда и как расстаться с жизнью. Исключения составляли случаи насильственной смерти. Как сегодня.

Я и Мишель медленно подошли к ограждению, стараясь не выделяться. Мне было нужно воочию увидеть тело Саммер. Не верилось, что такую добродушную и безобидную фею кто-то посмел убить. Но ошибки быть не могло, иначе бы здесь не топтались копы.

Около парадной двери стоял детектив Брейнт — высокий, крепкий мужчина лет тридцати шести, с коротко стриженными, русыми волосами с рыжим отливом и голубыми глазами. Широкий в плечах — похоже, в юности серьезно занимался плаваньем. Веснушки на лице ничуть не делали его милее, строгий взгляд и тонкие губы, отсутствие каких-либо эмоций — визитная карточка детектива. В белой сорочке с черной отделкой по внутренней стороне ворота и манжет, черном пиджаке и темно-серых узких брюках. Легкие классические ботинки из черной кожи на светло-серой подошве. В последнее время

детективы демонстрировали наличие превосходного вкуса и тугого кошелька. Отступив в сторону, он освободил проход для медиков с носилками. Тело накрыли белой простыней.... У меня сердце рухнуло в пятки. Почему нельзя было упаковать его в черный патологоанатомический мешок....

Птицы притихли, ветер не шелестел листвой — природа затаилась, словно тоже скорбела по безвременно ушедшей волшебнице. Все вокруг замерли, будто боялись потревожить сон Саммер, а Мишель и вовсе отступила на шаг. Я не стала оборачиваться и спрашивать, как она. Дар перенимать чужие душевные терзания всегда доставлял ей массу неприятных ощущений, а здесь еще витал дух умершей феи. Даже после смерти маги какое-то время чувствовали друг друга. За спинами полицейских мелькнула приоткрытая входная дверь, и мой взгляд уже был обращен к ней. Сначала я подумала, что вижу узор на обоях. Но когда пригляделась, по спине скользнул холодок. Окровавленные отпечатки, переходящие в мазки, крупные брызги повсюду. В глазах потемнело, и к горлу подкатил кисло-сладкий ком. Быстро прижав руку к губам, я отогнала тошноту. Моргнув, посмотрела вновь туда, где почудилась мерзкая картина, но обзор загородили полицейские. Время будто загустело — никто не шевелился, лишь медленно проходили мимо люди в форме. Заметив алое пятно на белой простыне, я огляделась — все были погружены в ужас, соседи остекленевшими глазами смотрели на полицейских. Я решила воспользоваться моментом и быстро подалась вперед, сдернула полотно с лица убитой. Один из медиков, тот, что крупнее и выше, мгновенно отреагировал и накинул простынь обратно, тихо ругнувшись на меня. Но мне уже было плевать. Я успела разглядеть все, что хотела. Отступив назад, я поравнялась с Мишель и несколько минут приходила в себя, наблюдая за погрузкой тела в машину «скорой».

— Эшли? — Мишель осторожно тронула меня за локоть, но я не посмотрела на нее. Глядела в никуда невидящим взором, ощущая поступь мрака. ОН был рядом, в толпе случайных свидетелей или через дорогу. Не важно. ОН был близко, я чувствовала. Ледяные пальцы тьмы тянулись к моим плечам, холодило кожу ее терпкое дыхание. Сердце споткнулось, словно что-то стояло сзади и хотело меня коснуться. Совсем близко, у меня за спиной. Черная магия, зловещая поступь убийцы.

Я резко обернулась и окинула взором толпу зевак. Сердце испуганно колотилось в горле, пока я разглядывала привычные глазу лица, пытаюсь поймать незнакомые черты. Почему он? Не могу объяснить, просто знала.... Кожа вибрировала, но никого постороннего среди соседей не было. Всех я знала не один десяток лет и была лично знакома. Раньше ничего подобного я не испытывала.... Будто с меня заживо сдирали кожу одной только силой мысли. Воздух дрогнул, и наваждение исчезло. Я тут же жадно вдохнула.

— Ее убил бэлморт, — сама не веря в то, что говорю, прошептала я. — На месте сердца выжженная дыра. И нет никаких следов магии, как и нет «света» Саммер. Пустая, холодная оболочка, лишённая жизни. Это уже не Саммер.

— Что ты такое говоришь?! Кому могла навредить веселушка Саммер? Она пекла умопомрачительные плюшки в своей кондитерской, почти не колдуя....

Я подняла глаза на ошарашенную сестру. Мишель казалась бледной, а ее глаза расширились от страха. Наверно, я выглядела не лучше, потому что она вздрогнула, когда мы встретились взглядами.

— Кто мог ее заказать?! — громким шепотом спросила она.

— Даже представить не могу.

— Что ты почувствовала? — Мишель нервно облизала пересохшие от волнения губы.

Они дрожали, но она старалась скрыть, поджимая их. — Ты же абсолютно точно что-то ощутила сейчас, я по глазам вижу — они светятся силой.

— Он только что был здесь. Не знаю, как, но я почувствовала, — я судорожно растирала руками плечи. — Кожа до сих пор болит.

— Ты же не можешь знать наверняка, что это бэлморт?! — сестра громко сглотнула, испуганно озираясь по сторонам. — Кто угодно, задумавший зло....

— Расходитесь! — потребовал низкий мужской голос, и толпа соседей и прохожих незаметно растаяла. Остались стоять только я и Мишель, а, напротив, за забором — детектив Брейнт. Демонстративно откашлявшись, он смерил нас подозрительным взглядом.

— Здесь Лукас, — тихо произнесла Мишель, стараясь не шевелить губами.

Я мельком глянула вправо, чтобы найти его. Лукас беседовал с врачом «скорой», пока в нашу сторону шел Брейнт, медленно двигаясь вдоль забора к калитке.

— Он же теперь детектив в отделе убийств и магии, — отозвалась я.

— Добрый день, — дежурным тоном поздоровался Брейнт. — Ваши имена я могу узнать?

И как у него язык повернулся назвать этот день добрым?! Мишель, видимо, подумала о том же, и возмущенно скривилась.

— Мишель Ортис, — бесцветным голосом ответила сестра.

— Эшли Браун, — я обняла себя за плечи и вонзила ногти в кожу, чтобы притупить зуд, от которого уже зубы сводило.

— Я — детектив Джон Брейнт, — представился он так, будто мы должны знать его имя не понаслышке и сиюминутно подпрыгнуть от восторга. Какая удача лично лицезреть столь знатную особу! — Вы знали убитую?

— Она же была нашей соседкой, — холодно протянула Мишель, глядя на детектива исподлобья. Ее карие глаза стали почти черными от гнева.

— И хозяйкой кондитерской, что за углом, — добавила я. — Все знали ее фирменные, волшебные плюшки....

— С кем она общалась? — Брейнт достал блокнот из нагрудного кармана и принялся что-то в нем строчить.

— Со всем городом, — сказала Мишель, и на этот раз детектив уставился на нее исподлобья. Она же, сложив руки на груди, сверлила его колючим взглядом.

— А враги у нее были, как считаете?

— Если только кондитеры-конкуренты, — протянула она, и Брейнт раздраженно поджал губы. — Не простили ей ту чудную розовую глазурь, которая им никогда не удавалась.

— Шутки шутите?

— И в мыслях не было, — воздух вокруг Мишель смешивался и переливался синим, вспыхнули первые искорки силы. Брейнт не мог ни видеть, ни чувствовать, но я могла. Сестра переняла его раздражительность и недовольство, добавив к своему. Поведа плечами, она посмотрела на него в упор. — Саммер все любили, у нее не могло быть врагов. Разве что ее сущность не давала покоя жадным до силы магам. Ведь Саммер обладала ценным даром аутогенизма. После посещения ее кондитерской люди выходили на улицу, чувствуя себя заново рожденными.

— Вы же ведьмы, не так ли? — его голос сочился пренебрежением.

— И что с того?

— Вся улица заселена магическими созданиями, — подала голос я. — Даже Майло, наш сосед, пусть низший, но маг. Никто из местных не способен убить, мы как одна большая семья. Знаем друг друга в лицо и поименно, устраиваем по выходным барбекю. Ей выжгли сердце, а это почерк бэлморта, — последние слова я буквально выплюнула. — Вы не там ищите, детектив.

Брейнт холодно прищурился.

— Во-первых, бэлмортов нанимают, по своей инициативе они не убивают. Любой из вас мог прибегнуть к услугам охотников за головами.

— Заметно, что вы прошли тренинг, — я одобрительно кивнула, за что Брейнт чуть не испепелил меня на месте взглядом.

— Во-вторых, откуда вы знаете, что у нее выжжено сердце? — продолжил он сквозь зубы.

— Видела.

— Когда?

— Ее тело проносили медики, и я одернула простыню.

— Зачем?

— Хотела убедиться, что это Саммер. Вернее, надеялась, что это не она.

— Для вас это так важно?

— Я не верила, что ее убили, ясно? — я больше не могла оставаться спокойной и подалась на детектива. Сила окатила его, но он принял ее за порыв ветра и сощурился. Жар исходил от меня к Брейнту, касался его, омывал серебристым сиянием. Кулон вспыхнул под майкой и обжег кожу. Мишель поймала меня за плечо и, твердо сжав его пальцами, вернула на место. Было больно, но я не обратила внимания, однако магия рассеялась в воздухе. — Ее все любили. Она была доброй и милой. В голове не укладывается, что кто-то мог желать ей зла!?

На звук моего голоса поспешил Лукас.

— Все в порядке, Эшли? — встревожено спросил он.

— Да.... Нет, — я упрямо глядела на детектива Брейнта, который с холодным любопытством изучал мое лицо, уделяя особое внимание глазам. Лукас встал рядом и успокаивающе коснулся моей руки.

— На службе никаких личных отношений, — отчеканил Брейнт, обращаясь к нему. Лукас нахмурился, но не отошел. — Пока нет улик, указывающих на убийцу и доказывающих их непричастность, — он небрежно кивнул в нашу сторону, — они тоже являются подозреваемыми, — и одарил суровым взглядом.

— Да, сэр.

— Не покидайте город. У нас могут возникнуть к вам вопросы.

С этими словами Брейнт направился к своей машине. Покосившись на меня с извиняющимся видом, Лукас поторопился за строгим напарником.

— Зачем ты сказала, что одернула простыню? — прошипела Мишель, когда мы подходили к дому.

— Вырвалось, — огрызнулась я. — У него дар вытягивать из людей то, что они предпочли бы скрыть.

— Зачем вообще понадобилось смотреть на Саммер?!

— На простыне было пятно крови. А стены в холле перепачканы.... Повсюду следы окровавленных ладоней....- в соседнем доме скрипнула дверь, и я сбавила шаг. Но едва

повернула голову, как щелкнул замок. Майло?

— О чем ты говоришь? — почти взвизгнула Мишель и одернула меня за руку. — Какая кровь?! Простынь была чистой, Эшли!

— Я видела, Мишель, — шепотом произнесла я, глядя сестре в глаза. Она нахмурилась, но во взгляде дрожал страх. — Я видела, и больше никто.

В обед я спустилась на кухню выпить чашечку кофе. Кусок в горло не лез, и любые мысли о пище вызывали тошноту. Я решила ограничиться бодрящим напитком. Задумчиво бредя по ступеням, остановилась посреди лестницы, услышав смех Мишель. Вокруг нее вился Джош, ее парень. Высокий, темноволосый, с красивыми каре-зелеными глазами и сногсшибательной улыбкой. Джош не мог не нравиться: статный, высокий, обаяние хлестало через край. Он умел преподать себя. Природный магнетизм, шарм или притягательность. Пожалуй, я назвала бы энергетикой, исходящую от него, именно так, хотя иногда напрашивалось слово «самовлюбленный» и «чванливый».

В коротких черных шортах и свободной серой футболке я ощутила себя неудобно. Слишком по-домашнему, не для посторонних глаз. Только Джоша это не касалось. Мишель, блаженно улыбаясь, пекла вафли и заправляла их ягодным повидлом, а он, сложив руки на столе, наблюдал за ловкими движениями ее рук. Запоздалый второй завтрак. Услышав меня, он повернулся, сверкнув коронной белозубой улыбкой, и помахал, как закадычной подружке.

— Доброе утро, Эш.

Помахав ему в ответ, я зачесала пальцами волосы назад. Джош беглым взглядом окинул мой измотанный неряшливый вид, в его глазах забегали чертики. Пройдется по мне, как пить дать! Скуксившись, я с вызовом на него уставилась, одернув футболку.

— Не поздновато у тебя началось утро? — хмыкнув, спросила я. Он прищурился, а улыбка стала еще шире.

— Спускайся, сестра. Я сварила кофе, — Мишель суетилась между островком и кухонным столом, расставляя посуду. Одной рукой держа блюдо с вафлями, другой достала из холодильника кувшинчик со сливками и захлопнула дверцу ногой. От недавнего ужаса трагедии не осталось и следа — сестра казалась бодрой и веселой. В свободной красной майке и широких черных брюках, с затянутыми в небрежный хвост волосами и игривой улыбкой Мишель выглядела счастливой и какой-то очень домашней, милой. Поймав себя на мысли, что мне нравится видеть ее такой, я прошла в кухню и забралась на высокий стул рядом с Джошем. Повернув голову, он всмотрелся в глаза, будто хотел в них что-то прочесть. Я раздраженно причмокнула — у Джоша всегда такая физиономия, если он задумал поупражняться в остроумии или сарказме.

— Как твои дела, мелкая? — весело спросил он. Белая спортивная футболка-поло, эффектно обтягивающая атлетичный торс, черные джинсы и белые беговые кроссовки — похоже, Джош заскочил к нам во время пробежки.

Придирчиво оглядев его, я демонстративно отодвинулась.

— Как обычно, — сонно промямлила и зевнула. Попытки уснуть и на время позабыть о смерти Саммер не увенчались успехом.

— Замуж не собираешься? — он пихнул меня локтем, и я ненароком закашлялась. Возмущенно воззрившись на него, одарила довольного парня испытующим взглядом. Он удивленно перекинулся. — Что ты так смотришь, будто я в тебя тухлым помидором запустил?!

Я поморщилась.

— Не хочу замуж. По крайней мере, пока.

— И не за Лукаса, — едва шевеля губами, тихо пропела Мишель. Джош стал почти

серьезен, но только почти. Не знаю, как ему удавалось всегда излучать радость и позитив. Вот и сейчас его глаза задорно искрились. Настолько, что хотелось ему на штаны кофе пролить.

— А чем тебе парень не угодил?

— Слишком любит, слишком заботится, слишком балует, — Мишель фыркнула. — Слишком хорош!

— А, тебе больше гавнюки по душе! — вновь повеселев, понимающе протянул Джош и потянулся за вафлей. — Знаю парочку, могу познакомить.

Я пихнула его локтем в бок.

— Лучше скажи, когда вы поженитесь? Уже шесть лет встречаетесь — возмутительно долго, я считаю.

Джош что-то промямлил, потирая затылок, а затем, отхватив от вафли приличный кусок, с набитым ртом попытался ответить. Не расслышав, я нахмурилась и наклонилась, подставив ухо для лучшей слышимости.

— Не пойму, что ты там бормочешь? Уже и дату выбрал?! Какой молодец! Как Мишель с тобой повезло.

Тихо рассмеявшись, он мягко отпихнул меня, словно надоевшую младшую сестру. И так со дня нашего знакомства: мы сблизились, ни разу не перебросившись словом, с первого взгляда. Я относилась к его надменности и завышенной самооценке, как к защитной реакции в безжалостном современном обществе, а он одаривал меня заботой старшего брата. Подшучивал и снисходительно смотрел на все выходки. И когда Мишель начинала меня бранить за очередную опасную проделку, Джош вставал на мою защиту. А если они ссорились между собой, я не принимала ничью сторону. Не могла, ведь искренне любила обоих.

Кем и где работал Джош — тайна, покрытая мраком. Я полагала, что он безработный, прожигающий наследство умершей матери, которой принадлежала сеть магазинов мороженого. Забавно, но бизнес был достаточно прибыльный. Главное, чтобы богатый наследник не слишком быстро транжирил накопленный капитал, ведь деньги имеют свойство кончаться. Особенно когда их не зарабатываешь, а только тратишь.

— Поехали в магазин, — быстро проговорила Мишель, обращаясь ко мне. — Приедет новый поставщик, и мне необходима твоя помощь.

— Возьми Джоша, — парировала я и потянулась за поджаристой, аппетитной вафлей. Джош, возмущенный моим предложением, перехватил ее и моментально отправил в рот. Одарив его свирепым взглядом, я потянулась за следующей, не менее соблазнительной вафлей. — На нем можно пахать — гляди, как трескает! Аж за ушами трещит.

За очередное высказывание я поплатилась не добытой вафлей — Джош стянул ее из-под носа и демонстративно запихал в себя. Медленно и тщательно пережевывая, сверлил меня немигающим взглядом. Я чувствовала, что должна расплавиться под ним, но нахально улыбалась ему в лицо без зазрений совести.

— Ведь не лезет уже, — тихо хохотнув, заметила я.

Джош замер, перестал жевать. Возведя хмурый взгляд к потолку — видимо, мысленно подсчитывал, сколько еще вафлей сможет проглотить — мгновение сидел неподвижно. Но вдруг закашлялся и постучал себя кулаком по груди. Я просияла абсолютно счастливой улыбкой:

— Что я говорила?! Лишил твою младшую сестру завтрака. Пусть отработывает!

— Не беспокойся, отработаю, — низким голосом произнес он, отламывая кусочек выпечки и с томным видом поднося его к губам. Я брезгливо скривилась, на что Джош соблазнительно подмигнул мне.

— У меня пропал аппетит, — громко вздохнула я, поднимаясь из-за стола.

— Не уходи, здесь еще остались крошки. Много крошек, — Джош потянулся за опустевшим блюдом.

— Отвали, умоляю, — рассмеялась я, направляясь к двери.

Оставив парочку ворковать, я вышла в сад. Тонкий аромат флуций витал в воздухе, в пруду сверкала и переливалась вода, в которой плескались разноцветные рыбки.словно заводные игрушки, они кружили по прозрачному водоему, изредка всплывая на поверхность глотнуть воздуха. Яркие и невероятно красивые, не похожие друг на друга. Не помню, как они появились в пруду — когда я была маленькой и мама впервые привезла меня показать дом, они уже обитали здесь. Перводанная красота волшебной земли магов... Как и много лет назад, густые кустарники и плакучие ивы наполняли сад зеленью и заслоняли от реального мира. В тени деревьев, среди ветвей и кружева листвы появлялось ощущение неприкасаемости и защищенности. Крошечный мирок, мой личный, будто стеклянный шарик, в котором другая жизнь и другой воздух. А за невысоким забором начиналась обычная, серая, однообразная действительность, чуждая этому месту. Трава и листва здесь ярче, запахи насыщеннее и неповторимее, небо синее, а воздух чище. Возможно, мне только казалось. Возможно, здесь обитала своя магия. Но это не имеет значения, когда на заднем дворе твоего дома бушует такая сказочная красота.

Переливчатые трели птиц пробуждали самые прекрасные чувства, нежно касаясь струн души, наполняли тело энергией природы, и жить становилось намного легче. Безветренная ясная погода, теплые лучи солнца играли бликами на воде — одним словом, великолепие. Но не сегодня. Почему-то я видела во всем мрак, чувствовала холод и притворство.

Обняв себя за плечи, я остановилась перед прудом. Стопы утонули в ковре из шелковой травы, но я смотрела вперед, в густоту зеленых зарослей. Где-то там, между деревьями шевелилась тьма. Я ощущала ее движение повсюду, слышала дыхание, и по коже ползли мурашки.

— Эшли?

Веселый голос соседа вытолкнул меня из затягивающей бездны мрака. Я резко обернулась на звук, и наваждение исчезло. Тьма мгновенно отползла и затаилась.

Мэрион Макалистер — темноволосый и крепкий мужчина лет тридцати двух на вид. Истинный его возраст мне неизвестен, так как он маг. Серые улыбающиеся глаза, нос правильной формы, и губы, которых хотелось касаться. Крепкий, стройный, высокий. Обычно красавцы действовали на меня отталкивающе, спасибо наставлениям мамы, но этот экземпляр вполне ничего. Глядя на Мэриона, невольно задумываешься о своем внешнем виде — вдруг из прически выбился непослушный локон или помада размазалась. Да, он привлекателен, но холоден или вовсе равнодушен к женскому полу, хотя ходили слухи, будто он бабник до мозга костей. Я не могла этого утверждать. Мэрион никогда не выказывал знаков внимания моей персоне, исключительно дружеское отношение и безупречное воспитание.

— Доброе утро, Мэрион.

Экзотическое имя ему досталось от родителей. Лесные маги по происхождению, они выбрались в цивилизацию не так давно. Макалистеры переехали в наш район не более

тридцати лет назад. Я помню день их переезда, хотя было совсем не до этого....

Начало апреля, стояла пасмурная сырая погода. С неба сыпался ни то дождь, ни то снег — изморозь, от которой дорога покрылась тонкой коркой льда. К соседнему дому, недавно отстроенному на пустовавшей долгое время земле, подъехала большая серая машина. Сам дом белый и воздушный, словно зефир: ассиметричная крыша, большие окна, светлые стены. Аккуратный газон во дворе и тьма клумб со всевозможными цветами на лужайке перед парадным входом. На заднем дворе строился небольшой бассейн. Сразу становилось ясно, что семья, поселившаяся здесь, не испытывала нужды.

Я как всегда стояла у окна и оглядывала окрестности, насколько хватало обзора. Первым из машины вышел мистер Орвилл Макалистер, отец Мэриона. Высокий статный мужчина с сединой на висках, совершенно не портящей его. Строгий подбородок, серьезный взгляд — на такого посмотришь, и хочется выпрямить спину и затаить дыхание. Если бы не знала, что передо мной могущественный колдун, то приняла его за военного. Я ощущала его силу, стоя за стеклом в своем доме — похожая на раскаленный воздух вокруг костра. Она дрожала и пульсировала. Прозрачная, чистая, как вода, и такая же коварная и опасная. На нем была рубашка цвета весеннего неба, черная хлопковая ветровка на молнии, черные брюки со стрелками и строгие туфли — таким он мне запомнился. Он озирался по сторонам, и вообще выглядел нервно и озабоченно, хотя улица была абсолютно пуста. Ни машин, ни прохожих в эту мерзкую погоду.

Потом на улице появились остальные члены семьи — сам Мэрион и миссис Адамайн Макалистер. Величественная и изящная белокурая женщина, точно лесная владычица, упакованная по современным стандартам в неудобную одежду. Черная юбка-карандаш, белая шелковая блузка с брошью на воротнике под горло. Переплетение ветвей и листьев, обрамленное золотом — точно такой же растительный мотив и на шпильках, которыми была зафиксированы длинные волосы, сложенные в композицию на затылке. Черные туфли — строгие и изящные, на небольшом каблуке. Помню, еще удивилась, не холодно ли ей в промозглую погоду в одной тонкой, невесомой блузке, юбке и туфлях? Нежная и утонченная, на вид совсем юная девушка. Но это обманчивое впечатление рассеяло ощущение ее мощи. В хрупком теле молодой девы теплилась горячая и порывистая, как ветер в знойный день, магическая сила. Я смотрела на миссис Адамайн, и сердце замирало. Она была фантастически прекрасна, сильна, но в то же время очень печальна.

Мэрион — нескладный подросток лет тринадцати, держал мать за руку и с интересом разглядывал дом, который, по современным меркам, был великолепен даже на самый притязательный вкус. Я видела на его лице улыбку, но не чувствовала в ней искренней радости. Тоска и настороженность, как перед серьезным, требующим усилий, шагом. Пожалуй, заселение в новый дом в новом городе — очень волнительное событие, особенно для ребенка. Но Мэрион быстро адаптировался, завел друзей, хоть и не много. Время шло, он рос тихим молодым человеком, положительным во всех отношениях. Ничего плохого не могу о нем вспомнить. Разве что он любит расхаживать по территории с обнаженным торсом, но разве это минус, если торс подтянут и просто великолепен?!

Мистер Орвилл спустя несколько лет умер. Подробности я не знаю, но горевала вся улица. Помнится, как траурная процессия тянулась по всей дороге и до кладбища, молчаливая толпа с букетами цветов от скромных, состоящих из двух цветочков, и до шикарных, пышных, с трудом помещающихся в объёме рук. Проститься с ним пришли, пожалуй, все маги леса, которые только обитали в Мортелле, а во главе кортежа шли Мэрион

и его мать.

Как умерла миссис Адамайн — мне тоже неизвестно. В один день, ничем не отличающийся от других ни погодой, ни ординарностью, ее не стало. Думаю, как и Линетт, она однажды приняла решение проститься с миром живых. Возможно, ей не давала покоя кончина супруга, жизнь стала в тягость без него. Сколько ее помню, она всегда выглядела печальной, а после ухода мистера Орвилла, на ней и вовсе не осталось лица. Не сложно поверить в то, что она не видела смысла в существовании без любимого человека. Таким образом, Мэрион остался один на один с белоснежным воздушным домом и уже на протяжении двух десятков лет проживал в нем в гордом одиночестве.

— Что тебя так опечалило? — с улыбкой спросил сосед и, оглядевшись, посмотрел на небо, сощутив глаза. — Сегодня прекрасный день.

Я хотела ответить улыбкой, но не смогла, поэтому только пожала плечами.

— Настроения нет.

— Ах да, — помрачнев, кивнул сосед. — Слышал о Саммер.... Ужасная смерть.

— Ужасная? — переспросила я. — Ты уже знаешь, как она погибла?

— Конечно, — Мэрион поставил руки на бедра. Поджав скорбно губы, он качнул головой. — Об этом вся улица шепчется. Бэлморт проник в дом, чего прежде не случалось. Эти твари окончательно осели на землях Эгморра.

Вот теперь я улыбнулась.

— Да, люди любят драматизировать и сгущать краски. Через неделю слухи обойдут весь район и обрастут эффектными подробностями. Ты же знаешь Мэрион, смертным нужно о чем-то говорить.

— Дыра в груди, — тихо произнес сосед и слегка опустил голову, чтобы посмотреть на меня по-заговорщически исподлобья, — достаточно весомый аргумент для подобных выводов. Как бы люди не были легковерны, они могут разглядеть правду, даже сквозь пальцы полиции.

— Они не станут искать бэлморта, — тихо ответила и скрестила руки на груди. — Как обычно.

— Значит, мы все в потенциальной опасности, — хмыкнул сосед. — Как обычно.

— Как обычно, — повторила бесцветно я. — С Саммер сняли кулон, а его судьбу невозможно отследить. — Я обратила внимание на сине-бирюзовый кулон Мэриона, тускло поблескивающий на солнце. — Он, как известно, сливается со светом мага, надевшего его, и какой оттенок и форму примет — остается гадать.

Заметив мой взгляд, Мэрион заметно напрягся и опустил глаза на свой кулон. Накрыв его ладонью, стал задумчиво перебирать пальцами.

— А ты что думаешь? — спросил он, посмотрев на меня.

— А что я думаю? Мое мнение не интересует полицию. В особенности детектива Брейнта.

— Мерзкий тип, — кивнул Мэрион и поморщился. — Когда допрашивал соседей, вел себя грубо и бестактно, задавал неуместные вопросы.

Заметив, как парня передернуло, я склонила любопытно голову. Он слегка смутился.

— Это его работа, — осторожно произнесла я.

— Он интересовался моими родителями. Хотел знать, как они умерли.

— А разве в архиве полиции нет информации подобного рода?

— Нет, — он вновь скривился и скользнул взглядом в сторону моего сада. — Вся

информация о магических существах хранится в Центральной Библиотеке или Университете Магии.

Я изумленно усмехнулась.

— Странно. Какое отношение Университет имеет к личным делам магов?!

— Там что-то вроде архива, — нехотя протянул Мэрион, щурясь на солнце. — Мы ведь не мрем, как мухи, в отличие от людей, не ходим по врачам. Каждая жизнь на учете у фамильяров, я так понимаю.

— Ты вроде работал в Университете? — Вспомнила я. Мэрион раздраженно усмехнулся и скрестил руки на груди.

— Работал. А потом меня зашвырнули в Библиотеку!

— Книжки по полкам раскладывать? — развеселилась я.

— Да, что-то в этом роде, — улыбнулся он. — Отслеживать поток посетителей.

— То есть, ты статист?

— Ну да, — он почесал затылок со смущенным видом.

— Прибыльная профессия? — уже откровенно издевалась я.

Мэрион поднял голову и с укором улыбнулся:

— Дом хватает содержать. На самом деле, тихое место. Настолько тихое, что на кладбище веселее.

— А мне было бы интересно. И где же ты хотел работать? У тебя есть мечта, Мэрион?

Сосед сложил руки на груди и сделал вид, будто задумался. Сначала я не замечала, как кожу щекочет ветерок. Когда плечи начало жечь, я рефлекторно передернула ими, и огляделась. Листья деревьев чуть заметно трепетали, но не от ветра. Тогда я почувствовала жар, исходящий от Мэриона. Он злился или нервничал, от парня ко мне пролилась магия. Импульс силы ударил в лицо порывом ветра, и на миг перехватило дыхание. Я отступила от забора. Случалось, меня так же выводило из себя собственное бессилие перед расследованием и злило отношение к ним полиции, но я научилась сдерживать магию и не выставлять напоказ эмоции. Либо Мэрион очень зол, либо слаб.

— Я бы хотел дослужиться до придворного мага Верховной Ведьмы, — вдруг сказал Мэрион.

Я удивленно нахмурилась, но сосед только удостоил меня холодного взгляда.

— Зачем?

— Хочу навести порядок в рядах ее прислужников. Где шатаются фамильяры, когда они так нужны? Где достойное отношение к магам? И почему маги позволяют себе забывать, кто они есть на самом деле?

— Ах, ты об этом, — тихо отозвалась я. — После смерти Саммер я тоже задумалась — куда смотрят фамильяры, призванные охранять нас? И почему бэлморты свободно разгуливают и убивают, почему их деяния остаются безнаказанными?

Мэрион вздернул брови, мол, «о чем я и говорю». Улыбнувшись, я вновь покосилась на заросли в саду. Показалось, что слышу голоса, похожие на карканье ворон. Снова ощущаю холод, притаившийся в тени деревьев. Наваждение вернулось и подкралось совершенно незаметно, а когда я опомнилась, уже подошло слишком близко. Нельзя просто стоять и беззаботно болтать с соседом.

— Эшли?! — послышался голос Мишель. Наваждение развеял порыв теплого ветра, разметав волосы по лицу. Или то было предчувствие?

— Тебя зовет сестра, — как-то удивленно сказал Мэрион.

Я внимательно посмотрела на него. Какой-то растерянный и озадаченный вид был у него сейчас.

— До встречи, Мэрион, — я улыбнулась и помахала ему рукой, направляясь к дому. — Было приятно поболтать.

— До встречи, — отозвался он.

Глава 7 (продолжение)

Несмотря на все мои уговоры, сестра сжалась над Джошем и отпустила его домой. Магазин под названием «Мишель», находился в торговой зоне города, сиял и переливался звоном тысячи колокольчиков. Бледно-желтое здание с окнами во всю высоту стен, с необычной, волнистой, коричневой крышей, похожей на ведьмовскую шляпу. Волнистые ступени вели к стеклянным дверям, за ними — светлое помещение, наполненное красками и запахами. Напротив входа располагалась длинная, закругляющаяся стойка, за ней — дверь в подсобное помещение. Я и Мишель гордо звали его складом. Вокруг стойки — каскады полочек и тумб с ютящимися на них многоцветными флакончиками и пузырьками; витрины и крючочки с разнообразными фигурками, травами в стеклянных баночках и тканевых мешочках. Под потолком перекликались сотни ветряных колокольчиков на любой вкус, звук и предназначение. Какие-то из них являлись оберегами, а другие привлекали любовь или богатство. Также среди них имелись хранители снов, амулеты, отпугивающие недоброжелателей и злых духов, всевозможные талисманы на удачу, здоровье.... Можно долго перечислять, для чего они предназначены. Но самое интересное — каждый предмет в лавке заговорила Мишель. Ее магазин — единственное место в Мортелле, где можно было найти редчайшие ингредиенты для снадобий.

Шмыгнув за стойку, сестра принялась капаться в ворохе пакетиков и сосудов, которые не успела расставить вчера. Она напоминала белку, проспавшую сбор урожая и наверстывающую упущенное в последние минуты до начала зимы. Я прошла по залу, разглядывая в тысячный раз необычный ассортимент, когда в стеклянные двери буквально вломился мужчина с коробкой в руках, закрывающей обзор. Обереги все до единого тревожно запели от порыва ветра, а через мгновение умолкли. Я и Мишель замерли, недоверчиво разглядывая незнакомца. Не знаю почему, внутри все дрожало, когда я смотрела в красивые зеленые глаза обаятельного гостя. Заметив наше напряжение, он лучезарно улыбнулся, застыв на пороге с коробкой наперевес.

— Привет, — весело произнес он. Голос приятный, но холодный, словно ветер ранней весной.

Похоже, наш ступор забавлял парня. Переминаясь с ноги на ногу, он насмешливо улыбнулся. Медленно перевел взгляд с моего лица на лицо Мишель, и мое оцепенение прошло. Русые волосы коротко острижены и взъерошены гелем для укладки. Губы красивой формы, и резкие, но красивые черты лица — типаж, который можно встретить на обложках глянцевого журналов. Чернильно-синяя футболка, светло-голубые узкие джинсы, бежевые ботинки на шнурках и в тон кожаная куртка. Заметно потертая, но сидела на его теле идеально — парень отлично сложен, он и в балахоне смотрелся бы безупречно. Красавчик, нечего и говорить, но я увидела в нем надменность и равнодушие.

Мишель очнулась от оцепенения и, нахмурившись, продолжила разбирать склянки на стойке.

— Привет, — буркнула она, украдкой разглядывая мужчину.

— Я — Том. Мы созванивались на днях. Ваш прежний поставщик.... В общем, ингредиенты для снадобий в Мортелль поставляю с недавних пор я.

— А, — протянула она, поднимая голову, и, чуть помедлив, выскочила из-за стойки.

Они откровенно изучали друг друга, меня сносило волнами энергии, исходящей от

Мишель, давило напряжением Тома. Я почувствовала себя лишней. Но минуло мгновение, и вздох Мишель принес облегчение. Объект ее внимания потерял к ней интерес, переключившись на побрякушки на полках. Он рассматривал их с не меньшим любопытством, что секунду назад мою сестру, из чего я сделала вывод, что Том на всех и вся так смотрит, не стоило обольщаться. Разочарованию Мишель не будет предела! Чувствую, что этот зеленоглазый фрукт с обаятельной мордочкой в веснушках тронул ее сердце.

— Вы привезли то, что я просила... Том?

Красавчик поморщился, лениво поворачиваясь к нам лицом.

— Давай на «ты». Ни к чему эти великосветские манеры, — небрежно произнес он. Одарив Мишель улыбкой, настолько мимолетной, что я подумала, не показалось ли мне, парень наклонился к полке с фигуркой в виде птицы, расправившей крылья, из прозрачного, голубого камня. — Да, иначе и не могло быть, — изучив все, что хотел, он выпрямился и хлопнул ладонью по коробке.

Мишель растерянно мигнула и посмотрела искоса на меня. Улыбнувшись ей, я решительно направилась к Тому.

— Позволь проверить, все ли на месте, — протянув руки, я остановилась перед ним. Посмотрев на меня, Том задержал взгляд на глазах, настолько, что я успела это заметить, а затем, хмыкнув, повернулся лицом к сестре.

Он вел себя нескромно, но и не вызывающе. Если и смотрел на меня или Мишель, то благодушно и вскользь. Сестра обошла стойку и забрала у Тома коробку, совершенно естественно и как всегда немного грубовато. Устало вздохнув, я опустила руки — они меня будто не замечали. Вскинув бровь, он проследил за тем, как она возвращается за стойку. Поставив ношу на столешницу, она, как ни в чем не бывало, стала ее распаковывать — взяла нож для бумаги, разрешила полоски скотча и принялась методично их отрывать. Том забавно скривился, наблюдая за Мишель. Склонив голову, ненароком заглянул за угол стойки, за которым открывался интригующий вид на ноги сестры. Вытянув шею, он наклонялся все ниже, чтобы лучше рассмотреть их, но тут уж моему терпению пришел конец. Откашлявшись, я скрестила руки на груди, и Том резко выпрямился. Хлопая невинными глазенками, он изобразил прелестную улыбку и медленно отвернулся, направляясь к стеллажам с травами. Делая вид, что они его жутко заинтересовали, мужчина осторожно поглядывал на Мишель, но, вспоминая обо мне, косился через плечо. Усмехнувшись, я осуждающе покачала головой.

— Можно поинтересоваться, Том? — нарушила непростую тишину Мишель и оторвала взгляд от содержимого коробки. Я и парень синхронно встали перед ней с внимательными минами и полуулыбками на губах. Мишель недоверчиво нахмурилась, переводя взор с меня на него, и буркнула: — И чего вы так таращитесь на меня?

Порыв посмотреть на Тома был велик, но я удержалась. Он тоже оказался не из робкого десятка. Вместо обмена взглядами, мы одновременно пожали плечами. Мишель еще сильнее насторожилась, но ничего не сказала.

— Чем могу помочь? — в меру вежливо и любезно поинтересовался Том, но на лице застыло равнодушно-холодное выражение.

— Я заказывала бесовский гриб, а тут банка с лютыми грибами. Если заменить один другим в приготовлении зелья, то...

— Я знаю, — устало перебил Том, прокрутив в воздухе указательным пальцем. — То зелье восстановления здоровья превратится в смертельный яд.

— Ну да, — Мишель ошарашено мигнула.

— Без проблем, я вычеркну его из заказа и заберу обратно, — мужчина уже направился к стойке, но сестра вцепилась в коробку и прижала ее к груди.

— Нет-нет! Я его возьму. Всего лишь решила уточнить, вдруг, у них разная цена!?

Том остановился на полпути, внимательно поглядев на слегка двинувшуюся умом Мишель, и задумчиво почесал кончик носа. Я смотрела на сестру застывшим обалдевшим взглядом — присутствие этого фрукта странно действовало на нее. Складывалось впечатление, будто она запала на Тома, хотя была все так же сурова и бесцеремонна. И напрягла она не только меня.

— Разница в цене незначительна, — отмахнулся он. — Будем считать, что это дружеская скидка для нового клиента.

Мишель просияла, будто он ей отдал бесплатно всю коробку, еще и денег приплатил. У меня челюсть отвисла. Не окажись в руках ценной торбы, она наверняка захлопала бы в ладоши и завизжала от восторга.

— Очень мило. С твоей стороны, — отчеканила она и неторопливо поплелась в подсобку. — Эш, расплатись с Томом!

Проводив сестру взглядом, я обошла стойку и открыла кассу, покосившись на сумму заказа на товарном чеке. Том шагнул ближе и, с шумом выдохнув, и оперся руками о столешницу. От пристального взгляда щекотало кожу. Хотелось почесаться, но я не обращала внимания на противный зуд. Отсчитав необходимую сумму на глазах у Тома, положила на стойку и аккуратно пододвинула стопку купюр к нему. Только тогда подняла голову и посмотрела в зеленые глаза, оказавшиеся на уровне моего лица. От неожиданности я почти вздрогнула. Губы Тома растянулись в довольной улыбке.

— Твоя сестра настоящая красавица, хоть и с прибабахом. Рад был познакомиться!

С этими словами он взял деньги, сунул их во внутренний карман кожанки и направился к выходу, бросив пронзительный взгляд через плечо. Странно, но он показался мне привлекательным только сейчас. Взвесила все его причуды и сложив жесты и телодвижения, выражение лица, меняющееся каждое мгновение в зависимости от настроения и мысли, мелькнувшей в голове, выразительный взгляд... Я вдруг осознала, что приняла изюминку за высокомерие и нахальство. Затаив дыхание, пронзенная неожиданной думой, стояла и смотрела, как он выходит на улицу и движется к своей машине — матово-черной «бэнно» последней модели. В размышлениях не заметила, как сзади подошла Мишель.

— Он невероятен! — с трепетом в голосе тихо произнесла она.

— Даже слишком, — бесцветно отозвалась я. — И он сказал, что ты красавица, хоть и с прибабахом.

— Неужели?! — она хмыкнула и, сложив руки на стойке, опустилась на них подбородком и растеклась от счастья. — Ну и пусть, зато красавица!

Мишель заперлась в ванной, чтобы смыть с себя все впечатления за день. А я бродила по дому, не находя себе места и дела — запекла мясо в духовке, приготовила салат на ужин, в одиночестве проглотила свою порцию и не заметила, как на город спустилась ночь мягким пуховым одеялом. Разглядывая дно пустой тарелки, я задумалась. Из головы не выходила гибель Саммер и кровавые отпечатки на стенах ее дома. Я отчетливо видела выжженную дыру в груди феи, что само по себе являлось доказательством причастности к убийству бэлморта. Но чтобы кровь на стенах и теле.... Такое видела впервые, от чего пребывала в состоянии легкого шока. И чуть не завизжала, когда о ногу ласково, но настойчиво потерся кот. Опустив взгляд, я задержала его на счастливой, блаженно-томной морде животного, а затем резко поднялась со стула и понеслась наверх, в свою комнату. Захотелось прогуляться.

Ноги сами несли меня по мостовой, пока я наслаждалась безветренной погодой и свежим, морским воздухом. Машину бросила у пристани. На душе остался тяжелый осадок, словно пятно на стекле — оно мешает солнечным лучам проникать в комнату и раздражает глаз, но ты не можешь до него дотянуться, чтобы стереть. Я все еще чувствовала дыхание смерти, исходящее от дома колдуньи. От отмеченного магией и злом жилища всегда веет унынием и болью, при свете дня даже в самую жаркую погоду тянет могильным холодом. А если долго смотреть на такой дом, то он будет темнеть на глазах. Подобно шрамам и глубоким рубцам, следы зла остаются навсегда. Можно, конечно, попробовать избавиться от них и снести дом, сравнять с землей, но в таком случае место, где он стоял, следует обходить стороной и не возводить новых построек. Вот только люди, которым не дано чувствовать то, что чувствовали маги, не взирая на все предостережения, покупали землю, строили дома, заселялись, чтобы потом жаловаться на полтергейст. Я с детства обладала способностью различать проклятые клочки земли и здания, не приближаясь к ним. Для меня отпечатки колдовства излучали тусклое сияние в лунном свете. Вот только пользы от такого умения пока никакой.

Когда создавался отдел по расследованию убийств и колдовства, люди отказались от помощи магов. Но, при этом, сами они не в состоянии ощутить след чар, ни светлых, ни темных, сколько бы лекций ни прослушали и сколько бы книг ни прочли. Верховная Ведьма настаивать не стала — у нее есть свои сыщики, справляющиеся с задачей выслеживания и поимки преступников уже не одно тысячелетие. Фамильяры — низшие маги, как было принято считать еще полтора века назад. После изгнания нечисти с земель Эгморра они заслужили право называться подручными Верховной Ведьмы, безукоризненными блюстителями закона магов.

Она даровала фамильярам привилегию предъявлять обвинения, не дожидаясь решения владычицы, и брать под стражу тех, кто переступил черту света. Больше не надо на полусогнутых мчаться к ней и падать ниц, отчитываться о проделанной работе. В давние времена низшие лишь наблюдали со стороны, не смея прикоснуться к магу. Даже если тот совершил грязное деяние. Когда-то их могли отправить в Темницу Мглы за чрезмерную наблюдательность и дерзость. Выявил злодея? Уличил в темных делишках? Клади голову на плаху. За клевету. Теперь все иначе. Отныне фамильяры больше не дрожали в страхе. Новый свод законов позволял им самостоятельно действовать, как стражам порядка, надевать оковы и сопровождать преступника к Верховной Ведьме. В случае острой необходимости — карать

на месте. Она наделила их могуществом избавлять от «света» «утерявших облик», когда отреклась от бэлмортов.

Тесное сосуществование со смертными требовало пойти на уступки и позволить им следить за порядком со своей стороны. В итоге раскрываемость отдела убийств и магии ниже любого другого отдела полиции, но в тени работал патруль Верховной Ведьмы, прибиравший за нерадивыми копами и правонарушителями мира магов. Те преступления, что числились в полиции «висяками», молниеносно раскрывали фамильяры, в людской жизни являвшиеся неприметными работниками почты, дворниками или менеджерами. Они были повсюду, но смертные об этом даже не догадывались. Другой, неизвестный мир — мир теней.

Патруль работал оперативнее полиции, но и у него случались заминки. Не успели замести следы после расследования, и смертные обнаружили труп мага. В таких случаях выпадал шанс отличиться полиции. Убийство мага всегда вызывало страх у людей, да и у волшебных существ тоже. Подобно муравьям, фамильяры трудились, незаметно для постороннего глаза, и крайне редко информация просачивалась и нарушала спокойствие нашего существования. Противоестественная смерть мага казалась чем-то экстраординарным. Настолько, что чуть ли не в срочных выпусках новостей транслировали репортажи с места событий, чем нагоняли еще больший ужас на людей и самих магов.

Фамильяры отлично приспособились и жили среди людей, проникнув в их дома и сердца под видом домашних питомцев. Некоторые из них настолько привязывались к гипотетическим хозяевам, что оставались рядом до конца своих дней. Но не надо думать, что каждый четвероногий любимец на самом деле волшебное создание — несомненно, они прекрасны, но к магии никакого отношения не имеют. Просто животные. Фамильяров не встретишь в каждом доме, они появлялись там, где им нарекала быть Верховная Ведьма. С наступлением ночи они заступали в патруль: бродили по улицам, подбирались к подозрительным соседям. Фамильяры, которые остались служить при Верховной Ведьме, наблюдали извне. Они могли оказаться стайей воронов на кроне дерева, бродячей собакой или даже крысой, и, не вызывая подозрений и опасений у смертных, незаметно выполняли свою бесспорно важную и тяжелую, изнурительную работу.

Если бы люди не были столь самоуверенны, то волшебники со способностями, подобными моим, с радостью согласились бы помогать им, чем принесли пользу обеим заинтересованным сторонам.

Кто же мог заказать Саммер? Раз ее кулон исчез, можно считать, что убита она была ради глотка способностей. Кому мог понадобиться дар навязывать свое настроение? Возможно, сейчас я ничем не лучше полицейских, но и дураку понятно, что соседку убил бэлморт. Бессмысленно искать его след. Главное, отследить заказчика, что само по себе сказочно дерьмовая идея. Но вполне реальная, чтобы не говорили копы и мои сестры. Достаточно пробраться в дом Саммер и внимательно осмотреть его. Кто, если не я, ощутит чужую сущность?!

Чтобы распознать среди людей охотника, я должна знать его сущность на ощупь, запах и вкус, ощутить на месте преступления шлейф его силы. Никогда лично не сталкивалась, знаю только то, что они красавцы. Чтоб их, писанные. Мама в детстве твердила: «не доверяй обаятельным мужчинам, доверяй интуиции. У них светятся глаза — ледяные, бездушные, будто за ними никого нет. Охотники могут быть приветливыми соседями или верными друзьями на протяжении десятков лет, пока твое фото и пачка купюр

не появятся у них на столе. Безупречные убийцы, лживые твари». Довольно размытое определение, но и из него можно было кое-что почерпнуть. Раз данные жертвы и деньги не из воздуха брались и оказывались в руках охотников, значит, кто-то передавал их. Своего рода посыльный доставлял точно по назначению, и любопытно, откуда он знал, где искать наемных убийц? Никак нутром чуял в прямом смысле этого слова?! Выходит, нужно искать существо, обладающее способностью чувствовать бэлмортов, но я не слышала о таких. Интересно цепочка переплелась.... Посыльный являлся чрезвычайно важным звеном в ней, ведь знал заказчика, о чем не в курсе даже сами бэлморты! Найду его — раскрою дело.

Неужели Саммер преступила закон и заслужила смертный приговор? Фамильяры шарили по углам Эгморра, расползлись по Мортеллю, чтобы отслеживать каждый наш шаг. Сильно сомневаюсь, что Саммер могла совершить нечто ужасное, но даже в этом случае ее убийство не оправдывалось. Смертные не должны были обнаружить ее тело, фамильяры знали свое дело и подчищали за бэлмортами, исполнившими приговор. Значит, все-таки ее кулон кому-то приглянулся....

Глава 8 (продолжение)

В раздумьях я обошла всю мостовую. Город погрузился в густую ночь, сияя немymi огнями. Море безмолвно мерцало в свете полной луны и россыпи звезд, похожих на бисер, пущенный по черно-синему бархатному покрывалу. Я не заметила, как вернулась к пристани и остановилась недалеко от своей машины. Рядом с ней спиной ко мне стоял мужчина в черной кожаной куртке, синих джинсах и черных спортивных ботинках. Он определенно рассматривал мое авто, держа руки в карманах. Не спорю, тачка вызывала восхищение и притягивала завистливые взгляды, но сейчас это совсем не утешало — мною овладело ледяное оцепенение. Ноги приросли к тротуару, в груди тревожно затрепетало. Холодок скользнул по спине, и я невольно поежилась. Но мужчина обернулся вполоборота, ощутив мое присутствие, и нахлынуло неловкое волнение. Сердце колотилось, но уже не от страха. Я направилась к машине, хотя голова кружилась от нахлынувших чувств. Откуда они взялись? Что со мной? Случайная встреча, от которой сердце замирало, и дышать нечем....

— Офицер Шерман? — изобразить удивление не очень-то удалось, как и застать его врасплох. Патрульный неторопливо повернулся ко мне лицом. — Вы следите за мной? Каюсь, штраф я до сих пор не оплатила.

— Да нет, — с улыбкой ответил он. — У вас приметный автомобиль. А издержки профессии не дают покоя даже после смены, так что пройти мимо я не сумел. — он кивнул на темное, сонное кафе неподалеку: — Заведение закрыто, а рядом припарковано авто. Наводит на определенные мысли волей-неволей.

— Люблю прогуливаться по пустым сонным улицам, совершенно забывая о времени. Это противозаконно?

— Ночью одной ходить опасно, — протянул он, озираясь по сторонам. Не знаю, почему мое внимание оказалось приковано к его лицу. Правильно очерченные губы, которые он поджимал, когда оглядывался на темную мостовую. То, как приподнимал брови, достаивая меня слегка надменного взгляда. Голубые, почти синие глаза, в которых тепло боролось с холодом.... На него хотелось смотреть и смотреть, задержав дыхание от удовольствия.

— Да, я понимаю, — пробормотала я. Шерман снова изогнул бровь, будто видел мою неловкость в каждом жесте, слышал в каждом слове. Я вызывала у него симпатию или насмешку? Взяв себя в руки, я улыбнулась. — Но домой совсем не хочется, тем более после того, как убили соседку. Средь белого дня.

Шерман нахмурился и посмотрел мне в глаза. По телу пронесся разряд тока, молниеносная вспышка энергии, оставив после себя слабые импульсы в кончиках пальцев. От неожиданности я втянула воздух ртом. Офицер отвел задумчивый взор, будто что-то услышал, но через мгновение вновь взглянул на меня. Его что-то отвлекало. Или я нервировала своим неожиданным появлением?.

— Сожалею, а как это произошло?

— Ее убили в собственном доме, — сказала я, повесив на лицо будничное выражение. Еще решит, что перед ним малохольная девица. Я, конечно, с причудами, но не теряю сознание от вида крови. — Безобидную кондитершу.

— Я уже понял. Но кому могла насолить кондитерша? — усмехнулся Шерман, и я подняла на него глаза. Вопрос, скорее всего, был риторическим, но меня распирало ответить. Мы встретились взглядами, и сердце замерло. Вновь.

— Не знаю. — после неловкой паузы я все-таки ответила:- Я считаю, что ее убили бэлморты, потому что пропал кулон. Саммер умела управлять чужим настроением.

Понятия не имею, зачем я как на духу рассказывала ему все, что крутилось в голове. Хотелось с кем-то поделиться, или он так сильно располагал к себе... На лице парня ничего не отразилось, но в глазах что-то мелькнуло. Я не успела понять и стыдливо отвела взгляд. Казалось, он заметил, как я таращусь на него украдкой. Осознав, что сболтнула лишнего, я мысленно прокляла себя за безграничную простосердечность.

— Фея? — Странно, — отстраненно переспросил патрульный, и я непроизвольно посмотрела ему в глаза. Ну, вот, опять!

— Да... Неужели ее дар настолько ценится, понять не могу?!

— Я тоже, — быстро произнес коп, и вдруг его лицо озарилось:- Может, пройдемся?

Я удивленно склонила голову, и он одарил меня обезоруживающей улыбкой.

— В компании полицейского у вас меньше вероятность влипнуть в неприятности.

— Вы плохо меня знаете, — выдохнула я, вызвав у него озадаченный смешок. — А могу я узнать имя полицейского, сопровождающего меня? — держа руки в карманах плаща, я невольно улыбнулась и шагнула в его сторону. Он не двинулся с места, лишь взглядом следил за мной. Шерман оказался выше меня на голову, и от него едва уловимо пахло лосьоном после бритья. Неприметная мелочь, но у меня голова закружилась от волнения.

— Бен.

— А я Эшли.

Он снова улыбнулся, качнувшись с носка на пятку.

— Я помню.

Мы прогуливались по набережной, и было гораздо увлекательнее смотреть на моего нового знакомого Бена, чем на привычный ночной пейзаж. Голос, внешность, жесты, мимика — все в нем нравилось и казалось идеальным. Я давно не испытывала чувства симпатии, тем более влюбленности, и патрульный стал жертвой моего чувственного и эмоционального голода. Совершенно наплевать, что он говорил — главное, чтобы не молчал. И смотрел на меня.

— Давно ты служишь в полиции? — не помню, когда мы успели перейти на «ты».

Бен пожал плечами и задумчиво посмотрел в ночное небо.

— Не очень. После академии всего лишь несколько месяцев. До этого кем только не довелось поработать. Пробовал себя везде, где только можно. — Он вдруг взглянул на меня, едва заметно нахмурившись:- И почему я тебе все это рассказываю?!

Я загадочно пожала плечами.

— Может, я внушаю доверие даже полицейскому? — я, коварно прищурившись, взглянула на Бена, на что он ответил неуверенной улыбкой. — А кем конкретно ты успел побывать?

Он изобразил задумчивость, посмотрев вперед на пустынную ночную улицу, убегающую темным коридором вдаль. Наши шаги отражались эхом от сонных зданий, я пребывала в состоянии невесомости. Казалось, ноги в любой момент могут оторваться от земли, и меня унесет ветром. Хотелось взять Бена за руку, чтобы этого не произошло, но от мысли об этом сердце испуганно подпрыгивало. Странное желание, неожиданное. Я сжимала кулаки в карманах плаща и смотрела на дорогу, только бы не сталкиваться взглядами с Шерманом. Он шел рядом, настолько, что я чувствовала тепло его тела. Лицо парня ничего не выражало, но на губах застыла едва уловимая задумчивая улыбка. Интересно, о чем он сейчас думал?

Засмотревшись украдкой на его профиль, я прерывисто вздохнула и зажмурилась. Аромат одеколона — приятная, легкая свежесть с древесной ноткой. Он прочно въелся в мои волосы, одежду, кожу. Казалось, я вся им пропахла и никуда уже не денусь. Попала в сети обаяния молодого полицейского, но мне нравилось то, как в животе щекотали крыльями бабочки. С Лукасом я такого не испытывала.

— Разнорабочим на стройке, водителем одного высокопоставленного чиновника, но недолго — его поймали на взятке и уперли в тюрьму, — замолчав, Бен задумчиво прищурился. — Потом устроился в офис менеджером, но оказалось, что работа на телефоне — не мой профиль. — Он усмехнулся и покосился на меня. Я сдержанно улыбнулась, но это далось мне с большим трудом. — Потом развозил продукты по ресторанам, устанавливал двери, продавал корм для животных....- загибая пальцы, он замер, не договорив, и вновь посмотрел на меня. На этот раз с немым вопросом во взгляде. Я удивленно нахмурилась и заморгала. Против воли рассмеявшись, он спрятал руки в карманы куртки и отвел глаза. — То был долгий поиск себя.

— Последнее из перечисленного меня впечатлило!

Уловив сарказм в словах, Бен медленно повернул голову и хмуро уставился на меня.

— Я с болью вспоминаю то время, — иронично буркнул он и пожал плечами.

Я тихо рассмеялась.

— Ну, теперь мне все понятно. Ты такой многогранный, оказывается.

Его возмущению не было предела, но на губах играла улыбка.

— Похоже на то. А ты чем занимаешься?

— Я люблю неприятности, — улыбка растаяла, и я вздохнула. Бен смотрел на меня, но ненавязчиво и как бы вскользь. Я чувствовала его взгляд и покрывалась мурашками. — В свободное время от них помогаю сестре в лавке редкостей.

— Лавка редкостей? Дорогие антикварные вещицы?

— Почти. Обереги, талисманы и наделенные чарами статуэтки. В последнее время люди увлекаются мистической ерундой.

Бен ничего не сказал, и я подняла глаза, чтобы видеть его лицо. Не мигая, он смотрел вдаль. Неподвижное холодное выражение насторожило меня, и я проследила за его взглядом. Темная тихая улочка, бездушные фонари проливали свет на дорогу. И лишь приближающийся дикий свист ветра нарушал идиллию сонного города. Через мгновение столб черного дыма вырвался из темноты и вломился в витрину магазина. Брызги стекла, чей-то пронзительный крик, оборвавшийся на высокой ноте. Бен шагнул с тротуара на пустынную проезжую часть.

— Оставайся здесь, — бросил он на ходу.

— Это бэлморт, — заикаясь, крикнула я и попыталась схватить за рукав куртки, но он ловко увернулся.

Остановившись на мгновение, Бен как-то странно взглянул на меня.

— Я не на работе, — сказал он, вновь посмотрев на магазин. — Без оружия мне нет смысла вмешиваться и пытаться спасти.... Кто там работает?

— Калерб. Портной. У него квартира на чердаке!

— Бэлморт явился за портным? — недоверчиво протянул Шерман, не поворачиваясь ко мне.

Я растерялась.

— Он читает мысли, — обреченно прошептала я и, сглотнув, прикрыла глаза.

— Он видит насквозь всех, даже магов?

— Да, любого. Думаю, и бэлмортов под масками людей тоже.

В этот момент густой вихрь черного дыма, извиваясь, вырвался из разбитой витрины и устремился ввысь. Он искрился во мраке, испещренный алыми огненными жилками. Вскрикнув, я попятилась к бордюру. Первые секунды, как замороженная, глядела, а, очнувшись от оцепенения, вспомнила о Бене. Когда я повернулась, он был напряжен и переполнен яростью, словно собирался рвануть следом. Стиснув зубы, Шерман тяжело дышал, наблюдая за тем, как дым растворяется в ночном небе.

— Здесь не безопасно, — наконец, сказал он и перевел на меня тяжелый темный взгляд. — Я провожу тебя до машины.

— А ты не хочешь узнать, что произошло с несчастным Калобом? — пролепетала я.

— Известно — что, — недобро хмыкнул Шерман, направляясь обратно к кафе. Я вынужденно посеменила следом, постоянно оглядываясь на здание мастерской.

— А вдруг портной еще жив и нуждается в помощи?

— Теперь это дело полиции, — грубо отрезал патрульный.

Внезапный порыв холода, исходящий от Бена, заставил прийти в себя. То ли он не хотел впутывать меня, как свидетельницу убийства, то ли на самом деле был равнодушен к чужой смерти.

— Тебе лучше держаться подальше от этого места.

Когда мы подошли к машине, Шерман проконтролировал, чтобы я села в нее и включила двигатель. Облокотившись на дверь, он склонился, чтобы видеть мое бледное и перепуганное лицо. Я знала, что выгляжу паршиво в этот момент, но думала совершенно о другом. Мы действительно видели то, что видели?! Покорно вцепившись руками в руль до белизны костяшек, я расширенными от шока глазами смотрела снизу вверх на напряженного и сурового Бена.

— Обещай, что не вернешься сюда и не откликнешься, как свидетель, на просьбу полиции? — будничным тоном попросил он.

Язык во рту отказывался подчиняться, и вместо ответа, я пробормотала что-то невнятное. Бен вопросительно повернул голову, и я откашлялась.

— Но почему?

— Что, если убийца вернется убрать очевидцев преступления?!

— Никогда не слышала, чтобы бэлморты....

— Пообещай мне! — повысив голос, потребовал Бен. Я поджала обиженно губы, но не подействовало — он не смягчился.

— Хорошо. Я обещаю не возвращаться, — я устало закатила глаза.

Удовлетворенно кивнув, он выдавил из себя вежливую улыбку. Его плечи расслабленно опустились, на лице пролегла тень усталости. Шерман отошел от машины, пряча руки в карманы кожанки. Я хотела уже вдавить педаль газа в пол и унести отсюда подальше, но он снова поразил меня — напоследок пристально посмотрел в глаза. Ничего особенного, но злость лопнула в груди и растеклась приятной дрожью по телу. Опять я чувствовала смущение, глядя в равнодушно-холодные голубые глаза, которых не коснулась улыбка.

И когда засыпала в своей постели, ощущение трепета в груди не оставляло, а перед глазами стоял его пронзительный взгляд....

Утром я нашла на столе на кухне записку от Мишель, в которой говорилось, что она ждет меня в своем магазине. Выпив чашечку кофе с вафлями, оставшимися после вчерашнего голодного набега Джоша, я быстро собралась и отправилась на помощь сестре, по дороге заскочив в продуктовый магазин.

Прогуливаясь по улице, не замечая ничего вокруг из-за глубоких размышлений о вчерашнем дне и его трагическом финале, я прошла целый квартал. На моих глазах бэлморт убил мага! А днем раньше погибла соседка от руки той же смертоносной твари, а я брожу по дворам и наслаждаюсь пением птиц, шелестом листвы, шумом проезжающих машин.... Вместо того, чтобы броситься с головой в расследование и ввязаться в очередную неприятность. Что со мной? Заболела? Боевой настрой постоянно сбивали обстоятельства: то Мишель требовалась моя помощь, то Лукасу приспичило развеять меня, любимую, и сводить в ресторан. Была и другая причина. Как только я вспоминала об офицере Шермане, из головы выветривались любые мысли, не относящиеся к нему. Его образ врезался в память, занял в сердце уютный уголок. Пронзительный холодный взгляд голубых глаз, теплеющий от моей улыбки.... И когда я вспоминала его лицо, в груди начинало что-то дрожать. Я смущалась и краснела, бредя по проспекту. От одной мысли о Бене парила в облаках, не замечая ничего и никого вокруг.... Проще говоря, медленно сходила с ума. И каждый раз, когда фантазия и грезы уносили слишком далеко, за черту дозволенного, я одергивала себя, напоминая о Лукасе. Совесть мгновенно просыпалась и душила на корню все сладостные мечты. Как я могу думать о малознакомом мужчине, когда рядом со мной Лукас?! Но вразумить сердце, жаждущее любви, не получалось. Напротив, становилось нестерпимо больно, и хотелось плакать. Черт возьми, как успокоить его? Как заставить себя здраво мыслить и не думать о Бене?! И хочу ли я этого?

Совсем близко завывала полицейская сирена. Я слышала будто через вату, но в голове прояснилось. Резко остановившись, я охнула от неожиданности — перед лицом, у самого кончика носа, оказался фонарный столб. Еще доля секунды и один шаг, и мой задумчивый портрет навсегда бы на нем запечатлелся. Выдохнув, я шагнула назад и сошла с газона. Мое внимание привлекло скопление полицейских машин у обочины большого дома с высоким кованым забором. Ноги сами понеслись к нему.

Лукас заметил меня раньше. Я подняла голову и увидела его, шагающего мне навстречу по идеально подстриженной лужайке. Он улыбался, словно мы давно не виделись, и я невольно просияла в ответ. Внизу живота потеплело, и краска залила лицо — то ли от стыда, то ли от радости. Еще минуту назад я думала о другом мужчине, как вдруг растаяла при виде Лукаса. Он щурился на солнце, и морщинки около уголков глаз делали его старше и мужественнее. Мне нравилось целовать их, как и его губы, но сейчас слишком много посторонних людей вокруг, а эти мелочи — наше личное, интимное. Но невозможно не думать и не представлять, когда он так ласково смотрел и так близко подходил.

Остановившись, Лукас притянул меня к себе, положив руку на талию. Мои ладони легли ему на грудь, и губы рефлекторно потянулись к его губам. Коротко поцеловав меня, он смущенно обернулся на дом, огражденный желтой лентой. Около калитки стоял детектив Брейнт и что-то писал в блокноте. Наверно, Лукас не хотел, чтобы он нас видел. Я тоже.

— Что ты здесь делаешь? — не в силах сдержать улыбки, спросил Лукас.

— Иду в магазин Мишель. Ей сегодня необходима моя помощь.

— Сестра тебя эксплуатирует. Не пора ли потребовать заработную плату с нее? — усмехнулся он.

— Я подумываю над этим, — игриво ответила я. — А ты что здесь делаешь?

Лукас устало вздохнул.

— Брейнт вызвал. Кто-то проник в дом и вынес все ценности.

— С каких пор отдел убийств занимается расследованием ограблений?

— С тех самых, как я стал напарником детектива Брейнта, — понизив голос, сказал он. — Он вроде как воспитывает меня. Приучает к тому, что детективы охотно берутся за любое расследование, даже если это таинственное похищение садового гнома инопланетянами или загадочное исчезновение хромого попугая.

— Да уж, интригующе, — подыграла ему я. — Ты продвигаешься по службе, дорогой!

Вознаградив Лукаса поцелуем в щеку, я непроизвольно покосилась в сторону Брейнта. Он, скрестив руки на груди, смотрел на нас.

— Не уделяя особого внимания деталям, — быстро проговорила я, — расскажи, в чем особенность этого ограбления?

— В доме стояла поддельная магическая сигнализация, — выпалил шепотом он и, чмокнув меня в лоб. Убрав руку с талии, Лукас направился к Брейнту. — Я тебе позвоню.

Глава 9 (часть 2)

— Сегодня мы должны успеть сделать все до вечера, — прокричала Мишель. Ее не было видно из-за стопки коробок, которые она несла из подсобки. Водрузив их на стойку, сестра облегченно вздохнула: — За мной заедет Джош.

— Звучит многообещающе, — саркастически протянула я, махая метлой по полу. — Он случаем не предложение собрался тебе делать?

— Что у вас за пунктик с Моникой — выдать меня замуж?!

Я неопределенно пожала плечами, не поднимая взгляда. Несомненно, Джош — хороший парень, но вряд ли он и Мишель созданы друг для друга. Это мое личное мнение. Я невольно наблюдала за ними, их долгие отношения казались мне приторно идеальными, излишне сладкими, как сахарная вата. Вероятно, я ошибалась на счет их совместного будущего, но страсти им обоим явно не хватало. Моника же была охвачена навязчивой идеей соединить узами брака эту парочку, а потом на протяжении бесконечно долгой жизни напоминать, благодаря кому Джош и Мишель сошлись. В этом вся Моника. Осталось поинтересоваться, чего хотят они сами.

— Наверно, мы так пытаемся выразить свою надежду на то, что он и есть твое «долго и счастливо».

Мишель громко вздохнула.

— И где мы будем жить? У тебя?!

— У Джоша неплохой коттедж, насколько я знаю.

— В нем умерла его мама, — с жаром прошептала сестра, и я посмотрела на нее исподлобья. — Я не заселюсь в дом, где кто-то отошел в мир иной! — Немного помолчав, она добавила совсем тихо: — Он дышит холодом и смертью. Не понимаю, почему Джош не сменит жильё.

Я закончила с уборкой и, опершись на метлу, собралась отчитать сестру. Но над дверью тревожно звякнул колокольчик. Я и Мишель обернулись. К нам шел детектив Брейнт в дежурном костюме с иголочки цвета крепкого кофе, наглаженной рубашке сливочного оттенка и темно-коричневых ботинках. На мой взгляд, отличное решение при его-то грязной работе.

— Добрый день.

Представляю, сколько он приложил усилий, чтобы свою угрюмую неподвижную физиономию, похожую на слепленную в плохом настроении глиняную маску, заставить оживиться. Губы, сжатые в линию, изогнулись в приветливой улыбке.

— Теперь сомневаюсь, — буркнула Мишель и скрестила руки на груди. В такой позе она выглядела сурово, дерзко и закрыто. Непрошибаемая защита в виде барьера из агрессии.

— Был неподалеку и решил заехать, — сказал он многозначительно и награбил меня тяжелым взглядом. — Могу я задать вам несколько вопросов, мисс Браун?

Я озадаченно похлопала ресницами. Наивность и легкомысленность — верное оружие миловидной девушки в любой, даже самой экстраординарной ситуации. Окружающие тут же делают вывод, что по интеллекту их собеседница не далеко ушла от тостера, а ты тем временем разрабатываешь план дальнейших действий.

— О чем?

— О вчерашнем убийстве Калеба Уоткинсона. Камеры наблюдения зафиксировали вас,

прогуливающейся неподалеку. Что вы делали в той части города посреди ночи?

Мишель с немым вопросом в глазах посмотрела на меня, но я и глазом не моргнула. Как и не обратила внимания на ее косые взгляды.

— А камеры только меня зафиксировали? Я была не одна.

— Офицер Шерман уже подвергся допросу, — облокотившись на стойку, Брейнт с брезгливым видом запустил руку в вазу с конфетами на стойке.

Я ощутила внутреннюю борьбу Мишель: ее распирало треснуть по ней, но она стиснула зубы и сдержалась. Детектив безнаказанно капался в разноцветных леденцах, придирчиво изучая их. Наконец, ему приглянулся мятный, в перламутрово-зеленой обертке. Брейнт взял его, поднес к глазам и принялся крутить, рассматривая с еще большей тщательностью. Я стояла и наблюдала, испытывая невыносимое отвращение к одному только виду Джона Брейнта, боясь лишней раз пошевелиться. Демонстративно тяжело вздохнув, он небрежно бросил леденец обратно в вазу и поднял стальной взгляд на меня.

— Теперь я хочу услышать вашу версию событий.

Он оперся на стойку обеими руками, сдвинув намеренно коробки с товаром к краю. Некоторые из них попадали, и Мишель беззвучно, одними губами выругалась, наклоняясь, чтобы поднять их. Я изобразила непонимание, вздернув наивно брови, и посмотрела прямо в глаза детективу. Он будто видел меня насквозь и знал, в каком именно месте могу оступиться. Но ходячий детектор лжи плохо знал Эшли Браун. Я давно научилась лгать полиции, изображать невинность и строить из себя безмозглую дурочку. Видя смазливое личико, копы, как правило, делали необоснованно оскорбительные выводы. Считали, что перед ними напудренная кукла, напроць лишенная серого вещества, а вместо него в красивой головке только график работы маникюрного салона и розовая пастила. К их удивлению, в природе встречаются умные хорошенькие девушки.

— Мы гуляли, и вдруг столб черного дыма врезался в витрину, а через пару минут вылетел обратно и растворился в воздухе, — сопровождая свои слова робкими жестами, я испуганно вытаращила глаза. Склонив голову на бок, детектив наморщил лоб. Сработало. Он принял меня за идиотку, а, значит, я все делала правильно. Теперь главное не переусердствовать.

— Как считаете, почему офицер Шерман не поспешил на место преступления?

Вопрос с подковыркой, хотя правильнее было бы сказать — с издевкой.

— Полагаю, не хотел рисковать жизнью в нерабочее время. Его могли убить.

— А кто это был, по вашему мнению? — хмурясь, он что-то небрежно черкал в блокноте.

— Бэлморт, — сглотнув, выдавила я из себя. До жути не хотелось говорить ему это, но что я могла придумать — бешеные пчелы или фурия на крыльях ночи?!

— Знал, что вы так ответите, — он противно усмехнулся и посмотрел на меня исподлобья: — А с чего вы взяли?

— Черный дым, — сквозь зубы, процедила я. Его напыщенность пробуждала во мне возмущение, и маска спокойствия слетела с лица. Я не сумела доиграть роль до конца и поддалась на провокацию Брейнта. Он сам из меня сделал дуру, помешанную на бэлмортах, и страдающую манией преследования.

Мишель медленно заползла под стойку, прижимая к груди коробку. Делая вид, будто собирает разбросанный товар, одернула меня за штанину. Я никак не отреагировала. Тогда сестра принялась активно размахивать руками и, вытаращив глаза, беззвучно шевелить

губами. Она не успела предостеречь меня от необдуманных слов, слетевших с губ, но попробовать прекратить спор с детективом еще могла. Я пока не скомпрометировала себя, но была невероятно близка к этому.

— А черный дым не свойственен темным магам?

— Нет, — подыграла я его надменному тону. — Им свойственен белый, как и другим, законопослушным магам. Но только в том случае, если они не утратили человеческий облик.

Брейнт прищурился, и я непроизвольно втянула воздух носом, готовясь к очередной провокации. Попытки Мишель остановить меня и заставить заткнуться оказались ничтожно слабыми и вскоре прекратились. Громко вздохнув, она продолжила собирать коробочки и пузырьки с пола.

— А если утратят? Что тогда?

— Они не смогут скрыть своей сущности, и их аура потемнеет, а дым приобретет грязно-серый цвет.

— Так, может, вы в темноте не разглядели, и то был сизый дым?

— Я не слепая, — холодно бросила я, скрестив руки на груди, и невольно покосилась на Мишель. Она поднялась на ноги и сверлила тяжелым взглядом детектива. Кажется, даже не моргая. — И знаю, что видела. Дым был черный. А вы, как погляжу, прогуляли семинары, посвященные особенностям магических существ, детектив Брейнт. Как вы прошли аттестацию, позвольте узнать?

— Кто вы вообще такая и как посмели усомниться в моей компетенции? — процедил Брейнт, сверля меня глазами, пылающими гневом.

— Я до недавнего времени являлась помощником члена аттестационной комиссии при университете магии. И имею полное право подать жалобу на ваше руководство, — Внутри меня что-то надломилось. Сила, вырвавшаяся из-под контроля, бурлила и негодовала, меня распирало от ярости. В помещении медленно сгущалась тьма. В стеклянных витринах забрезжил свет, меркли лампочки одна за другой. Стены двигались, словно стремились к центру зала, давили стеллажи и полки. Лохмотья краски падали с потрескавшегося потолка. У меня ломило кости от напряжения. Реальность походила на дурной сон, подернутый мутной дымкой. Сознание подчинилось магии, и она принадлежала не мне. Линетт. Ее сила стала частью меня.

Сначала я думала, что Брейнт не обращал на происходящее внимания, категорически игнорировал душераздирающий перезвон тысячи оберегов. Его наглая, надменная физиономия не дрогнула ни одной морщинкой, ни одной мышцей. Но когда я осторожно повернулась к Мишель, стоявшей настолько близко, что она просто обязана была почувствовать магию, то обомлела. Сестра все так же сверлила взглядом детектива, как секунду назад. Неподвижным ледяным взглядом. В воздухе замерли пылинки и осколки стекла, время остановилось. И видела это лишь я...

В окно что-то врезалось. Я отвлеклась и посмотрела поверх плеча детектива на улицу. Черный ворон влетел в стекло и снова упорхнул вверх, быстро размахивая крыльями, словно боялся упасть. Проследив за ним, я заметила стаю птиц. Они кружили перед магазином, рассаживались на ветвях старого дерева и вновь беспокойно взмывали в воздух, чтобы облететь очередной круг над зданием. Заворожено глядя в окно, я забыла о детективе Брейнте. Время загустело, секунды тянулись, а стены продолжали сдвигаться. Внутри меня все затаилось, я ощущала оцепенение, но не страх. Что-то подсказывало, какая-то частичка меня — все в порядке, беспокоиться не о чем, а безликий шепот в голове вторил ей. Не

нужно пугаться своей новой силы, но и выпускать ее из-под контроля не следует. Возьми себя в руки, Эшли. Собирайся.

Я начала успокаиваться. Сила улеглась ласковым золотым вихрем, щекоча изнутри кожу, и притихла. Свет в магазине вновь вспыхнул огнями витрин и потолочных ламп. Стены, стряхнув с себя осыпавшуюся побелку, встали на свои места, а колокольчики и обереги разом замолкли. Остался лишь отголосок звона в ушах, но и то на короткое мгновение. Облегченно вздохнув, я вновь посмотрела в окно и увидела одиноко стоящее дерево, раскинувшее кривые ветви. Стая воронов бесследно исчезла. Бросив мимолетный взгляд на Мишель, я поняла, что она ничего не почувствовала. Тогда я повернулась к Брейнту. Вздернув вопросительно бровь, он смотрел на меня.

— Вы работали в университете магии? — неужели в его голосе прозвучало изумление?!

— Да.

— Не припоминаю, чтобы мы встречались на аттестации. Почему ушли?

— Моя руководительница скончалась.

Понимающе кивнув, детектив задумался, не отводя взгляда от моих глаз. Как бы он ни пытался казаться серьезным, я ощущала зубоскальство. От Брейнта несло сарказмом и издевкой, я испытывала дискомфорт. Хотелось поежиться от мерзкого ощущения и обнять себя за плечи.

— Так почему вы не хотите рассматривать версию о причастности бэлмортов? Они не по зубам копам?

— А кому они по зубам? — раздраженно хмыкнул Брейнт и отвел на мгновение взор. Он слегка смягчился, морщинки в уголках губ разгладились, но не более того. Теперь он говорил со мной почти на равных, но с долей снисхождения. — Вы когда-нибудь пытались схватить рукой воду? Зажать в кулаке? Она вроде бы есть, но проскальзывает сквозь пальцы. — Детектив подался вперед, приближаясь к моему лицу и вглядываясь в него, словно запоминая каждую родинку. Я не пошевелилась и не моргнула. — К тому же, я должен рассмотреть все версии.

— Я чувствую других магов, а вчера не ощутила ничего. Просто дым, — тихо произнесла я, отвечая на его ледяной, пронзающий насквозь взгляд. — Бэлмортов невозможно почувствовать.

— Почему когда что-то случается, вы, мисс Браун, оказываетесь поблизости?

На это высказывание мне нечего было ответить. Зато Мишель, как всегда, нашлась:

— А где бываете вы, детектив Брейнт, когда что-то случается? В отличие от копов, Эшли нутром чует, где должна оказаться в нужный момент. — и, презрительно усмехнувшись, добавила: — и знает, где ей совсем не следует находиться. В отличие от копов.

Отлипнув от стойки и сложив перед собой руки, детектив встал напротив Мишель и внимательно осмотрел с ног до головы. Я задержала дыхание в ожидании перебранки.

— За подобные высказывания я имею полное право забрать вас в участок и запереть на сутки в камере, — он говорил тихо и совершенно спокойно, а в глазах теплился гнев.

— Безусловно, у вас был бы шанс, — подавшись вперед, мягко произнесла сестра, сверкнув на детектива сияющим магией взглядом. — Если бы я являлась простой смертной, а не ведьмой.

Брейнт раздраженно цыкнул и отпрянул от стойки, оттолкнувшись от нее руками.

— К сожалению.

Развернувшись, он направился к выходу и бросил на ходу, не удосужившись обернуться:

— Надеюсь, мне не надо повторять, чтобы вы не покидали город?!

Дверь захлопнулась, и Мишель медленно повернулась ко мне. Она испытующе смотрела на меня, барабаня ногтями по столешнице. Я поморщилась.

— Только ничего не говори.

— Эшли, ты опять вляпалась?

— Ну, просила же...- я приготовилась к нотациям и долгим лекциям о здравом смысле и чрезмерно длинном носе и обреченно прикрыла глаза ладонью.

— Кто такой офицер Шерман? — процедила сестра. В ее голосе прозвучало любопытство. Я раздвинула пальцы, чтобы одним глазком взглянуть на нее. Ее глаза пылали неопишущим восторгом и возмущением одновременно. Очевидно, сестру задело то, что я не рассказала ей о своем новом знакомом. Я осторожно опустила руку и шагнула к стойке. Скользя пальцем по гладкой поверхности, я закусила губу, чтобы сдержать идиотскую улыбку.

— Патрульный, выписавший мне днем раньше штраф за неправильную парковку.

— Отличный повод для знакомства, — сестра небрежно пожала плечами. — Ну, для тебя. И вчера вы с ним встречались?

— Совершенно случайно, — проворчала я.

— Он страшенький и горбатый? — все тем же возмущенным шепотом поинтересовалась Мишель, но я уставилась на нее с вызовом. Тогда она расплылась в довольной улыбке и погрозила мне пальцем:

— Я знаю, что с чучелом ты бы не шлялась ночью по набережной!

— Это еще почему? — натурально удивилась я. — Может, я специально с ним завязала дружбу, чтобы он отпугивал насильников и белмортов?!

Вздыхнув, Мишель покачала головой, хватая коробку со стойки. И вдруг нахмурилась:

— И что ты имела в виду, когда говорила про комиссию в университете магии? Ты, правда, в ней состояла?

— Да, — соврала я, не моргнув глазом. — Пару раз принимала участие. К тому же, — я легкомысленно оправила волосы, — надо было приструнить Брейнта.

Не могла же я признаться сестре в том, что в тот момент с детективом говорила вовсе не я...

Пока я сидела за стойкой, Мишель прихорашивалась в подсобке. Красное легкое платье на тонких, переплетающихся бретелях чудесно оттеняло ее смуглую кожу. Лиф был расшит золотыми стразами, мерцающей россыпью спадающими на подол. Алые туфли на золотой платформе довершали туалет сестры. Вьющиеся волосы она зачесала назад и зафиксировала сверкающей заколкой-крабом. Печально вздыхая, я наблюдала за порхающей сестрой — и снова мои планы пробраться ночью в дом погибшей Саммер рухнули! Перепачканные кровью стены, запечатлевшиеся в памяти, сводили с ума. Под ложечкой сосало от нетерпения и опасения, что медлить нельзя. Каждая минута, каждый день бездействия грозил провалом — убийца вполне мог вернуться на место преступления и уничтожить все улики, оставленные по неосторожности и спешке. Лорелея в предвкушении ожидала моего появления в баре, вспоминая не лучшим словом, подкрепляя его матросским фольклором..... Извелась и впала в тоску без порции адреналина и острых ощущений, о которых мы любили, смеясь, вспоминать за бокалом вина. Впрочем, я сама с трудом могла усидеть на месте, обреченно наблюдая за одухотворенной сестрой....

Посмотрев через плечо в подсобку, где Мишель кружилась перед зеркалом, я тяжело и нарочно громко вздохнула.

— Надеюсь, у тебя нет планов на вечер? — деликатно намекнула она, услышав мои страдания. — Я уже готова.

Не успела Мишель выйти в зал и покружиться, демонстрируя наряд с абсолютно счастливым видом, как предупредительно звякнул дверной колокольчик. На этот раз на пороге стоял новый поставщик с коробкой подмышкой.

Увидев Мишель, Том остановился перед ней. Когда он разглядывал сестру, его глаза светились. По-мужски хищно. Мишель расправила платье, проведя ладонями по бедрам, и повернулась к Тому. Повисла неловкая тишина, даже обереги волнующе замерли. Немая сцена: Том и Мишель смотрят друг на друга, а я случайный свидетель и третий лишний. Стало неудобно, и я отвела взгляд.

— У тебя что-то есть для меня? — наконец, вымолвила она.

— Да.... Ерунда, — отмахнулся он и сверкнул белозубой улыбкой. — Подвернулся случай достать волос единорога. Он приносит удачу. Я решил, что он тебя заинтересует.

Так-так. А Том — парень не промах! Понял, какой подход нужен к Мишель. Пучок шерсти редкой животины, пара поганок, и она покорена. Умно.

— Смотря какой, — важно протянула сестра, и я покосилась на нее. Мишель глядела на мужчину остекленевшим взглядом, а на щеках пылал румянец. — Если белый волос заключить в предмет, то он принесет удачу его обладателю, а черный в любом виде высасывает силы, подавляет волю.

Изумленно и не без доли сарказма расширив глаза, Том многозначительно кивнул. Похоже, он смеялся над Мишель. Или мало, что знал о магических ингредиентах, но признаться в этом и упасть в грязь лицом ниже его достоинства.

— Очень интересно, — протянул Том, поставив коробку на стойку. Окинув сестру мимолетным плотоядным взглядом через плечо, он усмехнулся. Его неотразимая улыбка ослепляла, омут зеленых глаз затягивал, но не меня. Я видела в нем самовлюбленного красавчика, которому все само шло в руки. Вот и сестра попала на его обаяние.

Глаза сестры загорелись. Она перебирала пальцами ткань платья, кокетливо поглядывая на Тома. Неужели одна я ощущала нарастающее в помещении напряжение? Как-то жарковато....

— Еще бы! — обрадовалась Мишель, что ей удалось заинтересовать этого надменного фрукта. Я стояла в растерянности, косясь на обоих по очереди. Казалось, если попытаюсь встать между ними, то меня пронзит молния и испепелит на месте. Скиснув от досады, я закатила глаза. — А какими интересными свойствами обладает слюна этого потрясающего животного....

Непроизвольно скривившись, Том поднял руку вверх, и Мишель замолкла на полуслове. Честно говоря, здесь я разделяла его чувства полностью.

— Может, — он облизал губы и игриво посмотрел на сестру, в глазах светился азарт. Тому не нужно было ничего делать — только улыбаться со свойственной ему надменностью. Мишель сразила его ненавязчивая прямолинейность и симпатичная физиономия. — Ты расскажешь мне о ее, — Том вновь скривился, вероятно, представив, о чем идет речь, — волшебных свойствах за ужином?

Я перевела взгляд на Мишель, хотя заранее знала, что увижу. Совершенно счастливая сестра с трудом сдерживала идиотскую улыбку, но ей удалось сохранить спокойствие, несмотря на багровый румянец. Сделав вид, что задумалась, она поковыряла пальцем край столешницы.

— А когда? У меня полно дел, каждый день расписан....

— Завтра. В семь, — небрежно бросил Том.

— Я согласна.

Черт, что за фигня?! Я была возмущенна до глубины души. Не поверив своим ушам, наклонилась вперед, чтобы видеть лицо Мишель, но она меня оттолкнула — видите ли я загородила неподражаемого Тома! Неужели она так просто сдастся?! Джош несколько месяцев ухаживал за Мишель прежде, чем они начали встречаться, а Тому оказалось достаточно улыбки, чтобы завоевать ее сердце? Поверить не могу! Только не Мишель!

— Я заеду за тобой.

Не успел он договорить, как в лавку вошел Джош. Колокольчик тихо звякнул и боязливо умолк. Джош с задумчивым видом по инерции сделал два шага в сторону Мишель и застыл. Медленно повернув голову, он смерил Тома беззлобным взглядом. Мишель забыла, как дышать. Улыбка с ее лица сползла, словно размытая водой краска. Том оценивающе посмотрел на вошедшего мужчину, и воздух задрожал от переизбытка тестостерона. Я почувствовала себя лишней. И, судя по выражению лица Джоша — он тоже.

И снова немая сцена: на этот раз мужчины разглядывали друг друга. Неторопливо развернувшись лицом к незнакомцу, Джош с недоумением прищурился. Высокий и плечистый, он будто сошел с обложки журнала. Лиловая футболка, голубые джинсы, серая ветровка на молнии — на Джоше все сидело идеально и ничуть не умаляло его мужественности. На его фоне Том терялся — ниже на голову, коренастее, хоть и без изъянов во внешности. Глаза Джоша потемнели, в них зашевелился гнев. Кожу обожгло силой, похожей на медленный ветер. Чтобы хоть как-то разрядить накалившуюся обстановку, я решила принять огонь на себя:

— Покажи мне, что в коробке.

Том отвел равнодушный, пустой взгляд от напряженного Джоша. Вальяжно оторвавшись от стойки, он направился в мою сторону. Олицетворяя всем своим видом

безучастность, он поставил передо мной коробку с заказом. Мы встретились взглядами, и Том мне подмигнул. Мгновение, и коронная ухмылка сделала его неотразимым. Я осторожно сглотнула. В помещении зашкаливало мужское обаяние, вот только меня оно не трогало. Я волновалась за сестру — кому из этих двух красавцев она все-таки отдаст предпочтение? Для меня ответ очевиден, но она явно думала иначе.

Мишель пришла в себя и подбежала к возлюбленному. Встав на цыпочки, чмокнула Джоша в щеку и упорхнула на улицу. Посмотрев ей в след, я наткнулась на настороженный взгляд выходящего из дверей парня. Разговора по душам не избежать, но позже, не при всех.

Пока я оформляла бумаги, Том разглядывал меня. Я чувствовала, что он сверлит меня глазами, но не испытывала дискомфорта. Тонкий аромат одеколона, лосьон после бритья и запах чистой одежды. Когда я подняла взгляд, он не отвернулся. Какое-то мгновение мы смотрели друг на друга, не моргая, и вскоре в груди стало нарастать напряжение, словно сердце сжималось. Все мое существо противилось такому пристальному вниманию пусть обаятельного, но малознакомого мужчины. Медленно выдохнув, я пододвинула к нему документы и отлипла от стойки с коробкой в руках. Не дожидаясь, пока он перестанет пялиться и исчезнет, направилась в подсобку. Едва прижалась спиной к стене, как звякнул колокольчик, и дверь захлопнулась. Сердце трепетало пойманной птичкой, как у девочки-подростка при виде мальчика, к которому она испытывает симпатию. Нет, так не должно быть! Не нравится он мне... Что-то иное заставляло меня волноваться в присутствии Тома.

Глава 10 (часть 2)

На часах над стойкой пробило одиннадцать вечера. Пришло время закрывать магазин и собираться домой. Накинув плащ, я выскользнула на улицу. Проверив, хорошо ли заперла двери, перебежала дорогу. Мой путь лежал по сонной улице мимо немых витрин и домов. Они светились в сумраке, словно облитые серебряной краской. Город погрузился в тихую, безветренную ночь, наполненную ароматами цветов и дорожной пыли. Фонари выхватывали фрагменты тротуара, отрывая приличный кусок проезжей части. Терпкая густая неподвижная темнота. Она будоражила воображение. Чтобы быстрее добраться до дома, я стала считать желтые круги света, быстрым шагом добираясь от предыдущего пятна к следующему. И не замечала тихих шорохов и шелеста листвы, пока по спине не пробежала струйка холодного пота. Вздвогнув, я остановилась, чтобы оглядеться. Сердце уже билось в горле, словно раньше меня почуяло опасность, но не успело предупредить. Стараясь дышать ровно, я покрутилась на месте, всматриваясь в темную даль улицы и пугающие тени домов. Чем дальше смотрела, тем сильнее разыгрывалась фантазия, рисуя зловещие очертания, и вскоре каждый уголок шевелился и вытягивался. Ну и как среди этой чертовщины различить реальную опасность?

Я стояла около белого забора одноэтажного дома с аккуратным стриженным газоном и низкими качелями во дворе. Никаких признаков жизни, кроме вертящегося флюгера в форме голубя на крыше. От скрипа по коже побежали мурашки — ветра на улице не было, а он двигался.... Ни один листочек не шелохнулся на пышной кроне красного клена. Пушистый можжевельник, растущий вдоль забора, будто замер от страха. Бросив осторожный взгляд на противоположную сторону улицы, я обратила внимание, что окна в домах завешаны плотными шторами, жалюзи, а кое-где и ставнями. Люди спрятались, их мир ночью замирал. Но не наш.

Шорох гравия заставил снова вздрогнуть. Совсем близко, за скрытым во мраке углом дома кто-то шаркнул ботинком. По асфальту покатило несколько мелких камушков. Он играл со мной, как кошка с мышкой. Кутаясь в плащ, я двинулась по тротуару быстрым шагом, украдкой посматривая то налево, то направо. Оборачиваться — бесполезная трата времени и самообладания.

Волос коснулось холодное дуновение магии, и у меня сбилось дыхание. Он стоял в тени низкого двухэтажного дома, похожего на сарай для садового инвентаря, который не пощадило время. По легенде людей, здесь жила колдунья — сгорбленная старуха с длинным крючковатым носом, редкими седыми волосами, собранными в пучок. И питалась она непослушными детьми. Встретив смерть в своем любимом кресле перед камином, колдунья не покинула дом, а осталась бродить по скрипучим половицам со свечой в руках. Можно даже разглядеть в темную глухую ночь дрожащий огонек, перемещающийся из комнаты в комнату. Эта байка могла заставить ребенка пяти-шести лет вести себя послушно, но я-то понимала, что она высосана из пальца. Даже если колдунья была очень древней, она бы не выглядела, как тухлявая карга. Это просто невозможно, маги оставались молодыми на протяжении всего своего бытия. Разве что нарочно старились, чтобы не выделяться из толпы смертных. Быть может, бабуля при жизни слыла отъявленной ведьмой и загубила ни одну жизнь, за что утратила облик прекрасного создания? Стало быть, ее истинный вид — старушонка с большим носом и безумно бегающими глазками. Что ж, каждому свое, но я и

Лорелея успели побывать в этом доме и ничего странного не обнаружили.

Я заметила его почти сразу: темный безликий силуэт, от которого веяло тьмой. Он шагнул из непроглядного закоулка, и в груди все задрожало. Это был крепкий мужчина в черном пальто с поднятым воротником. Он и не пытался прятаться или вести себя осторожно. Ускорялся, торопясь за мной, вынимая на ходу руки из карманов. Я освободила ладони, в них затеплилась магия. Впереди маячил многоэтажный дом из красного кирпича без балконов. Взбежав по стене между рядами окон, я оказалась на крыше. Замерев на карнизе, обернулась на мужчину, идущего по пятам. Перебегая дорогу, он на ходу обратился в черный столб дыма и рванул вверх. Тьма ползла по стене, стелилась плотным туманом, а я стояла и смотрела. Бэлморт.... И он шел за мной.

Бросившись вперед, я перепрыгнула на ходу через декоративные вентиляционные турбины, похожие на домики крошечных эльфов. Свист ветра разорвал тишину, резким порывом он швырнул мои волосы на лицо. Чертыхнувшись, я смахнула пряди, прилипшие к векам. А когда оказалась на краю крыши, в спину ударил холодный порыв воздуха. Я покачнулась, с трудом удержав равновесие, схватилась за антенну. Внутри все задрожало — он стоял сзади, от ощущения его силы кожа дернулась. Я посмотрела вниз, осторожно шагнув к краю крыши. Дорога внизу вращалась и плыла дугами — от страха перед глазами помутнело, но у меня не осталось выбора. Свесив ногу с карниза, я ступила на стену, и мир резко наклонился на девяносто градусов. Не дыша, сбегала вниз, от ветра глаза заслезились. Спустившись на землю, дымком перенеслась на другую сторону улицы. Не помня как, не чувствуя ничего, кроме холода. Забыв про попытки рассмотреть лицо бэлморта, удирала вдоль домов, надеясь юркнуть в какой-нибудь темный угол. Но, как назло, дома стояли плотной стеной. Наконец, впереди мелькнул переулок. Это был мой шанс.

Внезапно мощный разряд обжигающей энергии ударил в спину. Меня швырнуло на дорогу, а через мгновение я уже поднималась с асфальта, вытирая окровавленные ладони о плащ. Плотное облако черного дыма пронеслось над головой, я инстинктивно упала назад, избежав столкновения. Дрожь пробежала по коже вслед за темным магом, и я стала хватать воздух ртом. Неприятное покалывание во всем теле, как напоминание о недавней попытке бэлморта сбить с ног и вдавить в землю. Поднявшись на колени лицом к дороге, я обернулась. Он вновь мчался из черного, затянутого тучами, неба. Вскочив на ноги, я выбегала на проезжую часть и рванула к перекрестку. Охотник, пролетев еще несколько метров, развернулся у меня за спиной. Кожу лица полоснула сила, будто огненный хлыст, и я зажмурилась. Но всего лишь на мгновение — впереди, совсем близко, манил заветный переулок. Ускорившись, я бежала и не отводила глаз от тусклой полосы света на асфальте, разделявшей две улицы. Еще немного, еще чуть-чуть....

Не чуя ног, слыша только бешеный стук собственного сердца, я приблизилась к краю дороги и обратилась в дым. Потрясающее ощущение, будто сквозь тело пронесся разряд тока, и я освободилась от телесной оболочки, слилась с воздухом. Чудесная легкость, безграничная свобода — я проносилась над домами и улицами, протискивалась между зданиями, как горный ручей, который точно знал, куда бежал, и где на его пути стояла преграда. Я взмыла ввысь и промчалась над посеребренными луной крышами. Резко упав вниз, бесшумно промелькнула между тесно стоящими строениями и скользнула вправо. Передо мной раскинулся небольшой парк с фонтаном и пышными деревьями, похожими на эскимо на палочке. Я спланировала слишком низко, почти касаясь земли руками, сотканными из белой невесомой дымки. Вода в фонтане волной выплеснулась на плитку-

мозаику, которой была выложена вся площадь. Я шмыгнула под густую и темную шапку листьев красного ореха и коснулась ногами почвы. Ощущение легкости оставило мимолетное послевкусие, и в груди снова колотился страх. Пульс дрожал горячим леденцом на языке, и каждый волосок на теле шевелился. Прислонившись спиной к широкому стволу дерева, я осторожно выглянула. Через парк насквозь проходила широкая, вымощенная плиткой, дорога, и проезжая часть была как на ладони. Единственная проблема в том, что пока я буду высматривать бэлморта с одной стороны, он подкрадет с другой.

Спокойное журчание воды, едва уловимый шелест листвы, и мое частое дыхание нарушали безмятежную тишину. В ушах звенело, я боялась сделать лишнее движение, которое мог заметить бэлморт. Лишний раз боялась вздохнуть, слишком глубоко или слишком громко. Прижавшись щекой к шершавой коре, стиснула от боли зубы — ободранные ладони кровоточили, я заметила это только сейчас. Легко отделалась, худшее еще впереди. По телу разливалась приятная истома, я прикрыла на миг веки. Покой, который дарила природная энергетика дерева, быстро приводил в норму, возвращал силы. Глотнув бодрящей прохлады ночного воздуха, я открыла глаза. Посмотрела на грязные, с коркой засыхающей крови, руки. В свете луны блеснули темные капли, словно алые бисеринки. Взглянула вниз — да, так и есть, колени тоже ободрала.

Где-то над головой взмахнула крыльями птица, и я посмотрела вверх. На ветке сидел черный филин и разглядывал меня, поворачивая забавно голову и моргая круглыми, выпученными глазами. Сердце, едва не выпрыгнуло из горла, но я против воли улыбнулась. Птица приоткрыла клюв, собираясь что-то брякнуть, приподнимая возмущенно крылья — я поднесла указательный палец к губам и беззвучно шикнула на нее. Пернатое создание, склонив вопрошающе голову, захлопнуло клюв и уселось на ветвь, шелестя пушистыми, блестящими, как шелк, перьями. Дозорный? Неужели?!

Крадучись, я обошла дерево, вглядываясь во тьму. Повсюду шевелились и извивались тени, но я знала, что это всего лишь нервы. Или магия. Бэлморт, преследовавший меня, не стал бы прятаться. Вероятнее всего, он, стоя за одним из деревьев, ждал, когда я сама себя загоню в ловушку. Шагнув из укрытия, я замерла, балансируя на бордюре. Вокруг ни души. Однако, стоило мне ступить на уложенную плиткой дорожку, как перед ногами пробежал камешек. На миг позже меня окатило обжигающей волной силы. Бэлморт скользнул тенью, я почувствовала запах гари и его тяжелое дыхание. Застыла, приросла ногами к земле. Он сделал шаг влево, затем вернулся и обошел меня, словно хотел внимательнее изучить перед тем, как убить. Он был близко, но не вплотную. Еще оставалось время и место для маневра. Или для попытки.

Остановившись, бэлморт ничего не предпринял — смотрел на меня в упор. Прижавшись спиной к стволу дерева, я давилась собственным сердцем. В темноте его глаза поблескивали силой — мерцали белыми искрами, заплетающимися вокруг радужек. И это все, что я увидела. Духа не хватало поднять голову и разглядеть лицо. От ужаса сдавило грудь, сбилось дыхание, а на губах появился солоноватый вкус. Почему он медлил? Чего ждал?

Внезапно он поднял руку. Проглотив вскрик, я взмыла вверх — сорванная с дерева листва закружилась в вихре. Сливаясь с воздухом, я устремилась в небо, однако полет был недолгим. Черный дым, который увидела сквозь окутывающую белую мглу, нагнал и поравнялся со мной. Охотник вился вокруг, рвался вперед, а в следующее мгновение замедлялся. В попытке отстраниться и улететь, я едва не зацепила крышу дома и была вынуждена подняться еще выше. Он несся на меня, но за миг до столкновения ушел в

сторону. Не успев подивиться тому, как бэлморт забавлялся с жертвой, я уже падала, словно подбитая из ружья птица. И приземление было быстрым, болезненным и тяжелым.

Ощущая себя вдавленной в асфальт, я оперлась на зудящие ладони и подняла голову. Волосы свесились на лицо, в нос ударил запах свежей крови. Он отрезвил. Резко сев на асфальте, я встала на ватные ноги и убрала пряди с глаз. Потеряв из виду бэлморта, огляделась, выискивая его в ночном тумане. Сутулые фонари качались, тоскливо поскрипывая. Кое-где виднелись крыши в заплатках, кованые флюгера — меня занесло в тихий уголок города, где еще сохранились старинные дома. Узкую дорогу испещряли ямки и трещины, вековые деревья скрипели тяжелыми ветвями, разгоняя ночных птиц. Здесь даже воздух пах иначе — навевал странное ощущение давности и ветхости, и только автомобили, припаркованные перед калитками, напоминали о реальном времени.

Прислушавшись к тишине спящей улицы, я поковыляла к ближайшему дому. Издалека послышался свист ветра — я забежала за угол и притаилась, прижавшись спиной к стене. Бэлморт спустился на землю перед крыльцом, было слышно, как соприкоснулись подошвы его ботинок с асфальтом. Затаив дыхание, я ждала, что он найдет меня. Черт, а я уже решила, что оторвалась...

Свет фонарей здесь был особенно ярким, и я с трудом сдерживалась от соблазна посмотреть на бэлморта. Высокий, плотный и крепкий. Настолько развита мускулатура, что руки не соприкасались с туловищем из-за ярко выраженной вздутости мышц. Прямое пальто с воротником-стойкой было расстегнуто и открывало вид на мощную грудь, обтянутую черной футболкой. Прямые, свободные, и в то же время обтягивающие черные брюки, подчеркивающие накачанные ноги, и замшевые черные ботинки на толстой подошве. Я не разглядела черт его лица, боялась поднять глаза и посмотреть, но он был совершенно лысый. Такой в толпе не затеряется. Не для меня уж точно.

Охотник прошел мимо — мелькнула медленная тень, и сердце упало в пятки. Беззвучно ступая, прошел вперед, а я принялась судорожно искать выход из западни, в которую загнала себя. Посмотрев налево, убедилась, что угодила в тупик, и ускользнуть незамеченной не удастся. Оставался лишь путь обратно, на хорошо освещенную улицу с парой деревьев, которые даже теней не отбрасывали. Набравшись смелости, я двинулась вдоль стены к выходу, а на углу здания остановилась и соскользнула вниз. Сидя на корточках, осторожно выглянула, выискивая глазами охотника. Сколько бы ни старалась, улица казалась пустой. Выйти не хватало смелости, пульс душил, адреналин гудел в ушах, а перед глазами плыло. Но он тоже не торопился. Может, бэлморт решил, что жертва унесла ноги или скоропостижно скончалась от ужаса в подворотне грязной улочки? Собравшись с силами и шагнув на свет, я замерла. Под ногами скрипнул песок, звук показался оглушающим. Но никаких движений в ответ не последовало: не отделилась тень ни от одного дома, не колыхнулась листва, и не шелохнулись ветви деревьев. Тишина, как она есть. Тогда я рискнула выйти из укрытия и шмыгнула вдоль дома. Футболка под плащом прилипла к спине. От неприятного ощущения хотелось почесаться и отодрать влажную ткань от тела, но сейчас это была последняя по значимости проблема.

Двигаясь осторожными, маленькими шагами, прижимаясь плотно к зданию, я настолько осмелела, что направилась к дороге. Дома, здание почты и серое, неприметное строение с заколоченными окнами и облупившейся, когда-то голубой краской. В глаза бросилась вывеска над высокими дверьми: «Детский дом «Луч света»». Не знаю, почему мое внимание привлекла серая потертая доска с еле различимыми буквами. Что-то до жути

знакомое было в этой надписи. Кажется, я слышала об этом месте....

Кожу лица обожгло чужое дыхание. Вдруг из черной бесшумной дымки, скользнувшей мимо, соткался бэлморт. Его глаза сияли магией, в зрачках искрились звезды. Такие же холодные, как он сам. Охотник показался лишь на мгновение и вновь обратился в дым. Взмыл вверх, чтобы обрушиться густым смертоносным ураганом. Меня окутало черным дымом, в нос ударил запах гари. В беспамятстве я перекинулась в белый мгlistый ветер и ускользнула в сторону. А когда пришла в себя, то уже лежала у подножья плакучего бука. Ветви с темно-красными листьями, свесившиеся до земли, укрыли меня, но не защитили. Бэлморт запустил в дерево яркую оранжево-красную вспышку. Я перекадилась, шмыгнула за ствол, вовремя избежав обжигающего удара. На том месте, где только что лежала, трава вспыхнула и за мгновение прогорела. Поднявшись, но, все еще задыхаясь от шока, я вышла из-под лиственного занавеса и встала посреди дороги. Бегать больше не было сил. Так или иначе, пришлось бы встретиться лицом к лицу с бэлмортом. Он дал мне побарахтаться пару часов и насладиться остротой ощущений от смертельной погони. Как мило с его стороны. Посчастливилось же повстречать охотника, подошедшего к работе с азартом и юмором! Только мне так ошеломительно везло. Он любезно подарил мне несколько минут жизни. Трогательно...

На дереве тихо переговаривались черные вороны. Я слышала их, чувствовала нарастающее негодование. Откуда здесь они? Ночь — стихия хищников, и вороны к ним не относились. Обтерев грязные ладони о плащ, я прислонилась к дереву. Колени саднили, но боль отошла на з-адний план. Нужно было убираться отсюда подальше, вот только как? Он рядом, затаился среди мрачных декораций. Фонари будто в страхе, отвернулись от дороги. Деревья замерли, и слышно было лишь как шелестят перьями вороны... Я нечаянно наступила на гравий — мелкие камушки заскрежетали по асфальту и покатались к обочине. Птицы беспокойно сорвались с веток и, напыщенно галдя, закружили в воздухе.

Я вышла из тени бука. В голове отозвался шепот на крики воронов. Они словно переговаривались... Расставив широко ноги, охотник самоуверенно вздернул головой и пронзил меня ледяным искрящимся взглядом. Я ощущала его мощь, бегающую колючими разрядами по коже, запах гари напоминал вонь от опаленной кожи. Слепленное небрежной рукой лицо, будто неумелый мастер пытался создать из глины свой первый шедевр. Он уделил слишком мало значения форме носа, сделав его неаккуратным и на первый взгляд неровным. Карие глаза, в которых, казалось, смешались все оттенки коричневого — от золотистого до каштанового. Гладкая, блестящая кожа, едва заметная черная щетина и абсолютное отсутствие волос на голове. Весь его внушительный вид навевал мысли о големе — таком же сильном, таком же бугристом и нелепом. Но бэлморт, несмотря на всю иронию сравнения, с каждой минутой становился все более привлекательным.... Отогнав странные, даже пугающие мысли прочь, я отступила назад. Голем застыл, наблюдая за мной. Едва я решилась на очередную попытку скрыться, он рассыпался черной пылью в воздухе и у меня на глазах обратился в дым. Кажется, я разучилась дышать. Что-то лопнуло и разлилось в груди, по венам потек жар. Кулон под футболкой вплавлялся в кожу, будто раскаленный. Мои глаза полыхнули магией — я выставила руку ладонью вперед, глядя в искрящуюся тьму надвигающегося на меня смога. Это как смотреть в бездну перед прыжком. Чувствуя онемение на коже и ощущение неотвратимой безысходности, безволие перед одуряющей мощью — я не могла пошевелиться. Думала, что не могла, но заставила себя. Или птицы?

Они окружили нас черным галдящим вихрем. Их крики отражались от стен и окон,

звенели в голове. С моих губ слетел прерывистый вздох, в ту же секунду время словно остановилось. Крылья птиц хлопали над головой, задевали перьями волосы. Бэлморт оказался слишком близко, воздух между нами дрожал и переливался, словно иней. Вороны шептали в голове, кричали, тревожа глухую ночь. Трепещущее тепло в груди, вкус сладости на губах, и магия пролилась из меня. Она вырвалась обжигающим шквалом и снесла бэлморта. Его швырнуло через дорогу — покотившись по асфальту, он рассыпался пылью и черным вихрем унесся ввысь. Так быстро, что я не успела проследить взглядом. Он растворился в иссиня-черном мраке, словно канул в бездну. И больше не вернулся.

Птицы умолкли, но еще порхали вокруг меня. Шелест перьев и свист рассекаемого крыльями воздуха показались оглушающими в воцарившейся тишине. Сердце колотилось, мешая дышать. Опустив руку, я попятилась, ища опору. Один резвый и наглый ворон пролетел перед лицом. Я рефлекторно отмахнулась, но он вдруг посмотрел на меня. Совершенно осознанно — карие глаза, взгляд человека, не птицы. Ночной патруль Верховной Ведьмы. Фамильяры!? Дозорный из парка доложил. Похоже, теперь я стану знаменитостью.

К дому я долетела за несколько минут. Спустившись на землю в начале улицы, поковыляла без помощи магии. Оправив растрепавшиеся в полете волосы, отряхнула плащ и укуталась в него. Надеюсь, Мишель еще не вернулась и не увидит меня в таком виде. Иначе визгу будет... Усталость навалилась мягким, пуховым, но очень тяжелым одеялом, веки налились свинцом. Боль в ладонях пульсировала, колени жгло, но было уже совершенно наплевать — главное, добраться до дома и запереть за собой дверь. Когда я перебежала дорогу, скрипнула дверь соседнего дома — на улицу вышел Майло. Сначала я притормозила, рассчитывая на то, что останусь незамеченной, но сосед помахал, спеша к калитке. Разочарованно вздохнув, я побрела по дороге.

— Эшли? — встревоженным голосом позвал Майло, застыв у почтового ящика. Я печально улыбнулась, обхватив плечи руками, и нехотя остановилась. — У тебя на лбу кровь!? — парень придирчиво осмотрел меня с макушки до мысов туфель, и поднял ошарашенный взгляд. Я никогда не могла понять, нравится мне его лицо или нет. Оно определенно притягивало, хотелось разглядывать его украдкой, но и вызывало некую оторопь. А все дело в кривом, глубоком шраме над верхней губой. Где Майло его заработал, спросить я никогда не решилась бы. Сам он не расскажет, ведь мы не настолько близко были знакомы, чтобы обсуждать травмы, болячки и хвастаться рубцами, накопленными за годы. Темные, почти черные прямые волосы он разделял на прямой пробор, так, что они закрывали уши. И я не помнила его с другой прической. Золотисто-карие глаза, слегка заостренный нос, и худощавое лицо — ничего особенного, но улыбка придавала чертам мягкость и привлекательность. Если не знать, что под свободной синей толстовкой и черными широкими джинсами подтянутое тело, то можно решить, что Майло тощий, как глиста. Во дворе низкого, одноэтажного дома был турник, на котором сосед болтался все свободное время, а его у парня предостаточно. Он зарабатывал ремонтом на дому — знал толк в магических побрякушках. В тех самых, что продавались в магазинах, подобных «Мишель», и служили оберегами от всевозможных напастей. В случае, если купленный в лавке оберег приходил в негодность, его несли к Майло. Маг, наговаривающий заклятия, вкладывал чары и свою душу в каждый чудодейственный предмет, и на это уходила не одна неделя. Но и устранение дефектов отнимало не меньше сил. К сожалению, таких мастеров, как Майло, осталось очень мало — их не встретишь в шумном городе и вблизи людей. Редкий дар требовал уединения и сосредоточенности. Хоть Майло и называли низшим магом, он обладал могуществом вдохнуть в бесценную побрякушку новую жизнь. Возня с заклинаниями, замена разбитых и отслуживших свой срок деталей, как починка мелких механизмов часов. Кропотливая работа за невысокую плату, но ему на жизнь хватало.

Чтобы как-то смягчить затянувшуюся паузу, я чуть заметно пожала плечами и улыбнулась еще шире.

— Ночью на улицах Мортелля становится опасно бродить в одиночестве, — я загадочно вскинула головой. — А ты знаешь о моей уникальной способности спотыкаться о любую, даже самую маленькую дорожную ямку и камешек.

— Ты опять одна гуляла? — тихо и совершенно серьезно протянул сосед, отворяя шире калитку. — И спотыкнулась?

— Да, — я энергично закивала, изобразив печаль на лице. — Спотыкнулась. И сильно

ударилась. Очень сильно.

Иронию в моих словах сосед не заметил и сочувственно поморщился. Робко улыбнувшись, он быстро обернулся на дом, а в следующую секунду неожиданным жестом указал на дверь:

— Я хочу угостить тебя горячим шоколадом.

От его обезоруживающей, по-детски открытой улыбки стало неловко, и я не смогла отказать.

— Надеюсь, сестры не объявят меня в розыск, — пробормотала я, проходя мимо Майло, и ступила на дорожку из зеленых камней.

На территории дома не было никакой растительности кроме газонной травы и одинокого куста можжевельника около порога. Двор выглядел бедно и безрадостно. Железная дверь с большим глазком, обитая светлым, почти белым деревом, смотрелась громоздко на фоне однотонных, коричневых стен. Маленькие окошки с москитной сеткой и деревянными ставнями были плотно завешаны шторами. Майло будто отгородился от внешнего мира. Или создал видимость уединенности, чтобы отвадить чужаков. И чтобы попасть в обитель его спокойствия, нужно личное приглашение хозяина. Мне, похоже, повезло.

Узкий коридор служил прихожей. Чтобы попасть в столовую, пришлось повернуться боком и буквально протиснуться между стенами. Тут уже была просторная комната с круглым столом, застеленным цветастой скатертью, два деревянных стула, буфет с резными стеклянными дверцами и старинный комод ручной работы. Рядом с окном стояла напольная ваза. В ней благоухали белокрыльники редкого, персикового оттенка. Еще пестрый палас из кусочков ткани, похожий на мозаику — он придавал интерьеру по-домашнему теплый штрих. И все это было завернуто в полосатые, бордово-золотистые стены. Шторы на окнах темные и настолько длинные, что струились складками на пол. Словно горячий шоколад они растекались по ковру густыми фалдами. Золотистый свет от плоской, стеклянной люстры усиливал эффект, покрывая мерцанием все ткани в комнате.

За столовой находилась мастерская Майло, оттуда доносился нескончаемый перезвон живых оберегов, похожий на щебетание маленьких птичек. Виновато улыбнувшись, парень закрыл дверь в комнату и юркнул налево в арку, ведущую в скромную, но уютную кухню. Каждая дверца на полках и тумбах, каждая мелкая деталь мебели, включая ручки, была украшена цветочным орнаментом. Кто-то старательно выводил завитки перламутровыми красками. Плотные бледно-желтые шторы, золотисто-белые обои, люстра, похожая на распутившийся верх ногами одуванчик, настенные часы с кукушкой — мне нравились старинные вещи. Кто-то хранил их на чердаке, другие в гараже, а Майло находил им применение в обиходе.

Я остановилась, посмотрев на дверь с матовым стеклом. За ней остались гостиная, спальня и уборная. Опередив меня, Майло отодвинул стул и застыл в ожидании. Пришлось удовлетворить гостеприимство чудаковатого хозяина. Осторожно присев за стол, я сложила руки на коленях и оглядела темное, но красивое помещение. Над комодом висела картина с изображением водопада. Горы, утопающие в зелени, и лазурные брызги — если долго смотреть, то каскад капель оживал и стекал с полотна прямо на пол. Качнув головой, отгоняя чары, я невольно обернулась на дверь, ведущую в спальню. От тьмы, просвечивающей сквозь полупрозрачное стекло, в груди похолодело, и футболка прилипла к спине. Поежившись, я вновь повернулась к столу, но ощущение тревоги не исчезло. Майло

вернулся с двумя белыми чашками, в которых дымился шоколад. Улыбнувшись, я откинулась на спинку стула и незаметно потерлась об нее.

Поставив передо мной напиток, сосед опустился на второй стул. Я с опаской покосилась на коричневое пойло сомнительного происхождения, источающее приторно сладкий аромат. Сложив руки перед собой на столе, побарабанила по нему пальцами, не решаясь приступить к трапезе.

— Не волнуйся, — весело сказал Майло. — Я не сам его варил. Покупной полуфабрикат. — он усмехнулся, наблюдая за тем, как я поднимаю кружку и с опаской отпиваю из нее. — Люди стараются экономить на всем, особенно на времени, и на полках в магазинах появляются различные заготовки для быстрого приготовления. Все бы хорошо, но вкус у них уже не тот, не домашний, какой-то искусственный.... Полагаю, основной ингредиент ко всем полуфабрикатам — туалетная бумага.

Только горячая сладость коснулась губ, пролилась на язык, как возникло непреодолимое желание выплюнуть ее на стол. Шоколадный напиток оказался недурен на вкус, вот только от последней реплики Майло желание употребить его значительно снизилось.

— Люди хотят сделать свою жизнь комфортнее, — я задумчиво посмотрела в чашку. — Мы им в этом отчасти помогаем.

— Значит, мы так же, как и они, научились халтурить, — усмехнулся сосед.

Но вдруг улыбка с его губ сползла, а взгляд стал серьезнее и пронзительнее. Еще через мгновение на его лице отразился испуг. Вскочив со стула, он понесся на кухню и с минуту гремел дверцами полок. Я начинала нервничать, помешивая коричневую жижу ложкой. С ним никогда не знаешь, чего ждать. Майло вернулся, когда в голову закралась мысль удрать. Он принес вату, бинт и пузырек с прозрачным раствором. Я ошарашено отодвинулась от стола.

— Нужно обработать твои раны.

— Нет, Майло, — пробормотала я. — Ничего смертельного. Уже даже не болит.

Он с укором посмотрел на меня, качая головой. Пришлось смириться и позволить оказать помощь. Открутив крышку пузырька, Майло обильно смочил содержимым ватный тампон. И принялся натирать им ссадину над бровью. От усердия парня кожу начало щипать, и я непроизвольно взвизгнула.

— Можно я сама?

— Да, конечно....

Он перестал скоблить мой лоб и протянул тампон, а сам попятился к столу.

— Все же где ты умудрилась так упасть?

— Спешила попасть домой после смены в магазине Мишель, — сквозь стиснутые зубы ответила я, приложив вату к ладони. Обработав все ссадины, я поднялась из-за стола. Он отступил, пропуская меня в кухню. — Где у тебя ванная комната, Майло? Хочется отмыть кровь....

Майло не ответил. Отставив свою чашку с шоколадом, он повернулся к комоду и выдвинул верхний ящик. Изъяв круглое зеркало в деревянной оправе, протянул его мне. Я насторожилась, глядя на таинственно улыбающегося парня. Но стоило взглянуть на отражение, как меня охватило изумление. От ссадин и царапин не осталось и следа, не то, что шрамов! Чудодейственная жидкость из пузырька, которой я даже не знала названия, залечила все ранки, кожа выглядела обновленной и здоровой. Лучше, чем прежде!

Восхищенно округлив глаза, я опустила зеркало и посмотрела на Майло. Прочитав на моем лице немой вопрос, он расслабился и облегчено вздохнул.

— Зелье регенерации. Также его называют исцеляющим эликсиром. Заживляет порезы и язвы, незаменимая вещь в аптечке мага.

— А ножевую рану затянет?

Майло заметил нездоровый блеск в моих глазах и посуровел. Присев на край стола, он сложил руки на груди.

— Возможно, если вылить весь пузырек, и поможет.... Но я особо не рассчитывал бы. А с какой целью ты интересуешься?

— Из любопытства, — я небрежно пожала плечами. — Интересно, на что еще оно способно. А где взял? — я склонила голову, невзначай посмотрев на парня.

Майло нахмурился и отвел взгляд.

— В целительной лавке Вивиан Моррис, на пересечении улиц Роз и Набережной, — чуть слышно пробормотал он, пряча от меня глаза, будто я поймала его на чем-то непристойном.

— Я слышала о ней, — положив зеркало на стол, я отодвинула чашку с остывающим шоколадным напитком от края. — Говорят, Вивиан способна вылечить любую хворь, заговорить смертельную болезнь, но так ли это? — я неторопливо поднялась со стула: — Разве можно залечить дырку в животе одной только магией....

— Можно! — выпалил Майло, вскочив с края стола. Отступив по инерции назад, я едва не плюхнулась обратно на стул, но удержала равновесие. Стоило приблизиться к двери в спальню, как за ней что-то шевельнулось. Я замерла, невольно прислушалась — протяжно завывал сквозняк, створка окна ударилась о стену. Зазвенело стекло, резонируя с жалобным воем ветра. По спине пронеслась ледяная дрожь — по ту сторону за мной наблюдали сквозь матовое стекло. Что-то мягко прижалось к нему и выдохнуло — в помещении вмиг похолодало, мебель покрылась мерцающим инеем, словно обсыпанная сахарной пудрой. На губах таял пряный привкус, я нервно облизала их. Аромат ванили окутал меня, запах горячей выпечки в зимнюю стужу. Изумленно посмотрев на Майло, я прерывисто выдохнула — неужели брауни? Эти загадочные создания в благодарность за кров и пищу помогали магам по хозяйству и оберегали жилище от темных сил. Как в старой-доброй сказке. Домовых не часто встречались в наше время, они уходили подальше от шумных городов. Повернув голову, я всмотрелась в мутную гладь, надеясь увидеть лохматое существо. Порыв магии волной окатил дверь и боязливо отхлынул. Звук падающей мебели, и тишина. Я осторожно сглотнула и покосилась на Майло. Темные глаза светились холодом и смотрели прямо на меня. Сердце колотилось, но скорее от неожиданности, чем от страха. От парня рябью в воздухе исходила вырвавшаяся на свободу сила. Извивающийся, подобно змее, жар, скользящий рядом с лицом, но не касающийся кожи. Я чувствовала, как он рос и становился горячее, больше. Достаточно одной искры, чтобы оказаться в плену обжигающей магии. Мгновение, и она задушит меня, скрутит в жгут, доставляя невыносимые муки, оставляя неизлечимые ожоги, от которых останутся глубокие, безобразные шрамы....

Майло хмыкнул, прикрыл усталые глаза, и на его губах заиграла улыбка. Магия рассеялась, оставив после себя горькое послевкусие. Облегченно вздохнув, я отлипла от стены, потирая замерзшие ладони.

— Что это было? Скажи, что брауни, Майло.

Сосед молчал, испытующе вглядываясь в мое лицо. От страха перехватило дыхание, и я

втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Внезапно Майло прикрыл веки и усмехнулся.

— Тебя так легко напугать, Эшли? — он открыл глаза, в них не осталось и тени магии. Поднявшись, он расплел руки и взял мою чашку со стола. Протянув ее мне, задумчиво посмотрел на содержимое и нахмурился. — В детском доме мы играли с брауни. Они доверчивые, но диковатые. Могли швырнуть всем, что под руку попадет. Одному мальчику даже зуб выбили.

— В последнее время столько всего происходит.... Наверно, нервы шалют, — согласилась я и решила перевести тему разговора в менее тревожное русло:— А когда ты увлекся починкой магических вещей?

— Еще в детском доме. Сначала ремонтировал детские игрушки, но как-то наткнулся на свалке на ловца сновидений и решил вернуть ему жизнь, — он вздохнул и посмотрел в сторону. — И получилось. Тогда мне показалось это чудом и знамением — с тех пор соседи стали приносить разбитые статуэтки, ветряные колокольчики и обереги.

— А в каком детском доме ты был? — спросила я, чтобы поддержать беседу, пока двигалась к выходу.

— В «Луче света», — бесхитростно ответил Майло.

Я замерла. Второй раз за ночь всплывало название этого детского дома.... Задумавшись, я не заметила, как налетела на табурет, стоявший у стены, и, едва не упав, привалилась к стене. Майло озабоченно обернулся и заметил, что я уже почти у дверей. Его брови взлетели на лоб. Он двинулся к столу и взял со стола пузырек с заживляющим зельем. Я улыбнулась, получив его в подарок. Майло вложил склянку в мою ладонь и робко улыбнулся в ответ.

— Спасибо.

— Не ходи одна по ночам и смотри под ноги, — абсолютно серьезно наказал он, и я рассмеялась, отворяя дверь.

— Постараюсь.

Утром я спустилась на кухню. Мишель с увлеченным видом колдовала у плиты. Я пронеслась мимо нее порывом весеннего ветерка, как ни в чем не бывало. Сначала за чашкой и чайником, затем за графинчиком со сливками. Колебания воздуха коснулись волос сестры. Она обернулась и смерила меня глубокомысленным взором. Я застыла перед ней, перестав помешивать ложечкой кофе.

— Мы ждем гостей? — я окинула беглым взглядом свой внешний вид. Короткие черные шортики и светло-серая футболка с кроличьей мордочкой на груди. Вроде ничего особенного. Волосы наскоро перехвачены заколкой. На лице не осталось следов после вчерашних ночных походов, благодаря стараниям Майло. Я уже подумывала навеститься в целительную лавку Вивиан — что, если там найдется что-то поинтереснее заживляющего зелья? Я вновь посмотрела на сестру. Что же могло так насторожить Мишель?

Она хмыкнула.

Нет.

— Тогда что я сделала?

— Пока не знаю, — вздохнула сестра и отвернулась. Ловко перевернув лопаткой румяные блинчики, потянулась за тарелкой.

Пожав плечами, я подошла к столу. Выводя узоры на густой пенке кофе, задумчиво опустила на стул. Но внимание Мишель назойливо преследовало меня. Подняв голову, я увидела ошарашено-подозрительную мину на ее лице и улыбнулась милейшей из улыбок.

— С тобой все в порядке, Эш?

Я просияла, демонстрируя радушное настроение. Нахмурившись, Мишель отошла от плиты и, придирчиво разглядывая, обошла меня вокруг. Я слышала аромат ее цветочных духов, ощущала легкость кружевной ткани нежно-бежевого платья, подол которого касался ног, и совершенно точно понимала, что она искала следы магии. В эту самую минуту. Но, так и не обнаружив, с недовольным видом, будто ее надули совершенно скверным образом, остановилась. Сестра уперла кулачки в бедра. Припав губами к чашке, я улыбнулась.

— Сегодня лучше, чем вчера.

Ее блестящие локоны волнами падали на плечи и закрывали шикарный кружевной вырез платья. Едва заметный макияж подчеркивал естественную красоту и глубину взгляда. Вот только морщинка на переносице портила весь портрет. Хмыкнув, сестра скрестила руки на груди. Я улыбнулась еще шире:

— Мишель, все отлично. Меня никто не опоил и не околдовал, не беспокойся.

— Ты странная, — по-детски наивно протянула она. — Я же чувствую, что что-то не так, а мое чутье не обманешь!

— Ну, подумаешь, — небрежно взмахнула я рукой и поморщилась, переключив внимание на чашку с остывающим кофе. — Может, у меня появился поклонник?!

— Майло что ли? — буркнула сестра. — Это не секрет, он с переезда сохнет по тебе.

— Почему сразу Майло? — возмутилась я.

— Я видела, как ты ночью выходила от него.

— Это ничего не значит.

— А, — лицо Мишель озарилось, и это ничего хорошего не предвещало.

Я заранее поджала губы, а сестра воодушевленно заулыбалась. Вскинув надменно

головой, облокотилась на стол, чтобы лучше видеть мою реакцию.

— Наверно, это тот патрульный? Шерман или как там его....- она расплылась в издевательской улыбочке.

Ослабившись, я демонстративно поднесла чашку ко рту.

— Нет. У тебя последняя попытка.

Мишель снова хмурилась — сложив руки на столе, опустила на них голову, пробежавшись задумчивым взглядом по помещению. Я знала, что она не догадается. Да, коварный ход, но не могла же я признаться в том, что полночи носилась от бэлморта?! Который, по неизвестной причине, не тронул меня и пальцем. Ну, почти не тронул. «Лысая гора мышц» определенно преследовал четко поставленную цель.... Осталось выяснить, какую именно. Но сейчас я пребывала в состоянии, близком к эйфории — сбылась давняя мечта, и я повстречалась лицом к лицу с самым настоящим бэлмортом! Бойся своих желаний, Эшли....

Мыслительный процесс у Мишель продвигался все туже. Казалось, если прислушаться, то можно услышать скрип шестеренок в ее голове. С абсолютно подавленным видом она растеклась по столу, словно хотела с ним от досады слиться воедино. Стало жаль ее. Я почти смирилась с мыслью, что придется выложить всю правду, как на духу, но на кухню спустилась Моника. И спасла нас обеих.

Моника выглядела шикарно. Впрочем, как всегда. В черном деловом костюме, подчеркивающим точеную фигуру, состоящем из юбки-карандаша, приталенного пиджака с отделкой из кожаных полосок и белой блузки с воротником-стойкой. Струящиеся черные волосы, сияющие глаза и кожа — она привыкла выглядеть на все сто. Магия творит чудеса. Довершали туалет черные блестящие туфли на шпильке.

Она, молча, прошла к столу, налила в свободную чашку кофе из кофейника. Даже не потрудившись заглянуть в нее и проверить на наличие остатков других напитков, что на нее не похоже. Выпив залпом, Моника направилась к выходу, хватая на ходу с вешалки черную папку с документами. Я проводила ее взглядом, а Мишель, похоже, и не заметила появления старшей сестры — так и вращала глазами с обреченным видом.

— Что случилось, Моника? — наконец, не выдержала я.

Сестра озабоченно металась по холлу, чуть слышно бормоча что-то под нос. Только внимательнее присмотревшись, я заметила несвойственную ей бледность и болезненные синяки под глазами. Взгляд, остекленевший и уставший, наводил на мысль о том, что она провела бессонную ночь. Это не могло не озадачить.

— Меня повысили, — пробормотала Моника. — Кеннет, мой главный конкурент, мертв.

— Что? — очнулась Мишель и обернулась к Монике. — Как это произошло?

— Долгая история, — отмахнулась та, открывая входную дверь. — По предварительному заключению судмедэкспертов, убит бэлмортом. Ну, все. Я побежала, — она продолжала говорить, но захлопнувшаяся входная дверь отсекала последние слова.

Мы переглянулись. Реакция Моника не могла не настораживать; вкралось сомнение, не были ли они с Кеннетом любовниками? Сколько сестра работала в агентстве недвижимости «Миаль», столько мы слушали ее гневные излияния в его адрес. Что ж, стоило дать ей время, а потом расспросить с пристрастием.

Мимо окна мелькнула тень — по дороге пронесся автомобиль. Я невольно повернулась посмотреть. Взгляд упал на опустевший дом Саммер, темнеющий зловещим пятном на

залитой солнцем улице. Блики играли на фасадах и окнах соседних коттеджей, скользили по крышам, обходя стороной проклятое небесами жилище. Даже из кухни я ощутила холод, исходящий от него. Передернув плечами, я поднялась со стула и направилась к окну. Дом будто тлел под ласковыми осенними лучами. Крупица за крупницей терял прежние оттенки и четкие линии. Понурую крышу засыпало пестрыми листьями дуба и красного клена, флюгер покосился и скрипел в такт порывам ветра. Ставни посерели, краска на стенах поблекла и потрескалась. Желтая лента дрожала и перекручивалась. Там поселилась тьма, и даже огонь не избавит землю от магии смерти.

Как и я, полиция склонялась к версии о бэлморте. Но кто же дергал за ниточки и выбирал жертву? Всегда есть заказчик, и было необходимо выяснить, кто он. Разумеется, копы не станут рыть носом землю, чтобы найти убийцу. Только потому, что в деле замешан охотник за головами. Одна надежда на профессионализм и дотошность детектива Брейнта, но он страдал личной неприязнью к роду магов в целом. Бэлморты не позволят ему близко подобраться. Их чутье на угрозу безупречно. Они уничтожат его, едва заподозрив слежку. Но разве это повод бросать дело и не наказывать виновного? Или повод?

Грудь сдавило от неприятного предчувствия. В доме наверняка остались улики, и полиция обошла их стороной. Или вовсе не заметила — люди не желали подвергать себя опасности. Конечно, они заявят Верховной Ведьме, будто сделали все, что было в их силах, но убийца неуловим! Таким образом, преступник останется безнаказанным на законном уровне. Но ведь это ложь! Они и с места не сдвинутся, замнут свидетельские показания, потеряют вещественные доказательства, и все шито-крыто.

Тяжело вздохнув, я через плечо посмотрела на Мишель. Она убрала сковороду с плиты и, включив воду в раковине, гремела посудой. Ее плечи напряглись, она не хотела смотреть на меня. Уже догадалась. Закрыв глаза, сестра устало запрокинула голову. Давно мы с Лорелеей ни во что не ввязывались....

— Как ты собираешься это проверить?

— Легко и непринужденно с твоей помощью, — бесхитростно ответила я, разворачиваясь к окну. — Мне надо лишь стать невидимой для людей на некоторое время. И все.

— Дел-то! — саркастически воскликнула Мишель и повернулась ко мне лицом. Оправив обтягивающее до бедер и расходящееся колоколом книзу платье, прошла через кухню и остановилась около меня. Скрестив руки на груди, она посмотрела долгим безрадостным взглядом на дом Саммер. Мысленно взвешивала все «за» и «против». Она взяла с меня слово не впутывать ее в эту темную историю. И снова я его не сдержала. Куда я без Мишель?!

Я терпеливо молчала, ожидая решения сестры — она не могла оставаться в стороне. Мишель оберегала меня, всегда подсказывала хитроумную уловку, чтобы избежать провала и удачно выпрыгнуть из ловушки. Несколько минут прошло прежде, чем она глубоко вдохнула и медленно выдохнула, а затем тихо, почти шепотом произнесла:

— Я могу укрыть тебя от смертных на час, Эшли. Но ты должна следовать одному важному правилу.

Мишель повернулась медленно, обводя кухню немигающим взглядом.

— Не касаться людей и не позволять им касаться меня. Делать, что хочу, но избегать телесных контактов, иначе маскировка растает, как дымка. Я не собираюсь в часпик в торговый центр на распродажу, так что, — протянула я и, разведя руками, улыбнулась.

Хмыкнув, сестра расплела руки и направилась к лестнице, жестом указав следовать за ней. Меня не нужно просить дважды. Сразу направо на втором этаже располагалась комната Мишель. Воздушная и светлая, ее основной цвет синий, как рассветное небо. В центре — круглая кровать с высокой спинкой, вокруг раскиданы разномастные и разноцветные подушки. Сидеть на полу перед телевизором, обложившись ими — излюбленное занятие сестры. Бледно-голубые, почти белые стены украшали огромные фото в рамках: цветы крупным планом, сверкающие от росы, диковинные птицы и бабочки — все в сине-белой гамме. Прикроватная тумба с ночником, напротив трюмо, у стены — высокий белый шкаф с резными дверцами. Перед телевизором — диван нежного голубого цвета. На полу мягкий палас, слева в центре — круглый стеклянный кофейный столик. Шторы цвета аквамарина создавали приятные сумерки в комнате, а настенная подсветка добавляла бликов. И несметное количество побрякушек из ее любимого магазина! Они повсюду: на спинке кровати, зеркалах, шторах. Легкий ветерок, и перезвон заполнял уютную комнату.

Между моей комнатой и спальней Мишель — гостиная, занимающая большую часть этажа. Круглый стол, покрытый бордовой ажурной скатертью, за которым мы собирались по вечерам. Книжные шкафы, под завязку набитые старинными книгами, от одной мысли о возрасте которых бросало в дрожь. Стеклянные полочки заставлены красивыми и необычными статуэтками — работа Мишель, и мало, кто знал, какую роль они играли в интерьере и нашей жизни. Некоторые из них способны излечивать, другие восполняли силы или причинить вред — главное, знать, как с ними обращаться.

Тусклая люстра низко свисала над столом. Абажур переливался, словно покрытый бисеринками утренней росы. Мягкий, розовый палас, в котором утопали ноги, три стула, обитых бордовым бархатом, и темные шторы на высоких окнах. Бледно-розовые обои с узором из завитков и листьев идеально гармонировали с рисунком на стеклянных дверцах секретера. Мешочки с травами и редкими ингредиентами прятались в выдвижных ящичках книжного шкафа.

Приготовление заняли чуть больше двух часов. Сначала Мишель перевернула вверх дном все содержимое шкафа, пытаясь отыскать необходимые ингредиенты для заклятья невидимости. Склонившись над выдвинутыми ящичками со склянками и мешочками, она капалась в них, перебирая и отбрасывая в сторону один за другим, а когда находила нужный, то эмоционально восклицала и злорадно хихикала. Что ж поделаешь, если для сестры приготовление зелья, как и стряпня, являлся наисложнейшим разделом магии?! В Университете он давался ей со скрипом, но именно поэтому успех доставлял неопишемую радость. Я тихо сидела на краю дивана, вздрагивая каждый раз, когда она громко ругалась и швырялась пузырьками с зельями. Процесс подготовки — самый изнурительный и трудоемкий, но моя психика выдержала это испытание. И когда Мишель, взъерошенная и покрасневшая, выпрямилась и громко вздохнула, на душе стало немного легче, а с губ слетел стон облегчения.

Она разложила ингредиенты на столе, поставила толстую свечу, глубокое глиняное блюдо, налила в него воду и пальцем подозвала меня к себе. Я покорно поднялась с дивана и медленно подошла ближе. Последовательность добавления элементов и процедуру наложения заклятия прекрасно знаю сама, но предпочитаю смотреть, а не делать — никогда не любила зельеварение. Возможно, виной тому неусидчивость и неумение делать все сосредоточенно? Мишель закидала в блюдо с водой все необходимое, капнула масло корней ангелики и подожгла, коснувшись пламенем свечи этой горючей смеси. Жидкость

полыхнула и мгновенно потухла. Расплескавшись зелено-синими огненными волнами через края, растворилась в воздухе, не тронув скатерти. Я встала напротив сестры и посмотрела на нее. Глаза Мишель искрились золотисто-зеленым огнем, как и кулон на шее, и от этого волшебного зрелища захватывало дух. Кисти ее рук, будто подсвеченные изнутри, мерцали золотом. От кончиков пальцев тянулись сияющие нити и таяли в холодном пламени заклинания. Таинственный взгляд смотрел на меня, но мимо, вглубь, в самую душу. Внутри все замирало, когда ее рука неожиданно вздрагивала, разбрызгивая зелье вокруг меня. Горячая, ароматная жидкость касалась волос, кожи, одежды и моментально испарялась, окружая невидимой, но осязаемой пеленой. Я буквально чувствовала ее и не удержалась — ткнула осторожно пальцем. Теплая и тягучая на ощупь поволока поддалась и прогнулась, подобно жвачке, потянулась под давлением, но не лопнула и не порвалась. В голове стелился туман. Все в комнате окрасилось в теплый желтый цвет. Движения сестры казались замедленными, неторопливыми и походили на изящный чувственный танец. Мишель взяла меня за подбородок горячей от магии рукой, заставив смотреть ей в глаза.

— Четко следуй моим указаниям.

— Можно подумать, в первый раз....

— Тише, — шикнула она. — Я должна предупредить, хочешь ты того или нет.

Закружилась голова, а тело стало легкое, словно перышко. Стены комнаты качались и плыли, увлекая за собой. Удержавшись от желания отдаться волнам магии, я оперлась ладонями на стол, чтобы невесомые ноги не отрывались от пола и не тащили меня вверх. Неужели меня присосет к потолку, как воздушный шарик, заполненный гелием?

Напоследок измазав мой лоб зельем, Мишель затушила свечу и медленно выдохнула. Я проваливалась в нирвану, сотканную из травяных ароматов, запаха воска и неосознанных магических рук, пытающихся поднять меня в воздух. Открыв глаза, заморгала, вспоминая, где нахожусь.

— Теперь дело за тобой, Эшли, — не своим голосом произнесла Мишель, и я посмотрела ей в глаза.

Магия потухла в них, как и в кулоне, но оставила след на ее лице тусклой тенью, словно кто-то убавил яркость. Я вдыхала ее, ощущала на коже легким покалыванием. И каждое слово давалось сестре с трудом, как будто обряд высосал из нее все силы. Она говорила все тише:

— Не касайся людей, не подпускай их близко, избегай телесных контактов....-наставляла она, а я послушно, как болванчик, кивала головой. Отпустив стол, направилась к выходу, но покачнулась и снова замерла, дожидаясь, когда мир остановится, а комната перестанет вращаться.

— Я помню, — дверь оказалась напротив, а не на потолке, как секунду назад. Я поспешила выйти в нее, пока помещение вновь не перевернулось с ног на голову и не покатило кubarем. Но только схватилась за ручку, как на плечо легла горячая, почти обжигающая ладонь Мишель. Я обернулась и, судя по реакции сестры, видок у меня был жутковатый. Она резко отстранилась, но руку не убрала. Ее лицо вытянулось, в глазах зашевелилось сомнение.

— Твои глаза....-, прошелестела она. — Они почти без зрачков.

— Наверно, у меня аллергия на твою стряпню, — съязвила я, ворочая тяжелым, непослушным языком, но Мишель не обратила внимания. Ее волновала моя безопасность, а не неожиданно проснувшаяся дерзость и чувство юмора.

— Запомни: невидимая не значит бестелесная! Если ты не заметишь машину, она все равно тебя собьет. Ты поняла, о чем я?

— Хватит говорить со мной, как со слабоумной девочкой! — проворчала я. — Все ясно: нужно обходить предметы, заходить в двери, а не пытаться просочиться сквозь стену. Я справлюсь.

Вновь оглядев меня с ног до головы, Мишель обреченно кивнула и тяжело вздохнула. И только после этих демонстративных проявлений тревоги, убрала руку с моего плеча. Открыв дверь, я поплыла по коридору к своей комнате. Надела черные джинсы, темно-синий пуловер с глубоким вырезом, натянула узкие сапоги на низком каблуке и накинула черный тренчкот. Его карманы набила необходимыми мелочами, незаменимыми в нелегком деле взлома чужого жилья. Подивившись своей виртуозности в состоянии крайней заторможенности, я, довольная, пошагала к лестнице, уже гораздо тверже чувствуя землю под ногами. Мишель смотрела с опаской на мои телодвижения, когда я, гордо задрав нос и высоко поднимая ноги, спускалась по ступеням. Удачно миновав лестницу, я оказалась на первом этаже и с чувством еще большей гордости за себя, посеменила к выходу, оставив позади сестру, свесившуюся через перила.

Глава 12 (продолжение)

Дверь позади не успела захлопнуться, как передо мной взвился пестрый вихрь листвы, застилавшей ажурным ковром подъездную дорожку. От неожиданности перехватило дыхание. Когда голова прояснилась, и стало легче дышать, я осмотрелась. Улица выглядела необитаемой — ни прохожих, ни машин, только безликие дома, похожие на пустые морские раковины. Облака размазались по небу воздушной пеной. Казалось, они стояли на месте. Ветер затрепетал в волосах запутавшейся бабочкой. Удостоверившись в том, что окна соседних домов задернуты шторами, и за ними нет признаков жизни, я направилась к дому Саммер. От него исходил звук, похожий на сквозняк, и с каждым шагом он нарастал, надрывно завывая. Душу выворачивало наизнанку — так ревет бездна, затягивающая жертву в безжизненную тьму. И имя тому звуку — магия смерти. Что бы ни говорили копы, мою соседку убил бэлморт — только он мог оставить настолько жуткий шрам на ауре дома. И он никогда не затянется. След силы, как клеймо: его не смыть и не изгнать никакими заклятиями. Это знали мы, но не люди, и недобросовестные агенты по недвижимости продавали несведущим смертным дом, в котором когда-то был убит маг. Отсюда полтергейст и сказочная невестуха в жизни хозяев, про которую снимали фильмы ужасов кинорежиссеры, высасывая недостающие подробности из пальца. И зарабатывали предприимчивые экстрасенсы, не брезгующие поживиться на чужом несчастье.

Желтая полицейская лента, опоясывающая всю территорию дома, устрашающе шелестела и колыхалась на ветру. Я остановилась перед калиткой, испытав первый укол страха от леденящего душу ощущения недавней смерти, и поежилась. Растерев плечи ладонями, глубоко вдохнула и собралась с духом. Пора! Достав из карманов кожаные перчатки, надела их и, просунув руку между кольями забора, потянула за щеколду. Замок калитки сдался без боя. Какие бы чары и магические охранные системы ни защищали дом при жизни хозяев, они испаряются после их смерти. Вот так просто и печально.

Осторожно приоткрыв калитку, шмыгнула во двор, пригнувшись под лентой. Другие маги могли почувствовать мое присутствие, но исключительно находясь поблизости, так что бояться было нечего. Когда калитка бесшумно закрылась, я, будто попала в другой мир. Вернее, все тот же, но с изнанки, потускневший от холода и отсутствия заботливых рук хозяйки. Цветы завяли и опустили бутоны, точно скорбно склоненные головы. Газонная трава засохла и пожелтела, как глубокой осенью. Чутье подсказывало, что лучше обходить лужайки стороной, и логика здесь отдыхала. Просто предчувствие. Шагая по узкой дорожке, старалась не прислушиваться к посторонним звукам, бормотала себе под нос, что все это нематериально. Так и добралась до входной двери. Как ни странно, помогло.

Осталась одна маленькая проблемка — проникнуть в дом. Запустив руку в карман тренчкота, я выудила из него пузырек с причудливым носиком. Его содержимое — результат трудов Мишель. Грязно-желтое зелье, напоминающее масло, одна капля которого, попадая в любой замок, заставляла механизм «вспомнить» последнее совершенное им действие. Устройство, созданное для защиты жилищ, самостоятельно открывалось, и проделывать подобный фокус можно бесконечно. Думаю, не стоит уточнять, что такое зелье вне закона и изготавливалось исключительно по заказу за ошеломительную цену, да и только однократная доза....

Капнув износика зелье в дверную скважину, я подалась назад, не отводя взгляда от

занимательного процесса. Конечно же, я не впервые пользовалась Неодушевленной Памятью, но каждый раз наблюдала с детским восторгом. Механизм «ожил» через пару секунд и тяжело заворочался, закрипел, раскачиваясь перед оборотом. Потом провернулся два раза, облегченно шелкнув напоследок, и снова стал неодушевленным предметом. Мысленно возликовав, я убрала пузырек обратно в карман и открыла дверь.

На меня обрушился удушающий запах смерти, и я закашлялась, прикрыв лицо рукавом. Испугавшись, что соседи могут услышать, забежала внутрь и закрыла за собой дверь. С первых мгновений стало ясно, что здесь что-то не так. Когда тело Саммер выносили из дома, мне не удалось детально рассмотреть через проем обстановку холла. На стенах я заметила кровавые пятна, на простыне, но абсолютно точно ни капли не было на теле девушки.... Как такое возможно?

Я стояла посреди светлой прихожей, где стены были отделаны белыми панелями с серебристыми хитро переплетающимися узорами. Потолок с лепниной и плоской люстрой, резная винтовая лестница, ведущая на второй этаж и чердак. Пол выстелен светло-бежевым ламинатом, рядом с окном белоснежный гарнитур из высокого шкафа-купе с матовыми стеклянными дверьми, высокие зеркала, украшенные искусственными камнями, и полки для обуви. Я восхитилась бы роскошью обстановки и изысканным вкусом Саммер, если бы ни уродливые красные мазки повсюду, портящие впечатление от дорого обставленного помещения.

От подножья лестницы вверх по стене тянулись густые кровавые отпечатки ладоней. Я не сразу осознала, что вижу — стояла и всматривалась, пока перед глазами не сложилась четкая картинка. В тот же миг сердце вздрогнуло и заколотилось, неожиданно подкосились ноги. Нет, я не теряла сознание при виде мертвых тел и луж крови — главное убедить себя в этом. Когда шла сюда, не предполагала, что увижу столько грязи. Зловония заполнила все пространство и уже ощущалась во рту. Кажется, одежда и волосы уже пропитались ею, но меня это не остановило. На стене виднелись подтеки, словно кровь стекала дождем, но высохла раньше, чем достигла пола. На нижней ступени алела отметина, повторяющая силуэт человеческого тела. Я не знала наверняка, где обнаружили тело феи, могла лишь строить догадки. И вот одна из них: раненная Саммер пыталась спастись и ползла вниз, чтобы позвать на помощь или выбраться на улицу, но оказалась слишком слаба. Убийца настиг ее и прикончил. Да какая разница?! Как бы сильно жертва ни истекала кровью, она всегда стремится сбежать, приложив все возможные усилия. Вдохнув глубже, я рассудила, что наверху дышать будет еще менее приятно, двинулась к лестнице. Здесь всего лишь цветочки, а самое интересное и красочное впереди.

Холод сочился по ступеням, как ледяная вода, забирался по ногам и сковывал тело в незримые оковы. Я с замиранием сердца шла дальше, преодолевая ступень за ступенью, приближаясь к неотвратному ужасу. Косилась на густеющие и принимающие более отчетливые контуры ладоней на стене. Цвета становились насыщеннее и сочнее, а отпечатки — жирнее и ужаснее. Саммер опиралась на стену, поспешно спускаясь вниз, а на шестой ступени сверху упала и стала дальше продвигаться ползком — мазки крови резко падали вниз.

Добравшись до верхней ступени, я застыла, прислушиваясь к ощущениям. Совсем близко пульсировал отпечаток магии, почти осязаемыми всполохами воздуха плескался на коже. В стене слева чернел скол с обугленными краями. Лишь одно существо оставляло следы гари и копоты.... Взявшись за перила, я подняла взгляд и посмотрела на потолок. Еще

не поняла, что вижу, а голова уже пошла кругом. Дом пошатнулся, уронив меня на ступени. Я припала спиной к стене, подобрав ноги и прижав колени к груди. Глотнув жадно воздуха, попыталась успокоить бешеный пульс, но взгляд сам собой возвращался к потолку. Сквозь темные разводы засохшей крови проглядывали грубые линии и контуры, повторяющие изгибы человеческого тела. Они резко обрывались, будто жертву швыряли из стороны в сторону. И как завершающая деталь омерзительного узора — крупный бисер каплей крови, покрывающий белоснежную лепнину.

Чуть отдышавшись, я нашла в себе силы подняться и пройти дальше. Первой на очереди была гостиная, и дверь в нее оказалась прикрытой. Взявшись осторожно за ручку, я закрыла на миг глаза: по коже пробежал холодок, по стенам ползла зловещая тьма. Она услышала меня и потянулась к теплу, которого так жаждала. Ее холодные пальцы хотели коснуться жизни. Но это не помешает мне осмотреть дом до последней каморки. Все, чего хотела тьма — прилипнуть ко мне и нести несчастья. Нет уж, такого шанса я ей не дам. Благодаря защите зелья Мишель, я могла не волноваться о влачащейся следом магической дряни. Сложно было не вздрагивать от скользких влажных звуков и ледяных пронизывающих дуновений черной магии. Но возможно. У меня в распоряжении, по меньшей мере, оставался еще час, так что надо было спешить.

Твердо повернув ручку, я открыла дверь в гостиную. Меня ослепил солнечный свет, льющийся из огромного окна, расположенного точно напротив. Шагнув вправо, прижалась к стене и огляделась. К счастью, крови здесь оказалось не так много, но были отчетливо видны следы борьбы. Секретер с разбитыми стеклами в дверцах, перевернутый диван в пятнах копоты и с рваными дырами, из которых выпирали хлопья обивки. От телевизора остался только экран, и тот разбитый вдребезги. Россыпь черных осколков на нежно-голубом паласе, под журнальным столиком клубок разноцветных проводков, пластиковые панели, разбросанные по всей комнате. Шторы были оторваны вместе с гардинами. Ворохи блестящей, струящейся синей ткани лежали на полу, усеянные мелкими брызгами крови. На стене густой темно-алый мазок, как от тяжелого удара, а вокруг множество вмятин и сколов от магического дождя. Саммер и ее убийца сражались, но противник оказался сильнее и швырнул ее о стену. В доказательство моей догадки — кровавый отпечаток и разбитое зеркало над камином с уродливой бороздой из трещин и крови.

Я обошла комнату, тщательно осмотрев пол, стены, мебель, обшарив каждый ящик и каждую полку, но повсюду видела только кровь и сажу. Провела ладонью над каждым повреждением, каждым предметом, не касаясь, но совсем близко, чтобы почувствовать вибрацию магии. Никаких зацепок, чего и следовало ожидать. Но кое-что все-таки смущало: во-первых, почему бэлморт не убил Саммер на месте, а изувечил и протащил по всему дому, да так откровенно наследил? Во-вторых, каким образом он проник на территорию дома, если была наложена магическая защита на забор и калитку? Шагни бэлморт на дорожку, все соседи узнали бы об этом, поднялся бы истошный вой, а тут тишина... Только после смерти хозяина дома чары развеивались, и никто, кроме него и изготовителя заклинания снять их или разрушить не мог. Убийца среди ее знакомых или их просто-напросто было двое?

С каждой минутой озноб становился сильнее и явственнее, но я должна была закончить начатое, как бы паршиво себя ни чувствовала. Тьма следовала за мной по пятам. Я слышала ее медленное и плавное движение, ощущала кожей мановения в воздухе. Она дышала в спину и то подбиралась ближе, то неуловимо отстранялась. Магия чувствовала и видела меня, но не могла дотронуться.

Меня колотило мелкой дрожью, когда я подходила к спальне. Отделаться от ощущения потусторонней субстанции, дышащей в затылок, не получалось. Слишком близко она кралась, слишком быстро высасывала из меня энергию. К горлу волной подкатила паника. Проглотив колотящееся сердце, я распахнула дверь и застыла на пороге. Представшая картина так потрясла, что на мгновение я утратила способность думать.

Бесподобный дизайн, несомненно, заслуживал особого внимания — белоснежные стены с песочными переливами и коричневыми завитками, хрустальная люстра, мебель черного дерева в стиле минимализма. Комбинация из шкафа, тумб с большими выдвижными ящичками, и стеклянных полок, на которых стояло множество декоративной посуды. Причудливые цветные вазочки, тарелки, графин с крохотными рыбками и множество декоративных фигурок и статуэток. Сначала я решила, что рыбки живые, но вскоре заметила, что они неестественно плавали взад-вперед, словно заведенные. Безделушка, не вызывающая интереса с точки зрения магии. Да, в последнее время все чаще в газетах появлялись статьи о новом промысле мошенников. Люди дорвались до подделки зачарованных вещей, включая амулеты и обереги. Это влекло за собой серьезное наказание по законам магов, если, конечно, полиция доставит нарушителей к Верховной Ведьме лично. И вчера Майло рассказывал о массовом помешательстве смертных на безвкусице, выдаваемой за чудотворные изделия. Любопытно узнать, каким образом весь этот хлам попал в квартиру феи?

Светло-коричневые шторы были плотно задвинуты, и солнечный свет не проникал в комнату. Сумрак скрадывал цвета. Я осторожно скользила взглядом справа налево, подробно рассматривая каждую мелочь, каждую завитушку узоров, следуя к самому страшному месту в доме. Я знала, что там, в глаза бросилось, как только открылась дверь в спальню, но вовремя отвела взгляд и попыталась отвлечься. Шикарная художественно-кованная кровать с когда-то нежно-бежевым покрывалом, отделанным пушистой бахромой. Рядом — черный комод с настольной лампой, круглым зеркалом и двумя белыми вазами с экзотическими, засушенными цветами. Итак, кровать....

Если бегло пробежаться взглядом, могло показаться, что постельное белье слишком темное, а над изголовьем красочный орнамент. Но если присмотреться, то перед глазами всплывали сцены из фильмов ужасов, не имеющих нити сюжета, но компенсирующих этот маленький минус многочисленными кадрами расправ и пыток. Первое, что пришло на ум — здесь кого-то съели, но я видела тело Саммер, и на нем не было никаких следов насилия, кроме обугленной дыры в груди. Странно.... Если не сказать, безумно.

Багровая лужа крови, высохшая и превратившаяся в сморщенное, мерзкое пятно, сквозь которое невозможно распознать цвет постельного белья. Как будто кто-то вылил ведро краски на постель.... А остатки расплескал по стене — отвратительный веер крупных брызг обрамлял изголовье кровати. Тонкая полоска на ковре, словно с одеяла капала кровь.... Черт побери, да в человеке нет столько крови! Что за чертовщина?!

В завершение к приводящим в содрогание декорациям в комнате были разбросаны всевозможные игрушки и сувениры, в том числе часы. В основном имитирующие старинные ходики. Самое страшное в том, что все они шевелились и издавали звуки — убийца оказался шутником, которых поискать, или магия, заложенная в каждую из вещей, догорала, как иссякающие батарейки.

Сглотнув кисло-сладкий ком, я вошла быстрым шагом в спальню, направляясь к комоду. Открывая все ящики по очереди, задержав дыхание, шарила руками по белью, пытаюсь

нащупать хоть что-нибудь. Документы Саммер наверняка забрала полиция, но они мне и не нужны. Ее не могли просто так убить за подгорелую плюшку или невкусную начинку, должна быть иная причина! И я никогда не поверю, что простая булочница, пусть даже фея, могла позволить себе такие хоромы.

Несколько минут поисков результатов не дали, и мне пришлось покидать дом с пустыми руками и тяжелым сердцем. Оставалось несколько минут до того, как действие заклятия истечет, и я неслась домой, не разбирая дороги.

Глава 13 (в 3х частях)

Пока Мишель отпаивала меня травяным чаем, я размышляла и думала над планом дальнейших действий. Для начала хотелось бы понять, откуда в доме столько крови — Саммер пытали, или убийца постарался причинить как можно больше мучений? А также, по какой причине от простого люда, ну, и магов, конечно же, полиция утаивала подробности кровавой расправы? Они ведь так любят шокирующие новости и сенсации из мира волшебников! Было бы замечательно взглянуть на тело убитой в морге, вот только кто меня туда пустит!? К сожалению, удача мне не сопутствовала, а использовать Лукаса было бы слишком жестоко. В мои правила не входит подставлять близких, но приставать с вопросами не кажется зазорным. Поэтому я устрою ему небольшой допрос в непринужденной обстановке. Мало сведений, слишком мало, но никто не говорил, что будет легко. Какая жалость, что за годы прогрессирующего любопытства я не завела друзей среди полицейских и работников иных влиятельных организаций....

Ворох игрушек и талисманов не оставил меня равнодушной. К чему Саммер столько барахла, не представляющего особой ценности? Загадки, загадки.... Похоже, я нашла себе занятие на недельку. А что, может, открыть свое детективное агентство?

Набив рот нежным, тающим мясным пирогом, я запила его приторно-сладким успокаивающим чаем и поднялась из-за стола. Но мое движение в сторону лестницы остановила Мишель. Схватив за предплечье, сестра вынудила остановиться и повернуться к ней лицом. Возмущенно уставившись на нее, я стала еще тщательнее жевать, чтобы выговориться.

— Куда собралась? — тоном строгой мамыши поинтересовалась Мишель.

Я чуть не подавилась. Не слишком ли много воспитателей развелось на меня одну?!

— Известно — куда! Поеду в кафе и разнюхаю все о Саммер, потрясу ее доброжелательных коллег.

Сестра повела бровью, при этом выражение ее лица оставалось совершенно ледяным.

— А я считаю, с тебя хватит на сегодня потрясений, Эш, — чуть слышно заявила она. — И с меня тоже.

Я скривилась и покачала головой, рассыпав волос по плечам.

— Я не могу переваривать то, что увидела, бездействуя. Тебя там не было, Мишель, — сглотнув, я прикрыла на миг веки. Во рту появилась горечь — стоило вспомнить о зловонии, пожиравшей изнутри дом феи. — В горле до сих пор стоит ком. Меня переполняют эмоции, гложут душу и не позволяют отложить выяснение деталей в долгий ящик. Прости, сестра, но я должна удовлетворить свое неутомное любопытство.

Выговорившись, я плотно сжала губы, морально готовясь к обороне, но сестра, как всегда, поразила меня переменой своего настроения.

— Я не собираюсь привязывать тебя к батарее или обездвиживать при помощи магии, — она обреченно вздохнула, медленно выпуская мое плечо. Я с интересом наблюдала за внезапно помрачневшей сестрой. — Ты вольна делать все, что пожелаешь, но обещаю, что будешь беречь себя! Вокруг творится беспредел, которому должна положить конец Верховная Ведьма, но она, похоже, взяла отпуск и махнула на острова кости погреть. Или лично приложила руку к происходящему безумию, что совершенно не удивляет.... Маги мрут, как мухи.

Я растерянно пожала плечами.

— Не думаю, Мишель. Если бы она хотела известить нас, то придумала способ подейственнее — оружие массового поражения, а не истребление волшебников поодиночке. Зачем ей так мелочиться? — я задумчиво хмыкнула. — Возможно, мы недооцениваем нашу правительницу, но и монстра из нее делать не стоит. Она оберегает нас, насколько позволяет ее власть и могущество.

— Фамильяры исчезли с улиц — что ты на это скажешь?

Я непроизвольно посмотрела в окно. Деревья, сбрасывающие пожелтевшую листву, смотрелись сиротливо и несчастно — ни единой птицы на ветвях, ни малейшего намека на жизнь. Обычно голуби и вороны галдели, раз за разом пытались поделить ветвь клена. Пустовал и кипарис с пышной темно-зеленой кроной, способной уместить стаю птиц. Что-то было не так....

В помещении сгушалась тьма, будто одеяло на голову накинули. Гардины перестали колыхаться, сквозняк умолк, на улице воцарилась пугающая тишина. Возмущенный голос Мишель унесся прочь. Быстро, словно удаляющийся от станции скоростной поезд. Я оказалась в крошечном мраке, вокруг ни души, лишь звуки, которые невозможно разобрать. Обрывки слов, шепот сотни голосов — он щекотал изнутри, заставлял сердце спотыкаться. Перья касались моих рук острыми краями, хотелось их оттолкнуть, но я не могла пошевелиться. Повсюду шелестели крылья птиц, рассекали воздух перед лицом. Было трудно дышать. Звон, нарастающий в ушах, будто натянутая струна, грозящая вот-вот порваться — и вдруг он резко разбился, когда в горле уже застрял крик. Обрушился гулкими осколками, растаявшими в пустоте. Тишина заполнила комнату так внезапно, что я решила, будто оглохла. Потом поняла, что все еще слышу собственное дыхание и шум крови в ушах. Вернувшись в сознание, я снова слышала и видела, а пульс долбил в висках. Меня охватило странное чувство, будто какой-то частью себя я знала, о чем шептали те голоса....

— Эш? — раздался испуганный голос Мишель, и ее твердые руки, впившиеся в плечи, резко встряхнули меня.

— А? — протянула я, медленно поворачивая голову, чтобы посмотреть на сестру. Когда мы встретились взглядами, она ахнула.

— Что произошло?

Я нахмурилась, пытаюсь понять, о чем Мишель спрашивала. Ноги стали ватными. безвольность разлилась по всему телу. Нетерпеливо застонав, сестра приставила меня к стене, чтобы я не завалилась на пол.

— У тебя глаза светятся. И кулон, — произнесла последнее слово, она посмотрела на мою шею. Не сладив с обмякшим языком, я опустила глаза — розово-золотистый камень ослепляюще полыхал. Теплый, мягкий свет, озаряющий все пространство вокруг нас. Оторвав от него взгляд, я подняла глаза на взволнованную Мишель.

— Ничего необычного, — я старалась говорить буднично, но сестру, обладающую даром читать настроение, не обмануть.

— Ты что-то скрываешь, — уверенно заявила она и отстранилась. Сложив руки на груди, сестра недовольно поджала губы.

— Вообще нет, — оцепенение спало, и я смогла пожать плечами.

— Я же чувствую! Тебя что-то потрясло! Давай рассказывай, пока я не вышла из себя.

— Да, я что-то скрываю и мне нечего сказать в свое оправдание, — покорно отозвалась я, и мой ответ до глубины души возмутил не только Мишель. Само собой с языка слетело.

Она опустила руки и хотела уже развернуться, чтобы уйти, но я остановила ее. Глядя в темнеющие от злости и обиды глаза сестры, я с мольбой произнесла:

— Поверь, некоторых вещей тебе лучше не знать.

— Ты не слушаешь меня. Всегда поступаешь по-своему, — с комом в горле заговорила она. — И даже не помнишь, о чем мы говорили минуту назад, потому что мысли о расследовании занимают тебя куда больше.

— Но я помню, что мы говорили о фамильярах?! — возразила я. — И помню, что хотела ответить.

— Мы не имеем понятия, какие страсти кипят за ширмой обыденной жизни магов, — мой голос прозвучал отстраненно. Мысленно я снова находилась в доме Саммер и прокручивала в памяти каждую секунду пребывания в нем, будто пленку с видеокамеры, а потом обратно. В сознании, словно из разноцветных камней, росла кривая пирамида из догадок. Я собирала ее по крупице, бережно складывала, формируя фундамент, от которого и начну расследование. И первым, самым крупным булыжником являлось место работы погибшей феи. Вторым по значимости и важности шел Лукас: используя свой природный шарм и наглость, я выужу из него всю необходимую информацию. Фото с места преступления, результаты вскрытия — бесполезная трата времени, но нельзя исключать ни одну из версий — показания очевидцев и соседей. А дальше станет видно, в каком направлении протаптывать дорожку. — Видимо, у фамильяров есть дела гораздо важнее....

Мишель была права — расследование не выходило у меня из головы. Я стояла и смотрела на нее невидящим взором, забыв, о чем говорила.

— Ты отключилась? — она пощелкала пальцами перед лицом, и я вернулась в реальность. Заметив теплящийся разум в моих глазах, Мишель устало вздохнула. Я решила подбодрить ее лучезарной улыбкой, но она покачала в ответ головой: - Сходи, развейся, как это делают нормальные девушки твоего возраста.

— Нормальные девушки моего возраста? Ты, надеюсь, помнишь, сколько мне лет?!

Мишель раздраженно закатила глаза и всплеснула рукой:

— Ты поняла, что я пытаюсь до тебя донести. Посети любое злачное место, напейся, оторвись одним словом!

— Знаешь, а ты как всегда права, — задумчиво протянула я, закусив губу. Мишель встрепенулась и нахмурилась, вспоминая, что лишнего ляпнула. — А не наведаться ли мне к Лорелее!?

— Отличная мысль! — одобрила она и энергично закивала. Сестра ведь не знала, как мы с Лорелеей «отрываемся»....

— Выпьем по бокалу или бутылочке вина....- меня же несло по волнам размышлений, — поболтаем о своем, о девичьем....

— Точно! Это именно то, что тебе сейчас нужно!

— Заодно попытаю Странника.

На последней моей фразе повисла напряженная тишина. Жутко хотелось злорадствовать, но Мишель итак выглядела измотанной. Она понимала, насколько серьезно я отношусь к своему опасному пристрастию, но не могла разделить это чувство со мной. Старалась, принимала, как есть, мирилась с причудами младшей взбалмошной сестренки, но предпочитала создавать новые зелья, сидя в своем милом магазинчике. Похвально, я полностью согласна с ней, но сердце жаждет адреналина, а душа встряски. Поэтому я пойду на поводу прихотей.

— Эшли..... — Устало выдохнула Мишель. — Тебе не приходило в голову, что когда-нибудь это закончится плачевно?

Я снисходительно улыбнулась и крепко обняла сестру. Уткнувшись в шелковистые волосы, пахнувшие ванилью, прошептала ей на ухо:

— Со мной ничего не случится, обещаю. Клянусь, что брошу расследование, если оно зайдет слишком далеко и приобретет статус повышенной опасности!

— А в том случае, когда твое участие будет необходимо...?

Я отстранилась, чтобы видеть глаза Мишель.

— Ну, если ты попросишь меня об этом... — Протянула я и улыбнулась, мечтательно закатив глаза. Сестра непроизвольно улыбнулась в ответ, и мы с минуту смотрели друг на друга. Мишель всегда была самым близким другом для меня. Кроме Лорелеи, конечно, с которой нас тоже многое связывало. Самой родной человек после мамы и папы, и я знала черты ее лица до мельчайшей родинки, но не могла не разглядывать вновь и вновь. В такие моменты согревается душа, и я чувствую себя необыкновенно хорошо и уютно — только от осознания того, что я не одна в этом мире.

Улыбка Мишель растаяла, и на лицо легла тень грусти. Я вопросительно нахмурилась.

— Скоро вернется Моника, и, возможно, ей будет необходима наша поддержка.

— Так они все-таки были любовниками с Кеннетом?

Мишель неохотно кивнула.

— Я так и знала! — воскликнула я и направилась к лестнице.

Глава 13 (часть 2)

Обтягивающее черное платье с гипюровым вырезом и атласным алым поясом. Замшевые черные туфли на платформе и шпильке, красный плащ с воротником-стойкой — мне хотелось выглядеть не просто хорошо, а сногшибательно, даже собираясь на прогулку. Волосы, перехваченные на затылке, слегка подкрученные локоны, макияж со стрелками для кошачьего взгляда... Возможно, я слишком расстаралась, но почему бы не блеснуть этим вечером и не ощутить на себе восхищенные взгляды пьяных матросов!?

Набережная сверкала огнями и таинственными бликами на темной воде. Гул из бара был слышен даже на стоянке, куда я подъехала на такси. Прибыла в самый разгар веселья, когда заведение оказалось забито до отказа посетителями. На самом деле, шумные забегаловки и вообще любые места скопления народа не по мне. Я ощущаю себя крайне некомфортно и страдаю чувством дезориентации. Но за редкими исключениями можно стать частью общей массы, ради разнообразия, и развлечься.

В зале царила атмосфера радости и праздника, наполненная звуками музыки и смеха. Подогретые посетители налетели на музыкальный автомат и истязали его каждый на свой лад, отплясывая с одинаково неопишваемым восторгом под любую из выбранных композиций. Протиснувшись между бурно реагирующих на новую песню мужчин, я оторопело замерла, выглядывая свободный столик, но, увы, таковых в зале не оказалось. Разочарованно надув губки, я решила отыскать Лорелею и побрела к барной стойке. На встречу шел мужчина. Как и я, протискивался сквозь толпу. Я невзначай взглянула на него, поворачиваясь боком и пропуская к выходу. Русые волосы, легкая щетина, которая шла ему. Задумчиво опустив голову, мужчина смотрел под ноги, а свесившиеся вперед волосы закрывали лицо. Мимолетный взор, небрежный, привычный жест — он скосил глаза в мою сторону.... И показался мне привлекательным. Потупив взор, я растерянно заморгала. На нем был темно-синий пуловер-поло, который чудесным образом оттенял небесный цвет глаз. Уставившись ему в грудь, я виновато улыбнулась, не смея смотреть ниже. Когда он проходил мимо, мы соприкоснулись плечами и невольно встретились взглядами — меня охватило неожиданное ощущение чего-то до боли знакомого и близкого. Сердце сжалось, потяжелело. В тот же миг вздрогнул кулон, завибрировал, наливаясь обжигающей силой. Захотелось его коснуться и вытащить из выреза платья. Но стоило отвлечься, просто моргнуть, как наваждение растворилось в воздухе. Обернувшись, я увидела закрывающуюся дверь и не заметила, как оказалась в толпе подвыпивших гуляк. Голубоглазого незнакомца словно и не было, всего лишь видение, но в груди щемило от странного чувства. Мы уже где-то виделись?

Лорелея выскользнула из-за стойки с подносом в руках. Она направилась к столику в глубине зала текуче и плавно, будто не шла, а плыла, не касаясь ногами пола. Каждый ее жест был наполнен изяществом и магией, будь то поглаживающее движение ладоней, управляющих кружевной передник, или быстро убранные за уши волосы. Ею можно любоваться бесконечно и находить каждый раз что-то новое.

Лорелея заметила меня, когда шла обратно, собирая на ходу новые заказы. На лице мелькнуло приятное удивление, и она просияла. Проводив к столику за шторами из сверкающих нитей, русалка умчалась дорабатывать смену. Осмотрев придирчиво зал, я не обнаружила Странника. Его привычное место пустовало. Похоже, игра в вопросы с этим мрачным типом откладывается. Огорченно вздохнув, я смирилась с неудачей и отмахнулась

от расследования, но только на этот вечер. Завтра я обязательно повторю попытку найти его.

Лорелея вернулась спустя час, я успела заскучать. Без передника, в платье с кружевным топом и ярко-оранжевой пышной юбкой до колен. Ее золотистые волосы, переброшенные на плечо, переливались в приглушенном освещении бара, глаза сияли, а улыбка притягивала взгляды. Покачивая бедрами, она шла на высоких каблуках, прижимая одной рукой к груди бутылку рома. Увидев подругу, я встряхнула плечами в попытке взбодриться. Поставив передо мной трофей, белокурая красавица жестом фокусника достала из-за спины две рюмки. Перегнувшись через стол, я заглянула Лорелею за спину, заранее понимая, что взяться им было элементарно неоткуда. Чудеса, да и только.

— Ничего себе!

— Да уж, — причмокнула русалка, присаживаясь напротив меня. — Поработав в баре, и не тому научишься. Клиентов надо как-то развлекать и подогревать интерес к заведению, вот и придумываешь каждый раз новые штучки.

Отработанным движением Лорелея откупорила бутылку. Наблюдая за ее ловкими и быстрыми манипуляциями, за тем, как рюмка скользит по столу в мою сторону и оказывается в руке, я восхищенно и одновременно изумленно улыбалась.

— А как же фрукты или мясо?

— Ром, дорогая, — тоном знатока заявила Лорелея, отбрасывая за спину волосы, — пьют в чистом виде.

— Ты, похоже, не понаслышке знаешь об этом, — с откровенным сомнением протянула я.

— А то, как же! Я тебя сейчас научу, — воодушевленно сверкнув глазами, русалка схватила свою рюмку и подняла ее вверх. — Поехали!

Вечер неспешно клонился к ночи, а веселье в баре было в самом разгаре. Но не для меня. Мысли о происходящих убийствах не оставляли ни на мгновение, и едва захмелев, я погрузилась незаметно в раздумья, забыв о Лорелее. А зря.

— Эш? — тихо позвала она, и я резко подняла на нее взгляд. Русалка улыбнулась. — Ты еще здесь?

— Прости, я задумалась.

— Я заметила. И мне интересно, что же так занимает мою подругу? У вас с Лукасом все в порядке?

Я нахмурилась.

— А разве может быть иначе?

— Мне на секунду показалось....- загадочно протянула Лорелея, перебирая пальцами рук, сложенных на столе. И меня сразу насторожил этот ее осторожный тон.... — Ты любишь его?

— Почему ты спрашиваешь?

Русалка еще больше смутилась.

— Я всего лишь спросила, — она надула губки и опустила голову, разглядывая свои ладони. — Лукас — потрясающий. И другая была бы счастлива оказаться на твоём месте. Но по тебе не скажешь, что он — мужчина всей твоей жизни.

— Сомневаюсь, что он мужчина всей моей жизни, — буркнула я.

Лорелея выпрямилась, и ее глаза удивленно расширились.

— По-моему, он идеален! Ты окружена заботой, теплом, никогда не будешь испытывать нужды, потому что он, как настоящий мужик из кожи вон вылезет, но обеспечит любимую

женщину.

— Иногда этого недостаточно, — почти шепотом отозвалась я, устремив невидящий взор мимо Лорелеи. — Иногда для полного счастья не хватает любви.

— Он любит тебя, — твердо произнесла Лорелея, и я невольно улыбнулась.

— Ни секунды не сомневаюсь. Но я не могу оставаться самой собой при нём. Приходится сдерживать собственную сущность, создавать впечатление, которое мне не хочется создавать. Было бы гораздо легче, если бы он был магом.

— Да, — вздохнула Лорелея и посмотрела в сторону. — Лукас — смертный. А я хотела бы остаться на суше. Вернее, иметь возможность не возвращаться в море на рассвете....

Я посмотрела на русалку долгим взглядом. Она выглядела печально. Что-то заставляло ее мечтать о земной жизни, что-то, ради чего она готова пожертвовать и семьей. Я бы не променяла сестер на любовь, не предала бы Лукаса ради страсти к расследованиям, но могла ли с той же уверенностью утверждать, что ради настоящей любви не изменю своего мнения? Не знаю....

— Нам нужен выбор, — кивнув своим мыслям, сказала я и покосилась на подругу. — Ты влюбилась?

— Вот еще! — с вызовом произнесла русалка и потянулась за бутылкой рома. — Не родился еще тот, который сможет сделать меня счастливой, якорь ему.... Ну, ты поняла.

— Такой точно не родился, — отметила я и многозначительно улыбнулась.

Взгляд Лорелеи смущенно забегал по залу, только бы не возвращаться к моему лицу. Старательно изображая безразличие, русалка чуть не порвала скатерть, край которой сминала в руках.

— Ты нервничаешь? — удивилась я. — Что с тобой, Лорелея?

— Жду, когда же ты все расскажешь, — проговорив, она тут же изменилась в лице — улыбнувшись, изящно пожала плечами. Я усмехнулась, не глядя на русалку, разливающую ром по рюмкам.

— Что ты слышала о гибели феи по имени Саммер?

— Известие о ее смерти обросло слухами, — буднично ответила Лорелея. Что-то тревожило русалку. И только поставив бутылку на стол, она подняла взгляд. — Посетители шепчутся, обмениваются мыслями. Я услышала лишь то, что убил ее бэлморт.

Я поморщилась.

— Ожидала, честно говоря, большего! Да, у нее в груди зияла обугленная дыра. Но я кое-что еще видела.

— Что? — шепотом, с азартным блеском в глазах Лорелея подалась вперед. Не в силах утаивать от нее правду, я рассказала о том, как прокралась в дом Саммер, и о том, что там обнаружила.

— Какой ужас! — радостно воскликнула она, но тут же осеклась и огляделась. Увлеченные отдыхом люди не обращали на нас никакого внимания. Вновь посмотрев на меня, русалка надула обиженно губки: — Как жаль, что я не смогла пойти с тобой. Не подумай — я не черствая! Трагическая кончина Саммер вызывает у меня страх и печаль, но хотелось бы поучаствовать в расследовании и поимке ее убийцы лично. А Калев? Кому мог насолить портной?!

— Он погиб, можно сказать, у меня на глазах, — вздохнула я.

Русалка огорчилась еще больше.

— А кому могла насолить булочница?

— Думаю, у них было что-то....

— Дар? Способности Калеба не имели особой ценности. Что такого в том, что он соединял одиноких людей?

— Думаю, это «что-то» иного характера. Например, вещь или информация.

Лорелея мгновение хмурилась, и вдруг ее глаза расширились, в них вспыхнул огонек.

— Я давно заметила, что к нему ходят странные люди. Как правило, в темное время суток, иначе я бы не узнала.

— Какие люди? — в груди сжался ком — неприятное предчувствие. Я ощущала разгадку, настолько близко, что кружилась голова, но не могла разглядеть нити, ведущие к ней. Неужели Калев мог быть связным? А что, лавка портного — отличное прикрытие.

— Ну, я не могу сказать точно, — русалка виновато сжалась. — Они заходили, а через несколько минут быстро выходили из лавки и так же быстро исчезали. Я бы не обратила внимания, если бы они не озирались, будто боялись оказаться замеченными.

— Как часто и в какое время это происходило?

— После заката. Когда я покидаю море и выхожу на сушу.

— Если ты увидишь вновь этих людей, то сможешь узнать?

— Сомневаюсь, — протянула Лорелея.

Разочарованно вздохнув, я отвела взгляд, но русалка накрыла мою руку ладонью, заставив вновь обратить на себя внимание. Ее глаза нетерпеливо блестели.

— А что, если мы заберемся в его дом?

— То есть? — я удивленно усмехнулась. — Ты предлагаешь мне проникнуть в жилище убитого мага?! Разве тебе не страшно? Там поселилась темная магия....

— Страшно, — Лорелея задумчиво прищурилась, а в следующую секунду просияла: - Но и безумно любопытно! И рядом с тобой, Эшли, мне ничего не грозит. Ведь ты всегда выбираешься сухой из воды, а кто, как ни я, специалист в этом?!

— Почти убедила, — я все еще ошарашено улыбалась. — Надеюсь, ты осознаешь всю ответственность....

— Решено! — Лорелея перебила меня и хлопнула ладонью по столу. От неожиданности я подпрыгнула на месте. Лучезарно улыбаясь, она налила нам по рюмке и подняла свою вверх: - За успех мероприятия!

Глава 13 (часть 3)

В глубине души меня изводила тревога. Я шла по ночной улице за резво скачущей впереди русалкой и боялась слишком громко цокать каблуками, слишком громко дышать.... Хихикая, она перебежала улицу и остановилась перед мастерской Калеба. Для нее проникновение в дом, где кто-то погиб, все еще представлялось веселым приключением. Прежде она не сталкивалась с тьмой. Не ощущала след темной магии — проще говоря, до этого были всего лишь детские шалости.

Я почувствовала мерзкий, леденящий душу, холод еще по ту сторону улицы. С каждой секундой, с каждым моим шагом он становился тяжелее и отчетливее. Но я продолжала идти, кутаясь в плащ. Задрав голову, русалка оглядела здание, пока я догоняла ее. Замерев перед невзрачным строением, я прерывисто вздохнула, борясь с ужасом. Крошечный на первый взгляд двухэтажный домик из посеревшей от времени древесины, с односкатной крышей, чердаком и флюгером в виде портняжных ножниц. Желтая оградительная лента казалась слишком яркой, словно сигнал об опасности, но не сумела нас остановить. Пригнувшись, мы прошли под ней и оказались на узкой асфальтированной дорожке, ведущей к темной, ссохшейся двери. Казалось, я слышу вой, напоминающий сквозняк, притаившийся за ней. И стоит повернуть ручку, как он вырвется на свободу и снесет все на своем пути.

Непроглядная ночь, небо, затянутое тучами, как заправленная покрывалом постель. И оглушающая тишина вокруг, словно город вымер. Я чувствовала ее, ощущала кожей плавное движение темной липкой материи. Тьма медленно сгущалась, окружая и сдавливая дом, будто хотела поглотить, и мне предстояло войти в него. Лишенное жизни и тепла здание, хранящее свежий отпечаток смерти.

— Ну, что? — бодро поинтересовалась Лорелея, обернувшись. Для меня казалось странным то, что она не чувствовала могильного холода, кусающего за ноги. Возможно, у морских жителей иное восприятие.... Не заметив моего волнения, подруга улыбнулась: — Пошли?

— Ты знаешь, как открыть дверь без отмычки? — я подошла к двери и достала из кармана плаща пузырек с зельем. Капнув в замочную скважину, спрятала обратно. Лорелея с восторгом в глазах наблюдала за волшебством, пока я, стиснув зубы, пыталась унять дрожь.

— Здорово! Никогда не надоест смотреть! — будто ребенок, пискнула она, хлопая в ладоши.

Натянув перчатки, я взялась за ручку, подвинув в сторону Лорелею. Пристально наблюдая за каждым моим осторожным движением, русалка медленно, но верно осознавала происходящее. Или хмель покидал ее голову, а вместе с тем и улыбка сползала с губ.

— Ты всегда их носишь с собой? — сглотнув, спросила шепотом она.

Я небрежно пожала плечами, вглядываясь во тьму помещения.

— Никогда не знаешь, где доведется побывать. Как видишь, не зря.

Половицы не скрипели, свет фонарей набережной из-за штор не проникал в дом, от чего становилось еще страшнее. Я шла по небольшому залу мелкими шагами, чтобы ни на что не налететь в темноте. Здесь пахло лаком и новой тканью, как в бабушкином шкафу, который давно не открывали. Грудь сдавило мерзкое ощущение, возникающее у меня в помещении, откуда ушла жизнь. Дом стал похож на перегоревшую лампочку, в которой уже никогда не засияет свет. Оглядываясь и вслепую шаря в воздухе рукой, я с замиранием сердца боялась

того, что не смогу ощутить движение тьмы. Не почувствую, как она подкрадется и прилипнет ко мне. Среди теней, нарисованных разыгравшимся воображением, тяжело различить истину. Замерев в центре зала, я некоторое время моргала и ждала, пока глаза привыкнут.

Лорелея еще не утратила последнюю частичку озорства, но уже боялась. Стараясь держаться стен, но и не отставать от меня, она опасно вертела головой. Собственно, так я и думала: подойдет на авантюру, а потом будет шарахаться от каждого шороха и хвататься за подол моего платья. Обычно она смелее, но не часто нам доводилось встречаться с призраком тьмы и мурашками от запаха смерти.

Когда я смогла разглядеть очертания предметов мебели, мы, осторожно ступая, прошли за прилавок. Тьма кралась, я чувствовала ее спинным мозгом. У темной магии нет запаха и вкуса, она не издавала звуков, как и все мертвое, но поджилки тряслись, стоило только оказаться на ее территории. Лорелея шла позади, я чувствовала ее волнение и нарастающий страх, а в ушах слышала гул. Я видела и ощущала зло, а на русалку оно действовало иначе — вселяло ужас, природу которого она не смогла бы объяснить словами. Просто стало внезапно страшно, и сердце замерло.

Шкаф, рабочий стол, стол со швейной машиной, стеллажи с одеждой, ряд манекенов с незаконченными выкройками, а впереди чернела дверь в дом погибшего мастера. Потолок начинал вращаться, я боялась смотреть вверх. И не надо было приглядываться или включать свет, чтобы понять — Саммер и Калеба постигла одинаковая участь. Когда я взялась за ручку, уже почти ничего не соображала. Ощущался запах крови, различались темные мазки на стенах, ступенях лестницы, ведущей наверх. И я так же отчетливо осознавала, что в доме мы не одни: где-то наверху гремели ящики стола, шелестела бумага.... В абсолютном мраке кто-то переворачивал вверх дном вещи Калеба.

— Эш? — шепотом протянула Лорелея, но я шикнула на нее.

Мы замерли у перил, не осмелившись подняться. Стук сердца оглушал, кровь, бегущая по венам, забивала иные звуки. Я силилась не упустить момент, когда неизвестный почувствует нас и затаится.

С минуту мы, не дыша и неторопливо пятясь, вслушивались в тишину. Схватив за запястье русалку, я резко ступила в тень лестницы и потянула ее за собой. Не успев пискнуть, она прижалась к стене и замерла. Я сглотнула солоноватый ком, борясь с отвращением. Остановилась, стараясь не прислоняться к кровавому пятну на обоях, которое Лорелея не могла видеть. А еще через мгновение послышались тяжелые шаги. Неизвестный медленно спускался вниз, так же, как и мы, прислушиваясь к молчанию дома. Лорелея закрыла рот ладонью и зажмурилась, будто это могло спасти ее. Хрупкая и утонченная, она дрожала, определенно воспринимая происходящее немного иначе. Если я боялась оказаться замеченной раньше времени, то она была уверена в том, что пострадает именно ее драгоценная шкурка. У Лорелеи был пунктик по поводу ценности своей незабываемой жизни и волшебного дара. Ей всегда мерещились преследователи, жаждущие заполучить кулон с шеи русалки.

Черные мужские ботинки на толстой тракторной подошве оказались перед моим лицом. Неизвестный остановился посреди лестницы, что-то почуяв, и шумно втянул воздух носом. Я рефлекторно крепче сжала руку Лорелеи, не решаясь моргнуть. Время загустело, секунды тянулись. Разглядывая ботинки и черные джинсы, я едва удержалась от того, чтобы смахнуть проступившую на лбу испарину. Горло сдавило от запаха гари, я почти ощущала ее на языке,

а по коже бежали ледяные мурашки. Голова кружилась, но не от страха. Сущность неизвестного неожиданно оказалась настолько тяжелой и могущественной, что меня затошнило от бессилия. Я не могла ничего с собой поделать. Казалось, вот-вот потеряю сознание, и тьма, наконец, доберется до моего бездыханного тела. Она окружала и стягивала в тугое ледяное кольцо, немели ноги, и покалывало в кончиках пальцев рук. Воздуха не хватало, я начинала задыхаться, а дрожь русалки передавалась мне, ползла по спине. Кажется, я начинала бояться.

Шмыгнув носом и принюхавшись, незнакомец двинулся вниз. Его шаги оглушали, от них сотрясались ветхие стены. Я беззвучно вздрагивала от каждого звука, от каждого скрипа ступеней, боясь, что он сейчас заглянет за лестницу. Еще мгновение, и задохнулась бы. Но он прошел мимо, открыл дверь и исчез во мраке зала, оставив позади себя шлейф плавающей силы. Выпустив руку русалки, я шмыгнула за ним к выходу и осторожно выглянула. На пороге замер мужчина в темном одеянии. Дверь сама распахнулась перед ним, и вдруг он обратился в черный дым. Сотканный из мрака, несущий запах гари и смерти. И унесся прочь, растворился в ночи, словно капля, упавшая в колодезь.

Я припала к стене. Чуть отдышавшись, развернулась и, не чувствуя ног, понеслась на второй этаж дома.

— Эшли! — дрогнувшим голосом позвала Лорелея, но я не слышала ее.

Оказавшись в тесном коридоре, распахнула первую попавшуюся дверь. Уборная. Окинув беглым взглядом, двинулась к следующей комнате. Там, где гремел неизвестный, должен был остаться характерный погром, так что уборная отпадает. Следующая дверь вела в спальню. Небольшая кровать и тумба, невзрачные, бледно-зеленые шторы на окнах, на стене над изголовьем — мрачная картина, изображающая морской шторм. Быстрым шагом я вошла в помещение и выдвинула ящик тумбы — потрепанный сборник стихов, очки, ворох старых газет. В нижнем отделении лежала аккуратная стопа постельного белья. И везде безупречная чистота, как в дешевом мотеле. В отличие от Саммер, Калев не отличался достатком или его не интересовали деньги. Более, чем скромная обстановка, но имелось все необходимое для жизни. Или существования — кому как.

Напротив спальни располагалась кухня. Круглый столик, табурет, холодильник, в котором кроме двух банок рыбных консервов да бутылки молока я ничего не обнаружила, полка с посудой, колонка для продуктов и старая плита. Бэлморт и здесь побывал: на полу рассыпана крупа, валялись пластиковые банки и крышки от кастрюль.

Следующая дверь и последняя на этаже вела в рабочий кабинет, а если быть точной — в библиотеку. Шкафы до потолка с рядами плотно стоящих книг, двухместный диван, потертый палас, торшер и журнальный столик. И именно здесь царил искомый кавардак. Книги разбросаны по полу, будто их скидывали небрежно, в порыве ярости. Никакой четкой схемы. Я бы поняла, сбрось он все синие книги или, например, самые толстые, но нет. Они были абсолютно разные. Присев на корточки, я подняла толстый том в красном кожаном переплете и пролиставала. Шелест бумаги вызвал болезненный жар в груди. Его касался бэлморт, бегло перебирал страницы. У меня голова закружилась, сердце взволнованно ёкнуло. Тьма была близко, слишком близко, я чувствовала холод в кончиках пальцев. Поднявшись, осмотрела внимательно книжные полки. Если повезет, то я увижу то, что не увидел бэлморт.

Сначала все книги казались на одно лицо, ничего примечательного. От современных до старинных, и даже рукописных. Ровные ряды пестрых обложек, некоторые из них были

вырваны из привычного мирка и брошены на пол бесчувственной рукой, и теперь раскрытые, незащитные лежали на старом паласе. Пройдясь мимо шкафов, я внимательно изучила каждый корешок, каждую обложку, не прикасаясь, одними лишь глазами. Прислушиваясь к ощущениям. И, наконец, остановилась перед неприметной книгой в сером переплете.

Она ничем не отличалась от своих сестер, разодетых в пух и прах, разве что кровавый отпечаток человеческой ладони делал ее особенной.... Я протянула руку и осторожно взяла книгу с полки. Сборник сказок. Открыв, коснулась титульного листа, на котором красивым печатным шрифтом было выведено заглавие, но внимание привлекла надпись на внутренней стороне обложки: «Центральная Библиотека. Ячейка № 657». Прерывисто вздохнув, я пролистнула страницы, но ничего не нашла. Разочарованно закрыв книгу, поднялась на цыпочки, чтобы поставить на место, но она выскользнула из рук и упала на пол, раскрывшись в полете. Я только ахнула и посмотрела вниз — из книги выпал белый лист бумаги. Похоже, он был спрятан среди страниц. Быстро опустившись, я взяла его и развернула. Еще не осознав, но, уже прочитав, смотрела на два коротких слова, выведенных каллиграфическим почерком: «Саммер Джоунс».

Меня забило мелкой дрожью. Спрятав записку в карман плаща, я бросилась вниз к Лорелее. Буквально сбежав по лестнице, остановилась на последней ступени перед белой от страха русалкой. Часто дыша, я смотрела ей в глаза и не видела.

— Ничего не понимаю....- пробормотала я и направилась к выходу.

Идти оказалось невероятно тяжело, тьма поглощала меня, заманивала потусторонними шепотами, хваталась ледяными руками за щиколотки. Лорелея что-то говорила, но я слышала ее будто из-под воды, с трудом разбирая слова. Торопилась на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха.... Толкнув дверь, я шагнула на порог под непрерывное ворчание русалки. Жадно вдохнув, подняла голову вверх, подставив лицо ветру. Он легко коснулся кожи, отбросил волосы назад и затих. Не помню, как оказалась около стены.... Наверно, не сумела устоять на ватных ногах. Вышла из дома, и вдруг тяжело дышу, опираясь на стену ладонью.

Рука Лорелеи коснулась моей щеки и принесла прохладу морского прибоя. Заглядывая в глаза, она что-то взволнованно шептала, и только сейчас я услышала ее.

— Как ты себя чувствуешь?

— Уже гораздо лучше, — мой голос прозвучал сипло. Я облизала пересохшие губы.

— Что произошло в доме? Твои глаза светятся.

— Не знаю. Она подобралась слишком близко.

— Кто — она?

— Тьма. Мрак, поселившийся в доме, где побывала смерть.

— Она преследует тебя? — задержав дыхание, спросила Лорелея. Что-то почудилось в том, как она произнесла эти слова....

— Нет. Только липнет, когда я захожу к ней в гости. И если подпускаю непозволительно близко, высасывает из меня силы. Пару минут, и я буду в форме. Не беспокойся.

— Ты легкомысленно относишься к потусторонним вещам, Эшли, — заявила русалка и покачала осуждающе головой. — Надеюсь, ты осознаешь, что темная сила неспроста тебя выбрала?

— Безусловно, — саркастически отозвалась я и отлипла от стены. Спрятав руки в карманы плаща, направилась твердой походкой в сторону бара, а Лорелея посеменила рядом.

— Прекрати подвергать свое здоровье, а, может, и жизнь, опасности!

— Это и есть моя жизнь, как вы не поймете? — в сердцах выкрикнула я, резко остановившись перед Лорелеей. Расширив ошеломленно глаза, она заморгала. И выглядела такой хрупкой и ранимой сейчас, но я знала, что это всего лишь образ. — Мне не дано стоять у кассы, печь пироги, стряпать зелья или разводить цветы! Мое призвание искать и находить знаки, видеть улики, которые не видят копы и даже маги. Я не могу просто так взять и перестать их замечать. Что ты почувствовала в доме Калеба, Лорелея?

Русалку застал врасплох мой вопрос и она, словно рыба, принялась хватать ртом воздух.

— Ничего.... Страх.

— И только?

Повисла пауза. Красивые глаза цвета морской волны испуганно вглядывались в мое лицо, и с каждым мигмом волнение в них становилось отчетливее. Глубоко вздохнув, я притянула к себе Лорелею и обняла ее.

— Пожалуй, это замечательно.

— Что? — обвив меня руками, спросила она.

— То, что ты не видишь и не чувствуешь правды.

Лорелея отстранилась, чтобы вновь посмотреть на меня. Улыбнувшись в ответ на тревогу подруги, я взяла ее под локоть и повела к бару.

— Как думаешь, кто это был? Убийца? А зачем он приходил? — затараторила она, мгновенно выбросив из головы мои слова, высказанные сгоряча. — Это был бэлморт!

— Он не нашел то, что искал. Записка в книге.... Но, возможно, именно он ее подложил. Сегодня.

Вспомнив о кровавом отпечатке на переплете, я поняла, что кроме меня никто его не мог видеть. А кто оставил его — не узнать. Может, Калеб, или его убийца. Тот, с кем мы столкнулись в доме, вполне мог. Что же происходит вокруг?

— Ты задумалась? — спросила Лорелея. — Я вот уже несколько минут болтаю с тобой, а ты не слышишь!

— Да, задумалась. Но ты права — я слишком увлеклась.

— Теперь мы можем расслабиться и забыть о неприятном приключении! — весело заявила русалка.

— В которое, между прочим, ты меня вовлекла, — напомнила я и устало улыбнулась.

По возвращению в бар мы заняли единственный свободный столик. Припрятанная бутылка рома вновь стояла на столе, а в соседнем ряду, в тени навеса сидел Странник и пускал в потолок идеально ровные кольца дыма. Увидев его, я замерла в нерешительности. Сдержаться и не подбежать к мужчине в черном капюшоне оказалось тяжелым испытанием, но я справилась. Расспросы оставим на потом, а пока успокоим нервы и русалку.

Спустя где-то час Лорелея, сложив руки на столе, опустила на них подбородок, но и это не помогало. Ее заметно расслабило. Полупустая бутылка рома уже вызывала у нее вялый интерес, и то видимо потому, что дотянуться до нее она не могла физически — боялась свалиться со стула. Похоже, урок не задался.... Учитель напился раньше ученика.

Глядя на нее с нежностью, я подперла щеку рукой. Возможно, потрясение, а может быть тот факт, что мысленно я все еще пыталась понять смысл записки, припрятанной в кармане, строила планы по распутыванию клубка смертей. Алкоголь не особо действовал на мой чудесный организм. Я оставалась в трезвом уме и твердой памяти и все еще пыталась не смотреть на Странника, не вертеть головой и не оборачиваться, хотя невыносимо распирало от нетерпения.

— Эшли? — протянула Лорелея и тихо рассмеялась — ее тело медленно соскальзывало со стула, а она цеплялась руками за край стола.

Я подалась вперед, сложив руки перед собой. Ее состояние не могло не вызывать улыбку.

— Да, Лорелея?

— Мы напились! — заговорщическим шепотом сообщила русалка и звонко захихикала. Я непроизвольно улыбнулась. — Надеюсь, меня не уволят, — договорив, она громко икнула. Испугавшись, что ее могли услышать, Лорелея прикрыла рот ладонью и мутным взглядом осмотрелась. Все действия выходили у нее заторможенными и неуклюжими, и я с трудом сдерживала смех.

— За что? Ты же не карабкаешься на стол, чтобы поразить толпу пьяных клиентов своим умопомрачительным танцем с элементами стриптиза и не бьешь об их головы бутылки!?! — я пожала плечами:— Мы, пожалуй, самые приличные и дисциплинированные посетители.

Лорелея приподняла голову, для чего ей пришлось приложить титанические усилия, и неестественно резко повернула ее, чтобы оглядеться. Убедившись, что на нас никто не обращает внимания, русалка вернулась в исходное положение — опустила подбородок на сложенные на столе руки. И глазами, полными печали, посмотрела на меня. Мне больше не хотелось улыбаться. В лазури плещущейся бездны ее взгляда просвечивалась тоска, о природе которой я догадывалась. Потрясающе, будто радужки ее глаз состояли из воды. Что-то беспокоило их хозяйку, и пучина темнела и волновалась, как море во время шторма. С моих губ слетел тяжелый вздох.

— Мне кажется, что кто-то преследует меня, — громким шепотом произнесла Лорелея и облизала пересохшие губы. — Предчувствие чего-то очень страшного. У меня паранойя. Откуда ждать беды? Зло рядом, я чувствую, — она небрежным жестом указала на толпу у стойки, — кто-то из них может оказаться тем, кто убьет меня.

— О чем ты таком говоришь? — с трудом разбирая, что бормочет русалка, я склонялась

все ниже, чтобы лучше расслышать. Чтобы различить среди хмельного бреда смысл ее слов. — За тобой кто-то следит? Лорелея, не беру в голову произошедшее в доме Калеба!

Она неуклюже закивала, обмякнув на столе. Веки слипались, но она упрямо боролась со сном.

— А вдруг я следующая?

— Не говори ерунду, — отмахнулась я. — Фамильяры охраняют нас.

Лорелея вяло пожалала непослушными плечами.

— Тогда где они были, когда умирала Саммер? Когда убивали Калеба? — вдруг она расширила глаза — на ум пришла гениальная идея, никак не меньше. — Бэлморты их переловили! Всех до единого, морские черти их дер!

- Не может такого быть....- пробормотала я. Мишель твердила о бездействии фамильяров, и Лорелея туда же! Ни за что не поверю в то, что они могли оставить свой пост, изменить Верховной правительнице и покинуть магов. Патруль всегда был начеку, постоянно вел наблюдение. Линетт часто твердила о значимости фамильяров в нашей жизни, в жизни самой Верховной Ведьмы и их преданности своей королеве. Сломить их невозможно, переловить всех и каждого нереально, и даже если останется один — единственный фамильяр на службе Верховной Ведьмы, он не оставит ее, не оставит пост и не бросит свои обязательства! Я свято верила каждому слову Линетт и всегда буду отрицать высказывания сомневающихся в силе и влиятельности нашей правительницы. Так учила меня она. Так учила меня и мама.

— Я не верю им, — твердо произнесла Лорелея, едва ворочая языком, и стукнула кулачком по столу. Я вздрогнула от неожиданности. — Фамильяры уже не те. Мы все умрем.....

Я не сдержала улыбки умиления — такой несчастный вид был у нее в этот момент. Накрыв ее руку своей ладонью, я прошептала:

— Все будет хорошо.

Русалка приподнялась и слишком резко мотнула тяжелой головой. Не совладев с телом, по инерции завалилась набок, на стол, и тяжелые веки опустились. Видимо, ощутив себя уютно, улеглась щекой на руки. Она больше не могла и не хотела сопротивляться навалившемуся сну. Погладив осторожно ее по мягким, как шелк, волосам, я вздохнула. Чуть слышное сопение подруги, гул пьяных голосов и запах табака. Миг назад он не был столько ощутим. Я еще не успела понять, как сзади послышался тихий и знакомый мужской голос, последовавший за глубокой затяжкой сигаретой:

— Ты опять напоила ее, — Странник выдохнул густое облако дыма.

Я хотела закашляться, но легкая дрожь пронеслась по телу, и дым больше не раздражал. Резко обернувшись на голос, я увидела его, сидящего за соседним столиком, и сердце подпрыгнуло от радости. Похоже, он сам не прочь поболтать, раз подсел ближе. Откинувшись на спинку стула и закинув ногу на ногу, Странник сосредоточенно выпускал белые кольца в потолок. Не успела я брякнуть аргумент, оправдывающий мой коварный поступок, как Странник поцокал осуждающе языком:

— Чтобы поговорить со мной, не обязательно подвергать организм Лорелеи таким перегрузкам. Ей на рассвете спускаться на дно морское, если ты забыла.

— Я не вливала ей в глотку ром, — оскорбилась я. — К тому же, ей было просто необходимо расслабиться и забыться.

— Во что ты ее втянула? — ледяным тоном спросил он, и сигарета застыла в руке, так и

не коснувшись губ. Он сверлил меня тяжелым взглядом из-под капюшона, обжигающим лицо. Хотелось отвернуться, но упрямство и гордость не позволили.

— Кто кого втянул, еще надо разобраться, — хмыкнула я. — Ты плохо следишь за ней, Странник! Лорелею потянуло на приключения, она заскучала.

Его рука тяжело опустилась на стол, и пепел с сигареты упал на ажурную скатерть. Казалось, я слышу, как он скрипит зубами. Сложив руки перед собой, я подалась вперед, пристально изучая темноту под капюшоном.

Странник усмехнулся.

— Опять твои фантазии, Эшли, — его голос прозвучал на удивление буднично. Затушив сигарету в пепельнице, он достал новую из кармана черной толстовки и прикурил зажигалкой, появившейся из другого кармана. Пламя загорелось и осветило тьму под капюшоном — лица будто бы и не было. Чулок он на голову натягивает что ли.... — Не думаешь же ты, что я....

— Ты, может, и нет, — перебила я, раздраженно передернув плечами. — А вот Лорелея совершенно определенно испытывает к тебе долю романтических чувств. Прекращай морочить голову девушке! Она надумала себе прекрасного принца, предпочитающего оставаться в тени, а он всего-навсего навязанный образ.

Затянувшись, Странник мгновение смотрел на меня, а потом весело усмехнулся.

— Я не виноват в том, что вы себе напридумывали, женщины. Возможно, Лорелее хочется верить в то, что она не одна? В то, что рядом есть кто-то, способный защитить ее от ужасов реальности?

— И ты возомнил себя рыцарем? Ты вообще способен чувствовать?

— А ты, Эшли? — голосом, лишенным эмоций, ответил выпадом на выпад Странник. Я вопросительно вздернула бровью. — Ты способна испытывать чувства? Твои сестры разве не заслуживают любви?

— Я люблю их.

— Ложь, — резко отрезал он. — Ты никого не любишь. Это всего лишь слова, которые ты сама себе твердишь для успокоения собственной души и совести. И то, что ты прикрываешься страхами за их жизни, — Странник раздраженно смахнул пепел и усмехнулся: — Все ложь. Ты преследуешь свои цели, отгородившись от близких. Возможно, пора отойти от бессмысленных расследований и уделить внимание родным людям?

С минуту я смотрела на мужчину и переваривала сказанные им слова. Вероятно, он был прав, хоть и не до конца. Я любила своих сестер, любила Лорелею и даже Лукаса эгоистичной, своеобразной любовью. Гордость Странника оказалась задета, и теперь он мстил. Решил укусить и поквитаться за мою колкость.

— Мне неинтересны ваши отношения, если таковые имеются, — нетерпеливо отмахнулась я. — Пусть между вами будут чувства, в этом нет ничего постыдного. Но я хочу быть уверена, что ты не морочишь ей голову, Странник.

— Резкая смена темы разговора? — слегка удивленным, но в то же время веселым голосом спросил он. — Тебе неприятны мои слова?

— Может быть. Все, что ты сказал, я прекрасно знаю сама, хоть и отказываюсь принимать. — Вздохнув, я добавила: — Так легче жить.

— В одиночестве?

— Я не одинока.

— В душе ты одинока, Эшли, — тоном, не терпящим возражений, произнес он и

затянулся.

— Так же, как и ты, Странник.

Повисла тишина. Он докурил сигарету, а я терпеливо ждала очередного выпада в свой адрес.

— Иначе, зачем тебе скрывать свое лицо?! — я не рассчитывала на ответ и не думала вновь задевать его. Я действительно чувствовала в нем родственную душу. — Я бы больше сказала: ты стремишься к одиночеству.

Странник тихо рассмеялся.

— Надеюсь, ты не ждешь чистосердечного признания в грехах и объяснений, почему я прячу лицо под капюшоном и коротаю вечера в дешевом баре?

Я помотала головой.

— Нет. Увольте!

Он вновь рассмеялся, и вновь повисла пауза, но на этот раз не тяжелая. Невероятно, но мне приятно молчать в обществе Странника, не испытывая при этом неловкости. Рядом с ним становилось уютно и спокойно, даже если мы повздорили. Когда иссякали вопросы, на которые только он мог дать ответы, мы наслаждались тишиной. И иногда я думала о том, что мне не важно, кто скрывается под черным капюшоном. Пусть будет так.

Лорелея невнятно забормотала во сне, после чего сладко вздохнула и вновь затихла. Я и Странник посмотрели на нее.

— Полагаю, ты в курсе ее страхов? — едва слышно спросила я, не отводя взгляда от спящей белокурой красавицы.

— Угу, — он размял шею, не выпуская изо рта сигарету. После перехватил ее пальцами и опустил в пепельницу. Выпуская дым в сторону, выдохнул:— А ты решила их разнообразить? Куда вы уходили?

— С чего ты...- я осеклась и пожевала губу. — Все время забываю, с кем имею дело, и отношусь к тебе, как к живому человеку.

— Вы отсутствовали минут сорок, а когда вернулись в бар, то на Лорелее лица не было. Да и на тебе тоже, — спокойно продолжил он под моим пристальным взглядом.

— Как считаешь, — протянула задумчиво я, — Кaleb мог быть связным?

— Что? — после паузы переспросил Странник, понизив голос.

— Ну, мог ли он сотрудничать с бэлмортами, передавать почту?

— Любопытно узнать, что натолкнуло тебя на подобные рассуждения, Эшли?

— Ничего особенного, — я пожала легкомысленно плечами и посмотрела в сторону. Народ постепенно напивался, и веселье перетекало в пьяный разгром. — Короткая записочка, найденная среди вещей портного.

— О чем в ней говорилось? — Странник спросил отстраненно и без особого интереса, но я чувствовала его внимание.

— Собственно, ни о чем. Всего лишь пару слов.

— А именно?

Я улыбнулась.

— Ты сгораешь от любопытства, Странник? Неужели?

— Ты пришла с вопросами, — холодно отчеканил он. — И мне нужна информация, чтобы дать тебе исчерпывающие ответы.

— Сроду не слышала от тебя исчерпывающих ответов! — огрызнулась я.

Странник тихо рассмеялся, и этот звук пробежал дрожью по спине. Я невольно

поежилась.

— Я не хотел тебя обидеть, Эшли.

— Ты злишься из-за того, что я напоила Лорелею.

— Так уж и быть, признаю, что ты позволила ей нарезать на ненамеренно, потому что явилась в бар с иной целью!

— Ты чрезмерно самовлюблен, — хмыкнула я, чем вызвала у Странника очередную вспышку тихого, самодовольного смеха. Я тешила его самолюбие, а он отвечал мне ехидством. Так повелось со дня нашего знакомства.

— Ответишь на мой вопрос или нет?

— Там значилось лишь имя.

— В интересах твоего расследования я не буду спрашивать, чье конкретно. Лишь спрошу: тот, чье имя написано на бумаге, жив или уже мертв?

Я хмыкнула и откинулась на спинку стула. Оправив плащ так, чтобы не светить в полном подвыпивших мужчин заведении коленями, и сложила на них руки.

— Как благородно с вашей стороны! Увы, мертв. И ты уже знал ответ, когда задавал вопрос.

Затянувшись, Странник задумался и ответил почти минуту спустя, когда выпустил в потолок пять колец дыма подряд. От нетерпения я считала, перебирая пальцами пояс плаща. Наслаждаясь своим творением, он нехотя заговорил:

— Да, пожалуй.

— И как ты догадался?

— Я не догадывался. Задал элементарный вопрос, ответы на который должны были быть столь же лаконичны — да или нет. И что тебе дает та записка?

— К сожалению, ничего, — бесцветно отозвалась я. По плечам пробежал холодок, и сердце заколотилось у горла — знакомое ощущение. Я обернулась, заведомо зная, что не различу в толпе бэлморта.

Глава 14 (продолжение)

Странник повернул голову в мою сторону.

— За тобой следят, Эшли?

Его голос прозвучал пусто и настороженно. Казалось, он слышал мысли и видел насквозь.... Я не могла не ответить.

— Вчера меня преследовал охотник за головами. В попытке оторваться, меня унесло в старую часть города. Я видела его лицо, Странник! Такого ни с кем и никогда не случалось....

Он задумался.

— Явил тебе свой истинный облик и не прикончил? Любопытно.

— Почему ты не спрашиваешь, как он выглядел? — озадаченно промямлила я.

— Мне неинтересно, — фыркнул он в ответ. — Лорелее расскажешь, когда проспится, если, конечно, захочешь посвятить подругу в свои тайны.

— Я не хочу ее пугать еще больше, — возразила я. — Она хочет выглядеть смелой и сильной, но в душе боится бэлмортов до чертиков. До морских чертиков.... Она ищет встречи с опасностью, чтобы быть к смерти ближе, полагая, что так она ее не заметит и пройдет мимо. Те, кто прячется и всячески избегает риска, быстрее попадают в сети старухи с косой.

— Об этом поздно беспокоиться, не считаешь? Ты привила ей страсть к приключениям — тебе и расхлебывать.

— Между прочим, — побарабанив раздраженно пальцами по столу, протянула я, — именно Лорелея подбивала меня на безрассудство. Не я сделала ее такой.

Пренебрежительно хмыкнув, Странник покачал головой. Пожевав сигарету, он продолжил, будто не слышал моих последних слов:

— Бэлморт не тронул тебя? Совсем? Ты уверена в этом?

— Я упала во время полета, но не могу с уверенностью утверждать, что по его вине. Вполне возможно, зацепилась за флюгер дома, над которым пролетала. Он создавал видимость нападения, но так и не коснулся меня, — вздохнув, я выдержала паузу. — Что происходит, Странник? Где фамильяры? Почему они не сдерживают бэлмортов?

— Бэлморты остались без правителя, ты в курсе? — отрешенным голосом отозвался он и затушил очередную сигарету в пепельнице.

Я ослабилась.

— К сожалению, меня не известили!

Но Странник не обратил на мое паясничество никакого внимания.

— Да, бэлмортов покинул их правитель. Причин никто не знает, но факт остается фактом: ими больше никто не управляет, никто не погоняет кнутом, хотя стоило бы. Тысячи подвластных самим себе убийц.... И было бы ошибочно думать, будто они примкнули к Верховной Ведьме — этому никогда не бывать. Хотя было бы неплохо иметь на стороне магов столь мощную армию. Провокация? — он пожал плечами своим мыслям вслух. — Черт их разберет. Не исключено, что среди охотников появился лидер, решивший взять правление над стадом в свои руки. И сейчас проявляет давление на правительницу магов, запугивает массовым истреблением.

— Ну, конечно. А фамильяров они взяли в заложники!

Странник медленно повернулся в мою сторону и, облокотившись на подлокотник, демонстративно перекинул ногу на ногу.

— Я бы на твоём месте, Эшли, — раздраженно начал он, — не был так уверен в силе и влиянии Верховной Ведьмы. Поверь, управлять своенравным народом и держать все под контролем довольно сложно. Всегда будут существовать угрозы извне, и она в этом не виновата. Если бы правитель бэлмортвов не оставил свой пост, они бы не вели себя так развязно. И есть вероятность того, что фамильяры не в силах подавить бунт, или что-то им не позволяет сделать это.

— В городе участились убийства, — осипшим голосом произнесла я. — Погибла моя соседка, а я не могу понять, как это вышло.

— Каждый день умирают люди, и маги тоже, — Странник вновь откинулся на спинку стула и полез в карман толстовки за новой сигаретой. — Естественный природный процесс, так устроены живые организмы.

— Когда её тело выносили из дома, на ней не было ни капли крови, но на простыне я заметила пятно, — продолжала я, не обращая внимания на его безразличие и попытку блеснуть остроумием. — Я пробралась в дом, чтобы разнюхать....

— Как всегда, — прокомментировал Странник, сунув сигарету в рот, и прикурил.

— И до сих пор с содроганием вспоминаю увиденное!

— Что же ты там обнаружила?

— Стены в крови, поломанная мебель.

— В доме Калеба та же история.

— Откуда ты знаешь? — я затаила дыхание и вытянула от удивления шею, а он только пожал небрежно плечами, выпуская облако табачного дыма.

— Предположил.

— Довольно-таки точное предположение, — недоверчиво отметила я, скрестив руки на груди. Притягивающий взгляд чёрный капюшон, не дававший покоя моему любопытству на протяжении многих лет, в этот миг не имел значения. Плевать, кто под ним и как выглядит! Важно то, что он слишком много знал. — Ты в курсе?

— О чём?

Я раздраженно цыкнула, отведя на миг взгляд. Около барной стойки назревал конфликт между двумя изрядно упившимися посетителями внушительной весовой категории. Бармен медленно потянулся рукой под стойку, видимо, там располагалась кнопка вызова полиции. Один толстяк с лохматой рыжей бородой схватил за грудки лысого собутыльника и, проявив чудеса ловкости и силищу, свойственную атлету, поднял его в воздух и швырнул на стойку. От неожиданности бармен отпрыгнул в сторону, так и не успев вызвать помощь.

Повернувшись лицом к Страннику, я долго вглядывалась во тьму под капюшоном.

— О стенах в крови.

— Я наблюдателен и умею слушать, — проворчал он.

— Ты не сотрудничаешь с полицией, насколько я знаю?

— Нет, — грубо отрезал Странник.

Я удовлетворенно кивнула.

— Думаю, мы оба понимаем, что копы не видели следов кровавой бойни. Верно я рассуждаю?

— Верно.

— И что это может значить?

Лысый грузный мужчина встал из-за стойки, потеснив бармена, вжавшегося в перегородку витрины, и с рычаньем бросился на обидчика. Но одной ярости и жажды мести оказалось недостаточно. Он не сумел преодолеть преграду в виде стойки, только закинул на нее ногу и сполз на пол с грохотом, так, что стекла задребезжали.

— В доме орудовал маг посильнее бэлморта. Или....

— Или? Что означает твое «или»?! — с сомнением покосилась я на Странника. Докуривая сигарету, он смотрел на цирковое представление, развернувшееся около барной стойки.

— Я всего лишь предположил. А если серьезно, — он выпустил облако дыма в форме шара. Что ж, времени для тренировок у Странника предостаточно, — то я сначала подумал о заклятии невидимости, но потом вспомнил, что оно действует несколько часов, но никак не суток. Здесь что-то иное.

— И что делать?

— Уверен, ты уже решила.

— Опрашивать знакомых, искать заказчика.

Странник кивнул.

— Удачи тебе в этом нелегком деле!

Лысый здоровяк перевалился через стойку и с разбегу накинулся на рыжебородого. Ломая столы и раскидывая попадающихся под руку посетителей, они рухнули вниз. Лысый хватал противника за волосы и бороду — благо, они торчали в разные стороны — а тот пытался выдавить ему глаза большими пальцами рук. Вопя от гнева, мужчины катались по полу, сбивая с ног все больше случайных свидетелей. Но в момент ожесточения схватки рыжебородый забрался и сел верхом на лысого, в бар ввалились копы.

— Спасибо за помощь, — быстро проговорила я, поднимаясь из-за стола.

— Обращайся.

— На самом деле, — я резко повернулась к Страннику. — Ты не очень-то мне и помог!

— Я помогу тебе сегодня. Обязательно.

— Чем же?

— Провожу Лорелею до причала, — он тихо рассмеялся, наблюдая за моей реакцией. — А ты уноси ноги.

Я не стала спорить. Накинув плащ, поспешила к выходу, обходя вдоль стены поле битвы титанов. Двое полицейских уложили обоих громил на пол лицом вниз и надевали наручники, а у дверей с пистолетом наготове стоял офицер Шерман. От неожиданности я замедлила ход, и в лицо бросился жар. Впереди меня посетители выбегали из бара один за другим, и у меня был шанс проскочить незамеченной, но я им не воспользовалась. Захотела оказаться замеченной.

Ощувив мой взгляд, Бен обернулся, и несколько секунд мы смотрели друг на друга. Когда удивление прошло, он поджал губы и устало выдохнул. А глаза, тем не менее, стали ярче и заблестели.

— Теперь я понимаю, что имел в виду детектив Брейнт, — не без иронии сказал офицер Шерман. Я отвела взгляд, чтобы он не видел моей детской обиды. — Не уходи, я отвезу тебя домой.

От последних его слов в груди что-то екнуло, и тепло разлилось по венам. Я больше не могла злиться — прижалась спиной к стене и смотрела куда угодно, только не на Шермана. Тело обволакивала приятная и волнительная дрожь, и я медленно таяла от мысли о том, что

Он меня отвезет домой.

— А тебя искать не будут? — робко поинтересовалась я, устраиваясь на пассажирском сидении патрульной машины.

Бен завел двигатель и вскользь посмотрел на меня.

— Моя смена закончилась час назад. Я взял последний вызов, чтобы разгрузить ночную бригаду, — он замолчал и, выдержав паузу, невесело хмыкнул. — Да и домой я не тороплюсь.

— Почему? — я сложила руки на плотно сжатых коленях, теребя в руках край пояса плаща. Как школьница, черт побери! — Тебя там никто не ждет, или непростые отношения с семьей?

Он улыбнулся уголками губ.

— Ни то и ни другое.

Мы выехали со стоянки бара и покатали по ночной набережной. Черное, как ночное небо, море плескалось о каменный борт. Луна проливала серебро на колыхающуюся блестящую гладь воды. Шерман сосредоточенно следил за дорогой, а я украдкой смотрела на него. Сердце от волнения порхало, и дыхание сбивалось. Не помню, чтобы я испытывала что-то подобное рядом с Лукасом.... Решив, что ответа не последует, я отвернулась к окну. За недолгое знакомство успела заметить, что офицер Шерман не отличался общительностью. Что ж, помолчать тоже бывает приятно. Особенно мне и особенно с ним.

— Дома меня ждет диван и просмотр ночных каналов, — вдруг произнес он. Голос звучал отстраненно и глухо. — Возможно, на работе я принесу больше пользы обществу. А чем объясняется твое пристрастие к прогулкам затемно? — Бен посмотрел на меня с интересом, но скорее из вежливости и чтобы развеять тяжелую тишину.

Я взглянула в небесно-голубые глаза, но он тут же отвернулся и уставился на дорогу, будто не хотел, чтобы я что-то прочла в них. Во всем его виде чувствовалась твердость и холодность, но мне нравилось сидеть так близко. Настолько, что я могла непринужденно коснуться, и это не вызвало бы неловкости. Создавалось ощущение, будто я за каменной стеной, как бы неоднозначно это не звучало.

— Не могу пожаловаться на сестер, — я пожала неопределенно плечами. — Дома меня всегда ждут, тем более, что это мой дом. — Коротко рассмеявшись своим мыслям, я опустила взгляд на руки: — Но мне не по себе. Не могу усидеть на месте.

— Что же тебя так тревожит?

— Не могу точно сказать, — я подняла голову и посмотрела на полицейского с сожалением во взгляде. Бросив на меня короткий взор, он понимающе поджал губы и кивнул. — Все эти убийства....

Мы остановились на перекрестке. В машине повисла тишина, прерываемая короткими позывными, доносящимися из рации на панели управления. Я посмотрела в окно на спящую улицу, как вдруг внутри все задрожало. Большой, состоящий полностью из стекла дом с бассейном во дворе, с высоким кованым забором и пестрыми клумбами, был обнесен желтой оградительной лентой. Кулон вздрогнул и обжег кожу, и я прерывисто вздохнула. Слишком громко, чем привлекла внимание Шермана. Сжав в руке потяжелевший горячий камень, я училась заново дышать, не отводя взгляда от здания. И с каждой секундой тьма гуще окутывала его, а могильный холод, исходящий от дверей, подбирался все ближе. «Надо

закрыть окно», — с этой мыслью я потянулась к ручке, но Бен опередил меня. Он нажал кнопку автоматического управления, и стекло поднялось до упора. Посмотрев на него с благодарностью и ужасом в глазах, я укуталась в плащ, не имея возможности внятно говорить. Нахмурившись, он смерил меня непонимающим взором, собираясь что-то сказать. Но загорелся зеленый, и нам пришлось продолжить движение. Вдавлив педаль газа в пол, Шерман хотел было поехать прямо, но я схватилась за руль.

— Что ты делаешь? — совершенно спокойно спросил он.

— Сверни к дому, — хрипло попросила я. — Это дом Кеннета.

— Кто такой Кеннет? — еще сильнее нахмурился Бен, но выполнил мою просьбу и выкрутил руль влево.

— Бывший сослуживец моей старшей сестры и ее любовник. Тоже бывший.

— Судя по декорациям, здесь кто-то умер, — невесело усмехнулся он, паркуясь на обочине, и посмотрел на меня. — Так вот почему — бывший.

Я тяжело вздохнула, и рука безвольно упала на колени. Шерман без слов понял, в чем дело. Удивительно, но я решила все же озвучить свои мысли:

— Да, здесь убили Кеннета. В собственном доме. И я хочу войти и посмотреть, что там произошло.

— Это противозаконно, — напомнил Шерман, немигающим взглядом изучая мое лицо.

Меня бросало в жар от запаха его одеколona и синевы глаз, но дыхание отмеченного смертью дома отвлекало.

— Я в курсе.

Догадавшись, что я не из робкого десятка, Бен отвернулся к окну. На его лице не отразилось гнева или раздражения, только глубокомыслие.

— Допустим, мы войдем...

По позвоночнику пробежала волнительная дрожь от короткого и неожиданного «мы», и я вжалась в сиденье. Бен, не заметив моего смущения, рассуждал дальше:

— ...что делать с отпечатками? Следить никак нельзя.

— Я не буду распускать руки, — уверила я. — И у меня есть перчатки, — вынув их из карманов плаща, продемонстрировала полицейскому. Покосившись сперва на них, потом на меня, он прищурился.

— Ты не впервые проникаешь на место преступления, — твердо произнес Бен, и я, улыбаясь, закивала. Вздохнув, он поджал губы, но не сумел повесить на лицо строгое выражение служителя закона — рассмеялся, покачав головой:— Это был риторический вопрос. Я раскусил твою авантюрную натуру и сразу понял, что тебя тянет к неприятностям.

Я сокрушенно вздохнула, исподлобья взглянув на него, чем вызвала еще большее веселье. Запрокинув голову на подголовник, Шерман тихо рассмеялся, не отводя от меня взгляда. И он был прекрасен! Улыбка, глаза, смех — все в нем заставляло дрожать от восторга и задерживать дыхание. Но я не показала своего смущения, достойно выдержала прямой взгляд и улыбнулась.

Отгнав патрульную машину в неосвещаемую часть переулka, Бен, озираясь по сторонам, быстрым шагом направился ко мне. Я стояла перед воротами дома, кутаясь в плащ. Дуновение ветра принесло ощущение тревоги, будто здесь не осталось ничего живого. Меня окружала мертвая, но подвижная тьма, смыкалась тугим кольцом, сокращая расстояние с неуловимой скоростью. Второй раз за ночь.... И даже приближение Шермана не развеяло наваждение. Как странно....

Когда патрульный остановился рядом, я достала из карманов плаща перчатки и натянула их, звонко постукивая от холода зубами. Он любопытно наблюдал за мной, слегка расширив глаза. То ли от удивления, то ли от иронии. Пару минут я просто грела руки, а затем явила заинтригованному взору Шермана пузырек с носиком. Его глаза округлились еще больше, и в них светилась неприкрытая насмешка.

— Что это?

— То, ради чего можно убить, — гордо сообщила я и вздернула головой. — И, конечно, попасть за решетку.

— И ты вот так спокойно выставляешь его мне напоказ? — он изумленно усмехнулся.

— Да...- удрученно отозвалась я и сделала вид, что задумалась. — Выбора нет. Мне придется тебя убить.

Шерман с минуту глядел взглядом, лишенным эмоций. Меня же подмывало продолжить издевательство. Но я удержалась. И сохраняла спокойствие до тех пор, пока он не улыбнулся, покачав головой.

— С тобой не соскучишься. Даже не хочу знать, где ты взяла это.

Наглядно продемонстрировав действие зелья «Неодушевленной памяти», я жестом фокусника всплеснула руками и толкнула тяжеленную створку ворот. Шерман передразнил меня и, вздернув брови, пригласил пройти первой. Моя улыбка сползла.

— Вот так значит? Девушку первой в самое пекло?!

На его лице отразилось самое натуральное удивление:

— Издревле мужчины запускали женщину в пещеру первой. И если дикий зверь ее не съедал, то пещера пригодна для жизни, — проговорив это с совершенно серьезным видом, он загадочно прищурился, ожидая бурной реакции.

Но ее не последовало. Ничего не ответив, а лишь холодно хмыкнув, я вошла. И остановилась на широкой дорожке, выложенной серой декоративной плиткой. Слева сверкал в свете луны овальный бассейн с двумя лежаками на бетонной площадке. Справа работал распыскиватель, перебивая тишину характерным монотонным звуком. Полицейские не выключили, или он запрограммирован работать ночью? Как-то жутковато....

Художественно оформленная клумба, радующая глаз буйством красок и смешением тонких, ненавязчивых ароматов экзотических цветов и растений, занимала большую часть двора. Она походила на мини-остров с водопадами и кристально-чистым прудом, окруженным кладкой из белых, тускло мерцающих камней. Я и Шерман синхронно огляделись.

Двинувшись по дорожке, я подняла голову, рассматривая дом. Массивное ассиметричное строение из стекла и бетона: высокие, во всю высоту стен, окна, занавешенные шторами из ткани цвета металлик. Дверь также стеклянная. Стены несли исключительно разделительную функцию, разбивая огромное помещение первого этажа на комнаты. К двери вела широкая каменная лестница, белые перила украшали декоративные фонари в виде капельки, наполненной небесной синевой. Окинув здание оценивающим взглядом сверху вниз, Шерман тихо присвистнул.

— Кем он был, этот Кеннет?

— Агентом по недвижимости, — растеряно пробормотала я, еще не отошедшая от шока. Размах впечатлял, но никак не вязался с образом рядового брокера. Как в случае с Саммер, дом которой был обставлен не на зарплату пекарши, а как минимум повара дорогого ресторана. Было, над чем задуматься.

— Неслабо, — скептически изрек патрульный. Приподняв желтую ленту и подойдя к окну, он взгляделся во тьму дома, приложив ко лбу ладонь козырьком. — Боюсь представить, что творится в хоромаш этого обычного агента по недвижимости. Я, к несчастью, забыл бахилы захватить.

Покосившись на него, но ничего не сказав, я пролезла под оградительной лентой и проделала с замком входной двери то же, что и с воротами. Из приоткрывшегося проема выскользнул холод и дохнул в лицо. Я на миг утратила способность дышать и видеть, но привычки, отработанные до автоматизма, сделали свое дело. Вдохнув глубоко ртом, я шагнула в дом, широко распахнув дверь. Веяние темной магии и ощущение недавней смерти, подобно незримому, сотканному из ледяной паутины, препятствию, коснулось кожи. Лно проникло под одежду и пропитало ткань. Пряча на ходу пузырек с зельем в карман, я прошла в холл и запрокинула голову. На потолке поражала красотой огромная фреска — перистые облака, сквозь которые проглядывало ночное, усеянное звездами, небо. А хрустальная, мерцающая люстра даже в темноте радовала необыкновенно яркой, многоцветной игрой света.

Опустив восхищенный взгляд, я прошла вдоль стен. Изумительный гарнитур из темного дерева, состоящий из шифоньера с зеркалом на передней панели, на котором было изображено дерево с цветущей желтыми цветами кроной. А так же из комода, софы, обитой тканью цвета топленого молока, и тумбы для обуви. На полу — светлый ковер с темным орнаментом, а под слоем картин почти не видно голубых мерцающих стен. Остановившись перед дверью в основную часть дома, я посмотрела на Бена. Судя по его растерянной физиономии, он был потрясен так же, как и я. Заметив мой взгляд, он без лишних слов направился к двери, доставая на ходу фонарик. Взявшись за ручку, он решительно повернул ее.

Глава 15 (продолжение)

В помещение сочилась тьма. Проливалась темной водой и извивалась по холлу. Я отошла к стене.

— Что с тобой? — удивленным шепотом спросил Бен и включил фонарик. Белый луч света заскользил по стенам, выхватывая из темноты фрагменты стен и предметов, но не более того.

— Ничего особенного, — запинаясь от волнения, ответила я. — Не хочу, чтобы она меня касалась. И тебе советую избегать....- я подняла взгляд на патрульного. Судя по его, мягко говоря, подозрительному выражению лица, он не видел петляющей по помещению тени. Тьма встречала гостей с распростертыми объятиями. Я глубоко вдохнула и отлипла от стены. Нужно быть смелее, Эшли.

— Избегать — чего? — Бен сделал шаг в моем направлении, и тьма отползла в сторону, словно он спугнул ее. Я облегченно вздохнула.

— Соприкосновения с темной магией. Не бери в голову, — отмахнувшись, я с бесстрашным видом вошла в открытую им дверь, хотя внутри похолодело. Между лопаток чесалось от его пристального взгляда, но я осторожно ступала, с каждым мгновением все острее ощущая запах крови и смерти. И когда оказалась в просторной гостиной среди мебельной роскоши, то разинула рот. Но не от восхищения дизайнерской отделкой стен под мрамор, а от ужаса.

История повторилась. Стены, вымазанные кровью, будто жертва искупалась в ней, а потом пыталась удержаться скользкими руками и хваталась за все, что подвораживалось. Подняв взгляд к потолку, прикрыла рот ладонью.

— Выключи, пожалуйста, фонарик, — спокойно попросила я.

Бен с ничего не понимающим видом осмотрелся, но выполнил мою просьбу.

Легко различимые очертания тела, катавшегося по чудесной белоснежной лепнине. Отвратительный кровавый узор, от него бросало в дрожь. Оглядевшись, я сглотнула, забыв о присутствии Шермана. Взгляд метался по помещению, прощупывал в темноте каждую деталь, а темная магия подбиралась все ближе. Она ползла по стенам густой, похожей на смолу, массой, меняющей по мере движения форму. Я чувствовала ее приближение, кожей ощущала холод и тяжесть мрака, желающего изловить меня, но дело превыше всего. Тем более, что Бен уже начал напрягаться.

— Что происходит? — поинтересовался он. Я, не успев подумать, обернулась.

Брови копа взлетели на лоб, но не более. Изучив внимательно мое лицо, он нахмурился и сложил руки на груди. — У тебя глаза светятся, — его голос прозвучал буднично, будто он сообщал мне о приближении дождя.

— Так всегда бывает, — отстраненно отозвалась я и направилась к стеклянной двери, ведущей в спальню.

— Всегда? — переспросил он, не отставая от меня.

Когда Бен подходил ближе, тьма перед ним боязливо расступалась. Решив, что мне показалось, я замерла и позволила скользкой тени подобраться ближе. Она обвивала ноги, и в тот миг, когда я была готова завопить и отпрыгнуть, Бен шагнул в мою сторону. Будто потревоженная водная гладь, тьма пошла рябью прочь от меня, отползла к стене, сжавшись перед патрульным. Странно, я впервые сталкивалась с чем-то подобным. Подняв глаза, я

посмотрела на Бена. Он лишь повел бровью и неспешно прошел мимо. Глубоко вдохнув, я шагнула следом и оказалась в угловой комнате с огромной кроватью и спальным гарнитуром из ольхи.

— Ага. Когда чувствую темную магию. Этот дом заклеен смертью, — я рассматривала на ходу дверные ручки, поверхности стола и прикроватных тумб, обои и створки шкафа, комод и зеркало над ним, вазы с цветами, напольную лампу, напоминающую кокон громадного насекомого, картину над изголовьем. И даже палас под ногами — полотно песочного цвета с цветными окружностями, их цветовая гамма колебалась от бежевого до темно-коричневого. Не хлюпал ли он от крови, и нет ли на нем следов волочения.... Бен не успевал следить за моими движениями, пребывая в глубокой задумчивости.

— Понятно, — понимающе кивнув, саркастически отметил он. — И, судя по твоему энтузиазму, тебе это нравится.

В воздухе витал запах гари, на шторах внизу остались следы копоти.

— Мне нравится распутывать загадочные дела, а убийства — редкость в мире магов. Поэтому я отношусь к данному расследованию особенно чутко, — я осмотрела ручки комода и заметила четкие кровавые отпечатки на чуть выдвинутом верхнем ящике, и поспешила заглянуть в него. Аккуратная стопка белья, а сверху — вмятина, будто там долгое время лежал некий предмет. По привычке потянувшись к ящику, я замерла и покосилась на Шермана. Склонив голову, он озирался по сторонам, но его взгляд постоянно возвращался ко мне. Опустив руку, я решила ничего не трогать и оставить, как есть. Бен не позволил бы мне шарить в вещах на месте преступления. Он подумает, что я ненормальная, или уже подумал, и осудить его сложно. Не каждая девушка, далеко не каждая, и тем более умственно здоровая, заберется в дом, где недавно кого-то отправили в мир иной, и будет копошиться в барахле убитого. Думаю, мне поздно волноваться о том, как я выгляжу в его глазах....

— Отсюда что-то взяли.

Повернувшись, чтобы уйти из комнаты, я встала, как вкопанная. На стене около дверного проема темнели вмятины и сколы от магических бросков, а по краям — следы копоти. Здесь орудовал бэлморт, как и в доме Саммер. По той же схеме.

— Что?

— Судя по отпечатку, книгу или блокнот, — сглотнув, отозвалась я.

— Не эту? — Шерман что-то поднял с пола. Повертев в руках, хмыкнул и протянул мне небольшую книгу в старом тряпичном переплете.

и Я осторожно взяла ее и отогнула обложку. Частью себя уже знала, что увижу — надпись в верхнем левом углу. «Центральная библиотека. Ячейка № 453». Бен с интересом наблюдал за мной, скрестив руки на груди. Пролистав страницы, я обнаружила мятый клочок бумаги, на котором до боли знакомым почерком было выведено лишь два слова: «Калеб Маноу».

— Тебе надо было идти в детективы, — усмехнулся Шерман.

Не думая о том, что передо мной стоит служитель закона, я схватила клочок бумаги и спрятала в карман плаща. За вечер обнаружила две идентичные записки! Пища для моего пытливого ума.

— Полиция не любит магов, поэтому у меня нет шансов, — как ни в чем не бывало, сказала я, пожав плечами, и положила книгу в ящик комода. Мельком осмотрев ванную комнату размером с поле для мини-футбола, я быстрым шагом вернулась в гостиную. Бен, раздраженно всплеснув руками, двинулся следом.

Я запрокинула голову.

— Неужели ты этого не видишь?

Шерман проследил за моим взглядом. Повисла утомительная пауза. Боясь ее нарушить, я задержала дыхание. Сердце встревожено билось в груди, и его оглушительный стук был неуместен в этой комнате, в этом доме. Тонкие длинные пальцы тьмы тянулись ко мне, она уже совсем близко подползла и неспешно обвивала ноги, чтобы затянуть в западню. Становилось все холоднее, ужас щекотал изнутри, натягивал нервы, словно тончайшие струны. Еще чуть-чуть, и я завизжала бы, что есть силы.

— А что я должен там видеть? — спросил Бен и, оторвав взор от потолка, посмотрел на меня. — Черт, ты вся белая! Эшли? Как ты себя чувствуешь?

— Кровь, — облизав пересохшие губы, прошептала я, — там повсюду кровь.

Замолчав, я опустила голову и повернулась к нему лицом. Что я увидела? Удивление, легкую тревогу, интерес, но только не страх. Бен не спешил уносить ноги от ополоумевшей ведьмы с горящими глазами. Пожалуй, для меня это было самым важным открытием за сегодняшнюю ночь. Второе не менее важное по значимости — в доме Кеннета хранилось нечто необходимое убийце. И убийцей я называла не бэлморта, а его работодателя. Удар темной магии, похожий на ледяной хлыст, вернул меня в гостиную, и я ахнула. Но голос прозвучал ровно:

— Нам надо уходить. Скорее.

Мы буквально выбежали на улицу. Не чуя почвы под ногами, я неслась к воротам и свободно вздохнула, только когда оказалась по другую сторону от них. Припав к забору, подставила лицо ветру и прикрыла глаза. Шерман наблюдал за мной с настороженным интересом и заговорил, когда я успокоилась.

— И часто ты так развлекаешься?

Словно очнувшись ото сна, я открыла глаза и медленно повернулась к нему лицом. Он выглядел по-прежнему невозмутимо. Похоже, Бена ничем не проймешь — железные нервы копа.

— Случается.

— Надеюсь, в жилище портного по имени Калев ты не забиралась?! — подозрительно прищурившись, протянул он.

— Хм... — я задумалась. — Буквально пару часов назад. Похоже, в городе орудует бэлморт-серийник.

Шерман перекривился. Одарив его лучезарной улыбкой, я застенчиво потупила глазки и хлопала ресничками. Думала пошаркать ножкой, но вряд ли его проняло бы, да и у меня с лица все еще не спал ужас. Вздохнув, я приняла прежний, вымученный вид.

— И от кого мы бежали? — почесав кончик носа, спросил он.

— От темной магии, жаждущей человеческой плоти, — зловеще ответила я, предчувствуя его следующую мысль.

— Она питается живыми людьми? — пряча улыбку, он склонил голову и посмотрел на меня исподлобья.

Я устало усмехнулась.

— Не совсем. Она стремится прилипнуть к живому и преследовать его, высасывать по капле, как проклятие.

— И как от нее избавиться? — уже серьезнее поинтересовался Шерман.

Я вздохнула и отлипла от забора. Спрятав руки в карманы плаща, не спеша направилась

к дороге. Он не отставал.

— При помощи магии, но я не обладаю знаниями, достаточными для ритуала исцеления. Она как пролитая из чаши вода — сила темного мага, оставленная на месте злодеяния. След его преступления. Я называю ее тьмой, и она неодоушевленная.

— Какие маги способны оставить такой след?

— Бэлморты.

Шерман изменился в лице, что-то промелькнуло у него в глазах. Но миг спустя он вновь был беспристрастен. Я заметила тень удивления, но не придала значения. Ведь все удивлялись и пугались, когда слышали о бэлмортах и темных магах.

Мы приблизились к патрульной машине. Бен остановился и повернулся ко мне

— Выходит, ты чувствуешь бэлмортов?

— Опять не так, — я улыбнулась, встав напротив. — Чувствую след их магии.

— Это же... — он облизал губы, не отводя от меня взгляда. — Здорово! Почему бы тебе не попробовать помогать детективам в расследованиях?

Ничего не ответив, я внимательно посмотрела на него. Прищурившись, он улыбнулся в ответ и обошел машину.

— Садись. Подвезу до дома.

— И все? — изумилась я.

Бен сделал вид, что задумался.

— А что? Я должен, наверно, отметить, что ты тронутая?! Нормальные девушки так не ведут себя?

— Вроде того.

Он неопределенно пожал плечами.

— Твое пристрастие не пугает меня, — и выражение его лица вновь стало отрешенным. Он бросил мимолетный взгляд мимо, будто что-то привлекло его внимание. И голос прозвучал глухо и задумчиво: — А теперь садись в машину, пока нас не заметили бдительные соседи и не вызвали полицию.

— Ты же сам из полиции, — проблеяла я, усаживаясь на пассажирское сиденье.

— В темноте все кошки серые.

В доме горел свет, хотя уже была глубокая ночь. Остановившись у дверей, я взялась за ручку, но не спешила заходить. Собираясь с духом и готовясь к тяжелому разговору с Моникой, после которого навряд ли удастся уснуть, стояла на пороге и дышала свежим, ночным воздухом. Ветер нес запах дождя и аромат ночных фиалок, был легок несмотря на повышенную влажность. Ощувив внутреннее умиротворение после необычной и довольно-таки насыщенной прогулки, я решила войти в дом.

Холл и кухня оказались пусты, хотя везде горела иллюминация, включая подсветку на стене. Сняв на ходу плащ, я повесила его на вешалку при входе и только тогда заметила Персика на подоконнике. Ощувив мой взгляд, кот повернул голову.

— Все в порядке? — тихо спросила я и улыбнулась абсурдности своего поведения. Кот лениво мигнул и снова уставился в окно, изредка прижимая ушки, будто что-то слышал. Я не удержалась и, подойдя к нему, взгляделась в темень ночной улицы. Сначала ничего особенного не заметила — дома, как дома, деревья, как деревья. Но вскоре различила несколько теней на ветвях деревьев. Вороны, черные, как сама тьма, с горящими янтарными глазами. Они смотрели по сторонам, крутили головами, синхронно и организовано, но с постоянной периодичностью их пугающие взоры обращались на мой дом. И каждый раз я невольно холодела, сталкиваясь с ними взглядами.

Выпрямившись, но, не отворачиваясь от тихих, никому не мешающих дозорных птиц, я погладила Персика. Издав короткий мурлыкающий звук, кот потерял голову о мою ладонь.

— Это всего лишь фамильяры, — успокаивающе произнесла я. И, хмыкнув, добавила: — Следят за порядком, стерегут улицу, охраняют сон и жизни магов. А Мишель и Лорелея пытаются убедить меня в том, что они отошли от дел.

Вдруг меня осенило. Наверняка фамильяры следили и за домом Саммер. Может, они поджидают убийцу? Что, если попробовать пообщаться с ними? Конечно, попытки поговорить с воронами со стороны будут смотреться, слабо говоря, безумно, но все средства хороши, когда дело касается расследования убийства. Есть вероятность, что они видели убийцу... Или хотя бы помнят ежедневный маршрут Саммер.

Додумать я не успела — в кухню спустилась Мишель с измученным видом и пустым стаканом в руках. Я обернулась.

Оправив волосы, сестра окинула меня оценивающим и в то же время отрешенным взглядом. Но я ее разочаровала. Или, напротив, порадовала. Как бы то ни было, интерес она ко мне потеряла довольно быстро.

— Ты как раз вовремя, — выдохнула она, наливая воду из графина в стакан. — Захвати носовых платков, да побольше!

— Так все плохо? — скрестив руки на груди, я прошла по кухне в сторону лестницы. Мишель вяло пожалала плечами.

— Ума не приложу, сколько в ней литров слез еще осталось... Поможешь мне уложить Моника спать? — сестра невесело усмехнулась, а в следующую секунду ее лицо озарила злорадная улыбка: — я ее немного напоила.

Я вздернула бровь.

— Насколько немного? Говорить Моника в состоянии?

Мишель отставила графин и одарила меня долгим взглядом, и я чуть не скисла под его

тяжестью.

— Что ты хочешь у нее выведать, Эш?

— Расспросить про Кеннета. Я сейчас как раз из его дома.

Сестра вытаращила глаза, но не издала ни звука. Я решила воспользоваться ее замешательством:

— Он убит при тех же обстоятельствах, что и Саммер. Я должна поймать связующую нить, ухватиться за нее и выяснить, что объединяет двух магов и их смерти!

— Не считаешь, что это жестоко? — громким шепотом поинтересовалась побледневшая Мишель. — Тебе в голову не приходило, что твоей старшей сестре нужна поддержка?

Я, нетерпеливо подпрыгивая, с мольбой в глазах посмотрела на нее. С минуту понаблюдав мое детское паясничество, сестра скривилась и закатила обреченно глаза.

— Считай, что я согласилась. Тешу себя одной только мыслью — что твое бессердечие кому-то во благо, — она направилась к лестнице, неся перед собой полный стакан воды и чудом не расплескивая его. — К тому же, в состоянии Моники, ей будет приятно любое проявление интереса к личной трагедии.

Я бесшумно похлопала в ладоши и посеменила за Мишель. Так бегут за старшей сестрой, которая пообещала дать поиграть со своей любимой игрушкой.

Моника сидела на диване в красивом цветастом платье до колен, теребя в руках носовой платок. Тушь для ресниц потекла, а попытки сестры стереть разводы под глазами не пошли на пользу, только все лицо измазала. Как только я переступила порог комнаты, то мгновенно ощутила плотную, как утренний туман, силу Моники. Она заполняла помещение, как ванну теплая вода ванну. Боль выплескивалась из нее импульсами силы, которые я чувствовала кожей. И я точно знала, какова она на цвет — золотисто-оранжевая, как лучи закатного солнца.

Мишель расположилась на полу перед Моникой, скрестив ноги и поставив перед собой стакан с водой. Я же направилась к дивану. Когда остановилась рядом со старшей сестрой, в глаза бросилась несвойственная ей бледность и темные, почти черные круги. Глаза сестры поблекли, обесцветились. Болезненные синяки, будто из Моники уходила жизнь. Моргнув, я посмотрела на нее вновь, но наваждение прошло. Тушь для ресниц, ничего более.

Опустившись на диван, я закинула ногу на ногу и сложила руки на коленях. Всхлипывая, Моника смотрела мимо нас, а я подбирала нужные слова. Нельзя спрашивать в лоб о бывшем любовнике, сыгравшем в ящик — стоило быть мягче и деликатнее, чтобы не ранить и без того ранимую сестру. Неужели Странник был прав, и я не способна любить даже родных? Он настолько хорошо меня знал?

Я вдыхала аромат духов Моники, такой же яркий и цветочный, как ее платье. Желтый, красный, зеленый, оранжевый — пестрые цветы рассыпались по ткани, с плеч по всему подолу. Желтые туфли на высокой шпильке, пояс из атласной желтой ленты — она безупречна всегда. И даже прическа: идеальные, блестящие локоны, ниспадающие на плечи и рассыпающиеся по спинке дивана. Вот только лицо Моники выглядело не как обычно. Она словно состарилась лет на пятьдесят, побледнела и истончилась, как ветхая бумага. Моника повернула голову, словно услышала мои мысли, и только сейчас заметила меня. Я непроизвольно вздернула брови, зеркально отражая ее движения.

Мгновение она смотрела на меня, а потом ее лицо разгладилось, глаза заволокло пеленой слез. Моника потянулась ко мне и задушила в объятиях, громко шмыгнув носом. Не ожидающая такого поворота событий, я погладила ее по спине, осторожно касаясь

ладонями, будто боялась навредить. А потом взглянула на Мишель, ища в ее лице поддержки. Беззвучно хмыкнув, она покачала головой и отвернулась, пряча улыбку. Наверно, от переживаний мы по-своему сходили с ума.

— Это ужасно, — всхлипнув, Моника зарыдала в мое плечо. Я снова покосилась на сестру, сидящую на полу. На кухне я решила, что она наливает заботливо воду для страдающей Моника, но сейчас наблюдала, как она жадно утоляет жажду. — Кеннет не заслужил такой смерти!

— Какой? — удивилась я и отстранилась.

Моника прекратила плакать и испуганно заморгала слипшимися ресницами. Выглядела она невероятно уязвимой и невинной.

— Его же убили бэлморты, так сообщают в газете!

— Да, верно, — протянула я, и Моника вновь всплакнула и обняла меня. Ее обжигающая сила проливалась и щекотала кожу, я невольно отодвигалась, прижимаясь к дивану. — Ничего умнее полицейские не придумали.

— Он был таким милым...

— Ты же его терпеть не могла?! — вновь встряла я и отстранилась. Моника опять замолчала и уставилась на меня. Где-то за ее спиной на полу Мишель поперхнулась, отпивая воду из стакана, и выплюнула ее обратно.

— Эшли, — снисходительным тоном протянула Моника. — Мы все ссоримся. Иногда бесим друг друга, но не желаем смерти. Да, он бросил меня. Да, я не смогла простить ему измену, но никогда бы не пожелала... Бред какой-то, — она нахмурилась и растерянно потупила взгляд.

— Чем он занимался?

— Торговал недвижимостью....

Я помотала головой.

— Кроме работы.

— Зачем тебе это? — Моника насупилась, будто я спросила ее о чем-то постыдном.

— Хочу понять, что за человек был Кеннет.

— Он был милый, — печально, но с нежной улыбкой на губах повторила Моника. — Бабник и лизоблюд, но милый.

— Вы часто сталкивались по работе? — глядя Монике по плечу круговыми движениями, осторожно спросила я.

— Почти каждый день.

— Он отлучался куда-нибудь?

— Я не знаю.... Мы же с клиентами работали, разъезжали по домам, выставленным на продажу.

— А его привычки? Что-нибудь странное или подозрительное замечала?

— Эшли, — Моника шмыгнула носом и с укором взглянула на меня. — Если ты о его пристрастии к крови невинных младенцев или хождении обнаженным под луной, то нет, ничего странного! Для него, по крайней мере. — Она иронично выкатила глаза и сразу же их раздраженно закатила.

Оценив шутку сестры, Мишель громко хохотнула. Я улыбнулась и покачала головой, похлопав Монике по плечу.

— Ну а отличительные.... Проклятье, — я замялась, покусав губу, будто это должно способствовать умственному процессу. — Что для него было нормальным? Какие привычки

Кеннета ты запомнила? — последние слова я произнесла тихо и дрогнувшим голосом: — Каким он останется в твоём сердце?

— Кеннет каждое утро заезжал в пекарню на углу улицы, — шепотом ответила Моника, глядя мимо меня. Я затаила дыхание, боясь спугнуть ее. И даже Мишель застыла на полу, глядя на нас блестящими от непролитых слез глазами. — Покупал самые свежие рогалики и пирожки, а когда приезжал в контору, то всем их раздавал. Мне он всегда привозил сахарный рожок с клубничной глазурью, — она улыбнулась своим воспоминаниям, а по щеке скатилась слеза. — Кеннет обладал до невозможности приятным голосом, от которого меня бросало в дрожь, а его манера разговаривать взглядом сводила с ума. Он постоянно дразнил меня, и только потеряв его, я осознаю, как мне всего этого не хватает....

Моника вдруг очнулась и неуверенно поглядела мне в глаза. Я вопросительно нахмурилась, хотя хотела выказать сочувствие. Или она хотела увидеть именно это сейчас.... В груди сжимался тугой ком от боли, плескающейся в глазах сестры.

— По вторникам и пятницам Кеннет посещал библиотеку. Нет слов передать, насколько меня бесила эта его привычка! Хоть пожар, хоть вселенский потоп, а режим нарушать нельзя! Это достаточно странно?

Я оторопела от неожиданной перемены в настроении Моника и резко посмотрела ей в глаза, в ледяную бездонную тьму, чувствуя, как утопаю в ней. Моргнув, я облизала пересохшие от волнения губы.

— Какую именно?

Она равнодушно пожала плечами.

— В Центральную, если не ошибаюсь.

— А он не вел себя необычно перед смертью?

— Необычно? — протянула Моника.

— Ему не мерещилось, что за ним следят? Или еще что?

— Нет. А если и да, то он не рассказывал мне о своих страхах. Видишь ли, после разлуки мы мало общались, и то исключительно по деловым вопросам. — Вдруг Моника прозрела. Буквально: ее лицо вытянулось, а глаза прояснились и расширились. Я больше не видела в них холода, как не чувствовала магии. Моника смотрела на меня абсолютно ясным взором: — А что за допрос, Эшли? Ты начиталась детективных романов?

Я только повела бровью и взглянула на Мишель, мельком. И вдруг она оказалась на ногах. В мгновение ока сестра очутилась около стола и, налив в бокал вина, практически насильно запихнула его в руку Моника. Изумленно посмотрев снизу вверх, Моника и возмутиться не успела, как Мишель заставила ее выпить бокал до дна.

Через пару минут она вновь смотрела на нас затуманенным взором. Ее боль притупилась, но лишь до утра, до того момента, когда похмелье перейдет на первый план. Глядя ее по волосам, прижимая голову к своей груди, я думала о том, насколько бываю бесчувственной, когда стремлюсь к собственной цели....

— Помогите мне лечь спать, — пролепетала сонным голосом Моника, и мысли выветрились из головы. Я смотрела на совершенно несчастную сестру, обнимающую меня, будто последний спасательный круг во вселенной. И она всеми силами должна его уберечь. Я улыбнулась и посмотрела на Мишель.

— Конечно, дорогая.

Утро ласково постучалось в окно. С минуту я глядела в потолок, залитый золотыми солнечными лучами, собиралась с мыслями. Что готовил мне новый день? Еще одну смерть? Еще одну загадку? Если полиция не в состоянии предотвратить трагедию, то можно с уверенностью готовиться к очередному убийству среди знакомых. И на кого падет жребий сегодня?

Резко сев, я откинула одеяло и спустила ноги на мягкий палас. Нужно было действовать прямо с утра. Зачем тянуть резину и размазывать расследование на недели, как это делали копы? Возможно, мне удастся спасти чью-то жизнь?!

Приняв бодрящий душ, я натянула темно-синие джинсы, трикотажный пуловер цвета белой шерсти, обулась в черные кожаные ботильоны на шпильке, украшенные декоративным ремешком и бляшкой, и накинула черный плащ. Заколов волосы на затылке, крадучись спустилась по лестнице, боясь разбудить сестер.

Оказавшись на улице, я не долго размышляла, брать машину или нет. Наплевав на холодный ветер и неприятную морось, отправилась пешком в пекарню, принадлежавшую Саммер Джоунс. Проведу собственное расследование — опрошу работников, заодно порадую сестер свежей выпечкой.

Прошла улицу до перекрестка, свернула направо, миновала еще четыре дома, перебежала дорогу и оказалась перед магазином-пекарней «Сласть». Одноэтажное здание с белым фасадом, полукругом окно, завешанное ажурной тюлью. Кованую крышу крыльца украшали металлические завитки и рогалики, припорошенные белой краской. Я толкнула деревянную дверь и попала в другой мир. Воздух наполняли ароматы корицы и ванили, соблазняли запахи свежее испеченного пирога и хлеба. Здесь можно было приобрести изделия домой или попробовать за чашечкой кофе, которую подавали на месте улыбочивые работники. Персонал магазина составляли в основном феи. Из-за невысокого роста их легко спутать с подростками. Переступив порог, в первое мгновение я испытала легкий шок — вся мебель была низкая, точно для детей. Решив, что начну со слоеной улитки с клюквенной начинкой, я вошла в пропахший пряностями хлебобулочный рай.

Вдоль окна стояли затейливые столики на резных ножках и мягкие зеленые диванчики. На каждом по магической свече — они горели изумрудным ледяным пламенем и зажигались от прикосновения официантов. Пол — кафельный, под зеленый мрамор, а белые стены, отделанные декоративной штукатуркой, были увешаны картинами с разнообразными кондитерскими шедеврами. Напротив входа располагалась стойка. Энергичные работники в белоснежных накрахмаленных передниках с рюшами носились от прилавка к прилавку. Столешница под все тот же зеленый мрамор, огибала высокие полки, на которых красовалась аппетитная продукция всевозможных видов и вкусов. Вся конструкция из дуба, а над шкафчиками — маленькие мерцающие лампочки.

Я прошла вдоль стойки и остановилась около единственного свободного места. Очередь за пышками и плюшками начиналась от дверей, но если посетитель желал перекусить в кафе, то ему следовало занять отдельную очередь. Так как время было раннее, народ закупался к завтраку и мало, кто проявил желание поцедить кофе. Забравшись на причудливый стул, я долго ерзала, устраиваясь удобнее, а потом сняла плащ и сложила руки перед собой. За шкафчиками выглядывала перегородка, разделяющая пекарню от основного

зала, и было слышно, как скворчит масло, и гремят посудой повара.

Томясь в ожидании продавца — молодой девушки с темными, затянутыми в тугий хвост, волосами и иссиня-зелеными большими глазами — я преступила к изучению местного контингента. Справа от меня сидел тучный мужчина в сером шерстяном пальто. Его шею обвивал в несколько оборотов клетчатый, серо-зеленый шарф. Редкие светлые волосы аккуратно прилизаны, в толстых стеклах очков в серой пластиковой оправе отражались переливы гирлянд. Круглое лицо с висящим вторым подбородком, а когда он отпивал из маленькой чашечки кофе, то появлялся и третий. Неопрятные, потертые темно-зеленые брюки, заляпанные масляной краской, и гигантские ботинки на шнуровке грязно-серого цвета. Художник Люцио — человек, странноватый дядечка с бегающими поросычьими серыми глазками и дурацкой манерой бухтеть под нос. Пристрастие к подглядыванию он неумело скрывал, прячась за прошлогодней газетой, которая всегда была при нем — торчала из кармана затертого пальто.

Слева — сухонькая старушка со сложной конструкцией на голове, состоящей из перьев, разноцветных клочков ткани, меха и соломы. Сиреневое простенькое платье, перетянутое черным ремнем на талии. Миссис Хэйзи Кросс — местная учительница на пенсии и, естественно, человек. Некоторые люди не сторонились нас, магов, и с превеликим удовольствием селились по соседству. То ли чудиков притягивало все странное, то ли они магов считали за «своих».

Держа прямо спину, миссис Кросс отпивала из чашки, а когда ставила на стол, то ее сморщенные губы складывались трубочкой. Седые, почти белые волосы скручивались в пучок на затылке и были прикрыты «дизайнерской» шляпкой. Попивая ароматный напиток, она с важным видом подносила ко рту длинный слоеный пирожок, щедро обсыпанный розовой сахарной пудрой, и жеманно откусывала кусочек. Затем принималась его пережевывать с видом истинного ценителя. Отвернувшись, я окинула беглым взглядом очередь у кассы, где взмыленная продавщица с невероятной скоростью упаковывала купленные изделия в белые бумажные пакеты.

«Откусите ломтик — узнайте, какво волшебство на вкус» — слоган заведения, выбитый ярким каллиграфическим шрифтом над прилавком. Я знала, как выглядит изнанка магии, и никакими пирогами не заманишь ее пробовать. Но булки, изготовленные по рецептам Саммер, были действительно хороши.

Пока я разглядывала и запоминала лица завсегдатаев заведения, мимо пронеслась вторая продавщица с подносом в руках. На нем были выложены аккуратной горой печеные булочки. Поставив его около кассы, она обтерла руки о специально приготовленную тряпочку и мельком оглядела зал. Ее взгляд замер на мне. Не успела я насторожиться, как передо мной возникла юная фея с озорным рыжим хвостиком и яркими веснушками. На ее лице застыло заученно-приветливое выражение. Я улыбнулась ей такой же дежурной улыбкой.

— Доброе утро. Я бы хотела чашечку кофе и парочку капкейков с шоколадом.

Дослушав, она резко кивнула и испарилась. Я только рот разинула от неожиданности. Если бы художник и учительница ретировались с той же скоростью, было бы просто прекрасно. Но, к сожалению, они оба повторили заказ, так что двух маленьких пирожных и чашки кофе мне будет маловато.

Однако, ждать пришлось недолго. Первой удалилась миссис Кросс с явным сожалением. Несколько минут спустя, кафе покинул Люцио, дожевывая на ходу аппетитный маффин, а

вскоре и очередь рассосалась. Дождавшись, когда продавщицы переведут дух, я решила переходить к допросу. Просияв теплой, как весеннее солнце, улыбкой, я подозвала к себе первую жертву — рыжеволосую девицу. Вышколенная или даже выдрессированная, настолько, что не успела я посмотреть в ее сторону, как она стояла рядом с услужливым видом.

— Я хотела бы поговорить с вами о моей подруге. Вы должны ее знать.

Продавщица продолжала улыбаться, но в глазах мелькнула тень.

— Мы не разглашаем информацию о своих клиентах, — выдала она заученную фразу.

Полагаю, с поступления на работу их натаскивали, чтобы от зубов отлетало.

— Нет, — перебила я ее, резко мотнув головой. — Я имею в виду Саммер, владелицу....

Бывшую владелицу этого кафе.

Девушка с большими серыми глазами побледнела. Скользя рукой в карман передника, она шустро выудила розовый платок и, громко всхлипнув, уткнулась в него носом. Пожалуй, стоило начать разговор деликатнее, а не спрашивать бедняжку в лоб о трагически погибшей начальнице....

— Извините, — промямлила я. Девчушка закивала, утирая раскрасневшийся нос, и промокнула краешком платка слезы в уголках глаз.

— Все в порядке. Просто мы все переживаем утрату, — она шмыгнула и глубоко вдохнула. — Чем могу помочь?

Испытывая неловкость, я виновато улыбнулась.

— Вы хорошо знали Саммер? Что можете сказать о ней...- я запнулась, и девушка спохватилась, догадавшись, что мне было бы легче обращаться к ней по имени.

— Я — Мелисса, — охотно сообщила она. — Работаю здесь уже год и видела Саммер раз пять-шесть, но у меня сложилось о ней исключительно положительное впечатление.

Я нахмурилась, не поверив своим ушам. Она заметила и испуганно замолчала.

— Как пять-шесть?! Разве она не проводила в своей пекарне беззаветно день и ночь?

— Нет, — растерянно проблеяла Мелисса. Но вдруг ее лицо озарилось, в глазах мелькнуло воодушевление. Недобрый знак. Фея затараторила громким шепотом, наклонившись ко мне:- Вернее, поначалу так и было, но потом Саммер все больше времени проводила за дальним столиком, — девушка небрежно ткнула пальцем в сторону входа в туалет. Я обернулась. В овальном углублении в стене ютился столик на двоих. Над ним висела стеклянная полка с перечнем ассортимента и книга в розовой обложке. На ней значилось крупными буквами: «Книга жалоб и предложений». — К хозяйке часто подсаживались какие-то люди, и они долго беседовали. Саммер что-то записывала в свой ежедневник...

— Как он выглядел? — перебила я.

— У него был коричневый переплет. Так вот....

Мелисса явно разогналась — слезы высохли, щеки зарумянились, а в глазах появился нездоровый блеск. Слушая ее рассказ, я допивала остывший кофе и озиралась по сторонам. Угораздило же.... Ведь знала, что феи — народ болтливый! Без особой нужды с ними лучше не заводить беседу, им только волю дай.

— Однажды к ней пришел высокий молодой мужчина. Красивый, стройный, интересный. Но у Саммер он по какой-то причине вызвал гнев. Она заметно нервничала, и мне показалось, что они повздорили.... После того случая хозяйка стала реже появляться в пекарне, совсем забросила любимое дело.

— Тот мужчина — как он выглядел?

— Широко в плечах, глаза голубые, безумно красивый....- мечтательно повторила она, томно вздыхая.

Поморщившись, я оставила чашку и полезла в карман за деньгами. Шестое чувство подсказывало, что настал момент покинуть кафе, иначе она не отвяжется.

— Да, я поняла, — терпеливо проговорила я. — А как он был одет, вы не запомнили? Цвет волос, отличительные черты?

Мелисса нахмурилась и виновато опустила голову.

— Он был в черной толстовке с капюшоном, наброшенным на голову. Полагаю, не хотел, чтобы его узнали....

— Все ясно. Вы не представляете, как помогли мне, — сказала я, и не солгала. Хотя под ее описание подпадала треть моих знакомых-мужчин, и уйдет уйма времени на вычисление типа, навещавшего Саммер, я ощущала внутренний подъем. Он до абсурда походил на Странника — голова шла кругом от волнения. Он был знаком с Саммер и не упомянул об этом? Неужели Странник лгал мне? Или мужчина, сорившийся с погибшей Джоунс, тоже носил толстовку, и это всего лишь совпадение?! — Я бы еще хотела купить булочки с кремом, — я пододвинула несколько купюр к растерянной Мелиссе и еще одну положила сверху:- А эта на случай, если вас кто-нибудь спросит обо мне....

— Я поняла, — быстро проговорила она и стащила деньги со стола. — А вы разве не из полиции? — наивно проблеяла фея. Я с укором взглянула на нее, изогнув губы в улыбке. Переменившись в лице, девушка взволнованно закивала:- Меня никто ни о чем не спрашивал. А можно теперь я задам вопрос?

Я пожала плечами — а что такого?

— Кем вам приходилась Саммер?

— Соседкой, старой знакомой.

— А почему вы собираете информацию о ней?

— Я, как и вы, переживаю утрату и хочу сама разобраться в деле о ее кончине, потому что не доверяю полиции.

Понимающе закивав, Мелисса мгновение помялась, а потом спохватилась и умчалась выполнять мой заказ. К счастью, через пару минут я уже выходила из кафе и... нос к носу столкнулась с детективом Брейнтом. Преградив путь, он положил руку на дверь, и я оказалась вынуждена остановиться.

— Мисс Браун?

Опять этот удивленно-надменный тон. Подняв взгляд, я посмотрела на строгого детектива.

— Что вы здесь делаете?

— Не видите? — лучезарно улыбаясь, я продемонстрировала ему пакет с выпечкой. — Плюшки покупаю к завтраку!

Недоверчиво поведя бровью, он позволил мне пройти, отступив в сторону, и я на радостях выпорхнула на улицу. Шагая по дорожке, затормозила около черной машины, припаркованной у обочины, и наклонилась, заглядывая в окно. На пассажирском сидении что-то записывал в блокнот с серьезным видом Лукас. Он не заметил меня, и я легко постучала по стеклу. Вскинув головой, он первое мгновение моргал, а после тепло улыбнулся, жестом руки изобразив, что позвонит мне. Улыбнувшись в ответ, я поспешила домой, поглощенная идеей вновь влезть в дом Саммер, пока туда не наведалься полиция.

На этот раз я не стала втягивать Мишель и не решилась привлекать Лукаса. У обоих могли возникнуть проблемы из-за моего интереса к расследованию. Я собственноручно изготовила зелье невидимости и проникла в дом Саммер. Первое впечатление не притупилось. Все так же хотелось убежать отсюда и не смотреть на стены, потолок и мебель. Запахи казались острее, насыщеннее и омерзительнее, а засохшие пятна и мазки ярче и гуще. Дрожь унять не удавалось, и я двигалась по лестнице, стуча зубами и хватаясь за перила, чтобы не рухнуть. Ожидая каждую секунду, что дыхание темной магии налетит и окутает с головой. Я шла и считала ступени, искоса наблюдая за перемещением тьмы. Она ползла следом, стекала по стенам и вновь взбиралась наверх, не отступая ни на шаг. И не возникало никаких сомнений — она настигнет меня. У тьмы не возникало. Слишком уж уверенно она вела себя, круто маневрируя под ногами и скользя змеей, почти касаясь. Мысль о том, что она неживая, не особо успокаивала, когда эта липкая дрянь норвила схватить за щиколотку и утащить во мрак. Словом, вела себя, будто разумное существо, вылезшее из тех кошмаров, после которых страшно ложиться спать. Но, думая о том, зачем пришла, я добралась до второго этажа. И поняла, что нахожусь здесь не одна.

В спальне кто-то был — отсюда доносились нетерпеливые шаги и тяжелое дыхание. Я слышала, как незнакомец шарил по ящикам комода, швырнул со злостью что-то на пол, а после резко сдернул постельное белье с кровати. Я застыла на последней ступени, закусив от волнения губу. Кто-то опередил меня, и, вероятно, это убийца Саммер. Хотелось бы остаться незамеченной, но если он маг, то через пару минут почувствует мое присутствие.

Я быстро перешагнула последнюю ступеньку и скользнула в гостиную. Шмыгнув влево, прижалась спиной к стене и перестала дышать. Но незнакомец уже заметил меня — в спальне резко оборвались шаги и звуки. Страх колотился в горле, поднимаясь все выше, и чтобы не закричать, я прикрыла рот ладонью. Тишина казалась такой плотной, что виски сжимало. Слышен был только шум крови, бегущей по венам. По ногам подул легкий трескучий ветерок, будто рядом печку открыли, и повеяло гарью. Сдержав вскрик, я вжалась в стену еще сильнее, горько жалея о том, что не умею проваливаться сквозь землю и проходить сквозь бетон. Ко мне шел бэлморт, и только чудо могло помочь противостоять ему или хотя бы унести ноги! Запах копоти становился все резче и удушливее, в горле першило. Поговаривали, что бэлморты убивают лишь заказанных. Нет. Они, не задумываясь, укокошат любого, вставшего на пути к цели, или осмелившегося сесть на хвост. Я попадала под обе статьи.

Черный дым медленно вплыл в комнату, а я стояла и смотрела. Он бесшумно клубился и завораживающе мерцал. В дымке, плавающей воздух, угадывался мужской силуэт. Бэлморт прошел настолько близко, что достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться этой густой горячей массы. Осторожно протаялся в центр гостиной и остановился. Высокий столб дыма, упирающийся в потолок, и широкий, что руками не обхватить. А я такая маленькая и хрупкая....

Осторожно и очень-очень медленно я отлипла от стены, мягко шагнула к двери. Пока бэлморт прохаживался по комнате, заглядывал в шкаф и изучал содержимое полок, я тихо выползала в коридор, ведущий к лестнице. Пожалуй, найду в следующий раз! Не люблю, знаете ли, когда над душой стоят. Да и не хочу никого смущать своим неуместным

присутствием. Жаль, конечно, что ухажу ни с чем, но, видно, не судьба.

Когда до спасительных перил оставалось несколько шагов, по закону жанра скрипнула половица под правой ногой. Я приросла к полу, плотно стиснув зубы, ибо изо рта выпрыгивало мое перепуганное сердечко. Бэлморт не заставил себя ждать: вылетел из гостиной и замер в опасной близости. Лица коснулось его обжигающее дыхание, дуновение магии отбросило волосы назад и растаяло, оставив после себя едва уловимый запах горения. Я не шевелилась, боялась моргнуть, но унять колотящийся пульс не смогла, даже если бы очень захотела. И теперь мне придется несладко.... Лучше умереть на месте, от разрыва сердца, чем оказаться во власти бэлморта.

Черный дым, плавно и текуче обошел меня и остановился напротив. Загнал в угол, как охотничья собака глупого кролика, и изучал с кровожадным интересом. А я вглядывалась в бесформенную темную массу, надеясь увидеть черты. И чувствовала — он смотрит на меня в упор. Я знала, что на бэлмортов наши чары не действовали. Но видел ли он меня сквозь зелье?

Если долго таращиться на переливающуюся и клубящуюся тьму, то начнут трястись поджилки. На что я рассчитывала? Различить хотя бы слабые линии фигуры, уловить штрихи внешности. Неожиданно заложило уши. В голове нарастал монотонный гул, от него все внутри переворачивалось, из-под ног уходила земля.... От бэлморта волнами расходилась сила, и с каждым ее ударом я все сильнее сжималась. Воздух накалялся, поблескивал, скручиваясь вокруг него. И я боялась поднять глаза и посмотреть. Он видел меня, так же, как и я его. Сглотнув, я робко улыбнулась.

— Привет.

Дым рванул вперед, не дослушав до конца. В следующее мгновение я влетела в стену, разделяющую два окна в гостиной. Рухнув на ворох штор, я рефлекторно оперлась на руки и резко подняла голову. Дым несся на меня, окруженный огненными искрами. Едва посмотрела на него, как оказалась подвешенной к потолку за шею. Обжигающая, твердая, точно каменная рука сжимала ее, не позволяла вдохнуть. Высокий ворот пуловера спас от ожога — бэлморт не касался кожи, но даже через ткань его ладонь жгла. В висках пульсировал страх, легкие разрывало от боли и ужаса. В помещении сгущалась тьма, будто за окном день сменился ночью. За какое-то мгновение, как черный густой кофе заполняет белую фарфоровую чашку. Перед глазами поплыло. Стены вздрогнули и двинулись к центру комнаты. Потолок опускался, над головой качалась люстра, позвякивая хрустальными подвесками. Со мной уже случалось такое.

Едва я потянулась руками к нематериальной, сотканной из тумана, руке — снова очутилась в воздухе, летящей в стену. За секунду до удара мелькнуло отражение в разбитом трюмо — черное облако дыма и только. Я врезалась в зеркало, напоролась плечом на осколки, похожие на острые и кривые зубы чудища, разинувшего пасть. Резкая боль пронзила тело сверху вниз, перед глазами вспыхнул пестрый калейдоскоп искр. Я ахнула, но не услышала собственного голоса — в голове звучали звонкие, возмущенные голоса. Они кричали, перебивали друг друга, иногда казалось, будто я понимаю их. Но они оборвались так же резко, как и появились. Внезапная тишина оглушила, я утратила ощущение времени, а когда вернулась в сознание, бэлморт был уже совсем близко. А ведь минуло не больше секунды.... Тяжело соскользнув на пол, я, стиснув зубы, выдернула обломок зеркала из предплечья. Боль короткой судорогой пронеслась до кончиков ногтей, и осколок чудом не выскользнул из ладони. Влажный от крови, он оказался как нельзя, кстати. Глубоко вдохнув,

я перевернула его в руке. По манжете плаща сочилась кровь, а я смотрела на надвигающийся дым. Сидя на коленях, и пригнувшись к полу. Но он не спешил — медленно плыл вдоль стены, оценивая и взвешивая шансы на победу никчемной букашки в моем лице. Куда уж мне?! Самой не верилось.

Нервы натянулись тонкими струнами. Дыхание сбилось, а я только крепче сжимала осколок. Все сильнее резала руку, уже не чувствуя ни боли, ни горячей крови, стекающей ручейками. А он продолжал неспешно бороздить просторы гостиной, не отплывая далеко от стены. В воздухе ощущалось удушливым жаром его напряжение. Бэлморт нарочно выводил меня из себя, но не он заставлял по-настоящему нервничать. Ко мне подбиралась тьма, стекала со стен густыми фалдами. Еще немного, и проглотит, накроет с головой, и меня не станет.... На миг на черном глянце мелькнуло мое бледное отражение. По спине скользнул холодок ужаса. В голове пронеслись забытым ночным кошмаром видения — то, что ожидало меня по ту сторону бытия. Вздвогнув, я прерывисто выдохнула. Нет, этому не бывать.

Я резко выкинула правую руку в сторону. Бэлморт замер за мгновение до того, как кожу приятно окутало теплом. Мои глаза, вспыхнувшие силой, насторожили его. Я направила ладонь на шкаф с посудой — в охотника полетели фарфоровые тарелки с верхней стеклянной полки. Он ждал моего хода, но не был готов к такому повороту, поэтому увернуться сумел только от трех из восьми снарядов. Не успела последняя тарелка разлететься вдребезги о стену около лица бэлморты, как в бой вступил отряд из кофейного сервиза. Взмыв вверх, бэлморт избежал столкновения, но не успел спастись от тяжелой артиллерии — восемь супниц ударили разом в плотный столб дыма и осколками осыпались на пол. Не дожидаясь, когда он что-то предпримет, я запустила набором красивейших вилок. Две вонзились зубчиками в нижней части бесформенной массы. Предполагаю, что это были его ноги. Издав короткий воющий звук, расшвырявшийся бэлморт кинулся на меня, но его остановил тяжелый, хоть уже и пустой, шкаф. Массивная конструкция из красного дерева быстро поддалась и налетела на облако дыма, чем доказала, что темные маги в нематериальном облике не способны проходить сквозь предметы. Тяжело припечатав его к стене, шкаф вновь стал неподвижен, но лишь на секунду. Отшвырнув его к окну, бэлморты выбрался из разлома и рванул. Шкаф пронесся мимо и, опрокинувшись набок, с треском развалился. Охотник приблизился, и я полоснула наугад черную дымку.

По гостиной пронесся вопль. Звук, который не мог издать человек. От него внутри все задрожало. Я зацепила его и, хоть незначительно, но ранила. Один-один. Мы оба истекаем кровью, пусть не серьезно, но все же не так обидно.

Поднявшись, я развернулась и взбежала по стене, ступила на потолок и обратилась в белый туман. Все вокруг загустело, как и воздух в доме. Я пронеслась над головой у бэлморты и махнула к двери, он взмыл вверх. Вдруг горячие руки сомкнулись на моих щиколотках и дернули вниз. Сквозь ткань джинсов обожгло кожу, но я не вскрикнула. Не успела. Встреча лица с полом оказалась жесткой. Невероятно, но мне удалось удержать в руке осколок зеркала и самой не пораниться. По разбитой губе потекла кровь, ее солоноватый вкус ощущался во рту, но я отодвинула боль на задний план.

Когда охотник навис и придушил запахом гари, я перекатилась на бок, ударив его осколком. Издав тихий всхлип, напоминающий эхо в глубоком туннеле, он отпрянул, освободив немного места для меня. Ловко сев и опершись на ладони, я двинула ногами в нематериальное, но чувствительное тело бэлморты. Его отбросило назад, а я смогла подняться. Повернувшись боком к нему, подставила здоровое плечо и резким выпадом

полоснула слева направо. Перед глазами мелькнула моя рука, покрытая паутиной крови, стекающей по рукаву и под него. А в следующее мгновение на нее выплеснулась кровь из нанесенной мною раны. Дым внезапно стал темнее, заполнил собой комнату. Легкие сдавило, стало трудно дышать. Закашлявшись, я потеряла секунду, и последнее, что увидела — меня окружает мерцающая дымка и сжимает в палящих объятиях. Не успев подумать, я взмыла вверх, едва не врезавшись в потолок, пронеслась под ним и вырвалась в коридор. Взревев от досады, бэлморт рванул следом, но я уже летела по лестнице вниз. И вдруг врезалась лицом в стену, запачканную кровью Саммер. Похоже, я сегодня встала не с той ноги....

Разве что мультяшных звездочек над головой не хватало. Вращающаяся лестница, от которой рябило в глазах, бешено колотящееся сердце в груди. Я зажмурилась. К горлу подкатила тошнота. Холл кружился и закручивался в радужную спираль. Я лишилась ощущения пространства и времени — сидя на коленях на полу, спиной припав к стене. Бэлморт медленно спускался по лестнице, стекал поволокой, пока я вспоминала, где нахожусь и, собственно, зачем. Я помнила, что ему достаточно протянуть руку, и мое сердце обратится в пыль. Но ватное, непослушное тело отказывалось подчиняться моей воле. Повернув тяжелую голову, я обнаружила в правой ладони осколок зеркала, распоровшего ее поперек, тяжелые капли падали на пол. Разжав пальцы и выпустив его, я с оторопью смотрела на свою кровь. «Нельзя следить» — пронеслось в голове. Я обтерла руку о плащ и пискнула от пронзившей боли. Сознание прояснилось, дом перестал качаться и плыть перед глазами плавными, но быстрыми спиральными волнами. Окинув ясным взором огромный столб дыма, надвигающийся на меня, я глубоко вдохнула.

Помогая себе здоровой рукой, поднялась и соскользнула вниз по лестнице на негнущихся ногах. Бэлморт, видимо, не ожидал такой прыти от измотанной жертвы, потому и медлил с нападением. Оказавшись в холле, я попятилась, повернувшись лицом к нему, чтобы не упускать из виду. Выйти из дома он просто так не позволит, но я и не собиралась. По крайней мере, пока.

Роняя капли крови, дым несся на меня. Он темнел и становился плотнее. Я выставила ладонь, и время вновь остановилось. Бесконечно долго бэлморт приближался, утомительно медленно, но когда оказался в шаге от меня, я позволила магии пролиться и обрушиться на него. Импульс силы пронесся из глубин тела и вырвался, хлынул тяжелой волной. Она снесла черный дым и вышвырнула в окно за пределы дома. Одновременно все стекла первого этажа взорвались с пронзительным звоном. Брызги осколков мерцающим дождем посыпались в гостиную и хлынули на улицу. Они еще не успели коснуться пола, а бэлморт уже взмыл в небо и исчез. Закрыв голову руками, я пригнулась. Кожа пульсировала, сила плясала на ней, подсвечивала изнутри. Сердце билось в горле, шум крови оглушал. Я училась заново дышать, утопая в магии, заполняющей комнату. Неужели это сделала я? Не думала, что способна на такое!

Часто дыша, я упала на колени, чувствуя себя опустошенной. Когда осколки перестали сыпаться, я медленно убрала руки и поднялась на ноги. Пошатнувшись, чуть не упала, но сумела поймать равновесие. Кулон сиял и переливался, обжигая кожу. Я выпустила силу, с которой еще ни разу не сталкивалась. Даже не подозревала об ее существовании. Но и с бэлмортом я билась впервые. Выброс адреналина? Или все дело в кулоне? Охотник убрался восвояси, отчасти так же пораженный, как и я. Да, я умею удивлять. Что есть, то есть....

Переведя дух и уняв испуганное сердце, я отряхнулась и прошла в центр холла. Под

ногами хрустели осколки, переливались всеми цветами радуги в свете солнечных лучей. Вот так не наследила.... Подняв руки, я развела их в стороны и перевернула ладонями вверх. Кусочки стекол поползли по паласу с тихим позвякиванием, собираясь горкой около моих ног. Когда последний был подобран, магия пролилась из меня, и сияющие, словно капли росы, осколки разлетелись по помещению. Окна собирались по крупинке, складывались мозаикой, пока я не вернула им первоначальный вид. Подивившись проделанной работе, я облегченно вздохнула и взмыла в воздух. Пронеслась по дому, обшарила каждый укромный уголок. Но Саммер додумалась спрятать ежедневник вне жилища. Где-то, где его могла найти только она. Проклятье! Лишь зря выдала себя. Но хотя бы теперь я знала, что эта книжечка представляла определенную ценность для ее убийцы.

Завершающим шагом стали поиски библиотечной книги. В надежде, что таковая имеется в коллекции Саммер, я пробежалась глазами по полкам несколько раз и только с четвертой попытки обнаружила третий том сказок Мира Магии и потянулась за ним. Если бы на полках стояли все собрание книг, я бы, может, и не обратила на нее внимания. Взяв в руки толстое старое издание в кожаном переплете и страницами, сияющими золотом, открыла ее. В Верхнем левом углу стояла печать библиотеки и номер ячейки: 211. Чуть не задохнувшись от волнения, я пролистала фолиант и нашла то, что искала. Клочок бумаги с именем Вивиан Моррис.... Не поверив своим глазам, я взяла записку и поднесла ближе, вчитываясь в буквы. Никакой ошибки быть не могло. Черт, и что бы это значило?! Насколько я знала, Вивиан владела лавкой чудодейственных эликсиров.... Для начала есть, над чем подумать, и от чего отталкиваться, а теперь пора убираться отсюда.

Замерев на мгновение перед зеркалом, я взглянула в него и, не увидев отражения, поспешила удалиться. Очутившись на улице, вдохнула полной грудью, и обняла себя за плечи. Кровь засыхала, хотя раны еще кровоточили, и образовавшая корка стягивала кожу, причиняя боль. Но где-то совсем близко доносился вой полицейских сирен — законопослушные соседи вызвали, услышав шум. Ускорив шаг, я подошла к калитке и трясущимися от нетерпения руками залила в замок зелье неодушевленной памяти. Щелкнув, он открылся, и я побежала через дорогу к своему дому. Как раз в тот самый момент, когда к дому Саммер подъехала патрульная машина. Замерев у забора, я обернулась.

Из машины вышел офицер Шерман и его напарник — высокий брюнет с короткими, слегка вьющимися волосами, круглым лицом и тонкими губами, будто он постоянно их поджимал. Сообщая по рации, что прибыл на место, он направился к дому, а Бен остановился посреди дороги, что-то разглядывая на асфальте. И я непроизвольно проследила за его взглядом. От калитки дома Саммер Джоунс до того места, где стояла я, бежала дорожка из алого бисера капель. Сглотнув, я чуть не привалилась к забору, балансируя на ватных ногах, но не смогла отвести взор от Шермана. Оглядев улицу, он нахмурился. Посмотрев на мой дом, вскользь пробежавшись взглядом по тихому дворику, на миг задержал его на моем лице. Я похолодела, перестав дышать. Забыв про боль, боялась моргнуть. Страх бился в груди, так неистово, что Шерман мог слышать. Я уже была готова кинуться к нему и во всем сознаться. Но вдруг Бен отвернулся и, шурясь на солнце, отступил в сторону патрульной машины. Показалось, черт подери, показалось! Я хотела верить в это, но не могла отделаться от ощущения, будто мы целое мгновение смотрели друг на друга. Это не могло быть совпадением.

Прерывисто выдохнув, я схватилась за калитку. Действие зелья с минуты на минуту закончится, и будет неловко, если меня заметят. Обернувшись на Шермана, я застыла. В

груди что-то оборвалось — небрежно шаркнув носом ботинка, Бен стер бисеринки крови на асфальте. Делая вид, будто осматривает округу, прошелся до калитки дома Саммер, уничтожая улики. Закончив, он вновь исподлобья посмотрел на меня — целую секунду глядел в упор. И, неспешно развернувшись, направился к жилищу убитой феи.

Я стояла в оцепенении, не в силах сдвинуться с места. Бен помогал мне, хотя мы не так уж и близко были знакомы. То, что он знал мой адрес, вовсе не настораживало. Он ведь полицейский. Кое-что другое наталкивало на нехорошие мысли.... Почему он меня видел?!

Странно, но мне был приятен его поступок. Зачем Бену прикрывать меня, рискуя карьерой и свободой? Я не хотела думать о том, что напрашивалось. Нет, никогда! Это всего лишь случайность....

Я стала пробираться к калитке своего дома, хватаясь за штакетник. Сердце перепугано прыгало, не позволяя дышать полной грудью. Ощущение эйфории, помноженное на боль и шок, мешало трезво мыслить. Я двигалась, будто во сне. Как можно тише и осторожнее. Прочь, мысли! Ничего не произошло, он просто коп. Хороший коп....

Залечив раны зельем, подаренным Майло, я приняла душ и выпила чашечку обжигającego кофе со свежей, но успевшей остыть, выпечкой. Укутавшись в вязаный кардиган цвета топленого молока, расположилась в кресле перед окном на кухне. Следующим пунктом в моем расследовании значился разговор с Лукасом. А если называть вещи своими именами — допрос с пристрастием и выуживание секретной информации по делу об убийстве Саммер. Пока я топталась на месте, имея на руках три клочка бумаги с именами магов, двое из которых уже были мертвы. Еще удалось выяснить, что все жертвы имели ячейки в Центральной Библиотеке. Вряд ли они посещали читальный зал с целью обогащения своего духовного мира. Здесь что-то иное. А что именно — выясню, посетив Библиотеку лично, но лишь после разговора с Лукасом.

Конечно же, он не мог разглашать тайн следствия, но я коварна и настойчива. Страшно представить, сколько раз Лукас шел на риск по моей милости, выуживая факты у сослуживцев и пробираясь в хранилище улик. Раскрытые с его помощью преступления зачлись в личном деле и послужили хорошей рекомендацией при сдаче экзамена на детектива, но мне было не по себе. Ведь один неловкий жест, лишний шаг или неуместная мысль могли привести к трагическим последствиям, но я всеми силами оберегала и оберегаю его. Лишь наедине с самой собой могла признаться в том, что Лукас смертный, а я бессовестно подвергала его жизнь смертельной опасности. У меня есть совет, где-то глубоко внутри. Я хранила в памяти каждый случай, когда переживала за него и заслоняла своей хрупкой женской спиной. Иногда больно вспоминать, иногда кажется, что оно того стоило, и, более того, Лукас думал точно также. Если бы не мой эгоизм и природная любознательность, он жил бы размеренной, счастливой жизнью, но его это не устраивало. Зная обо всех моих недостатках, свыкнувшись с этим, Лукас уже не сможет обходиться без них. И сколько раз я давала себе слово не втягивать его, как и Мишель, в опасные игры, вновь обращалась за информацией....

Мы встретились в кафе неподалеку от набережной. Скромная забегаловка, заслуженно заработавшая любовь постоянных клиентов, пристрастившихся к местному кофе и мясному пирогу. Яичница с ветчиной, как коронное блюдо утреннего меню тоже заслуживала особого внимания. Поджаристая корочка на тонких ломтиках ветчины, залитых яйцом, делала простое в приготовлении кушанье настоящим деликатесом. От одного аромата пробуждался дикий аппетит, и даже после плотного обеда хотелось проглотить пару довольно-таки больших порций.

Вдыхая запах свежеприготовленной яичницы, я скучала, сидя за столиком у окна, когда Лукас почти влетел в кафе. Оживившись, я улыбнулась милейшей из улыбок — проверенное средство.

— Прости, что заставил ждать, — с шумом выдохнув, сказал он, присаживаясь рядом. — Брейнт не хотел отпускать на обеденный перерыв.

Моя улыбка скисла. Детектив Брейнт с каждым днем вызывал все большую неприязнь и желание мешать следствию из вредности. Но я сдерживалась, и то исключительно из-за Лукаса. Это было нелегко, но я старалась, как могла.

— Ты не имеешь права на перерыв? На голодный желудок голова плохо работает. А ты по большей части ею и трудишься.

— Звучит, по меньшей мере, странно, — Лукас задумался, иронично вскинув брови. — Сразу представляется, как я бьюсь лбом о каменную стену, что, в принципе, и происходит в последнее время. Пожалуй, ты права. Как всегда, точно подобрала слова — именно этим я и занимаюсь на службе.

— Все так плохо?

— Я бы сказал, как всегда. Ничего особенного, проблемы каждый день одни и те же.

К нам подошла официантка, и мы сделали заказ. Лукас выбрал грибной суп-пюре, картофель со свининой под кисло-сладким соусом, а я — овощной салат и куриное филе на шпажках. Для кафе среднего класса меню впечатляющее, да и кухня отменная. Уверена, здесь не обходилось без магии.

— Брейнт, вместо того, чтобы заниматься расследованием, опираясь на известные факты, день и ночь шарит в домах убитых, скоблит и обнюхивает каждый укромный уголок, — Лукас раздраженно вздохнул и посмотрел в окно. — Я устал от бесплодных обысков, ведь отлично понимаю, что нам ничего нового не обнаружить.

— Как знать, — сухо отозвалась я. Лукас уловил мою интонацию и быстро перевел взгляд. Рассматривая с задумчивым видом мое лицо, он помотал головой.

— Говоря «нам», я подразумеваю «простых смертных», — пояснил спокойно он. — Не помешала бы помощь со стороны магов, но Брейнт — самовлюбленный эгоист, не приемлет вмешательства в ЕГО расследование. Это будет расценено им, как вызов, — договорив, Лукас хмыкнул.

— Выходит, вы топчитесь на одном месте?

— Я же говорю, высасываем улики из пальца. В домах жертв чисто, как в аптеке.

Тяжело вздохнув, я поморщилась. В памяти невольно всплыли страшные картинки, особо запечатлевшиеся кадры, и на языке вертелось совершенно иное слово. Уж кому, как ни мне знать, каково на самом деле в домах убитых! И ничего аптечно-чистого там не было.

Пока Лукас ел свой суп, я более не затрагивала тему расследования и не напоминала, ради чего назначила встречу. Он мог подумать, будто я использую его. Опять. Возможно, иногда так и было, но разве только иногда.... Кого я обманываю?! Конечно же, я использовала Лукаса.

Поставив локти на стол, я сплела пальцы в замок, чтобы не выдать нетерпения. Наблюдая за неспешными и безмятежными движениями Лукаса, нервно покачивала ногой. Если бы он только знал, насколько тяжело мне давалось ожидание....

Когда, наконец, он расправился со вторым блюдом и отставил тарелку, я расправила плечи и опустила руки на стол. Лукас бегло глянул мне в глаза с отрешенным видом и ослабил узел галстука. Затем он полез во внутренний карман пиджака и положил передо мной желтый конверт для документов. Мое внимание оказалось приковано к заветному пакету мгновенно, я даже перестала моргать.

— Эшли? — удивленно протянул Лукас, и я посмотрела на него — движение глаз и только. Он едва заметно нахмурился и мигнул. Мимолетный взмах ресниц, вопрос в глазах и застывшее выражение лица. Я ощутила укол совести где-то в груди. Но это не помешало мне потянуться за конвертом и ухватиться пальцами за краешек. Однако Лукас оказался быстрее и накрыл его ладонью. Сокровенный пакет замер между нами, от досады я наморщила носик, не сводя с него глаз.

— Что, Лукас? — пискнула я и посмотрела на него со всей наивностью и нежностью, на которые была способна. В голубой бездне его взора что-то дрогнуло, и в животе разлилось

тепло. Улыбнувшись милейшей из улыбок, я резко дернула на себя пакет, и он оказался полностью в моей власти. Лукас не огорчился. Откинувшись на спинку стула, он с будничным видом скрестил руки на груди и слегка склонил голову набок.

— Откуда у тебя такой интерес к этим убийствам?

— Ты прости меня, Лукас, — виновато поморщившись, произнесла я и вскрыла пакет, — но я не доверяю методам полиции.

— Моим методам ты так же не доверяешь? Я ведь из полиции.

— Ты недавно стал детективом, — напомнила я, и Лукас устало закатил глаза. — И лично к тебе претензий у меня нет. Но я никогда не смогу успокоиться и забыть, как погибли мои родители. И поэтому я буду совать свой напудренный нос во все странные по моим понятиям преступления.

— Почему ты считаешь, что они странные?

— Потому что, — я достала из конверта стопу фотографий, снятых в доме Саммер, и замерла, не доведя дело до конца.

На краешке цветного снимка, торчащего из конверта, навечно застыла бледная рука моей соседки. В груди екнуло, и я затаила дыхание, медленно вытягивая фотографии и раскладывая их на столе веером. С минуту рассматривала их. И не проронила ни слова, пока не убедилась в своей правоте — следов крови нигде не было, голые стены, камера не запечатлела свидетельств жестокой расправы. Не потому, что попался неопытный фотограф, а потому, что их никто не видел. В том числе камера. Подняв взгляд на Лукаса, я остановила его на глазах. По мере того, как он всматривался в мои глаза, его лицо вытягивалось и бледнело.

— Я видела в домах убитых то, чего никогда не увидит ни один смертный. И Брейнт тоже, сколько бы ни пытался.

Что? — запинаясь, проговорил пораженный Лукас и подался вперед. — Ты снова пробралась на место преступления?

— И не на одно, — отмахнулась я и отвернулась к окну. Вглядываясь в городской пейзаж, задумчиво покусала губу под пристальным взглядом Лукаса. — Можешь начинать злиться.

Он поперхнулся от возмущения и не сразу смог сформулировать свое негодование.

— Эшли, это противозаконно! — громким гневным шепотом, наконец, прошипел он. — Если тебя кто-то видел....

— На счет этого не беспокойся. Я использовала зелье невидимости.

Мои слова немного успокоили Лукаса, и он медленно откинулся на спинку стула, но взгляда не отвел. Я покосилась в его сторону.

— Почему ты думаешь, что смерти этих магов как-то связаны с гибелью твоих родителей, Эш? — Лукас заметно смягчился. Я повернулась лицом и сложила руки перед собой на столе.

— Любая зацепка, любая мелочь, совпавшая с уликами, обнаруженными на месте тех убийств, способна привести к убийце моих родителей, Лукас. На самом деле, моей целью является обнаружение невидимой нити, ведущей к бэлмортам. А если конкретно, то к человеку или существу, передающему им послания от заказчиков.

— И ты нашла что-нибудь на этот раз? Хоть что-то, указывающее на этого «посыльного»?

Я отвела взгляд, поджав губы.

— Нет, — даже я услышала, как мой голос дрогнул. — Но я нашла нечто, невиданное ранее. — Заметив вопрос в глазах Лукаса, я прошептала: — В домах убитых повсюду кровь — на стенах, потолке, полу. Сломанная мебель, как после долгой и жестокой битвы. Вернее, избиения....

Я опустила взгляд, невольно окунувшись в успевшие померкнуть воспоминания. Небрежный орнамент из кровавых отпечатков ладоней вспышками пронесся перед глазами от начала лестницы до второго этажа дома Саммер Джоунс, я глубоко вдохнула. А в следующее мгновение вздрогнула от неожиданности — Лукас накрыл мою руку ладонью. Посмотрев на него, я моргнула.

— Везде одно и то же?

— Да. Прежде такого не было. Я бывала в домах убитых бэлмортами, но никогда, Лукас, такого не видела. Запах и следы гари — все! А тут....

— А на этот раз присутствуют следы работы бэлморта?

— Снова да.

Лукас нахмурился, но руку не убрал.

— Выходит, они изменили тактику.... Или что?

— Или убийц было двое, — я посмотрела исподлобья на Лукаса. — Один пытал, а другой ждал своей очереди.

— Тогда, — рассудительно начал он, — получается, что убитые что-то знали.

— Или у них что-то было. Что-то, необходимое убийце.

— Что ты имеешь в виду? Я проверил всех погибших магов — их ничего не связывало. Ни работа, ни увлечения, ни общие знакомые.

— Когда я пробралась в дом Саммер, чтобы отыскать ее ежедневник, то наткнулась там на бэлморта. Он рыскал по комнатам, искал некую вещь, принадлежавшую ей.

Лукас выпрямился, недовольно поджал губы. Я устало вздохнула, предугадав дальнейшие его слова.

— Он не причинил тебе вреда? Эшли, он не тронул тебя?!

— Он меня не заметил, — солгала я. — Я быстро ускользнула у него из-под носа.

Поверив, Лукас осуждающе покачал головой и взял мою руку в свои ладони. Тепло потекло вверх по коже, согревая все тело. Я покраснела — то ли от прилива чувств, то ли от стыда. Иногда я презирала себя за то, что обманывала Лукаса и манипулировала им. Он думал, будто я заливаюсь краской от нежности, а в действительности меня корбило от собственной эгоистичности.

— Я должен что-то предпринять. Нельзя так оставлять....

— Нет, Лукас! — воскликнула я, помотав головой. — Если детектор лжи в лице твоего напарника узнает, кто предоставил тебе информацию, то упрячет меня как минимум на трое суток в обезьянник за препятствие следствию.

Лукас снисходительно повел бровью и беззвучно рассмеялся. С теплотой в глазах, он посмотрел на меня и крепче сжал руку. Внутри все дрожало от негодования и страха перед гневом Брейнта. Не то, что бы я боялась — скорее не хотела раскрывать правду о своих способностях. Они являлись моим преимуществом перед полицией. И останутся в любом случае, но детектив уже иначе будет смотреть на меня. Не просто как на назойливую муху, а как на назойливую муху, стремящуюся сесть на его хлеб что ли....

— Хорошо. Это будет нашей тайной, — согласился Лукас. — Но впредь ты будешь ставить меня в известность о своих намерениях и наблюдениях, Эшли.

— Пообещай мне, — голосом, лишенным эмоций, потребовала я.

— Клянусь, — он поднял одну руку вверх. — Что ничего не скажу Брейнту.

Лукас улыбался, но взгляд остался серьезен. Природное обаяние, открытость, искренность, бесхитрость — компоненты, составляющие горючую смесь, не позволяющую усомниться в его словах. Не припомню, чтобы когда-нибудь злилась на Лукаса или не доверяла ему. Такое просто невозможно. Он идеален, как внешне, так и духовно. Это замечательно, но с ним иногда не хватало адреналина и острых ощущений.

Вздыхнув, я улыбнулась уголками рта.

— Хорошо. Я буду тебе сообщать обо всем, что узнаю, Лукас.

— Ты гоняешься за призраками прошлого, Эшли, — улыбка с лица Лукаса сползла, морщинками на переносице пролегла тень печали. — Меня не оставляет чувство тревоги за тебя.

— Предлагаешь все бросить и не добиваться справедливости? — мой голос звенел от холода.

Лукас посмотрел долгим немигающим взглядом.

— Мне тебя не переубедить, Эшли. Поэтому прошу, будь благоразумна. Когда закроют дело Саммер, может, слетаем куда-нибудь отдохнуть?

— Стоп, — я нахмурилась. — Как это «закроют»? Судя по твоей интонации, оно будет закрыто в ближайшие дни?!

Я одернула руку, которую сжимал Лукас. Помедлив, он вздохнул и откинулся на спинку стула. Во мне вспыхнуло пламя, дрогнул кулон, наливаясь силой.

— Эшли....- заюлил он, тихо и успокаивающе, будто разговаривал с капризным ребенком. — Ты же сама понимаешь, что нам не поймать бэлморта....

— Вы и не пытались!

— У нас нет против них оружия.

— Если бы полиция не мнила себя всемогущей рукой закона, считающей ниже своего достоинства обратиться за помощью к магам, то множество преступлений было бы раскрыто! Мы — оружие против бэлмортов! Что вам еще нужно?

— Ты же сама как-то говорила, что бэлморты — сильнейшие из мира волшебников....

— Да, но они только исполнители, а истинные убийцы слабые и трусливые сволочи, прячущиеся в стороне.

— Мы должны гоняться за призраками, как и ты?! Искать «то-не-знаю-что», рискуя жизнью?!

— Конечно же, нет, — пустым голосом отозвалась я и отвернулась к окну.

Я говорила, что никогда не злилась на Лукаса. Забудьте. В эту минуту я была сама не своя от ярости.

Мое знакомство с Вивиан Моррис — ведьмой, чье имя значилось на записке, найденной в доме Саммер Джоунс, было лишь вопросом времени. Ждать я не привыкла, да и к чему? Промедление могло обернуться наисквернейшим образом, допустить новые смерти я просто не могла. Поэтому, позволив Лукасу покинуть кафе и умчаться на работу, я поспешила продолжить расследование.

Целительная лавка разместилась в живописном районе Мортелля. Здесь и городской парк с художественными фонтанами и скульптурами современных мастеров, уличное кафе «Рейн», отличающееся от других гастрономических заведений изысканностью кухни и утонченным убранством, природный источник, а также жилые дома старинной архитектуры, между которыми и затесалась лавка.

Парк пленил своей загадочностью и напоминал праздничный букет цветов: пушистые шапки деревьев всевозможных окрасов круглый год выпирали из высокого кованого забора, причудливые мотивы которого опоясывали парк лентой, а ворота походили на огромный бант. Кружево листвы, сквозь которое невозможно разглядеть, что за ним скрывается, пестрые оттенки, резко контрастирующие на фоне друг друга, создавали волшебное настроение. Слышались трели птиц, шум воды, и оставалось только предполагать и фантазировать, насколько волшебно за этими чудесными воротами, которые так и манили заглянуть вовнутрь сказочного парка. А кафе, стоявшее поблизости, завлекало потрясающими ароматами, от которых после прогулки на свежем воздухе разыгрывался зверский аппетит. Волей — неволей ноги сами несли тебя в рубиново — алый бархатный шатер, где царил аристократический интерьер в черно-красных тонах, продуманный до мелочей. Мебель, ковровые дорожки, бархатные скатерти с кистями, бронзовые канделябры на столах и репродукции известных картин на плотных тканевых стенах — все атмосферно и стильно. Создавалось впечатление, что ты попал в дорогуший ресторан, а не в уличную забегаловку около парка. Повара готовили свои кулинарные шедевры прямо на глазах клиентов на открытой кухне, размещенной в центре шатра, и иногда использовали магию для зрелищности. Из «Рейн» никто и никогда не выходил разочарованным и голодным.

Бледно-красные стены с золотистыми прожилками, похожими на вены и сосуды живого организма, покрывающие все здание — это гостиница «Лунный Свет». Кто и когда возвел ее, мне неизвестно, впрочем, как и другим жителям города. Склоняюсь к мысли, что она выросла, подобно грибу после дождя от руки мага, и действительно живая. Низкие маленькие окошки со ставнями, широкая лестница с позолоченными перилами, а над дверью — козырек с навесом тонкими нитями извивался и спадал растительным занавесом из металла на землю, обрамляя парадный вход. Глаз не оторвать! Догадываюсь, что внутри безумно красивая обстановка за безумно высокую цену.

Стоило пройти чуть дальше по направлению к целительной лавке, и я наткнулась на еще одну достопримечательность, не уступающую по красоте предыдущим — источник, славящийся целебными свойствами. Он притаился в зарослях плюща, и только краешек плиты выглядывал из густого растительного ограждения, да доносилось журчание ручья. Просто и, в то же время, сказочно красиво и живописно. А если шагнуть в арку из низко склонившихся ветвей ивы, раздвинуть руками занавес из переплетающихся и цепляющихся за любые выступы нитей плюща.... Спуститься по узкой и крутой полуразрушенной от

времени лесенке, то окажешься перед прозрачным, сверкающим тысячей искр и бликов водопадом. Он падал в чашу, переливался через ее края и убегал бойким ручейком вглубь зарослей, переходящих в густой и непроглядный лес. В изумрудном мраке бликов солнечных лучей и воды потрясающе красиво! Они сверкали и переливались, делая место по истине магическим. И не сложно поверить в целебные свойства воды, заряженной волшебной энергией.

И, наконец, осмотрев улицу и подивившись ее очарованием и необычностью зданий, я остановилась перед лавкой Вивиан Моррис. Похожее на ведьмовской колпак небольшое строение с бледно-зелеными стенами и колокольчиком вместо флюгера на конусообразной чешуйчатой крыше цвета сочной травы. Окна со ставнями и резными решетками, двойная металлическая дверь — все говорило о том, что внутри есть что-то ценное и запретное. Наверняка установлена противовзломная система охраны, наложены чары, ощутить и обнаружить которые не составит труда. Достаточно провести ладонью над дверным замком, как кожу начнет щекотать и покалывать от магической «сигнализации». Но сейчас в утреннее время, когда двери были распахнуты для покупателей, и из небольшого помещения лился свет, заклятия совершенно бесполезны.

Поднявшись по ступеням, я оказалась в теплой, похожей на аптечный киоск, комнате, наполненной травяным ароматом. Воздух загустел от запаха отваров и зелий, но, не смотря на это, дышалось легко и приятно. Более того, с каждым вдохом тело наполняло необъяснимое чувство легкости и счастья, хотелось радоваться жизни, одаривая прохожих блаженно — идиотской улыбкой. Опасно здесь долго оставаться....

Ступив на пол, выложенный крупной зеленой каменной плиткой, я, любопытно озираясь, прошла в помещение. Полукруглая стойка напротив входа, защищенная толстым стеклом, как в пункте обмена валюты, и нескончаемые полочки и витрины, на которых поблескивали разноцветные пузырьки. Маленькое окошко, в которое пролезет разве что рука — единственное отверстие, сквозь которое можно разглядеть хозяйку лавки, и то только край ее изумрудного бархатного платья. Между рядами цветных стекляшек и склянок едва улавливалась внешность: высокая, широкая в кости, но стройная рыжеволосая женщина с глазами цвета малахита. Точеные, холодные черты лица, ресницы, длинные и пушистые, словно кружево, крупные локоны волос, падающие на плечи, и пышная грудь — Вивиан Моррис, владелица сего примечательного заведения. Являясь потомком древнего рода нимф, она обладала редким целительным даром. Если века тому назад лесные маги охотно лечили других волшебников и людей даже от смертельных недугов за корзину продуктов или вязаные носки, то в современном мире они сколотили состояние, продавая за вполне определенную плату зелья собственного производства, и заговаривая различные хвори.

К кассе тянулась очередь из пяти человек. И чем дольше я их разглядывала, тем яснее становилось — магов среди них нет. После гибели Майкла Бишоу, казалось бы, дела Вивиан должны были пойти в гору, но вопреки ожиданиям, ее лавка не заслужила той же популярности и признания, что и его невзрачная на первый взгляд аптека. Можно предположить, что Вивиан причастна к смерти Бишоу, но почему-то верилось с трудом. А все дело в том, что их магия различна по происхождению и обладала разнородными целительными свойствами. И даже если Вивиан заказала Майкла бэлмортам, ее зелья не станут разбирать, как горячие пирожки, потому что клиенты у них всегда были разные с отличными друг от друга болезнями и проблемами. Бишоу специализировался на снадобьях, микстурах и каплях, а Вивиан виртуоз по части заговоров, приворотных зелий и магических

хитростей. Таких как, например, зелье невидимости. Так что старые клиенты Бишоу побегут скорее в обычную аптеку, нежели к рыжеволосой нимфе. Кто же захотел его смерти? Кому она была на руку? Здесь, к сожалению, я совершенно ничего не понимала, так что оставила размышления на потом.

Когда подошла моя очередь, лавка опустела. Вивиан сосредоточенным взглядом изучала мое лицо, а я застыла перед ней в нерешительности. Тонкие губы, слегка заостренный нос и кожа цвета слоновой кости. А в глазах мудрость веков, от которой зубы сводит и ломит тело. Либо Вивиан слишком много лет, чтобы я могла осознать, либо ей достался не один, и даже не пять кулонов от умерших предков.

Когда оторопь от первого впечатления прошла, я незаметно вынула из кармана куртки пустой пузырек и положила его в блюдце для мелочи. Взгляд рыжеволосой колдуньи упал на него и мгновенно посуровел. Ее глаза потемнели, словно море перед бурей, а губы сжались в тонкую линию. Но я продолжила играть роль, изображая уверенность и невозмутимость. Все, что мне было нужно — приобрести зелье. Но, судя по виду Вивиан, это совсем не просто и не так уж безобидно. Она зыркнула на меня, и в лицо бросился жар. Все тело обдало огнем ее гнева и силы, но я и бровью не повела.

— Добрый день. Будьте добры....

— Откуда это у вас? — звенящий от холода голос прозвучал, словно пощечина.

Я лишь пристальнее посмотрела на Вивиан, осознавая, что она абсолютно точно знает ответ на свой вопрос.

— Так я могу купить...?

Длинные белые пальцы с острыми, похожими на когти, ногтями, покрытыми искрящимся зеленым лаком, впились в стойку добела. Мне на миг показалось, что дерево под рукой колдуньи затрещало.

— Зелье Абсолютного Излечения — редкое, его изготовление под запретом. Что уж говорить о продаже! Его нельзя вот так просто заявиться и купить, — прошипела Вивиан. — Это вам не мазь от ссадин или обезболивающий эликсир. Как вы достали его? Кого-то подослали? — она указала на пустой пузырек.

Я только возмущенно округлила глаза, лихорадочно придумывая правдоподобный ответ, как вдруг помещение наполнилось магией. Будто легкий ветерок коснулся волос, и в груди все затрепетало, дрогнула моя сущность, почував что-то родное и безумно привычное. Я не слышала шагов, но уже знала — в лавку зашел маг, и мы хорошо знакомы. Это было похоже на мимолетное наваждение, легкую эйфорию, отрывающую сознание от реальности, а ноги от земли. Ощущение присутствия другого мага. И отрезвление наступило настолько резко, что я пошатнулась.

Вивиан посмотрела мне за спину, и ее лицо разгладилось, заиграло румянцем. Взгляд нимфы потеплел и игриво заискрился. Едва очнувшись, я хотела обернуться, как перед глазами возникла рука в черной куртке из плащевки и ловко пролезла в окошко. Меня обдало до боли знакомым запахом. Я задрала голову и разинула рот от удивления. Обворожительно улыбаясь хозяйке лавки, рядом стоял Джош.

Глава 20 (продолжение)

— Вивиан, извини, что завалились без предупреждения, — с извиняющейся ноткой в снисходительном тоне сказал он. Колдунья совсем зарделась. — Вижу, ты уже познакомилась с моей новой напарницей, пока я искал место для парковки!?! Нам срочно, ну совершенно необходим заживляющий эликсир! Ситуация из ряда вон, не терпит отлагательств и, как всегда, огласки.

Его покровительственный взгляд упал на меня, и мы встретились глазами. В них что-то мелькнуло, но я не успела распознать, что именно — Джош по-дружески похлопал меня по плечу. Я оказалась охвачена противоречивыми чувствами: с одной стороны, под его тяжелой и сильной ладонью я сжалась, ощутив себя необычайно хрупкой. А с другой, все существо взревело от возмущения его бесцеремонным поведением. Джош и раньше проявлял ко мне отеческую заботу, которая не обходилась без подколов и шуточек, но сейчас он перешел все границы дозволенного.

— У Эшли опаснейшая профессия! — вдохновенно лгал Джош, глядя на меня с напускной нежностью, и казался в этот миг неотразимым. Я поджала губы. — И ей частенько приходится зализывать раны, заживлять серьезные ранения и отрачивать новые конечности взамен утраченным. — Я буквально взвыла от ярости сквозь стиснутые зубы. И Джош воспользовался этим: — Вот видишь, — поцокал он жалостливо языком. — И сейчас она нуждается в помощи. Колючки ядовитой ивы в ягодицах доставляют жуткий дискомфорт. Если ты понимаешь, о чем я, — подмигнув нимфе, Джош одарил ее коронной усмешкой.

Вивиан похлопала ресницами, пряча едва сдерживаемый смех, и участливо посмотрела на меня.

— Конечно, можешь не объяснять. Бедненькая, — проронила она и вновь перевела взгляд на Джоша. Он действовал на нее, как наркотик: нимфа теряла волю, становилась какой-то воздушной и не могла оторвать глаз от красивого мужского лица. Всплеснув руками, она с трудом отвернулась от Джоша и упорхнула к стеллажу, стоявшему у стены. И выглядели ее движения довольно странно и неуклюже. Так выглядит бабочка со слишком большими для нее крыльями — похоже, рыжеволосая колдунья влюблена в парня моей сестры! — Но не больше трех пузырьков в одни руки!

— Отлично! — блеснул белозубой улыбкой Джош и положил по-свойски руку мне на плечи. — Нас двое.

Я пихнула его локтем в бок. Он ухнул, но тут же растянул губы при виде возвращающейся нимфы.

— Если можно, скорее, Вивиан, а то у Эшли уже судороги начались.

Она выставила на прилавок шесть пузырьков с зельем, и у меня от радости и волнения затряслись руки. Пока я расплачивалась, Джош флиртовал с Вивиан, смущая ее все больше и больше, так, что она была уже пунцовой. Между прочим, могла сделать скидку за старания Джоша!

Уже на выходе я остановилась, вспомнив об одной мелочи....

— Можно вам задать вопрос, Вивиан?

Ведьма удивленно изогнула бровь и коротко кивнула.

— В вашей практике не встречалось зелье, при помощи которого можно скрыть или

приукрасить помещение на несколько дней?

— Впервые слышу, — изумленно протянула Моррис. — Ни в одной лавке колдовских зелий вы не найдете ничего подобного! Такого средства не существует.

— А каким образом возможно сотворить нечто подобное, не знаете?

— Понятия не имею.

— Спасибо за ответы, — поблагодарила я, не скрывая досады, и удалилась.

Когда мы, наконец, оказались на улице, я по инерции брела по дороге и долго не могла отойти от недавнего потрясения. И неизвестно, что больше выбило меня из колеи: появление и помощь Джоша, факт его близкого знакомства с владелицей лавки или возмутительная сумма, что я выложила за снадобье. То, что имя Вивиан Моррис значилось в записке или то, что она жива — здорова....

Джош шел рядом, шаркая по асфальту подошвами дорогих кожаных ботинок. Я только их сейчас и видела, задумчиво глядя под ноги. Он молчал, словно ждал реакции. Стоило нам отойти от лавки, как Джош преобразился: сбросил маску весельчака — сердцеда, и стал молчаливым и угрюмым.

Моргнув, я остановилась. Оказалось, что перед нами кафе, и я совершенно не помню, как переходила дорогу. Подняв голову, я посмотрела на Джоша, будто впервые видела. Держа руки в карманах черной стеганой ветровки, он замер на расстоянии вытянутой руки и улыбался одними уголками губ. Будто ждал упреков и осуждения за свою выходку. Я чувствовала его напряжение, видела в глазах настороженность, и ощущала себя неловко. И почему мне кажется, что он побаивается меня?

— Что сейчас произошло в лавке?

— О чем ты? — натурально удивился он.

— То, как ты себя повел, как помог договориться с Вивиан....- я любопытно склонила голову. — Как понимать? Ты часто к ней заходишь? Мишель знает?

Джош удивился и смутился одновременно. Он определенно ждал чего-то другого.

— Я не изменяю Мишель.

— Нет, я не об этом. Вивиан знает тебя и доверяет, ведь как я поняла, заживляющий эликсир абы кому не отпускается. Ты говорил об опасной работе, но насколько помню, ты — безработный. Мне продолжать?

— В Системе многие маги задействованы, и я не исключение. Как и Вивиан. Мы знаем друг друга в лицо, часто сталкиваемся при исполнении, но выдаем факт своего знакомства в исключительных случаях.

— Что за работа? Какая Система? — ошеломлено пробормотала я, вглядываясь в глаза Джоша. Он больше не улыбался.

— Система, — он задумчиво вздохнул. — Это сложно объяснить. Мы все состоим на службе у Верховной Ведьмы, выполняем определенные обязательства, наложенные ею, но связаны между собой, ибо все мы — неотделимые звенья одного огромного механизма. Если с кем-то из нас случается неприятность, другой маг из системы заменяет его, прикрывает или приходит на помощь.

— У тебя какие обязательства? Какова твоя роль в Системе?

— Что-то вроде охраны драгоценного и очень капризного существа, — протянул Джош после небольшой паузы, с таким видом, будто слышал то, чего не слышу я. — Или присмотр за ребенком. Как тебе больше нравится?

Вдруг он внимательно посмотрел на меня пронизывающим взглядом. Я невольно

передернула плечами.

— Мне? — промямлила я. — Мне не нравится то, что ты говоришь загадками.

Про себя я отчасти злилась на Джоша. Он не позволил задать Вивиан интересующий меня вопрос: что ее связывало с Саммер, и как понимать записки с именами в библиотечных книгах? Хотя нет, про записки я бы не рискнула спрашивать. Теперь, после слов Джоша, стало понятно, что она не стала бы делиться информацией, ведь наверняка это как-то связано с пресловутой «Системой». Оставалось разузнать все у того, кого реально разговорить.

— Имени объекта своей опеки ты, естественно, называть не станешь?

Джош укоризненно покачал головой, но я в любом его жесте видела иронию.

— Если сама понимаешь, то зачем спрашиваешь? Я не имею права простому люду приоткрывать завесу великой тайны. Само мое присутствие здесь и сейчас — нарушение кодекса Системы. Я имею право воздействовать на тебя магией....

Я хмыкнула.

— Тоже мне, царственная особа! У Верховной Ведьмы охранники в чести?

— Я не просто....

— Ты же прекрасно знаешь, что я никому не расскажу.

— Возможно. Но ты используешь информацию в своих корыстных целях.

— В корыстных? Я не ослышалась?!

— Эшли, — вздохнул Джош. — Я слышал о твоём чудаковатом и опасном пристрастии. Как бы ты ни старалась, рано или поздно где-нибудь проболтаешься.

— Ты сказал «корыстных»?! — не унималась я.

Он закатил устало глаза, но ни на секунду не растерял обаяния.

— Преследование личной цели или выгоды, да — это и есть корысть. Считаешь, поиски убийцы соседки нельзя назвать личной целью? Хотя главным образом на протяжении многих лет тебя интересует, кто убил твоих родителей.

— Ты не слишком много обо мне знаешь, Джош?

— Мы же практически одна семья, — опешил он, но в следующее мгновение, заметив искру мысли в моих глазах, прищурился и погрозил пальцем. — Но это не дает мне права раскрывать профессиональные тайны.

— Тогда какого черта ты рассказываешь о Системе? — я сама не заметила, как повысила голос. Поняла по чуть округлившимся глазам Джоша и быстро оглянулась. Чисто. Нас никто не слышал, но следовало быть осторожнее в дальнейшем. Даже у деревьев есть уши.

— Да чтобы ты не лезла к Вивиан с расспросами, — заявил он и многозначительно вскинул брови.

— И не собиралась, — я обиженно надула губы. — Возможно, она причастна к убийствам.

— Не исключено, — загадочно произнес он.

— То есть, ты не отрицаешь версии о виновности Вивиан?

— Я не говорил этого, — выпалил Джош, и его взор настороженно забегал по моему лицу. — Откуда мне знать?!

Внимательно посмотрев ему в глаза, я прищурилась:

— А Саммер и Кеннет также являлись частью этой вашей «Системы»?

Джош мгновение сверлил меня немигающим взглядом.

— Да. Но не спрашивай, какая функция лежала на каждом из них.

Когда Джош замолкал, возникало чувство, будто он что-то не договаривает. Причем намеренно, чтобы разжечь интерес, и с готовностью поделился бы мыслями и информацией, но не здесь и не сейчас. Предложения обрывались на самом интересном, и то были одни намеки. Отметив про себя, что следует побеседовать в непринужденной обстановке с этим надутым павлином, я сменила тему:

— А почему ты не интересуешься, зачем мне понадобился заживляющий эликсир?

Джош просиял. Его кожу будто изнутри подсвечивала лампа. Густые брови влетели на лоб, а губы изогнулись в ироничной улыбке. И снова я в растерянности заморгала.

— Ядовитые колючки?

— Джош, я серьезно, — мой голос прозвучал вымученно и сердито, но веселье не спало с его обаятельной физиономии. Джош даже глазом не моргнул.

— Хороший вопрос! Возможно, по причине твоего чрезмерного любопытства и дара влезать в невлезаемое?! Заработала, так сказать, травму и желаешь исцелиться, пока никто не заметил?

— Тебе Мишель рассказала? — разочаровано протянула я.

Джош хотел что-то ответить, но стая потревоженных птиц с громкими криками сорвалась с верхушек деревьев и привлекла его внимание. Он заметно напрягся, с лица вновь слетела маска, явив хмурую мину. У меня назрел миллион вопросов, но, похоже, придется отложить их на неопределенный срок. Когда теперь доведется случай поболтать с Джошем один на один....

— Что? — буркнул он, не глядя не меня. — Мишель? Ну да, Мишель.

Его ответ, как и поведение, наводили на странные мысли. Наблюдая за кружащими над парком птицами, он прислушивался к их крикам. Нет ничего необычного в птицах: не надо долго думать, чтобы понять — перед нами фамильяры. Но каким образом Джош понимал их — вот что по-настоящему интересно.

— Они тоже из Системы? — иронично протянула я.

— Вроде того, — он перевел взгляд на меня и склонил голову, изучая с подозрительным видом лицо. И был как никогда серьезен сейчас. В душу закрался холод страха. Я затаила дыхание, глядя в глаза невозможной красоты. Они загадочно поблескивали и затягивали.

— Ты говоришь загадками.

— А ты повторяешься.

— Я знаю одного человека, который иначе разговаривать не умеет, — мой голос прозвучал холодно и отстраненно. Джош никак не отреагировал. — Ты возник из ниоткуда, осыпал шармом аптекаршу, помог купить снадобье, непозволительно много знаешь обо мне. На все мои вопросы «как?» отвечаешь путано и неопределенно. Я люблю разгадывать ребусы, и разгадаю. Но хочешь ли ты, чтобы я лезла в Систему? Кому из нас навредит мое вмешательство больше? Может, сам расскажешь, чтобы я не капалась в твоём грязном белье? Вдруг обнаружу что-то более стоящее и сокровенное, чем флирт с нимфой?

Джош прищурился. Его губы дрогнули в едва заметной усмешке, но, миг спустя, я решила, что мне это только показалось.

— Мои намерения чисты и прозрачны. Хочешь выяснить, кто я на самом деле? Валяй. Вот только не у одного меня есть тайны.

— Так ты расскажешь? — я проигнорировала его намек и скрестила руки на груди. Я никогда не скрывала своего дара, но о взломах домов, в которых произошло убийство,

рассказывала только Мишель, и то не всегда. Если Джош об этом, то мне бояться нечего. Сдаст фамильярам? Прямо здесь и сейчас? Сомневаюсь. Ох, как сомневаюсь! Ему самому есть, что от них скрывать — нутром чую.

— Нет, — весело бросил Джош и шагнул с бордюра, стоя на котором легкомысленно раскачивался минуту назад. Направляясь к парку, он что-то насвистывал себе под нос. И, полагаю, догадывался, как заводил этим меня.

Поджав губы, я поспешила за ним, быстро цокая каблуками по асфальту. В глубине души зрело осознание легкомысленности сего поступка. И то, как Джош озирался по сторонам, должно было насторожить. Он вел меня в непроглядную зелень, вглубь парка, поглядывая назад, будто опасался преследования. Чувство беспокойства, охватившее меня посреди улицы, лишь усиливалось и подстегивало бежать вприпрыжку за Джошем. А он как будто чуял и ускорял шаг. Я спешила за ним, постукивая от страха зубами в такт звяканью пузырьков со снадобьем в карманах куртки. Джош определенно что-то знал. И когда мы оказались в лесном полумраке среди ветвей, гнущихся к земле, и свесившихся занавесом побегов плюща, он развернулся ко мне лицом. Я замерла от неожиданности: глаза Джоша сияли силой. Белое мерцание в зрачках — завораживающее зрелище, но в этот миг мне стало не по себе. Теперь я жалела о совершенной глупости, мысленно корила себя. Он казался суровым, если не сказать злым. Напряженные черты лица, и руки, сжатые в кулаки. Я ощущала его мощь кожей, задыхалась от силы, пульсирующей в воздухе. Повисла звенящая тишина, будто в парке вымерло все живое, и только дыхание Джоша и стук моего беспокойного сердца разрывали ее.

— Держись меня, — не своим голосом произнес Джош.

Все произошло настолько быстро, что я успела лишь посмотреть вверх. Макушки деревьев тянулись друг к другу, и из-за пышной растительности солнечные лучи практически не проникали в парк. Ясного неба не было видно сквозь густую листву. Но какой-то частью себя я ожидала угрозы именно оттуда. Глаза слепило, но когда стало невозможно терпеть, свет погас, будто над нами повисла грозная туча. В зазор между кронами в рощу ворвался черный дым, ломая сучья и срывая листву.

Свист ветра, запах гари, и ужас, застрявший комом в горле. Я проглотила крик, но бояться не перестала. Джош схватил меня за плечо и резко дернул на себя. Спрятав за своей спиной, он выставил правую ладонь навстречу бэлморту и поразил его ярчайшей искрящейся вспышкой. Я ощутила теплую волну магии, и если бы оказалась у нее на пути, то меня снесло бы мгновенно. Прижавшись спиной к спине Джоша, я в панике озиралась, ожидая нападения с другой стороны. Сначала решила, что чувствую приближение бэлморта. Но позже поняла, что это тьма — густая, тягучая, липкая, как та, что нашла приют в домах убитых магов. Так вот оно что.... Второй бэлморт несся из глубины парка черной лентой искрящегося дыма. Я подняла руку ему навстречу. Сила пролилась сквозь меня и столкнулась с ним. Ощущение, будто я сама коснулась его и пихнула ладонью, а через мгновение кожу зажгло. Я чувствовала движения Джоша, его напряжение, пульсирующую мощь. Отражая попытки охотника подобраться ближе и нанести удар, он тяжело дышал. Воздух плавился от близости бэлмортов, словно мы стояли около костра. Запах гари ударил в нос, и сложно было не поморщиться и не отвернуться. Внушительный поток силы отбросил плотное облако дыма, и он полетел кубарем, ломая на своем пути ветви, опрокидывая скамейки. Как будто я швырнула огромный шар для боулинга, не рассчитав удар. Второй бэлморт подбирался справа. Джош поворачивался так, чтобы быть к безликой черной массе лицом. И я оказалась вынуждена перемещаться вместе с ним.

— Крепко влипли, — невесело рассмеялся Джош.

Я хотела посмотреть на него через плечо, выразить во взгляде все свои чувства, но бэлморт молниеносно взмыл вверх, выбравшись из кустов. Клубясь над верхушками деревьев, он словно играл со мной, вынуждая прикладывать все большие усилия, все отчаяннее сопротивляться. Вероятно, с целью довести до изнеможения, а после нанести сокрушительный удар. Это похоже на драку со змеей: она смотрит тебе в глаза, невыносимо долго, и в тот момент, когда ты устаешь и решаешься моргнуть, совершает выпад вперед и жалит.

— По чьей вине, интересно, — процедила я, немигающим взглядом следя за движениями дыма.

— Известно, по чьей, — парировал Джош. — Кто нос сует, куда не звали?!

— Ты на меня намекаешь? Хочешь сказать, меня хотят убраться за любопытство?

— Ты не понимаешь, во что ввязалась? Пусть ты еще не видишь всей картины целиком, но кое-что уже сумела раскопать. И, естественно, убийца начинает нервничать!

— Откуда тебе это известно? И что я узнала?

Джош собирался что-то ответить, но бэлморты, будто сговорившись, рванули на нас. Они с самого начала действовали организованно и продуманно, хотя со стороны могло показаться иначе. В эту секунду я поняла слова Джоша: до определенного момента

последовательность событий представлялась бессвязной мешаниной совпадений. Действия и поступки казались спонтанными, вызванными порывами чувств и эмоций. И вдруг разноцветные кусочки мозаики сложились воедино, и стало ясно, что все происходящее — тщательно продуманный план чьего-то гения. Так нападение бэлмортов являлось отработанной тактикой, а смерти магов — не бессмысленной случайностью. Их что-то объединяло, а что именно — узнаю, как только выберусь отсюда.

Джош выставил обе ладони навстречу дыму, и от него рябью раздалась сила. Мы оказались в центре невидимого круга, и магия волнами, быстрыми и короткими, сбегала к краям, выталкивая бэлмортов за его пределы. Я рефлекторно держала перед собой вытянутую руку, и лишь мгновение спустя поняла, что являюсь активной частью магического круга. Джош его создал и удерживал, а я наполняла мощью, похожей на теплую и мягкую воду. Осторожно выдохнув, я улыбнулась. Приятно, черт возьми, внезапно осознать свой истинный потенциал, хоть он и кажется невероятно высоким. Напряжение незаметно отпускало, становилось не таким болезненным и давящим. Во мне билась магия, золотыми импульсами озаряла все вокруг. Бывает, что сила, живущая внутри, может разорвать на куски, и я чувствовала, насколько она внушительна.

Во мне поднималась уверенность. И магия потекла ровнее, мягче, напористее. Бэлморты упрямо

сопротивлялись, стремились проникнуть в круг и добраться до нас. Прошла целая вечность прежде, чем один из них протянул ко мне руку, сотканную из дыма. Теплая сила ударила и отбросила его вглубь парка, откуда он совсем недавно выбрался. На какое-то время охотник исчез из виду. И я смогла отвлечься на Джоша.

— Я знаю многое, но не обязан объяснять тебе — откуда. Но то, что они по твою душу, ты должна понимать сама. Ставлю, так сказать, перед фактом.

— Хочешь сказать, убийца Саммер послал их за мною? Натравил, как свору собак на кролика?! И что теперь? Я должна бросить расследование?

Прижимаясь спиной к спине Джоша, я почувствовала его резкий выпад вперед, и клуб дыма ушел от удара. Еще выпад, на этот раз вправо. И снова бэлморт увернулся. Тогда Джош ударил влево, и попал. Он загонял бэлморта в невидимую ловушку, а когда задуманное удалось, выбросил в него мощный поток магии, похожий на электрический разряд громовой мощи.

С пронзительным свистом клуб черного дыма умчался прочь за деревья. Нам выпала короткая передышка.

— Тебе виднее, Эшли, — с облегчением вздохнув, ответил Джош.

Он не опускал рук, как и я, оставался в полной готовности к новым и новым попыткам охотников достать нас. Мы продолжали держать оборону, не расслабляясь ни на мгновение. Под кожей перекачивалась магия подобно мышцам, щекотала, словно кости менялись местами. В какой-то момент это силовое напряжение начало доставлять боль, как если бы я долго держала на весу пистолет, прицеливаясь. От внезапной судороги я втянула громко воздух сквозь плотно сжатые зубы. Джош расценил это, как возражение его словам и хмыкнул.

— Тебе одной известно, что ты обнаружила в ее доме. Но вляпалась ты гораздо раньше: когда переступила порог мертвого дома.

— Откуда ты все знаешь? — прошипела я, поворачиваясь к Джошу с выражением полнейшего возмущения на лице. Но именно в этот миг сверху бесшумно обрушился черный

дым. Свет слился с мраком, невозможно было различить собственного тела. Я шарила руками в крошечной тьме и не видела их. Бэлморты объединились и нанесли удар в неожиданный момент, как и задумывали. Секунду назад их духом и не пахло, а теперь меня окутывало удушливой гарью, а тело резали невидимые веревки. Похожие на удары раскаленного хлыста, беззвучные короткие атаки, резкие и обжигающие. Ноги оторвались от земли, словно дым подхватил меня и молниеносным движением швырнул в сторону. Я вынырнула из мрака так же внезапно, как и оказалась им поглощена. Потемки парка, промелькнувшие перед глазами до столкновения с деревом, показались ослепляющими. Удар пришелся на плечо, и каждая косточка затрещала. Но я не вскрикнула, лишь поморщилась. Сидя, привалившись к стволу дерева, высматривала Джоша. Целую секунду соображала, где нахожусь и как сюда попала. Сначала я видела лишь клубящееся черное облако над землей. Потом оно разделилось на две равные части, и мелькнуло перекошенное лицо Джоша. Его взгляд, переполненный яростью, встретился с моими глазами, а затем один из бэлмортов швырнул его в глубь насаждений. Я боялась пошевелиться. Под кожей копошилась сила, отдаваясь легким покалыванием. Я знала, мои глаза мерцают белым светом. Ноги и руки жгло, будто невидимые веревки оставили кровоточащие порезы, и по коже сочится кровь. Осмотрев себя и убедившись, что это всего лишь наваждение, я облегченно вздохнула. Но расслабляться было слишком рано.

Не дав прийти в себя, бэлморты одновременно бросились на меня и Джоша. Я рефлекторно выставила вперед ладонь, и магия пролилась в одного из них. Мощный поток энергии, настолько плотный, что, казалось, я ощущаю его вокруг себя щитом. Сбив первого бэлморта, незримый ураган снес и второго. Вновь они слились воедино и, клубясь, взмыли вверх, и только тогда унеслись прочь.

Первые минуты я прислушивалась, ожидая возвращения черного вихря. Джош, поднимаясь с земли, что-то неразборчивое прокряхтел, по-моему, нецензурное. Бэлморт изрядно помял его и приложил плашмя, и теперь тело парня трещало и рассыпалось от боли. Я поняла это из его брани. Сев, он привалился спиной к дереву. Запрокинув голову, закрыл глаза и громко вздохнул.

— Ты в порядке? — спросила я, поднимаясь на колени. Движение далось без мучений, и я отважилась встать на ноги, держась рукой за ствол клена.

Джош тихо рассмеялся, приоткрыв один глаз.

— Мне пересчитали кости, пару раз подбросили, как мячик, а после, вдоволь наигравшись, выбросили, — он облизал пересохшие губы и распахнул глаза. — Мое самолюбие задето, честь запятнана. И я с белым светом, между прочим, уже попрощался!

Джош был серьезен, как никогда. Тяжело вздохнув, я застыла. Мышцы ныли, как после долгой и изнурительной тренировки. Но эмоциональный фон был настолько силен, что я не замечала боли.

— Они нас не убили, — отметила я.

Джош иронично вытаращил глаза.

— Ну, надо же! Какое невероятное везение! Кому же мне «спасибо» сказать за это?!

Ничего не ответив на его выпад, я на негнущихся ногах направилась к воротам парка. Дорога из серой каменной плитки пробежала мимо дерева, у которого так удобно расположился помятый Джош. Он следил за мной взглядом, но ничего не предпринимал. А я, вскользь глянув на него, приподняла оскорбленно голову и пнула носом тупельки в ногу.

Вскрикнув, Джош проглотил ругательства и принялся подниматься. Уморительное

зрелище! Его конечности утратили гибкость, как и мои, поэтому все движения и вздохи вызвали здоровый смех и умиление одновременно. Продолжая свое неуклюжее шествие к выходу в реальный мир, прочь из пестрых зарослей, где время будто загустело, я смеялась. Громко и от души. Подволакивая ногу, Джош плелся следом. Поравнявшись со мной у ворот и окинув небрежным взором от макушки до пят, злорадно хихикнул. Улыбка сползла с моего лица.

— Похоже, у тебя птичье гнездо на голове. С дерево упало или ты три часа в салоне красоты укладку делала?

Я испуганно ощупала свою шевелюру под жизнерадостный смех Джоша. Со ссадиной на лбу, кровотокающей царапиной на щеке и взъерошенными волосами, торчащими вверх, как после удара током, он выглядел невероятно счастливым. И почему мне так хотелось стереть эту улыбочку с лица кулаком....

Джош резко оборвал смех и с напускной серьезностью поинтересовался:

— Откуда столько агрессии в твоих глазах, Эшли? — и поцокал осуждающе языком.

— Советую умерить пыл, или я пройду своей изящной тонкой ручкой по твоей гнусной физиономии, — прорычала я.

Джош не обратил внимания на мою резкость и продолжил веселиться:

— На тебя без слез не взглянешь! Я бы на твоём месте поспешил домой дворами, избегал бы людных мест, иначе прохожие растрогаются и карманы вывернут.

— Себя-то видел? — окрысилась я. — Я с тобой по одной стороне улицы не пойду!

— Отлично! Пойдем по разным сторонам улицы. Вдвоем мы больше денег заработаем!

Одарив его тяжелым взглядом, я продолжила движение к воротам, а когда почти настигла их, Джош остановил меня, опустив ладонь на плечо. Я обернулась с возмущенным видом.

— Это будет наш маленький секрет, — тихо произнес он.

Поставил перед фактом, так сказать. Я посмотрела ему в глаза и не заметила подвоха. Возможно, так будет лучше для нас обоих — утаить о совместной прогулке по парку и о том, чем мы во время нее занимались. Звучит как-то неприлично, но мы всего лишь подрались с бэлмортами....

— Хорошо, — вздохнула я. — Но ты мне ответишь на вопросы....

— Нет, — отрезал Джош и, отодвинув меня в сторону, с непроницаемым видом пошагал к выходу.

— Что ты имел в виду? Во что я вляпалась в мертвом доме?

Глава 21 (продолжение)

— А сама как думаешь? — не оборачиваясь, проворчал он. — Во ЧТО ты могла там ВЛЯПАТЬСЯ?

— Во тьму, поселившуюся в доме? — неуверенно пробормотала я. — Все-таки она прилипла ко мне?

— Ага. К подошве туфельек, — саркастически произнес он.

— И что теперь? Я проклята?

Запрокинув голову, Джош тихо рассмеялся. Оборвав смех, он задумчиво выдохнул:

— Если хорошенько поразмыслить.... Тьма — это что?

— След черной магии.

— Чьей именно?

— Бэлмортов, — проблеяла я и на миг остановилась, задумавшись. — Я оказалась отмечена ею, а значит....

— Ну? — не останавливаясь, многозначительно спросил он.

— Они чувствуют меня.....

— Чудеса сообразительности! Ты поражает меня, Эшли.

Спохватившись, что осталась далеко позади, я почти побежала за Джошем. Голова закружилась — теперь я в поле зрения всех бэлмортов?! Постоянная мишень. Маячок для неприятностей. И как я не заметила, что тьма настигла меня? В какой момент прикоснулась своими ледяными руками?

— Их магии достаточно было дотронуться до тебя, даже не прилипать, — будто услышал мои мысли Джош. — Мимолетный контакт, и ты отмечена тьмой. А если говорить начистоту, я не вполне понимаю, как это происходит.

— Ты сказал, я вляпалась в мертвом доме....

— Ничего я не говорил, — отрезал холодно Джош.

— Ты навел меня на эту мысль, — исправилась я, и вдруг в груди неприятно кольнуло.... Джош целенаправленно шел к выходу, не обращая на меня никакого внимания. Ни разу и через плечо не покосился. На него не похоже.

— Ты Странник? — крикнула я ему вслед.

Джош застыл на месте, секунду помедлил, а потом обернулся. И на его лице застыло изумленное выражение.

— Кто — еще раз?

Я замаялась. На самом деле голос у мужчины в капюшоне чуть ниже, от него пахнет табаком, хотя курение может быть всего лишь прикрытием. Ко всему вышеперечисленному он ниже ростом, хоть и той же комплекции. Веский аргумент: он всегда все обо мне знает. Джош, получается, тоже, но теперь я видела, что спутала двух разных мужчин.

— Забудь.

Я прошла мимо Джоша и оказалась на залитой солнцем улице. Из кафе веяло ароматным жареным мясом, и желудок жалобно сжался. Джош догнал меня и пошел рядом.

— И все же, кто такой Странник?

— Раз ты такой просвещенный, так почему не знаком с ним и ничего о нем не знаешь?

— А ты знаешь? — усмехнулся Джош.

— Если бы знала, то не спрашивала бы.

— Но ты с ним знакома?

— Имею несчастье быть в почти дружеских отношениях с его маской.

— В каком смысле?

Я устало вздохнула.

— Он ходит в капюшоне, под которым не разглядеть лица, и постоянно курит.

— Я не курю, — рассеянно пробормотал Джош.

Я покосилась на него и покачала головой.

— Я же сказала, забудь, Джош.

— Но почему ты о нем вспомнила? — не унимался он.

Я остановилась и повернулась лицом к Джошу. Он вынужденно затормозил, внимательно глядя на меня.

— Он всегда знает на порядок больше полиции и прессы, будто лично присутствовал и своими глазами видел то или иное происшествие. Говорит загадками, путает меня, часто ворчит и раздражен.... Появляется исключительно ночью. И я ни разу не видела, как он приходит.

— Странный товарищ, согласен. Он Странник от того, что много времени проводит в странствиях или от того, что у него не все дома?! — тихо посмеявшись над своей шуткой, он вновь стал серьезен и хмур. — Но, — Джош пожал плечами, — как ты могла спутать меня с этим мрачным типом?

— Ты ведешь себя крайне подозрительно.

Нахмурившись, он иронично скривился.

— С полной искренностью и уверенностью заявляю: я — это я!

— Не могу понять, разочарованна я или рада, — я хмыкнула. — Давно сгораю от любопытства и мечтаю сорвать с него проклятый капюшон. Сложно доверять собеседнику, когда не видишь его лица.

— Он помогает тебе в расследованиях, делится информацией? Но тебе не дает покоя его скрытность?

Я кивнула.

— И что именно смущает? Парень рискует шкурой, сливает тебе секретные сведения, но сложно угодить неугомонной Эшли! Тебе жизненно необходимо знать, откуда он черпает их?! Считаешь, что он в Системе? Днем сидит на дереве с фамильярами, а с наступлением темноты натягивает на лицо капюшон, чтобы помочь тебе с расследованием, которое и расследованием назвать можно с натяжкой?

— Это я и хотела узнать, — огрызнулась я. — А ты не в курсе, оказывается, самого его существования!

Я вновь сдвинулась с места, но Джош поймал меня за локоть. Я резко обернулась и посмотрела снизу вверх.

— Он может быть одним из нас, но капюшон — всего лишь маскировка. Легенда. Сам Странник — его маскировка, выдуманный образ для отвода глаз.

— Я уже думала об этом, — тихо отозвалась я.

После продолжительного обмена взглядами, Джош выпустил мою руку, и я смогла перейти улицу. Но остановилась неподалеку от лавки Вивиан. Нагнав меня, Джош раздраженно цыкнул.

У обочины стояла черная машина. Я уже видела ее, но в другом месте. Новехонький

«Бэнно». Багажник был открыт, а из него торчал мужской подтянутый тыл в серо-зеленых джинсах и черных кедах. А когда его владелец вынырнул из недр авто, я узнала Тома. Сверху на нем была черная футболка и серая хлопковая ветровка. Обнимая небольшую картонную коробку с трепетом и осторожностью, он глубоко вдохнул и неожиданно повернулся к нам лицом. Я заметила настороженность в глазах, но вскоре она растворилась в безразличии. Захлопнув багажник свободной рукой, он окинул нас надменным взглядом и усмехнулся. Догадываюсь, какой у нас сейчас был видок....

— Черт знает, что о нас подумает теперь, — сокрушенно промямлила я в след удаляющемуся Тому. Открыв ногой дверь лавки, которую раскачивал ветер, он вошел и исчез из виду.

— Мне плевать, что он подумает, — прорычал в ответ Джош, также провожая его взглядом, от которого у парня должен был загореться затылок.

Я довольно улыбнулась и повернулась к Джошу, пряча руки в карманы куртки.

— Не боишься, что он отобьет у тебя хлеб? Глупо отрицать, он сногсшибателен!

— Что? — Джош хмыкнул. — Я — сногсшибателен, а он так, смазливый хлюпик.

— Как бы смазливый хлюпик не надрал тебе зад и не увел девушку, пока ты по кустам со мной лазаешь.

Джош резко посмотрел на меня, но я не заметила особой тревоги в его глазах. Я давно догадывалась, что он не воспринимал серьезно Мишель. Он заботился о ней, окружал теплом, но этого недостаточно, чтобы она почувствовала себя любимой. Чем-то напоминает мои отношения с Лукасом. Вероятно, Мишель являлась его прикрытием, как и капюшон у Странника.... Не могу понять, что я ощущаю по этому поводу: горечь, разочарование или облегчение?

Мы обменялись многозначительными взглядами, и я увидела то, что хотела. Вернее, то, что ожидала увидеть. Джош не любил Мишель той любовью, которой хотелось бы, и понимал это. Но, в тоже время, желал ей только добра и счастья, однако, не с Томом. По этой причине он будет рядом столько, сколько потребуется. Неужели она и есть то капризное и драгоценное существо, которое ему поручено защищать?

Тяжело вздохнув, я отвела взгляд, и до самого дома мы не проронили ни слова.

Не успела я оказаться дома и принять ванну, как позвонил Лукас. Он решил сделать мне сюрприз, а я хотела немного отвлечься от насыщенного дня. Его желанию сгладить наши недавние разногласия я с готовностью подыграла. Осадок в душе остался, но нельзя винить человека за его точку зрения. Да, у меня была отличная от него позиция, но с некоторыми вещами в отношениях приходится мириться. Лукас всего лишь человек, и ему не понять маленькую ведьму, но его чувства ко мне искренни.

В моей жизни было не так уж много мужчин. Хватит одной руки, чтобы сосчитать по пальцам. Кто-то сейчас посмеется, кто-то пожалеет, но только тот, кто истинно любил, поймет меня. Дело в том, что ни с одним из них я не чувствовала себя счастливой, из-за чего легко и безболезненно расставалась, оставив в их судьбе красивый, но печальный след. Я жила в вечном ожидании какого-то чуда, до сих пор живу. И Лукас единственный из моих кавалеров, с кем я научилась расслабляться и не думать о том, что могло бы быть и лучше. О том, что где-то живет тот, кто предназначен мне судьбой. Я почти смирилась с тем, что им является Лукас. Но мелкий червь сомнений с недавних пор пробудился и начал грызть изнутри сердце. И сейчас, глядя на Лукаса, я невольно вспоминала голубые, почти синие глаза Шермана....

Лукас стоял у своей машины, одетый в дорогой васильковый костюм из блестящей ткани, белую рубашку с черным, в тонкую голубую полоску, галстуком. И улыбался. Он походил на новогодний подарок — такой же желанный и красиво упакованный в сверкающую, шелестящую бумажку. И я знала, что внутри он так же прекрасен, как и снаружи. Я улыбнулась в ответ, хотя вернее было бы сказать «просияла». Именно так ощущала себя, глядя в светящиеся глаза Лукаса, рассматривая идеальные черты лица и испытывая определенную долю нежности. Не скажу, что его вид пробуждал тепло внизу живота и заставлял томиться от желания. Нет, я отвечала на его любовь, симпатизировала, как никому раньше, но особой страсти никогда не испытывала. Сейчас, глядя на Лукаса, хотелось обнять его и согреться, остаться так близко, насколько это возможно. Но мысль о Бене каждую минуту спускала с небес на землю — маленький такой, едва заметный укол совести. Где-то в сердце зарождались чувства к патрульному....

Перебежав дорогу с улыбкой, не сходящей с губ, я остановилась перед Лукасом и, поднявшись на цыпочки, подставила губы. Он провалился в омут моих глаз, когда склонился для поцелуя. По телу растеклось приятное тепло от прикосновения, легкого и целомудренного. Иногда я с ним счастлива по-настоящему.

— Ты прекрасно выглядишь, — почти шепотом произнес Лукас. — Как всегда. И я не устану повторять это.

Еще не зная, что он задумал, я выбрала из гардероба платье — футляр из темно-лилового тончайшего кружева на подкладке. Ассиметричный вырез спереди, окантованный тем же кружевом, точно повторялся сзади, только выглядел гораздо откровеннее. Если снять черный плащ, то спина окажется открыта до того места, которое невольно подключает фантазию. На ногах сверкали черные лакированные туфли на шпильке.

Обняв одной рукой за талию, Лукас отстранился, ровно настолько, чтобы одарить восхищенным взглядом. Свободной рукой он бережно заправил за ухо выбившуюся из прически прядь. Я не люблю посещать салоны красоты, укладываю волосы сама, а к

парикмахеру навеваясь исключительно для стрижки. И в этот вечер закрутила крупные локоны, выпустив набок челку, вылила вволю лака и удовлетворилась своим отражением в зеркале. Волосы у меня блестящие от природы, поэтому особого ухода не требуют, но я стараюсь поддерживать их великолепие разнообразными масками. Считаю, что любой дар нужно беречь.

— Куда мы поедem? — с придыханием спросила я, всматриваясь в улыбающиеся глаза Лукаса. Он блеснул белозубой улыбкой и иронично поморщился, возведя взор к небу.

— Ко мне домой.

Я опешила, но не успела измениться в лице. Он быстро притянул меня к себе, мягко и бережно, и я положила ладони ему на грудь.

— Но я подумала....

— В ресторанах ты чувствуешь себя неуютно, — констатировал факт Лукас. — И я решил разнообразить нашу культурно-развлекательную программу.

Я вопросительно прищурилась, и Лукас понял без слов.

— Я приготовил ужин, — выдвинул он аргумент, с которым не поспоришь. И я поддалась. Слишком легко и быстро, пожалуй, но я не могла не сделать ему приятно. В конце концов, Лукас заслуживал этого.

У него небольшой дом, окруженный плакучими ивами, рядом с центром города. Изящные ветви клонились к земле, рассыпаясь плетеным занавесом из листвы. Аккуратно постриженная газонная трава сочно-зеленого цвета даже в вечерних сумерках, небольшой куст жасмина перед крыльцом, дурманящий аромат которого заполнял весь сад. Белый резной забор огораживал всю эту «скромную» красоту от соседних домов. На улице Дождей проживали исключительно люди. Свое название она получила из-за проклятия, посланного на одного из жителей брошенной им ведьмой. В течение месяца здесь шли ливни, пока колдунья не остыла и не сжалась над соседями бывшего возлюбленного.

Бежевые стены, песочная чешуйчатая крыша, широкие окна, небольшая веранда на заднем дворе — дом оформлен в классическом стиле. Стекланные двери, к которым вела белая каменная лестница, отделанная светло-коричневым кафелем. Зелено-кремовая плиточная дорожка прямой, ровной лентой бежала от калитки к порогу.

Внутри дом походил на вафельный торт — приятные шоколадно-ванильные оттенки, начиная с обоев и заканчивая мебелью. Даже мелкие детали интерьера не выбивались из общей картины. Холл состоял из паласа, гардероба, зеркала и полки для обуви. Скромная люстра напоминала пчелиный улей: небольшая композиция конусообразной формы и матово-медового оттенка из стекла и пластика. Далее, следуя по широкому коридору, попадаешь в просторную холостяцкую кухню, где кроме холодильника, островка с барными стульями, плиты и кухонного гарнитура нет ничего. И штор тоже. А зачем, если окна выходят на задний двор, где из-за плотного подлеска невидны соседних домов и улиц?!

Слева спальня с большой кроватью, столиком, на котором стоял ванильно-желтый светильник с абажуром, напоминающим аккуратный комочек сахарной ваты. Возможно, я проголодалась, и запах, доносящийся с кухни, будоражил вкусовые рецепторы, поэтому все предметы в доме казались мне аппетитными....

Над деревянным изголовьем кровати висела огромная картина — бутон лилии, переливающийся всеми оттенками коричневого. Плотные темно-бежевые шторы на двух окнах, между которыми втиснулась кровать, небольшой шкаф-купе, кресло с резными ножками и подлокотниками и, безусловно, палас с мягким ворсом.

Лукас помог мне снять плащ и повесил его в гардероб. Когда мы миновали коридор, он остановил меня, придерживая за плечи, рядом с дверью в гостиную. Развернув к ним лицом, потянулся справа, чтобы открыть. Повернув ручку, толкнул обе створки и застыл, ожидая моей реакции.

В комнате потрескивал камин, и кроме огня в нем, иного освещения не было. Тяжелые коричневые шторы на окнах, угловой диван, перед которым разместился столик для шампанского с низкой вазой, наполненной пышными пестрыми флуциями. Сейчас встретить букеты из этих красивейших цветов в домах смертных вовсе не в новинку. В любом цветочном магазине можно приобрести это диковинное растение.

Книжный шкаф у дальней стены, полка с декоративными безделушками, и тут же рабочий стол с компьютером и кипой бумаг в папках всех цветов радуги, и конечно большое и удобное кресло. Люстра под потолком напоминала распустившийся огненный цветок, ожидающий, когда бездушное электричество вдохнет в него жизнь.

Лукас перегнулся, чтобы заглянуть в мои глаза, и я, заинтригованно прищурившись, покосилась на него. Довольный реакцией, он проводил меня до дивана и усадил перед камином, а сам быстрым, но спокойным шагом умчался в направлении кухни. Пока оттуда доносился звон посуды, я удобно разместилась, закинув ногу на ногу. Сцепив пальцы рук в замок, огляделась. Я была у Лукаса далеко не впервые, но не переставала любоваться простотой убранства. И мы могли бы жить вместе, но я слишком привязана к дому, доставшемуся от мамы, а приводить в него Лукаса чревато скорым разрывом. Женское общежитие из моих сестер способно довести любого мужчину, даже с невероятно устойчивой психикой, до срыва.

Родители Лукаса переехали в Нойссити, что находился на перепутье Эгморра и Вердландии и считался городом-ульем. Туда обычно отправлялись на заработки, жаждущие красивой и роскошной жизни люди. А все сливки общества предпочитали отдыхать в шикарных гостиничных комплексах на побережье Солнечного моря. Вполне символичное название: вода в нем круглый год теплая и имела золотистый оттенок.

Лукас вошел в гостиную с бокалами и ведерком с шампанским в руках. Поставил на стол и, как бы, между прочим, произнес с улыбкой на губах, вскользь взглянув на меня:

— У меня маленькое недоразумение в духовке. На предотвращение малоприятных последствий уйдет какое-то время, но ты не скучай, — он потянулся через стол и коротко поцеловал меня. — Я скоро вернусь.

— Мясо подгорело? — снисходительно улыбнувшись, догадалась я. С Лукаса спало напускное спокойствие, и он, выпрямляясь, раздосадовано скривился.

— Ага.

Безмятежно улыбаясь, я проводила его взглядом. С кухни доносился сладковато-кислый запах гари и тихие ругательства Лукаса. Вздохнув, я огляделась еще раз, пытаюсь отыскать себе занятие на ближайшие несколько минут. Над камином на стене висел телевизор, но не он привлек мое внимание, а стопа корреспонденции, среди которой я заметила пакет с фото. Вскочив с дивана, поспешила к камину, не обращая внимания на призывы внутреннего голоса не трогать чужие письма. Он был совершенно прав, но когда я поступала правильно, если дело касалось расследования?!

Вытянув пакет из грубой желтой бумаги, затерявшийся среди кипы многочисленных конвертов, я и ахнуть не успела, как все они разлетелись осенними листьями по полу. Упав на колени, я принялась подбирать письма и складывать около себя в ровную стопку. И

случайно заметила, что адрес на конверте не совпадает с адресом Лукаса, по которому доставили почту. Вчитываясь в буквы, я проговаривала их мысленно, пока не поняла, что дом, в который они должны были попасть, находился в противоположной части города. Смутившись, я просидела с минуту на полу, глядя в одну точку, а потом, встряхнув головой, поднялась. Нет, дело не в Лукасе. Не думаю, что он вел двойную жизнь. Скорее всего, это связано с работой.

Положив письма на камин, я взяла в руки желтый пакет и, на мое счастье, он оказался вскрыт. Мысленно ликуя, я вынула из него несколько снимков и чуть не выронила от неожиданности. С первого фото на меня смотрели пустые глаза Саммер — ее белое лицо крупным планом, и даже после смерти оно казалось сказочно красивым. На втором — раскинув руки, она лежала перед лестницей в холле своего дома на безупречно чистом полу, на фоне безупречно чистых стен.... Ее летнее легкое платье цвета аквамарин с юбкой-колоколом, словно по задумке фотографа, разложеной по ступеням, являлось самым ярким пятном на фотографии. Если, конечно, не считать черной дыры в груди.... А на третьем снимке было запечатлена именно эта дыра, на месте сердца. Обугленные края кожи, проглядывающие из-под такой же обгорелой ткани платья, рыхлые стенки грудной клетки, покрытой черной коркой, сквозь трещины в которой проступали кровавые язвочки.

Следующие три снимка походили на предыдущие, как братья-близнецы, но главным действующим лицом на этот раз был Майкл Бишоу. Будто фотосессию обеим жертвам проводил бессердечный фотограф. И все детали пугали идентичностью: холодный остекленевший взгляд, беззащитность, с которой Саммер и Бишоу лежали на полу собственного дома, черная дыра вместо сердца и безукоризненная опрятность в окружающем интерьере. Если не знать, от чего они оба погибли, можно подумать, будто их сердца взорвались....

Глава 22 (продолжение)

Фото Кеннета и Калеба я не стала вынимать, понимая, что все равно ничего нового не увижу. Однообразно пугающие иллюстрации к чужой смерти.... Руки затряслись раньше, чем к горлу подкатил кисло-сладкий ком, за которым должен последовать рвотный рефлекс. Я почувствовала запах горелого мяса, смотрела на него, и внезапно комната закружилась цветной каруселью. Запихнув с трудом фото обратно в пакет, я спрятала его между письмами, закрыла глаза и оперлась руками на камин. Осторожно и медленно вдыхая, так же осторожно выдыхала, до тех пор, пока не прошла тошнота, а комната не остановилась. Только тогда я открыла глаза и смахнула испарину со лба. Глубоко втянув воздух носом, о чем сию минуту пожалела, я отлипла от камина и обняла себя за плечи. Как и предполагала, ни полицейские, ни их современные камеры не выявили следов крови в доме убитых волшебников. Выходит, убийца наложил чары на любого входящего в дом, но я впервые сталкивалась с подобным колдовством. Как правило, заклятье остается активным в течение трех часов, не более. Но как показало мое проникновение на место преступления, они держались уже не один день. Похоже, придется посетить Библиотеку, но только после подробного изучения дома Бишоу — я имела глупость упустить из внимания первую жертву, а ведь с него все и началось.... И почему я решила, что его смерть к делу не относится? Из каких соображений сделала вывод, что убийство Бишоу не имеет отношения к убийствам Саммер, Кеннета и Калеба?!

Лукас застал меня стоящей около камина с задумчивым видом. Я больше не обнимала себя за плечи, больше не казалась прозрачной от ужаса, но вопрос застыл во взгляде. Немного смутившись, он застыл на пороге комнаты с подносом в руках, на котором стояло блюдо с запеченной телятиной, соусница и две тарелки с лежащими на них столовыми приборами. Едва заметно хмурясь, он посмотрел в мои глаза, и я ощутила его недоумение. Склонив удивленно голову на бок, я спросила:

— Что так насторожило тебя, Лукас? — Нападение — лучшая защита. И я ею воспользовалась.

Лукас еще сильнее нахмурился, но нашел в себе силы войти в комнату и приблизиться к столу. Лишь поставив поднос, он обернулся и ответил с почти спокойным видом:

— Твои глаза.

— А что с ними? — я растерялась и повернулась к телевизору, чтобы увидеть свое отражение. Но Лукас оказался сзади и, положив руки на талию, повернул меня к себе лицом раньше, чем я успела понять, что вижу. С нежностью вглядываясь в глаза, он улыбнулся той улыбкой, от которой мне становилось тепло и солнечно, как летним вечером.

— Ты видела фото с места преступления, — уверенно произнес он, и я покраснела. Опустив голову, отвела взгляд, тогда Лукас охватил меня руками. Но совесть не позволила обнять его. Горячо выдохнув мне в волосы, он тихо продолжил: - Думаешь, я не знаю тебя, Эшли? Ни на секунду не сомневаюсь, что любопытство сильнее тебя, и не любопытство это вовсе.

— Что же тогда? — бесцветным голосом поинтересовалась я, обвивая его шею руками, и уткнулась носом в плечо. Лукас успел снять пиджак, галстук и закатать рукава рубашки, которая пропахла запеченным мясом.

Он неопределенно пожал плечами.

— Природный дар, полагаю. Индивидуальная особенность, отличительная черта характера и всей твоей сущности, — он отстранился, чтобы вновь посмотреть в глаза. И выглядел в это мгновение абсолютно счастливым. — Тебе бы цены не было в отделе криминалистики!

Такой милый и наивный... Я почувствовала себя ничтожеством.

— Когда станешь старшим детективом, то изменишь мир к лучшему. Возьмешь магов на службу, — пролепетала я.

Лукас тихо рассмеялся.

— Я польщен твоими словами, произнесенными с такой уверенностью, но, увы, вряд ли они когда-нибудь сбудутся, — он без сожаления улыбнулся, пожав вновь плечами. — Для того, чтобы занять пост старшего детектива, нужно дождаться смерти Брейнта и дожить самому, потому что иначе он не уйдет из полиции. А Брейнт, похоже, бессмертный!

Непроизвольно улыбнувшись, я обняла Лукаса со всем теплом и нежностью, на которую могла быть способна. Он уткнулся носом в мои волосы. Простояв так с минуту и выдержав необходимую паузу, я спросила будничным тоном:

— А почему у тебя куча писем, адресованных совершенно другому человеку, проживающему в западной части города?

Лукас засмеялся, тихо и очень по-мужски. От этого звука по коже побежали приятные мурашки.

— Чистой воды конспирация, Эшли. Чтобы не выдавать осведомителя. У нас есть подставная личность, через которую мы общаемся с ним. Все сообщения и письма идут сначала по адресу, который ты нашла на конверте, а после адресат доставляет почту по истинному месту назначения.

— То есть, третье лицо, являющееся связующим звеном? — переспросила я, отстраняясь. В голове уже строилась вереница догадок, росла новая теория смерти Саммер, а Лукас видел в моих глазах то, что хотел видеть. Тепло и любовь.

Чмокнув меня в лоб, он пробормотал что-то нечленораздельное, но я расценила ответ, как положительный. И меня понесло дальше на волнах мыслей:

— Значит, бэлморту весточки от заказчиков доставляет некое лицо, являющееся посредником, но, в то же время, остающееся вне подозрений....

— Эшли....

— ...тот, кто может свободно общаться и с теми, и с другими, не вызывая сомнений. И ему совсем не обязательно самому ходить к ним, — я продолжала вдохновенно вещать, пока Лукас мягко увлекал меня к дивану, поддакивая только для моего удовлетворения, — они могут ходить к нему! Таким образом, посредником может быть продавец в магазине или аптекарь, или....

Лукас не позволил договорить — накрыл губы поцелуем, становящимся горячее и требовательнее с каждой секундой. И целовал до тех пор, пока я не перестала сопротивляться и не оставила попытки продолжить размышления вслух. Поддавшись слабости и его приятному напору, я замолкла и отдалась поцелую, хотя по инерции какое-то время продолжала размышлять. А что, если Саммер была.... Нет, не сейчас.

Когда мы сели ужинать, предварительно вместе накрыв на стол, Лукас разлил шампанское по бокалам и принялся за разделывание мяса.

— Нельзя было оставлять духовой шкаф на автоматическом режиме, — с ноткой разочарования в голосе, усмехнулся он, отрезая кусок, — но всегда хочется сделать, как

лучше....

Когда Лукас опустил в тарелку передо мной кусочек мяса, взгляд невольно упал на него, и к горлу подкатил кисло-сладкий ком. Меня вновь тошнило, а комната вновь неистово кружилась. Я даже успела заметить, что против часовой стрелки. Приложив ладонь ко рту, я громко сглотнула и так же громко втянула воздух ртом. Вкус гари застрял на корне языка, ее запах впитался в одежду и волосы, а черная корочка на обгорелом боку запеченной телячьей вырезки довершила картину. Тихо застонав, я отвернулась и припала щекой к спинке дивана. Вцепилась пальцами в подлокотник, судорожно хватая воздух ртом. Постепенно тошнота прошла, сердце стало биться спокойнее и размереннее, а Лукас застыл с ножом в руках. С озадаченным видом он медленно положил прибор на стол.

— Я все испортил, — вздохнув, произнес он, откинувшись на спинку дивана. Подложив руки под голову, он смотрел невидящим взглядом в потолок, а на губах играла печальная улыбка. — Наверно, я и плита никогда не найдем общий язык.

Мне стало стыдно и неловко, ведь, если быть честной, это я все испортила, а не Лукас. Шикнув мысленно на внутренний голос, призывающий срочно исправить положение, я смущенно зажмурилась. Глубоко вдохнула и повернулась к Лукасу. Придвинувшись, я приподнялась на колени и поцеловала его. Успел мелькнуть недоуменный взгляд Лукаса, а через мгновение его руки ласково скользили по моей спине, задевая пальцами вырез на платье, которое держалось на одном честном слове. Целуя настойчивее и глубже, я расстегнула пуговицу на его рубашке, затем вторую, третью.... Пусть ужин безнадежно испорчен — в чем постарались мы оба — вечер еще можно было спасти.

Я снова видела себя глазами Линетт. Во время нашей беседы я внезапно ощутила невыносимую горечь. Минула еще секунда, и лицо наставницы потускнело, а улыбка растаяла. Краски вокруг нас поблекли, стекли по бледным стенам. Линетт опустила взгляд, и я непроизвольно посмотрела ей через плечо. Там, позади, во мраке сооткался мужской силуэт, а еще через мгновение размытое лицо приобрело слабые очертания. Разрез глаз, нос, темные волосы, но не более.... Словно набросок простым карандашом. Опустив руки, мужчина смотрел в спину Линетт. В его виде ощущалась боль и раскаяние, но он не хотел раскрывать ей свои чувства. Мне казалось знакомым его лицо, как и тепло, навеянное образом, похожее на волнуемое море. Вибрирующая магия, заполнившая каждую частичку души, будто мы — одно целое. Я все так же не могла смотреть ему в глаза, будто он причинил страдания, а когда Линетт подняла голову — он сжал руки в кулаки. Волна холода, и мужчина резко развернулся, полы распахнутого пальто взмыли вверх. Я почувствовала порыв воздуха, с которым они опустились. Его магия еще трепетала на коже, а мужчины в комнате уже не было. Посмотрев на меня, Линетт вновь улыбнулась. Я помню этот момент, помню, как мы сидели, держась за руки, но силуэт в черном пальто не являлся моим воспоминанием.

— Ты уже знаешь, — как сквозь вату доносится ее голос. — Осталось вспомнить.

За словами Линетт по телу пронесся разряд пульсирующей энергии, а уши заложило от птичьих криков, обрушившихся немислимо тяжелой лавиной. Я не могла пробраться сквозь них, задыхалась от силы, и больше не хотелось бороться.... И внезапно все прекратилось — я открыла глаза и заморгала, пытаюсь понять, где нахожусь.

Не успела отдышаться и осознать, что очнулась ото сна, как зазвонил телефон Лукаса на прикроватной тумбе. На часах было только 6 утра. Лежа в теплых объятиях, на его груди, я запрокинула голову и посмотрела на него. Не открывая глаз, он потянулся за пищущим устройством. Поймав скользкий и увертливый предмет, поднес его к уху, громко вздыхая, не взглянув на дисплей. Пискнул сигнал соединения, и в динамике раздался голос Брейнта.

Вынырнув из-под руки Лукаса, обнимающей меня за плечи, я повернулась к нему спиной, свернувшись на краю кровати в состоянии полудремы. Я могла слышать каждое слово детектива, но вместо этого накрылась с головой одеялом. Осознавая, что через минуту придется покинуть теплую постельку, жадно хватала последние мгновения сна. Помня, сколько дел запланировано на день, едва проснувшись, не спешила их разгребать. Какое бы утро ни было, тяжело возвращаться в реальность. Тем более после такого насыщенного эмоциями и чужими чувствами сна. Интересно, кто был тот мужчина, и что он значил для Линетт?

Договорив, Лукас положил телефон на тумбу и повернулся ко мне. Скользя руками по простыни, обхватил за талию и притянул к себе. Ощущение тепла его тела усилило желание уснуть еще на несколько часов. Но Брейнт испортил мне утро. Зарывшись лицом в моих волосах, Лукас какое-то время горячо дышал, будто собирался с мыслями. Чмокнув в макушку, прижался щекой и тяжело выдохнул. В груди что-то оборвалось.

— Я должен ехать на работу.

— Ничего неожиданного, — улыбнувшись, констатировала я. — Я поняла, как только телефон зазвонил.

— Брейнт — фанат своего дела. Похоже, сегодня нам предстоит допрос свидетелей по делу об ограблении трех домов, — Лукас хмыкнул.

— Утюг, паяльная лампа? Какими методами пользуется твой старший товарищ?

Он тихо рассмеялся.

— Запугивание, и только. У Брейнта это выходит правдоподобно и внушительно. Мне порой самому становится не по себе. Не советую попадаться в комнату для допросов — тяжелое испытание для психики.

— Я, как бы, не собираюсь, — растерянно пробормотала я. — Но зарекаться не стану.

Развернув меня к себе лицом, Лукас приподнялся на локте и взглянул с нежностью в глаза. Ничего не сказав, он склонился и поцеловал меня.

— Пора.

Лукас довез меня до дома. Просунув голову в опущенное окно, я поцеловала его на прощание. Дождавшись, когда машина скроется за поворотом, направилась к калитке.

Дом оказался пуст. Мишель отправилась в свой магазин, а Моника уехала в агентство, только Персик встречал меня, повиливая хвостом. Он важно сидел в центре холла, распушив усы, а когда я вошла и закрыла за собой дверь, что-то тихо промурлыкал.

— Злишься, что я ночевала не дома? — усмехнувшись, спросила я. — Я все равно люблю тебя, как прежде.

Наклонившись, я взяла на руки кота. Возмущенно мурлыча, он не мог сопротивляться. Прижав к груди теплый пушистый комочек, который мгновенно заурчал, я скинула туфли и прошла в кухню. Подумав о том, что неплохо было бы выпить чашечку ароматного кофе, прошла мимо стола, и тут же включился электрочайник. Не спуская кота с рук, поднялась по лестнице в свою комнату, и только тогда посадила довольное животное на аккуратно застеленную постель. На покрывале, около подушек, угадывалось небольшая помятость — излюбленное место Персика для сна. Со дня, когда кот появился в нашем доме, он спал в моей постели, свернувшись в ногах или сбоку.

Сняв платье и бросив его на кровать, я прошла в темное пространство ванной комнаты. Шторы оказались опущены, и в помещении царил полумрак. Включив свет, я закрыла дверь, оставив кота одного в спальне. Напустив в ванну горячей воды, разделась и погрузилась в приятную ароматную пену. Шум воды, запах флуций, и мысли стали приходить в порядок. Забывались неприятные воспоминания о фотографиях, но появлялись новые идеи, касательно расследования. Дело принимало скверный оборот: четыре мертвых колдуна, убитых по одной схеме, и ни единой догадки, кто мог бы заказать их. И все, что связывало жертв — ячейки в Центральной Библиотеке. Записки с именами, рассованные по книгам, на данный момент составляли хаотичный порядок. Я не видела логики, не чувствовала четкой мысли, с которой убийца совершал преступления и оставлял их. Конечно, для него существовала определенная схема, но не для меня. Итак, сейчас у меня на руках три записки, но жертв четыре. Осталось попасть в дом Бишоу и обнаружить еще одну бумажку с именем. И меня бросало в дрожь от одной мысли — чье имя будет в ней значиться на этот раз?

Также необходимо проследить за Вивиан Моррис. Я пока не знала, как она связана с убитыми магами, но ее имя черным по белому написано на записке из книги. Не имел значения занимаемый Вивиан пост в «Системе», но слова Джоша я не оставила без внимания. Не стану показываться нимфе на глаза, без особого толку приставать с навоящими вопросами и совать нос в ее лавку. Но разнюхать, куда ходит и с кем встречается, просто обязана. Неплохо было бы взять на прогулку Джоша, но исключительно

по причине его осведомленности. Но нет уверенности в том, что он не замешан в убийствах. Мы вместе отбились от двух бэлмортов, но это не делало его помыслы чистыми. Как знать, что у него в голове? А вдруг он следил за мной? Как иначе объяснить его неожиданное и весьма удачное появление? Совпадение? Я давно не верила в совпадения. Может, он ввязался в драку, чтобы втереться в доверие?!

И, безусловно, следовало посетить Библиотеку — никаких сомнений нет в том, что неспроста записки помещали в казенные издания. Где-то на поверхности лежала подсказка, тайный смысл, который преследовал убийца, но я еще не могла разгадать его. Что значили эти имена? Какая ценность была у каждого из убитых? За что их убили, и как это связано с Системой? Ведь Саммер, как и Кеннет, Бишоу и Каледб являлись ее звеньями со слов Джоша. Возможно, убийца бросил вызов Системе в целом, Верховной Ведьме и ее могуществу. И смерти ее помощников — послания именно для нее? Мол, я разгадал твои секреты, вычислил пособников, а, значит, без особого труда выйду на тебя?!

Вода придавала сил и освежала голову. Покидая успевшую остыть ванну, я твердо решила посетить первое место преступления. Но, сперва, навестить Мишель и прокатиться по Старому Городу, куда меня занесло на днях, благодаря бэлмарту. Любопытно посмотреть, как выглядят улочки при свете дня. Вероятно, в темное время суток я не все рассмотрела, а, следовательно, не поняла. Что, если он не просто так загнал меня туда?

Приведя волосы в порядок, наложив скромный макияж, облачилась в простые синие джинсы. Сверху надела черный топ без рукавов, отделанный тонким кружевом, туфли на невысоком каблуке и черный короткий тренкот с поясом. Затянув волосы в тугой хвост на затылке, набила маленькую сумочку эликсирами, необходимость в которых могла возникнуть в самый неожиданный момент, погладила безмятежно дремлющего Персика по пушистой головке и покинула спальню. Сбежав по лестнице, остановилась около стола и подняла чашку с кофе. Он успел немного остыть — не люблю кипятки, он искажает вкус напитка, и лишь обжигает губы. Сделав небольшой глоток, я прикрыла глаза и запрокинула голову. Сладкое тепло с ароматом шоколада и нотками ванили растеклось где-то внутри, и жить стало немного приятнее. Насладившись полнотой вкуса и опустошив чашку, я поставила ее на стол, откуда она незамедлительно отправилась в посудомоечную машину. А я уже тем временем закрывала входную дверь.

Выехав из гаража, я пропустила патрульную машину, и покатила по дороге по направлению к магазину Мишель. С недавних пор вид полицейского авто невольно навел на мысли о Бене Шермане. Каждый раз, завидев сигнальную сирену, я испытывала легкую дрожь где-то в груди, и в лицо бросался жар. Возможно, он задел струны моей души своей холодностью и одновременно некой опекой, хотя и не испытывал никак чувств по отношению ко мне? А я по вине легкомысленности приняла его внимание за симпатию? Возможно. Но, как бы то ни было, от одной мысли о Бене по коже бежали мурашки, а с губ слетал прерывистый вздох. Я совершенно точно симпатизировала патрульному, но не рассчитывала на чувства с его стороны и развитие дальнейших отношений. Это было бы нечестно по отношению к Лукасу, хоть и мое сердце страстно желало бы этого. Отчасти. Ведь в глубине души меня настораживали некоторые мелочи, связанные с ним. Я надеялась, что они и беспочвенны и вполне объяснимы. В доме Кеннета от него шарахалась сама тьма.... Теперь неизвестно, что я видела на самом деле. Мне казалось, что я была осторожна, и темной магии не представилось случая коснуться меня, но ошибалась. Так как же тогда я могла утверждать, что Бен отпугивал тьму, если не знаю — видела это или нет? Она имеет

свойство играть с разумом, и попасться в галлюциногенную ловушку дело нехитрое. Вероятно, по неуклюжести, я в нее и угадила. Второе: Бен заметил капли крови на асфальте и догадался, кто их уронил. Не мудрено, ведь он осведомлен о моем пристрастии забираться в дома убитых магов! Но то, что он смотрел прямо в глаза... Показалось! Вот так просто! Я его оправдываю? Нет, несколько. Всего лишь не хочу думать о нем плохо.

За размышлениями я не заметила, как подъехала к магазину Мишель. Припарковав автомобиль, вышла на улицу и огляделась. Размеренность повседневной жизни: редкие прохожие, неспешное движение машин и по-осеннему теплый ветер, раскручивающий флюгеры на крышах домов и сувенирных лавок. Приятный денек, но вот только не покидало чувство, будто за мной кто-то наблюдал и следовал по пятам.

Открыв дверь магазина, я вошла и сразу заметила Мишель за прилавком. Она сосредоточенно вчитывалась в накладные, когда колокольчик обозначил мой приход звонким переливом. Сестра подняла голову и просияла.

— Доброе утро.

Я удивленно улыбнулась, подходя к стойке. Поставив сумочку, взгляделась в лицо Мишель.

— Чем вызвано твое радушие? Обычно я вижу угрюмую, усталую сестру, и успела позабыть прелесть твоей улыбки.

Она неопределенно закатила глаза, закусив губу.

— Сегодня хороший день.

— Кто бы спорил, — я усмехнулась. — Не иначе, как Том добился от тебя свидания?

Мишель хотела возмущенно нахмуриться, но радости сдержать не сумела. Ее вдохновляло новое чувство, и пока она не разочаровалась в малознакомом Томе, улыбка не будет сходить с губ.

— Я настолько предсказуема?

Наклонившись и сложив руки на стойке, я подалась вперед.

— Скорее, Том настойчив и обольстителен. Ты еще не разглядела его отрицательные качества, не почувствовала истинную сущность и не услышала подлинных мыслей. Парень превосходно владеет собой.

Мишель, смутившись, надула губы и опустила глаза, как бы вчитываясь в накладную. Я склонила голову, изучая ее лицо.

Глава 23 (продолжение)

— А ты не думала, что он может оказаться достойным человеком? — буркнула она, игнорируя мой испытующий взгляд. — Мне весело с ним и интересно.

— Не сомневаюсь, — вздохнула я. — Но как же Джош?

Задавая вопрос, я кривила душой, но не могла же признаться в том, что он не любит ее? Из женской солидарности мне положено быть на стороне сестры, так и есть. Ее счастье гораздо дороже привязанностей и беспочвенных подозрений, но я действительно уверена в Джоше. Он ни за что не обидел бы Мишель, и их разрыв так же будет деликатен, и не причинит ей боль. Но Тома я совершенно не знала. И, естественно, волновалась, как бы он не оказался очередным эгоистичным бабником с маниакальными наклонностями. Ну, с наклонностями я погорячилась, однако, чем черт не шутит?!

Не замечая моих мыслей, Мишель перебирала бумаги на столе, посасывая колпачок шариковой ручки.

— А что Джош? Он взрослый мальчик и все поймет, — она пожала плечами, не поднимая на меня глаз. — Наши отношения давно выдохлись, и мы вместе только по привычке. Конечно, первое время будет тяжело обходиться без его дурацких шуточек и нелепых отговорок, но я сильная. Я справлюсь.

Она казалась по-будничному спокойной, но я уловила печальный вздох, слетевший нечаянно с губ. Улыбнувшись, она мельком взглянула на меня и тут же вышла быстрым шагом из-за стойки, изображая бурную активность.

— Дурацких шуточек, — чуть слышно повторила я, провожая Мишель взглядом. — Он, как никто, оберегает тебя, Мишель. Поверь мне на слово.

— А теперь меня будет оберегать Том! — весело заявила она, поправляя статуэтки на полках, хотя в этом не было никакой нужды.

— Не слишком ли быстро ты определилась с выбором спутника жизни? У вас ведь было всего одно свидание. Или я ошибаюсь? Как можно быть уверенным в человеке, которого видишь третий раз в жизни?!

— А я еще не определилась, — огрызнулась Мишель и скользнула к другому стеллажу со шкатулками и сундучками, инкрустированными драгоценными камнями и перламутром. — Мы узнаём друг друга ближе, и пока мне все в нем нравится. А Джош... Он не собирался на мне жениться! — вдруг выдвинула сестра аргумент, и я мгновение стояла с раскрытым ртом.

— Можно подумать, Том тебе уже предложение сделал!

— Нет, — мягко ответила она, сдувая пыль с утонченной стильной безделушки из серебра, напоминающей обыкновенную пепельницу. — Но мне не понятно, почему ты настроена против Тома и с нездоровым рвением защищаешь Джоша?

— Я привыкла к нему, — тихо отозвалась я. — Он часть нашей семьи, Мишель, а так легко не расстаются с близкими. Ты бросилась в омут новых чувств, новых отношений, а мне еще привыкать к твоему новому ухажеру.

— Неужели он настолько тебе неприятен? Том — веселый и обаятельный мужчина. Он не может не нравиться!

— Я не говорила, что он мне не нравится. Просто я пока ему не доверяю.

— А я доверяю! — с вызовом сказала Мишель, захлопнув дверцу стеклянной витрины,

да так, что та задрожала.

— Дело твое, — сдалась я и выпрямилась. — Но пообещай мне не торопиться принимать серьезные решения, договорились?

— Я сама решу, торопиться мне или нет! Это моя жизнь, и я не так слаба, как кажется со стороны!

— Да что с тобой такое?

— Ничего! — выкрикнула она, быстро проходя мимо меня к следующей витрине, и без того начищенной до блеска. — Я всего лишь хочу быть счастливой! Неужели не заслужила?!

Мне совершенно не хотелось продолжать обсуждать ее отношения с Томом и Джошем, но поведение сестры казалось странным. Хотя, что может быть странного в том, что, влюбившись по уши, женщина не слушает советов подруг и близких людей? Вполне нормальное явление. И бесполезно лезть с уговорами, она их пропустит мимо ушей. Оставалось только ждать, когда сама обожжется и сделает верные выводы, как бы печально это не звучало.

— Хорошо, я не стану вмешиваться. Ты права, тебе решать, как и с кем проводить свою жизнь, Мишель, — примирительно сказала я, но сестра металась по залу, как ужаленная.

— Ты пудришь мозги Лукасу, а меня отчитываешь, как малолетнюю несмышленную дочь!

— Ну, это уже слишком, — вздохнула я.

— Джоша тебе жалко, а Лукаса нет?

— Я не жалела Джоша. Скорее, жалела себя, — усмехнулась я, наблюдая за разъяренной Мишель. Скрестив руки на груди, стояла около прилавка и следила за ней взглядом.

— Ты любила когда-нибудь, Эшли? Что ты знаешь о чувствах?

Улыбка сползла с моих губ, и в груди загло от злости и обиды. Я не ожидала от сестры такого удара и ни чем его не заслужила. Мы никогда не ссорились, тем более из-за мужчин, и теперь Том мне нравился еще меньше.

— Остановись и посмотри на меня, — бесцветным голосом попросила я, но Мишель проигнорировала. — Ты посмотришь мне в глаза или нет?!

— Нет. Твои мысли испортят мне настроение!

— Ну, что ж, — вздохнула я. — Не буду искушать тебя.

С этими словами я подошла к стойке, взяла сумочку и направилась к дверям. Если Мишель хочется истерить, то пусть развлекается без меня.

Сев в машину, я тяжело вздохнула, завела двигатель и спокойно тронулась с места.

Катаясь по городу, я пыталась отвлечься от ссоры с Мишель. Возможно, я нагнетала, и Том на самом деле так хорош, как говорила сестра... Внутренний голос напоминал о недавнем разговоре с Джошем, о сделанных из его поведения умозаклучениях, и мое упрямство становилось неуместным. Он, как и Том, обаятелен, самовлюблен, обладал чувством юмора, но если сравнивать с новоиспеченным ухажером, Джош выигрывал только в моих глазах. Во-первых, я давно его знала. Во-вторых, он вызывал доверие, несмотря на безразличие к Мишель. И что касается безразличия, оно относилось исключительно к романтическим чувствам. И, зная по себе, невозможно быть рядом с человеком, улыбаться ему, целовать и ложиться с ним в постель, не чувствуя ровным счетом ничего. Да черт бы с привычкой и доверием! Я видела его глаза, видела глаза Тома, а глаза, как принято считать, зеркало души. И я видела его душу, открытую и светлую. А во взгляде Тома ледяная стужа.

На сестру я не злилась. Ее поведение вызывало смешанные чувства, наталкивало на

подозрения, но я каждый раз отгоняла их прочь. Я знала Мишель почти всю свою жизнь, и абсолютно уверена в ней. И сколько помню себя, всегда была недовольна ее парнями. Человек то был или маг — не важно. Ей не везло в любви. Но в отличие от меня, Мишель испытывала сильное чувство, иногда не взаимно, но это не имело значения. Я, в отличие от нее, хотела испытывать, но не довелось. Ни одному представителю сильного пола не удалось разжечь в моем сердце огонь. Каждый раз, глядя на слезы сестры, оплакивающей очередной разрыв, я мысленно радовалась своему бесчувствию. Испытать боль безответной любви — не лучшая перспектива. Душа болела от ее терзаний, словно меня бросили вместе с ней. Каждая пролитая слезинка из-за недостойного мужчины придавала мне уверенности, а Мишель — опыта и недоступности. Она выросла, становилась тверже и избирательнее, требовательнее к мужчинам. Но как только шрам на сердце затягивался, а на пути появлялся обворожительный и внимательный ухажер, она забывала о недавней душевной трагедии. Бросалась в омут с головой с новой страстью, закрываясь от близких людей, твердящих из раза в раз одно и то же, не внимала разумным советам и наблюдениям. Пора бы привыкнуть к тому, как сестра отдается свежим отношением — неистово и без остатка. Но хотелось оградить ее от очередного разочарования. И случай с Томом ничем не отличался от предыдущих. Я всего лишь пыталась вразумить ее, напомнить, как тяжело было прежде, задолго до него с другими. Но провал сего порыва был предначертан заранее.

Возвращаясь к поведению Мишель, хочу отметить, что никогда не замечала за ней такой прыти. Спорить, упрекать в бессердечии по отношению к ней, и требования не вмешиваться в ее личную жизнь — тут все в порядке. Настораживало то, как она избегала прямых взоров и близких телесных контактов. Понятно, что ей не хотелось пропускать через себя мои мысли и негатив касательно «нового мужчины всей ее жизни», но не настолько же! Сперва Мишель улыбалась, увидев меня, а минутой спустя пряталась и сторонилась, словно скрывала что-то. Боялась выдать во взгляде, в голосе, на лице.... Пока никаких мыслей на этот счет у меня не было, кроме горького разочарования от утра, которое итак не слишком замечательно начиналось, поэтому можно отодвинуть размышления на задний план. Пока.

Стоило подумать, как внимание вмиг переключилось на убийства магов. Путанное, тяжелое расследование, которое давалось не без труда. И без единой толковой зацепки и, тем более, теории. Магов, служивших в некой Системе при Верховной Ведьме и являвшихся ее наиболее приближенными поданными, убивали одного за другим. Все, что мне известно — их связывала сама Система и страсть к библиотечным книгам. К слову, стоило поинтересоваться у Джоша, не посещает ли он читальный зал?! Хотя на него не похоже.

Обыскав три дома, я дала себе слово посетить самый первый — дом Майкла Бишоу. О его смерти я слышала лишь от Мишель, которая не пропускала ни одной статьи в местной газете. Узнав об убийстве владельца магической аптеки, она пребывала какое-то время в подвешенном состоянии. И все дело в ее восприимчивости, а так же в магазине — кроме Бишоу в Мортелле не было других поставщиков редких ингредиентов. Я же пропустила мимо ушей трагическое событие, потрясшее город, за что корила себя ежеминутно. Увлекаясь расследованием чужих загадочных смертей, нельзя халатно относиться к новостям такого рода! Какой из меня детектив, если первую жертву я напрочь выбросила из головы, проигнорировала и не занесла в список?! Скорее всего, подсланные убийцей бэлморты уже нашли в его доме то, что искали, и вероятность отыскать хоть что-то после них ничтожно мала. Но я должна попробовать. Просто обязана!

Исколесив полгорода, я, неожиданно приняв решение, развернулась между улочками и покатила к Центральному Проспекту. Расследование требовало наведаться в дом Майкла Бишоу, но до темноты забираться в мертвое жилище на глазах у соседей — не лучшая тактика ведения неофициального дела. Чтобы скоротать время до захода солнца, я спланировала поездку в старую часть Мортелля, когда как душа тянула к полицейскому участку, чтобы случайно повстречаться.... Нет, не с Лукасом. Решив, что одно другому не мешает, я решительно выехала на центральный проспект, и живот изнутри защекотали крыльями бабочки. Вот только прокачусь до старого города....

Аккуратные дома, безупречно чистые улицы, пестрящие рекламными плакатами, цветочными клумбами и разнообразием магазинов. Проезжая по широкому шоссе, разделяющему проспект на две части и имеющему протяженность почти два километра, можно разглядеть большую часть достопримечательностей города. Движение радовало размеренностью, и сам Мортелль приятен неспешностью и плавным течением жизни. Здесь никто никогда не торопился, прохожие неторопливо прогуливались, улыбались, и все вокруг сияло радушием. Солнце сверкало в окнах и витринах, которых тут было бесконечное множество, будто бы все здания из стекла и пластика. Дышалось легко, как в курортном городке. Повсюду зелень, художественно подстриженные деревья. Фасады домов украшены гирляндами и цветочными композициями, каждое захудалое здание привлекало внимание оформлением. Не город, а медовый пряник.

В центре Мортелля высились бетонные башни, сверкающие стеклом и неонами, окруженные искусственно-посаженными деревьями, фонтанами и парковыми зонами. Среди однообразных серых стен мелькали магазинчики и кафе, чередовались с казенными учреждениями — в общем, все, как положено. Здесь всегда шумно и многолюдно, но стоило свернуть с центральной дороги, как машина покатила по узким улочкам, по дороге, петляющей между дворами, в совершенно другой мир. Атмосфера старого города поражала. Тут будто застыла жизнь.

Привычный серый пейзаж раскрасила яркими красками осень. Улочки центра города походили на картину, где бледные бетонные оттенки контрастировали с оранжево-желто-зелеными шапками деревьев, в насыщенно-красное и нежно-малиновое нарядились фасады домов, обвитые декоративным плющом. Куда не глянь — картинка с открытки. Но с наступлением ночи город снова утратит осенний шарм и поблекнет, хоть и ненадолго. На

смену природным краскам зажгутся и засияют неоновые огни.

Мортелль не сильно отличался от заурядного крупного города с развитой инфраструктурой. Высотки, бутики, музеи и театры, гипермаркеты с огромными автостоянками и рестораны — все на высшем уровне и так же однообразно. Но была изюминка в этом прекрасном городе: волшебство магов и колдунов. Благодаря магии, Мортелль замерцал таинственными огнями, приобрел необъяснимую прелесть, которую сложно объяснить словами. Что-то такое витало в воздухе, ощущалось в дыхании ветра и запахах, не свойственных мегаполису. Ароматы цветов или зелья — что бы это ни было, хотелось дышать полной грудью, наслаждаться дыханием. Но чтобы увидеть, почувствовать и насладиться шармом Мортелля, необходимо открыть для него душу. Тот, кто не способен услышать магию, увидит в нем обычный город с кучей дорогостоящих заведений и крохотными улочками, похожими друг на друга, как две капли воды.

Театр, концертный зал, гостиница «Веста», ресторан — что ни здание, то шедевр архитектуры. И однообразные высотные дома незаметно сливались со всей этой красотой, разбавляя шик и пестроту главной улицы города. А ведь еще двести лет назад ничего этого не было — степи, среди которых раскинулись небольшие деревушки. Маги жили скромно, стараясь не выделяться, вели хозяйство, но пришли люди и потеснили некогда величественную расу. Несмотря на неприметность существования, волшебники обладали силой и властью. Верховная Ведьма оберегала свой народ от набегов всевозможной нежити, отваживала разбойников, но смертным не смогла противостоять. Заявившись на наши земли, они разбили город, построили жилища и изгнали магов. Поселения оказались разорены, хозяйство разгромлено, и могучая раса магических существ была вынуждена бежать и искать пристанища в других странах и городах. Пока не пришло время вампиров. Именно «благодаря» им, мы вернулись в родные края, но лишь после дозволения людей, превративших их в бетонные джунгли.

Шумный мегаполис остался позади, где-то за несколькими кварталами, крутыми и тесными поворотами и узенькими проулками. Я попала в другой мир, где суете и автомобильным пробкам нет места. Редкие машины проезжали осторожно, чтобы не повредить подвеску на разбитой дороге. Асфальт испещряли трещины и ямы, повсюду покосившиеся или как минимум выцветшие дома со свисающими со стен хлопьями краски. Но встречались и ухоженные жилища. Выехав на перекресток из низкой арки, соединяющей два панельных трехэтажных дома, я притормозила, решая, куда податься дальше. Если не изменяет память, слева от меня, нужно проехать несколько домов, и будет стоять заброшенный роддом. Именно туда меня занесло во время «прогулки» с бэлмортом. Что ж, проверим.

Свернув, я неспешно покатила по корявой дороге, чертыхаясь на каждой колдобине, в которую попадало колесо моего беденького авто. Объезжая по возможности самые крупные ямы и лужи, не высыхающие даже в знойный день, я глазела по сторонам на обветшалые строения. Ряды домов, с виду ничем не приметных, с фруктовыми садами и клумбами, шпакетником, а кое-где и кованым железным забором. Старинные постройки с колоннами и балконами во весь этаж, многолетние деревья, устало клонящиеся ветвями к земле. Самым впечатляющим зданием на улице являлся посеревший от времени, когда-то белоснежный дом, похожий на дворец. Три высоких колонны держали козырек, под которым раскинулась уютная веранда. Металлические перила, выкрашенные в белый цвет, с завитками и листовным узором, обвили растения с мелкими лиловыми цветочками.

Плетеные кресла, небольшой круглый столик, покрытый пестрой скатертью, за которым виднелась массивная деревянная дверь. На веранде поместились небольшие качели, на которых сидела маленькая старушка в соломенной шляпе и очках. На ней было легкое ситцевое платье, нежно-голубое в белый цветочек, а на плечи наброшена белоснежная шаль. Сдвинув очки на переносицу, она проводила меня взглядом, но быстро утратив интерес, отвлеклась на газету, что лежала в развернутом виде на столе.

На коротко стриженном газоне следующего дома по улице резвились двое детей, мальчик и девочка лет восьми — десяти. Они бегали вокруг распылителя, перебрасывая друг другу на ходу резиновый розовый мячик. Рядом, высунув язык, прыгала за каплями воды крупная собака неизвестной породы с висячими ушами и озорным пушистым хвостиком. Мое появление осталось для них незамеченным.

Следующий дом из темного камня с коричневой черепичной крышей и прижимающимся к южной стене небольшим гаражом, выглядел современнее всех остальных строений. Белый палисад обвивал буйнорастущий плющ, тянулся к гаражу и бежал по крыше к водосточной трубе. Поздней осенью он будет радовать глаз насыщенным красным цветом листвы, а пока солнце еще пригревало, растение не спешило менять зеленый летний окрас на праздничный осенний. На территории дома царил тишина, будто он пустовал. Скорее всего, хозяева на работе, ведь день только клонился к обеду.

Слева стояли многоквартирные здания с крохотными балкончиками и коваными козырьками над подъездными дверями. Около каждого подъезда — бетонные клумбы, своей формой напоминающие рюмку — глубокая чаша с цветами на тонкой высокой ножке. Синие, красные, желтые — аромат фиалок разносился по всей округе. И если бы не непривычная тишина, без трелей птиц и шороха листвы, я бы сказала, что он навевал летнее настроение. Действительно странно.... Повсюду деревья и кустарники, но ни одной птицы, даже захудалой вороны!

За углом третьего дома слева показалось невзрачное серое строение. Многослойная разноцветная краска кожей свисала со стен, а окна были заколочены досками. Ступеньки местами провалились, а перила накренились, угрожая рухнуть от ветра на землю. Две колонны держали массивный козырек, но конструкция выглядела надежно, в отличие от всего остального. Припарковав машину на обочине около многоквартирного дома, я вышла на улицу. Воздух пах пылью и цветами, улавливался тонкий аромат затхлости и сырости. От здания веяло холодом, но не чувствовалось темной магии, как и следа смерти. Просто неуютное ощущение от давно опустевшего строения. Вряд ли оно когда-нибудь служило жилым домом — скорее напоминало старое здание почты или больницы. Оглянувшись на тихую улочку убедиться в том, что за мной никто не идет и не наблюдает из-за дерева или угла дома, я заметила движение за стеной дома. Шагнув назад, вытянула шею, заглядывая в проулок, и удивленно нахмурилась. Миссис Кросс, женщина с конструкцией на голове вместо шляпки капалась в сумочке, больше напоминающей хозяйственную авоську. Решив, что мешаю, я направилась на экскурсию по улице, но не успела свернуть за угол, как за спиной вновь почудилось движение. Обернувшись, я увидела миссис Кросс, но она мгновенно шагнула обратно и скрылась из виду. Странная старушка....

Обогнув дом, около которого припарковала автомобиль, я вышла к зданию детского дома. Осторожно переступая дыры в ступенях, поднялась на небольшую террасу и ухватилась за колонну, чтобы ненароком не провалиться ногами в просевший пол. Ступая мягко и медленно, убедилась в том, что он лишь с виду кажется хлипким. Бетонная

поверхность простоит еще несколько веков, когда как крыша провиснет и обвалится, лестница осыплется, исчезнув навсегда. Отпустив колонну, я прошла увереннее к двери и предусмотрительно провела рукой над замком и круглой, деревянной резной ручкой. И здесь магия не ощущалась. Тогда я взялась за нее и провернула, но дверь не поддавалась. Вспомнив о чудодейственном эликсире в сумочке, я полезла за ним. Откупорив, залила в замок, а минуту спустя стояла в холле поросшего паутиной здания.

Деревянные полы белели от толстого слоя пыли. Сквозь щели между досок, которыми были заколочены окна, на пол лился свет с улицы. Деревья, окружающие здание, качали ветвями, отбрасывая причудливые тени, а листва окрашивала солнечные лучи в загадочный изумрудный цвет. Помещение не казалось пугающим или мрачным. Скорее печальным и трогательным: мебель стояла нетронутой, на столе перед входом, служившем, по всей видимости, конторкой, лежала стопа бумаг и желтых картонных папок, покрытых ровным слоем пыли. У стены располагалась картотека с алфавитным указателем и стремянкой.

Также на первом этаже стояло несколько кресел, журнальный столик и кадка с землей. Когда-то в ней зеленела комнатная пальма, а теперь, спустя годы, из сухой почвы торчали скрюченные ссохшиеся корни. На выцветших, некогда голубых стенах доживали свой век картины неизвестных художников. В основном украшали холл пейзажи здешних мест.

Обойдя конторку, я прошла до окна и обнаружила за картотекой дверь в кабинет. Табличка знатно запылилась, и пришлось провести ладонью, чтобы прочесть. Желтыми, под золото, буквами, на ней было выбито: «директор Шеннон Росси». Имя ни о чем мне не говорило, поэтому, поморщившись от пыли, медленно парящей в воздухе, я дернула за дверную ручку. Похоже, удача сегодня сопутствовала мне — дверь оказалась не заперта. Открыв ее, я осторожно заглянула вовнутрь. Небольшая комнатка с окном, так же заколоченным, стоящим около него письменным столом и креслом, стеллаж с пустыми полками и пара небрежно брошенных книг. С недавних пор я опасалась прикасаться к печатным изданиям — а вдруг обнаружу очередную записку с именем? Но самый большой мой страх обнаружить в ней собственные инициалы. Оглядев беглым взглядом полки, я приблизилась к столу и обошла его. Кресло не внушало доверия: колесико осталось лишь на одной ножке, из-за чего оно заметно накренилось и угрожало завалиться при малейшем взаимодействии, с чем или кем-либо. Ко всему прочему, оказалось обильно покрыто пылью и осыпавшейся с потолка побелкой. Хлопья краски на столе и подоконнике, а из щелей между досок торчали ветви деревьев. В здании не осталось ни одного целого стекла.

Не решаясь присесть в кресло, я достала из сумочки бумажный платок и им отодвинула верхний ящик письменного стола, но кроме грязи и успевшей надоесть пыли ничего не обнаружила. Проделав то же самое с последующими тремя ящиками, двигаясь сверху вниз, я была готова прекратить обыск, но в последнем наткнулась на старую детскую игрушку. Деревянная шкатулка, изготовленная крохотными, но умелыми детскими ручками, резная и покрытая лаком. Приоткрыв крышку, я едва не подпрыгнула — из шкатулки выпрыгнул гномик в красном колпачке, розовощекий с седой бородкой. Он был одет в вязаный свитер бледно-желтого цвета, а ниже пояса укутан в синюю ткань, прикрывающую пружину. В руках гномик держал горшочек с золотом — вырезанные из дерева и покрытые краской монеты. Игрушка улыбалась, глядя бездушными глазами на меня, и чем дольше я всматривалась в его улыбку, тем менее приятной она казалась. Я не сразу ощутила магию. Сперва мне было просто холодно, а потом перехватило дыхание. Покрутив еще раз безделушку в руках, я убедилась в том, что она когда-то была наделена магией. Странное

ощущение дежавю пронзило коротким электрическим разрядом. Я определенно где-то ощущала что-то похожее, более того, держала в руках. Вспомнилось увлечение Майло — «лечить» игрушки и вдыхать в них магию, как и в различные безделушки и обереги. Похоже, мне попала одна из его работ. Спрятав неприятную вещицу обратно в ящик, я собиралась закрыть его, держась за ручку бумажным платком, но в слое пыли показался уголок фото. Аккуратно потянув за него, я извлекла снимок, на котором были изображены все воспитанники детского дома. Протерев фото рукавом плаща, я стала вглядываться в детские лица. Восемь мальчиков и всего три девочки. Самый маленький, лет пяти, карапуз с ямочками на щечках улыбался в объектив, остальные ребята были постарше — от восьми до двенадцати лет — не казались печальными, но и улыбались не так радостно. Общее фото на фоне детского дома, еще ухоженного и красивого — шестеро мальчиков стояли на нижней ступеньке, а остальные дети на верхней, чтобы казаться выше. Я смотрела на их лица и никого не узнавала, за исключением двоих. Майло стоял в верхнем ряду и сдержанно улыбался. Проведя пальцем по его лицу на фото, я невольно тоже улыбнулась, но внимание привлекло другое лицо. Девочка с длинными рыжими волосами ниже пояса в зеленом бархатном платье — за годы Вивиан не изменила своим предпочтениям в одежде. Я не знала, что она выросла в детском доме.... На самом деле, я вообще мало, что о ней знала.

Глава 24 (продолжение)

Взглядом, пробегая по лицам, я цеплялась за каждое, но не узнавала. В глаза бросился симпатичный мальчик со светлыми волосами — я смотрела на него, но не могла понять, почему. Он никого не напоминал, но и не давал отвести взгляд. Нет, не могу вспомнить — я убрала фото обратно в ящик и задвинула его.

Еще раз, оглядев кабинет, я вышла в холл. Двигаясь вдоль стены, вскоре обнаружила стеклянные двери и только подумала, чтобы могло за ними быть, как послышался шорох. Застыв на месте, я резко обернулась на звук. Сердце уже отбивало бешеный ритм, а глаза метались по помещению. Где-то совсем близко что-то заскребло по полу, и я забыла, как дышать. Пятясь к стене, выставила вперед ладони, готовясь в случае опасности прибегнуть к магии. Импульс пробудившейся силы приятно согрел изнутри. Я отчетливо ощущала движение в районе конторки, которого еще минуту назад не было. Неужели кто-то следил за мной и пробрался в дом, пока я обследовала ящики стола в кабинете? Миссис Кросс?!

Шагнув вперед, я не ощутила пола под ногами. Будто плыла, а не шла, от невероятно-приятного ощущения мощи, наполняющей тело. Внезапно стол дрогнул и сдвинулся с места, но лишь немного. Адреналин подскочил до предела, и я не смогла пошевелиться из-за сильного напряжения. Так и повисла в воздухе между дверьми и столом. Вспомнив, что задержала дыхание, я глубоко вдохнула, и по руке полилась магия, согревающим покалыванием под кожей. Пребывала в полной готовности отшвырнуть стол, когда из-под него раздалось жалобное поскуливание, а еще миг спустя, выполз черный пес. Улегшись передо мной, он испуганно уткнулся мордой в сложенные на полу лапы. Дружелюбно виляя хвостом, косматое существо черного палевого окраса с лохматыми ушами и черным мокрым носом уставилось на меня совершенно несчастными глазами. Сила дрогнула во мне, и я снова почувствовала собственные ноги. От эйфории, охватившей на мгновение, не осталось и следа.

Появление собаки настораживало, лишь потому, что оно оказалось неожиданным, но я быстро сдалась и опустила руки. Какой-то частичкой себя я чувствовала — она не представляет опасности, хотя и доверия особо не внушает. Устало вздохнув, я наклонилась к животному:

— Откуда ты взялся?

Лохматое чудо подняло голову и любопытно склонило ее набок. Озорной хвост кольцом энергично вертелся, а из пасти высунулся влажный розовый язык. Издав гортанный лающий звук, псина поднялась с пола, намереваясь лизнуть меня, но я вовремя выпрямилась.

— Прости, я не любитель телячьих нежностей и слюнявых языков.

Но мои слова остались без внимания. Нетерпеливо ерзая задом по дощатому полу, собака порывалась прыгнуть и наградить меня за доброту. Посчитав себя не достойной такой почести, я попятилась к дверям. Упершись в них спиной, нащупала рукой дверную ручку и повернула. Чудом, не вывалившись из холла, но сумев все-таки устоять на ногах, повернулась и увидела темный и непроглядный, пыльный коридор. Позволив глазам привыкнуть к полумраку, стояла и прислушивалась к тишине, прощупывала пространство, и каждая песчинка моей сущности, каждая клеточка тела участвовала в необъяснимом осязательном процессе. Где-то в груди разливалась пустота, и становилось легко и спокойно. Темная магия не проникала в здание, и никого, кроме меня и пса здесь сейчас не было.

Не успела я свободно вдохнуть затхлый грязный воздух, как пес пронесся во мрак коридора, едва не сбив меня с ног.

— Эй, полегче, — шепотом произнесла я ему в след, но напрасно. Виляя хвостом так, что зад раскачивался вместе с ним из стороны в сторону, пес реактивно промелькнул справа, исчез в темноте, а мгновение спустя выбежал слева и сел передо мной. Заглядывая в глаза, он нетерпеливо переминался с лапы на лапу. Вздернув удивленно бровь, я переступила порог и осторожно направилась вперед по коридору. Из открытых дверей лился слабый свет, и с каждым моим шагом он выхватывал прожектором бледные пятна на стенах — запыленные двери в многочисленные комнаты. Рваный линолеум путался под ногами, приходилось поднимать их выше или вовсе обходить участки с наиболее выпирающими клоками. Пес, громко пыхтя, пронесся вперед и растворился в непроглядной тьме. Его хвост без конца качался, будто псу посчастливилось попасть на самую захватывающую прогулку в его жизни. Я втянула животное в увлекательное приключение, и теперь пока он не сунет нос в каждую дверную скважину, не покинет это странное место.

Тихо твякнув где-то впереди, лохматый провожатый побежал дальше — я слышала его пыхтение. Да, это был определенно пес, и я не стану объяснить, каким образом это выяснила. Все очевидно и не вооруженным взглядом заметно. Озираясь по сторонам, я с каждой новой дверью впадала в уныние. Столько комнат мне не обойти до захода солнца... Безликие, похожие одна на другую, как братья-близнецы, они все тянулись и тянулись, пока впереди не замаячил свет. Сквозь доски, которыми было заколочено окно, по полу скользил скупой луч солнца. Мой новый друг сидел рядом с полоской света на полу и смотрел на меня внимательными каре-зелеными глазами. Тяжело вздохнув, я остановилась и обернулась, чтобы оценить масштаб предстоящей исследовательской деятельности. Двенадцать комнат. Да мне до утра не справиться...

Твякнув, пес заерзал на месте. Я опустила на него хмурый взгляд.

— Раз уж ты здесь, жизнерадостное создание, то не хочешь ли принять участие в поисках? — запнувшись, я тихо рассмеялась, не отводя взгляда от собаки. Пес внимательно слушал, склонив набок голову, но особого интеллекта в его глазах я не наблюдала. Только сейчас разглядела увязавшуюся за мной живность: неряшливый вид, клоки шерсти сваялись и торчали в стороны, колючки на лапах, будто пес пробивал себе путь сквозь густые непроходимые заросли, где еще не ступала нога ни одного живого существа. Но, блеск в глазах, и неизменная жизнерадостность умиляли и подкупали. Добрый пес, но потасканный.

Пока я размышляла, он послушно сидел и смотрел на меня хмурым взглядом. Да! Я абсолютно уверена, что он хмурился. Глаза посуровели и потемнели, будто он читал мои мысли. Извинившись про себя перед оскорбленным псом, я наклонилась и потрепала его по голове. Фыркнув, он потряс ушами и отошел от меня с недовольным видом. Выпрямившись, я задумчиво хмыкнула. А пес ли это вообще?

Сев у дверей, собака притихла. Пожав плечами, я направилась к первой двери справа, на которой висел указатель. Если ему верить, за дверью когда-то располагалась столовая. Открыв ее и убедившись, что так оно и есть, я окинула вместительное помещение быстрым взглядом. Ряды прямоугольных столов, металлические скамьи, кухня и тут же раздаточный пункт. Подивившись скудному убранству и разрухе, я закрыла дверь и пошла дальше. Вряд ли здесь могло найтись что-то любопытное.

Следующая дверь вела к черному ходу с заколоченной дверью, еще одна — в комнату для хозяйственного инвентаря, растащенного бдительными соседями, общий душ и санузел.

Две комнаты были предназначены для обслуживающего персонала, за дверями, тянущимся вдоль противоположной стены оказались комнаты с детскими кроватями и тумбами для личных вещей.

Войдя в первую попавшуюся, я быстро обошла помещение размером с мою ванную комнату, осмотрелась и пришла к неутешительному выводу: мне не под силу сунуть нос во все ящики, заглянуть под каждый матрас. Приунув, я поплелась к тумбе, стоящей у окна и выдвинула нехотя верхний ящик. Ничего. Задвинув, взялась за ручку следующего.... На пятой тумбе пришло в голову прощупать помещение на наличие вещей, наделенных или наделяемых когда-то магией. Еще несколько минут потратила, расхаживая по комнатам с вытянутой рукой, исследуя их на чары — повсюду спокойствие и безжизненная тишина.

Если в первую спальню я вошла с маломальским энтузиазмом, то в последнюю плелась, вяло передвигая ногами. Мои муки пес наблюдал с жалостью в глазах и скучающим выражением на мохнатой морде. Когда я вошла в последнюю комнатку, он лениво поднялся с места и подошел ко мне и, вцепившись зубами в штанину, заскулил и принялся оттащить от дверей. Ухватившись за косяк, я попыталась высвободиться, но с опаской заработать укус. Еще не хватало подцепить бешенство или еще какую-нибудь малоприятную заразу!

Пес упирался лапами в пол и тащил меня, упрямо, но осторожно. Держа зубами только ткань джинсов, чтобы не навредить. Спасибо и на этом!

— Что тебе надо?

Я устала сопротивляться и топнула ногой, но собаку не проняло. Тогда пришлось поддаться. Отпустив дверной косяк, мелкими шагами последовала за животным. Скуля что-то под нос, похожее на ругательства, он дотащил меня до третьей комнаты от окна, а после завел в нее. Наконец, отпустив джинсы, которые оказались мокрые и липкие от слюней, пес, весело виляя хвостом, подбежал к кровати, стоящей за дверью. Я на нее не обратила бы никакого внимания, и не заглянула бы за открытую вовнутрь дверь. А зря. На спинке кровати острым предметом были нацарапаны инициалы: «М.М.».

Абсолютно счастливый зверь подпрыгивал и кружился на месте, будто выполнил особо сложный трюк. И я чувствовала, что должна раскошелиться на сахарную косточку в знак благодарности и похвалы. Я и рада бы, да только понятия не имею, кому эти инициалы могли принадлежать.

Обойдя кровать, я заглянула под ссохшийся пыльный матрас — пусто. Обошла комнату вдоль и поперек. Опять ничего.

— Хорошая собачка, — протянула я, и псина твякнула в знак согласия. Какой же он все-таки самонадеянный и наглый!

Выходя из комнаты, я обернулась — вдруг забыла что-то существенное, но нет. Слишком скромная обстановка не оставляла места для фантазии и поисков. И направилась к выходу, больше ни разу не остановившись. Оказавшись на улице, я вдохнула свежего воздуха, казавшегося бесконечно прекрасным после затхлости и пылици, и спустилась по ступеням. Отряхнувшись, направилась к машине. Собака, сидящая у дверей здания, не двинулась с места.

— Спасибо за компанию и, — я улынулась, — за помощь.

Пес неподвижным взглядом следил за мной. За тем, как уходила и как садилась в авто. В груди защемило — жалко оставлять его одного. Он казался милым.

Заведя двигатель, я отъехала от здания и еще какое-то время смотрела в зеркало заднего

вида на несчастного бездомного пса. А когда смирилась, увеличила скорость движения.

Не имея лучшей идеи, я решила навеститься на работу к Монике и опросить ее сослуживцев о Кеннете. Сестра не дала мне исчерпывающей информации о нем. Пока я рылась в записной книжке телефона, мимо прошла Мишель.

— Не знаешь служебный номер Моники? — бесцветно спросила я — мы еще не помирились.

Мишель открыла холодильник и, не глядя на меня, лаконично ответила:

— Нет.

Закатив раздраженно глаза, я поставила телефонную трубку на базу.

— Поищи в справочнике, — посоветовала сестра, закрывая холодильник с пакетом молока в руках.

Чтобы найти справочник, пришлось перерыть весь дом вверх дном. Книжки, журналы — все перевернула, просмотрела ящики во всех комодах и тумбах, заглянула под диваны и даже в шкафчики со снадобьями, но искомого не обнаружила. Взмыленная и сама не своя от досады, я поплелась в кухню, где еще сутилась Мишель, собираясь на работу. Кофейник проливал горячий кофе в чашку на столе, пока она вдохновенно стругала бутерброды, а они сами собой укладывались в пластиковый контейнер. Ну, не сами собой, конечно, а при помощи магии.

Когда я проходила мимо, надув губы, Мишель покосилась на меня. Остановившись перед окном, я скрестила руки на груди.

— Не знаешь, случайно, где справочник?

— Понятия не имею, — протянула она. — Попробуй позвонить Монике на мобильный.

— А где располагается их офис тоже не в курсе? — говоря, я вглядывалась в утренний пейзаж, чтобы не сорваться на крик — Мишель определенно издевалась надо мной. Пасмурное серое небо, слишком низкое, словно вот-вот накроет город пуховой пеленой, слабый ветер и запах приближающегося дождя. Цветы закрылись и пригнулись, как будто до смерти перепуганы. И только стая воронов — крупных, иссиня-черных птиц с потрясающе умными глазами — облепившая дерево напротив моего дома, вела себя естественно. Они тихо переговаривались, возмущенно взмахивая крыльями, и от шелеста перьев мурашки бежали по коже. Я стояла и смотрела на них, а они смотрели на меня, будто чего-то ждали....

Внезапный порыв ледяного ветра откинул шторы и мои волосы назад. Перехватило дыхание, а холод заставил вздрогнуть и шагнуть назад. По инерции, как от потенциальной опасности. Я хотела подойти к окну и закрыть створку, но из-за угла дома вышел Джош. Застыв в немом бездействии, я уставилась на него. В черной ветровке с воротником-стойкой, футболке цвета весенней листвы, темно-серых, почти черных джинсах и кедах в тон. Он шел, подозрительно озираясь. Задумчиво прищурившись, Джош проводил взглядом дерево, усеянное воронами. Ветер трепал полы куртки, перебирал его темные волосы, но он не обращал внимания. Слишком увлекся птицами, которые, в свою очередь, замолкли и уставились янтарными глазами на него. Мгновение затянулось, загустело время, как вдруг вороны с пронзительными криками сорвались с ветвей. Испуганно кружа и разлетаясь, они порхали крыльями, задевая друг друга. Я и Джош одновременно вздрогнули. Отпрянув от окна, я глубоко вдохнула.

Громко чертыхаясь, Джош высказался в след уносящейся ввысь стаяе. И продолжил движение, оправляя на ходу куртку, нервно и резко.... Как вдруг налетел на Майло.

Столкнувшись с моим соседом, Джош поджал губы. Майло потупил взгляд, и обошел его быстрым шагом. Вороны, галдя, закружили над деревом, над столкнувшимися около него мужчинами. Джош обернулся в след Майло, тот opravил ворот толстовки, не глядя на него. И внезапно зазвенело в голове. Я зажмурилась, закрыв уши ладонями. Сотни глухих голосов гулким эхом заполнила меня, заглушила мысли. На миг я растворилась в них, потеряла себя.

Справившись с первым наплывом звуков, разрывающих изнутри, я посмотрела на Джоша, приближающегося к дому. Не переставая слышать перешептывания и не разбирая ни слова. Это было похоже на радиопомехи, сбитую волну, пересекающуюся с чужой частотой. Шорохи, голоса, и гул в ушах. И в какое-то мгновение я решила, что не хочу больше их слышать, еще немного, и сойду с ума, как вдруг они прекратились. Раз — и все. Будто по щелчку пальцев или от одной моей мысли. Моргнув, я опустила руки — вороны рассаживались по ветвям, и меня наполнило чувство невероятного умиротворения.

Я обернулась, когда Джош переступил порог дома. Скрестив руки на груди, смерила его придиричивым взглядом. Его брови изумленно взлетели на лоб, а на губах застыла надменная ухмылка.

— Все вопросы к Монике, а я убегаю, — донесся запоздалый ответ Мишель. На самом деле минуло не больше мгновения, но для меня пронеслась целая вечность за несколько секунд. Прихватив контейнер с бутербродами, сестра отвернулась от стола и замерла, увидев Джоша. Переведя на нее взор, неожиданно печальный, он, глубоко вздохнув, опустил плечи. На месте Мишель я бы растаяла — настолько трогательно он выглядел.

— Не сейчас, Джош, — тихо произнесла Мишель и быстро проследовала к выходу, цокая каблуками черных замшевых туфель. Они идеально сочетались с алым вельветовым платьем, спадающим волнами до колен и обтягивающим тонкую талию. Ассиметричный вырез украсила черная брошь в виде розы, усеянной мерцающими камнями. Между Мишель и Джошем промелькнуло странное чувство, точно искра, отразившаяся у обоих в глазах. Мне показалось, что это сожаление, но слишком уж горьким послевкусием оно повисло в воздухе. Похоже, сладкая парочка решила расстаться....

Мишель резко перевела взгляд на меня, под весом которого возникло желание сжаться. Но я взяла себя в руки и ответила лишенным эмоций выражением лица.

— Даже не думай, — произнесла строго сестра, вылетая из дверей. Она не хотела моего сострадания. Не хотела ощущать мою грусть по поводу их разлуки. Но меня интересовало уже совсем иное.

Я и Джош смотрели друг на друга и одновременно моргнули, словно испытав облегчение, когда за поворотом затих рев мотора авто Мишель. Размяв устало шею, он подошел к столу, снимая куртку. Я наблюдала за каждым его движением, изучала язык тела и прислушивалась к своему чутью. Ничего, кроме теплой магии, мерцающей, словно снег в свете восходящего солнца. От него всегда веяло чем-то свежим и приятным для души. Джош — обладатель потрясающей энергетики. Повесив куртку аккуратно за плечики на спинку стула, он опустился на него и по-свойски сложил локти на столе. Побарабанив пальцами, покосился на меня.

— Долго так стоять будешь?

— Как — так? — опешила я.

Джош усмехнулся, и, вновь, то был светлый и добрый жест, хоть и по-мужски

надменный.

— Будто впервые видишь меня.

— Таким впервые, — честно ответила я, вскинув бровь. Во мне поднимался холод, вихрем несся верх, заряжая тело потрясающим ощущением легкости и мощи. Импульсы силы, словно жилки, бьющиеся в такт сердцебиению, пробуждались в каждой клеточке тела. Меня заполняла магия.

— Бесцеремонным? — усмехнулся Джош еще веселее и почесал указательным пальцем небритый подбородок.

— Пожалуй, более подходящего слова я не подберу сию минуту, — согласилась я и неспешно прошла вдоль стола у него за спиной. Он следил за мной таким взглядом, будто чего-то ждал. И к чему кривить душой — меня это и нервировало, и настораживало одновременно. Остановившись слева от него, я замерла. Ощувив поток энергии, исходящий от парня, не похожий на тот, что чувствовала прежде, задрожала изнутри. Джош открыл свою истинную сущность, и сейчас я видела в его глазах невообразимо родное тепло — кошачьи вытянутые зрачки глаз привели в негодование.

— Мяу, — протянул Джош и хрипло рассмеялся. — Имею полное право — живу здесь уже шесть лет. Только подумай, сколько мне довелось вытерпеть. — он принялся загибать пальцы:— Меня вычесывали, мыли, чесали за ухом, кормили из миски на полу.... Продолжать?

— Зачем....- с придыханием произнесла я, и Джош принял серьезный вид. Почти: в глазах еще искрился смех. — Ты — Персик? Мой любимый котик Персик?! Как такое может быть? — взвизгнула я.

— Мое предназначение защищать тебя, Эш. Сейчас ты в одиночку пытаешься забраться в невообразимую задницу, и я посчитал своим долгом вмешаться, — он развалился на стуле, повернувшись ко мне лицом.

— Ты — фамилляр?

Джош брезгливо поморщился.

— Нет. Я маг-перевертыш. Таких, как я, называют «меняющий лица».

— Ты можешь принять облик кого угодно?

Он коротко кивнул.

Я вспомнила вчерашний поход в детский дом, и мои брови взлетели на лоб.

— И вчера....

Снова короткий кивок, и улыбка Джоша стала шире.

— Облезлый пес? И.... Миссис Кросс?! — переходя на крик, спросила я. — Не мог выбрать менее заметную маскировку?!

— Пришлось импровизировать, — небрежно пожав плечами, ответил он. — Ее образ первым в голову пришел. — Вздохнув, он придвинулся к столу и сложил руки перед собой:— Давай лучше поговорим о тебе и нависшей над твоей головой угрозе. Ты отдаешь себе отчет, во что ввязываешься?

— Будешь отговаривать? — от возмущения я поперхнулась воздухом, и какое-то время ловила его ртом, как рыба, выброшенная волной на берег.

Джош растянул губы в довольной ухмылке и подпер подбородок кулаком. Смерив меня хищным взглядом с головы до пят, довольно прищелкнул языком. А когда мы встретились глазами, то я увидела продолговатые кошачьи зрачки, испещренные изумрудными прожилками.

Иронично поджав губы, он покачал головой.

— Нет. Приму участие в расследовании смерти Саммер и Кеннета. Калеба и Бишоу....- он вздохнул, состроив обреченную, вымученную физиономию, и махнул рукой:- Всех, короче.

— Что!?

Джош резко нахмурился, и от улыбки не осталось и следа.

— Я знал их лично. Узкий круг магов посвящен в значимость каждого из нас в Системе. Я проведу тебя по невидимым лабиринтам и коридорам, покажу механизм изнутри. Однако, ты должна понимать, что за все есть своя цена....

— Какова твоя ставка? — холодно бросила я, и Джош стал мрачнее тучи. Опустив голову, он долго изучал свои руки, перебирал пальцами и, наконец, посмотрел на меня красивыми каре-зелеными глазами без намека на кошачий прищур.

— Я хочу помочь найти убийцу. Ничего более. И без меня ты не сможешь двигаться дальше, твое расследование зашло в тупик. А я знаю, как пройти в святую святых магического мира.

— Это ты про Центральную Библиотеку?

Он только кивнул и просиял плотоядной улыбкой.

— Хватит так пялиться на меня! — взорвалась я.

Джош внезапно сжался, изменившись буквально на глазах: улыбка сползла с губ, а лицо исказилось, словно от боли. Зажмурившись, он закрыл глаза ладонью, выставив в мою сторон левую руку.

— Тише, Эш, — шепотом попросил он и облизал пересохшие губы. Не услышав ответа, он раздвинул пальцы, сквозь которые одним глазом поглядел на меня. Я ошарашено открыла рот.

— Ты с перепоя, — догадалась я. Джош виновато скривился. — Где ты шлялся всю ночь? В дом могли пробраться....

— Хватит орать, — спокойно взмолился он. — В целях конспирации пришлось выпить.

— Какой еще конспирации?

— Наблюдал за объектом в баре. Пришлось пить, иначе вышвырнули бы или объект наблюдения раскусил меня.

Я резко оперлась руками на стол рядом с Джошем, и он так же резко отпрянул. Реакция неплохая даже для его состояния. Он поджал губы и, вздохнув, растекся по стулу. Я подалась вперед, чувствуя, как его сила тонкими иголками пляшет на моей коже. Запустив ладони в волосы, Джош прикрыл глаза и запрокинул голову. И магия разлетелась, словно рассеявшийся туман.

— И что это был за объект?

— Я уверен, что он задействован в Системе, но не могу понять — как именно....

— Имя. Можешь назвать имя? Ты следил за Странником?

— Я не имею права отвечать, Эшли, — холодно отчеканил он.

Глава 25 (продолжение)

Забыв, как дышать, я смотрела на Джоша — красивого мужика, парня моей сестры, оказавшегося домашним котиком по имени Персик, прожившим с нами более шести лет. Почему я не потеряла сознание от шока или не завизжала? Вся загвоздка в том, что я успела привыкнуть к неожиданностям и... догадывалась. Все эти годы я чесала его за ухом, гладила пушистую шерсть, предполагая, что передо мной фамильяр. Их истинным лицом многие века считалась животная сущность, но это ошибочное предположение. В обычной жизни они такие же маги, принимающие обличие животного по служебной необходимости. Низшие маги — малопривытный ярлык. Но Джош — особенный. Он «меняющий лица» — оборотенец среди магов, перевертыш. И кот — одна из его личин, придуманная для отвода глаз. А как так вышло, что он сошелся с Мишель?

Мне стоило только подумать, как Джош изменился в лице — слегка смутился и нахмурился. Черт, он слышит мои мысли?!

— Мне всегда нравилась твоя сестра, но я не мог открыться ей. Вынужденный утаивать свое истинное лицо и миссию, с которой должен часто бывать в доме, я вызывал в ее душе подозрения. Она отдалялась, теряла доверие ко мне, полагая, будто я не честен с ней, не дорожу отношениями и не люблю ее. За годы мы научились скрывать свои чувства на счет друг друга, утаивать мысли, будто что-то сокровенное прятали под подушкой. Мы носим маски, играем роли других людей, но при этом остаемся собой. Мы хотим казаться лучше, чем есть, или просто не пугать близких.

— Тебе запрещено открываться?

— Да, — протянул он, не глядя на меня. — А тебе — тем более.

— Я полагала, что ты путаешься с моей сестрой, не испытывая к ней особых чувств. Считала тебя надменным, эгоистичным тунеядцем, болтающимся без работы и смысла в жизни, — призналась я и поджала губы. — А ты, оказывается, великое дело делаешь!

Последние слова я произнесла сквозь зубы.

— Не подашь стакан воды герою, умирающему от яда зеленого змия? — рука, прикрывающая глаза, безвольно упала на колени. Джош устало вздохнул и растянул губы в вымученной улыбке.

Я проигнорировала его просьбу.

— Почему тебя, а не рядового фамильяра, приставили ко мне? Меняющие лица не относятся к низшим магам — они наравне с нами, если не выше рангом. За что такая честь?

Джош закатил глаза, но не от раздражения. Он действительно паршиво себя чувствовал. Настолько, что был не в состоянии говорить. Я наморщила нос, но пошла за водой. Демонстрируя раздражение и протест, резко взмахнула рукой перед графином с водой, и покосилась через плечо на Джоша. Пока прозрачная жидкость наполняла стакан, в кухне висела тишина, от которой закладывало уши.

Графин бесшумно опустился на стол, я взяла стакан и подошла к парню. Поставив перед ним желанный источник влаги, скрестила руки на груди, глядя сверху вниз. Потянувшись за стаканом, он пододвинул его к себе и замер, медленно поднимая на меня глаза.

— Ты не отойдешь?

Я помотала головой. Пришиблено улыбнувшись, он поднес его к губам и жадно присосался, забыв о смущении.

— С кем ты напился?

Мой голос прозвучал холодно и требовательно. Джош, поперхнувшись, закашлялся и уставился на меня. Возможно, я слишком резка и груба, но раз у него есть зацепка, то пусть выкладывает! Мне нужна любая помощь, а Джош просто не заменим, и в его силах принести огромную пользу расследованию. Теперь я ругала себя за несообразительность, ведь могла бы и раньше обратиться к нему. К моему великому огорчению, я слишком подозрительна....

— Боюсь, напился я один, — буднично ответил он и отпил из стакана. А когда тот опустел, то, запрокинув голову, замер в ожидании последней капли, неторопливо скатывающейся по стенкам сосуда. В общем, всем своим видом выказывал, что порция оказалась маловата. Нет уж, за второй стакан воды ему придется потрудиться и расстаться с тайнами. — Лорелея передавала тебе привет!

— Хочешь, чтобы я повторила заказ? — прорычала я, и Джош счастливо закивал. Хмыкнув, я щелкнула пальцами, и графин зашевелился, двигаясь к пустому стакану.

— Моя спасительница!

— Заткнись, — огрызнулась я. Но он не обиделся — стакан с водой покрыл мою грубость, и Джош, блаженно улыбаясь, опустошил его.

— За тобой ходит бэлморт. Ты в курсе? — допив, заявил Джош и просиял.

Я вопросительно склонила голову.

— Допустим. На минуточку представим, что я даже знаю — зачем.

— А вот и не знаешь! — с видом победителя, он принялся елозить по стулу, изображая торжественный танец. И в этот миг физиономия у Джоша была кошачья — ухмылка, хитрый взгляд, взъерошенные волосы. Я фыркнула.

— Прекрати паясничать, Персик.

Услышав свою кличку, Джош замер тут же стал серьезен. Он уставился с укором на меня.

— Ну, зачем ты так? — с чувством произнес он и сокрушенно опустил голову, сложив руки на животе. — Я шесть лет живу с этим, а ты еще издеваешься. Что вообще за имя такое, — внезапно взорвался он и подался вперед, — Персик?!

Я не сдержала довольной улыбки.

— Ты был похож на персик. Такой же маленький, круглый и пушистый.

— Сейчас растаю от умиления! — скривился Джош и схватил со стола коробку с зубочистками. Достав одну, сунул в рот и принялся раздражено перекачивать и пожевывать. — Могла бы прозвать Пушком.

— К черту Пушка, — раздраженно отмахнулась я и обошла стол. Джош, не глядя в мою сторону и не поднимая глаз, выдвинул стул из-под стойки, снова услышав мои мысли. И я уже не была удивлена — опустилась рядом и оперлась локтями на стойку, повторяя позу Джоша. — Надо подумать, как быть дальше.

— Заглянем в Библиотеку. Там мы найдем еще одно звено Системы, связующее с Верховной Ведьмой. Так осторожно доберемся до конца цепи, которая выведет нас на заказчика. Почему-то я уверен, что управляет всем одна и та же тварь.

— Я не ослышалась — ты лично знаешь звено в Системе, приближенное к Верховной Ведьме?!

Джош медленно повернул голову и одарил меня многозначительным взглядом.

— Ты больше меня знаешь, — отозвалась тихо я, испытыв легкое разочарование. — Проводишь много времени в наблюдениях, подобно воронам за окном. И даже не

догадываешься, кто затеял эту катавасию?

Джош внимательно посмотрел на меня. На его губах угадывалась улыбка.

— В этом вся фишка. Тысячная армия Верховной Ведьмы не может обнаружить зачинщика кровавого безумия. А я, думаешь, смогу? В одиночку?

— Почему в одиночку? — спокойно возразила я и улыбнулась. — Теперь нас двое.

Отправив Джоша домой проспать, я быстренько перекусила овощным салатом с кусочком сочной индейки, запеченной в духовом шкафу. Накинув черный плащ поверх черных обтягивающих брюк и синего пуловера, обулась в туфли и выскочила из дома. Расследование не терпело отлагательств, убийца мог нанести следующий удар, и придется обследовать еще один мертвый дом... Я и так упустила из внимания первое преступление. Но до наступления ночи у меня были связаны руки, увы. Поэтому я решила навестить Линетт — посетить ее могилу и рассказать о своих мыслях и том, как скучаю по ней....

День выдался солнечным. Ласковые, но уже не такие теплые, золотые лучи поблескивали на листьях деревьев и подсвечивали их кроны изнутри. На траву падали тени волшебными узорами, ветер тихо шелестел, запутавшись в ветвях, и по округе лились жизнерадостные трели птиц. И даже здесь, на кладбище, было потрясающе красиво сегодня.

Оставив машину за высокими металлическими воротами, я медленно прогуливалась между рядами могил, рассматривала памятники, один другого богаче и диковиннее. Русалка на камне, плачущий ангел, дерево с ветвями, склонившимися к земле, замок из мрамора вместо забора — глядя на все это мрачное великолепие, невольно хотелось быстрее покинуть место скорби и печали. Если обычному человеку или магу тут не по себе, то мне втройне тяжелее.

Тишина, от которой сердце замирало. Я шла осторожно, стараясь не цокать каблуками, будто любой звук мог потревожить покой усопших. Шорох травы казался неуместно шумным, а голоса птиц непозволительно звонкими. В обители мертвых не слышна суета города, будто это два совершенно разных мира, между которыми огромная пропасть из пустоты и холода. Здесь не существовало таких понятий, как время и счастье. Здесь все одинаково неспешно и печально. Я ненавижу похороны, ненавижу толпы скорбящих, пришедших проститься с усопшим. Большинство из этих людей презирали его при жизни и завидовали, но на погребальном обряде изображали траур, выказывали сострадание родственникам. Угасла чья-то жизнь, осталась только память, и та со временем сотрется и потускнеет. Неужели нельзя обойтись без лицемерия в последние минуты пребывания умершего на земле?

Я не присутствовала на похоронах Линетт, хотя любила ее. Она многое сделала для меня, была близким другом и заменила мать, но я не смогла пересилить себя. Хватило одного взгляда на ее прекрасное бледное лицо в гробу, как моя душа упала в пятки. Ощущение одиночества, словно я, крошечная и слабая девочка, осталась в необъятной вселенной, где никому нет до меня дела, до сих пор дрожало в груди. Я все так же сжималась от мысли о смерти Линетт, все так же горевала, но за пять месяцев боль притупилась. Остались только отголоски пережитой потери. Все проходит, все забывается, чтобы мы ни делали, как бы ни пытались сохранить частички близких людей в сердце и в их вещах. Я также хранила одежду и всякие мелочи, принадлежавшие маме, но каждый раз прикасаясь к ним, чувствовала, как уходят последние крохи воспоминаний, меркнет аромат ее духов.... До сих пор больно, до сих пор страшно, но ничего не поделаешь. Нужно жить дальше, в мире живых, а не питаться воспоминаниями о мертвых. Я вроде пыталась, но так выходило, что моя жизнь была насыщена чужими смертями.

Миновав три ряда помпезных могил — почивших проводили в последний путь так,

чтобы им было там не просто комфортно, а лучше, чем на белом свете, я свернула налево. Мороз по коже от мысли о громких, дорогих похоронах.... Эксклюзивный памятник, лучшее место, гроб из красного дерева — не думаю, что все это мне понадобится в потустороннем мире. В любом случае, будет уже все равно. Пройдя еще пару рядов, я очутилась в небольшом подлеске — место для захоронений особ, отличившихся при жизни великими деяниями или как минимум высоким чином. Здесь обрывалась асфальтированная дорога и начиналась аккуратная тропа из серых камней. Она петляла, будто хотела запутать непрошеного гостя. Нырнула под многолетние деревья с густой и низкой лиственной шевелюрой, оббежала монумент, возведенный одному старому колдуну, которого я не знала. Он жил слишком давно и слишком долго, о таких можно прочесть в учебниках по истории. Но, видимо, его заслуги в наше время утратили ценность или попросту позабыты, поэтому мало, кто помнил его. Свернув за монумент, я оказалась перед стеной из растительности. Ветви плакучих ив касались земли и занавесом закрывали могилу Линетт от других усыпальниц так, что с одной стороны высились деревья, а с другой раскинулась пустая зеленая равнина. Когда-нибудь она станет последним пристанищем для других магов. Уединение с природой и ни единого намека на общественное кладбище. Отодвинув тонкие изящные ветви, я прошла к забору из белого мрамора и замерла перед двумя статуями стражников, охранявших покой Линетт. Вдоль мраморного ограждения были выложены сотни цветочных букетов, позолоченные венки с переплетением из флуций и композиции в корзинах. Они лежали здесь со дня похорон и успели облететь и засохнуть. Я недавно говорила о лицемерии — вот наглядный пример. Линетт умерла, ее кончину оплакали, принесли цветы, проводили в последний путь и забыли.

Стражникам удалось остановить меня. Милovidные лица, холодные взоры, смотрящие вдаль, напряженная поза с ровной спиной и вздернутой головой вверх. Держа копьё в руках, они словно смотрели прямо в душу и видели, с добрыми ли помыслами ты явился. Одеты каменные стражники в двубортные сюртуки до колен, расшитые драгоценными камнями, узкие брюки, заправленные в высокие сапоги, береты на головах — и все из инкрустированного белого мрамора. Они внушали трепет и величие одними лишь ровными стойками и ростом около трех метров. Оглядев обе статуи, я коснулась рукой копьё одного из них. Холодные, не ощущалось присутствие магии, а, значит, нечего волноваться. Ветер прошелестел над верхушками деревьев и теплым легким вихрем прошелся по земле. Он швырнул под ноги пожелтевшую опавшую листву, и я невольно опустила взгляд. Дыхнув жаром, ветер затих, и появилось чувство дискомфорта. Здесь есть кто-то еще.

Я постоянно ощущала что-то постороннее — магию или чуткий взор, в обители мертвых это чувство меня не покидало. Вздохнув и мысленно отмахнувшись от неприятных мыслей, я осторожно скользнула между статуями стражников. Подошла к могиле и остановилась у подножья. Высокий памятник из белого мрамора — на плите была вырезана искусным мастером целая картина. Замок с башнями на обрыве скалы, внизу — густой хвойный лес, утопленный в широкой реке. Произведение искусства, никак не меньше. Внизу предусматривалась ниша для трех ваз с цветами, так же из белого мрамора, но тот, кто принес букет, не воспользовался ими.

Розовые, восхитительно нежные розы, перетянутые белой лентой, лежали на могиле, словно оставивший их не вынес груза утраты и не нашел в себе сил поставить букет в вазу. Брошенные цветы, лепестки на могиле — они принесены любящим человеком. Мое сердце сжалось, в груди разлилась холодная пустота, которую я испытывала со дня смерти Линетт.

Хоть во мне и жила частичка нее, я ощущала одиночество. И вот, решив навестить ее покой, не удосужилась заехать по дороге в цветочный магазин.... Но, по сути, цветы на могиле нужны живым, как дань умершему, символ памяти и знак внимания, а я почтила ее лишь своим присутствием. Но это лично мои предрассудки. Глядя на букет из розовых роз, становилось ясно — не одной мне дорога Линетт и после смерти. Кто-то помнил ее, посещал монумент....

Присев на корточки, я провела рукой над бутонами. Нежный аромат, лепестки колыхал неугомонный ветерок, безжалостно отрывал их и раскидывал по насыпи из мраморной крошки, которой украсили могилу. Видимо, вид сырой земли не понравился распорядителю похорон. Цветы, и только. Нет намека на волшебство, а остальное не по моей части. Существовали маги, способные чувствовать эмоции людей и других магов, от одного прикосновения к вещи. Я, увы, не умела. Поэтому передо мной лежал просто красивый и печальный букет розовых роз, перетянутый белоснежной лентой.

Подняв глаза, я посмотрела на надгробный камень. Движение глаз, ничего более, и случайно уловила движение со стороны деревьев. Темное пятно под кроной желтеющего клена. Затаив непроизвольно дыхание, я боялась пошевелиться. Замерев в неудобном положении, краем глаза покосилась в сторону подлеска. Ноги немели, их начало покалывать, но внимание было приковано к таинственной тени. Сердце уже прыгало в горле, от напряжения заложило уши. Я обладала хорошо развитой фантазией, и слишком подозрительна, вот и пребывала на грани обморока, заметив какую-то тень.

Под кленом стоял мужчина, привалившись плечом к стволу. В белой рубашке навыпуск, черных узких брюках и черном пальто нараспашку. Скрестив ноги, он наблюдал за мной издали, но не украдкой, как делала это я. Спрятав руки в карманы брюк, смотрел сквозь кружево желто-зеленой листвы. Я не могла разглядеть его лица из-за постоянно качающихся на ветру растений, но отчетливо различала темно-русые волосы и светлую кожу. Неужели это тот самый мужчина из воспоминаний Линетт? Это его я видела по ночам в странных, изматывающих снах? Облизав пересохшие от волнения губы, я медленно поднялась. Таинственный незнакомец мог быть бэлмортом, но и с той же вероятностью мог оказаться простым смертным. Я не ощущала магии, не чувствовала характерной силы волшебника, только теплое дуновение ветра и запах роз. Опершись ладонью на памятник, я встала в полный рост. Рискнула шагнуть вперед и едва не наступила на могилу Линетт. Посмотрев под ноги, замерла на миг, но быстро переступила через мраморную насыпь. Встав на землю, посмотрела вновь вдаль и пискнула от досады — мужчина отлип от дерева, намереваясь покинуть подлесок. Он пятился прочь от меня, а когда его силуэт наполовину скрылся за ветвями деревьев, стал разворачиваться спиной. Я поспешила догнать его и рассмотреть хотя бы профиль, перелезла через мраморный забор, пробралась сквозь остриженные кусты и быстрым шагом направилась к подлеску. Пришлось подниматься в небольшую гору. Плюнув на каблучки, взбежала вверх и остановилась на том месте, где минуту назад стоял неизвестный мужчина. Опустив обреченно руки, я стояла и смотрела на редкие деревья, между которыми подобно бойкому ручейку скользила дорожка из серого камня к другим могилам великих деятелей мира волшебников. Сучья качались и размахивали широкими листьями, а сквозь крохотные зазоры между ветвями ив и рваными краями кленов, я могла разглядеть рукава белой рубашки и быстро удаляющиеся ноги в кожаных ботинках. Кем бы он ни был, уж точно не по мою душу. Бэлморты в последнее время не оставляли меня без внимания, а этот неизвестный дал деру, завидев любопытство к своей персоне. Что-то

подсказывало — именно он принес на могилу Линетт розы. Я помнила мужчину около ее гроба, склонившегося слишком низко для просто скорбящего знакомого. Близкие и родные касаются губами лба покойного, и, полагаю, тот мужчина именно это и делал, когда я влетела и нарушила уединение. Наверняка у Линетт остались родственники, но она никогда о них не рассказывала, а я считала неуместных вдаваться в расспросы. В жизни бывает всякое: случается, родных разделяет расстояние, взгляды или что-то иное. Но все это теряет смысл с кончиной родной кровинки. Не исключаю, что у Линетт были разногласия с семьей, поэтому допускаю — тот мужчина был ее близким родственником. Возможно, не родным, но братом или племянником. Не было видно его лица, но темные русые волосы и среднее телосложение я сумела разглядеть. Хоть у Линетт были золотисто-рыжие волосы, сути этот факт не меняет.

Когда силуэт исчез за высокими памятниками, я подошла к дереву и коснулась его ладонью. Природа всегда насыщала меня энергией, придавала сил, помогала собраться с мыслями. Мое умение создавать цветы из ничего — природный дар. И сейчас магия лилась в ладонь легким приятным покалыванием. Клен мог поведать, кто касался его ствола минуту назад, но я ничего не почувствовала. Кто же он?

Дыхание природы приводило мысли в порядок. Мгновение спустя я успокоилась, обрела уверенность и легкость. Струящееся тепло наполнило тело, и я вдохнула полной грудью. Голова прояснилась, все лишнее ушло на задний план. Чутье подсказывало, что я еще встречу загадочного знакомого Линетт. Вероятно, следовало посетить Университет, где мои старые знакомые и сослуживцы знали чуть больше меня и могли пролить свет на его личность. Да, пожалуй, я так и поступлю в ближайшее время.

Просидев у могилы Линетт еще с полчаса, мысленно рассказав ей о своих проблемах, но, не ощутив облегчения на душе, я покинула кладбище, пообещав холодному надгробию вернуться еще раз, но уже с цветами. Впереди было много дел, мелькала тьма загадок и мыслей, но я отстранилась от них, чтобы яснее мыслить. Следующим моим шагом станет исследование дома Бишоу и посещение библиотечной ячейки Саммер, где, возможно, удастся обнаружить что-то любопытное. Надежды мало, но нужно проверить все возможные зацепки.

Выйдя за ворота кладбища, я ощутила себя немного веселее и бодрее. Все же обитель мертвых тяготила душу, остужала сердце и голову. Главное не забывать, что за ее пределами бьет ключом жизнь. Именно в нее я спешила вернуться, сядя за руль автомобиля и заводя двигатель.

В дверь позвонили. Сквозь стекло был виден мужской силуэт, и я уже знала, кто пожаловал.

— Джош, — скиснув, протянула я, открывая ему. Парень заулыбался во все тридцать два белоснежных зуба.

— Какая радость на твоём лице по случаю моего прихода! — съязвил он и оглядел меня с ног до головы придирчивым мужским взглядом. — Куда хвост наострила, мелкая?

Я склонила голову и, плотно сжав губы, осмотрела его с макушки до пят. Серая футболка, черная ветровка нараспашку с воротником-стойкой, голубые джинсы и черные ботинки. В простой, повседневной одежде он сам выглядел, как нахохленный павлин. Я возмущенно скрестила руки на груди.

— Тебе-то что? Уже проспался?

Джош еще шире улыбнулся, хотя, казалось, это невозможно. Он и, правда, выглядел посвежевшим и бодрым. Наверняка влил в себя одно из зелий специально для лечения похмельного синдрома. Уверена, Вивиан сжалась, купившись на щенячий взгляд, и продала ему что-то запрещенное. Облокотившись о дверной проем, Джош подался вперед, вглядываясь в мое лицо.

— Тебе и шагу ступать нельзя без контроля. Опять накуролесишь, а мне потом расхлебывай.

— Когда это ты расхлебывал? — огрызнулась я.

Джош изумленно округлил глаза.

— А в парке? Кому на хвост сели бэлморты?! Да вы, леди, ходячая бомба замедленного действия! Никогда не знаешь, чем обернется общение с тобой.

— Спасибо, — я расплылась в польщенной улыбке, от чего Джош еще больше опешил. — Таких комплементов мне еще не делали. Бомба, — я театрально оправила волосы.

— Смешно ей, — он раздраженно хмыкнул и убрал руку, чтобы спрятать ее в карман куртки. — Куда намылилась, спрашиваю?

— В Библиотеку, — огрызнулась вновь я.

— С какой стати без меня?!

— Жажду просвещения. Срочно!

— Ха-ха-ха, — передразнил меня Джош и умолк. Мы посмотрели, не моргая, друг другу в глаза. А потом он схватил меня за локоть и вытащил из дома. Я лишь успела на ходу сорвать с вешалки сумочку и плащ. — Поедем вместе.

— Еще чего! — Я выдернула руку. Поправив плащ, демонстративно повернулась спиной и стала закрывать ключом дверь. Джош взвыл.

— Ты могла бы это сделать, только подумав! Зачем столько лишних движений, Эшли?

— Отстань, — буркнула я. Когда закончила с замком, бросила ключи в маленькую кожаную сумочку и повернулась к Джошу. Важно задрав подбородок, продефилировала мимо к гаражу. Усмехнувшись мне в спину, он неспешно двинулся следом. Когда я надела плащ и уже сидела в салоне автомобиля, он встал у окна пассажирского сиденья и, мило улыбаясь, склонил голову. Догадываюсь, он мог бы так простоять вечность, нервируя меня, поэтому решила сдаться. Нажав кнопку на панели, открыла ему дверь. Улыбка Джоша

мгновенно растаяла. На лице, откуда не возьмись, появилось серьезное выражение — он с деловым видом сел в машину. Я только скривилась в ответ на его прилипчивый взгляд.

— Что тебе надо? Я не звала на помощь.

— Не звала, верно. Но я чувствую твои мысли, Эш, предугадываю желания. И хотя в твоей светлой головке еще не родилась чумовая идея пробраться в Центральную Библиотеку в одиночку, я решил предостеречь.... Но зря, видимо. Поэтому хочу проследить за тобой, — бесхитростно ответил он. — Мало ли что.

— ЧТО?

Усмехнувшись, Джош повернулся ко мне, насколько позволяло сиденье, положил локоть на подголовник и уставился обезоруживающим взглядом. Возникло ощущение, словно я маленькая девочка, и без взрослых из дома выходить не имею права. Потеряюсь и буду плакать, или вдруг кто обидит. И вот он, большой и заботливый дядя, который убережет меня от внешнего мира и жестокой действительности!

— Эшли, — начал он, вздохнув, — ты едешь за вопросами в совершенно незнакомое для тебя место....

— В Библиотеку? Честно говоря, я не собиралась, но ладно, — хмыкнула я.

Джош погрозил мне пальцем. И, откашлявшись, продолжив нравоучения:

— Не перебивай. Зыбкая почва, незнакомая среда — любая из метафор подходит. Ты наивно полагаешь, что везде тебе будут рады и встретят с распростертыми объятиями? Сразу расстелятся и предоставят любую информацию?

— Я ж иду не в Библиотеку, — проблеяла я уже не так уверенно. Похоже, все-таки в Библиотеку.... Джош так решил. Так настроился.

— В этом мире не все то, чем, кажется, — сказал он и выразительно посмотрел на меня. Я непонимающе покачала головой. Тогда Джош, вздохнув, потер в задумчивости подбородок и выдал:- Библиотека — жизненно-важный орган Системы. Нельзя просто придти туда и начать задавать вопросы, понимаешь?

— Догадываюсь.

— Нужно знать, что и у кого можно спрашивать. А ты знаешь?

— Хватит со мной разговаривать, как с маленьким ребенком!

— А я знаю, — спокойно сказал Джош.

Изобразив восторг, я заулыбалась издевательской улыбкой. Он же проигнорировал мое ерничанье и с деланно умным видом продолжил вещать:

— И впредь не забывай меня брать с собой на мероприятия такой важности и сложности!

— Тоже мне туз, — усмехнулась я, заводя двигатель автомобиля.

Пока мы ехали по городу, проезжали улицы, стояли на светофорах, Джош не умолкал. Я перестала его слушать, спустя первые пять минут, как мы отъехали от дома. Что-то о сложном механизме, секретной организации работы.... Я следила за дорогой, думая о книгах с записками, найденными в домах убитых магов. Могут ли они считаться посланием убийцы бэлморту? Что, если Библиотека и есть связующее звено между ними? Тогда действовать следовало очень осторожно, и Джош был прав. Да Джош в любом случае был прав, просто нудный и самовлюбленный тип выводил меня бесконечной болтовней! Я старалась не вслушиваться в его речи, но в какой-то момент терпение лопнуло, что-то надломилось во мне....

Вспышка магии озарила салон автомобиля. Всего одна мысль, в гневе произнесенная

вслух «заткнись», щелчок пальцев, и воцарилась тишина. Джош заткнулся. Я остановила машину у обочины за квартал до Библиотеки и уставилась в окно, так, чтобы не встречаться с ним взглядом. Не знаю, что со мной произошло, и что случилось дальше. Я просто захотела, чтобы он замолчал хоть на минуточку! И он замолчал. Вот только я не слишком была довольна результатом своего творения... Джош не просто заткнулся. Он элементарно не мог теперь говорить!

Взъерошенные волосы, опарашено округленные глаза — вроде ничего особенного, но все, что ниже, вызывало смех и слезы одновременно. Распухшие губы, словно он сунул физиономию в пчелиный улей, и язык, такой же красный и распухший, не помещающийся в рот. В попытке излить свой гнев, Джош издавал вызывающие звуки и брызгал слюной, и я заплакала. От смеха.

Чем энергичнее Джош свистел и хрюкал, тем громче смеялась я, откинув голову на подголовник сиденья. Он побагровел от ярости и беспомощности, и как будто опасался пошевелиться. Когда смеяться было уже больно, я отстегнула ремень безопасности и, открыв дверь, почти что вывалилась на улицу. Глубоко вдохнув, посмотрела в небо, но движение с другой стороны авто привлекло внимание. Джош неуклюже поднимался с сиденья, медленно выпрямляясь в полный рост. Слегка дергано, слегка неестественно и странно. Когда он захлопнул дверь, верхняя часть лица, не тронутая магией, исказилась от боли. Но только на мгновение. С укором посмотрев на меня поверх крыши, Джош решил обойти автомобиль. Я открыла рот от изумления.

— Что за... А там-то что распухло?!

Джош остановился, чуть не плача, и одарил меня тяжелым, выразительным взглядом, и мое лицо залилось краской.

— Мне очень жаль, Джош, — промямлила я, но тут же добавила: — Но ты это заслужил! Не то, — я опустила взгляд ниже пояса, но тут же отвела глаза, — я не хотела. Случайно вышло! Не надо было трепаться всю дорогу!

Джош удивленно склонил голову набок, но даже не хрюкнул в ответ. Я тяжело вздохнула.

— Садись обратно в машину. Через час действие чар рассеется.

Всплеснув руками, он негодуя сплюнул в сторону. Я лишь развела руками.

— Я понимаю твое возмущение, но у меня нет противоядия! Так что придется немного потерпеть. А вообще....- я задумчиво покусала губу, — твое состояние может быть нам на руку. Садись в машину. Быстро.

Джош что-то пропыхтел, и я выставила резко руку вперед, указывая на машину. Решив не искушать судьбу, он двинулся в обратном направлении — прочь от ведьмы, неконтролирующей эмоции и магическую силу. Не отводя от меня угрюмого взгляда, обошел автомобиль. Мелкими шажками, едва передвигая ногами, словно зажимал что-то ценное между ними... Что именно, полагаю, не нужно объяснять. Слегка смутившись, я откашлялась, но не опустила руки, пока он не заполз на пассажирское сиденье и не закрыл за собой дверь. Только тогда я перевела дух и села за руль.

— Кф... Куффф...

— Куда мы едем? — кажется, именно это хотел спросить Джош, издавая странные звуки, которые давались ему с большим трудом. Кивнув в знак согласия, он с уязвленным видом уставился на дорогу в лобовое стекло. Глядя на его растрепанные волосы, хотелось пригладить их и пожалеть несчастного, но я удержалась от порыва жалости. И ответила: — В

аптеку Гарри Стоуна, что находится через дорогу от лавки погибшего Бишоу.

Джош надменно фыркнул, определенно пытаясь что-то сказать. Я нахмурилась, выворачивая руль вправо, и съезжая с главной дороги.

— Стоун может оказаться заказчиком, ведь Бишоу был его конкурентом. Я могу ошибаться, но все зацепки нужно проверить. И твое преобразование очень даже кстати.

Небольшое здание, чистое и светлое, белым пятном выделялось на неприметной улице. Фасад здания был украшен листовым орнаментом, вырезанным из дерева, а на чешуйчатой крыше вертелся флюгер, выполненный в форме пчелки. Она порхала крыльями, раскручиваясь против часовой стрелки, и, казалось, вот-вот сорвется с крыши и улетит.

Я припарковалась у обочины. Знака, запрещающего это, не было, так что из машины я вышла со спокойной душой. Обойдя ее, открыла дверь со стороны Джоша и протянула ему руку. Он хмуро уставился на меня.

— Тебе предстоит играть роль тяжелобольного, так что....

Буркнув что-то под нос, он оттолкнул мою ладонь и с тяжелым сопением выбрался самостоятельно на улицу. Направляясь к аптеке, он сопел от злости и прикладываемых усилий, а я семенила следом. По спине струился пот — через дорогу стояла лавка Майкла Бишоу, и от нее веяло чем-то неприятным, но не смертью. Я так и не побывала на первом месте преступления, и от этой мысли становилось лишь омерзительнее. В душе дрожало сомнение — что, если разгадку нужно искать именно там? А я не отнеслась серьезно к убийству лекаря с самого начала.

Джош поднялся по ступеням и распахнул дверь. Хотелось подтолкнуть его сзади, но он слышал мои мысли и гневно рычал, пресекая попытки помочь. Наконец, оказавшись в прохладном помещении, где пахло хвоей и медом, мы остановились и огляделись. Джош позволил взять его под руку, хоть и нехотя.

Белые стены, стеклянные стеллажи, как в обычной аптеке людей, продавец за стойкой в накрахмаленном белоснежном халате — от больничной обстановки резало в глазах. Не хватало запаха хлорки и медикаментов, а так весьма прозаично.

У кассы стоял невысокий мужчина с густой темной растительностью на лице и голове, карими глазами и впалыми щеками. Сложив руки на белоснежной стойке, он, сощурившись, внимательно изучал нас. Похоже, у лекаря проблемы со зрением.

— Добрый день, — просияла я, демонстрируя неловкость. Подведя Джоша ближе, печально вздохнула: — Мы пришли к вам за помощью.

— Слушаю вас, — пробасил мужичок в белом халате. Перед нами стоял сам Гарри Стоун, владелец аптеки.

— Мой друг.... Вернее, мой коллега пострадал на задании, заработал неприятную во всех отношениях травму. Как видите....

— Вот как? Да уж. В глаза бросается.

Джош рыкнул сквозь стиснутые зубы и зажал мою руку между локтем и своим телом. Я закричала зубами от боли, но улыбаться не перестала. Ну, держись, Джош!

— И я хотела бы узнать, располагаете ли вы возможностью продать нам зелье, снимающее чары?

— Даже если бы очень захотел, не продал бы. Вот так.

— А как на счет оказания помощи работникам Системы? Разве вы не предоставляете редкие зелья служителям Верховной Ведьмы?

— Безусловно, предоставляю, но сейчас другой случай.

— Но мы...

— Я прекрасно вижу, кто стоит передо мной, — перебил меня Стоун и откашлялся в кулак. — Но к моему и вашему глубокому сожалению, я не готовлю зелья исцеления от магического воздействия. Я — маг леса, все мои лекарства состоят из трав и корней и служат лечебными средствами от простуды, гастрита, геморроя и других людских хворей. У вашего коллеги нет геморроя?

Я быстро мотнула головой. Такого он мне не простит.

— Мне очень жаль. Правда. Был бы жив Майкл Бишоу, я бы отправил вас к нему.

Мы с Джошем переглянулись.

— Вы отправляли к нему клиентов?

— Если недуг клиента имел магическое происхождение — да. Мы не были конкурентами. Вот так.

От его «вот так» у меня свело в очередной раз челюсть, но я не выказала раздражения. Грустно улыбнувшись и шмыгнув носом, попятилась назад. Покосившись на Джоша и напорвшись на его тяжелый взгляд, я чуть не раскланялась перед аптекарем.

— Извините. Я не знала, а мой друг не может говорить.

— Ничего страшного. Я всегда рад новым клиентам и тем более помощникам правительницы. Приходите, если заработаете насморк на задании.

— Или геморрой, — прохрюкал Джош.

— Конечно-конечно, — пообещала я, толкая Джоша к выходу. — Еще раз извините. Всего доброго.

— Откуда мне было знать, что он банальный травник? — возмущенно ворчала я, отъезжая от аптеки. — Маг, владелец лечебной лавки — больше я ничего не знала о Стоуне!

Фыркнув в ответ не хуже породистого коня, Джош отвернулся к окну.

— На одфной фтороне уфицы дфе аптеки — не фтранно?

— Смотрю, тебе уже легче! — я повеселела, но когда Джош резко повернулся ко мне и наградил ледяным выражением лица, вжалась в кресло.

— Могфла бы догафдаться, фто пфофиль рафный долфен быть!

Я слегка склонила голову, изучая лицо Джоша.

— У тебя так забавно губы шевелятся. Вот только ты очень плюешься, когда говоришь.... Ты заплевал лобовое стекло!

Джош взвыл и обхватил руками голову.

— Прости, — улыбнулась я, глядя на дорогу. — Теперь мы квиты.

— Фто? — взревел мужчина, убирая руки. — Ты фпециально туда поефала?! Ты ффамого нафала знала?

— Ну.... Я должна была убедиться.

— Фёрт! Я убью тебя, Эфли!

Казалось, лицо Джоша лопнет. Он хватался за волосы, но рвать не решался. Все-таки уход за ними приличных денег стоит, и облик сердцеда будет подпорчен.

— Только попробуй, — усмехнулась я, сворачивая к стоянке для посетителей Библиотеки. — Я тебя в жабу превращу и сдам на опыты.

Здание Библиотеки — строение, похожее на замок из мрачной сказки. Не настолько красивое, как Университет, но такое же невероятное для улиц обычного города. Черные башни, кружевные лестницы, обвивающие их, и центральный корпус с часами. На площади перед парадной лестницей раскинулся большой круглый фонтан, в центре которого возвышалась белоснежная скульптура — приоткрытая книга, высотой с двухэтажное здание. Резной переплет, косы и завитки на обложке, а вокруг скульптуры переплетались струйки воды, выпрыгивающие прямо из круглого водоема. Красиво и помпезно, как и все вокруг.

Паркуясь на специально отведенной стоянке, я столкнулась с соседом Мэрионом. Среди магов, гуляющих по площади, я многих знала в лицо или лично. Сосед не был исключением. Он выезжал с парковки, когда я катила мимо в поисках свободного места. Посигналив мне, он улыбнулся своей лучезарной белозубой улыбкой. Помахав в ответ, я быстро юркнула между двух авто и заглушила мотор.

Широкая лестница полукругом огибала площадь. Захочешь — мимо не пройдешь и обязательно поднимешься к высоким деревянным дверям. Горгульи на перилах, державшие в когтистых лапах раскрытые книги, и другие мифические животные над входом как бы говорили, что образование и литература сделали из животных и монстров разумных существ. Джош с раздраженным видом плелся рядом, глядя под ноги. Я предположила, что здесь среди прочих много его знакомых и коллег, и он не хотел бы предстать в неприглядном виде. И когда мы вошли в помещение с высоким потолком, озаренным золотым светом, исходящим от роскошной хрустальной люстры, он и вовсе сжался. Схватив со стенда экскурсионный проспект, уткнулся в него носом, спрятав подпорченную физиономию. Я уже потеряла к нему интерес и с раскрытым ртом глазела по сторонам. Мраморный пол цвета слоновой кости с мозаичным узором из благородного камня цвета окры, колонны, тянущиеся от дверей, а в центре — великолепный фонтан. Статуя девушки, читающей книгу, переливалась золотыми искрами, как и плещущаяся вода, ласкающая ее босые ноги. Вдоль стен были расставлены мраморные клумбы с благоухающими цветами, а впереди две извивающиеся широкие лестницы с золотыми перилами сходились в одной точке. Неспешный поток людей стремился к ней и вверх, поэтому я решила — нам туда. И, схватив Джоша под локоть, поволокла его за собой.

Поднимаясь по ступеням, я рассматривала картины, которыми были облеплены стены. Репродукции или оригиналы — увы, я не знаток, чтобы сказать точно. Тем не менее, все они были прекрасны: поэты и писатели прошлых лет, увековеченные рукой мастера. Мы шли и шли, а лестница не кончалась. Она оказалась ужасно скользкой, и смотреть по сторонам было не лучшей затеей. Пришлось уставиться под ноги и топтать вперед. Когда я потеряла счет ступеням, Джош дернул меня за руку, и я подняла глаза. Перед нами раскинулся широкий коридор, ни чем не уступающий по убранству холлу первого этажа. Стеллажи с книгами тянулись далеко вдаль и терялись в бесконечности, а между ними притаились узкие столы с настольными лампами. Читальный зал. Проходя между рядами секций, я смотрела и с удивлением понимала, что бывала здесь, но не могу вспомнить — когда. Даже запах книг и пыльных ковровых дорожек казались родными.... Когда переходила из ряда в ряд, справа почудилось движение. Взгляд зацепился за тень, и я обернулась. В помещении заметно посветлело — огромная хрустальная люстра под потолком засияла, ковровые дорожки стали

ярче, словно их только постелили, книжные полки совсем новые и пахли древесиной. Силуэт мужчины в черном пальто таял между стеллажами, в полумраке коридора. А я, держась за подол синего длинного платья из плотной шуршащей ткани, спешила за ним, пыталась догнать. Но он торопливо удалялся, пряча на ходу руки в карманы пальто.

— Ты должен понять меня! — крикнула я, остановившись, когда поняла, что бежать за ним бессмысленно. В горле застрял ком обиды, а на глаза наворачивались слезы злости. Мужчина, перед тем, как скрыться за поворотом, бросил через плечо:

— Не могу.

Видение развеялось в воздухе, как утренний туман, и белой пылью легло на книги, полки и даже пол. Вздохнув, я огляделась и чуть не врезалась в Джоша. Фыркнув, он подтолкнул меня вперед и протащил до середины зала. Воспоминания Линетт все чаще посещали меня, и всегда в неподходящий момент. Еще не понимая, в реальности или в иллюзии пребываю, я продолжала идти. Протискиваясь между столиками, мы шли и шли, пока, наконец, не свернули направо. Пройдя между высокими, под потолок, секциями, оказались в другом коридоре, более узком и темном. Высвободив руку, Джош прошел вперед, не оборачиваясь, дав мне знак следовать за ним. Он определенно знал, куда нужно идти, так что я без сомнений шагнула в терпкий полумрак помещения.

Людей здесь сновало гораздо меньше, поэтому мы добрались быстро. Когда коридор оборвался, перед нашими взорами раскинулось еще одно просторное помещение с величественными колоннами и старинными книжными шкафами, уходящими ввысь. А слева, около стены тянулась длинная стойка из мрамора, за которой стоял молодой человек. Он склонился над книгой, и темные, средней длины волосы, закрывали занавесом лицо. Я видела его взгляд, чувствовала его, и от ощущения замирало сердце. Джош сбавил шаг и направился к стойке, вынудив меня следовать за ним против воли. Остановившись перед парнем, он положил руки на мраморную поверхность, чем привлек его внимание. Мужчина не поднял головы — скользнул взглядом по ладоням Джоша, отметил, как он нервно постукивает пальцами, и замер. Его пронзительно голубые глаза буквально светились. От их взгляда мурашки бежали, хотя он ни разу не посмотрел на меня.

Мгновение никто из нас не двигался. Наконец, голубоглазый поджал губы и, захлопнув книгу, выпрямился. Перед нами стоял маг лет двадцати пяти на вид, в черном пуловере с треугольным вырезом, подчеркивающим стройное подтянутое тело. Легкая щетина темнела на светлой коже и делала его облик чуть взрослее и мужественнее. Его внешность показалась мне привлекательной и интересной, что-то таинственное скрывалось под ней. Слегка сощуренные глаза изучали Джоша лишь миг. Меня парень рассматривал на порядок дольше.

— Добрый день, — вежливо сказал маг, и губы изогнулись в приветливой, едва уловимой улыбке. Приятный тембр, высокий голос, и в душе стало чуть теплее. Этот звук омыл меня, и я ощутила касание где-то глубоко внутри. В груди приятно затрепетало. Я видела его впервые, но уже доверяла. И уже знала, кем он являлся на самом деле — фамильяр высшего звена. Главный в свите нашей правительницы, и его воле невозможно противиться. Он — ее глаза и уши, живность на улицах Эгморра принадлежит ему. Они словно нервные окончания в его разуме. Иммуниет к магии здесь не поможет — его сила куда сложнее. Я бы не хотела оказаться во власти другого мага, но смогу ли противостоять Главному фамильяру?

Джош хотел что-то сказать, но вовремя опомнился. Голубоглазый покосился на него, и

его губы дрогнули в насмешке, но самообладание и стать не позволили проявить иронию. Повесив на лицо скучающе-холодное выражение, фамильяр приподнял вопросительно бровь.

— Чем могу быть полезен?

— Фтенли, — прошипел Джош, но я вовремя подроспела. Подскочив к нему, встала рядом и лучезарно улыбнулась.

— День добрый. Если я правильно поняла Джоша, вас зовут Стэнли?

Голубоглазый чуть заметно кивнул, и его лицо разгладилось. Он выглядел серьезным и задумчивым, когда смотрел мне в глаза.

— Так и есть.

— А меня зовут Эшли. Эшли Браун.

— Я....- начал он, но Джош громко фыркнул и перебил его. Я и Стэнли покосились на парня. Кажется, он так чихал своими огромными распухшими губами. Мужчины долго сверлили друг друга взглядами. Ничего не понимая, я смотрела то на одного, то на другого. Когда Стэнли пождал губы и откашлялся, то перевел взор на меня и закончил фразу:- рад знакомству, мисс Браун. Чем могу помочь?

— Мне хотелось бы выяснить кое-что о ваших посетителях. У меня есть номера их ячеек и имена.

— На самом деле, подобного рода информацией....

Стэнли изобразил сожаление на лице, но я отчетливо видела мелькнувшую на нем тень. И уже знала, что услышу в ответ. Но Джош, фыркнувший в очередной раз, прервал фамильяра. И снова они переглянулись, после чего преобразившийся за мгновение ока Стэнли посмотрел на меня сияющими глазами. И улыбнулся:

— ... я охотно поделюсь. Но при одном условии.

— Каком?

— Вы пообещаете мне не разглашать сведения и тот факт, от кого вы их получили. И вы должны просветить меня, почему я должен ею поделиться.

— Ты ифдеваефся? — профыркал Джош и подался вперед. Опираясь руками на стойку, он всмотрелся в лицо Стэнли. Тот же, едва заметно отстранился и перекоксился, когда смахнул что-то с щеки. Я подавила смешок, втянув шею в воротник плаща.

— Джош, ты довольно странно сегодня выглядишь, — весело произнес голубоглазый. — Усы сбрил? Или прическу сменил?

Прорывчав сквозь стиснутые зубы, Джош резко выбросил руку в мою сторону, и я от неожиданности отпрыгнула.

— Это фсе она! Она налофила на меня фары!

— Что-что наложила? — переспросил с явным любопытством Стэнли. Он уже не скрывал насмешки. Сложив руки на груди, одной потирал задумчиво подбородок и разглядывал плоды моего творения.

— Фары!

— Чары, — вздохнув, протянула я, решив спасти от унижения Джоша. — Я сгоряча наложила на него чары. Хотела, чтобы заткнулся.

— Тогда понятно. Разделяю ваше желание, мисс Браун, — серьезно проговорил фамильяр и мечтательно произнес:- Я бы не был столь сдержан....

— А в профлый раз я икал целую неделю! — с красным от злости лицом пожаловался Джош. — Она ниспослала на меня икоту! Я был близок к суициду — невыносимо икать сутки напролет....

Стэнли поморщился:

— У тебя слюнки, — он покрутил пальцем вокруг своего подбородка. — Вот здесь.

Фыркнув, Джош отвернулся и принялся утираться рукавом. Стэнли же расплылся в довольнейшей улыбке и был похож в эту минуту на кота, обожравшегося сливок. Похоже, нет ничего лучше для этого парня, чем ирония по отношению к Джошу. Он мне начинал нравиться.

Я стояла и смотрела на него. Голубые глаза, темные, почти черные прямые волосы, переливающиеся, точно воронье крыло. Тонко очерченное лицо — он казался красивее с каждой минутой, что я его узнавала. Отчасти надменный, холодный, в глазах такой разум, что кости трещали. Стэнли шутил и улыбался, а под кожей бурлила сила. Я ощущала ее на расстоянии, чувствовала потенциал, скрытый в тесной оболочке человеческого тела. Казалось, если коснуться каменных мышц на руках, кожа лопнет, и прольется магия. Необъятная и горячая, сокрушительная, будто вулканическая лава, хлынувшая из жерла давно спящего вулкана. Так казалось, но в действительности Стэнли не испытывал дискомфорта. Напротив, он отлично совладал с мощью своей сущности. Я ощущала ее не так, как другие маги — благодаря учениям Линетт. И могла с уверенностью утверждать, что Стэнли могущественен не меньше древнего мага леса, хоть и являлся всего-навсего высшим фамильяром.

Про Главного фамильяра говорили — «правая рука владычицы», «ближайший советник» и «предводитель всех низших». Как ближайшее к Верховной Ведьме лицо, он передавал нижестоящим магам распоряжения владычицы и следил за их выполнением. Стэнли знал, на какой ветке, какого дерева, в какой части города сидел тот или иной ворон, слышал его мысли и видел то же, что и он. А я стояла и смотрела на него, не веря своему счастью — передо мной фамильяр, способный обращаться не просто в птицу или кота. Он мог менять облик на тот, который сам пожелает. Только подумав об этом. Прежде я не встречала таких, читала в книгах и видела на картинках, но чтобы вот так, лицом к лицу... И не только его исключительность приводила меня в неопишуемый восторг — Стэнли знал в лицо Верховную Ведьму, был в курсе интриг магического мира и осведомлен о проблемах Высшего Двора. Если бы он соблаговолил ответить на все мои вопросы, посветил в тайны, скрытые за ширмой реальности, то я бы раскрыла дело о смерти не только Саммер, но и узнала, за что убили моих родителей. Стэнли — мой единственный шанс выяснить всю правду, которая являлась смыслом моей жизни...

Наверно, я слишком долго и слишком восторженно смотрела на него. Случайно взглянув на меня, Стэнли вновь покосился на Джоша. Но вдруг резко обернулся ко мне. Приподняв брови, он склонил любопытно голову. Не успела я моргнуть, как Джош аккуратно коснулся пальцем моего подбородка и приподнял. Я и не заметила, что раскрыла рот от удивления.

— Почему она так на меня смотрит? — будничным тоном поинтересовался фамильяр у Джоша, не отводя от меня взгляда.

— Рафпознала твою фуцность, — вздохнув, ответил тот и погладил меня по голове. Я рефлекторно врезала Джошу локтем в грудь, и с его распухших губ сорвался всхлип, переросший в тихий смех. — Эшли отличается от других ведьм.

— Да уж, вижу, — оценивающе сощурившись, загадочно протянул Стэнли. Кажется, он стал понимать фыркающий язык Джоша. Потерев вновь подбородок, фамильяр перевел на парня взгляд, но только на мгновение. Похоже, ему доставляло удовольствие рассматривать

мое лицо. Его глаза то изумленно расширились, то задумчиво сужались, рот приоткрывался, а секунду спустя, губы сжимались в тонкую линию. Стэнли читал меня, как раскрытую книгу, и я была не против. Мне казалось, это честным — я изучила его, и теперь он изучал меня. — Зачем пожаловали? Вряд ли продемонстрировать свои умения и новый экстраординарный облик.

Джош раздраженно фыркнул. Опухоль с лица медленно спадала, и он мог выговаривать все буквы, однако звуки издавал все такие же потешные.

— Дело привело, — многозначительно произнес он и покосился на меня. Я не заметила, как его рука оказалась на моем плече. И только сейчас, опомнившись, стряхнула ее. — Мы, видишь ли, влезли в расследование....

— Не здесь, — посуловев, проговорил Стэнли. Он преобразился на глазах, стал непроницаемым, холодным, как высеченная из камня скульптура. Опустив руки, фамильяр коротким кивком указал нам на дверь за своей спиной. — Там вы все мне расскажете.

— Какой-то он странный, — прошептала я Джошу на ухо, следуя за Стэнли.

Он поморщился и ответил так же тихо:

— Не более, чем обычно.

— Он всегда такой?

— Да. Смеется и плюется сарказмом, а секунду спустя с каменной физиономией выпроваживает тебя за дверь. Нам повезло — он пригласил нас войти в свою Тайную Комнату. — и, сокрушенно вздохнув, добавил: - Думаю, всему виной мое бешенное обаяние и непревзойденная убедительность.

Ага, — с полуулыбкой кивнула я. — Кроме, как бешеным, его никак по-другому и не назовешь сейчас.

Стэнли двигался плавно и текуче, с грацией важной птицы. И чем дольше я смотрела на лопатки на его спине, на то, как перекачивались мышцы под одеждой, тем больше казалось, что вот-вот ткань пуловера прорвут огромные крылья. В тишине померещился шелест перьев, их щекочущее прикосновение к коже — я зажмурилась, и наваждение исчезло.

Тайная комната, как окрестил ее Джош, представляла собой небольшое помещение, скрытое за двумя деревянными дверьми с резьбой. Позолоченная мебель, диваны, обтянутые парчовым шелком, высокие книжные шкафы, и ковер ручной работы. Высокие окна занавешены тяжелыми шторами нежно-персикового цвета, на кофейном столике — ваза с душистыми цветами. И все это великолепие подсвечивала громоздкая хрустальная люстра. Несмотря на высокий потолок, проходя под ней, я опасалась задеть головой — переливающиеся стекляшки свисали довольно низко.

Каблуки туфель погрузились в мягкий ворсистый ковер, и пришлось взять Джоша под руку, чтобы не упасть. От выпавшей ему чести он расплылся в довольной, но издевательской улыбке. Подняв голову, я долго смотрела в красивые наглые глаза парня, пока радость не сошла с его лица.

— Располагайтесь, — бросил Стэнли, обходя диван. Остановившись рядом с книжным шкафом, фамильяр привалился к нему плечом. Скрестив руки на груди, обвел нас внимательным взглядом.

Опустившись на диван, я сложила руки на коленях. Возникло неудобное чувство — Стэнли не стеснялся разглядывать меня и прежде, а теперь я сидела, словно у него на ладони. Джош осторожно опустил свой зад рядом со мной. Видимо, действие чар прошло не до конца, и он все еще ощущал некоторый дискомфорт в отдельных частях тела. Неуклюже, с явной одеревенелостью Джош оперся локтем на подлокотник и уязвлено покосился на меня. Подавив порыв показать ему язык, я поерзала на месте и обратилась открытым, невинным лицом к Стэнли.

Он польщено хмыкнул, и тень улыбки коснулась его губ.

— Джош имел неосторожность ляпнуть, будто вы влезли в какое-то расследование, — небрежно произнес фамильяр и склонил любопытно голову. Точно как птица, но величественнее. — Что он хотел этим сказать?

— С чего бы начать....- проговорила я и закусила взволнованно губу.

— Действительно! — воскликнул Джош и с возмущением уставился на меня.

Ну, сейчас начнется.... Я устало вздохнула и закатила глаза, предвкушая долгую гневную тираду в свой адрес из уст униженного и оскорбленного Джоша.

— С чего же начать?! Может быть, с того момента, когда ты пробралась в дом Саммер? Или с той истории с бэлмортами в парке?

— Джош....

— Нет, надо разобраться! С какого места начинать рассказ?!

— Я всего лишь пытаюсь сделать то, за что не возьмется полиция....- чуть слышно оправдывалась я. Стэнли с живым азартом наблюдал за нашей перебранкой и не спешил вмешиваться. Ему нравилось, как пить дать.

— Хочешь, чтобы тебе свернули шею?

— Хочешь, чтобы я опять пожелала тебе заткнуться? — спокойно парировала я.

Джош резко замолчал. Послышался тихий смех Стэнли.

— Я не собираюсь докладывать выше, — он указал пальцем на потолок, метафорически говоря, что не заложит нас правительнице. И, отлипнув от шкафа, плавной походкой прошелся по комнате. — Объясните мне суть проблемы, и я посодействую по мере возможности. Это как бы и в моих интересах.

— Резонно, — буркнул Джош и перекривился. — Подмажешься к делу, когда половина пути пройдена?

Стэнли мягко улыбнулся.

— К чему цинизм, Джош? Вы что-то знаете, я что-то знаю, — он пожал плечами. — Мы поможем друг другу, и все получим то, что хотим.

Джош мгновение сверлил фамильяра обжигающим взглядом. Я же сгорала от желания треснуть ему как следует за то, что чуть не сдал меня с потрохами подручному Верховной Ведьмы. Уж не знаю, какие у них отношения, но я бы не стала распаляться при Стэнли о наших приключениях и упрекать кого-то в любопытстве! Да, я сужу со своего места, но Джош мог бы промолчать....

Вопреки моим ожиданиям, он не ослабил и не плюнул в адрес Стэнли. Откинувшись на спинку дивана, расплылся в улыбке. Лицо разгладилось, озарилось, а глаза засияли. Я не знала эту маску — Джош играл с главным фамильяром Эгморра? Вытягивал из него информацию? Хотел убедиться в том, что мы не напрасно пришли?

Заметив перемены в Джоше, Стэнли усмехнулся. Не холодно и не озлобленно, что было бы логично. Нет, он впервые за нашу встречу показал свою истинную личину — простого добродушного парня с выразительным взглядом и по-мальчишечьи искренней улыбкой. Я смотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами, когда Джош наклонился в мою сторону и произнес:

— Не верь ему. Он не такой белый и пушистый, как может показаться.

Стэнли устало рассмеялся, посмотрев себе под ноги. Не отворачиваясь от него, я пожалала плечами.

— Он и не похож на белого и пушистого. Думаю, вы — друзья или очень давно знакомы и хорошо друг друга знаете. Только так можно объяснить поведение Стэнли, — я посмотрела на Джоша и наморщила носик. — Да и твое тоже.

Прищурившись, он долго смотрел на меня, пока Стэнли не привлек его внимание. Шагнув в нашу сторону, фамильяр медленно прошелся мимо дивана. Импульс силы, похожий на порыв горячего ветра, коснулся волос и лица, и невольно сбилось дыхание. Я подняла глаза.

— Признай, она раскусила нас, — ухмыляясь, сказал Стэнли. — Я ни разу не заметил в ее взгляде сомнений. Понятия не имею, чем она руководствуется, но чутье ее не обманывает.

Джош покосился на Стэнли.

— Не всегда.

— Не будь такой занозой, Джош. Бывает, сложно разглядеть то, что на виду, перед самым носом. Это не ее вина. Никто не застрахован от ошибки. Ни ты, ни даже я.

— Самовлюбленный попугай, — с усмешкой произнес Джош.

— Вы друг друга стоите, — сказала я, откинувшись на спинку дивана. И, сложив руки, обиженно насупилась. — И объясните, почему вы не называете меня по имени?

Мужчины переглянулись. Воздух в комнате загустел, время замедлило ход. Показалось, что они тоже застыли, словно восковые фигуры. Если бы не мелькнувшая мысль в глазах

обоих — странная, мимолетная тень, я бы так и решила. Нет, Стэнли и Джош о чем-то без слов переговаривались. И мне это не очень-то нравилось.

— Эй! — крикнула я. — Вы отключились что ли?

Первым отмер Стэнли. Он перевел на меня ничего не выражающий взгляд и одарил милой улыбочкой.

— Для пользы дела. И у стен бывают уши. Такие сморщенные, — он показал на себе, брезгливо передернувшись, — свисающие. Жуть, одним словом.

Я целое мгновение смотрела на него, не моргнув и не поведя бровью. Стэнли какое-то время кривлялся, пока мое пристальное внимание не смутило его. Откашлявшись, он принял серьезный вид и посмотрел на Джоша.

— Объясни ей.

Повернувшись вновь ко мне, Джош вздохнул.

— Система, и все такое.

Я понимающе закивала.

— Теперь ясно. Может, перейдем, наконец, к делу? Скоро вечер...

— А что, торопишься куда-то? — съязвил Джош.

Я хмыкнула и отвернулась от него. Взгляд невольно скользнул к Стэнли. Он внимательно всматривался в мое лицо, и это начинало откровенно раздражать. Да что такое, черт возьми?! На мне розы распускаются или растет второй нос?!

— Не приставай к девушке, бесчувственный эгоист.

— Да иди ты, — огрызнулся Джош. — Общипанный петух.

— Время идет, не пора ли переходить к делу? — уже повысив голос, поинтересовалась я. — После обменяетесь комплиментами.

— Итак, — торжественно произнес Стэнли, и, пододвинув кресло, сел напротив нас. Закинув ногу на ногу, сложил руки на коленях. — Какие ячейки, кому принадлежат, как узнали — все по порядку. Я весь внимание.

Пришлось изложить фамильяру историю моих походов по мертвым домам. Я нехотя поведала о схватке с бэлмортом, явившимся за книгой, о происшествии в парке.... Он не проронил ни слова, не задал ни одного вопроса — только очень внимательно смотрел в глаза. Иногда возникало ощущение, будто он не слушает меня, а читает. Джош изредка встревал, вставлял свои комментарии, но я не обращала внимания. Манера у него такая — доводить до белого каления. Когда повествование коснулось найденных обрывков бумаги с именами и номерами ячеек, Стэнли посуровел. Задумчиво потирая подбородок, он дослушал до конца и только потом заговорил:

— Не все маги, чьи имена значатся в записках, умерли. Вивиан Моррис, насколько я знаю, жива — здорова.

— Да, — поддакнул Джош. — Мы в курсе.

— И порядок имен не ясен, — протянул фамильяр. — Что вы думаете на этот счет?

— Мы пока не поняли схему, по которой действует убийца. Его умысел для нас остается загадкой. Что вообще означают эти записки в домах убитых?! — Я замолчала и посмотрела на Стэнли, а после паузы добавила: — Что, если это послания для бэлмортов? Быть может, убийца так наводит его на новую жертву?!

— Все очень просто, — после долгого молчания Стэнли откинулся с расслабленным видом на спинку кресла. И улыбнулся, оставив мой вопрос без ответа. Я выполнила свою часть уговора — он сразу перешел к делу. — Ячейки служат средством передачи

информации между магами, задействованными в Системе. Номера тщательно скрываются, сведения о владельцах засекречены. Лишь единицы знают, кому какая ячейка принадлежит. Поэтому я пребываю в недоумении — как убийца мог их вычислить!?

— Ты же уже понял? — хмыкнул Джош.

Стэнли посмотрел на него и улыбнулся еще шире.

— Да, понял. Убийца в Системе. Он среди нас и убивает своих коллег и друзей.

— Очень просто и понятно, — буркнула я, и мужчины уставились на меня. — Сколько магов из Системы работает в Библиотеке?

Стэнли, не задумываясь, выпалил:

— Сто сорок два.

Глава 29 (продолжение)

— Замечательно! — воскликнула я. — Сто сорок два подозреваемых! О таком интересном и запутанном расследовании я могла только мечтать!

— Я тоже вхожу в их число, — тихо добавил Стэнли и откашлялся в кулак.

— Твой высокий чин не снимает с тебя подозрений. При всем моем уважении, — парировала я. Стэнли поперхнулся и закашлялся, на этот раз по-настоящему. Джош заржал, запорокинув голову на спинку дивана.

— Разумно, — отозвался фамильяр. — Но зачем тогда мне рассказывать вам все это?

Я лучезарно улыбнулась.

— Чтобы запутать нас, конечно же.

Повисла пауза. Стэнли растерянно моргал, а Джош задумчиво разглядывал то меня, то фамильяра. Когда тишина стала невыносимой, я решила ее нарушить:

— Это не значит, что я тебя в чем-то обвиняю.

— Я знаю, — спокойно отозвался Стэнли.

Он вообще производил впечатление уравновешенного и сдержанного экземпляра. Скуп на эмоции, проявляет их в исключительных случаях. Таких, как, например, паясничество и ирония по отношению к Джошу. И сейчас он казался совершенно равнодушным. Невольно закрадывалось сомнение — он что-то скрывал, хитрил? Но точно знал гораздо больше, чем говорил.

— Не все работники Системы каждый день бывают в Библиотеке. Здесь наш главный офис, так сказать.

— Я так и подумала. А теперь можно взглянуть на ячейки убитых? — по-деловому спросила я. Стэнли едва заметно шевельнул бровями. Джош заерзал на месте, но кроме сосредоточенного взгляда в сторону фамильяра от него ничего не последовало.

— Почему нет?! — видимо, мысленно он дискутировал сам с собой. — Можно.

Грациозно поднявшись из кресла, Стэнли направился к дверям, в которые мы вошли. Мне и Джошу ничего не оставалось кроме, как последовать за ним. После поворота мы очутились в зале с бесконечными книжными шкафами. Стэнли прошел мимо, проследовал в коридор, ведущий в смежное помещение, свернул налево, и перед нами появилась очередная массивная дверь. Она словно соткалась из воздуха — из тусклого голубого сияния, что дрожал в настенных канделябрах. Дернув за ручку-кольцо, он открыл ее и вошел первым в темную комнату. Только когда за нами захлопнулась дверь, я смогла разглядеть ряды металлических ячеек, похожих на камеры хранения в магазине. Стэнли шел вглубь, туда, где белела искра света, а мы покорно брели следом. В помещении постепенно становилось светлее, металлические ящички сменялись на стеклянные полочки со странными искрящимися предметами, а вскоре и их заменили книжные стеллажи. Стэнли остановился у одного из таких стеллажей и посмотрел на нас.

— Здесь располагаются книжные ячейки наших служащих.

— Я думала, они похожи на камеры хранения, как при входе в комнату, — немного разочарованно протянула я.

Стэнли хмыкнул.

— Они намного надежнее металлических, ведь их защищают чары.

— Чары? Какие именно?

— Приблизительно те же самые, коими маги пытаются обезопасить свои жилища. Чары защиты, разумеется.

Я могла бы довольствоваться его словами, но захотелось проверить. Я должна была проверить! Поэтому медленно протянула руку к одной из полок, а в следующую секунду кожу закололо от магии. Еще через секунду начало жечь, и я отпрянула. Если влезть глубже, то можно остаться без кожи вовсе — отличное заклинание. Что лежало на полке — разглядеть было невозможно: мутная поволока, похожая на искрящийся туман, скрывала содержимое. Чары точно полупрозрачное желе.

— Как его можно обойти? — спросил Джош, с восторгом наблюдая за моими движениями — я трясла кистью, надеясь ее охладить и облегчить боль.

— Никак, — лаконично ответил Стэнли, с равнодушным видом взглянув мою сторону. Кожу жгло достаточно сильно, и хотелось сунуть руку в ледяную воду. — Разве что дождаться смерти владельца.

— Значит, убийца хотел заполучить то, что лежало на полках убитых им магов. Что там могло быть?

— Что угодно, — пожал плечами Стэнли. — От недельного отчета до секретных сведений. Сложно сказать, что именно, но в любом случае что-то важное.

— А возможно выяснить, какие вещи хранил убитый маг в своей ячейке? Учет ведется? И почему на полках в их домах стояли библиотечные книги?

Стэнли со скучающим выражением снова пожал плечами.

— Раз в месяц составляется опись предметов в ячейках. Этим занимается заведующий залом хранения. Мы его называем Хранитель ячеек, — Стэнли усмехнулся, пряча руки в карманы брюк. — Надо же как-то развлекаться на рабочем месте.

— И где сейчас этот Хранитель? — спросила я, возникнув между мужчинами. Рука все еще беспокоила, но я перестала обращать на нее внимания. Иначе у Джоша появится тема для шуточек в мой адрес. Красную и распухшую конечность я спрятала в карман плаща, пока она туда еще помещалась. Дома разберусь, как быть дальше.

Стэнли снова принял серьезный вид и выразительно посмотрел на меня.

— Им был Майкл Бишоу. Нового Хранителя мы пока не назначили.

В груди похолодело. Джош посмотрел на меня с тревогой, проворно схватил под локоть и притянул к себе. Я не собиралась падать без чувств, но что-то его насторожило в моих глазах.

— Это же первая жертва, — почти шепотом пробормотала я. Стэнли поджал сочувствующе губы.

— Да, я знаю. С его уходом потеряны все сведения о ячейках.

— Он владел целительной лавкой.

— Всего лишь прикрытие. Да и вторая профессия не порицается у нас.

Из зала хранения я уходила под руку с Джошем, хотя вполне могла самостоятельно стоять на ногах. Понятия не имею, с чего ему взбрело в голову хвататься за меня. Следуя за Стэнли, который терялся среди полок и секций, мы молчали. Силуэт фамильяра подсвечивало льющееся из окон яркое солнечное сияние — золотисто-желтое, мерцающее. Джош смотрел вперед невидящим взглядом, а я следила за плавными движениями Стэнли. Его грациозность впечатляла. Так по-птичьи, красиво и величественно никто не умел ходить.

Я не заметила, как мы спустились в холл первого этажа. Шум и прохлада фонтана

привели в чувства, и я посмотрела на Стэнли. Остановившись у выхода, он едва заметно поклонился мне без тени улыбки.

— Если возникнут вопросы или догадки, я с удовольствием помогу их разрешить. До встречи!

— До встречи, — проговорили мы с Джошем в один голос, и вышли на улицу.

— И от чего бы он так быстро согласился помочь? — задумчиво пробормотала я, спускаясь по лестнице. — Зачем ему это?

— Какая разница?! — раздраженно прошипел Джош, озираясь по сторонам. — Ей помогли, а она еще недовольна!

— Ну, — протянула я. — Странно как-то. Так легко расстался с ценной информацией....

Джош хмыкнул.

— А ты хотела, чтобы он тебе тридцать три испытания подготовил? Пока не принесешь голову дракона и волос с задницы единорога, не получишь сведений о библиотечных ячейках умершей соседки?!

— А ты зачем в меня вцепился?

— Мне показалось, что ты в обморок грохнешься, — огрызнулся Джош.

— Неправда! Я превосходно себя ощущала.

— Тебе видней.

— И почему он поклонился нам?

— Может, у них так принято?! Птицы постоянно кланяются, не замечала?

Я с возмущением посмотрела на Джоша.

— Что? — он развел руками с непонимающим видом, когда мы подошли к машине. — Что ты хочешь от меня? Я сам пребываю в состоянии легкого потрясения.

Ничего не ответив, я поджала губы и села за руль. Джош не заставил себя ждать и быстро оказался на соседнем сидении.

— Что дальше? — спросил осторожно он, когда мы отъехали от библиотеки и выехали на центральный проспект.

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Похоже, придется забраться в дом Бишоу.

Ночь медленно спускалась на город, накрывая его далеким сиянием звезд. Бросив машину в неприметном дворе, я пошла к дому Майкла Бишоу пешком. Старые постройки смотрелись жалко и застыжено на фоне бетонных великанов, сверкающих стеклом огромных окон, подсветками и прожекторами. Старый спальный район застроили современными комфортабельными высотками, вырубил почти все старые деревья, посадив взамен живые изгороди и декоративные растения. Тропики среди полуразвалившихся зданий из камня и глины смотрелись неуместно и слишком вычурно, как павлин, по ошибке затесавшийся в стаю ворон.

Свернув за угол жилого дома с покосившейся крышей, я вышла к многоэтажному комплексу. Подъездная площадка перед воротами в подземный гараж и парадные стеклянные двери хорошо освещались прожекторами. Небольшой клочок асфальта перед домом озарял желтым мерцанием фонарь, стоявший у дороги. Чтобы не попасть в поле зрения камер наблюдения, установленных над входом, я шагнула в тень и обратилась в дым. Пролетев над спящей улицей, миновав несколько жилых зданий и оказавшись рядом с домом умершего мага, осторожно опустилась вниз. Едва ощутив землю под ногами, перебежала дорогу. Около небольшого крыльца раскинулся густорастущий кустарник с плотными зелеными листьями — в его тени я и притаилась. От осиротевшего жилища веяло холодом, пробирающим до костей. Я слышала, как по стенам ползет тьма, ощущала кожей ее движения — она ликовала, почуяв жизнь, и стремилась к ней, но не могла выбраться из дома. Старые доски чуть слышно поскрипывали от ветра, из щелей между ними доносился гул, и если бы не фонарь через дорогу, я бы уже билась в панике. Тьма в доме — отпечаток смерти. Все, что осталось от чьей-то загубленной жизни, и мне тяжело находиться рядом с ней. Почему-то мое хрупкое тельце притягивало ее, как сладкий густой сироп муху. Стоит коснуться, и все пропало, я увязла. Оставалось концентрировать внимание на дыхании и остерегаться дотрагиваться до стен. Да ни к чему нельзя притрагиваться, черт возьми! Густая липкая черная дрянь скользит бесшумно и прячется в тени, ее сложно обнаружить. И одного случая мне вполне достаточно — бэлморты чуют за версту маленькую ведьмочку и нападают со всех сторон. Тихо, как мышка, я спряталась за ветвями кустарника и огляделась.

Прислушиваясь к шорохам и шелесту травы, стояла, затаив дыхание. И чуть не лишилась чувств, когда чья-то рука легла на плечо. Закрыв рот ладонью, чтобы наружу не вырвался вопль ужаса, резко обернулась и уткнулась носом в крепкую мужскую грудь. Синяя форменная рубашка с начищенным значком, поверх которой в ночном мраке блестела черная кожаная куртка. И этот до боли знакомый запах.... Подняв голову, я увидела улыбающегося Бена Шермана.

— Я так и знал, — сказал он. — Ты становишься предсказуема, Эшли.

— Что ты здесь делаешь? — громким шепотом спросила я, проглотив трепещущее сердце.

— Патрулирую улицу. Работа у меня такая, — передразнил он меня таким же громким шепотом.

— А где твой напарник?

От Бена пахло свежестью, новой кожаной курткой, и даже аромату ночных фиалок, заполнившему улицу, было не под силу перебить эти запахи. У меня закружилась голова, и

пульс колотился уже вовсе не от ужаса — мне нравился этот истинно мужской дух. От него приятно перехватывало дыхание.

— Свалился с гриппом. На пару дней я остался один на целый район.

— Я нарушаю частные границы.... Ты арестуешь меня?

— С тобой опасно связываться, — он сделал вид, что задумался — посмотрел в ночное небо. А мигом позже опустил на меня лукавый взгляд. — Пожалуй, я сделаю вид, будто не заметил тебя. Ты такая маленькая и хрупкая — легко спутать с тенью кустарника.

Я обиженно наморщила носик.

— Вот как. Замечательно.

Развернувшись на каблуках, я шагнула к дому, но Бен шикнул на меня. Пришлось остановиться и обернуться, не забыв закатить раздраженно глаза.

— Что еще? Меня здесь нет, ты забыл?

— Ты пойдешь в одиночку в это мрачное, полное загадок и мистики место? — саркастически поинтересовался он.

Изогнув бровь, я вопросительно склонила голову.

— Я всегда так делаю. Тебя что-то смущает?

Бен повесил на лицо скучающее выражение.

— Если с тобой там что-то случится — отвечать мне головой.

Я улыбнулась.

— А, может, тебя разбирает любопытство?

— Не так, чтобы очень, — протянул он, пожав вяло плечами. — Но дабы удостовериться в твоей безопасности, обеспечить себе спокойствие и без эксцессов закончить смену, придется последовать за тобой....

— Только из-за этого?

— Конечно.

— Я сделаю вид, что поверила, — хмыкнув, я направилась к дому.

— А я сделаю вид, что мы не нарушаем закон, — произнес он и побрел следом.

Невысокие стены, деревянные ставни с резьбой на окнах, и запах сырости — старая постройка, утратившая последнюю частичку тепла. Он словно умер вместе с хозяином и потихоньку начинал гнить. Ступив на порог, я застыла перед входной дверью. Желтая оградительная лента была сорвана с одной стороны и развивалась на ветру. Дождавшись, когда подойдет Бен, я пальцем указала на оторванный конец ленты.

— Может, ветром сорвало, — неуверенно предположил он. — Дверь вроде бы заперта....

— Я не чувствую магии или постороннего присутствия, — оглядев дом снизу вверх, пробормотала я. — Надеюсь, ты прав.

Капнув зелье в замок, я дождалась, когда дверь сама отворится, и шагнула в крошечный мрак пустого жилища. Бен не отставал ни на шаг, как будто боялся потерять меня из виду. В нос ударил запах старой мебели и ветхой ткани, в воздухе висели частички пыли, из-за которых стало тяжело дышать. Мы замерли в проходе, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте, а с минуту спустя начали прорисовываться очертания интерьера. Скромная мягкая мебель — диван и два кресла — стояли у углового окна слева. Торшер с белым абажуром, ковер-пейзаж на стене и напольная ваза с красными каллами. Справа — вешалка для одежды и зонтов, полка для обуви. Более, чем примитивно, но уютно.

Впереди темнел прямоугольник открытой двери, и я шагнула к нему с замиранием

сердца. Скрипнула половица, пришлось остановиться. Прислушиваясь к пустоте, я простояла какое-то время, но кроме собственного пульса ничего не услышала. Даже дыхание Бена слилось с тишиной. Чувство тревоги нарастало, чего не происходило со мной в других домах, но я рискнула войти в следующую комнату. Чем ближе подходила к проему, тем отчетливее становились силуэты. Круглый обеденный стол в центре просторной комнаты, был окружен стульями. словно оставленные после шумного застолья, они оказались не задвинутыми. Слева от входа высился буфет с накрахмаленными салфетками и хрустальной посудой, а справа притаилось кресло с резными деревянными подлокотниками. Больше здесь не было никакой другой мебели, разве что подставка для комнатного растения у приоткрытой двери, ведущей в кухню.

Я шагнула влево, вошла в тень от лестницы на второй этаж и остановилась, дожидаясь Бена. Он обогнул стол, разглядывая каждую мелочь с профессиональной тщательностью. На бархатной скатерти стояло блюдо с фруктами — аппетитные красные яблоки, зеленый виноград и сливы. Хотелось предостеречь его от сомнительного удовольствия, но слова застряли в горле. Не нужно было включать свет или хотя бы фонарь, чтобы почувствовать запах крови, которой здесь было забрызгано абсолютно все. И потолок, и стены, и фрукты.... Сердце kloкотало в горле, выпрыгивало изо рта, слабость во всем теле накрывала тяжелым одеялом. Я теряла волю, но боялась коснуться стены, облокотиться на перила лестницы. История повторилась: Майкл Бишоу был убит точно так же, как остальные....

Как я и предполагала, Бен протянул руку к яблоку, явно намереваясь взять его. Но, вопреки бессилию, я успела остановить полицейского. И громко прошептала:

— Не делай этого! Прошу тебя, не трогай ничего!

— Оно отравлено? — усмехнувшись, Бен замер — ладонь застыла над сочным, вызывающим аппетит фруктом, который покрывала сетка алых капель.

— Хуже, — сглотнув, прошептала я, — оно в крови.

Бен больше не улыбался. Опустив руку, другой он вынул фонарь из кармана куртки, чтобы проверить мои слова, но не успел — скрипнул потолок над головой патрульного. Я едва не вскрикнула, а вместо фонарика он достал пистолет. Направив оружие дулом к лестнице, Бен быстро и бесшумно пересек комнату и застыл рядом со мной.

— Мы не одни, — озвучил он наше общее опасение. Я осторожно перевела дух, боясь оказаться услышанной.

— Знаю. Но я ничего не чувствую.

— То есть? — не понял Бен. Он смотрел на лестницу неотрывно, не моргая, почти не дыша. Пульс оглушал меня, и чтобы успокоить сердце, какое-то время я думала лишь о дыхании. Когда стало чуть легче, смогла говорить:

— Так бывает, когда пытаешься прочесть человека или бэлморта. Никаких признаков магии.

Бен медленно перевел на меня настороженный взгляд. Я виновато поджала губы и отвела глаза, посмотрела вверх лестницы. Он же еще какое-то время глядел на меня. Вдруг половица второго этажа скрипнула в месте, противоположном прежнему, ближе к нам. Бен бросился за лестницу, не забыв схватить меня за рукав плаща. Я не успела моргнуть, как оказалась прижатой спиной к стене, лицом к лицу с ним. Между нами практически не осталось пространства, чтобы даже руку просунуть, и нельзя было развернуться. Но меня не непосредственная близость с объектом моих воздыханий волновала, а стена, к которой я почти прислонялась. По ней уже ползла тьма.

Передать волнение, испытываемое в сложившейся ситуации — сложное дело. С одной стороны, я стояла, можно сказать, прижималась к телу мужчины, к которому была не равнодушна. С другой — по спине бежала струйка ледяного ужаса от ощущения дряни, стекающей со всего дома ко мне, чтобы прилипнуть и разрушить мой разум, а затем и жизнь. С третьей, по второму этажу дома бродил кто-то еще. И вероятнее всего, убийца. Душа разрывалась от противоречий, а сердце неистово отбивало ритм из-за подскочившего адреналина. Мне было приятно вдыхать аромат кожи Шермана, но он отвлекал от основной задачи — остаться незамеченной и не подпустить к себе темную магию.

Я простояла какое-то время, таращась в грудь Бена. Он не касался меня, но стоял очень близко — кожу на лице обжигало дыханием, я слышала его сердце. Оно билось размеренно, но слегка учащенно, не так бешено, как мое в этот момент. Подняв голову, я встретилась с ним взглядом. Бен стоял, опустив голову, и напряженно всматривался в мои глаза. Совершенно серьезный, брови настороженно приподняты. Я догадалась, что он вслушивался в тишину, а не меня разглядывал. Бену просто надо было на что-то смотреть, чтобы сосредоточиться, а я уже почти растеклась от счастья.... Наивная Эшли.

Глава 30 (продолжение)

По спине поползли противные мурашки, кожу щекотало и щипало одновременно, но было трудно вынырнуть из затягивающего омота голубых глаз. Когда сердце испуганно дрогнуло, я очнулась — тьма нашла меня и могла спокойно заглатывать, пока мои мысли заняты романтикой. В спину ударил могильный холод, послышался запах гари, и тело отреагировало быстрее мозга. Втянув носом воздух, я выскользнула из-за лестницы и выбежала в центр комнаты. Часто дыша, развернулась к Бену, но черное пятно, стекающее по стене на пол, занимало меня куда больше патрульного. Он ошеломленно округлил глаза и жестом позвал обратно, но в ответ я отрицательно помотала головой. Густая, как смола, мерзость ползла к моим ногам через комнату. Она не смогла достать меня, не сумела отыскать обнаженный участок кожи, чтобы проникнуть в тело, только дотронулась до ткани плаща. Но, честно говоря, легче от этой мысли не становилось. Стараясь не шуметь, я забралась ногами на стул, а офицер Шерман с ужасом в глазах наблюдал за моими действиями. Догадываюсь, что создавала впечатление умалишенной взбалмошной девицы, но меня обуял нечеловеческий страх! Когда Бену надоело махать и беззвучно ругаться, он поджал губы. Легко ступая, двинулся в мою сторону, рассчитывая снять со стула вопреки воле.

Рядом с лестницей на втором этаже скрипнул пол. Мы замерли и одновременно посмотрели вверх. Я — стоя на стуле, а Бен — подкрадываясь ко мне с успокаивающе выставленными вперед руками. Пожалуй, тоже неплохое зрелище — застать парочку в пустом доме в таких позах. Лучше бы мы обжимались под лестницей....

Медленно выдохнув, Шерман повернулся ко мне и скользнул тенью, но когда приблизился, я уже стояла на полу. Интересное дело: рядом с ним тьма отступала. Отползала прочь, будто бы боялась. Я давно заметила, но на этот раз не преминула воспользоваться и осмелилась спуститься со стула. Однако порадоваться собственной смекалке не удалось, так как Бен потащил меня за рукав обратно под лестницу.

— Ну, нельзя же так напирать на девушку, — промямлила я, но патрульный был неумолим. Затолкав обратно в тесное пространство между стеной и лестницей, на этот раз сам встал спиной к стене. Решение далось не без труда, ведь он поставил меня под удар, но, видимо, мой концерт на стуле не прошел даром. Шерман догадался, что я пряталась от мерзости, которую кроме меня никто не видел, и позволил сменить положение. Стиснув зубы, он недовольно смотрел на меня. Я опустила смущенно взгляд — осталось пошаркать ножкой и потерев край плаща для убедительности в полном раскаянии. Но миг спустя чувство неловкости сменила тревога.

Верхняя ступень скрипнула — тот, кто находился в доме помимо нас, спускался на первый этаж. Еще одна ступень, еще... И по спине пополз мороз. Забыв о дряни на стене, я вжалась в лестницу. Бен приложил указательный палец к губам, и мы замерли. Мысленно считая шаги неизвестного, вскоре я перестала вообще что-либо чувствовать. Некая отрешенность, холодное спокойствие перед лицом опасности. Трусость мне не свойственна, но чувство самосохранения никто не отменял. И если забыть о страхе, мыслить трезво и рассчитывать свои силы и возможности, можно выйти сухой из любой ситуации. Сегодня был как раз такой случай.

Ступени быстро закончились, и неизвестный остановился. В памяти всплыл похожий

эпизод, произошедший в доме портного Калеба. Тогда по дому убитого мага сновал бэлморт, Лорелея и я чудом остались незамеченными. Или он проигнорировал нас, не посчитав угрозой. Откашлявшись, мужчина ступил на скрипучий пол. Да, это определенно был мужчина. Послышался запах дорогого одеколона и пота. С трудом, но улавливалось тяжелое, напряженное дыхание. Вскользь посмотрев на Бена, я увидела гнев, мелькнувший тенью на его лице и морщинками на лбу. Он смотрел на человека у лестницы и мрачнел на глазах. Захотелось обернуться и узнать, что его так напрягло, но пришлось сдерживать любопытство. Бен заметил мой пристальный взгляд. Обреченно прикрыв глаза, коротко мотнул головой. Мне это не понравилось.

Мужчина двинулся к выходу, шурша одеждой. Когда он достиг дверного проема, я позволила себе повернуть голову и взглянуть. Сердце екнуло и молниеносно упорхнуло в пятки. Я забыла, как дышать — могла только стоять и смотреть на человека в черной толстовке с капюшоном, накинутым на голову. Испытав за долю секунды страх, негодование, озарение и ярость, я прерывисто вздохнула и привлекла его внимание. Резко повернув голову, он бесконечно долго смотрел во тьму под лестницей, а я смотрела во тьму под капюшоном и не могла разглядеть лица. Неужели Странник имел отношение к убийствам? Или он, как и я, шарился по домам и искал

правду? Вот к чему все его вопросы, вот откуда все его сведения?!

Желание выбежать на свет и сдернуть с головы капюшон достигло апогея. Я даже попыталась выйти, но была пойманной за рукав Беном. Да и надобность отпала: мужчина сам шагнул в тень и остановился перед нами, широко расставив ноги. Руки свободно повисли вдоль тела, крепкое сложение которого хорошо угадывалось даже через свободную одежду. Темные джинсы и ботинки на мощной подошве — я никогда не обращала особого внимания, но, кажется, у Странника точно такие же.... И этот ужасный запах табака, от которого першило в горле. Детали говорили сами за себя: перед нами ни кто иной, как мужчина из бара, известный под скромным, но, в то же время, загадочным именем Странник.

Сжав кулаки, я почти подалась вперед, но Бен уперся рукой в лестницу, преградив путь. Пришлось замереть и злиться молча.

— Так-так. Кто здесь у нас, — прозвучал до мурашек знакомый голос. Внутри что-то оборвалось и разбилось вдребезги о разочарование. До последнего теплилась надежда на то, что я ошиблась. — Мои старые знакомые, — голос прозвучал грубее и ниже.

Бен тяжело выдохнул сквозь стиснутые зубы. Меня настораживала его реакция. Он вел себя так, словно знал стоявшего перед нами неизвестного, и достаточно хорошо. Но задать исчерпывающий вопрос не хватило времени. Мужчина скинул капюшон и явил нам свое лицо. Честно сказать, от неожиданности у меня подкосились ноги — перед нами стоял детектив Брейнт.

— Что вы здесь забыли? — интонация его голоса снова изменилась. Теперь детектив говорил горячо и сквозь зубы. Чувствовался нарастающий жар в помещении, и сложно было определить, откуда или от кого он исходил. — Больше негде потискаться? Шерман, ты разве не при исполнении?

— Никак иначе, — нехотя процедил Бен, но с места не сдвинулся.

— Так какого черта ты обжимаешься под лестницей с неугомонной мисс Браун? Ей скучно живется, она и тебя втянула в свои безрассудные забавы? Или ты с ней заодно? Помогаешь проникать в дома?

— Нет, сэр, — прорычал Шерман. Он мог бы сказать, что патрулировал улицу, проезжал мимо и заметил приоткрытую дверь и сорванную ленту. Вошел в дом и обнаружил меня, копающуюся в вещах. Но не сделал этого. Он вообще ничего не сказал.

Брейнт сурово прищурился и склонил голову:

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? Каким ветром вас занесло на место преступления?

— А вас каким? — холодно поинтересовалась я и вышла из-за лестницы, невзирая на безуспешные попытки Бена остановить меня. — Что вы забыли в доме Майкла Бишоу?

Вглядываясь в лицо Брейнта, я не могла поверить, что передо мной тот самый Странник, с которым я делилась догадками, рассказывала о найденных уликах и спрашивала совета. Неужели все время, что мы знакомы, он пользовался мной? Выуживал информацию, чтобы повысить раскрываемость отдела и собственный кругозор? В голове не укладывалось.... Тот самый Странник, который любил говорить загадками, играть на моих нервах? Тот, в кого влюблена моя подруга Лорелея? Не может быть. Я в диком ужасе!

— Я должен отчитываться перед гражданской? — усмехнувшись, Брейнт облизал губы, и выражение его лица сменилось на бездушную, суровую маску. — Вы нарушили закон, милочка. Да еще и нарываетесь на грубость.

— Не называйте меня милочкой, — процедила я. — Я знаю, что нарушила и готова понести ответственность, но оскорблений и фамильярностей не потерплю!

— Какие мы нежные, — плюнул он. — Похоже, по-хорошему признаваться, вы не намеренны. Ну, ничего. Ночь в обезьяннике развяжет вам язык.

— Что?!

Брейнт уже сдвинулся с места, доставая на ходу из-за пояса наручники. Бен бросился ко мне, но словно натолкнулся на стену в лице детектива и застыл рядом. Лишь поджал губы, но не попытался помешать. Понятное дело, старший по званию....

— А ты, Шерман, — весело добавил Брейнт, щелкая передо мной замком наручников, сомкнувшихся на запястьях, — можешь сам на себя их надеть.

— А не пошли бы вы, сэр? — спокойно отозвался Бен, на что детектив тихо рассмеялся.

— Тебе виднее. Статью ты уже заработал, что изменится от еще одной?! Да, Шерман? — С лица детектива ушли краски, в глазах зашевелился гнев. И голос его прозвучал холодно и резко: - А теперь на выход. Оба.

Полицейский участок — белоснежное здание, единственное светлое пятно на улице Стоун, с огромной стоянкой для служебных машин и круглой площадью, выложенной серой плиткой. Живая изгородь, охватывающая всю территорию, аккуратно подстрижена, настолько, что об углы квадратных шапок кустарников можно было уколоться.

Брейнт припарковался слева от входа со стеклянными автоматическими дверьми и вышел из машины. Не скажу, что он был груб, когда помогал выбраться с заднего сиденья, но мог бы быть чуточку деликатнее. Бену повезло больше, ведь он был без наручников.

В отделении полиции я оказалась впервые, да еще под конвоем детектива Брейнта. Полицейские, сидящие на вахте в будке при входе, словно вышколенные мальчишки, вызвались сопроводить нас, распахивая друг друга локтями, но детектив любезно отказался. Первый — худой и высокий парень лет двадцати пяти, с кудрявой темной гривой волос и большими серыми глазами, смотрел на меня, как на экспонат в музее. Полагаю, ведьмы здесь не были частыми гостями. Выпрямившись, будто по стеночке, руки по швам, он осмотрел меня с трепетным восторгом. Боюсь предположить, сколько счастья принес бы ему личный досмотр.... Бен, идущий рядом справа, взглянул уставшим взглядом на молодого выскочку, и тот странным образом сжался — ссутулился и потупил взгляд.

Второй полицейский — широк в плечах, коренаст, обладатель плотного висящего живота. Такое впечатление, будто он проглотил боксерскую грушу. Короткий ежик русых волос на круглой голове, выразительные карие глаза и тонкие губы. Ему было на вид не меньше тридцати восьми лет, в уголках глаз рассыпался веер тонких морщинок. Похоже, он много улыбается, да и, в общем, служитель закона создавал впечатление добродушного парня. В отличие от своего начальника.

Детектив Брейнт шел по холлу отделения полиции с каменной физиономией. Народу в темное время суток тут сновало предостаточно: мимо нас прошли несколько патрульных, сопровождавших троицу изрядно подвыпивших парней, норовивших вырваться из лап закона и улизнуть на ватных ногах обратно на улицы. За стойкой в правом углу сидели за телефонами несколько девушек в полицейской форме и отвечали на вызовы. А слева, чуть дальше по коридору высилась клетка до самого потолка, за которой собрался колоритный ансамбль из бомжей, пьяниц и проституток.

Затормозив перед дверью из металлических прутьев, Брейнт самодовольно усмехнулся: — А вот и ваш номер на сегодняшнюю ночь.

Бен ничего не сказал. Снова. Лишь раздраженно пожевал язык. Я вскользь взглянула на Шермана, но смешок детектива заставил поднять на него взгляд.

— Наворкуетесь, голубки. Времени у вас будет предостаточно!

Несмотря на более, чем отвратительную ситуацию, я не растеряла самообладание и ответила Брейнту ледяной и колючей улыбкой. Он продолжал ухмыляться, но глаза дрогнули. Зря он так шутил с ведьмой....

— Хотите что-то сказать, мисс Браун? — отвлек меня от размышлений Брейнт. Я сделала вид, будто только сейчас его услышала и вздернула брови, глядя прямо в глаза.

— Нет, что вы, детектив. Если бы хотела, то уже сказала. И вряд ли бы вы улыбались.

Дав ему пищу для размышлений, я многозначительно улыбнулась, сверкнув ледяным взглядом. Бен, опустив голову, чуть заметно усмехнулся. Он смотрел в пол, но определенно

наблюдал за реакцией детектива. Нахмурившись, Брейнт мгновение разглядывал мое лицо, пока ему не надоело. Я переглядела его и вызвала неприятные ощущения в душе. Пусть теперь сидит и гадает, какую напасть ниспошлет на него обиженная ведьма — икоту, краснуху, лишай, проказу, диарею? А, может, рвоту? Я прямо теряюсь: заманчива каждая порча, так хочется всего и побольше....

Скучающие до недавнего времени обитатели местного зоопарка, оживились, заведя новичков. Вскочил даже бомж, храпевший под лавкой, болтающейся на цепях, приваренных к облезлой стене. Краска сползала и отваливалась хлопьями, ею был усыпан обшарпанный пол грязно-коричневого цвета. Скорее всего, то был слой грязи, а не оттенок покрытия.

Оборванец в выцветшей джинсовой куртке со свалывшейся бородой, источавший сражающий наповал аромат помойки, грязи и пота, взбодрился и выполз из-под лавки. Сев посреди небольшого помещения, улыбнулся во все свои семь зубов. Проститутка, все это время подпирающая клетку, в обтягивающем комбинезоне из сетчатого капрона, с конским хвостом из выбеленных, почти прозрачных волос на затылке, так же проявила активность — оттолкнулась от стены небрежным движением левого плеча и привалилась к ней обратно правым. Слой туши и темных, почти черных теней утяжелял ее веки, от чего взгляд женщины неопределенного возраста казался томным и усталым. Кроме костюма соблазнительницы на ней были красные туфли на высоченной платформе, короткий бархатный пиджачок того же оттенка и алая помада на пухлых губах. Монотонно жуя жвачку, знойная блондинка лениво оглядела нас с головы до ног, и, что естественно, ее взор загорелся при виде Шермана. Беззвучно вздохнув, он обречено поджал губы и искоса посмотрел на меня.

Наш третий сосед на эту долгую ночь представлял собой существо неопределенного пола. То ли женщина, то ли мужчина в мешковатой одежде и грязной кепке на лохматой и давно не мытой голове. Оно что-то бормотало себе под нос, сидя на лавке. Скрестив руки на коленях, он или она смотрел нам под ноги, как вдруг замер и поднял голову. Тусклый взгляд серых, почти бесцветных глаз, морщинистое лицо — это бесполое чудо ничто иное, как хронический алкоголик. Разведя в стороны руки, оно улыбнулось, приветствуя нас. Бен закатил устало глаза. Похоже, местному контингенту мы пришлись по душе, а он не доволен.... Оберут, но не убьют же! Во всем нужно искать позитив.... Сложно, но я делала попытки.

— Симпсон, обыщи их, — усталым голосом скомандовал детектив. К нам с ленивой небрежностью направился полицейский, играющий связкой ключей. Высокий и крепкий, с намечающейся лысиной на затылке рыжеволосой головы. Сощурился голубые глаза с прозрачными ресницами, он перекачивал во рту зубочистку, когда оценивал нас холодным, равнодушным взглядом. Что-то было отталкивающее в мужчине. То ли недоброжелательность и жестокость во всем его виде, то ли от одной мысли о том, что его руки коснутся меня, становилось тошно. Хотелось визжать и брыкаться, и чем ближе он подходил, тем сильнее, и если бы были свободны руки, я бы вцепилась ему в лицо ногтями. Брейнт отступил на шаг в сторону, освобождая проход скалоподобному полицейскому с недобрим лицом. Он определенно решил начать досмотр с меня — немигающий взор, нацеленный на меня, говорил об этом. Бен как бы невзначай преградил ему путь, но коп пихнул его плечом, проигнорировал, как навязчивую муху. Я попятилась к прутьям клетки и уперлась в нее спиной. Хотелось провалиться сквозь землю или испариться, но пришлось стоять и бессильно наблюдать за приближением полицейского. Цыкнув, Бен развернулся в его сторону и сказал в спину:

— Начни с меня, Симпсон. У нее ничего нет.

Пока Бен не сказал этого, я думать не думала о том, что лежит в карманах моего плаща. А теперь вспомнила: зелье неодушевленной памяти, зелье невидимости и еще пару запрещенных эликсиров. Вскользь посмотрев на меня и увидев испуг в глазах, Шерман передернул желваками.

— И до тебя очередь дойдет, Шерман, — пробасил Симпсон, не сбавляя хода. — А вообще, мы своих не трогаем.

Бен злился и нервничал, но это было заметно, только при непрерывном прямом взгляде на него. Чуть склонив голову и слегка вскинув бровь, он следил за всеми движениями гнусного, рыжеволосого копа. Я хотела ускользнуть, когда коп протянул ко мне свои огромные волосатые лапищи, но он проявил неожиданную ловкость и быстроту реакции. Поймал меня за локоть и вернул на место, не забыв ударить о стену так, что все косточки задрожали. Публика в клетке ликовала и улюлюкала, наблюдая за действием, предвкушая номер со стриптизом для нищих в моем исполнении. Вдавлив лицом в прутья, он запустил процесс ощупывания путем тяжелых похлопываний, после которых я покроюсь синяками мерзкого сине-бордового оттенка. Хотелось отрешиться, оглохнуть на минуту и пропустить неприятное событие, происходящее со мной, но пузырьки в карманах плаща не давали расслабиться. Когда руки Симпсона спустились по спине к тому месту, где начиналось самое интересное, он немного помедлил и вдруг скользнул ими в стороны, к карманам. Я замерла, вытянувшись от напряжения, не забыв подивиться тому, что движения копа, до этой минуты резкие и нарочно болезненные, стали легче и осторожнее. Однако, ощупав карманы, он не удовлетворился тем, что обнаружил в них и сжал в ладонях для полной убедительности. Честно говоря, я сама пребывала в недоумении — в них было пусто! Что за чертовщина, куда подевались мои зелья?!

— Держи свои грязные мысли при себе, Симпсон, — процедил сквозь зубы Бен. — Не давай воли рукам, или я переломаю их тебе после смены.

— Когда выйдешь отсюда, — ухмыльнулся коп.

Я не успела моргнуть, как Шерман оказался рядом. Схватив за грудки, он протащил Симпсона к решетке и пригвоздил к ней. Заглядывая в глаза снизу вверх — Симпсон был на голову выше — Бен чуть слышно произнес:

— Я уже в обезьяннике, так что мне плевать, слышишь, Симпсон? Прямо здесь и сейчас начищу твое свиноподобное рыло.

Коп заметно струхнул. Его глазки забегали, а руки поднялись в беззащитном жесте.

— Ничего лишнего, только досмотр, — пообещал он.

Бен мгновение сверлил его глазами, но потом резко отпустил ворот форменной рубашки и медленно отошел к лавке. Полицейский оправил одежду и двинулся в мою сторону. Раздраженно засопев, коп вынужденно наклонился, продолжив досмотр. Ощупав мои ноги, он выпрямился и нехотя произнес:

— Чисто.

— Как чисто? — не поверил Брейнт и подошел к нам.

Я не спешила поворачиваться к мужчинам лицом, предпочитая смотреть на облезлую стену напротив. Троица в клетке замерла в ожидании продолжения, но его не последовало.

— Вот так — нет.

Хмыкнув, Брейнт шагнул к клетке и обошел меня так, чтобы видеть лицо. Поджав губы, он с минуту сверлил меня яростным взглядом. Я выдержала его и улыбнулась в ответ. Брейнт

потемнел и отступил назад — похоже, моя улыбка вызывала у него тошноту. Мелочь, а приятно!

Едва решила оторвать лицо от ледяных грязных прутьев, как Симпсон раздраженно ткнул меня в спину, и я уперлась носом в дыру между железками. Ему повезло, но ненадолго. Внутри поднялась огненная буря, и на миг я потеряла контроль над своим телом. Видела лишь, как резко разворачиваюсь и хватаю оторопевшего полицейского за рубашку на груди. Стены в помещении пришли в движение, а воздух накалился настолько, что обжигал дыхание. В голове кричали птицы, громко и наперебой, слышался шелест перьев, словно рядом с земли сорвалась стая воронов и пронеслась мимо. Глаза Симпсона полезли на лоб, а руки потянулись к моим запястьям, закованным в наручники. Я не касалась его тела, только сгребла в ладони рубашку и заглянула в лицо. Холодная полуулыбка на губах, и в моих глазах вспыхнул яркий белый свет, на мгновение. Когда он погас, стены стояли на положенных им местах, в голове оглушала тишина, а лицо полицейского покрылось испариной.

— Не смей так больше делать, — прошептала очень-очень тихо я и разжала пальцы. Коп тут же отшатнулся от меня и попятился к столу, в который уперся задом и замер. Он видел то же, что и я. Чувствовал магию, расплавившую воздух в помещении, и больше никто. Пусть рассказывает товарищам, жалуется — все равно никто не поверит. Проследив за ним, я перевела взгляд на Бена. Слегка прищурившись, он смотрел на меня исподлобья. Отчасти удивленно или даже одобрительно. И я усомнилась в том, что только мы с Симпсоном виделидвигающиеся стены.... Но детектив Брейнт не дал мне оглядеться и насладиться моментом триумфа.

— Симпсон, — грозно прорычал он, выходя из клетки. — Открой калитку.

Полицейский громко сглотнул. Осторожно шагнув ко мне, он двинулся по стеночке, чтобы ненароком не прикоснуться к злой ведьме. Когда он замер в шаге от меня, я хмыкнула и отступила — замок оказался за моей спиной, и коп не мог подобраться и открыть его. Компания в клетке, продолжавшая веселиться и издавать ободряющие возгласы, оживилась еще больше. Ничего в их поведении не выдавало того факта, что они наблюдали всплеск магии, исходящий от меня. С души свалился камень. Вот только что тогда увидел или почувствовал Бен?

Глава 31 (продолжение)

— Смотрите-ка! — с фальшивой бодростью воскликнул Брейнт, расстегивая на мне наручники, пока полицейский со связкой ключей отпирал замок. — Наши завсегда так выказали вам радушный приёмчик. То-то вам будет весело ночью!

Криво ухмыльнувшись, я смерила детектива обжигающим ненавистью взглядом. Изогнув удивленно брови, он развернул меня за плечи лицом к открытой двери и втолкнул в обезьянник. Когда очередь дошла до Бена, патрульный обернулся вполоборота к детективу и несколько секунд сверлил глазами. Брейнт поджал губы, позволив Шерману войти в клетку самостоятельно. А когда Симпсон обратно запирает замок на двери, он улыбнулся счастливой улыбкой. Я впервые видела искреннюю радость на лице детектива, и мне не понравилось.

— Приятной ночи вам.

Такое чувство, будто нас загнали в клетку к чудовищам. Оборванец на четвереньках пополз к нам с абсолютно диким видом. Проститутка будто проснулась и, широко раскрыв глаза, отлипла от стены. Подавшись в нашу сторону, она скользнула к противоположной стене из прутьев и вцепилась в нее пальцами, изучая нас с плотоядным видом. Их бесполой товарищ засунул руки в карманы грязного пиджака и важно зашагал навстречу. В тот миг, когда захотелось развернуться и вырваться на свободу любой ценой, за нашими спинами захлопнулась дверь, а еще через миг щелкнул замок. Посмотрев на Бена с тоской в глазах, я обреченно поджала губы. Ответив мне мимолетным взглядом, Шерман улыбнулся и чуть слышно произнес:

— Добро пожаловать в зверинец.

На лавку было страшно садиться, и не только из-за полнейшей антисанитарии. Здесь царили негласные правила, придуманные частыми посетителями. Наши сегодняшние соседи — одни из таких. Бомж подполз к лавке и, запрыгнув на нее подобно лягушке, сел с краю. Бесполой в наглуемую разместился посередине, широко расставив ноги, и с ухмылкой следил за нашими дальнейшими действиями. Проститутка осталась стоять в стороне. Замерев перед лавкой, Бен посмотрел сверху вниз на занявших места задержанных голодранцев.

— Пошли вон, — устало произнес он.

— Заплати, и мы уступим место, — улыбнувшись, заявил бесполой.

Бен даже не моргнул.

— Исчез отсюда, или будешь зубы с пола подбирать.

Бесполой еще шире заулыбался.

— Это там, — он указал на дверь клетки, — ты — коп. Здесь все равны. Так что выворачивай карманы, если не хочешь, чтобы твоя кукла пачкала дорогие штотки, сидя на полу.

Бен ничего не ответил. Мгновение он смотрел пустым взглядом на скалившегося голодранца. Вдруг он схватил его за ворот пиджака и поднял с лавки. За шкурку, как вшивого котенка. Болтая ногами в воздухе, Бесполой проорал что-то типа «отпусти, или пожалеешь», но Шермана не проняло. Одним резким движением он швырнул возмнившего себя королем клетки оборванца, в сторону. Никуда не целясь — так просто бросил, как ненужную вещь недалеко от своих ног на грязный линолеум. Рухнув, тот запричитал, потирая ладонью ушибленный зад. Бен склонил голову, посмотрев на бомжа, рассеявшегося с

другого края лавки. Втянув голову в джинсовую рубашку, тот медленно сполз на пол, не отводя взгляда от Шермана, и забился в угол тесного помещения, поджав под себя ноги. Бен обернулся на меня через плечо.

— Присядь.

Чувствуя себя важной особой, заручившейся поддержкой грозного и авторитетного копа, я прошествовала к лавке и уселась на нее. Закинув ногу на ногу, расправила плащ под внимательным взглядом Бена. Он неспешно прошелся по клетке и лишь после этого опустил на лавку рядом со мной. Подавшись вперед, расставил ноги и сложил руки на коленях. Когда я осмелилась посмотреть на своего защитника, его взгляд оказался прикован к детективу Брейнту, стоявшему вдалеке. Он о чем-то переговаривался с Симпсоном.

— Где мои зелья? — шепотом спросила я.

Бен покосился на меня — движение глаз и только.

— У меня, — лаконично ответил он.

Я чуть не задохнулась от возмущения.

— Но как? Когда ты успел вытащить их? И зачем?

— Когда Брейнт вел нас к своей машине, — он небрежно пожал плечами. — Мне знакома стандартная процедура обыска в отделении. Оставалась надежда, что меня никто не осмелится досмотреть.

— Почему?

Бен чуть повернул голову, чтобы видеть мои глаза.

— Я — лучший в своей смене. Имею на счету достаточное количество задержаний особо опасных преступников. Среди наших это высоко ценится.

— Выходит, мне повезло, — вздохнула я.

Проститутка в левом углу не сводила с нас глаз. Я успела привыкнуть к ее пристальному вниманию и перестала нервничать. Бена же интересовал Брейнт, кроме него он никого не замечал.

— Ты так на него смотришь....

— У меня проблемы с детективом Брейнтом, — вздохнув, ответил он и перевел на меня взгляд. — Теперь их прибавится.

— Что происходит? — почувствовав за собой вину, я опустила глаза, и какое-то время разглядывала свои руки. Бен выдержал паузу, изучая меня, а потом устало вздохнул.

— Нас отведут в комнату для допроса, — тихо ответил он. — Он хочет нас прощупать.

Не успел Бен договорить, как детектив двинулся в нашу сторону в компании Симпсона, который с опаской поглядывал на меня. В животе потяжелело от волнения, и я сжалась изнутри. Остановившись перед клеткой, Брейнт злобно поморщился.

— Шерман, ты первый идешь в допросную.

Я не успела ахнуть — Бен спокойно поднялся с места и неторопливо подошел к открывающейся двери. Я надеялась, что он хоть через плечо взглянет на меня, но напрасно. Не успел он шагнуть за дверь, как Симпсон ее запер, невзначай посмотрев на меня. И вид у него был растерянный.

— Не упускай ее из виду, Симпсон, — дал наставление Брейнт. Полицейский нервн сглотнул, стараясь не смотреть на меня.

Я провожала взглядом удаляющегося Бена, конвоируемого Брейнтом, и чем дальше они уходили, тем ближе подбирались ко мне обитатели клетки. Первой с места сдвинулась проститутка. Раскачивая бедрами, она обошла меня вокруг и опустилась на лавку на

опустевшее место. Я старалась не смотреть на нее, игнорировать, но с каждой минутой это делать становилось труднее. Сначала она просто пялилась на меня, но потом стала прикасаться руками, гладить ткань плаща, словно на манекене в магазине. Я хотела отодвинуться, но словно специально с другой стороны подсел Беспольный.

— Ну, что, красавица, — не обещающим ничего хорошего тоном произнес он. — Скоротаем время, пока твой коп отсутствует?!

— Мне итак неплохо, — отозвалась я, подбирая под себя плащ. К ногам подполз бомж — мои туфли вызвали у него нездоровый интерес. Когда он потянулся к ноге, я резко дернула его и топнула. Неприятный грязный тип только развеселился.

Симпсон мялся, наблюдая за происходящим. Переминаясь с ноги на ногу, он заметно волновался.

— Не хочешь развлечься? — низким голосом спросила проститутка, и я с ужасом покосилась на нее. Она смотрела на меня пустым взглядом с совершенно беспристрастным видом.

— Нет, но спасибо. Я польщена таким предложением.

— Тогда, может, подаришь мне свой плащ?

Я окинула взглядом блондинку в сетчатом комбинезоне: на порядок выше меня и крупнее, шире в плечах. Я на ее фоне выглядела девочкой-подростком.

— Он же тебе будет мал?! — удивилась я. Конечно, ей мой плащ нужнее, ведь в костюме из капрона не согреешься темной, холодной осенней ночью. Но размер и, правда, не подходящий для такой каланчи, как она.

— Я его продам, и мне будет, что поесть, — безапелляционно заявила она. Я даже опешила.

Пока я таращилась на проститутку, бомж начал снимать с меня туфлю.

— Отстань, я еще живая! — выкрикнула раздраженно я, дернув ногой. Бомж отполз быстро к стене.

Бегло поглядывая на часы на стене, висящие над куллером с водой, я считала минуты до возвращения Бена. Казалось, он отсутствовал целую вечность. И эту вечность я отбивалась от нападков жутковатых соседей, не дававших расслабиться ни минуту. Бомж не оставлял попыток разуть меня, а Беспольный приставал с расспросами. Но когда проститутка начала меня гладить по колену, я не выдержала — глядя невидящим взглядом на Симпсона, развела руки в стороны. Вспышка магии озарила обезьянник. Проститутка и беспольный одновременно улетели в разные углы. Бомж, как замороженный, глядел на меня снизу вверх. Наклонившись к нему, я улыбнулась и... топнула ногой — его отбросило к прутьям и размазало по ним. Поерзав на лавке, я оправила плащ и сложила руки на коленях, довольно улыбаясь своей маленькой выходке. Прикрыв глаза, облегченно вздохнула.

— Еще раз тронете ее, — раздался голос Симпсона, и я распахнула глаза: полицейский решил заступиться за меня после того, как я его запугала магией. Неожиданно, но приятно. — И я вами лично займусь.

— Извини, Дик, — пролепетал Беспольный, поднимаясь с пола. — Мы просто общались. Больше не повторится.

— Я прослежу.

Когда Симпсон отходил от решетки, я поймала его взгляд и с благодарностью улыбнулась.

— Спасибо.

Видимо, он не рассчитывал на мою признательность и заметно смутился. Он видел, как я разделалась с обитателями зверинца, но ничего не предпринял. Напротив, поддержал. Коротко кивнув, Симпсон отошел и занял свой пост.

Стрелки на настенных часах показывали без четверти два часа ночи, когда Бен вышел из комнаты для допросов. Брейнт довел его до клетки и жестом указал засыпающему Симпсону впустить.

— Мисс Браун, — стальным тоном бросил он, — ваша очередь.

Выходя из обезьянника, я смотрела на Бена. Ничего не выражающий усталый взгляд скользнул по моему лицу, и Шерман прошел мимо. Чувство тревоги забилося в груди. Я вышла и протянула руки Брейнту. Он коротко взглянул на них.

— Я бы заковал вас в наручники, — выдохнул он и посмотрел мне в глаза. — Но я устал и очень хочу домой. Следуйте за мной, и без фокусов.

Хотелось ответить что-то колкое, но я сдержалась. Так же, как сумела не обернуться и посмотреть на Бена. Комната для допросов — безликое помещение серого цвета с металлическим столом в центре и двумя стульями. Детектив посадил меня и, обойдя стол, сел напротив. Сложив перед собой руки, я с волнением ждала личного разговора. До сих пор не верилось, что передо мной истинное лицо Странника. Сердце отказывалось верить, душа противилась, но пока все сходилось. Голос Брейнта отдаленно напоминал голос человека в капюшоне, которого я знала много лет, и хотелось найти зацепку, опровергающую мои опасения. Но их, увы, пока не было. Стоило спросить в лоб, но я боялась ошибиться.

— Давайте на чистоту, — устало потирая глаза, выдохнул детектив. — Уже глубокая ночь, и мы все успели притомиться. Изложите кратко свои мысли по поводу расследования — что нашли, кого видели, на ком лежат подозрения?

Я изумленно усмехнулась:

— Вы серьезно полагаете, будто я мгновенно выложу все, что знаю?

— Вы могли бы поспособствовать расследованию, мисс Браун, и я бы вас отпустил восвояси. Маленькое признание облегчит вашу участь.

— Какое признание? — Я рассерженно нахмурилась:— Думаете, я что-то скрываю от полиции? Что-то, что могло бы послужить скорейшему раскрытию преступления?

— Между нами говоря, — Брейнт откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на меня, — вы мне нравитесь, мисс Браун. Ваше рвение помогать людям, которых уже нет, вызывает уважение. Но с точки зрения закона, вы вынуждаете меня прибегать к крайним мерам. Чисто по-человечески я восхищаюсь вашими способностями, но как детектив, выхожу из себя, увидев вас там, где совсем недавно произошло убийство. Вы ищите приключений, на свою светлую головку, и иногда возникает ощущение, что нарочно. Неужели вы думаете, что ваши вмешательства в расследования останутся незамеченными и безнаказанными? — Склонив голову, он прищурился:— Я готов простить вас в обмен на ценную информацию.

Я долго смотрела на детектива. Он разговаривал достаточно вежливо, хоть и угрожал, хотел вытянуть все, что мне известно. И вытянет ее в любом случае. Дело в том, какая из его тактик на меня подействует. Находились бы мы сейчас в полумраке бара, я бы быстрее раскололась. Но загвоздка в том, что Страннику я уже рассказывала. Кто же передо мной?

— Что вы знаете о Саммер Джоунс?

Брейнт удивленно усмехнулся:

— Будем играть в вопросы?

— Ответьте, прошу вас, — вежливо сказала я.

Детектив сверлил меня настороженным взглядом, и улыбка медленно сползала с его лица. Догадавшись, что я говорю серьезно, он опустил глаза и тихо ответил:

— Хозяйка булочной. Судя по вещам, найденным в доме, помешанная на бесполезном барахле.

— Это все? — с недоверием протянула я, сжав от волнения руки в кулаки. Брейнт побарабанил пальцами по столу и поднял на меня взгляд. — Вы же наверняка забирались в ее дом, как и сегодня в дом Бишоу. Что вы там увидели?

— Ничего, — недовольно выдохнул он. — И допрос персонала принадлежавшей ей булочной ничего не дал. С остальными жертвами та же история — тела с дырой в грудной клетке, и ни одного отпечатка пальцев, ни одной улики. Следов взлома так же найдено не было, из чего следует: жертвы знали своего убийцу и, ничего не подозревая, впустили в дом. Надеюсь обнаружить пропущенные следы, — с горечью сказал он, невидящим взором изучая поверхность стола, — я по ночам возвращаюсь на место преступления и ищу снова и снова, но тщетно.

— Все потому, что вы не видите истины, — подытожила я.

— Что? — прорычал Брейнт и, резко посмотрев на меня, перестал барабанить пальцами.

— А то, что мне в таком случае нечего вам сообщить, — я поняла, что Брейнт не был Странником, или усердно это скрывал. Тот мужчина в капюшоне, которого я знала, наслышан о записках и следах борьбы, коими обезображены жилища убитых магов. Тот, кто сидел передо мной, не знал о них. Так зачем мне открываться ему? Когда я рассказывала людям о том, что способна обнаружить то, что не видят другие, ко мне начинали относиться скептически. Я привыкла, но сейчас решила промолчать. Зачем Брейнту знать о том, чего он никогда не увидит и не поймет?

Положив вторую руку на стол и сцепив пальцы, Брейнт заметно посуровел. Его лицо потемнело, и во всем виде детектива чувствовалась озлобленность.

— Не хотите по-хорошему, значит, будем разговаривать иначе. Я проявил слабость, посветив вас в свои мысли и поведав о сомнениях. Больше этого не повторится. — Поджав губы, он почти зарычал на меня: — Как вы объясните свое нахождение в доме Бишоу?

Вопрос застал меня врасплох, хотя я к нему готовилась. Подняв голову, я посмотрела в серые холодные глаза. С детектива слетела маска и явила истинное лицо. Как и предполагала, Брейнт играл роль доброго полицейского, но ненадолго его хватило.

— Я...

— Шерман взял вину на себя, — вздохнул Брейнт, не дослушав меня. — Как вы это объясните?

Я удивлено нахмурилась, но не смогла ничего ответить. Зачем Бен так поступил? Кто его просил меня выгораживать, черт возьми?!

— Вы ему верите?

Брейнт рассмеялся.

— Нет, конечно! Но ничего не могу поделать — груз ответственности ложится теперь на его плечи. Я вижу, что вы чувствуете вину. Знаю, зачем проникли в дом убитого аптекаря... Сделайте же что-нибудь, чтобы спасти карьеру Шермана.

— Я искала....- я осеклась и закусила губу. Если передо мной Странник, то он должен был знать о цели моего визита в дом убитого. По какой причине тогда он сидит и смотрит

так внимательно на меня, будто совершенно не в курсе? Вздохнув и набравшись смелости, я решила продолжить:- искала хоть что-то, любую мелочь, которая может вывести на убийцу.

— Его убил бэлморт, мы уже поняли, — недовольно проворчал детектив и подался вперед. Сложив руки, он всматривался в мои глаза. — И не вы ли кричали об этом?

— Я имела в виду настоящего убийцу. Того, кто заказал Бишоу.

— И как? Успешно?

— Вы мне помешали.

Вот как! — Брейнт рассмеялся, но уже через мгновение сверлил меня испепеляющим взглядом. — Если ты спишь с детективом, ведущим дело, или патрульным, который может прикрыть, это не значит, что тебе все можно. Отвечай, что ты знаешь о Кеннете и детском приюте?

Я на какое-то время потеряла дар речи. Хотелось успокоить уязвленное самолюбие и сказать, что я не сплю с Шерманом. Хотелось защитить Лукаса и опровергнуть слова Брейнта, но мне показалось это низким. Я не стану оправдываться, но запомню его слова. В ту минуту внимание оказалось сосредоточенно совсем на других его словах.... Меня буквально парализовало от упоминания о детском доме.

Глава 32 (продолжение)

Не успела я и рта раскрыть, как Брейнт продолжил:

— Хоть со всем отделением кувыркайся, — прошипел он, подавшись вперед, — это не даст тебе права лезть в мое расследование!

— Детский дом? — облизав пересохшие губы, переспросила я, проигнорировав очередное оскорбление. — Это тот, что в старом городе? Насколько знаю, его давным-давно закрыли.... А Кеннет работал в агентстве недвижимости.

— В агентстве он работал последние годы, — в голосе детектива зазвучала металлическая нотка, — а прежде он пристраивал брошенных детей в новые семьи.

— Как вы узнали об этом? — пробормотала я, чувствуя, что мое сознание уносится прочь и из-под ног уходит земля. — Где хранятся сведения об этом?

— Пятьдесят лет назад, когда маги не преобладали над людским населением, социальные службы вели статистику подобных заведений. Кое-какие сведения сохранились, но большая часть затерялась в архивах.

— Это достоверная информация?

На миг Брейнт смягчился, услышав меня. Наконец-то мы говорили на одном языке.

— Безусловно. К сожалению, о других жертвах не удастся ничего разузнать — свидетели не идут на контакт.

— Маги не желают разговаривать с людской полицией, — осторожно произнесла я. — Вы не уважаете их права.

— Ну, и черт с ними! — рявкнул детектив. — Без них обойдусь! Думаете, я не способен раскрыть это дело?!

— Что вы можете без поддержки мага? — процедила в ответ я. Как бы не хотелось говорить, все же с языка слетела правда: - Я вижу то, что не видит никто другой — отпечатки крови на стенах, следы черной магии, оставленные убийцей! А что можете вы?! Какой смысл вести расследование, если вы не можете поймать убийцу?

— Не тебе судить о том, что я могу и чего не могу.

— Мы уже на «ты» перешли? — фальшиво удивилась я. — Между прочим, я вас не оскорбляла. А вы меня полили грязью и унизили, и после этого хотите выведать информацию?! Как бы, ни так!

— Я сейчас позвоню Лукасу и сообщу о том, что ты задержана вместе с любовничком. Как ему это понравится? — совершенно спокойно проговорил Брейнт.

— Вы не посмеете!

— Ты погубишь его и погубишь Шермана. Оба уже из-за тебя нажили проблем! Отвечай, что ты искала в доме?

— Я уже ответила!

— Ты пробиралась и в другие дома? Что ты нашла там?

— Ничего! Отпечатки крови, я же говорила уже!

— И ничего больше? — усомнился Брейнт. — Что еще ты там видела? Отвечай немедленно!

— Кроме вас — никого и ничего! — выпадом на выпад ответила я.

Брейнт замолчал на мгновение в растерянности или удивлении — округлив глаза, тарачился на меня, не зная, что сказать. В его взгляде отразилась тень сомнения, я заметила

ее и склонила любопытно голову.

— Втихаря рыщите на местах преступлений, в темноте, чтобы никто не увидел. Зачем? Почему нельзя приехать днем и официально? Зачем лицо под капюшоном прячете?

— Не твое дело.

— Я и так знаю. Ищите улики, так же, как и я, но мне нет необходимости скрываться. И хочу вас огорчить: без меня вам ничего не найти. Вы не чувствуете магию, не видите ее истинной сущности. Чтобы раскрыть эти убийства, нужно понять, что связывало жертв. Что у них было общего в магическом мире.

— Ты меня учить будешь, как работать? — на удивление спокойно произнес детектив. — Если еще раз поймаю — упеку на трое суток. Или засажу за убийства. И ни Шерман, ни Лукас, никто другой, кому не посчастливится стать твоей жертвой, не поможет избежать наказания.

— Что? — я не сразу поняла, что произошло. Брейнт смягчился, выглядел измотанным. Еще минуту назад он метал искры глазами и готов был испепелить меня на месте, а теперь его лицо осунулось, а глаза потухли. Опешив, я сидела и моргала, разглядывая его. Вскользь посмотрев на меня, детектив устало вздохнул.

— Говорю, прекрати усложнять мне жизнь. Из-за вас, магов, у меня прибавилось работы, в архиве растет стопа нераскрытых дел. Если связи между убитыми найдено не будет, не появится новых улик — мне придется прекратить расследование. И прибавится еще один висяк, да и плевать мне. А теперь, — он указал на дверь, — проваливай в обезьянник! И чтобы больше духу твоего не было на месте преступления!

— Вы не сможете оставить дело нераскрытым, — поднимаясь из-за стола, тихо произнесла я. — Зачем тогда вы по ночам ищите пропущенные зацепки?

— Я сказал — проваливай, — спокойно повторил он, не глядя на меня.

Поджав губы, я повернулась к двери — неужели он отпустит меня одну? Нет, конечно. Брейнт поднялся со стула и медленно направился за мной. Когда мы поравнялись у выхода, он взял меня под локоть. Я резко обернулась и натолкнулась на задумчивый и угрюмый взгляд, хотела что-то сказать, но в этот момент дверь внезапно открылась. Я и детектив резко повернулись к входящему. На пороге стоял раскрасневшийся и не на шутку встревоженный Лукас.

— Эшли?! Что происходит? — срываясь на крик, спросил он.

Я промямлила что-то нечленораздельное, но на выручку пришел детектив Брейнт.

— Застукал на месте преступления. Шарилась по дому убитого Майкла Бишоу, — многозначительно вздернув брови, он сжал мой локоть и протащил мимо ошарашенного Лукаса. — Можешь внести залог, но я советую в воспитательных целях не делать этого. Пусть посидит ночку, подумает о своем поведении.

С этими словами Джон Брейнт повел меня в общий зал. Никто не обращал внимания только Бен следил взглядом за каждым нашим шагом. И Лукас спешил следом....

— Симпсон, открывай, — скомандовал детектив, и полицейский почти бодро рванул к клетке, подняв тяжелый зад со стола. Провернув ключ в замке, отворил дверь, и детектив запихнул меня вовнутрь.

— Вы не можете так поступать с ней, — с жаром сказал Лукас в спину детективу. Я впервые слышала гнев в его голосе, и захотелось обернуться, но совесть не позволяла. Где гарантии, что Брейнт не наплетет ему о несуществующих отношениях между мной и Шерманом? Правильно, их нет. Лукас не заслуживал предательства, я не могла с ним так

поступить, но что подумает он? Поверит мне или своему напарнику?

— Я бы не заступался так за нее на твоём месте, — поморщившись, проговорил Брейнт, когда за мной закрылась дверь клетки. Напротив входа сидел Бен, сложив руки на коленях, и с интересом наблюдал за перебранкой. Я же стояла, как вкопанная, и смотрела мимо него, в стену глазами, наполняющимися слезами. Заметив это, он изменился в лице — усталое выражение сменилось на ледяную маску, а в глазах появился недобрый огонек. Шагнув к нему, я без сил плюхнулась на лавку. Под ругань Лукаса и Брейнта, под пристальным взглядом Бена.... Сев, я опустила голову, якобы разглядываю свои запачканные туфли, но в действительности прятала слезы.

— Я предупреждал, что это добром не кончится, — прорычал Брейнт.

Лукас всплеснул руками, в которых держал папку с какими-то бумагами, и раздраженно выдохнул.

— Она же ничего не сделала?!

— С чего ты так уверен? — хмыкнул Брейнт, пряча руки в карманы брюк. — Она — ведьма! Ей нельзя доверять, Лукас.

Я понимала, на что намекал Брейнт, но Лукас не догадывался о тайном смысле его слов. Моя репутация не запятнана, но доказывать это здесь и сейчас не имело смысла. Только больше подозрений вызову.

— Я давно ее знаю!

— Иди в мой кабинет, я сейчас подойду! — рывкнул Брейнт, и Лукас замер с перекошенным от ярости лицом. — Живо, кому сказал!

Засопев, он подчинился — нехотя, но последовал в кабинет детектива. И пока не скрылся за дверью, Брейнт провожал его взглядом.

— Что произошло? — склонившись, тихо поинтересовался Бен. Меня окутал аромат его одеколона, смешанный с запахом кожаной куртки. — Что Брейнт сделал?

Не поднимая головы, я шмыгнула носом.

— Ничего. Все нормально.

Бен шумно выдохнул, но сказать ничего не успел.

— Шерман! — позвал Брейнт, и он медленно повернул голову. — Подойди.

Нехотя поднявшись, Бен направился к калитке, около которой его ждал детектив. Когда они стояли друг напротив друга, тот тихо процедил:

— Приглядывай за своей девкой. А лучше — держись от нее подальше.

Мне стало жарко. Воздух накалялся, будто я сидела около открытого огня. Сначала я не обращала внимания, но когда в клетке замигал свет, слезы высохли. Подняв голову, я замерла, глядя на мужчин. Они смотрели друг на друга — выражения лица Бена я не видела, так как он стоял ко мне спиной, но физиономию Брейнта могла отчетливо рассмотреть. Ярость в глазах на неподвижной ледяной маске.

— А то — что?

— Вылетишь из полиции, как пробка из бутылки. Еще раз поймаю — засажу ее далеко и надолго.

— Посмотрим.

— А ты немногословен, — усмехнулся детектив и, взявшись за металлический прут клетки, выглянул поверх его плеча на меня. — Она же ведьма. Представь, сколько у нее таких, как ты, было за долгую жизнь, длящуюся уже не первое столетие?

Дышать становилось все тяжелее — то ли от волнения, то ли от накалившейся

обстановки. Воздух дрожал от жара, а лампа под потолком сначала долго мигала, а потом, заискрившись, неожиданно взорвалась. Вздвогнув, я огляделась: во всем помещении дрожал свет. Полицейские за телефонами чертыхались, а одна девушка, взвизгнув, вскочила. Монитор ее компьютера, озарившись светом, потух с громким хлопком, из него валил черный дым. Я медленно перевела взгляд на Бена и Брейнта, промокнув испарину на лбу рукавом плаща.

Ухмыльнувшись, детектив смотрел в глаза Шермана, и тот отвечал ему прямым взглядом.

— Что ты знаешь о ее жизни? — чуть слышно спросил Бен, приблизившись вплотную к прутьям. — Что ты вообще знаешь о ведьмах? Раз она так долго живет, то ее можно смело назвать шлюхой? Она не человек, но гораздо человечнее некоторых людей. Она не останавливается перед неизвестным, ищет правду, когда как вы обходите ее стороной, чтобы не пострадать.

— Еще раз заговоришь со мной в подобном тоне....

— Еще раз назовешь ее девкой, — перебил Бен детектива, — и я поговорю с тобой совершенно другим тоном.

По лбу скатилась капелька пота. Я не моргала — сидела и смотрела на мужчин, сверлящих друг друга взглядами. В помещении заметно стемнело, словно вот-вот разразится гром, и с потолка прольется дождь. Лампы гасли одна за другой, и в воздухе пахло перегоревшими электропроводами. Хотелось вскочить с места и подойти ближе, чтобы понять, от кого исходит импульс силы. Да, я чувствовала магию, совершенно отчетливо. В голове стучали тысячи молоточков, и сердце выпрыгивало из груди. Шерман или Брейнт — кто-то из них обладал силой, и в порыве гнева она проявилась. Задыхались все вокруг, а я не могла определить, кому она принадлежит.

Прутья решетки накалились докрасна. Брейнт перевозмогал боль, но держался за один из них — было заметно, как он дрожит. Чуть-чуть, но все же. В какой-то момент детектив не выдержал — цыкнув, отдернул руку и потер ее о пиджак.

— Я все сказал, — процедил он и, разворачиваясь, смерил меня взглядом, переполненным ненависти. Осторожно сглотнув, я проводила его глазами до кабинета, и когда дверь закрылась, удушье пошло на спад. Лампочки больше не мигали, воздух не обжигал легкие. Устало вздохнув, Бен неспешно вернулся на место и, сев рядом, опустил в задумчивости голову. Я хотела поговорить с ним, но не нашла слов. Он заступился за малознакомую ведьму, от которой одни неприятности, и мне было приятно. Но я боялась заговорить, поэтому остатки ночи мы скоротали в полнейшей тишине и темноте, так как никто не торопился менять взорвавшуюся лампочку. Ровно в восемь утра Симпсон открыл дверь и выпустил нас. Брейнт даже не вышел из своего кабинета, чтобы попрощаться. Лукас тоже.... Оставалось только гадать, какие еще эротические фантазии пришли в голову Джону, и что Лукасу довелось выслушать обо мне.

После ночи, проведенной в отделении полиции, на улице дышалось необыкновенно легко и свежо. Я жадно впитывала утреннюю прохладу, подняв голову к серому небу. Бен стоял рядом, убрав руки в карманы куртки, и молчал. Он выглядел таким же хмурым, как утро нового дня. Еще вчера светило солнце, согревало лучами, играя бликами на еще не опавших листьях, а сегодня промозглая сырость пробирала до дрожи. Но мне не было холодно. Прикрыв глаза, я наслаждалась легкими порывами ветра.

— Мне нужно переодеться, — голос Бена вернул меня на крыльцо отделения полиции. Открыв глаза, я повернулась к нему. Не глядя в мою сторону, он задумчиво хмурился. — В раздевалке остались мои вещи.

— Ах, да. Конечно, — согласилась я. — Я подожду тебя здесь, а потом мы отправимся за моей машиной.

Одарив меня туманным взором, Бен пробормотал: «я быстро», и направился к зданию. Свернув за угол, исчез из виду, оставив меня в одиночестве. Но мне недолго пришлось его коротать — из участка вышел Лукас.

Едва завидев его, я задрожала, как осиновый лист, и вовсе не от холода. Мрачный и уставший, он шел ко мне, стараясь не смотреть в глаза. И отводил взгляд даже когда остановился в шаге от меня. Я застегнула плащ и, убрав руки в карманы, по самый нос спряталась за воротником-стойкой. Тишина затягивалась и щекотала нервы, но разговор был неизбежен. Громко вздохнув, Лукас, наконец-то, посмотрел на меня, и в груди что-то оборвалось. Я обреченно прикрыла веки, но лишь на миг.

— Не представляешь, сколько мне пришлось выслушать от Брейнта, — голосом, лишенным эмоций, начал он. — Я же просил тебя не вмешиваться в расследование, Эшли!

— Я ничего не сделала, — тихо отозвалась я и пошла к нему, сделав глубокий прерывистый вдох. По лицу Лукаса пробежала гримаса — смесь негодования и разочарования. Я остановилась. Чувствуя аромат его одеколона, отвернулась, как от пощечины. Где-то внутри пульсировала тупая боль — кажется, сердце разбилось. Я горько усмехнулась, но он этого не мог видеть.

— Какая разница?! Ты была поймана на месте преступления! Теперь ты одна из подозреваемых в убийствах.

— И много у вас подозреваемых, кроме меня? — таким же пустым голосом спросила я и повернулась к нему.

Лукас поджал губы. Он смотрел мне в лицо, будто впервые видел.

— Нет.

— Что — нет? Нет подозреваемых?

— Нет — это значит, что я больше не стану раскрывать тебе тайн следствия. С меня хватит! Хватит лезть не в свое дело, Эшли! Найди себе другое занятие! Разведение цветов или вязание — но не расследования преступлений.

— Ясно, — горько усмехнулась я. — Брейнт поделился с тобой своими сексуальными фантазиями.

— Что? — не понял Лукас и заметно разозлился. Он и без того багровел от ярости, но теперь и глаза сверкали огнем.

— Ничего, — сухо бросила я и развернулась на каблуках. — Мне было с тобой хорошо,

Лукас. И печально то, что ты веришь озлобленному детективу-магоненавистнику, а не своей девушке.

Я собиралась уйти, но Лукас поймал меня за локоть. И когда я обернулась, его глаза сверкнули яростью и презрением.

— Ты использовала меня, — произнес он сквозь зубы. Таким я никогда не видела Лукаса.... Что, если он и был таким? Нет, я бы почувствовала. Причиной резкой перемены в нем являлось влияние детектива Брейнта. Гнусный, мерзкий тип, он заразил и моего Лукаса скотством. — Почему меня, а не какого-то патрульного?!

Мотнув коротко головой, я печально улыбнулась.

— Прощай, — и стала спускаться по лестнице, ощущая между лопатками обжигающий взгляд Лукаса. Он пребывал в состоянии шока, и, возможно, я поступила слишком жестоко с ним, разорвав отношения вот так, перед отделением полиции. Получив два удара по самолюбию — от Брейнта и от меня, он бы долго переживал и колебался. Если бы я не сделала этого сейчас, промаялся бы еще несколько месяцев. Да, жестоко, но на самом деле я поступила безжалостно, связав с ним свою жизнь. Теперь нам обоим будет легче. Наверно.

Из-за угла здания вышел Бен. В белой футболке, поверх которой была надета кожаная куртка, в темных джинсах и спортивных черных ботинках. Быстрым шагом Шерман направлялся к лестнице, а когда увидел нас, слегка сбавил темп. Смерив тяжелым взглядом Лукаса, он прошел мимо и сбежал по ступеням. Я остановилась и обернулась к нему — и все на глазах у Лукаса. Видимо, вспомнив слова Брейнта, он уставился на Бена с лютой ненавистью и, придушенно рассмеявшись, покачал головой. Горечь ощущалась в воздухе, ее можно было есть ложкой. Он любил меня, но поверил в большие вымыслы напарника. Хотя, может, не такие уж и большие, но между мной и Бен действительно ничего не было. Все произошедшее, словно дурной сон, являлось лишь неудачным стечением обстоятельств. Я не предполагала, что мы расстанемся так скоро и из-за такой ерунды. Нет, все же, не из-за ерунды: он не доверял мне, раз с легкостью поверил Брейнту. А раз нет доверия, то и нет отношений.

Посмотрев на нас, Лукас с мрачным видом направился обратно в отделение полиции. А я стояла и смотрела мимо Бена ему в след. Как-то неудачно все сложилось....

— Смотрю, у тебя много знакомых в полиции, — усмехнулся Бен.

Я подняла глаза и посмотрела на него. Странно, но я ничего не чувствовала по поводу разлуки с человеком, с которым провела больше года. Возможно, потому, что я не любила его достаточно сильно. Любила, но как-то не по-настоящему.... Стоя в эту минуту между Беном и Лукасом, я ощущала только безразличие и дрожь в груди. Это сердце рвалось к Шерману.

— Теперь на одного меньше, — невесело улыбнувшись, отозвалась я. — Ну, что? Пошли?

Бен едва заметно нахмурился, но ничего не сказал.

Моя машина сиротливо стояла за углом дома незнакомой улицы, где я ее бросила. Сев за руль, я включила печку, чтобы согреться. Бен расположился рядом на пассажирском сидении и выглядел очень задумчиво. Оказавшись наедине в автомобиле, мы снова замолчали. Тяжелая ночь оставила неизгладимый след.

— Я говорил, что у меня проблемы с детективом Брейнтом? — вдруг нарушил тяжелую тишину Шерман и повернул голову, чтобы видеть меня. Я не могла не посмотреть в синеву его глаз. Она меня успокаивала. — Он давно точит на меня зуб, считает, что я не честно

работаю, — он тихо усмехнулся, и его улыбка разожгла огонь в моей груди. Всего лишь улыбка, и стало теплее, хотя от самого Бена веяло холодом.

— Что значит — нечестно? — я решила поддержать разговор. Не то, чтобы мне было безразлично. В этот момент в душе царила пустота, и все вокруг, включая Шермана, казалось шальным сном.

Бен вздохнул и откинул голову на подголовник кресла. Теперь он смотрел пустым взглядом в лобовое стекло, но улыбка еще угадывалась на губах.

— Я бы тоже хотел знать.

— Прости, что втянула тебя в это....

— Забудь, — оборвал он, поморщившись. — Твоей вины в случившемся не больше, чем моей. Я ни о чем не жалею, разве что.... Я люблю свою работу, но, похоже, скоро ее потеряю. Для Брейнта это вопрос чести.

Повернувшись к Бену лицом, я не смогла выразить сочувствия, лишь сглотнула ком в горле и вдавила педаль газа в пол. Утро выдалось так себе, солнце скрылось за серыми мутными тучами, по улицам гулял холодный ветер — под стать настроению. Жутко хотелось спать, но домой возвращаться не возникало желания.

— Где ты живешь?

Бен вопросительно взглянул на меня. Не поворачиваясь к нему, я переформулировала вопрос:

— Говорю, куда тебе отвезти?

— А ты куда собралась? За новыми впечатлениями?

— Домой я не поеду сегодня.

Повисла пауза, в течение которой он не отводил от меня взгляда. Наконец, устало вздохнув, Бен тихо сказал:

— Тогда и я не поеду. Теперь от тебя зависит мое будущее. Я не позволю тебе бросаться в очередные приключения.

— Не очень-то и хотелось. Ночь в обезьяннике я еще долго не забуду.

— Куда мы едем? — поинтересовался Бен, глядя мимо меня в лобовое стекло. В его голосе чувствовалась усталость.

— Хочу завершить начатое в доме Бишоу, — сухо отозвалась я.

Он резко посмотрел на меня. Я ощутила тяжесть его взгляда, но не дрогнула. Пусть думает, что хочет. Я не могу оставить все, как есть.

— Что? — отчеканил Бен. — Я же просил....

— Меня никто не увидит, — быстро прервала я его гневную речь.

— Нам нельзя больше попадаться, — облизав губы, произнес он.

Я бросила короткий взгляд на Шермана и снова уставилась на дорогу.

— Оставайся в машине, — я припарковалась в конце улицы, неподалеку от дома убитого аптекаря. — Одна справлюсь. Ты не обязан из-за меня затягивать петлю на шее. Только верни зелья.

Губы Бена сжались в линию, челюсти напряглись. Я заметила, как он передернул желваками. Псмотрев в упор, он выдержал тяжелую паузу, и лишь после полез во внутренний карман куртки. Пошарив в нем, достал разноцветные пузырьки и бросил мне на колени.

— Благодарю, — процедила я, глядя на них. — А теперь отвернись, а то я смущаюсь.

Хмыкнув, он уставился в окно.

Зелье невидимости не лезло в горло. Не потому, что обладало мерзким вкусом и еще более мерзким запахом — Бен не видел, что я делаю, но прекрасно слышал. Это не могло не нервировать. Я ощущала жар его злости в салоне, чуяла недовольство нутром. Он мог бы остановить меня, предпринять хоть что-нибудь, но не сделал этого. Значит, не так уж опасался вылететь из полиции. Вероятно, в глубине души Шермана так же терзало неудовлетворенное любопытство, как и меня. Надеюсь, бдительные соседи не заметят открывающиеся сами по себе двери....

Когда я спрятала опустевший пузырек в бардачок, Бен повернулся ко мне лицом, отстегивая ремень безопасности. Я чувствовала внутри покалывающую горячую магию, то, как быстро она наполняла тело и делала его невесомым. И когда Бен посмотрел на меня, то забегал взглядом по салону. С недоумением, слегка изогнув брови — зелье подействовало.

Выбравшись из машины, я направилась к дому Бишоу. Кутаясь в плащ, перебежала улицу и остановилась около густого кустарника. Вновь огляделась и прокралась к порожкам. Взбежав по ним, быстро всунула носик пузырька с зельем в замочную скважину. Услышав характерный щелчок, ногой приоткрыла дверь, когда она отворилась, приглашая войти. Зловещий холод вырвался наружу, дыхание остывшего дома, и чудом не сбил меня с ног. В груди задрожало — волнение охватило мое беспокойное сердечко. Я вошла в полумрак пустого жилища. Воздух загустел, тишина сдавливала виски. Как будто сам дом не хотел меня пускать в свои тайны. Движения давались с трудом, ноги сковывали невидимые путы — словно трясина, темная магия засасывала меня. Я буквально заставляла себя идти, подниматься по скрипучим ступеням, позабыв об осторожности. В доме кроме меня никого живого не было, но притаилось кое-что пострашнее. Ледяная тьма, тягучая и липкая. Она заскользила по стенам и потолку, стоило мне переступить порог. Я ощутила ее лишь около лестницы и замерла в оцепенении. Непозволительная глупость с моей стороны.

Спыхватившись, я побежала наверх, замечая, насколько быстро и точно темная субстанция преследует меня, повторяет каждое движение.

Я оказалась на втором этаже дома, еще более мрачном и темном, чем первый. Обстановка буквально кричала о скромности и непритязательности во вкусах погибшего хозяина. Деревянная кровать стояла около треугольного окна, пол застилал старый протертый палас, первоначальный цвет которого уже сложно было определить. Прикроватная тумба с лампой, двустворчатый бельевой шкаф и занимающий целую стену книжный стеллаж. Он выделялся на фоне скудного интерьера. Множество книг, тесно жмущихся друг к другу на полках, прогнувшихся от их тяжести. От разноцветья переплетов разбегались глаза. Я не знала, за какую из них хвататься, откуда начинать поиски. Оглядевшись, тщательно осмотрела комнату, в которой элементарно негде было что-либо спрятать, и подошла к стеллажу. Конечно, не помешал бы фонарик, но нужная книга сама подаст знак — блеснет в тусклом свете или будет стоять слегка впереди других. И когда я прошла вдоль шкафа, она выпрыгнула с полки прямо мне в руки. Я рефлекторно поймала ее — толстый сборник стихов в ветхом кожаном переплете. Так и знала, что Брейнт не додумался обыскать каждую книгу, потому что не имел понятия, что ищет. Улыбнувшись своим мыслям, я раскрыла ее. И сразу обнаружила сложенный пополам лист бумаги среди страниц, пожелтевших от старости, но гладких и блестящих, словно позолоченных. Затаив дыхание, взяла его и развернула дрожащими руками.... Нет, этого просто не может быть!

Перепрыгивая сразу через две ступени, я неслась вниз мимо ползущей по стенам, кусающей за пятки темной магии. Вылетела на улицу и остановилась на пороге, жадно глотая воздух. Все мысли выстроились в четкую картину. Проанализировав каждую найденную записку, расставив имена по очереди, я обнаружила странную закономерность. Убийца хотел сначала запутать, а затем указать на магов, завязанных между собой невидимой нитью. Их что-то объединяло — пока не знаю, что именно, но обязательно выясню. Сейчас я знала точно лишь одно: все они должны умереть, а, значит, и Вивиан. Думаю, убийца раскладывал их в обратном порядке: в доме Саммер Джоунс, первой жертвы, я обнаружила записку с именем Вивиан Моррис. Она была жива, пока еще жива. Я должна предотвратить очередную смерть! И как можно быстрее.

К машине я подошла в состоянии холодной решимости, четко определив для себя задачи на последующие часы. Но замедлила шаг — Бен разговаривал по телефону. Настолько громко, что я слышала его, когда как двери и окна авто были заперты.

— Я прекрасно помню, какой сегодня день! Прекрасно помню про конверт. Да, вскрыю, черт возьми! Мой срок истекает в полдень, так что не дави на меня. И не смей начинать в одиночку раньше назначенного времени, слышишь?! Сдержи хоть раз слово, Том!

Где-то в груди неприятно кольнуло от непривычно высокого тона Бена. Я никогда не слышала в его голосе этой новой нотки... Грубой, хладнокровной, отпугивающей. В душе все перевернулось. Я никогда не видела это пустое выражение на его лице, ледяной взгляд.... Но даже в эту минуту не смогла убежать, не нашла в себе воли оставить его одного, в своей машине после всего того, что он сделал для меня. Сердце пылало, обливалось кровью от нехорошего предчувствия, но я вышла из-за угла дома. Пряча в ладони записку, направилась к машине. Бен прижимал телефон к уху, глядя в лобовое стекло, когда я осторожно подкралась, стараясь не цокать каблуками по асфальту. Покосившись в боковое зеркало, он понизил голос: «мне больше нечего сказать», будто заметил движение, и нажал «отбой». Спрятав мобильник в карман куртки, Бен с измотанным видом потер лоб. Когда я

приблизилась к двери, он вновь посмотрел в зеркало, и вышло это у него естественно и непринужденно. На лице вновь пролегла тень усталости, будто мне все почудилось. Я ощутила до боли неприятный укол в груди, но, как и в прошлый раз, не взяла во внимание. Заметила, но предпочла забыть.

Обойдя автомобиль, я открыла дверь и опустилась на сиденье. Бен повернулся на звук и забегал вновь взглядом по салону. Я с минуту просидела, глядя перед собой, на дорогу. И все это время он косился и украдкой смотрел на меня.

— Я знаю, что ты меня видишь, — тихо произнесла я.

Бен резко повернул голову. Вскинув брови, он смотрел точно мне в глаза, но не испуганно, несколько не напрягаясь. Ни один мускул его тела не дрогнул, а выражение лица осталось спокойным, отрешенным. Слотнув, я потянулась к ключу зажигания, бросив, как бы, между прочим:

— Почему ты взял вину на себя?

— Я позволил тебе войти в дом, на фактическое место преступления, позволил нарушить закон, хотя являюсь служителем этого самого закона. Разве я не виноват?! — будничным тоном ответил он.

— С тобой или без тебя, я бы его нарушила, — еще тише отозвалась я. — Ты напрасно подставился в глазах своего руководства.

Он пожал плечами.

— А я считаю, что поступил правильно.

— Ты всегда поступаешь правильно? — только сейчас я решилась посмотреть ему в глаза. Ощувив мой взгляд, Бен повернул голову и посмотрел на меня.

— Нет, — почти шепотом, с горечью ответил он.

Еще хотелось спросить, кто он на самом деле. Не просто хотелось — я должна была спросить. Но не смогла, потому что не была готова к правде. В глубине души я уже знала, что она мне не понравится. И, ничего больше не сказав, завела двигатель. В тот момент не казалось странным управлять машиной в невидимом состоянии, я попросту забыла о том, что зелье еще действует. А Бен не забыл.

— Может, я поведу? — устало спросил он и усмехнулся. — Прохожие не поймут, полицейские не оценят.

Вздыхнув, я отпустила руль, так и не успев нажать педаль газа. С минуту помешкав, открыла дверь и вышла из авто. Расценив это, как согласие, Бен поспешил занять мое место. Пристегнувшись, он плавно выехал на дорогу.

Мы ехали минут десять, пока его внимание не привлекло кафе. То самое, где он неделю назад оштрафовал меня за парковку в неполюженном месте. Заехав на стоянку, соблюдая правила, в отличие от меня, Бен заглушил двигатель и повернулся, отстегивая ремень безопасности. Мы случайно встретились глазами, и он едва заметно улыбнулся.

— Могу тебя обрадовать: действие зелья рассеялось.

— Замечательно, — отозвалась чуть слышно я и потянулась к дверной ручке, чтобы выйти на свежий воздух. Бен проследил за мной, но ничего не сказал. Выбравшись из машины, я двинулась к кафе и заняла столик. Тот же самый, за которым сидела неделю назад. Шерман последовал безропотно за мной, хоть и выглядел более, чем уверенным в себе. Чем-то веяло от него — у меня по коже пошли мурашки. Нечто холодное, но легкое и ненавязчивое, словно аромат одеколona. Только на этот аромат отзывался дрожью кулон. Зрело ощущение опасности, в душе царилa безнадежная пустота, а сердце билось, словно

ничего не происходит. Но ведь это не так, почему же я спокойна? Неужели смирилась? Или правда ничего не значит для меня?

Бен опустился на стул напротив, внимательно глядя на меня, а когда подошла официантка, заказал две чашечки крепкого кофе. И до той минуты, когда его принесли, мы сидели и молча смотрели друг на друга в упор.

Ощувив запах кофе, я потянулась носом к чашке, и Бен непроизвольно улыбнулся. Я замерла над горячим напитком, исподлобья взглянув на него.

— Ты специально сюда приехал?

— Нет. Само собой получилось, — Шерман изучающее наблюдал за мной, во всем его виде ощущалось напряжение, ожидание чего-то. Нетерпеливо облизав губы, он подался вперед и спросил уже без тени улыбки: - Почему ты молчишь?

— А что я должна сказать?

Бен склонил любопытно голову, сощурившись.

— Не знаю. — Он на миг отвел взгляд. Сложив руки на коленях, постукивал пальцами, собираясь с мыслями: - Хоть что-нибудь. Ты же любишь докапываться до правды.

— Сегодня с меня хватит правды, — тихо ответила я, посмотрев на чашку с кофе. Откинувшись на спинку плетеного стула, я медленно помешивала его ложкой, наблюдая за тем, как кружится кружевная пенка.

— Что ты узнала в доме Бишоу? — непринужденно отпив из своей чашки, спросил он.

Чувство самосохранения сработало очень не вовремя. Я вдруг поняла, что Бен мог знать гораздо больше, чем кажется. В его силах помочь раскрыть давно интересующие меня тайны, но вряд ли сейчас был подходящий момент просить об этом.

Часы над магазином, расположенным напротив кафе, забили полдень. Бен резко обернулся на звук, и я не удержалась — подняла взгляд. Голубые глаза, в которых я утопала, больше не казались теплой бездной. В них ничего не осталось — я смотрела в ледяную пустоту, отталкивающую и пугающую своей бесчувственностью. На лице Шермана мелькнуло выражение, которого я не знала. Внезапно Бен закрылся, спрятав эмоции. Внешне он не изменился, но сердцем я чувствовала, что тот, кто сидит передо мной, больше не являлся обаятельным офицером Беном Шерманом, спасшим меня от детектива Брейнта. Нs меня все равно тянуло к нему...

Скользнув вдумчивым взглядом по моему лицу, Бен потянулся в задний карман джинсов, для чего ему пришлось привстать. Он вынул из него сложенный вдвое конверт из пергамента. Покрутив в руках, какое-то время разглядывал восковую печать на нем. В тот миг я утратила потребность в воздухе, совершенно позабыла о том, что нужно хоть иногда моргать. В груди кольнул холодок, сердце спотыкнулось и неистово затрепетало. Мною овладел страх. Я до смерти испугалась, увидев конверт в руках Бена, и не потому, что он держал его. Причиной моего ужаса было совсем другое: в таких конвертах Верховная Ведьма рассылала уведомления своим подданным — я видела кипу идентичных конвертов на письменном столе отца. Он служил нашей правительнице, состоял в «Системе», но тогда я этого не знала. Но Бен к Системе не имел никакого отношения...

Тяжело вздохнув, Шерман на миг прикрыл глаза и распечатал конверт. Я слегка вытянула шею, чтобы увидеть, что в нем лежит, и заметила уголок фото. Бен нехотя взялся за него и медленно вытянул. Он еще не понял, кто на снимке, а я уже дрожала так, что зубы боялась расколоть. Пальцы тянулись к лежащим посередине стола ключам от машины. Я боялась, что Бен заметит и остановит меня, поймает за руку, но он ничего не сделал. Достав

фото, он лишь мгновение разглядывал его, а потом обреченно закрыл глаза. Когда я накрыла ключи ладонью, он небрежно бросил снимок на стол прямо передо мной, и я замерла. Это было мое фото!

В памяти даже всплыл день, когда оно было сделано.

— За что? — шепотом спросила я, сжав в руке ключи.

— Не знаю, — сглотнув, сухо ответил Бен, а когда открыл глаза, я с трудом сдержала вскрик — в них сиял белый свет. Магия потекла через стол от него ко мне, но я боялась пошевелиться. К горлу подступили слезы. Воздух плавил его сила, я могла ее коснуться и взвесить на ладони. Гирлянда под потолком кафе замигала, сначала с перебоями, словно от скачка напряжения, а затем ослепительно загорелась. Музыкальный проигрыватель зашипел, глотая слова песни. Я не вслушивалась в мелодию до этой минуты, а теперь ловила каждый звук, глядя в глаза, сияющие колючим огнем. Футболка прилипла к спине, по позвоночнику сбежала капелька ледяного пота, хотя все вокруг накалялось. Стало нечем дышать, как бывает в летний удушливый жаркий день. От магии, льющейся от Бена, я таяла, как кусочек воска, брошенный в огонь. А мысли были лишь об одном: почему так происходит? Почему человек, к которому меня душой и телом потянуло впервые в жизни, которому я беззаветно доверяла, оказался убийцей, посланным за мной?

Неизвестно, как долго мы могли бы просидеть, глядя друг другу в глаза. Раздался резкий хлопок, я подскочила и, схватив ключи, бросилась к машине. Лампочки подсветки взрывались одна за другой, осколки сыпались на столики. Посетители возмущались, доносились женские и детские визги, но я уже ничего не слышала. Перекинув ногу, я перебралась через ограждение, а Бен лишь опустил голову и, улыбнувшись, покачал ею. Не глядя на дорогу, я перебежала улицу, направляясь к стоянке, и когда цель была почти достигнута, что-то заставило меня обернуться. Бен встал из-за стола и грациозно перепрыгнул через ограждение. На его губах больше не угадывалась улыбка. Казалось, он вообще никогда не улыбался. Бездушное выражение лица, свет в глазах, и сжатые руки в кулаки. Переходя дорогу, он внезапно остановился, вынудив затормозить одну из машин. Громко ругаясь, водитель высунулся из окна, размахивая возмущенно рукой. Именно за эту руку Бен схватил тучного мужчину и выволок из салона. Все происходило слишком быстро, чтобы я могла реально оценивать. Швырнув его, словно ничего не весящую ненужную вещь, Бен сел в его серебристый спортивный автомобиль и газанул. В моем распоряжении оставалось не больше минуты — ему пришлось объезжать всю улицу, чтобы добраться до парковки. Визг покрышек, запах гари, и мое сердце едва не лопнуло от ужаса. Оказавшись в своей машине, я с трудом вставила ключ трясущимися руками, а через несколько ужасно долгих секунд мучений уже неслась по полупустой дороге центральной улицы. Бен дал мне фору, крохотный шанс на спасение или хотя бы небольшую возможность скрыться, но это не помогло оторваться от преследования. Он нагонял меня со стремительной быстротой, виртуозно обгоняя другие авто и подрезая зазевавшихся водителей. Я вдавила педаль газа в пол, набирая скорость, маневрируя между безмятежно катящимися машинами. Сворачивать на старые улочки не рискнула — узкие, с резкими поворотами, они лишь замедлили бы меня. Поэтому я неслась прямо, пытаюсь придумать выход из сложившегося положения. Пока лучше, чем оторваться от преследования, бросить машину и обратиться в дым ничего на ум не приходило.

Впереди замаячил светофор, и сердце подскочило к горлу. Не думаю, что Бен решится убить меня на глазах у прохожих, поэтому стоило держаться толпы. По крайней мере, пока не удастся максимально увеличить расстояние между нами. Мелькающие витрины, машины, деревья, прохожие — все слилось в безликий серый шум. Я не видела ничего, кроме серой ленты асфальта и Бена в зеркале заднего вида.

Зеленый сигнал светофора предупредительно замигал, и нога машинально утопила педаль газа в пол. Стиснув зубы, я неслась вперед и проскочила пешеходный переход в тот момент, когда желтый переключился на красный сигнал, ошибочно решив, что оставила Бена позади. Не успела перевести дух, как послышался рев двигателя, как у гоночного болида. Я лишь посмотрела в зеркало, и внутри все перевернулось: он догнал меня. Не успела моргнуть, как Шерман резко вывернул руль. Скрежет металла, и меня бросило влево. Ударившись головой об дверь, я вскрикнула, но руль не выпустила. Машину занесло на бордюр, дно царапали ветви кустарников, живой изгородью тянувшихся вдоль дороги. Прохожие разбежались с воплями почти из-под колес. Я приближалась к фонарному столбу. Столкновение казалось неизбежным, но мне все же удалось вновь выехать на магистраль, никого не задавив. Подпрыгнув, машина съехала с бордюра и плавно покатила, но

мимолетная радость маленькой победы длилась недолго — Бен поравнялся со мной. Увидев его в окно, я успела лишь испуганно пискнуть. Мы встретились взглядами, по спине пронеслась дрожь, и он вновь вывернул руль. Мы впритирку ползли мимо закусочных и торговых рядов, распугивая пешеходов. День клонился к обеду, и улица кишела людьми, стремящимися быстро набить желудок и вернуться к работе. Бен плавно притормозил, подался назад, царапая правую дверь моей машины. Я взвизгнула, заглушив скрежет металла, от которого уже звенело в голове. И газанул, сминая ее и толкая меня на бордюр. Левое колесо подпрыгнуло, автомобиль вильнул и соскочил на дорогу. Меня повело — я ударила Бена в крыло, разбила ему фару. Он холодно рассмеялся, вырываясь вперед, проносясь мимо молочной и кондитерской. И улица оборвалась, замелькали далекие крыши, золотые шапки деревьев.

Шерман набирал скорость. Я отвлеклась на него и не успела ударить по тормозам. Прижав к каменному забору старого кладбища, он протащил меня до ворот. От любимой машинки мало, что осталось. Теперь красная спортивная модель больше походила на смятую консервную банку из-под газировки. В ушах гудело от шума крови, я не слышала ни собственного дыхания, ни пульса, только скрежет металла о каменную изгородь. Оставалось совсем немного, и, готовясь к маневру, я сдавила руль, так, что костяшки побелели. Забор закончился, наши машины одновременно подпрыгнули, угодив колесами на поросшую травой ограду. Едва ощутив покрывками асфальт, я выкрутила руль и врезалась Бену в левую дверь. По инерции его машину отбросило, и драгоценные секунды он потратил на то, чтобы не въехать в витрину придорожного магазина.

По щекам бежали слезы. Они обжигали, но я их не замечала. Мчалась, не разбирая дороги, захлебываясь рыданиями. Бен не оставлял попыток протаранить мою машину. Через несколько минут погони я неожиданно осознала, что ничего не чувствую — ни страха, ни сожаления, ни желания жить. Лишь тупая боль в груди затрудняла дыхание, словно сердце отбивало последние аккорды. Я даже не заметила, как на полном ходу влетела в металлические ворота. Грохот цепей по крыше авто отрезвил, и я посмотрела в зеркало — Бен не отставал. Вцепился в жертву, словно лев в добычу, и не хотел отпускать. А ведь мы могли бы попробовать договориться... С бэлмортом, как же! Оплакивая разбитое сердце, я не желала мириться с уготованной мне участью. Печален итог, что-то умерло во мне, хотя Шерман еще до меня не добрался. Но сдаваться я не планировала.

Покатив по гравию, который летел из-под колес, осыпал дождем машину и стучал в окна, я немного сбавила скорость. Машина Бена оказалась капризной штучкой и завиляла на ухабах, когда кончился гравий. Я знала это место — заброшенная лодочная станция, затерявшаяся в густом лесу. Где-то недалеко пробежала широкая река, но из-за густой растительности ее не было видно. В воздухе витал запах сырости и мха

Зазевавшись, я подпустила Шермана слишком близко, а когда опомнилась, руки сами собой вывернули руль. Ударив в бок, я столкнула его автомобиль с дороги в глубокий кювет. Он взмыл вверх — в зеркало дальнего вида было видно, как, врезавшись носом в землю, тачка два раза перевернулась прежде, чем рухнуть и замереть. Колеса еще крутились, а Бен уже выбил ногой дверь и выбрался из дымящейся машины. По его лбу стекала кровь, в глазах горел ледяной огонь, а руки сжимались в кулаки. Он двигался агрессивно и целеустремленно, а потом перешел на бег, но я успела скрыться за поворотом.

Стройные ряды старых сосен, густые, пышные кусты, не успевшие сбросить листву, заслоняли обзор, но это было уже не важно. Проехав еще немного, я решила свернуть на

поросшую кривую дорожку, но в тот самый миг в машину влетело что-то тяжелое. Меня отбросило влево, и, ударившись головой, я вскрикнула. Автомобиль налетел на ствол дерева. Дверь с моей стороны вдавило вовнутрь салона, а справа машину сминал, как фольгу, сгусток черного дыма. Медленно, но верно, Бен зажимал меня, и когда ногам стало тесно, я подняла их на сиденье. Отпустив руль, еще раз посмотрела на клубящуюся, искрящуюся тьму за окном и обратилась в дым. Рванув вперед, пробила лобовое стекло и взмыла вверх. В воздухе было еще меньше шансов спастись, но нужно было сделать хоть что-то. Пролетая над верхушками деревьев, задевая пышную хвою, я пронеслась над тропинкой, на которую собиралась свернуть, и опустилась вниз. Промчалась над землей, слилась с ветром, скользнула между стволами, разметав высокую траву, и вновь взмыла вверх. Легкие заполнял влажный теплый воздух — совсем близко протекала река. Запах хвои и мха наполнял легкие. Я растревожила притихших птиц, случайно коснувшись ветвей. Испуганно порхая крыльями и возмущенно щебеча, они разлетелись в стороны. Стиснув от досады зубы, я заставила себя лететь еще быстрее, и поднялась над лесом. Ледяной воздух хлестал по лицу, и вдруг повеяло гарью. Бен догнал меня. Бросившись камнем вниз, я снизилась почти до самой земли, но в последний миг изменила угол полета и понеслась над поляной. Здесь, среди старых деревьев и темных кустарников, царил зеленый полумрак, и чем глубже я пробиралась в лес, тем темнее становилось. Когда показался угол деревянного строения, лес и вовсе стал дремучим, словно сюда никогда не проникали солнечные лучи.

Обогнув вековой дуб, я резко повернула вправо и натолкнулась на столб черного дыма. Меня отбросило, я ударилась об ствол. Всхлипнув, шлепнулась сгустком белой дымки на траву, хватая воздух ртом. В темноте, среди часто стоящих деревьев, сложно было избежать столкновения. Идущий по пятам Бен не давал шанса вырваться. Он навис надо мной, медленно подплыв и загородив последние лучи света, поблескивающие над верхушками старых елей. Подняв осторожно голову, я посмотрела на переливающееся, мерцающее черное облако, от которого невыносимо несло гарью. От Бена всегда пахло свежестью и легким ненавязчивым одеколоном, но теперь все изменилось. Странно было смотреть на бэлморта и осознавать, что знаешь его истинное лицо. К чему кривить душой, я давно догадывалась, кем Бен являлся на самом деле. Замечала странности, от которых волосы встали бы дыбом у кого-то другого, чувствовала сердцем, что он не такой, как все. Не настолько, конечно, но все же отличался от тех, кого знала. Догадывалась об опасности, но разве можно отказаться от острых ощущений, когда испытываешь их рядом с милым сердцу мужчиной? Можно было бы остаться с Лукасом, прожить безмятежную, обеспеченную жизнь. Он окружил бы меня любовью и заботой, чего я никогда не смогла бы дать ему взамен. Необычное яркое, свежее ощущение с нотками остроты и тревоги, наполненное новыми впечатлениями, адреналином, рядом с загадочным мужчиной, гораздо приятнее скучной, однообразной, но спокойной сладости бытия с человеком, к которому не испытываешь особых чувств. Насыщенный вкус всегда приятнее пресного и привычного, пусть даже дорогого сердцу букета. Рядом с Беном я узнала, каково быть влюбленной, заливаясь краской от случайного взгляда и покрываясь мурашками от одной мысли о прикосновении. Мы стали близки, и это не могло померещиться. Он действительно тянулся ко мне. И поэтому в голове как-то не укладывалось — бэлморт, помогающий мне и не раз спасавший жизнь!? Неоднократно вытаскивающий из передрыг и подставляющий свою спину под удар.... Он не притворялся и не играл роли, улыбался искренне — я чувствовала. Потому что понятия не имел, что я — его будущая цель. В эту минуту сердце разрывалось на

части, душа обливалась слезами, но не из-за страха перед приближающейся ужасной смертью, а из-за горького разочарования. Я наивно полагала, что у нас может что-то получиться....

Бен медлил, не спешил кончать со мной. Вероятно, так же испытывая неоднозначные чувства. Я уверена, он способен чувствовать вопреки легенде о беспринципности бэлмортов! И его колебания на счет меня тому доказательство. Решится ли он убить меня? Я бы не решилась.... Даже перед лицом смерти.

Ожидание сжимало сердце тугим кольцом, которое вырывалось и норовило выпрыгнуть изо рта. Не в силах больше считать секунды, я взмахнула рукой — Бена отшвырнуло. Пока он уносился прочь под давлением магии, я поднялась и взмыла в воздух, но полет длился недолго — облако черного дыма снесло меня, подмяло под себя и бросило оземь. Ободрав руки о торчащие корни, я вновь вернула себе человеческий облик и, стоя на коленях, взглянула на свои окровавленные ладони. Бен несся на меня, ломая сучья. Я подняла вверх руку, и по коже полилась сила, вырвалась наружу и волной ударила в него. Стружкой черного дыма Шерман покотился по воздуху. Ветви поднялись вверх острыми жалами, направленными на бэлморта, стремительно несущегося вниз. Он попытался увернуться, в последний миг ушел в сторону, но все же зацепил их. Запах крови смешался со смолянистым ароматом леса, разбавил терпкость хвои. Пока Бен кружил над густыми кронами дубов, обдумывая, как спуститься, я поднялась и побежала, не разбирая дороги. Спотыкаясь о корни и пучки засохшей травы, спешила укрыться на лодочной станции. Не оглядываясь, петляла между деревьями, а вскоре послышался шорох листвы — Бен приземлился и так же, как и я, снова был в облике человека. Он терялся в темноте, мелькал среди зелени и растворялся в воздухе, чтобы приблизиться и оказаться совсем рядом. Я не успевала следить за ним, и вскоре решила не оборачиваться, а просто уносить ноги. Мне не под силу убить бэлморта. Я отдавала себя отчет в том, что против него у меня никаких шансов. Даже если попытаюсь и получится — превращусь в неизвестно что. Такая перспектива совсем не прельщала. В любом случае, для кроткой ведьмы исход один — смерть. Рано или поздно Шерман поймает меня, как загнанного зайца, и гонка прекратится. Моя жизнь оборвется. Но я отчаянно надеялась на то, что он не пойдет до конца. Глупая Эшли.... Сколько же ты считаешь протянуть? До тех пор, пока сердце бьется.

Остановившись в перелеске, я нервно огляделась. В ушах нарастал гул, пробивался птичий гомон. Снова в голове звучали голоса разной тональности — пронзительные, пугающие, незнакомые. Кожу на груди обожгло, и я опустила глаза. Кулон переливался, словно раскаленный. Коснувшись потемневшего камня кончиками пальцев, я отдернула руку, но в следующую секунду зажала его в ладони. Тело наполнилось легкостью и энергией, сила питала клетку за клеткой, восстанавливая меня по крупицам. Царапины заживали, кровь останавливалась. Магия полилась сквозь меня теплой водой, наполнила, точно сосуд. Я смотрела и видела все в ином свете — глаза замечали мельчайшие детали, колебания травы и ветра. Я слышала и видела то, чего не видела прежде. Пылинки, парящие в воздухе, поблескивали в скупых лучах солнца, пробивающихся сквозь густые кроны. Зажатый в ладони кулон больше не обжигал кожу; приятное тепло таинственно мерцало, а я с улыбкой смотрела на него, словно замороженная. Если бы знала с самого начала, как использовать могущество Линетт, подаренное вместе с украшением.... Мощь древней ведьмы теплилась во мне. Казалось, стоит пошевелить пальцем, подсвеченным изнутри, и весь лес оживет, а небо изменит цвет. Гул усиливался, грозя разорвать меня на части. Магия в теле, голоса в

голове.... Я была слишком маленькой и хрупкой для всего этого. Но когда самообладание иссякло, и я, зажмурившись, охватила руками голову, мучительные звуки лопнули, как мыльный пузырь. Воцарившаяся тишина принесла облегчение, словно кто-то дверь закрыл. С изумлением усмехнувшись, я выпрямилась и огляделась. Никого.

Я спрятала кулон под плащ, и направилась к лодочной станции. Влажный воздух охлаждал кожу. Я шла по мягкому ковру из опавшей хвои, осторожно ступала, остерегаясь шорохов. Но над поляной повисла тень, и я медленно подняла голову. Не касаясь верхушек деревьев, но очень низко над ними, пронесся вихрь черного дыма. Он умчался прочь, а в лесу замерло все живое. Не было слышно ни щебетания птиц, ни шелеста листвы, лишь биение моего сердца у самого горла, да шум крови в ушах. Тяжело выдохнув, я двинулась быстрым шагом вперед, разводя лапы молодых елей и побеги кустарников усилием мысли. Ступала на поросшие мхом корни деревьев, избегая сухих ветвей, коими была устелена голая земля. Резкий контраст буйства зелени и бесплодной почвы — я вышла из занавеса изумрудных ветвей и застыла посреди темного безжизненного перелесья. Слышался плеск воды, но еще недостаточно близко, чтобы рассмотреть реку, хотя среди темных голых деревьев дрожали пестрые блики. Окна на станции были собраны из разноцветного стекла.... Сердце радостно подпрыгнуло. До старого покосившегося деревянного строения оставалось рукой подать.

Я обернулась. Взгляд упал на ковер из опавшей хвои, плотно устилавший землю. Бена нужно было задержать. Коснувшись ладонью старой сосны, я закрыла глаза, и в дерево потекла магия. Импульс силы отскочил от ствола и порывом ветра перепрыгнул на рядом стоящее дерево, затем на следующее, и так до тех пор, пока сила не коснулась всей растительности, опоясывающей поляну. Потревоженные деревья, что она оживила, зашелестели ветвями, а хвоя у их подножья стала мягче. Забурлила и дрогнула, словно морская гладь, пошла рябью. И притихла. Теперь, каждый, кто ступит на эту поляну, угадит в вязкое болото.

Чтобы не вляпаться в собственную ловушку, я перепрыгнула на корень засохшей ели. Она торчала из голой земли, усыпанной мелким сухоломом. Остановившись на миг, я подняла ладонь и, подув на нее, оживила кусты. Заволновавшись, ветви опустились и скрыли проход на поляну, лес стал вовсе непроходимым. И бросилась к лодочной станции. Оставалось надеяться, что Бен попадет в мои капканы.

Я бежала несколько минут. Очутившись посреди поляны с высокой травой, обернулась, услышав шорох, показавшийся пугающе громким в лесной тишине. За деревьями мелькнула тень, и в неподходящий момент ноги запутались в траве — я упала лицом вниз. Успев лишь подставить ободранные ладони, оказалась лежащей на земле, и резко обернулась. Бен вышел из тени леса и приближался ко мне. Взмахом руки я привела в движение деревья — корни, словно чудовищные змеи, поднимались, скрипя и разрывая почву. Они обвивали ноги Бена, хватили его за щиколотки и валили на землю, а он упрямо поднимался, ломая пути горящими магией руками. Его ладони словно раскаленное железо, сжигали древесину. Кожу изнутри подсвечивало пламя, а между пальцами сочился дым. Так вот как охотники за головами выжигают сердца своим жертвам....

Глава 35 (продолжение)

Скрипя и плача, корни отступали, отползали от рук бэлморта, причиняющих боль, и прятались обратно под землю. Он двигался все быстрее, но и деревья не сдавались, пуская в ход ветви. Пока они хлестали его и затрудняли движение, я поднялась и, прихрамывая, побежала на станцию. При падении я разбила колено, и из дыры на джинсах сочилась кровь. До слуха доносились чертыханья Бена, а я все удалялась вглубь чащи. Но вдруг порыв воздуха разметал волосы. От неожиданности перехватило дыхание. Повеяло гарью, и я застыла на месте, медленно поворачивая голову вправо. Глядя исподлобья, на меня шел Бен, переступая притихшие корни. Его глаза пылали магией. Нас разделяла небольшая лужайка. Подняв руку, я сжала ее в кулак и, перевернув ладонью вниз, разжала пальцы. Медленно выпуская незримый сгусток силы, неуловимым движением швырнула его в Бена. Шерман остановился за секунду до того, как магия коснулась почвы. Удар, похожий на падение маленькой кометы, разметал траву и поднял в воздух опавшую листву, хвою и комья земли. Волосы отбросило назад, в глаза полетела пыль, но я не посмела моргнуть — направила бурлящую мощь в Бена. Его засыпало сухой землей и листьями. Закрываясь руками, он пригнулся, но, секунду спустя, зарывав, резко расставил руки, отмахнувшись от летящего в него растительного мусора. Рванув вперед, натолкнулся на невидимую стену, сотканную из магии, и его отбросило назад. Пока Шерман поднимался, а делал он это довольно быстро, я рискнула убежать.

В спину летели огненные искры, я только успевала уворачиваться и прятаться за деревьями. Под ногами горела сухая листва и трава, но я продолжала следовать на запах реки. Бен наступал на пятки, дышал в спину невыносимым жаром, а я неслась, не оборачиваясь. Выгадав пару секунд, обернулась и ударила поперек тела магическим хлыстом. Бен прогнулся от удара, зашипел сквозь зубы. Похоже, это было больно. Впереди замаячили разноцветные блики от окон лодочной станции, и я припустила к ней. Частью себя я осознавала, что в замкнутом помещении от смерти не укрыться. Но страх жег горло, грозя вырваться наружу воплями, и я верила в спасение. Иначе давно бы сдалась. Я была почти готова к этому, но не могла смотреть в глаза Шерману. Их синева пробуждала во мне необъяснимую слабость. Умирая, мое сердце трепетало бы в его пламенеющих ладонях...

Не обращая внимания на боль в колене, я все же добралась до станции. Колючие ветви елей расступились передо мной. Я пробралась в темное, пропахшее сыростью и тиной строение. Под дощатым полом ощущалось движение воды, деревянные половицы стонали, когда я осторожно ступала по ним. Глаза привыкли к бликующему полумраку, и перед взором раскинулось просторное помещение с высокими подпорками, заваленное старыми лодками. По сырому полу бегали синие, зеленые, красные, желтые и лиловые пятна — лучи солнца играли с витражами круглых окон, расположенных под потолком. Деревянная пристань под навесом покато́й крыши переливалась отблесками от речных волн. Хотелось выйти из тени и посмотреть, глотнуть наполненного запахом хвои и влаги воздуха. Но я лишь сильнее прижалась к деревянной подпоре, будто боялась, что река меня затянет и поглотит. Снаружи о стены плескалась вода, ветви деревьев царапали по крыше, и сердце замирало от пугающих звуков. Я боялась, что не услышу шагов Бена. Не услышу, как подкрадется смерть в облики мужчины, которого я, похоже, люблю.

На полу лежали ржавые цепи, к которым когда-то цепляли лодки. Передвигая

осторожно ногами, я переступала через них, украдкой поглядывая на вход. Держась ладонью за стену, медленно прошла в дальний угол станции, вслушиваясь в каждый звук. Где-то совсем близко зашелестела трава, затем послышались тяжелые шаги, а еще миг спустя вошел Бен. Он остановился, высматривая меня. Замерев, я затаила дыхание, стоя спиной к входу. Мгновение, утомительное и тяжелое, он изучал обстановку и шарил взглядом в темноте. Беспокойные волны подстегивали лодки, оставшиеся на плаву, на привязи, и от каждого звука, с которым они ударялись о пристань, я вздрагивала. Дрожь изнутри, сделала шаг вперед и вновь застыла, прислушиваясь, не заметил ли меня Бен, но кроме плеска воды ничего не уловила. Он шагнул вправо от входа, не обнаружив меня, и прошелся вдоль дальней стены. Решившись шагнуть вновь, я перевела дух, как вдруг перед лицом пронеслась искра огня и врезалась в стену. Полыхнув и озарив на миг помещение, она просочилась сквозь доски и погасла, а Бен уже несся на меня. Обернувшись, я взмахнула рукой — его снесло волной силы, осыпало снобом белых искр. Пролетев дугой, он ударился спиной о стену, и громко выдохнул сквозь стиснутые зубы. Я хотела посмотреть, сильно ли приложила его, но Бен прыжком оказался на ногах и двинулся вперед. Я видела в темноте его раскаленные кулаки и холодный свет в глазах. И бросилась прочь, перепрыгивая через валявшиеся здесь и там обломки лодок и доски. Бен шел все быстрее, я чувствовала жар в воздухе, как от открытого огня, и по спине скатилась капля пота. Лоб покрыла испарина, я стерла ее рукавом плаща. И заслонила обзор всего на миг — перед лицом пролетела алая искра, словно кровь брызнула. Лицо обожгло, и я по инерции шагнула назад, угодив в руки Бена.

Схватив меня за талию, он вдавил пальцы. Даже сквозь ткань одежды кожа плавилась. Я вскрикнула и прогнулась от боли. Попыталась вырваться, но жар сковал все тело. Я таяла, тлела, как огарок свечи, в глазах стремительно темнело. Запах гари застрял в горле, на корне языка, и силы покидали меня. Теряя сознание, я рванула вперед и выскользнула из рук охотника. Невыносимая боль судорогой пронеслась от корней волос до кончиков пальцев, словно в его ладонях я оставила куски собственной плоти. Проглотив крик, я на ощупь побрела вдоль стены, а когда отошла на достаточное расстояние, осмелилась обернуться. Бен изумленно смотрел на свои ладони. Убийца что-то почувствовал и не мог поверить в то, что мне удалось вырваться. Неожиданно.... Он поднял на меня взгляд, полный горечи и гнева. В груди кольнуло, мучительным спазмом к горлу подкатили слезы. Я была уязвима перед ним, сама ощущала это. Он поманил бы пальцем, и я пошла. В то мгновение я поняла, в чем истинная жестокость бэлмортов. Любя всем сердцем, я позволю ему убить себя только затем, чтобы еще раз увидеть эти глаза.... Стиснув зубы, я прерывисто выдохнула. Не бывает этому.

Взмахом руки я подняла вверх доски с пола. Одна за другой они полетели в него, сбивая с ног. Пока он поднимался, отмахиваясь, я добралась до противоположной стены. Ощувив спиной, как Бен поднялся из-под вороха досок и щепок, резко обернувшись, взмахнула вновь рукой. Витражи взорвались все одновременно, пестрая лавина осколков обрушилась на Бена. Многогранные, сверкающие капли, словно весенний дождь, проливались на бэлморта. Я любовалась своим смертельным творением — острые, как бритвы, тончайшие, как иглы, брызги стекла.... Время остановилось, воздух стал густ и прозрачен, а в груди похолодело.

Я смотрела в глаза Бену, пока осколки осыпали его. В душе что-то надорвалось, легкая дрожь пронеслась по телу. На глаза вновь навернулись слезы, и сердце сжалось от боли. Хотелось упасть на колени и закрыть лицо руками, но я устояла. Никогда бы не подумала,

что могу быть такой сильной....

С губ слетел беззвучный стон, и время вновь ускорило свой ход. Когда пестрые брызги окружили Бена, он раскинул руки в стороны и сжал кулаки. И осколки застыли в воздухе. Мгновение они переливались, угрожающе повиснув над его головой. Я отвлеклась, засмотрелась на него, и яркое разноцветье полетело в меня. Осколки бросились в лицо, голову и все тело. Я видела их перед глазами — острые, сверкающие, и их тысячи. Все мое существо замерло, душа задрожала и притихла в ожидании смерти. А Бен не дрогнул — его взгляд остался пустым и холодным, когда он смотрел на меня.

Я ничего не чувствовала. Ни страха, ни боли, ничего. Только кулон на шее трепетал, обжигая кожу. Когда его тепло коснулось груди, жар магии прокатился электрическим разрядом по телу. Осколки почти накрыли на меня, когда я отвернулась, отгородившись ладонью, защищая лицо. Ожидание резкой боли, напряжение и неприятный холодок, сосредоточившийся в каждой клеточке тела... Бесконечно долгие секунды... Но ничего не произошло. Открыв глаза, я осторожно повернула голову, медленно опустив руку — брызги стекла обратились в перья. Белые, черные, серые, пушистые, вытянутые и гладкие — бесшумно и неспешно они опадали на пол, покачиваясь в воздухе. Невесомые, но реальные.

Глядя под ноги, я не могла поверить в то, что вижу. Стояла и рассматривала перья. Бен был так же ошарашен. Изумленно уставившись на последнее перышко, парящее у него перед лицом, следил за его колыханиями. Но вдруг поднял руку и выпустил из ладони крохотный шарик огня. Перо вспыхнуло и, еще дотлевая, упало на сырые доски под ногами. Волшебство кончилось, и мерзкое чувство горечи помрачило впечатление.

Бен посмотрел на меня исподлобья, прямо в глаза, и кожа завибрировала от жара его магии. Не дожидаясь, когда он нанесет удар первым, я скользнула вдоль стены, побежала к пристани. Но не успела — сгусток огня, запущенный им, заставил остановиться. Его терпение иссякло — сила ошпарила руки, кожа покрылась розовыми пятнами. Казалось, с меня заживо содрали ее. По щекам покатались слезы. Вскрикнув, я прижала руку к бедру и опустила взгляд. Ожог медленно разъедал ладони, кисти, затем поднялся под рукав плаща.

Пока я разглядывала чернеющую рану, Бен подобрался ближе — мелькнувшая тень, заставила поднять глаза. Ахнув от неожиданности, я прижалась спиной к стене, но он уже стоял напротив, смотрел в упор. Ярость, жестокость, решительность — вот что я увидела на его лице, во взгляде. Сила бэлморта заполняла станцию, как половодье. Я уперлась спиной в подпорку — он приблизился почти вплотную. Лицо обдало жаром, по щеке предательски скатилась слеза. Дернувшись вправо в слабой попытке сбежать, я оказалась в капкане его рук. Бен преградил путь, упершись одной ладонью в стену, затем другой, когда я попыталась сдвинуться влево. Страшно было поднимать голову, но смотреть оказалось больше некуда — разве что изучать складки на кожаной куртке или наблюдать за его вздымающейся от тяжелого дыхания грудью. Я осторожно посмотрела вверх, поймала его взгляд, и внутри все застыло. Чувства покидали тело и душу, земля уходила из-под ног, но глаза отвести было невозможно. Я могла бы попытаться сломить его силой магии, ранить и исчезнуть, но вот духу не хватило. Так же, как и оторвать взгляд.

— Ты сильнее, чем кажется, Эшли. Почему же так легко сдаешься? — обжигая дыханием, спросил он гулким, лишенным эмоций голосом.

Я судорожно сглотнула, давясь слезами.

— Возможно, я не хочу больше бороться. Если бы за мной пришел кто-то другой, я бы из кожи вон вылезла, но спаслась.

— В этом минус чувств.

Я покачала головой.

— Неправда. В этом их плюс, и ты сам понимаешь это.

— Нет, — скривился он. — Я ничего не чувствую. Мне не дано.

— Чувствуешь, — с вызовом произнесла я. — Иначе убил бы меня на месте!

— Мы не убиваем на людях, — прошипел Бен, и у меня перехватило дыхание. Я смотрела в его светящиеся глаза и боялась моргнуть.

— Кто заказал меня? — прошептала я, и Бен вздернул брови.

— Верховная Ведьма.

— Но за что?

— Понятия не имею, — раздраженно процедил он и на мгновение оторвал правую руку от стены. Я тут же дернулась в сторону, но он резко преградил путь, вернув ладонь на прежнее место. Я вздрогнула.

— Проверяешь мою реакцию? Играешь, как кошка с мышью?

Он едва заметно улыбнулся.

— Тяну время.

— Тебе так же тяжело, как и мне. Признайся, что не можешь убить меня, Бен.

Шерман рыкнул сквозь стиснутые зубы, от улыбки не осталось и следа.

— Я не люблю убивать, но моя сущность обязывает. Не в тебе дело, не обольщайся.

— Не верю.

Он подался вперед, и руки рефлекторно уперлись в его твердую, как камень, грудь.

— Я не считаю, что ты заслуживаешь смерти, Эшли. В этом причина, но не в моей слабости перед тобой. Никаких чувств ты во мне не вызываешь. Такие, как ты, могли бы изменить мир к лучшему, спасти множество невинных жизней. Но не всем сильнейшим мира сего это нравится. Видимо, ваша правительница из их числа.

— Ты же наемный убийца, а, значит, не должен задумываться над подобными мелочами. Получил заказ, выполнил, и на счет упала кругленькая сумма. Но ты размышляешь над тем, кто достоин смерти, а кто нет. Кто заслуживает ее, а кого отправляют на тот свет злобные, жадные до силы и могущества выродки. Понимаешь, что это значит?

Он свел брови к переносице, вопросительно склонив голову, но ничего не ответил. Набрал побольше воздуха, я выдохнула:

— Ты чувствуешь, Бен.

— Нет! — рявкнул он.

— Чувствуешь. Все время, что мы знакомы, я видела в тебе человека. Ты переживал и поступал по совести, а бесчувственное существо не различает, что правильно, а что неправильно.

— Всего лишь маска. Я должен был...!

— Нет, — я мотнула головой. — Ты был настоящим, никакого притворства. Я вижу сердцем, Бен, и у тебя есть душа. Ты просто не хочешь отличаться от своих сородичей — прирожденных беспринципных убийц. Кто сделал вас такими? Кто внушил, что вы созданы для холода и смерти, и не имеете права выбирать свою судьбу?

— Я не знаю!

Голос Бена раскатом грома прокатился по лодочной станции, и что-то внутри меня жалобно сжалось. Он двинул кулаком в стену, стиснув гневно зубы. На миг я зажмурилась, решив, что он ударит меня, но этого не произошло. Открыв глаза, увидела, что Бен смотрит

на свою руку, словно собирается с мыслями.

Облизав нервно губы, он прикрыл глаза и заговорил очень тихо:

— Нам не надо было сближаться. Когда заранее знаешь жертву в лицо, то вживаться в роль, проникать в привычный поток ее жизни, а затем убивать — гораздо проще. Я не рассчитывал, что так выйдет. Не думал.... Мне будет тяжело тебя убивать, Эшли. Не смогу забыть, хоть и неприятно это признавать, но я должен. Таков мой мир.

— Твой мир можно изменить.

Открыв глаза, Бен посмотрел на меня испепеляющим взглядом.

— Ты уже его изменила, но кому из нас от этого легче?!

Его глаза на миг полыхнули жаром. Он прикрыл их, словно не хотел, чтобы я увидела. Я чувствовала его горечь и сожаление, но не сумела остановить. Не попыталась. Поэтому когда он вновь посмотрел на меня, обреченно вздохнула и не отвела взгляда.

— Прости, — он оторвал ладонь от стены и сжал ее в кулак, отступив на шаг назад. Кожа на ней, словно подсвеченная изнутри, приобрела алый цвет. — Мне очень жаль.

Понимая, что это конец, я безвольно уронила руки. Глядя в глаза Бену, чувствовала его боль и печаль, видела сквозь сияние магии. По моим щекам бежали слезы. Я могла бы ударить в него волной силы, свалить с ног, но даже не попыталась. Веки затрепетали, по телу пробежала дрожь, и с губ сорвался прерывистый вздох. Воздух вокруг Бена вибрировал от сдерживаемой энергии. Меня обдавало жаром, исходящим от него, но уже было все равно. И когда он замахнулся для удара, я поймала его за запястье почти у своей груди. Сердце гулко ёкнуло и замерло за миг до неминуемой гибели.

Меня охватило пламенем. Кожа таяла, истончалась, я тонула в сверкающей силе, окружившей нас теплым танцующим ветерком. Казалось, будто наши руки слились воедино. Магия захлестнула волной ощущений, от ее напора перехватило дыхание. Я осмелилась посмотреть на Бена. На его лице застыло потрясенное выражение. Но я не успела опустить взгляд и узнать, в чем дело. Шерман высвободился и занес кулак во второй попытке. И вновь я выставила вперед ладонь, обороняясь. Перехватила удар — задрожали кости, вызывая ноющую боль. Я сцепила с ним пальцы, действуя интуитивно, а когда посмотрела вниз — невольно вскрикнула.

Бен, как и я, смотрел на наши руки. Кожа, там, где мы касались друг друга, светилась изнутри голубым. Необыкновенное спокойствие охватило душу, легкость растеклась по телу невесомой сладостью. Я еще не поняла, что вижу, но уже испытывала радость. Где-то глубоко внутри. Из моей груди вырвался вздох облегчения, в животе зашевелились крыльями бабочки. Я ощущала себя магнитом, притягивающимся к Бену, и в этой совсем неподходящей ситуации хотелось прижаться к его губам в поцелуе.

Бен поднял на меня взгляд, скользнул им по лицу, будто видел впервые. Его сила омывала меня, заставляла пульс трепетать. Все, о чем я могла сейчас думать — как же он прекрасен! Ему как-то удалось выглядеть одновременно и изумленным, и рассерженным. Коротко мотнув головой, Шерман прошептал:

— Не может быть....

Внезапно его лицо исказилось от гнева — глубокого, искреннего, граничащего с болью. Он ударил другой рукой в стену с такой силой, что здание задрожало. Стон древесины заполнил станцию, под ногами качнулся пол. Но мы не замечали. Наши ладони как будто бы срослись, охваченные таинственной силой, мерцающей в потемках аквамаринном. Бену это не нравилось, но он не спешил разрывать связь и расцеплять пальцы. Точечными разрядами магия поднималась вверх, кожа под одеждой светилась. Когда ко мне пришло озарение, я прикрыла глаза. Теперь ясно, почему сердце замирало рядом с ним.

— Я — твоё искупление, — не веря своим собственным словам, прошепстала я.

Бен посмотрел на меня. Он выглядел растерянным, но не сломленным. Сияние в его глазах тускнело, пока вовсе не погасло. Я снова могла смотреть в бездну голубых глаз Шермана, не боясь обжечься. Первые искорки его гнева вспыхнули в воздухе, светлячками закружились над нами. Я облизала нервно губы и сказала:

— Ты не можешь убить меня.

Последние слова добились его. Зажмурившись, Бен стиснул челюсти и несколько раз ударил в стену. Его бессвязный крик, переполненный болью и злобой, пронесся по зданию, отразился эхом от шатких стен. Перепуганные птицы в лесу сорвались с ветвей. С крыши

посыпались труха и пыль, а Бен все не мог остановиться.

Когда он успокоился, я медленно подняла голову и посмотрела ему в глаза. Теперь он не выглядел столь уверенным, как минуту назад — магия рассеялась, словно кто-то свечу потушил. Шерман смотрел на наши руки, поглаживая большим пальцем тыльную сторону моей ладони. Отрывал и снова опускал его, прижимаясь к коже, наблюдал за разгорающимися ярко-голубыми лучами. Они переплетались в причудливые узоры, убегая под рукав плаща. И пока он заворожено игрался, я смотрела на него и не могла отвести глаз. Искреннее удивление пролегло морщинкой на лбу Бена, в глазах его мелькнула тень, и я почти уверена, что это была надежда.

По коже пробежала приятная дрожь, покрыла мурашками. Объединившее нас волшебство питало каждую клеточку тела, насыщало его сладостной легкостью. Я чувствовала себя невесомым перышком, дышала ароматом одеколona Бена и его кожи. Эти запахи казались невысказанно родными, моими личными. И более невозможно представить жизнь без них. Без него.

Помутилось в глазах, но сознание оставалось ясным и светлым. Как никогда раньше, я ощущала себя свободной, но, в то же время, остро зависящей от глаз и рук Бена. Хотелось прижаться к нему, проникнуть под кожу, стать частью него. Жаркая волна магии пронеслась сквозь меня к нему, и в груди разлилось тепло — я глядела на Шермана, понимая, что мною овладевает безумная страсть. Низ живота свело горячей судорогой. До боли, до слез хотелось впиться в его губы и обвить шею руками, ощутить мягкость кожи и твердость мышц под ней... Я никогда и никого так не хотела, мое тело так не хотело.

Дрожа от желания и усилий, с которыми сдерживала его, я посмотрела в глаза Бену. Его затуманенный взор говорил о том, что он охвачен теми же чувствами — сгорает изнутри, высвобождаясь от незримых оков сущности, растворяется в необузданном, каком-то первобытном вожделении. Я чувствовала кожей его напряжение. Незвестной до этого мига частью себя ощущала его мысли и переживания. Кожа светилась пленительным голубым светом, а мы, как околдованные смотрели поверх него друг другу в глаза. Мы изменились за мгновение и больше никогда не станем прежними, как бы ни хотели этого.

Дышалось легко и глубоко, на душе царило необычайное спокойствие, и ничто больше не угрожало моей жизни. Если бы на месте Бена был другой бэлморт, я бы остереглась расслабляться. А с ним можно было потерять бдительность — теперь-то он точно не сможет довести свое черное дело до конца. Потому, что убив меня, он навсегда лишится возможности стать другим и, наконец, испытать истинную любовь.

Об искуплении я знала из сказок мамы. Из одной из тех, что она хранила глубоко внутри себя, берегла для особого случая, как любимое украшение в старинной шкатулке. Услышав однажды об искуплении, будешь грезить ночами, надеясь повстречать свою половинку. И жить в горьком разочаровании, не ощутив вкуса этой магической связи между бэлмортом и ведьмой, таинство которой так никто и не разгадал. Она избирает мага, которого вознаградит чудесным даром, а не он ее. Если бы знать, кому поклоняться и приносить жертвы ради столь ценного благословения... Милость божественных сил, единственный шанс на искупление грехов и «исцеление» черной сущности бэлморта. Ведьма, с которой его свяжет магия, возьмет на себя часть его «тьмы», поделившись взамен сердечным теплом, искренними чувствами, которые ему не даны природой. Любовное притяжение, неугасаемая взаимная страсть, которой невозможно противостоять — кто же о таком не мечтает?! И не нужно ничего делать, лишь поддаться объединившей их силе.

Звучит просто, но как разжечь пламя любви в пропахшей гарью и кровью ледяной душе?

На протяжении многих лет я думала, что это всего лишь сказка. Возможно, выдуманная мамой специально для меня. Но, увидев глаза Бена, я поняла — он тоже слышал ее. Об искуплении не разговаривают в кафе или магазине, не шепчутся подружки и не обсуждают в газетах. Люди и вовсе о нем ничего не слышали. И главным образом потому, что явление это настолько необыкновенное и редкое. Почти невозможное. Почти... Но Шерман знал о нем. Откуда? Темный народ верит в красивые байки? Не каждый бэлморт решится изменить свою судьбу, начать жизнь с чистого листа, поставив крест на темном прошлом. Мне сложно даже представить, как можно перечеркнуть все зло, содеянное охотником. И ведь можно! В это мгновение я готова была простить Бену что угодно, закрыть глаза на все загубленные им жизни. Чего стоил один лишь его взгляд! Такой искренней растерянности и тревоги я никогда не видела в его глазах. И вряд ли кто-то другой видел. Хватит ли ему смелости принять этот величайший дар? Его решение должно быть осмысленным, осознанным шагом в новый мир без жестокости и тьмы. Ведь тогда он станет простым магом без преимуществ бэлморта, переродится, освободится....

С моих губ слетел слабый вздох. Бен, будто пробудившись, моргнул и сразу нахмурился. Надеялся скрыть то, что я уже давно заметила. И в груди затрепетало тепло. Мы не осмеливались нарушить тишину. Я заморожено смотрела на ярко-голубой свет, озаряющий темноту, а Бен изучал мое лицо. Он уловил на нем то, чего не видел прежде. Искупление сорвало с нас маски, обнажило истинную суть, скрытую под толщей сомнений и предрассудков. Шермана переполняло любопытство, и его сердце билось так, что я забыла, как дышать.

— Я думал, такое только в сказках бывает, — голос Бена прозвучал с придыханьем. Облизав губы, он чуть сильнее сжал мою руку.

Давление внизу живота стало почти невыносимым. Я неосознанно подалась к Шерману.

— И я... Теперь мне ясно, почему я не боялась тебя. И почему так тянуло к тебе....

— Ты не боялась меня? — с изумлением в глазах повторил Бен. — То есть, ты давно поняла, кто я на самом деле?

— Да, — прошептала я. — От тебя отползала черная магия, и зелье невидимости не действовало. Я не хотела верить и отрицала саму лишь мысль о том, что ты бэлморт. Но факты говорили сами за себя.

Я подняла взгляд на Бена. Он внимательно смотрел на меня и выглядел растерянным. Высвободив руку, я кончиками пальцев провела по тыльной стороне его ладони. Он хотел бы испытывать гнев в ту минуту, но не мог. Поджав губы, Бен отстранился и шагнул назад. Волшебство исчезло — растаяло в воздухе, словно угасающие огни фейерверка. Остался лишь аромат его одеколона на коже и боль. Приятная, сладкая боль в груди, и я знала, откуда она появилась. Это была любовь.

— Так не должно быть. Я не чувствую. Я не могу.

— Ты не хочешь, но это не значит, что не можешь. Сам же сказал, что не хочешь убивать....

— Но я убивал! — взревел он, сжав от ярости кулаки. — И ты ничего не можешь исправить!

— Могу, — тихо ответила я. Магия «искупления» ушла, но осталось легкое послевкусие — голова шла кругом, перед глазами плыло. Привалившись спиной к стене, я прерывисто вздохнула и закрыла глаза здоровой рукой.

— Почему ты такая? — Бен скривился, когда я вновь смогла смотреть и видеть его. — Легкомысленная, доверчивая, искренняя... Почему так просто относишься к моей темной сущности?! Разве то, что я убийца, не пугает и не отталкивает тебя? Ты должна меня ненавидеть!

— Я верю, что каждому дан шанс на искупление. Мой мир не черно-белый.

Рука, поджаренная Беном, мучительно пульсировала, я прижала ее к животу. Ткань успокаивала и холодила, немного стихало жжение, но лишь на короткое время. Он заметил, как я кутаю ладонь в плащ, и на его лице отразилось сожаление. Но внезапно исказилось от боли. Наклонившись вперед, Бен оперся одной рукой на стену, а другую прижал к груди. Я насторожилась, по спине скользнул холодок. Его ощущения отозвались во мне эхом — вспыхнуло под ребрами, растеклось по венам мучительной и пьянящей нежностью. Бен не знаком с ней, но скоро все изменится.

— Что с тобой?

— Болит. Не важно, — прорычал он и посмотрел на меня исподлобья. — Я справлюсь.

— Ты чувствуешь. Так щемит сердце, испытывавшее первые что-то новое, истинное.

Выпрямившись, невзирая на жгучую боль, Бен полыхнул на меня яростным взглядом. В его груди кольнуло — сдавленно выдохнув, он ухмыльнулся.

— Я не могу тебя убить. Но это не значит, что другим повезет так же, как и тебе, Эшли.

Он резко развернулся и направился к выходу. Я шагнула ему навстречу, преградив путь.

— Сколько еще конвертов? Скольким суждено умереть?

Бен остановился и посмотрел на меня. Таким настоящим и естественным он никогда не был. От холодности и следа не осталось — передо мной стоял обычный парень, охваченный противоречивыми чувствами, которые уже невозможно было сдерживать.

— Еще два, — сглотнув, тихо ответил он. — Один у Тома, второй не знаю.... Он считает, что я размяк, и вполне мог прихватить оба из чувства превосходства.

— У Тома? Кто такой Том?

— Мой брат, — он сказал это очень тихо, наблюдая за выражением моего лица. Похоже, услышал нотку страха в моем голосе.

— Он случайно не работает поставщиком магических ингредиентов?

— Что-то в этом роде, — нехотя согласился Бен и отвел взгляд. Смугился от того, что так пристально разглядывал меня. Но магия оказалась сильнее — он вновь посмотрел на меня, движение одних лишь глаз. И опять что-то заметил. Его лицо вытянулось: — Ты его знаешь?

— Он встречается с моей сестрой, — прошептала я. — Три конверта, говоришь? У меня две сестры, и мы все ведьмы.

Я смотрела с ужасом в глаза, в которых тонули мысли, а они отвечали мне задумчивостью, перерастающей в напряжение. Не дав мне и рта раскрыть, Бен сорвался с места и понесся прочь.

— Подожди! — крикнула я, хотя осознавала, что это бесполезно.

Разозлившись, я обратилась в дым и полетела за ним. Оказавшись за пределами станции, Бен взмыл над лесом облаком черного дыма и помчался в сторону города. Я не отставала — скользила между верхушками деревьев, боясь упустить Шермана. Приблизившись к металлическим воротам, он плавно опустился на землю и принял человеческий облик. Затем перебежал улицу, свернул за старое кладбище и исчез из виду. Решив, будто оказался вне досягаемости, протиснулся между тесно стоящими домами и

скрылся в тени. Я опустилась на асфальт и мелькнула следом за ним, рванула вперед... И оказалась схваченной в темноте его обжигающе теплыми руками.

— Оставь меня! — горячо выдохнул он мне в лицо.

— Она моя сестра! — окрысилась я. — Я не могу не вмешиваться! А ты спешишь на подмогу брату? Со мной не вышло, так почему бы не заработать очки с другой жертвой?!

— В мои планы не входило помогать Тому, — его голос сквозил возмущением. — Я должен раздобыть амулет, любой ценой, иначе он примется за тебя. Ты не знаешь моего брата!

— Знаю. Он тот еще ублюдок! С первого взгляда заметила его темную, поганую сущность.

Поджав губы, Бен осмотрел узкий проулок, в котором мы застряли. До полоски света оставалась пара метров, и он явно спешил в нее протиснуться.

— Где ты возьмешь амулет? — вдруг дошло до меня. — Убьешь кого-то? Вместо меня?!

— Ты знаешь иной способ? — взглянув красноречиво мне в глаза, он изогнул бровь. — Том не станет церемониться и убьет тебя, а потом и меня. Его сказками не проймешь.

— Почему? Он же твой брат?!

Бен подался вперед, впиваясь в мои глаза ледяным взглядом:

— Мы — убийцы. Рождены на свет бесчувственными тварями, и если тебе повезло со мной, то Том — бэлморт именно такой, какими их описывают в жутких байках вашего народа. Он не пощадит тебя, а меня тем более. Он уже говорил об этом.

Сглотнув, я отступила назад и уперлась спиной в стену. Бен тут же рванул к выходу, раздраженно одергивая плечами, застревающими между стенами. Глубоко вдохнув, я поспешила следом.

— Почему бы не воспользоваться амулетом из магазина Мишель? У нее полно побрякушек, наделенных магической силой.

— А что, — равнодушно бросил он через плечо, — вполне сойдет для того, чтобы оттянуть время. Если хочешь спасти невинную жизнь, а заодно и свою — достань мне амулет!

Пробежав три улицы, мы оказались перед магазином Мишель. У входа была припаркована черная машина Тома. У меня сердце упало в пятки. Застыв через дорогу от магазина, Бен остановил меня рукой и подвинул себе за спину. Не успела я послушно отойти назад, как витрина взорвалась брызгами осколков, и на проезжую часть вывалился старший Шерман. Не успев упасть оземь, он обратился в дым и взмыл вверх. Источая едкий запах гари, описал круг над магазином и улетел прочь. Я и Бен рефлекторно присели, загородив лицо от осколков рукой.

— Что теперь делать? — задыхаясь от страха, спросила я.

Бен следил взглядом за удаляющейся черной дымкой.

— Твоя сестра жива, если ты об этом. Приложила моего брата об асфальт, что ему явно не понравилось.

— Я знаю, что она жива! Чувствую... Скажи, как быть с Томом?

— Не знаю, — бросил он через плечо после недолгих раздумий. — Я попробую отвлечь его, а вы бегите домой. Сквозь защитную магию он не сможет добраться до вас. Это единственные чары, которые нам не по зубам.

Он взмыл вверх черным столбом дыма и унесся вслед за братом. Я перебежала улицу и открыла дверь магазина. Внутри царил погром: стеклянные витрины осыпались на пол миллионами мелких искр, которые хрустели под ногами, повсюду были разбросаны сорванные порывом магии обереги и статуэтки. Нагнувшись, я раскопала в ковре из битого стекла розовато-лиловый медальон на золотой цепочке, являвшийся всего лишь талисманом, и быстро спрятала в карман плаща. Поможет выиграть время.

Застыв посреди магазина, я затаила дыхание. Доносились тихие всхлипы и гневный шепот, где — то совсем близко. Я подбежала к стойке с кассовым аппаратом и перегнулась через нее. Мишель лежала за прилавком, закрывая голову руками от дождя из осколков. Быстро обойдя прилавок и опустившись на колени, я осторожно тронула ее за плечо. Нервно дернувшись, она выпрямилась. Выглядела сестра до смерти перепуганной.

— Мишель, — прошептала я и потянулась к ней рукой, чтобы пригладить взъерошенные волосы.

— Ты была права, Эшли, — ее голос дрожал и срывался на хриплый шепот. — Он — самый настоящий козел!

— Я знаю, — успокаивающе произнесла я. — Нам надо уходить как можно быстрее. Здесь мы в опасности.

— Но как же амулеты и обереги? Почему они не помогают?

— Я позже тебе объясню, хорошо? — протянув левую руку сестре, правую я держала у бедра, и лишней раз боялась потревожить. Мишель заметила и еще сильнее побледнела.

— Что это? — взвизгнула она. — Эшли, что с твоей рукой?!

— На меня тоже напал бэлморт, но мы поговорим об этом позже.

— Нет, рассказывай немедленно! — с безумным видом заявила Мишель и уперлась спиной в стену. — Пока мы здесь, и я могу тебе помочь зельем!

— Нас с тобой заказали, Мишель. И, вероятно, Монику тоже. Бэлморты получили тройной заказ.

— От кого? — недоуменно вскрикнула она.

— Не знаю, — солгала я. — Пожалуйста, давай уберемся отсюда, пока Том не вернулся.

Я помогла ей подняться и отряхнуть платье. В спутанных кудрях блестели осколки, но я не стала тратить на них время. К счастью, ни одно зеркало в магазине не уцелело, и Мишель не могла видеть, что стало с ее прической. В состоянии крайнего ужаса эта новость способна ее добить. Я придерживала ее под локоть, помогая идти. Не знаю, как Том успел навредить сестре, но она прихрамывала на левую ногу.

Оказавшись на улице, Мишель озадаченно оглянулась.

— А где твоя машина?

— Я разбила ее, — сухо отозвалась я. — Мы с Беном поиграли в гонки без правил и оба продули.

— Бен — это тот патрульный, который тебе нравится? — держа меня за руку, на ходу спросила она.

— Да, — протянула я, нервно озираясь по сторонам. Поглядев на небо, я с облегчением вздохнула. Чисто.

— Он же полицейский?! — в ее голосе было такое искреннее удивление, что я невольно улыбнулась.

— Да. Но это не мешает ему быть бэлмортом.

— Что?! — воскликнула сестра, притормозив, но я дернула ее за локоть и поволокла по направлению к дому.

— Не одна ты любишь плохих мальчиков.

Подталкивая Мишель, я перебежала дорогу за дорогой, пересекала улицу за улицей, и думала, как выбраться из сложившейся прескверным образом ситуации. Все-таки, можно считать несказанным везением то, что конверт с моим фото достался именно Бену. Кому-то наверху я безумно нравлюсь. Попади он в руки Тома, вероятнее всего, меня бы уже не было.... Полагаю, Мишель повезло бы не больше моего, ведь для Бена она ничего не значила. Оставалось надеяться, что он остановит разъяренного брата, задержит хоть на несколько минут, дав нам возможность укрыться под крышей родного дома.

Впереди показался флюгер дома Майло, и я резко дернула Мишель за руку. Она не вскрикнула — поддалась, отлично понимая, чем грозят секунды промедления. Легкие сжимались от усталости, ноги заплетались, но я продолжала бежать. Пульс грохотал в ушах, и я не слышала ничего, кроме собственного дыхания. До калитки оставалось руку протянуть, когда в спину подул горячий ветер. Мишель, запутавшись в волосах, чертыхалась и плевалась. В какой-то момент она высвободила руку, чтобы убрать непослушные локоны с лица. Я обернулась, хватая ладонью пустоту, пытаюсь дотянуться до нее и поймать. И в тот самый миг над крышами домов пронесся черный вихрь, молниеносно, а за ним второй. Обнаружив нас и резко повернув, они рванули одновременно вниз, нырнули в поток воздуха и промчались над нашими головами. Взвизгнув, Мишель вцепилась в мой плащ обеими руками. Я распахнула калитку и вбежала во двор. Затащив за собой сестру, захлопнула ее и задвинула щеколду — казалось бы, ерунда, но на самом деле, я понизила шансы бэлмортов проникнуть на территорию дома. Вроде как активировала высший уровень защитной магии. Увлекая за собой Мишель, я подбежала к двери и забарабанила в нее.

— Что ты делаешь? — удивилась Мишель. — Моники не должно быть дома в это время. Ты потеряла ключи?!

— Джош?! — крикнула я, не слушая сестру. — Где тебя носит, когда мне нужна помощь?!

— Что? — сильнее прежнего изумилась она, пытаясь развернуть меня к себе лицом. Но я упорно продолжала стучать по окнам. — Каким образом Джош может откликнуться на твой зов?! Он здесь не живет, мы с ним расстались, черт возьми!

Резко обернувшись, я открыла рот, чтобы попросить ее заткнуться, но над домом пролетел черный вихрь. Резко упав вниз, он наткнулся на невидимый барьер и так же резко отскочил от него. Пока я стояла и смотрела, дверь отворилась. На пороге стояла заспанная Моника.

— В чем дело? — спросила она. Когда сестра увидела кровь на лбу Мишель, и меня, растрепанную, в перепачканной рваной одежде, ее глаза полезли на лоб.

— На нас напали, — проговорила я, забегая в дом. Затянув за собой Мишель, я отодвинула больной рукой Моника, и захлопнула дверь. Мишель привалилась к стене и сползла на пол, закрыв лицо руками. Снимая плащ, я прошла в кухню — за нами наблюдала совершенно обескураженная Моника.

— Кто? — облизав губы, спросила она.

— Бэлморты. — Бросив плащ на пол, я остановилась за стойкой и обернулась к Монике: — Почему ты дома?

— Неважно себя чувствовала, — пробормотала растерянно она. — Ушла пораньше. А в чем дело? Кто на вас напал?

— Как давно ты дома?

— Часа два.... Вы мне скажете или нет....

— Нас заказали! — прокричала я, резко оборвав слова Моника. — Бэлморты пришли за нами, Моника! Подозреваю, что ты тоже под прицелом. Поэтому, — я резко выставила указательный палец обожженной почерневшей руки, позабыв о боли, — я прошу вас обеих не покидать дом ни под каким предлогом! У меня есть крошечная возможность спасти наши шкуры, поэтому забудьте о работе на ближайшие дни!

Мишель вздрогнула, но рук от лица не убрала. Моника почти вжалась в стену, расширив от ужаса глаза. Я была резка и груба, но на любезности не осталось времени и сил. Позже, когда все наладится, я извинюсь перед сестрами, но не сейчас. С минуту они молчали, а я, часто дыша, смотрела на них по очереди. Не услышав возражений, развернулась на каблуках и направилась к лестнице. Но вдруг меня окликнула Мишель:

— Эшли!

Остановившись, я посмотрела на сестер через плечо. Обе подняли на меня ошарашенные взгляды.

— Твои глаза. Они светятся, и кулон тоже. В последнее время магия рвется из тебя....

Я посмотрела вниз. Действительно, кулон вновь мерцал перламутровым розовым светом, но больше не обжигал кожу. Коснувшись его пальцами, я вздохнула.

— Да, я знаю. Сегодня странный и очень тяжелый день. Мне необходимо срочно принять ванну и все обдумать. Не открывайте никому дверь, никуда не звоните. В общем, сидите тихо и ждите меня.

Уже наверху я вспомнила и перевесилась через перила лестницы. Сестры по-прежнему молчали, пребывая в состоянии шока.

— Если придет Джош — можете его впустить, но больше никого! Мне нужно с ним поговорить и, вероятно, он в скором времени объявится.

Сестры с безмолвным ужасом в глазах наблюдали за мной, когда я поднималась по лестнице. Обработав руку зельем исцеления, я с грустью поняла, что оно почти бесполезно

против магии бэлмортов. Язвочки и потрескавшаяся кожа, напоминающая сухую землю в пустыне, совсем немного затянулись. Новой кожей рука обрастала очень долго, и остались глубокие шрамы. Надеюсь, зелье просто медленно действует и исцелит полностью руку позже....

Сбросив одежду прямо на пол, я погрузилась в ванну, наполненную горячей водой и ароматной лиловой пеной. Какой-то части меня было дико страшно, но ощущение силы, обретенной в лесу, опьяняло и придавало смелости. Я чувствовала, что смогу справиться с Томом. Сумею отразить его удары и огородить сестер от гибели.

За окном мелькали тени. Становилось темно, будто над улицей сгущались грозовые тучи. Я нутром чуяла, как Том и Бен кружат над крышей дома, пролетают мимо и возвращаются вновь, не отыскав лазейку в магической броне. Не выдержав, я задернула шторы, едва подумав об этом. Неужели соседи не видят их? Разве только я ощущаю присутствие бэлмортов? Как такое может быть?! Прежде они не нападали так открыто, не кружили на глазах у лишних свидетелей. Разве только.... Разве только лишь я вижу их. Ну, это уже слишком странно! Даже для меня.

Бен говорил, что среди бела дня и в присутствии случайных прохожих охотники не убивают и не преследуют жертву. Так почему Том открыто гнался за мной и Мишель? Почему сейчас он и Бен висят над домом? И где, в конце концов, фамильяры?!

Глава 37 (продолжение)

Вспомнив о прислужниках Верховной Ведьмы, я вздрогнула и чуть не утонула в скользкой ванной. Если хозяйка нас заказала, то фамильяры должны быть в курсе или нет? Как бы то ни было, пока я этого не выясню, следует избегать встречи с ними. Вылезая поспешно из воды, я схватила полотенце и закуталась в него. Не успела заколоть влажные волосы, как раздался скрип за окном, будто стекло царапали длинные когти.... Я поспешила в спальню, чтобы впустить в дом Джоша, вернее его животное обличие — Персика. Кот, взерошенный и обеспокоенный, спрыгнул с подоконника на диван-кровать, с кровати на пол и сел передо мной, недовольно виляя хвостом.

— Еще чуть-чуть, и я начала бы беспокоиться, — отчитывала я Джоша, пока он принимал человеческий облик. Отвернувшись, чтобы не видеть ногату безупречного мужского тела, я протянула ему полотенце.

— С трудом пробился сквозь магический заслон, — пробурчал Джош.

От полотенца он отказался, а когда я повернулась, уже стоял в джинсах, кроссовках и легкой спортивной куртке на голое тело. Похоже, собирался впопыхах.... Я изумленно округлила глаза.

— Что происходит, Эшли?

Он смотрел внимательно и испытующе, будто чувствовал подвох. Зелень медленно исчезала из его взгляда, но зрачки все еще оставались вытянутыми, как у кошки.

— Я не простой оборотень, — почти по слогам начал он, сосредоточено глядя мне в глаза. — Я могу обращаться в одежде и возвращаться к истинному облику, не беспокоясь о том, что на мне ничего нет.

Ага. Ясно, — пробормотала я, убирая полотенце.

— Так что происходит?

— Разве ты не заметил? — запинаясь, удивилась я. — Над домом кружат бэлморты!

Лицо Джоша вытянулось, задумчивый взгляд застыл на моем лице. Я скрестила руки на груди, испытал легкую неловкость. Мы давно знакомы, но все же не настолько близко, чтобы щеголять перед ним в полотенце, держащемся на одном лишь честном слове. И случайно выставила напоказ обожженную руку. Джош скользнул взором вниз и заметил мою боевую рану. Облизав нервно губы, он вновь посмотрел в упор.

— На тебя напали?

— Да. И на Мишель тоже.

— Почему? Что случилось? — Джош поставил руки на бедра, его гладкая мускулистая грудь вздымалась от тяжелого напряженного дыхания. Мне стоило огромных усилий не пялиться на нее. Я никогда не смотрела на Джоша, как на мужчину. Он был для меня парнем сестры, заменял старшего брата и не имел пола, а сейчас я разглядела его привлекательность. Оценила, отметила и, отведя глаза, забыла.

— Нас заказали, Джош. Я точно знаю, что я и Мишель являемся мишенями, и, скорее всего, Моника тоже.

Он прищурился.

— С чего ты так решила?

— Конвертов было три, — нехотя протянула я, посмотрев на Джоша. Он раздраженно скривился.

— Откуда....

— Во время баталии мне выдалась минутка поболтать с напавшим на меня бэлмортом, — перебила его я тоном, не терпящим пререканий и замечаний. Джош ошарашено и возмущенно открыл рот. — И, знаешь, он проболтался о том, кто заказал нас!

Он так и застыл с открытым ртом, вопросительно моргая, а я нервировала его молчанием. Разглядывая с огромным интересом свой подпорченный в драке маникюр, я тянула время. Выжидала момент, когда он не выдержит и взорвется от нетерпения и любопытства.

— Кто? — громким шепотом, наконец, прошипел Джош, вытянув руки и беспомощно скрючив пальцы перед моим лицом. Я улыбнулась, подняв на него взгляд.

— Ты не поверишь!

— А если серьезно? И почему же я не поверю?! Поясни, Эшли?!

— Ну, — протянула я, возведя глаза к потолку, — может, потому, что нас заказала твоя незыблемая правительница?!

Я вновь посмотрела на него, ожидая бурную реакцию. Но оказалась горько разочарованна: Джош непонимающе хмурился. Его замешательство и ступор длились несколько минут, а когда прошли, он опустил безвольно руки и выпрямился. Отведя задумчивый взгляд, пожевывал нижнюю губу, поставив вновь руки на бедра.

— Этого не может быть.

— Что и требовалось доказать! — всплеснув руками, рассмеялась я.

Джош покосился на меня.

— Нет, я серьезно. Это невозможно, — что-то было в интонации, с которой он говорил....

Возникло ощущение, что Джош точно знал — он твердо и уверенно выговаривал каждое слово, смиряя меня тяжелым взглядом. Твердость и уверенность.... Еще неделю назад я сказала бы, что это не про него, но не теперь. Как же он предан своей владычице!

— Я видела конверт, Джош! — взорвалась я, надвигаясь на него. Упершись ладонью чуть выше груди, он остановил меня и поднес к губам указательный палец. — Я видела конверт, — уже шепотом повторила я. — Он был из пергамента и с восковой печатью. С ее печатью.

Несмотря на руку Джоша, упирающуюся мне в грудь, я упрямо перла на него, но не могла сдвинуться с места. Ноги прокручивались, путались в мягком коврикe и скользили по кафельному полу. Не удалось сделать и шага, и очень скоро я устала. Через минуту наблюдения за мной Джош зажмурился, тихо смеясь.

— Что ты делаешь, Эшли?

— Не знаю, — честно призналась я и прекратила попытки добраться до него. — Минутное помутнение рассудка. Помню, как в тумане....- я задумчиво поглядела в потолок. Джош ржал уже в голос. Я на него шикнула:- Прекрати! Представляешь, что сестры подумают, застав нас в моей спальне в таком виде!?

— Ну, уж точно не решат, что мы разговариваем о спасении ваших жизней, — кивнул он и принял серьезный вид. — Расскажи поподробнее о том бэлморте, с которым ты... хм, разговаривалась. Кто он? Ты же видела его истинное обличие?

— Это не так важно сейчас, — отмахнулась я. — Он не причинит нам вреда.

Джош недоверчиво прищурился.

— Откуда уверенность, Эшли? Он погиб, или что?

— Он жив — здоров, — огрызнулась я, обиженно надув губки и сцепив руки на груди. — Над домом круги наворачивает, но это ничего не значит.

— Что?! Как это ничего не значит?! Ты не думала о том, что, может быть, он солгал тебе? И вас заказала не Верховная Ведьма, а кто-то другой? Я с уверенностью заявляю, что она не стала бы этого делать. Вы ничем не заслужили ее гнева.

— А вдруг?! Я вмешиваюсь в расследования, разнюхиваю про Систему и ее последователей. Что, если ей это пришлось не по нраву?

Джош недовольно поджал губы, но ничего не ответил.

— Скажи мне вот что, — я задумчиво склонила голову, всматриваясь в его глаза. — Если заказчиком является Верховная Ведьма, то должны ли фамильяры быть в курсе?

Он нахмурился, бегая взглядом по моему лицу. А после долгой паузы, неуверенно ответил:

— Не обязательно, но, полагаю, она бы поставила их в известность. Хотя... Не всех. Думаю, Стэнли должен знать наверняка. Что касается фамильяров — по его части. Мы могли бы спросить у него, но сразу предупреждаю: не стоит особо напирать и рассчитывать на искренний ответ.

— Я предполагала, что ты ответишь именно так. В таком случае, придумай, как мне выбраться из дома незамеченной.

Джош округлил глаза.

— Зелье невидимости.

Я покачала головой.

— На бэлмортов оно не действует, проверила на собственной шкуре.

— Тогда я не знаю, — он сокрушенно нахмурился.

Закатив глаза, я взяла Джоша под руку и потащила к окну.

— Иди, осмотрись, поразмышляй. А как найдешь для меня выход из создавшегося скверного положения — возвращайся!

Я почти дотолкала Джоша до окна, когда вдруг взыграло его самолюбие. Возмущенно одернув мою руку, он уставился укоризненным взглядом.

— Я не мальчик на побегушках у сумасбродной девчонки! Перед тобой маг, обладающий особо ценящимся даром!

— И что же этот маг живет в доме сумасбродной девчонки под видом кота, ест из миски и ходит в лоток? — саркастически поинтересовалась я.

Джош попал в тупик, что стало ясно по уязвленному виду.

— Не от хорошей жизни. Так сошлись звезды. Не в моей воле повлиять на выбор Владычицы.

— Кто тебе отдал ее распоряжение?

— Стэнли, кто же еще!?

— Так ты все-таки фамильяр?! — довольно ухмыляясь, протянула я.

— Нет! — почти взвизгнул Джош. — Не фамильяр и никогда им не был!

— Тогда почему ты живешь в моем доме под видом кота? Почему ТЫ?!

— В штате фамильяров нехватка кадров, поэтому меня приставили к тебе!

— Стэнли имеет власть и над магами?

— Он передает распоряжения Верховной Ведьмы, да, если ты об этом.

— Выходит, Стэнли знает настолько много, что нам и не снилось?!

— Выходит так, — нехотя буркнул Джош. — Но это не значит, что он охотно поделится

информацией.

— Я догадываюсь, — произнесла я и загадочно улыбнулась.

Джош вскинул брови, подозревая самое худшее — мой очередной грандиозный план по выуживанию ценных сведений.

— Только не это, — медленно проговорил он, мотая головой.

— Позволь договорить, — я остановила его ныть, выставив вперед указательный палец. — Догадываюсь, что будет не просто. Ты знаешь меня, Джош: я добьюсь своего.

— Знаю, ага, — поморщился он. — А мне опять накостыляют!

— Не драматизируй! А теперь иди.

— Почему ты постоянно меня выставляешь? — возмутился парень, когда уперся в подоконник ладонями.

Я неопределенно покачала головой.

— Наверно, по той же причине, по которой тебе постоянно достается.

— То есть, потому, что ты суешь нос, куда не просят?

— Проваливай уже! — рыкнула я.

Я должна была найти способ выбраться из дома, прокрасться мимо двух бэлмортов и выжить. Остаться незамеченной, нечего было и мечтать. Пусть Бен не тронет меня, но оставался Том. Стоит нос высунуть, как он повиснет грозовой тучей, не даст и шага ступить за пределы калитки. Я знала, что он сильнее Бена, потому что не был способен чувствовать, не умел отступать, и всегда доводил дело до конца. Бен не хотел убивать, а Том не задумывался о том, нравится ему его работа или нет. Он выполнял ее, и точка. Никаких сомнений, никаких мыслей и сострадания к жертве. По этой причине он сильнее.

Прошло немало времени. Я успела обдумать сотню всевозможных вариантов, разработала с десятков планов и решила действовать, не следуя ни одну из них. Сколько не изобретай, сколько не выдумывай, в конечном итоге избежать столкновения с Томом не удастся. Он будет кружить над домом столько, сколько понадобится, выжидая подходящий момент. А Бен наверняка знал о том, что я попытаюсь выйти и прокрасться у них перед носом. Не знаю, какие мысли в его голове на мой счет, но раз убить рука не поднялась, то и теперь он сделает все, что угодно, только бы Том не достал меня. Не для того Бен сохранил мне жизнь, чтобы позволить брату отобрать ее.

Натянув синие джинсы, черную футболку, балетки и бежевую хлопковую ветровку на молнии с воротником-стойкой, я сбежала по лестнице и целеустремленно прошествовала мимо сестер к двери. Моника сидела рядом с Мишель и обнимала ее. Когда я проходила, она подняла голову и открыла рот, определенно собираясь что-то сказать. Мишель шмыгнула носом и посмотрела на меня поверх рук, сложенных на коленях.

— Что ты делаешь? — осипшим от слез голосом спросила она.

— Спасая нас, — бросила я и провернула дверную ручку. Посмотрев через плечо на них, таких разбитых, подавленных и перепуганных, я на миг остановилась. — Не давайте им повода подобраться ближе. Я сделаю все, что смогу. Все, что в моих силах, только бы спасти вас. Но даже если получится избавиться от этих двоих, не факт, что на их место не придут другие, чтобы завершить начатое.

Отворив дверь, я решительно вышла на улицу. Солнце опускалось за верхушки деревьев, словно розово-золотой кусочек льда в бокал с фруктовым соком. Деревья чуть слышно трепетали листочками, издавала сирена промчавшейся полицейской машины, в воздухе повис аромат цветов и сырой земли. Привычная тишина и спокойствие, если бы не огромные тени на лужайке перед домом, бесшумно скользящие друг за другом.

Не останавливаясь, я дошла до калитки. Я не боялась Тома, но вызывало страх то, что он сделает с Беном, если тот осмелится заступиться за меня. С первого взгляда, с первой секунды знакомства с ним в груди появилась неприятная тяжесть, не имеющая логического объяснения. На тот момент, а теперь я понимала ее природу. Станным образом мне дано чувствовать бэлмортов, и таким же странным образом притягивать их, словно магнитом. До сих пор мне не понятна причина нападения бэлморта с гладковыбритой головой — он протащил меня через весь город и бросил в его старой части, перед заброшенным детским домом. Кто и зачем послала его? Или он действовал по собственной инициативе? Когда же я сумею разобраться во всем этом...

Я шла, а грудь наполняло приятное ощущение легкости, теплая, щекочущая изнутри магия кулона. Сила, льющаяся из него, проникала под кожу, пропитывала тело. Глаза

смотрела вокруг сквозь выпуклую оранжево-розовую линзу, видели отчетливее и улавливали мельчайшие детали. Я слышала тысячи звуков одновременно. Даже то, как два черных облака плыли по воздуху — легкое потрескивание, похожее на тление углей в костре, и едва слышный свист. От него по коже бежали ледяные мурашки, а я шла и думала о том, что на самом деле подарила мне Линетт? Что за сила и мощь заключены в кулоне? Почему я видела ее воспоминания, и видели ли воспоминания магов другие маги, заполучившие их кулоны? Или только мне дарована такая привилегия? К сожалению, сравнивать не с чем: «свет» Линетт — единственный кулон, оказавшийся в моих руках. Кулон мамы и папы забрали бэлморты, после того, как расправились с ними. Если выберусь из этой передрыги, то обязательно посету Университет. Джош сказал, что в мире магов Центральная библиотека совсем не то, чем кажется на первый и привычный взгляд. Я была там и видела своими собственными глазами границу между миром людей и миром магов. Смертные ходят в библиотеку читать книги, а волшебники — получать почту и работать, и никого это не смущало. Я столько лет прожила на свете и даже не догадывалась, что происходит вокруг. Саммер, Кеннет, Бишоу, Калев — все они служили Верховной Ведьме, а я принимала их за соседей и заурядных магов. Они заплатились жизнями за то, что знали и делали, а я должна выяснить — кто и почему убил их. Для этого нужно прорваться за калитку дома и унести ноги от бэлмортов. А ведь совсем недавно я жаловалась, что скучно живу!

Оказавшись в шаге от калитки, я замедлилась. На меня будто небо обрушилось — внезапно сгустились сумерки, в глазах потемнело, а на коже каждый волосок встал дыбом. Черное плотное облако повисло над головой, распространяя удушливый запах гари. Я чувствовала Тома, как и его ярость, негодование и бессилие. Он не мог коснуться меня, ведь над всей территорией дома, обнесенной забором, невидимым тягучим, как жвачка, куполом возвышалась магия. Она отражала его удары — искры огня, пускаемые Томом, летели обратно в него. Бэлморт едва успевал изворачиваться. Все магические попытки подобраться ко мне возвращались к нему, помноженные на силу заклинания защиты. Прикосновения к невидимому куполу обжигали и причиняли хоть и кратковременную, но ощутимую боль.

Взявшись одной рукой за калитку, я мысленно позвала Джоша, а спустя миг со стороны дороги послышалось короткое «мяу». Я огляделась. Он в обличье Персика сидел на дереве между плотно прижимающимися черными воронами. Их было много, не меньше десятка, и в глаза бросалось, как им тесно на одной ветке. Персик, недовольно виляя свесившимся хвостом, время от времени перебирал передними лапами, расталкивая птиц, настороженно следивших за мной.

— Друзей привел, — вслух догадалась я и улыбнулась.

Переведя дух, я отворила калитку. Бен, до этого момента круживший на высоте, резко упал вниз и завис над дорогой. Как я определила, кто из двух черных туч являлся Беном?! Он не пытался добраться до меня и не предпринимал попыток напасть. Украдкой взглянув в его сторону, я шагнула за пределы защитной магии. Ну, вот и все! Надеюсь, сегодня удача не отвернется от меня.

Не успела калитка закрыться, как засвистело в ушах — Том резко взмыл вверх, развернулся и понесся на меня со скоростью падающего пассажирского лайнера. Дыхание перехватило, внезапно стало нечем дышать, воздух накалился и обжигал лицо. Каждым волоском на теле ощущалось его стремительное приближение. Хотелось посмотреть вверх, рефлекторно отгородиться руками, и я не сдержалась и посмотрела. Тревожный птичий гомон нарастал, Том несся кометой, разбрасывающей в стороны огненные искры, а справа

висел в воздухе Бен. Стоило Тому оказаться опасно близко ко мне, как он взмыл ввысь и бросился наперерез брату с той же невероятной скоростью. Чем ближе был Том, тем громче кричали птицы — они размахивали крыльями, готовясь взлететь. Я хотела закрыться от неминуемого удара, но не посмела. Не позволила себе проявить слабость — стояла и смотрела на стремительно движущуюся в мою сторону смерть.

Когда дыхание Тома обожгло кожу, и волосы отбросило назад, Бен снес брата ударом, от которого задрожала земля. С ветвей сорвались вороны, роняя листья. Это было похоже на столкновение двух поездов на полном ходу. Огненные искры озарили небо, воздух пошел рябью, и вокруг стало жарко, как в жерле вулкана. Обжигающее кольцо силы охватило улицу. Братья сначала кубарем неслись вверх, затем стали виться вокруг друг друга, пока не исчезли из виду, прорвав небо черной искрящейся спиралью. Они дрались в высоте, боролись, сливаясь в однородную бесформенную массу, и снова распадались, чтобы разогнаться и наброситься друг на друга. Каждое их столкновение ощущалось кожей, дрожью асфальта и обжигающими вспышками в небе. Солнце садилось, на город спускался ночь, а улицу освещали огненно-красные вспышки магии....

Световое шоу длилось несколько минут. Неуловимо двигаясь, братья спустились ниже. Они пронеслись над улицей, толкаясь и нанося поочередно мощные удары. Бэлморты задевали флюгеры на крышах и верхушки деревьев. Том оторвался на миг от Бена и сманеврировал вниз, к земле, собираясь обрушиться на меня, но брат снес его вихрем в сторону. От порыва воздуха и силы я упала спиной оземь. Джош протяжно рыкнул, пригнувшись и готовясь спрыгнуть с дерева.

— Не высовывайся! — закричала я, перекатившись на бок и приподнимаясь на руках.

Бен отлетел от Тома, разгоняясь. Он набрал скорость и врезался в брата, толкая его, прочь от улицы, но тот упорно прорывался вперед. Облако дыма, которое я называла Беном, больше не было чисто черным. Оно приобрело серый оттенок, на несколько тонов светлее, чем прежде. Бен менялся на глазах, его душа очищалась, а сердце чувствовало. Я не думала, что искупление происходит настолько быстро: он еще не знал и не понимал, а уже становился другим. Полагаю, не только я это заметила....

Глава 38 (продолжение)

В одной из попыток обойти младшего брата, Том с силой отпихнул его. Снобом огненных искр озарились сгущающиеся сумерки, флюгеры на крышах завертелись, как сумасшедшие. Бен скомканным облаком покатился по небу. Такой огромный мерцающий шар для боулинга — он за мгновение ока исчез из виду, и мое сердце сжалось. От порыва воздуха с деревьев слетала пожелтевшая листва. Она еще не успела коснуться земли, а Том уже пламенеющим метеоритом в черном поблескивающем ореоле несся на меня. За пару метров от земли он вытянул вперед сотканную из дыма руку, чтобы схватить. Видимо, рассчитывал утащить за собой, а после, вдали от посторонних глаз, в частности Бена, разделаться. Но тут в бой вступили фамильяры.

Бесстрашная пернатая армия Джоша сорвалась с ветви и дружной стаей устремилась навстречу Тому. Путаясь перед ним, хлопая быстро и шумно крыльями, возмущенно галдя, беспорядочно летали вороны, не подпуская бэлморта к жертве. Два ворона отбились от толпы и взмыли вверх, кружа над клубящимся облаком. Они хлестали его кончиками перьев. Казалось, лишь слегка задевали бесформенную сущность, но я слышала шорох и потрескивание магии. Том вздрагивал и короткими, едва уловимыми движениями отстранялся, как от пощечин. В воздухе повис жар и ощущение силы, дышать было нечем, но я не думала об этом. Тому надоели суетливые птицы — издав утробный рёв, он внезапно стал больше, заслонил горизонт, повиснув надо мной черной плотной тучей. От неожиданности и страха, я подобрала ноги, прижав колени к груди. Птиц обдало жаром, у многих вспыхнули крылья, загорелись перья. Жалобно защебетав, они разлетелись прочь.

Непроглядный мрак, освещаемый только огненным, завораживающим мерцанием, мелкими искрами, испускаемыми Томом, нависшим над улицей. Когда птицы скрылись, он медленно стал уменьшаться в размерах. Черный дым полз по небу, собирался в одно небольшое, но плотное, облачко, не больше автомобиля. Я приготовилась растаять от жара его ярости и силы, плавящей все вокруг — воздух, асфальт, листву деревьев. Хотелось посмотреть в сторону, куда отбросило Бена, но страх не позволил. И вдруг сзади раздался грозный рык, совсем не похожий на звук, издаваемый домашним котиком. От него волосы зашевелились на спине. С дерева прыгнуло что-то тяжелое и большое, и я невольно повернула голову. Огромный красавец-лев, огненно-рыжий с горящими магией янтарно-зелеными глазами. Он величественно ступил на асфальт и топнул совсем рядом передней лапой, которая могла бы расплющить мне голову.

Я с восхищением смотрела на Джоша. Одарив меня покровительственным взглядом, абсолютно человеческим, он пригнулся и перепрыгнул газон. Встав на задние лапы перед Томом, загородив меня массивным мускулистым телом, поднял вверх передние и обнажил острые, как бритвы, когти. Перехватило дыхание, на миг, когда Джош, резко махнув одной лапой перед бестелесным обликом бэлморта, распорол воздух. Удар был такой силы, что, казалось, сейчас должны проступить кровавые царапины, разорвавшие пополам картинку перед глазами. Пылающее жаром облако дрогнуло, затряслось и замедлило движение. Отстранившись, Том наблюдал за львом — чудом природы, взявшимся неизвестно откуда. Плавно обтекал его, а хищник устрашающе клацал белоснежными клыками. Он следовал за малейшим движением Тома, загоразживал меня, ступая по дороге и вновь поднимаясь перед противником. Я осторожно стала отползать назад, но Джош глухо зарычал, едва заметно

повернув голову. Его огненно-рыжая шелковистая грива развивалась, но не от ветра, а от жара, исходящего от бэлморта. Я покорно застыла, сидя на асфальте. Так и быть, не стану давать Тому лишнего шанса подобраться ближе.

Глядя на Тома и Джоша, я думала о Бене. Душа болела от мысли, что с ним что-то произошло. Том не мог серьезно поранить его, но где же он так долго?!

Я отвлеклась, лишь на мгновение, а когда повернулась — похожее на огненный кулак черное облако дыма ударило Джоша в корпус. Лев пролетел у меня над головой и врезался в дерево. Треск древесины, листья, разлетающиеся по асфальту — он, зловеще рыча, перепрыгнул через меня и набросился на Тома. Я пригнулась, посмотрев назад — дерево, на котором совсем недавно сидели фамильяры во главе с Джошем, сломленное у самых корней, лежало на дороге абсолютно голое. Разбросанная вокруг листва, желто-красным ореолом, словно пролитая им на поле битвы кровь. Странные ассоциации.... Хотя почему странные?! В далеких лесах, откуда родом все лесные маги, обитали деревья, такие же живые, как мы с вами. Они ходили и разговаривали между собой, и, конечно же, чувствовали боль. Не удивлюсь, если в их волокнистых жилах текла кровь.

Прыжком, приблизившись к Тому, Джош встал на задние лапы, а передними взрезал черную искрящуюся сущность. Я видела, как блеснули когти, погрузились в дым. Том взревел голосом, даже отдаленно не похожим на человеческий. Придя в ярость, резким броском вперед он отшвырнул Джоша. Лев взмыл в воздух дугой и упал на проезжую часть тяжелым, неподвижным кулом. Внутри меня все замерло — лежа на боку с закрытыми глазами, скрытыми шелковистой гривой, он не дышал, а на спине чернела борозда с кровавыми дымящимися краями. Я не успела подумать, не успела моргнуть, лишь стиснула зубы и сжала кулаки. Джош пострадал из-за меня, и, похоже, серьезно — в глубокой царапине блестели влажные от крови ребра. Том должен ответить за то, что сделал. Я поднялась на ноги и встала перед ним. Глядя в бесформенный, мерцающий мрак, поблескивающий огненными огоньками, глубоко вдохнула. Обожженная рука ныла, но я не думала о ней, как и о том, что все соседи наблюдают за происходящим из окон своих домов, как за остросюжетным, захватывающим шоу. И ни один из них не осмелится высунуться на улицу и прийти на подмогу — будут стоять и смотреть, как я умираю.

Щеку справа обожгло, волосы колыхнулись, как от легчайшего дуновения ветра. Я почему-то поняла, что это возвращается Бен. Но вздохнуть с облегчением не успела — Том тоже почувствовал приближение брата и повис надо мной. Все мое существо замерло в предвкушении нестерпимой боли, на лбу проступила испарина. Но не от страха, а от жара. Воздух плавился, асфальт накалялся и обжигал ноги сквозь подошву. Затаив дыхание, я смотрела на бесформенную черную массу, сотканную из огня и дыма. Надо было поднять руку и ударить магией, но малейшее движение могло привести к смерти. Том был напряжен и сосредоточен, и стоило пальцем пошевелить, как он обрушил бы на меня весь свой гнев и силу. Бен мчался, разрывая ночное небо кроваво-красными вспышками, но не успевал. Время, тягучее, как смола, замедлилось, и не в мою пользу.

Еще мгновение, и к моей шее потянулась такая же бесформенная рука и сомкнулась на ней. Я лишь на миг ощутила жжение и легкое покалывание на коже, как вдруг внутри меня вспыхнуло ледяное пламя. Глаза озарились белым светом, кулон пробудился, и Том резко разжал пальцы. Издав громкий вопль, полный ярости и бессилия, он взмыл ввысь, зацепив Бена. Слившись в однородную массу, братья исчезли в звездной дали.

Я посмотрела, как они удаляются и растворяются в ночи. Удостоверилась, что больше

не вернуться. На дороге лежал Джош, со страшной обожженной царапиной на спине, и я со всех ног понеслась к нему. Упав рядом на колени, коснулась мягкой гривы кончиками пальцев, запустила в нее руки и осторожно повернула огромную голову к себе. Глаза были все так же закрыты, тело расслабленно, и тогда я приложила ладонь к шее. Пульс улавливался, ровный и отчетливый, будто бы он просто спал. Облегченно вздохнув, я погладила животное по лбу и полезла в карман ветровки за пузырьком с заживляющим зельем. Откупорив зубами, осторожно раздвинула шерсть на гриве и пролила несколько капель в рану. Веки дрогнули, по телу животного прошла дрожь, и Джош приоткрыл один глаз.

Я улыбнулась.

— Знаю, что ты сказал бы сейчас.

Лев закатил глаза — я совершенно точно видела это. Повернув голову, он посмотрел на рану, которая медленно затягивалась. Несколько минут мы не двигались — Джош лежал на дороге, я сидела рядом на коленях, поглаживая его шерсть. Позади нас послышался звук открывающейся двери — на порог высыпали Мишель и Моника. Из соседнего дома выглянул Майло, как и другие соседи, наблюдавшие за огненным мега-триллером с участием двух бэлмортов, мной и невиданной красоты львом. Я не обращала на них внимания и терпеливо ждала, когда же Джош излечится и сможет подняться на ноги. Он тоже ждал, вращая большими глазами и оглядывая ротозеев, выбежавших посмотреть на него.

— Эшли, все в порядке? — взволнованно спросила Мишель.

Не поднимая головы, я посмотрела на нее через плечо.

— Да, пожалуй. Еще несколько минут, и мы сможем уйти.

— Куда? — почти взвизгнула Моника. — Куда ты собралась с этим здоровенным львом?! А как же мы? Что нам делать?

Устало прикрыв глаза, я выпрямилась и повернулась к сестрам, насколько позволяла тяжелая кошачья голова, лежавшая на коленях.

— Они ушли, но ненадолго. Выждав удобный момент, бэлморты вернутся за тем, зачем пришли. Я должна выяснить правду прежде, чем это произойдет. А вы оставайтесь дома и не пытайтесь меня искать. — Я вздохнула и почти шепотом произнесла: — Вы и не найдете.

Джош заскулил, но сказать ничего не смог, потому что львы не умеют разговаривать. Вытянув шею, я посмотрела на его спину. Рана почти затянулась, остался небольшой рубец, который уже покрывался шерстью.

— Попробуй встать.

Лев послушно приподнялся и сделал попытку перекатиться. На третий раз ему удалось лечь, подобрав под себя лапы. Я нависла над ним. Подняв усталый взгляд, Джош громко фыркнул и встал на все четыре лапы.

— Думаю, тебе нужно сменить облик, — я поморщилась. — Необычный, безусловно, прекрасный, но нереально крупный лев бросается в глаза. Да, впрочем, и обычные львы не часто по улицам Мортелля разгуливают.

Мы шли долго и медленно по сонным улицам города. Дабы не травмировать психику редких прохожих и мирных жителей, решивших ненароком выглянуть перед сном в окошко, Джош принял облик Персика. Таким образом, мы без происшествий добрались до его дома. Ему нужна была одежда, покой и горячий душ, а мне чашечка бодрящего кофе.

Одноэтажный белый домишко встретил нас сонной тишиной и темнотой в окнах. Во дворе поблескивало небольшое озеро, старая плакучая ива свесила тонкие ветви к воде. Джош привык к одиночеству — видимо, ему по горло хватало пребывания в нашей семье, и свою он не спешил заводить. А из-за разрыва с Мишель это замечательное событие и вовсе отложится на неопределенный срок. Хотя, в душе я уже надеялась на то, что после случая с Томом сестра взглянет на Джоша с иной стороны и изменит свое мнение на его счет.

Джош, вернее Персик, бодро поскакал по дорожке, вымощенной серым камнем. Он пружинил через пучки травы, растущие вдоль резных бордюров. Взбежав по ступенькам, запрыгнул на карниз окна. Юркнув в открытую форточку, исчез во мраке пустого дома, с минуту чем-то шуршал и гремел, вскоре в холле загорелся свет. Поднявшись к входной двери, я остановилась. Он отворил мне, ослепив ярким электрическим светом, и пригласил войти.

Прикрываясь темно-синим махровым полотенцем, Джош вжался в стену и жестом попросил проследовать в дом. Я не заставила себя ждать. Он успел скинуть грязную и рваную одежду, которая неаккуратной кучкой валялась на полу в холле. Захлопнув дверь, Джош прошел вперед и свернул направо, подразумевая, что и я должна последовать в том же направлении. Мы шли в кухню.

Стильно меблированное помещение радовало яркими цветами. Металл и все оттенки зеленого, преимущественно салатого. Очень сочно и позитивно. В такую кухню приятно заходить утром, когда солнечные лучи проникали сквозь белые ажурные жалюзи и оживляли интерьер, рисовали на белоснежном кафельном полу золотые узоры. И вечером, когда приглушенный свет маленьких круглых лампочек подсветки, оборудованной под навесными полками, смягчал обстановку, делал ее еще более уютной и комфортной. На желто-зеленом столике на двоих на металлических ножках, в белоснежной вазе распускались розовые флуции, мерно гудел на стене кондиционер, которому вторил высокий встроенный серебристый холодильник. По белым обоям с узором из серых завитков бегали разноцветные огоньки от круглой, вертящейся под потолком люстры, больше напоминающей зеркальный шар из диско-клуба. Джош прошел к плите, придерживая одной рукой полотенце. Он выдвигал ящик за ящиком, открывал полку за полкой, пока не нашел то, что искал — небольшую кофейную турку и пакет с молотым кофе. Совершив необходимые манипуляции одной свободной рукой, поставил ее на плиту, включил конфорку и снова полез в полку.

Пока он хозяйничал, я достала из кармана плаща зеркальце, чтобы взглянуть на шрам на шее. Сморщенный обгорелый отпечаток ладони — меня передернуло. Запустив руку в карман, достала последний пузырек исцеляющего зелья и, пролив на бумажную салфетку, что стянула со стола, приложила к ране. Минуту кожу щипало и жгло, но когда я отняла ее от шеи, оказалось, что зелье вновь почти не действует. Черт... Джошу оно помогло куда лучше.

Скомкав салфетку в ладони, я огорченно вздохнула. Наблюдая за хозяином дома, опустила на стул и сложила руки на столе. Розовый кривой шрам от ожога на спине изуродовал красивую крепкую спину, а на щеке краснела глубокая царапина. Джош выглядел потрепанным, но бодрым. Держа прямо спину, он шустро орудовал с чашками, колдовал над плитой в буквальном смысле: один щелчок пальцев, и забурлило кофе в турке, еще щелчок — я ощутила аромат ванили, наполнившей помещение нежной сладостью. С третьим

щелчком выключилась конфорка. Разлив напиток по чашкам, он добавил волшебную сливочную пенку с цветочным узором, причем проделал это совершенно привычным взмахом руки, словно данный рецепт кофе являлся для него повседневным и ничем не примечательным. Поставив передо мной белую фарфоровую чашку, наполненную воздушной бежевой прелестью, Джош опустился на стул, садясь напротив. Хмуро пододвинув к себе свою чашку, не отрывая ее от стола, отпил из нее. Я посчитала, что минута наслаждения вкусом должна остаться безмолвной, и, сделав глоток, слизала с губ пенку.

— Зачем ты вышла из дома?

Вопрос Джоша застал меня врасплох, я чуть не выронила из рук чашку. Поспешив поставить ее, посмотрела на него большими, удивленными глазами. Он усмехнулся, не поднимая головы и не глядя на меня.

— И не надо делать такое лицо.

— Ну... Ничего умнее не придумала, — призналась я.

— Я так и понял. — Джош вздохнул и, подняв голову, внимательно посмотрел прямо в глаза: — А вышла-то зачем?

Я моргнула и склонила вопросительно голову, ничего не ответив. Он раздраженно поджал губы.

— Над домом нависли два бэлморта. Разве это не веская причина поджать хвост и дожидаться более удобного момента для вечерней прогулки?! Какого черта, Эшли, ты вышла из дома? — последние слова он проорал мне в лицо, я даже немного сжалась. — Вся округа теперь в курсе, что на тебя охотятся! Все соседи видели бойню посреди улицы! Что это было, Эшли?

Невинно похлопав ресницами, я неопределенно пожала плечами.

— Меня пытались убить бэлморты.

— Да! — Джош выставил вперед указательный палец: — Именно! Можешь объяснить, почему им не удалось это сделать?

— Ты спас меня? — предположила я.

— Нет! Вообще-то, это ты меня спасла, — нехотя признался он и чуть заметно смутился. — Я видел, как они дрались между собой... Устроили целое светопреставление в небе.

Вдруг он вспомнил о моем существовании и поднял взгляд, тяжелый и обжигающий:

— Тебе теперь нельзя показываться дома. А твои сестры остались одни, перепуганные и уязвимые! Ты бросила их.

— У тебя к кофе ничего не найдется? — робко поинтересовалась я и изобразила милейшую из улыбок.

Джош с недовольным видом встал из-за стола, прошел к холодильнику и, миг спустя, грохнул передо мной тарелку с тремя кусками белого хлеба.

— А сладенького? — протянула я.

Снова поджав губы, он сходил к холодильнику и принес сахарницу.

— Ты так гостеприимен, просто чудо! А что еще ты хранишь в холодильнике?

— Ешь! — рявкнул Джош и отпил из своей чашки. Решив больше не испытывать судьбу, я послушно схватила один кусок хлеба и жадно откусив, запила его кофе. Неплохо было бы поджарить его, но и так сойдет.

— А что я должна была делать? — с набитым ртом пробубнила я. — Вряд ли бэлморты пошли бы на перекур или отправились домой с наступлением ночи. Я же должна

разобраться в происходящем!

— Подвергая опасности жизни посторонних и близких людей!?

— Прости, что ты был из-за меня ранен, Джош. Но они бы не напали на соседей.

— Откуда ты знаешь?!

— Им была нужна я. И Мишель. — Я опустила голову и с минуту разглядывала края белоснежной чашки. А когда заговорила, очень тихо, почти шепотом, подняла взгляд на Джоша: — Только одному из них.

Джош непонимающе прищурился:

— Как это?

— Эти двое... Я их знаю. Один из них — Бен.

— Тот самый? — изогнув бровь, многозначительно спросил он. Я кивнула. Джош медленно выдохнул: — Так он бэлморт?! И ты знала об этом?

— Все время, — прошептала я. — Вернее догадывалась до сегодняшнего дня.

— А как узнала?

— Я спросила, а он не отрицал. Правда немного расстроился, что я его раскусила.

— И что дальше?

— Бен получил конверт с моим фото. Мы сидели в кафе, когда он распечатал его, и тогда мне пришлось уносить ноги. Пока его работа, его сущность не касалась меня лично, он был обычным парнем, полицейским, попавшим из-за меня в обезьянник и заступившимся перед детективом Брейнтом. Ему влетело, служба в полиции под вопросом, но он все равно считал, что поступает правильно. Понимаешь?

Джош энергично закивал.

— Ага. Десятки случаев, похожие на твой, ничему не научили тебя, Эшли.

— Он не такой, как те бэлморты, которых описывают в прессе и сказках нашего народа.

— Уверен, все его жертвы так думали, — буднично отозвался он, допивая кофе. — И где они теперь?

— Их нет, — с горечью произнесла я. — Но я-то жива!

— Вопрос — почему и надолго ли?!

Повисла тишина. Мы смотрели глаза в глаза, не смея моргнуть или проронить хоть слово. Чувствовалось напряжение и злость Джоша, она играла жаром с волосками на коже и щекотала нервы. Он хотел знать правду, понять причину моего поведения, но наверняка уже знал или догадывался. Просто хотел услышать от меня. Устав от его тяжелого взгляда, я вздохнула и опустила глаза.

— Я его искупление.

— Ты — что?! — переспросил он, будто не расслышал.

— Оно самое, — прорычала я, посмотрев исподлобья. — Тебе не послышалось, Джош.

Откинувшись на спинку стула, он долго рассматривал мое лицо, в то время, как его лицо разглаживалось, взгляд становился мягче и теплее. Напряжение ушло, и воздух больше не плавился. Я смогла облегченно вздохнуть, хоть и сделала это осторожно, не показав, что взволнована. Наконец, Джош усмехнулся, абсолютно искренне и весело.

— Я думал, такое только в сказках бывает.

— Я тоже. Мы тоже...

Он облизал губы, посмотрев в сторону. И вид у него был такой серьезный, что я испугалась.

— Значит, Бен не может убить тебя. Вернее, может, это по-прежнему в его силах, было

бы, как говорится, желание. Однако, выходит, он сам хочет измениться. Неужели? И ты поверила?

— Я не могла не поверить. Он не раз выручал меня.

— Кстати, ты что-то говорила об обезьяннике, — оживился Джош и нетерпеливо поерзал на стуле. — Поподробнее не расскажешь?

— Брейнт поймал нас в доме Калеба.

— А он что там делал? — лицо Джоша на миг стало похоже на неподвижную ледяную маску.

— Шарился в темноте, искал улики.

— Серьезно? Ты и ему веришь? Черт, Эшли, столько лет живешь и никак не отучишься доверять всем подряд!

— Ты провоцируешь меня, — сквозь зубы процедила я. — Да, я сомневаюсь в искренности Брейнта! Более того, подозреваю, что он и есть Странник. Хватит учить меня жизни, Джош.

— Странник? — задумчиво переспросил он. — Любопытно. А ты можешь меня познакомить с этим Странником?

Я кивнула.

— Чисто теоретически. Могу издали показать.

— Замечательно! А теперь вернемся к бэлмортам. Раз первым был Бен, я так понимаю, он защищал тебя от второго. В таком случае, кто же этот второй?

— Тебе не понравится мой ответ.

— И все же?

— Джош, — вздохнув, я отвела взгляд, лишь бы не смотреть ему в глаза в эту минуту, — я скажу только при одном условии — ты ничего не станешь предпринимать без предварительного обсуждения со мной.

— Еще чего?!

— Джош! — крикнула я, резко повернувшись и посмотрев ему прямо в глаза.

— Ладно-ладно, — поморщившись, нехотя согласился он. — Я даю слово действовать исключительно с твоего разрешения. В конце концов, я всего лишь твой помощник и телохранитель.

— Не говори так. Ты — мой друг! — возразила я и ту же добавила: — Но сути дела это не меняет.

Выдохнув, Джош обреченно кивнул и сложил руки на груди. Поерзав на стуле, я положила перед собой ладони, отодвинув пустую чашку к центру стола.

— Том.

Джош нахмурился.

— Что — Том?

— Второй бэлморт, тот, что ранил тебя и пытался убить меня — Том. Они с Беном братья.

Он не дрогнул — смотрел на меня, а глаза наливались кровью. Откашлявшись в кулак, Джош медленно выдохнул.

— Знал с самого начала, что он тот еще гавнюк, — наконец, изрек он, и его взгляд скользнул на мою шею. Я тут же потянулась к ней рукой и коснулась ожога, оставленного Томом. — Болит?

— Уже нет, — растерянно пробормотала я. — Вернее, и не болело. Не могу понять —

почему...

— Почему не болит? — не понял Джош.

Я помотала головой, рассыпав волосы по плечам.

— Нет. Почему он не смог убить меня. Ты сегодня не отличаешься сообразительностью,

Джош.

— Еще бы! — воскликнул он. — Тебя бы так приложили об асфальт! До сих пор все косточки трещат.

— Извини.

Поморщившись, он небрежно отмахнулся.

— Я всего-навсего сделал то, что должен был. И умер бы, если бы понадобилось.

— Не говори так.

Я наблюдала за Джошем и не замечала тревоги, которой ожидала, собираясь раскрыть правду о Томе. Думала, что он придет в ярость, заиграет мышцами и помчится на выручку Мишель, но нет. С отрешенным, до тошноты расслабленным видом он тараялся по сторонам и легкомысленно качался на стуле. Минуту назад сказал, что отдаст жизнь за меня, если потребуется, отчитывал за легкомыслие, за брошенных на произвол судьбы сестер, а сейчас крутил головой и избегал прямого взгляда.

Побарабанив ногтями по столу, я склонила любопытно голову.

— Почему Том не убил меня, Джош?

Он пожал плечами, продолжая раскачиваться на стуле.

— Понятия не имею.

— И тот бэлморт в переулке....

Снова это движение плечами и отрешенный взгляд мимо. Я стиснула от злости зубы.

— Лжешь.

Перестав качаться, Джош медленно повернулся и посмотрел на меня. Его обычно веселые глаза были печальны, задумчивы.

— Я никогда не лгал тебе, Эшли, — понизив голос, сказал он. — Я действительно не знаю причины, по которой Том не убил тебя, но это не значит, что я не думаю об этом. У меня есть пара мыслей на этот счет, и мы обязательно их проверим. Вместе. Я говорил уже, что в любое пекло полезу за тобой, а значит, помогу докопаться до истины и спасти твою жизнь и жизни твоих сестер. Не надо думать, будто я черствый, бессердечный, и не переживаю за Мишель, раз мы расстались. — Он опустил взгляд. Я помотала головой в знак протеста, но Джош поморщился, выставив в мою сторону ладонь: — Не отрицай. Я вижу осуждение в твоих глазах, чувствую его в каждом слове, в интонации и жестах. Да, я не собираюсь искать намеренно Тома для того, чтобы отомстить за Мишель! Это глупо в данный момент, но я обязательно отыграюсь за нее в будущем. Мы не стали чужими, а всего лишь избрали каждый свой путь. Я всегда желал ей добра, даже с Томом, хоть и давил при каждой встрече в себе порыв сломать ему нос и скрутить так, чтобы из задницы голова торчала. О! — Он закатил иронично глаза, — в голове крутились и другие занимательные сцены с его непосредственным участием! Ты не представляешь, как меня сжигало изнутри от злости, когда он появлялся на горизонте.... Но это не имеет значения, когда речь идет о жизни Мишель. Она хотела быть с ним, и кто я такой, чтобы мешать только потому, что от вида ее избранника у меня колики и изжога?! Она заслужила счастье....

Он замолчал, а я боялась заговорить. Из всего сказанного не сложно было уяснить одну нехитрую вещь: Джош ревновал Мишель. Безумно ревновал, но отошел в сторону, позволив

ей попробовать еще раз построить свою личную жизнь, с другим мужчиной. Он чувствовал тьму в Томе, но ничего не предпринял, а теперь сжирал себя за это, считал виновным в том, что ее жизнь в опасности. Я могла что-то сказать и попробовать уверить его в обратном, но не осмелилась. Подняв взгляд на меня, он вновь понял все по глазам или прочел в мыслях, и его лицо разгладилось.

— Я сболтнул лишнего?

Неопределенно пожав плечами, я мило улыбнулась.

— Можно задать тебе вопрос, Джош?

Он нахмурился, но кивнул.

— Я слышала, в этом доме умерла твоя мама.... Но я не чувствую холода, характерного для жилища, в котором кто-то покинул мир живых.

— Это легенда, Эшли, — он устало потер лоб. — Очередная история для непосвященных и отвода любопытных глаз. Не всем дано чувствовать то, что чувствуешь ты. Я бы сказал — больше никому. Ты — единственная в своем роде. Обычные маги не ощущают прикосновение смерти и не могут отличить дом, отмеченный ею, от дома, где никто никогда не умирал.

— А где тогда твоя мама?

— Очень далеко отсюда. Мы не виделись много лет....

— Значит, она не мороженщица?! И никакого наследства от нее ты не получал?

Раздраженно поджав губы, Джош выдохнул:

— Нет! Ванная комната находится прямо по коридору. Вторая дверь направо — твоя спальня. Тебе нельзя возвращаться домой. Надеюсь, ты не сообщила своему Бену, где ты?!

— Нет, — возмутилась я. — У меня даже нет его номера....

Удовлетворенно кивнув, Джош указал мне на дверь.

— Пора спать, Эшли. Завтра мы идем к Стэнли, и, возможно, тайн станет меньше на одну или даже две. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — отозвалась я, поднимаясь из-за стола.

Я проснулась и потянулась в постели. Нежно-голубые стены серебрились в свете солнечных лучей. Приподнявшись на локте, я осмотрелась. Всю северную стену занимал белый шкаф-купе с пескоструйным узором на зеркале. Слева от кровати стояла белая тумба, пол застилал небесно-синий палас, настолько мягкий, что в нем должны утопать стопы. Большая плазменная панель на подвесной полочке, тюлевые голубые шторы на окне развивались от легкого и теплого ветерка. Столь чистое ощущение спокойствия и уюта давно не посещало меня. Я чувствовала, что выспалась и полна сил, и вылезать из-под теплого мягкого одеяла не хотелось. Но пришлось.

С кухни шел густой аромат кофе, заполнивший весь дом. Это сладковатое благоухание ванили — я узнала о Джоше за один вечер гораздо больше, чем за несколько лет знакомства. Он умел готовить потрясающий кофе, все хранил в холодильнике, чтобы не искать по полкам. Он обладал изысканным вкусом, с которым обставил дом, чистюля и пассивный ревнивец. Немало, согласитесь?

Откинув одеяло, я встала с кровати и отправилась в ванную комнату. Ночью я загрузила одежду в стиральную машину. Так что, приняв душ, облачилась в совершенно чистые, пахнущие свежестью джинсы и футболку. Джош уже приготовил завтрак и ждал меня за столом. Выпив по чашке кофе с ароматными булочками, мы решили отправиться в Центральную Библиотеку. В синей хлопковой ветровке с воротником-стойкой, голубой футболке, черных джинсах и стильных спортивных черных ботинках он выглядел сногшибательно. Раньше я считала его самовлюбленным, смазливый идиотом, а сейчас шла рядом с красивым и смелым мужчиной, обладающим редким даром перевоплощения и умением довести меня как до слез, так и до смеха. Каждый день я открывала в нем что-то новое для себя и удивлялась тому, как же Мишель не разглядела его настоящего? Она же чувствовала эмоции и мысли других, а Джоша не смогла прочесть....

— У меня кончилось зелье исцеления, — тихо сказала я, когда мы собирались покинуть дом. Джош небрежно ткнул пальцем в сторону кухни.

— В холодильнике, на полочке с лекарствами.

Кивнув, я открыла холодильник и почти сразу нашла нужную полку. В ряд стояло шесть пузырьков с нужным зельем. Я сгребла четыре, решив не нагнать, и спрятала в карман плаща.

При свете дня белый одноэтажный дом казался еще красивее. Большие окна, словно распахнутые глаза, сверкали чистотой и золотом в свете солнечных лучей. Аккуратно подстриженный газон, кусты сирени вдоль забора и пруд с небесно-голубой, кристально чистой водой. Уголок личного рая Джоша, место для уединения и размышлений. Но слишком уж по-мужски: никаких лишних деталей и декораций типа клумб или всякого рода безделушек. Минимализм и практичность, но в совершенстве.

Оказавшись перед калиткой высокого кованого забора, Джош остановился и обернулся:

— Ты никого не видишь?

Я посмотрела по сторонам, подняла взгляд на небо и снова посмотрела в каре-зеленые глаза Джоша.

— Нет. Чисто. Думаю, мы можем идти.

Кивнув, он провернул ключ в замке калитки и otvorил ее. У обочины стояло авто —

серебристая спортивная модель с кожаными сиденьями и тонированными стеклами. Когда я попала в дом Саммер, то сразу удивилась роскоши, с которой он был обставлен. Тогда промелькнула мысль: откуда у простой булочницы столько средств, даже если ее пекарня популярна в городе? Но в доме Кеннета я пришла в еще большее замешательство. Теперь-то стало ясно: все работники Системы являлись довольно обеспеченными магами. Видимо Верховная Ведьма ценила своих работников и вознаграждала за секретность. Ее можно понять, ведь работа нервная, с определенной долей вредности, требующая выдержки и умения держать язык за зубами. Все понятно, но любопытно, каким образом вербуют в ряды «системщиков»?!

Прохожих практически не было. Субботнее утро, все нормальные люди отсыпались в своих постелях, и только я сбилась со счета, какой сегодня день. Ясная теплая погода, безлюдные улицы и пустые дороги — город будто вымер на несколько часов, и мы без происшествий добрались до Библиотеки.

— Стэнли, должно быть, уже в курсе того, что вчера из-за тебя пострадали несколько его фамильяров, — вслух подумал Джош.

Я повернулась в его сторону, насколько позволял ремень безопасности.

— Он будет зол?

— Не думаю. — Он задумчиво пожевал нижнюю губу и серьезно взглянул на меня: — Но будет лучше, если я сам все объясню. Старайся не говорить лишнего, а если все же не сдержишься, то делай это твердо и уверенно.

— Что ты имеешь в виду?

Мы припарковались на специально отведенной для посетителей стоянке и поднялись по каменной лестнице. Джош казался спокойным, но я чувствовала его внутреннее напряжение. Он часто озирался, хоть и делал это непринужденно. Вертел головой, словно кого-то выглядывал. Я шла рядом, но он не замечал меня, смотрел мимо, будто мы не знакомы.

В субботнее утро Библиотека оказалась почти пустой. Несколько человек, вставших спозаранку, чтобы отвести душу в читальном зале, бродили по холлу. Каждый шаг, каждое слово, произнесенное тихим шепотом, отзывалось эхом среди мраморных стен. Джош понизил голос так, что я с трудом разбирала, что он говорит:

— Ты наверняка захочешь поинтересоваться, осведомлен ли он о том, за что Верховная Ведьма заказала бэлмортам тебя и твоих сестер? Стэнли — ее приближенный. В его Библиотеке достаточно происходит странностей, которые не видят и не чувствуют не только люди, но и маги. Библиотека является одним из немногих жизненно важных органов Системы. Здесь циркулирует магия, хранятся тайны и творятся чудеса, которые нам и не снились. Я сам многого не знаю. Но ты, Эшли, обладаешь необычным даром — видеть то, что не видят другие. Поэтому, если вдруг заметишь что-то необычное по твоим меркам и захочешь спросить, то делай это твердо. Не мямли.

— Я мямлю? — я взвизгнула от возмущения и остановилась посреди холла.

Джош зажмурился и сжался, разворачиваясь ко мне лицом. Кажется, каждый человек, находившийся в этот момент в холле, остановился и обратил на меня возмущенный взгляд. Я втянула шею в плечи, кутаясь в ворот ветровки.

— Нет. Ты не мямлишь! — раздраженно всплеснув руками, сказал он. — Я имел в виду, не нежничай со Стэнли, иначе он начнет хитрить и манипулировать тобой.

— Я что, пойду к нему одна?

— Нет. Мы идем вдвоем, и это не обсуждается, — категорично заявил Джош, хватая

меня за руку. Он шел быстрым шагом, а я семенила следом, едва поспевая за ним.

— Я не могу ходить к нему без сопровождения?

— Эшли, — Джош резко остановился и развернул меня к себе лицом, — я — твоя защита и правая рука!

Я поморщилась.

— Скорее, нога. Причем, кривая.

Джош саркастически растянул губы в улыбке и закивал:

— Я и не рассчитывал на положительные отзывы в свой адрес. Пусть так. Тем не менее мы должны держаться вместе и во всем друг другу помогать. Так решили силы сверху, что моя жизнь тесно связана с тобой, наши судьбы сплетены, и эту связь может разорвать только смерть. Ты сможешь потерпеть меня немного? Всего лишь одну крохотную жизнь?

— Вполне.

— Вот и чудненько.

По бесконечно длинной скользкой лестнице я шла неспешно. Не потому, что не особо торопилась вновь повстречаться со Стэнли, ощутить на себе его осуждающий, и в то же время изучающий взгляд. А потому, что боялась оступиться. Картины манили взглянуть на них, хоть краем глаза, но чувство самосохранения оказалось сильнее любопытства и интереса к прекрасному. Я топала, держась за перила, а рядом старательно вышагивал хмурый Джош. Мы молчали, каждый о своем, но когда в монотонной тишине послышались быстрые шаги — отчетливое цоканье каблучков по мраморным ступеням — оба подняли головы, замедлив шаг. И так же одновременно хмыкнули: нам на встречу неслась Вивиан Моррис. Разъяренная, словно фурия.

Длинные рыжие волосы, затянутые в тугий хвост, игриво подпрыгали. Серое платье, расходящееся колоколом от груди, струилось легкими волнами. Придерживая одной рукой длинный подол, Вивиан сбегала по лестнице. Ее глаза горели зеленым огнем, а губы, сжатые в линию, побелели от злости. Когда она приблизилась к нам, Джош расплылся в приветливой улыбке, но колдунья, покосившись в его сторону, ускорила шаг. Она двигалась стремительно, и нам пришлось разойтись, чтобы избежать столкновения. Задев намеренно Джоша плечом, Вивиан пронеслась мимо, оставив позади себя шлейф из цветочно-пряного аромата. Остановившись, Джош прижался спиной к перилам, провожая ее изумленным взором на самодовольной физиономии. Я замерла, ожидая, когда он сможет идти дальше, и любопытно склонила голову. Он не сразу заметил мое пристальное внимание — повернувшись, чтобы продолжить путь наверх, натолкнулся на меня и, передернув плечами, выпрямился.

— Ревнует, — хмыкнув, резюмировал он и оправил воротник куртки, хотя в этом не было нужды.

Я издевательски улыбнулась и покачала головой.

— Иначе и быть не может, — ласково проговорила я и с совершенно серьезным видом обернулась к нему. — Вечером нагрянем в ее лавку и зададим пару вопросов.

— Как скажешь, босс, — отозвался Джош, вздыхая.

В конце лестницы, у холла, ведущего в читальный зал, собралась толпа. Люди сгрудились около одного из столов, и невозможно было разобрать, что их привлекло. Но по многочисленным репликам, летящим из гущи событий, можно было догадаться, что сегодня раздавал автографы какой-то известный писатель, чей очередной бестселлер увидел свет и появился на полках магазинов. Презентация нетленного творения проходила именно здесь, в

Центральной Библиотеке, и ошарашенные сим фактом посетители облепили своего кумира, из-за чего образовался затор на входе в читальный зал. Остановившись в нескольких шагах от точки скопления людей, пребывающих в состоянии эйфории, мы переглянулись.

— Придется пробиваться сквозь толпу, — озвучил Джош мои мысли.

Я только пожала плечами и двинулась вперед. Моргнуть не успела, как бушующая стихия в лице взволнованных ценителей современной литературы, поглотила меня. Люди проталкивались к столу, не замечая друг друга, приходилось пихать их локтями, чтобы расчистить себе дорогу и не попасть никому под ноги.

Нам предстояло пройти в читальный зал — огромное помещение, предназначенное исключительно для мертвых, которое наверняка в этот ранний час пустовало. Мраморные стены, полы, застеленные ковровыми дорожками, и ни одного окна. Книги не терпят солнечного света. Я протискивалась, прокладывая себе путь к двери, скрытой в тени высоких стеллажей. Образы мелькали, слились в пеструю картинку, но внезапное ощущение беспокойства заставило замедлить шаг и присмотреться. Я испытывала это ощущение прежде и быстро поняла, что происходит. Остановившись, резко обернулась, выглядывая Джоша и попутно выхватывая из толпы лица людей.

Джош оказался совсем близко — нас разделяли несколько человек, среди которых я заметила темный силуэт. Он двигался легко и непринужденно, как по течению, перед ним все расступались. Толпа раздалась, как река о камень, не замечая его. Поймав взгляд Джоша, я повернулась, но что-то на моем лице насторожило его. Нахмурившись, он поджал губы и решительно двинулся в плотный поток взбудораженной публики, изменив курс. Голова шла кругом, но я не испытывала страха в тот миг. Напротив, было приятно вновь ощутить это интригующее покалывание в животе. Темная фигура промелькнула совсем близко, и с моих губ слетел тихий вздох. Джош появился слева, схватил меня за руку. Я одернула его, высвободилась, чтобы нырнуть в шумную массу вслед за тенью. Но он словно испарился. Провалился сквозь землю. Разочарованно вздохнув, я повернулась, чтобы последовать за Джошем, но будто на стену налетела. Застыв, я медленно подняла глаза на лысого мужчину в черном пальто поверх серого пуловера. Выразительный ледяной взгляд на гладко выбритом лице без тени эмоций. Темно-карие глаза смотрели на меня, в самую глубину, и я задрожала. Лицо пустое с резкими, но привлекательными чертами. Широкие плечи, под одеждой угадывалась хорошо развитая мускулатура.... Я видела его прежде, совсем недавно, и еще не успела забыть то ощущение опасности, которое испытала рядом с ним. Так всегда бывает, когда поблизости бэлморт. Тот самый, что напал на меня в переулке около магазина Мишель. Он шел и смотрел в упор, на ходу пряча во внутренний карман пальто белый конверт. И это он был тенью, которую я пыталась поймать....

Я смотрела на «лысого», как в замедленной съемке. Он проходил сквозь галдящую публику, плавно обтекал ничего не замечающих вокруг людей. Я следила глазами, испытывая парализующий холод, разливающийся по всему телу. Мне не было страшно, нет! Это волнение, трепет от неожиданной встречи с тем, что должно внушать ужас по ряду причин, но вместо этого разжигало интерес и завораживало. Я хотела броситься за ним, схватить за руку и развернуть к себе лицом, чтобы задать простой вопрос: «кто ты и что тебе от меня было нужно?». Хотя нет, я бы задала массу вопросов! Не забыла бы поинтересоваться, почему он больше не пытается напасть на меня, или какими судьбами оказался в Библиотеке!? Но вновь сработали животные инстинкты, и я не сдвинулась с места.

Глава 40 (продолжение)

Сбегая по лестнице, в тот миг, когда мы поравнялись, бэлморт одарил меня безразличным взглядом, пронзившим насквозь, словно разрядом молнии. Посмотрел прямо в глаза, и растворился в воздухе. Я же осталась стоять и смотреть вниз на лестницу, ошарашено разинув рот, не понимая, куда он мог деться. Подошедший Джош пальцем коснулся моего подбородка и поднял его, заставив закрыть рот. Повернувшись, я подняла голову.

Встретившись со мной взглядом, Джош нахмурился и тут же нашел рукой мою ладонь. Я попыталась вырваться.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь удержать тебя, — бесхитростно ответил он. — Ты же собираешься догнать его, разве нет?

Я хмыкнула и высвободила руку. Джош разжал пальцы, позволив ей выскользнуть, при этом он неотрывно смотрел мне в глаза. Что же он хотел увидеть?

— Я еще в своем уме, Джош. Среди бела дня гнаться за бэлмортом — абсолютное безумие, не считаешь?

— Абсолютное безумие — твое второе имя, — брякнул он и выдал лучезарную улыбку.

Конечно, я солгала. Дико хотелось рвануть вслед за лысым мужчиной в черном пальто, но пронизательность Джоша вынудила отказаться от этой бредовой затеи. Сглотнув ком разочарования, я направилась сквозь толпу в читальный зал. Когда проходила мимо Джоша, его брови изумленно взлетели вверх.

— Как, ты ничего не ответишь? Ни малейшим выпадом на мое высказывание? Даже крохотным издевательством? Я горько разочарован!

— Он приходил за заказом, — не обращая внимания на его игривый настрой, рассуждала на ходу я, озираясь по сторонам. — Я видела, как он прячет конверт в карман пальто.

— Может, ему письмо от бабушки пришло, — хохотнул Джош, быстрым шагом преследуя меня.

— Я была права. Кто-то из работников Библиотеки передает почту бэлмортам. Осталось выяснить, кто именно и каким образом.

— Стоп, стоп, стоп! — вдруг громким шепотом завопил он и резко одернул меня за плечо. Обернувшись, я возмущенно изогнула бровь. На его лице от веселья не осталось и следа: — Ты понимаешь, что говоришь?! Тогда Стэнли должен быть в курсе! В Библиотеке маги заказывают друг друга бэлмортам, через других магов, и все это под носом у главного фамильяра мира магии?!

— Не обязательно маги передают, — я задумчиво вздохнула. — Люди могут быть причастны, сами того не осознавая. Доставить письмо в Библиотеку, в специальную секцию, оставить послание до востребования — что может быть проще и безобиднее?

— В специальную секцию для людей, в комнату с ячейками, где хранятся недочитанные книги и личные вещи, — уже не так уверенно произнес Джош.

— Ключи от ячеек есть только у почтальона и адресата, — подхватила я его мысль. — А достать ярлыки из библиотечных книг, находящихся на руках у магов, с номерами личных ячеек, так же не составит труда, если заказчик — маг.

— А заказчик наверняка маг, — уныло протянул он и с шумом выдохнул. — И все это происходит открыто, на глазах служителей храма книги и Стэнли, не вызывает подозрений, ведь работники Системы имеют доступ к ячейкам своих коллег.

— Согласись, идеальная схема!

Джош медленно поднял на меня тяжелый взгляд. А я улыбалась. Улыбалась холодно и торжествующе, ведь только что напала на след грандиозной разгадки, почти расшифровала ее и могла начинать действовать.

— Ты все продумала, — сухо отозвался он. — Вот только как выяснить, кто именно посещал зал с ячейками? Каким образом вычислить, кто мог стянуть ярлыки и передать их бэлморту? Он или она ведь должен был подложить их в книгу....

— Не обязательно. Убийца вполне мог сам подложить их в книги жертвам, ведь лично знал их. Мы же знаем, что в дом его впустили, следов взлома не было обнаружено. Убитые маги позволили убийце войти в их обитель спокойствия, а это значит, что они хорошо его знали.

— Черт возьми, как все просто, — выдохнув сквозь зубы, процедил Джош. Он прошел медленно вперед, мимо меня, глядя невидящим взором в зеленый полумрак читального зала. — Но вопрос остается открытым: как мы узнаем....

— Думаю, с этим не будет проблем, — перебила я и подмигнула. — Здесь работает статистом мой знакомый!

Стэнли за стойкой не оказалось, и мы, недолго думая, направились к потайной двери. Узкий темный коридор привел нас к знакомой комнате, дверь в которую оказалась приоткрытой. По коже побежали мурашки от знакомого ощущения — в Университете, после оглашения завещания Линетт, я нырнула точно в такой же туннель, заманивший меня таинственно приоткрытой дверью. Остановившись, я не сразу решилась взяться за ручку и потянуть на себя. Джош, нетерпеливо посапывая, с непониманием выглядывал поверх моего плеча, но я не слышала его. В памяти всплыло ощущения паники и шорох перьев, который оказался настолько реальным сейчас, что я вздрогнула. Холодок где-то в груди кубиком льда медленно катился вниз, а когда упал в живот тугим комом напряжения и волнения, я неровно выдохнула. Из приоткрытой двери, из крошечной тьмы, скрытой за ней, доносился шелест птичьих крыльев, стремительно удаляющихся вглубь и стихающий за поворотом, точно шлейф длинного платья. И я уже слышала этот звук.

— Знакомая ситуация, — хмыкнув, отметила я и посмотрела на Джоша, слегка повернув голову. — Можно ли предположить, на секундочку, что Университет и Библиотека, чисто теоретически, связаны между собой паутиной узких темных коридоров?

Джош явно оказался застигнутым моим вопросом врасплох. Нахмурившись, он скорчил недоумевающую физиономию:

— О чем ты, Эшли? Подземные ходы?!

— Джош, — я развернулась к нему лицом, изумленно улыбнувшись, — мы находимся в обители магии! Университет также является сосредоточением всего волшебного в нашем мире. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что два здания могут сообщаться заколдованными туннелями? Сам посуди: это же невероятно удобно и реально! Здесь тьма магов, Джош! Они перемещаются из Университета в Библиотеку при помощи этих ходов и оказываются в нужном месте за мгновение.

— То есть, если возникнет необходимость, можно всегда сделать ноги по этим коридорам и остаться незамеченным, — размышлял Джош, потирая подбородок. — Это

могло бы объяснить, почему Стэнли всегда в курсе событий. Магические порталы, двери сквозь расстояние.... И почему я раньше об этом не догадался?!

Я улыбнулась потухшему от досады Джошу.

— Все на поверхности. Перед нашими глазами, на виду, но никто не догадается, если не знает, куда смотреть. Магический мир не устает удивлять, да, Джош?

— В отличие от тебя, — засопел он, раздувая ноздри, — я работаю в Системе и обязан быть в курсе!

— Не все детали сообщают «системщикам», — бесхитростно перебила я. — Тайны достались высшим звеньям, которые хранят их, как зеницу ока. Представляешь, сколько темных хотели бы знать о магических коридорах-порталах между Библиотекой и Университетом? Что бы отдали за этот секрет и сколько бы жизней загубили? Обычные служащие Системы попросту не посвящаются в тайны такой важности. Не из соображений высокой секретности, а банально ради их же безопасности.

Джош раздраженно скривился:

— Откуда ты это знаешь?

— Я проработала в Университете несколько долгих лет. Помню, как поражалась способности Линетт оказываться в двух местах почти одновременно.... — Я опустила невидящий взгляд, возвращаясь мысленно в те времена:- Вот она сидит рядом, мило улыбается и медленно встает. Направляется к двери за камином, скрывается за ней, а через несколько минут возвращается с древней книгой в руках. И я точно знаю, что за этой дверью нет книжного шкафа или стеллажа.

— Потому что ты все облазила, пока она отлучалась, — закончил за меня Джош и коротко хохотнул.

Я моргнула и подняла на него многозначительный взгляд.

— Ты же знаешь мою натуру!

Улыбка с лица Джоша медленно сползла.

— Так ты знала, что Линетт служила в Системе?

— Ведьма с таким влиянием не могла не быть задействована в великой паутине волшебства. Она была могущественной и мудрой колдуньей — у меня даже сомнений не возникало в ее значимости в нашем мире.

— А что, если она и есть Верховная Ведьма? — саркастически отметил Джош.

— Линетт умерла, если ты забыл, — холодно ответила я. — А Верховная Ведьма не может умереть. Ее невозможно убить, а сама такое решение она принять не имеет права. Оставить свой народ на произвол судьбы....

Джош шагнул ко мне и наклонился, чтобы заглянуть в глаза:

— Ты задумалась, да? — он усмехнулся. Я плотно сжала губы от злости и подняла голову. Он выпрямился и мягко улыбнулся:- Не бери в голову. Линетт не могла быть Верховной Ведьмой. Не того полета птица, да и слишком очевидно.

— Ты за сегодня дважды столкнулся с таинственным, но очевидным, и продолжаешь сомневаться?

— Что? — опешил он. — Ты издеваешься, Эшли?!

— Нет, — протянула я, растягивая губы в издевательской улыбке. — Просто проверяю тебя. Пошли.

— Куда?

— В неизвестность, Джош. В непроглядную, мрачную, но до жути интригующую и

манящую неизвестность!

Несколько утомительных минут блужданий в темноте, до тошноты нервирующей и давящей на психику, и, наконец, впереди замаячила узкая полоска света. Мы почти бежали к ней, задыхаясь от волнения и чувства тревоги. С первых шагов стало ясно, что на коридоры наложены чары с целью запугать излишне любопытного незваного гостя, но мы сумели преодолеть их и не сойти с ума. Схватившись за ручку, я потянула на себя дверь, и моя теория оправдала себя. Мы оказались в одной из комнат Университета.

— Ни хрена себе! — выдохнул ошеломленный Джош. Он опасливо шагнул через порог, осматривая сияющие стены. Вычурный интерьер с завитками, старинной мебелью и переливами горного хрусталя ослеплял красотой.

После смерти Линетт я оказалась впервые здесь. Решительно входя, я оглядывалась, убеждаясь в том, что мы здесь одни.

— Ничего не изменилось, — прошептала я, обходя круглый стол с придвинутым к нему стулом с высокой резной спинкой.

Вся мебель из темного дерева, покрытого лаком. Золотистая парча, медный шелк и алые цветы повсюду. Белоснежные шторы, отделанные кружевом, раздувал теплый осенний ветер. Здесь пахло магнолиями и пергаментом, свежими чернилами и воском. Я шагнула ближе, желая прикоснуться к стопе книг, провести кончиками пальцев по кожаным корешкам. Рука уже потянулась, когда в коридоре, разделяющем другие помещения, послышались быстрые шаги.

— Как ты могла!? — гулким эхом в голове пронесся знакомый мужской голос. — Что ты наделала, Линетт?!

Меня вновь затянуло в омут воспоминаний, по телу пробежала мелкая щекочущая дрожь. Опустив руку на спинку стула, я сжала ее пальцами, до боли сильно, сдерживая жгучую ярость.

— Я сделала то, что должна была.

В белом свете широкого коридора мелькнула тень — темный мужской силуэт, уже знакомый до мурашек. Решительным шагом он пересек комнату и исчез, а миг спустя появился в дверном проеме. Соткался из искрящегося теплого воздуха. Из-за яркого света невозможно было разглядеть лицо, но я точно знала — это тот же мужчина.

— Ты — сумасшедшая!

Его слова, произнесенные с вызовом и осуждением, разразились звоном среди высоких стен. Полоснули холодным лезвием тишину пустых залов. Эхо пронеслось по помещению несносным вихрем, сделало круг по комнате и разлетелось на тысячи дребезжащих осколков, ударившись о резко закрытую им дверь. Своды задрожали, перед глазами поплыло, я вглядывалась сквозь разноцветную рябь, ощущая на коже магию. Комната сотрясалась, в ушах нарастал гул, нарушаемый щебетом птиц и шуршаньем перьев. И вдруг все прекратилось так же резко, как и началось — Джош опустил руку на мое плечо.

— Ты в порядке, Эшли?

Резко обернувшись, я посмотрела на него — по моей щеке медленно сползала слеза. Лицо парня вытянулось, и он громко сглотнул.

— Твои глаза....

— Светятся, я знаю, — быстро утерев слезу, я отпустила спинку стула. — Так бывало не раз, успела привыкнуть.

— А почему плачешь?

— Это не я.

В коридоре послышались шаги, и на этот раз по-настоящему. Договорить я не успела, пусть Джош так и думает — в мои планы не входило посвящать его в тайну ведений. Не сейчас.

Он напрягся и отпрянул от меня. Его рука сползла с плеча и безвольно повисла вдоль тела. Я закрутилась на месте.

— Что происходит?

— Это Стэнли.

— Как...

— Как я узнал? Я же слышу его, — Джош постучал пальцем по своей голове.

— Ты ведь не фамилляр?!

— Но я служу Системе, поэтому могу слышать его. Правда, со мной подобное случается только второй раз.

— А когда был первый?

Джош судорожно сглотнул. Казалось, он хочет отвести взгляд, избежать ответа, но не сделал этого.

— Я не могу....

— Вот вы где! — раздался веселый голос Главного Фамильяра, и шаги стихли.

Мы обернулись — он стоял в дверях и добродушно улыбался. Вынув руку из кармана черных джинсов, провел по черным, как воронье крыло, волосам. Темно-серый пуловер оттенял сапфировую синеву его глаз. Осознав, что пялюсь на Стэнли, я опустила взгляд на его черные кожаные ботинки на шнуровке. И осторожно выдохнула. Скрестив руки на груди, он изогнул бровь, изучая нас. И я уверена, что чувствовала его взгляд в своем разуме. Мистика. У Стэнли не было надо мной власти, но играми с сознанием он владел на «отлично». Я чувствовала его силу как гудящую ноту, настолько низкую и глубокую, что она воспринималась почти болезненно.

— Когда-нибудь любопытство вас погубит, — сказал он и вошел в комнату. — Вам повезло, что этот коридор ведет в Университет, а не в темницу.

Я ожидала, что сейчас набегут стражники и потащат нас под руки на допрос, но этого не произошло. Стэнли прошел в комнату и огляделся.

— Гениальная идея — провести коридоры между зданиями, находящимися в разных концах города, не правда ли?

— Я уже ходила по ним, но не покидала Университет.

— Ты уверена? — Стэнли загадочно прищурился. — Вошла и никуда не выходила до того момента, как проникла в коридор?

— Нет... — я запнулась и невольно задумалась.

— Не бери в голову, — оборвал мои мысли Стэнли, небрежно всплеснув рукой. — Случается, они не пускают за пределы одного здания. — он пожал плечами, — причуды магии. Итак, вы пришли....?

— Задать пару вопросов, — быстро проговорила я.

Стэнли поморщился и мотнул головой.

— Неверный ответ. Попробуй еще раз.

— Мы хотели бы кое-что узнать....- произнес Джош.

— Да что ж такое!?! — определенно с издевкой сокрушался Стэнли.

— Мы пришли за ответами, — твердо сказала я, и он медленно перевел на меня внимательный взгляд. Вид у Главного Фамильяра был заинтересованно — изумленный. Видимо, никто и никогда не позволял себе разговаривать с ним в подобном тоне. Но Джош меня предупредил. — И ты их нам дашь.

— С чего ты взяла? — хмыкнул Стэнли, вновь скрестив руки на груди.

— Ты же служишь на благо нашего народа, мы тоже. В городе происходят убийства, и чтобы предотвратить новые и спасти жизни, ты пойдешь нам навстречу и откроешь несколько тайн.

— С какой стати мне делать это?! И как ты предотвратишь новые убийства? Это невозможно, — он вел себя так, словно проверял меня. Замолчав, с любопытством склонил голову, и в его глазах читался не просто интерес, а ожидание нужного ответа. — Прошу пройти за мной, — он направился к двери, в которую вошел.

— Я знаю имя будущей жертвы, — произнесла я, догоняя Стэнли, и его глаза вспыхнули веселым любопытством. — И ты знаешь. Может, настало время что-то предпринять?!

— С нашей прошлой встречи ты изменилась, Эшли, — сказал он, когда мы шли по широкому мраморному коридору без окон. На стенах мерцали факелы, подсвечивая помещение золотисто-оранжевым светом.

— Кое-что произошло.

— И что именно? — он бросил на меня взгляд через плечо.

— На меня напал бэлморт и пытался убить.

— И почему ты до сих пор жива?

— Он не смог.

— Это как? — удивился Стэнли и даже притормозил, чтобы обернуться и посмотреть на меня.

Я от неожиданности отпрянула, но на выручку пришел Джош.

— Я собственными глазами видел.

Стэнли посмотрел на него и, раздражено причмокнув, повернулся на каблуках. Мы снова смотрели в его крепкую, жилистую спину.

— Знаю. Мои люди поведали, когда оправались от ранений. Кстати, с тебя, Джош, детальный отчет о происшествии! И, все же, каким образом бэлморт не смог победить маленькую ведьму?

— Ты, может, и расскажешь? — раздраженно проворчала я.

Стэнли едва заметно вздрогнул, но не остановился и не обернулся.

— Я обязательно разберусь в этом и сообщу тебе, Эшли, — на удивление спокойно сказал он. — Ну, вот мы и пришли!

Он остановился и отворил высокую массивную дверь из белого дерева, покрытую перламутром. Перед нами раскинулось светлое помещение размером со спортивный стадион. Большой белый угловой диван, обитый натуральной кожей, невероятно мягкий палас, нежно-коричневый камин с замысловатым узором, письменный стол, книжный шкаф — это лишь половина комнаты. В другой ее части были расставлены стеллажи, как в Библиотеке, только из благородного белого дерева, отливающего все тем же перламутром. Полочки заставлены папками в плотных обложках, буквы на корешках выведены каллиграфическим почерком при помощи золотых чернил.

— Это — мой кабинет, — буднично изрек Стэнли, приглашая нас войти. Белоснежные шторы развивались на высоких окнах, в воздухе приятно пахло цветами и бумагой. Тот ни с

чем несравнимый запах, когда бегло перелистываешь старую, но любимую книгу.... —
Прошу, садитесь.

Глава 41 (продолжение)

Я и Джош послушно вошли в помещение, где полы — чистый мрамор. Обстановка изумляла — картины на стенах, предметы интерьера, такие, как статуя прекрасной девушки у окна, старинные часы на камине, инкрустированные драгоценными камнями и напольные вазы с цветами. Под впечатлением мы добрались до дивана и опустились на него, почти синхронно. Дух захватывало от невероятной красоты и пафоса. Все казалось ненастоящим, как инсталляция на старинной открытке.

Стэнли прошел к письменному столу и присел на его край, сложив руки на груди.

— Итак, я весь внимание!

— Что связывало Саммер, Калеба, Бишоу и Кеннета? — выпалила я.

Стэнли и бровью не повел.

— Все они были сотрудниками Системы.

— Помимо Системы их что-то объединяло? Бишоу убили, потому что он был Хранителем ячеек — это основная и наиболее логичная версия. За что погибли остальные?

Главный фамильяр задумался, возведя глаза к потолку.

— Не припоминаю, — после минутной паузы произнес он.

Я разочарованно вздохнула.

— Ну, может быть, они пересекались где-то до Системы или у них было общее дело много лет назад?

— Вероятно, ты имеешь в виду.... Хм.

Стэнли поднялся со стола и сделал это невероятно грациозно и плавно, но по-мужски. Проплыв мимо нас к ровным рядам стеллажей, исчез среди них и долго шелестел перьями. В горле защекотало от необычного ощущения, как будто птицы касались крыльями глубоко внутри. Несколько минут спустя он вышел в центр комнаты и, хмурясь, остановился перед нами. В руках он держал толстую старинную книгу в желтом от старости переплете. Стэнли постепенно перелистывал страницы, словно забыв о нашем существовании.

— Было кое-что. Я и забыл...

— Что? — сгорая от нетерпения, я и Джош чуть не подпрыгнули на месте. Поэтому и спросили одновременно, после чего осторожно переглянулись. Стэнли нас не замечал или делал вид, что не замечает.

— Они курировали детский дом № 6, «Луч Света». Туда направляли детей магов и бэлмортов.

— Все они? А кто еще?

Стэнли оторвался от книги и медленно поднял голову. Каждый раз, когда он так делал, мне становилось не по себе. Взгляд пронизательный, видящий насквозь, но при этом красивый и по-юношески открытый.

— Назови имена, — холодно произнес он. Голос, от которого внутри все дрожит.

Я нахмурилась.

— Там их много?

— Предостаточно. Ну, и?!

В комнате повисла тишина. Ни я, ни Джош не решались произнести ответ вслух, но того требовало дело. Не хотелось раскрываться перед Стэнли — не внушал он особого доверия, хоть и делился информацией. Благородно с его стороны. Вел бы себя попроще, и я бы к нему

иначе относилась.

Будто услышав мои мысли, Стэнли устало вздохнул, и его плечи опустились. Лицо сразу приобрело сероватый оттенок, да, в общем, вид у него был вымученный. Потерев лоб, он захлопнул книгу. Неспешно пройдясь до стола, опустился на него. Положив фолиант на колени, запустил одну руку в свою густую темную шевелюру.

— Так дело не пойдет, — совершенно иным тоном заговорил он. Приглушенно и устало, с ноткой раздраженности. — Я сообщаю вам то, что не должен сообщать. Рискую, поверив на слово. Мы разве не договаривались обмениваться информацией по делу об убийствах магов?

— Не помню, — протянула я.

Стэнли закатил глаза, и вяло шлепнул ладонью по кожаному переплету.

— Ну, вот. А совесть ваша где? Уже променяли на что-то?

— Слушай, — Джош подался вперед и сложил руки на коленях, — мы не знаем, кому можно доверять, а кому нет. Как знать, вдруг ты — один из шпионов бэлмортов?! В наше время все возможно.

— Я пустил вас сюда. А ведь мог сдать фамильярам и отправить в темницу.

— Вот, — Джош выставил вперед указательный палец, — ловушка или тайный умысел!

Стэнли перекосясь.

— Я хочу поймать и наказать виновных так же, как и вы. В большей степени даже. Я не просто стою во главе огромной армии фамильяров, но и являюсь начальником охраны магического сообщества. Вы понимаете, что это значит? Мне очень важно поймать убийцу! Даю вам слово, что впредь буду делиться всеми необходимыми сведениями, но и вы не станете от меня ничего утаивать. Идет? По-моему, выгодное сотрудничество назревает.

Джош с сомнением перекинулся и посмотрел на меня. Я лишь пожала плечами. В конце концов, у нас не оставалось выбора. Либо мы вступаем в соглашение со Стэнли, либо самостоятельно ищем правду, попутно уворачиваясь от его подножек.

— Идет, — нехотя протянул Джош и смерил Стэнли прожигающим насквозь взглядом. Мне казалось, он не может так на него смотреть из соображений субординации... Похоже, тут что-то еще.

— Нет слов, чтобы передать, как я счастлив, — голосом, лишенным эмоций, произнес фамильяр.

— Вивиан Моррис, — вымолвила я и посмотрела на Стэнли.

— Моррис!? Следующая жертва? Вивиан в то время, как и сейчас, изготавливала и продавала Системе запрещенные и редчайшие зелья. В ее обязанности входило и входит по сей день не просто обеспечение нас волшебным пойлом, но и наблюдение за другими магическими лавками в городе. Я не могу с абсолютной уверенностью заявить, что Вивиан Моррис не имеет отношения к детским домам, поэтому сделаю все, что в моих силах, выясняя это для вас.

- Кем были убитые в те годы? — спросил Джош. — Что они делали, какие должности занимали, какие обязанности выполняли — мы все должны знать, Стэнли. Курировали детский дом — отлично! Но не мог бы ты рассказать детальнее? Любая мелочь может помочь раскрыть преступление, или, как минимум, указать на убийцу.

— Я понимаю, Джош, — закусив задумчиво губу, Стэнли покачал головой. Его взгляд перебежал с меня на Джоша, потом на книгу, после чего вновь возвращался к моему лицу. Несколько утомительных минут молчания, и фамильяр устало выдохнул. — Я предоставлю

вам список имен магов и их обязанностей. Всех тех, кто связан с детским домом.

— И имена усыновленных детей, — добавила я.

— Список получится длинный.... Будете допрашивать каждого из них? Напугаете без нужды невиновных.

— Мы начнем с Вивиан. Возможно, на ней все и закончится.

Мужчины одновременно мигнули. Две озадаченные физиономии обратились ко мне.

— Неужели вы подозреваете Моррис в этих страшных убийствах? — недоуменно спросил Стэнли. Джош, возмущенно хмурясь, завертел головой.

— Она, — облизав губы, быстро произнес он и ткнул в мою сторону пальцем, — она подозревает. Не я.

— Я высказала предположение, — пожав плечами, спокойно ответила я. — Все может быть. Сегодня же отправимся к ней и выясним, права я или нет.

Стэнли нахмурился, когда как Джош нервно заерзал на диване.

— Она живет в лесу Грейтхем, — многозначительно заявил фамильяр. — Знаете, что это и где находится?

— Лес, в котором обитает нечисть, а границы охраняют фантомы? Наслышаны. Байки, слухи, нелепицы, выдуманные лесными магами дабы отвадить от леса непрошенных гостей.

— Может, и так. Только я туда не пойду, — заявил Джош спокойным голосом, закидывая ногу на ногу.

— Почему? — любопытно склонив голову, спросила я.

— Я из Системы, а, значит, не могу светиться. Что, если твоя теория провалится? Вряд ли меня по головке погладят.

— А ты тут причем? — удивилась я.

— Как — причем? Мне поручено присматривать за тобой, оберегать и предостерегать от опрометчивых поступков!

— Мне не нужна нянька, — тихо произнесла я, поднимаясь с дивана. — Пойду одна или с кем-то другим.

— Желательно с магом противоположной стихии, — бодро отозвался Стэнли.

Я с вызовом посмотрела на него.

— В каком смысле? Мне нужен маг, не обладающий силой природы? Какое имеет значение род магии?

— Для Вивиан — не имеет. — Стэнли поморщился:— А вот фантомы отступят, если столкнутся с несвойственной им силой.

— Как? Они существуют?

— Вот войдешь в лес, — весело произнес Джош, не скрывая улыбки и издевательского огонька в глазах, — и узнаешь!

Стэнли оставил нас дожидаться в своем кабинете. Сам же скользнул в одну из дверей, ведущую во мрак паутины коридоров. Джош развалился на диване и запрокинул голову на спинку, разглядывая лепнину белоснежного потолка. Я бродила по комнате, искоса поглядывая на книжные полки. Они манили, зазывали подойти и коснуться их. Взять книгу — любую — и пролистнуть. Устав бороться с искушением, я решительно двинулась к шкафу, не обращая внимания на возмущенное пыхтение Джоша.

Он хотел предостеречь, но не успел, да и прекрасно осознавал — бесполезно. Меня уже нельзя было остановить. Тем более, что двигало мной не любопытство....

Дух Линетт был хорошо знаком стенам здания. Оно охотно распахивало передо мной двери и раскрывало свои тайны. И, конечно же, показывало воспоминания, связанные с ней. В груди дрожало тепло, от которого захватывало дух, и кружилась голова. Частичкой себя я знала — Университет хотел что-то рассказать мне.

Остановившись перед книжными полками, в том месте, где сердце особенно волновалось и подпрыгивало, я прошлась, осматривая ровные ряды изданий в пестрых переплетах. Одна, в черной кожаной обложке буквально выпрыгнула мне в руки и открылась на сто семнадцатой странице — в то же мгновение я оказалась в весеннем саду. Воздух был чист и прозрачен, он искрился и пьянил. Трели птиц, жужжание пробудившихся пчел и шелест молодой травы переплетались и сливались в ритмы музыки, звенящей среди пышных фруктовых деревьев. Глаза слепило от ярких солнечных лучей и цветущих вишен. Ароматы и краски, звуки.... Все казалось реальным. Я почувствовала дуновение теплого ветерка, несущего запах надвигающегося дождя. Качаясь на качелях в белом кружевном платье с воланами рюшей, ощущала легкость и нежность ткани. Под сенью распускающейся яблони, я читала ту же самую книгу, на сто семнадцатой странице.

Шорох травы, тихие звуки шагов по выложенной речными камнями дорожке. Передо мной застыл темный мужской силуэт, загородив свет, пробивающийся сквозь густые шапки вишен. Заметив ноги в зазоре между книгой и моими коленями, я подняла книгу, чтобы не видеть его лица.

— Я повсюду ищу тебя, Линетт, — пылко, с укором произнес он. Голос, знакомый до боли, растревожил сердце, и оно вздрогнуло, ускорив бег. Не низкий, и не высокий — что-то среднее, мягкий с ноткой высокомерия. Я уже где-то слышала его, наяву....

— Меня не нужно искать, — голос Линетт словно ледяным хлыстом ударил. Птицы растревожено защибетали и сорвались с ветвей. Они закружили над садом, наполнили его звонкими переливами.

Я ощутила, как возмущение и горечь мужчины сменяются на гнев. Волна его силы захлестнула меня, заставила напрячься. По обнаженным плечам побежали мурашки.

— Считаешь, происходящее тебя не касается?

Тяжело вздохнув, я закрыла книгу. Резко и яростно, поднимая голову, чтобы взглянуть на него, как не пыталась избежать этого. И внезапно видение исчезло от порыва ветра, словно туманная дымка. Книга в моих руках засохла от ярости Линетт как осенний лист, покрылась паутиной глубоких трещин. Ее прах просыпался черной пылью сквозь мои пальцы. Ошарашено глядя на ладони и пол, усеянный ею, я не сразу поняла, где нахожусь. Повернув голову, наткнулась на встревоженный взгляд Джоша. Он стоял рядом, на

расстоянии вытянутой руки и с изумлением рассматривал меня.

— Эшли? — тихо произнес он.

Я обтерла ладони о плащ. Злость Линетт передавалась мне, как и горечь мужчины в черном пальто. Их связь, отношения между ними вызывали настоящую бурю в душе, от которой становилось трудно дышать. Глядя в глаза Джошу, я не могла лгать.

— Иногда они меня утомляют, — прошептала я и облизала губы.

— Кто — они? — непонимающе спросил он, склоняясь ко мне.

— Воспоминания Линетт. Мне достался ее кулон, и теперь я схожу с ума от призраков ее прошлого, преследующих меня и днем, и ночью. Не знала, что обладатель чужого кулона проходит через такое.

— Никто не проходит, — запинаясь, пробормотал Джош. — Впервые слышу....

До нашего слуха донеслись шаги — быстрые и уверенные. Секунду спустя в кабинет вошел Стэнли. Окинув нас туманным взглядом, он изогнул брови в легком недоумении, но ничего не спросил. Остановившись, протянул мне сложенный вдвое лист бумаги. Я взяла его и застыла на мгновение, посмотрев на фамильяра. Он отвечал мне долгим немигающим взглядом, в котором я не увидела даже проблеска каких бы то ни было эмоций. Только Джош нетерпеливо вытягивал шею, пытаясь заглянуть в записку. Я повернула голову и посмотрела на него. Нахмурившись, он кивнул на список:

— Разверни.

— Здесь имена детей бэлмортгов, отданных матерями в приют, — как бы невзначай бросил Стэнли.

Я развернула лист. Пробежав глазами по печатному столбцу имен, непроизвольно округлила глаза.

— Не может быть, — и запнулась. — То есть, это можно было предвидеть, но я бы не подумала...

— Кто там? — Джош ходил вокруг, выглядывая поверх моего плеча, но не понимал, что меня так смутило.

— Из всего списка мне знакомо два имени, — сглотнув, я подняла глаза на Стэнли. Сложив руки на груди, он внимательно смотрел на меня, ожидая продолжения. — Я отлично знаю одного из них и всегда считала его странным, но не до такой степени!

— Что ты имеешь в виду? — мученически простонал Джош.

Сложив лист бумаги, я быстро прошла по комнате. Я всегда знала, что мой сосед был воспитанником детского дома. Он и не скрывал. Спокойный, тихий, неприметный парнишка с угрюмым взглядом и кучей тайн в голове. Никогда бы не подумала, что он может оказаться ребенком бэлморта.... Отзывчивый, с добрым сердцем — Майло никогда не отказывал в помощи и охотно болтал со мной о всякой ерунде. Как же так? Живешь себе и живешь, повсюду соседи, которых знаешь не один десяток лет, и вдруг оказывается, что все они не те, кем хотели казаться. Скелеты в один прекрасный день выпали из шкафов, и все! Видишь знакомых тебе людей и магов, словно вывернутых наизнанку, без масок, без притворства. Саммер я считала добродушной булочницей, а не агентом Системы, распределяющим детей темных магов по приемным семьям. Майло в одно мгновение стал злодеем, мстившим за свою несладкую судьбу. Что произошло? Почему Саммер заслужила в его понимании смерть? Да, я подозревала его, потому что все сходилось: фея знала своего убийцу, поэтому и впустила в дом. Только по личному приглашению хозяина он мог преодолеть ловушку из охранной магии. Вошел в жилище Саммер и расправился с ней. Стоп! Первым же был

Бишоу?!

Мужчины не проронили ни слова. Стэнли терпеливо наблюдал за моими движениями, а Джош медленно сгорал от любопытства. Его лицо багровело, а глаза расширялись. Если он не возьмет себя в руки, то скоро в них сосуды полопаются.

Я резко остановилась и развернулась на каблуках.

— Стэнли?

Фамильяр чуть заметно вскинул бровь.

— Да, Эшли?

— Список магов, имевших отношение к приютам, куда сдавали детей, мне бы сейчас очень пригодился.

— Это намек? Я делаю все, что могу, — усмехнулся Стэнли. — Что ты узнала из листка, оказавшегося в твоих руках?

Я сделала шаг в его сторону и остановилась почти в плотную, заглядывая в глаза.

— Что мой сосед не тот, за кого себя выдает. Я могла бы догадаться еще в детском доме.

— В детском доме? — переспросил он, и Джош откашлялся, вынудив нас обернуться к нему.

— Инициалы на спинке кровати, — пояснил он.

Я вытаращила глаза.

— Откуда.... Ах, да! Ты же был той облезлой псиной....

Джош обиженно скривился:

— Милым песиком, Эшли. Я был милым, симпатичным и озорным песиком!

Я передразнила его, скорчив рожу.

— Майло Бенсон.

— С чего ты вообще взяла, что убийца Майло?! Любой из этого списка мог наведаться к ней в гости, войти в доверие и убить.

— Об этом я не подумала....- покусав губу, я взглянула на Стэнли. — Личное дело Майло Бенсона — где его можно посмотреть?

— Ты даже не поинтересуешься, окажу ли я тебе услугу....

— Не умничай! Скажи просто, оно случайно не хранилось в ячейке Саммер?

— Для личных дел у нас специальная секция отведена в читальном зале. Саммер не имела права забирать столь конфиденциальный документ в личную ячейку.

— Раз оно в специальной секции, то я хочу просмотреть его прямо сейчас!

— Не хочу, а могу ли....- поморщившись, проблеял Стэнли важным голосом.

— Немедленно отведи меня в секцию с личными делами! — тоном, не терпящим возражений, потребовала я.

Стэнли ошарашено мигнул и повернул голову, посмотрел на Джоша. Тот настороженно замер, и только глаза вращались в глазницах — он избегал прямого взора Стэнли.

— Ты ей что-то рассказал, Джош?

— Не понимаю, о чем ты, — быстро пробормотал Джош, возмущенно пожав плечами.

— Тогда почему я не могу ей отказать?

— Потому что она обворожительна, сногшибательна и потрясающе мила!

Мужчины посмотрели на меня. С большими, пылающими от возмущения глазами, поджатыми губами и разъяренным видом я выглядела не просто сногшибательно. Я была неотразима! И мало, кто решился бы противиться моей воле, пребывая я в таком расположении духа.

— Не то слово! — буркнул Стэнли и поморщился. — Я прямо прослезился от умиления. Ну, просто ангел во плоти!

— Ну, да! — протянул Джош и саркастически ухмыльнулся, пряча руки в карман джинсов. — Я открыл ей твой маленький секрет: ты не можешь устоять перед властной женщиной. Теряешь волю, в коленях дрожь, когда тобой командуют. Скажи спасибо, что я не рассказал ей про плетку и ошейник! Эшли, он обожает шлепалку и доминантные игры!

Стэнли ничего не ответил на издевательство Джоша, только губы поджал. Переводя холодный взгляд с одного мужчины на другого, я мысленно успокаивала себя различного рода доводами. Дождалась, когда они оба повесят на лицо серьезные мины и обратят на меня внимание.

— Отлично, — причмокнув, изрекла я. — Буду иметь в виду.

Джош скорчил рожу и сокрушенно сказал:

— Нашу Эшли подменили. Еще пару дней назад моя шутка показалась бы ей забавной!

— Я хочу увидеть личное дело Майло Бенсона. Кто-нибудь поможет мне или так и будет стоять и хохмить?

Естественно, в первую очередь я имела в виду Джоша. И он мгновенно среагировал. Откашлявшись, стал серьезен и невозмутим, выпрямился и шагнул ко мне.

— Стэнли, проводи нас, — вздохнув, сказал он и посмотрел на фамильяра.

— Надеюсь, вы понимаете, на какой риск меня толкаете?!

— А кто узнает? И кто тебе по шапке надает? — раздраженно спросил Джош. — Верховная? Или у тебя есть другой начальник, помимо нее?

— Вы просите меня открыть вам секретные сведения, провести в секцию Библиотеки, в которой бывают единицы сотрудников, занимающих особый пост в Системе. Понятное дело, я сомневаюсь в успехе мероприятия и опасаясь огласки.

— Мы не собираемся никому трепать, — холодно бросила я.

Стэнли даже в лице не изменился — совершенно спокойное выражение, казалось бы, отрешенный взгляд, но я-то уловила в нем суровую искорку. Он не волновался. Напротив, он охотно поделился бы информацией, но возможность того, что кто-то нас увидит, его тормозила. Стэнли, как и мы, заинтересован в раскрытии преступлений. И чем быстрее это произойдет, тем лучше всем.

— Я понимаю, — едва заметно кивнув, сказал он. — Но дело не в вас. Мы не можем знать наверняка... Что, если у убийцы есть шпионы в Системе?

— Естественно они у него есть, — голосом, лишенным эмоций, отозвалась я. — Мы обойдем их. А теперь пойдете. Проведи нас туда, Стэнли. Пожалуйста.

Фамильяр неожиданно округлил глаза, и то был неприкрытый сарказм.

— Надо же! Я удостоился твоего «пожалуйста»! Думал, и не дождусь в этой жизни.

— Еще одна шуточка, и ты дождешься. Отвечаю, — милым голоском, с ослепительной улыбкой произнесла чуть слышно я.

Радость Стэнли сползла с лица, как краска, смытая водой. С непроницаемым видом он откашлялся в кулак и спрятал руки в карманы брюк. Развернувшись на каблуках, я удовлетворенно кивнула. И направилась к двери, ведущей в темный коридор, который, в свою очередь, должен был привести нас в Библиотеку.

Глава 42 (продолжение)

Лестница за лестницей, дверь за дверью, комната за комнатой. Интерьер, как у номеров отеля, отличался разве что какой-нибудь одной мелкой деталью. Окна были только в коридорах, остальные помещения освещались тусклыми лампами или факелами. Мы шли не менее десяти минут, прежде чем Стэнли остановился перед дверью из черного дерева. Она едва угадывалась на темной стене в синем полумраке. Пока мы поднимались сюда, я сбилась со счета, сколько этажей и дверей пришлось миновать. Вероятно, мы находились сейчас под самой крышей, на каком-нибудь десятом магическом уровне, потому что не припомню, чтобы в Библиотеке было более четырех этажей. Похоже, как и заколдованные коридоры, уровни здания невидимы и уходили высоко в небо.

Стэнли бросил через плечо громким шепотом:

— Нам не следует здесь задерживаться. Поэтому действуем быстро.

Мы ничего не ответили — послушно вошли в темное помещение, когда фамильяр отворил перед нами дверь. Металлические тумбы с множествами ящиков, стеллажи с кипами папок в разноцветных картонных обложках — мои глаза разбежались. Сколько тайн, какой простор для фантазии! Видимо, я разинула рот от восхищения, задрав голову к потолку, когда увидела высоченные стеллажи и полки, потому что Джош склонился и шепнул мне на ухо:

— И не мечтай.

Моргнув, я закрыла рот и одарила его сердитым взглядом. Но только развеселила — самодовольно хмыкнув, он растянул губы в улыбке и прошел мимо.

— Нам нужна полка с биркой «№ 6», — сказал Стэнли, проходя между стеллажами.

— Почему именно «6»? — удивилась я, следуя за ним.

— Потому что у детского дома был шестой номер. Почему шестой — черт его знает, ведь других домов не было.

— А в других городах?

— Всех свозили сюда, — сухо бросил Стэнли. — Я имею в виду детей магического происхождения.

— А если я захочу узнать подробности о работниках Университета, то какой стеллаж следует искать? Чисто теоретически, — поинтересовался Джош.

— «№ 2».

— Почему? — не унимался Джош.

— Если в названии здания присутствует какой-то номер, то его автоматически присваивают полке или секции в Библиотеке, отведенной под сведения о данном заведении, — терпеливо объяснял фамильяр.

— А если у двух различных зданий номера совпадут?

— Это невозможно. Таких зданий не существует, мы отслеживаем повторы в нумерации.

— Я думала, ты знаешь это, Джош, — сказала я, обернувшись.

Он рассеянно пожал плечами.

— В подобные тонкости системщиков, вроде меня, не посвящают. Не дорос еще.

— И почему я только сейчас об этом узнаю?! То есть, ты занимаешь одну из низших ступеней на иерархической лестнице Системы?

— Я бы выразился иначе, — отозвался он, скривившись. — Скажем так, я служу в иной сфере. Специалист по внешним контактам.

— И не имеешь доступа к архиву?

— Мне он не требуется, потому что у меня есть руководитель, снабжающий всей необходимой информацией по делу.

— И этот руководитель — Стэнли?

— Да, — лаконично произнес Главный Фамильяр, остановившись перед стеллажом, над которым висела табличка с надписью «№ 6». — Прежде Джошу не доводилось принимать участие в расследовании неестественных смертей магов. Убийства в мире волшебников — дело редкое и, как правило, шумное. На уши встает вся Система, приходит в действие каждое звено. Сфера деятельности Джоша не исключение. Сейчас он участвует в раскрытии убийств сослуживцев, с которыми сталкивался каждый день лицом к лицу, но взаимодействовать по работе не имел счастья. Ясное дело, он ничего не знает о них и их роли в Системе! Кстати, мы пришли.

— Он участвует в расследовании из-за меня? — догадалась я и посмотрела в бездонные синие глаза Стэнли.

Он коротко кивнул после секунды раздумий.

— Присматривает за тобой, Эшли. Ты вмешиваешься в работу полиции, докапываешься до истины. Расследуешь дело, нити которого переплетаются с миром магов.

— Оно непосредственно связано с миром магов!

— Да, — выдохнул он. — Но полиция людей вмешалась, и отступить не собирается. Этот детектив....

— Брейнт?

— Да, он. Детектив Брейнт ломает стены между своим миром и нашим вместо того, чтобы прийти и попросить по доброй воле предоставить необходимые сведения по делу.

— А он может?

— Конечно! Это один из пунктов договора между людьми и Верховной Ведьмой о взаимном сотрудничестве. Но он избрал путь одиночки, который обрекает его на некоторые трудности в следствии. И, безусловно, не исключает неблагоприятный исход.

— Некоторые трудности — это....

— Отказ магов, фигурирующих в деле в качестве свидетелей или подозреваемых, сотрудничать со следствием. К слову, по договору, они имеют полное право на это, и магическое сообщество в лице Системы будет на их стороне.

— То есть, — рассуждала я, загибая пальцы на руке, — если Брейнт вычислит убийцу, но будет действовать не по договору, а по собственному плану, обходящему условия, прописанные в нем, Система защитит преступника?

— Да. Никто не говорит, что договор идеален, но он утвержден, и мы ничего не можем с этим поделать.

— В таком случае, чтобы преступник понес заслуженное наказание, мы должны помешать Брейнту, не дать докопаться до правды? Помешать его расследованию?

— Получается, что так, — кисло отозвался фамильяр.

— Я уже вставала у него на пути и оказалась в обезьяннике.

— А никто не говорил, что будет просто. Мы не раз сталкивались с упрямством Брейнта, не раз вставляли палки в колеса, путали следы. Служба охраны, во главе которой стою я, только и занимается тем, что мешает детективу делать свою работу. Он не первый,

были и другие. С кем-то удавалось договориться и работать параллельно, обмениваясь информацией, а с кем-то вроде него дело доходило до абсурда. Мы не можем позволить смертному рыться в наших архивах, допрашивать магов без особого на это права и вмешиваться в Систему. Брейнт уже давно стремится проникнуть в сердце нашего мира, но больше всего его интересуют бэлморты. Мы следим за ним. Следим за тем, чтобы он не узнал лишнего.

— Детектив обходит наши правила, — добавил Джош. — Ставит себя выше магов. Мы всецело за равенство между нашими народами, соблюдаем законы людей, а он ведет себя возмутительно и даже борзо.

— Это точно, — протянула я. — Но вот, что мне не понятно: почему меня не поставила на место Система? Я не состою в ней, являюсь, так сказать, простым гражданином магического сообщества, так по какой причине мне дозволено принимать участие в расследовании?

— Наш мир на данный момент терпит некоторые изменения, не зависящие от нас, — холодно произнес Стэнли, и его глаза блеснули синим светом. — Как следствие, не все службы и звенья в состоянии функционировать полноценно. Проще говоря, сейчас некому заниматься убийствами, что прискорбно, на мой взгляд, и непозволительно! Только по этой причине я закрываю глаза на твою деятельность и помогаю, как могу.

— Что за изменения? — спросила я, не особо рассчитывая на ответ. И оказалась права.

— Не думаю, что тебе необходимо это знать. Все, что касается гибели наших сотрудников и просто магов, я расскажу, будь уверена, но не более того.

Испытав горькое разочарование, я набрала воздуха в легкие глубоким вдохом. Ладно, тогда обойду с другой стороны.

— А что на счет бэлмортов? Они получают заказы именно здесь, я знаю. Что ты об этом скажешь, Стэнли? Данный вопрос касается расследования.

Стэнли возвел глаза к потолку, будто рассматривал его, слегка прищурился. Я ощутила его раздражение и усталость — натянутой струной задрожала его сила на коже. Остыв и удостоив меня взгляда, он тяжело вздохнул.

— Возможно, сейчас я открою тебе крайне неприятную истину, Эшли, — очень серьезный у него был вид, и голос под стать. Но я отчетливо слышала насмешку. — Бэлморты являются и всегда являлись частью Системы. Они — неотъемлемая часть мира магов. Так было всегда. А кого винить в том, что они отбились от рук? Видимо, их правителя. К сожалению, я не имею понятия, где и как его искать. Мы контролируем по мере возможности деятельность охотников, но чаще всего безуспешно. Если ты помнишь, бэлморты служили Верховной Ведьме в качестве палачей. Они истребляли магов, сошедших с ума или совершивших непозволительное преступление, то есть убили такого же мага, как они сами. Сейчас же, бэлморты живут своей жизнью и не подчиняются нашей владычице. А, может, и подчиняются — мне неизвестен сей аспект их жизни. Наша задача сдерживать их, оберегать народ. Остальное нас не касается.

— Хм....- только и смогла вымолвить я. Джош, стоявший справа, крикнул — похоже, он был ошарашен не меньше меня. — Они могут свободно разгуливать по Библиотеке?

Стэнли развел руками.

— Вполне. Я не в праве их задерживать и отправлять в темницу только потому, что они — бэлморты. Докажи, что один из них и кто конкретно является убийцей Саммер, Бишоу, Кеннета и Калеба, и я сделаю все, чтобы он понес наказание! У меня связаны руки, Эшли. Я

соблюдаю законы магического сообщества, законы Системы, а ты не входишь в число магов, состоящих в ней. Ты можешь их нарушать, в рамках разумного, безусловно. Джош тоже, но только в порядке исключения — слежу за ним сквозь пальцы. Я дал ему на это негласное право, и поэтому помогаю вам.

Повисла пауза. Я покосилась на Джоша. Он застыл, изредка поглядывая на Стэнли. Когда фамильяру надоело наше бестолковое молчание, он вздохнул и вернулся к стеллажу. Перебрав несколько папок, изъясил из ровной стопы одну в желтой блеклой обложке и, медленно поворачиваясь к нам, принялся листать.

— Майло Бенсон. Поступил в детский дом в возрасте двух месяцев отроду. Был обнаружен на пороге учреждения в плетеной корзине. Имя получил от работников. Продолжать?

— Да, — нетерпеливо прошептала я.

Стэнли удовлетворенно кивнул и продолжил читать вслух:

— За восемнадцать лет никаких особенностей в поведении не наблюдалось. Тихий, спокойный, ничем не отличительный мальчик.

— Его так и не взяли в семью?

— Нет. С наступлением совершеннолетия Майло покинул детский дом и поселился на улице Роз. Жилье предоставила Система.

— Это все? — спросила разочарованно я, когда Стэнли поднял на меня глаза.

— Да. За исключением того, что он оставался под наблюдением Саммер до момента ее смерти.

— Отлично, — плюнул раздраженно Джош. — А то, что он ребенок бэлморта или нет, где-нибудь значится?

— Безусловно, — Стэнли вновь вернулся к папке и принялся листать страницы, пока не нашел нужную:— в ходе наблюдений за ребенком было выяснено, что он вспыльчив. В состоянии гнева проявляется способность воспламенения....

— Это что еще? — насторожился Джош.

— А то, что случались произвольные возгорания, когда Майло злился. У него пылали ладони.

— Бэлморт, не ведающий о природе своего происхождения, — вслух подумала я. — Но рано или поздно он должен был узнать правду?!

— Возможно, от Саммер и узнал? — предположил Стэнли. — Хотя, по-хорошему, она не имела права раскрывать ему истину.

— Ее пытали перед смертью, — тихо отозвалась я. — И остается непонятным, почему никто, кроме меня не видел следов пыток....

— Существует множество магических зелий, при помощи которых можно скрыть что угодно.

— Но действие зелий рано или поздно заканчивается. Разве нет?

— На этот вопрос может ответить Вивиан, — произнес Джош, потирая задумчиво подбородок. — Ты говорила, он давал тебе зелье из ее лавки. Вероятно, он приобрел у нее сверхзапрещенное снадобье, действие которого вообще не развеивается?!

— Да, было дело. И я уже спрашивала у Вивиан — такого зелья не существует.

— И, между прочим, она является потенциальной жертвой. Они знают друг друга еще с приюта. Вот тебе и связь!

— А как на счет Бишоу, Кеннета и Калеба? — напомнила я.

Джош замер и перевел взгляд на Стэнли. Фамильяр изогнул бровь, да и только.

— Список магов, работавших с детским домом, будет у вас через несколько часов. А пока я над ним работаю, вы можете навестить Вивиан Моррис.

— А...- я открыла рот, чтобы возразить, но Стэнли остановил меня жестом руки.

— А Майло подождет. Будет лучше, если мы все выясним прежде, чем он догадается о нашей осведомленности и начнет действовать. У вас несколько часов. Постарайтесь уложиться до утра.

Джош довез меня до дома, чтобы я могла пересесть в свой автомобиль. Он остался с Мишель и Моникой на тот случай, если угроза вновь нависнет над домом. А я отправилась в бар — настал момент, когда помощь Лорелеи была мне крайне необходима.

Проезжая по проспекту, я смотрела на дорогу, не отвлекаясь на посторонние звуки и прохожих. Но все-таки кое-что заставило посмотреть в сторону, а именно — безмолвное моргание сигнальных огней полицейских машин. Перед домом из белого камня с пристроенным гаражом мелькали полицейские. Один из них натягивал оградительную желтую ленту, а еще двое сновали по территории. За забором столпились прохожие — чужое горе всегда притягивает взоры. Куда бы люди ни направлялись, какие бы дела их ни занимали, желтая лента и полицейские мигалки гораздо занимательнее. Потом будет, о чем поболтать с соседями и коллегами.

Двое полицейских сдерживали толпу, не подпуская к подъездной дорожке, пока их товарищ натягивал ленту. Известно, что любопытство не отбить тонким куском пластика, но раз так положено — надо делать. Я припарковалась у обочины и заглушила двигатель. Лента, ю окольцовывающая дом, колыхалась на ветру, и она меня тоже заинтриговала. Раньше, чтобы понять — отмечено здание темной магией смерти или нет, мне требовалось приблизиться к нему. А теперь я могла ощутить это, не выходя из машины. В чудесном доме из белого камня никто не умирал. В таком случае, что здесь забыли Лукас и Брейнт?

Пока шла к забору, я думала, что если бы была хоть немного умнее, то проехала мимо. Но нет, меня несли ноги быстрее, чем мозг успевал обрабатывать информацию. На волне любопытства немало глупостей совершенно мною за всю жизнь, но разве понимание этого хоть раз останавливало? Нет, конечно. Поэтому я энергично преодолела толпу зевак, растолкала копов, у которых от моей наглости и целеустремленности поползли глаза на лоб, а языки прилипли к небу, и направилась к Лукасу. Мелькнула мысль: нет ли здесь Бена, и взгляд уже выхватывал лица, вглядывался в силуэты. Нет, его здесь нет. К счастью.

Брейнт раздавал указания горстке экспертов в белых перчатках, и меня он не имел счастья заметить. А Лукас, напротив, повесил на лицо вежливо удивленное выражение. Он и не подозревал, что за мгновение на нем отразились все истинные чувства сразу — от приятной неожиданности до печали. И я их видела. Весело улыбнувшись, я остановилась перед ним, спрятав руки в карманы плаща.

— Привет.

— Привет, — эхом повторил он, осторожно рассматривая меня. Лукас хотел улыбнуться в ответ, но задетые чувства не позволили проявить слабость. Я же легкомысленно улыбалась. Мне больше не было его жаль, больше не вызывали трепета глаза, а при виде печально-холодного выражения лица не появлялось мысли подойти и поцеловать в щеку. Частичка меня, любившая его, умерла.

— Проезжала мимо и увидела....

— Сигнальные огни, — усмехнулся он.

Моя улыбка скисла. Если во мне больше не теплились чувства к нему, это не означало, что в душе Лукаса они тоже угасли. Он успел узнать мои привычки — они высечены болью на его сердце, что доказывала горечь в словах и блеск в глазах. Хотелось подстегнуть и отметить его прозорливость, но насмешка застряла в горле. Нет, я не настолько черствая и

жестокая, чтобы издеваться над человеком, с которым провела безоблачные годы. И не могу сказать, что мне было плохо с ним. Я тоже помнила. То, как он поправлял манжеты рубашки, когда ему неловко смотреть в глаза, то, как смотрел вдаль, когда хотел подшутить, наравне с привычкой загибать уголки страниц в книге, вместо закладки, чтобы не забыть, на каком месте остановился читать. Или как накручивал спагетти на вилку и не любил поджарки на пирогах. Память штука непростая — за один день не забываются особенности и ставшие привычными и родными повадки человека, с которым пережито несколько лет в близких отношениях. Черт, нужно говорить о чем-то, или во мне проснется совесть....

— Да.... Что-то случилось?

— Очередное ограбление. Пришлось подключиться, — будничным тоном произнес он, щурясь на солнце. Этот взгляд, морщинки возле глаз — еще пару дней назад я бы умилилась и растаяла. — В городе произошла серия краж, и копы не справляются. Приходится иногда приходиться на выручку.

— Серия краж? — переспросила я. — Приблизительно неделю назад мы встречались при похожих обстоятельствах....

— Да, — сухо отозвался он. — Оказывается, неделя может стать вечностью.

Поджав губы, Лукас посмотрел мне в глаза, намереваясь задеть или упрекнуть, но я ответила вежливой улыбкой.

— Вы уже выяснили, что объединяет все эти ограбления? В них есть что-то особенное?

— Во всех домах стояли поддельные охранные сигнализации магического происхождения.

— Любопытно. Выходит, почерк один и тот же. Все, как неделю назад, а вы до сих пор не вычислили преступников?

— Я надеялся, что ты можешь помочь мне с расследованием, — иронично предположил он, возведя глаза к небу. — Прольешь свет на некоторые моменты и особенности жизни магов.

— Какие именно? — настороженно спросила я.

Лукас посмотрел на меня, очень серьезно и внимательно.

— Я подумал, может, кто-то из твоих знакомых мог бы промышлять этим.... Нечестный знакомый.

То, как он произнес последние слова, зацепило меня — надменно, свысока, холодно.... Не могу точно передать, в тот миг Лукас, до противного, походил на Брейнта. Внутри меня дрогнула злость — одна из разновидностей расизма проявилась у Лукаса, нелюбовь к магам, отрицание равенства в правах. Привилегия его напарника. Магоненавистник, Брейнт презирал наш народ, что проявлялось во всем, что он делал и говорил. И, судя по всему, эта штука заразная. А, может, всему виной я?

— У меня нет таких знакомых, — так же холодно ответила я, посмотрев на него в упор. — Маги продают фальшивую магию? Это бессмыслица какая-то, Лукас.

Развернувшись на каблуках, я двинулась к своему автомобилю, но он поймал меня за руку чуть выше локтя. Я остановилась, обернувшись через плечо, и мой взгляд Лукасу не понравился. Мне удалось его смутить. Он, извиняясь, улыбнулся, но не сумел смягчить меня.

— Я не хотел....

— Хотел, — перебила я. — И у тебя получилось.

Одернув руку, я быстрым шагом удалилась, чувствуя его колючий, уязвленный взгляд между лопаток.

Сев за руль автомобиля, я отправилась на пирс. Солнце уже садилось, и через несколько минут Лорелея выйдет на сушу. Я ехала не просто повидаться с подругой — мне была необходима ее помощь. Стэнли сказал, что в лес Грейтхем можно войти, одолев фантомов, а они отступают лишь перед несвойственной им силой. Магия русалки им незнакома. Оставалось надеяться, что она согласится.

Джош томился в ожидании Тома у меня дома. Фамильяры ему в помощь! Да, Стэнли дал слово, что его пернатая армия в нашем, пусть не полном, но распоряжении. Стоило призвать, и на выручку прилетят все, кто находится поблизости. Пустячок, а приятно.

До наступления ночи оставалось минут двадцать, когда я подъезжала к пирсу. Почему я отправилась к Вивиан, когда подозреваемый еще на свободе? Разве мы не должны его обезвредить, пока он не совершил очередное убийство? Что, если следующая жертва вовсе не Вивиан Моррис?

На последней мысли я резко развернула машину, благо дорога оказалась пустой, и вдавила педаль газа в пол. Джош будет рвать на голове волосы, Стэнли тоже вряд ли понравится, но я гнала машину обратно. Придется идти одной, но иных вариантов у меня нет.

Глава 43 (продолжение)

Бросив машину на соседней улице, я прошла пешком до дома Майло и остановилась на углу. Звездное ночное небо покрывалом застилало город. Я вглядывалась во тьму, но не замечала ничего подозрительного. Если Том вернулся, то где-то притаился. Я не видела и не чувствовала его. Было бы, мягко говоря, досадно нарваться на бэлморта в столь неподходящий момент. И чтобы этого не произошло, надо действовать очень тихо.

Просто так позвонить в дверь и напроситься в гости? Или разбить коленку и вызвать жалость? Оглядевшись и удостоверившись, что улица пуста, а из окон не торчат любопытные физиономии соседей, я с силой ударила коленкой об забор. Честно говоря, самой себя калечить — дело не из легких. Боишься нанести травму по-настоящему, не прикладываешь должных усилий, ведь больно себе, любимой! Забор не жалко, а вот коленку.... Стиснув зубы, я снова ударила забор и еще раз — трех ударов оказалось вполне достаточно, чтобы ободрать ногу до необходимой степени. Дальше по моему плану Майло должен пожалеть меня, неуклюжую, и пригласить в дом.

Прихрамывая, я шла мимо жилища Майло. Притворяться не пришлось, ведь нога действительно болела. Остановившись демонстративно перед калиткой, я томно вздохнула и шлепнулась на дорогу. Пришлось с минуту простонать, привлекая внимание соседа, но не напрасно. Майло открыл осторожно дверь и выбежал на улицу.

— Эшли, ты в порядке?

— Все нормально, Майло, — ответила я, театрально постанывая и озираясь по сторонам. Никто не должен нас слышать. — Ничего не обычного. Ты же знаешь, какая я неуклюжая! Сейчас поднимусь и поковыляю домой.

Сосед направился к калитке, выглядывая поверх забора.

— Может, я могу тебе помочь?

— Ну, не знаю.... А у тебя осталось зелье? — с сомнением протянула я.

— Конечно! — сосед подбежал ко мне. Протянув ладонь, робко улыбнулся. И как он может быть хладнокровным убийцей, ума не приложу!

Я подала ему руку, так же скромно улыбнувшись. Помогая подниматься, он причитал:

— Тебе нельзя ходить по улицам одной. С такими-то умениями.

— Кто же спорит, — брякнула я себе под нос.

Оказавшись в доме, Майло закрыл входную дверь и включил свет. Доведя меня до стула, усадил на него и скрылся в своей захлавленной мастерской. Долго гремел дверцами и стеклянными пузырьками. И вынырнул из проема, сияющий от счастья.

— Я нашел! — сообщил он, повертев в руках стекляшкой с зельем. Я растянула губы в улыбке, потирая собственноручно ушибленную коленку. Пока сосед колдовал над ней, прикладывал ватный тампон и поливал волшебным снадобьем, я обдумывала, с чего начать разговор.

— Ну, вот!

Обработка травмы прошла успешно, и ободранный кожа на глазах подсохла и затянулась. Маленький рубец, который через минуту исчезнет, будто бы и не было его вовсе.

— Хочешь горячего шоколада? Сам сварил!

— Лучше чаю, — улыбнулась я, вспомнив омерзительный вкус его любимого напитка. Если бы он предложил покупной полуфабрикат, я бы еще согласилась.

— Хорошо, — обрадовался Майло и помчался на кухню.

Кусая губы, я нервно перебирала руками край скатерти. Что делать, если он придет в ярость и начнет плевать огнем? Впрочем, я сладила с Беном, справилась с Томом — Майло не должен оказаться сильнее. В любом случае, через несколько минут узнаем.

Вернувшись в комнату с двумя дымящимися чашками, Майло поставил их на стол и сел напротив меня. Я смотрела на его открытую улыбку, заглядывала в бесхитростные глаза и сомневалась. Черт, либо он непревзойденный лгун, либо не имел ни малейшего отношения к убийствам. Как быть?

— Ты хорошо знал Саммер, Майло? — спросила я, отпивая из чашки. Чай оказался на вкус не многим лучше горячего шоколада, но терпимее.

Сосед чуть заметно смутился. Не ожидал вопроса?

— Достаточно хорошо, чтобы ее смерть стала для меня трагедией.

— Вы дружили?

— Не так чтобы...- запнувшись, он вздохнул и отпил из чашки. Отстраненный взгляд, вытянувшееся от удивления лицо — я не чувствовала ненависти в нем. Он исподлобья посмотрел на меня, темные волосы занавесом упали на лицо, закрыв лоб и глаза. Они поблескивали, но не гневом — настороженностью. — А почему ты спрашиваешь?

— Ее убийство еще не раскрыто. Ты не думал, кому была выгодна ее смерть?

— Мы уже разговаривали об этом, — Майло напрягся и крепко сжал чашку.

— Идет расследование. Сейчас проверяют всех, кто был связан с Саммер. В частности детей, которые были под ее опекой.

— На что ты намекаешь? — в голосе Майло прозвучала ледяная нотка, которую прежде я не слышала. Он больше не казался милым и неловким. Взгляд посуровел, на лице заходили желваки, голос понизился до жгучего шепота. Черт, он и, правда, притворился....

— Только на то, — разворачиваясь лицом к нему, я отодвинула чашку от края стола, — что ты в числе подозреваемых, Майло.

— Ты тоже меня подозреваешь?

— Если бы подозревала, то не пришла бы. Сам посуди: зачем мне подвергать свою жизнь опасности?

— Ты только этим и занимаешься, — прищурившись, сказал он. Из-под маски тихого парня выглянул бэлморт с притягательными чертами лица, глубоким темным взглядом, в котором плескалась пугающая тьма. — Думаешь, раз я не такой, как все, то тоже ничего не замечаю?

— Как давно ты понял, что не такой, как все?

Майло медленно склонил голову набок с совершенно несвойственным для него выражением. Ощущение необычности было настолько сильным, что у меня мурашки поползли по коже. Он буравил меня глазами. Я видела в них магию — она трепетала, извивалась белыми искрами. Воздух затрещал, становилось жарко, футболка прилипла к спине. Во рту пересохло от волнения, я боялась пошевелиться. А когда лампы над головой замигали, невольно вздрогнула.

— Ты знаешь, кто я? — сквозь зубы, процедил сосед.

Я медленно кивнула. Он больше не играл — открыто смотрел на меня глазами, в которых мерцал обжигающий холод. Усмехнувшись, Майло опустил взгляд.

— Откуда?

— В ходе расследования всплыли некоторые детали. Ты еще в детстве понял, что

являешься бэлмортом?

— Если кто-то из моих родителей был монстром, это не значит, что и я монстр. Не нужно ставить мне в вину мое происхождение.

— Никто не ставит, Майло. Я лично знаю одного бэлморта, и он не такой, как рассказывается в наших легендах.

Он посмотрел на меня исподлобья, и мне стало не по себе.

— Он не убивает за деньги?

— Больше нет.

— А что его остановило?

— Я, — я вспомнила о чашке с чаем, но не осмелилась потянуться к ней. Бэлморт бэлморту рознь. Кто знает, как себя поведет этот скромник Майло. — Оказалось, что я — его искупление.

— И где он сейчас?

— Не знаю, — честно ответила я.

— И почему ты думаешь, что он изменился?

— Я ему верю. Как и тебе хочу верить. Скажи мне правду, Майло: ты убивал Саммер?

Кажется, я и договорить не успела — стол, за которым сидела, взметнулся в воздух и вылетел в окно. Майло оказался на ногах раньше, чем я успела отпрыгнуть в сторону. Обычно сосед казался ниже своего роста, как-то он робел и ёжился. Но сейчас вид у него был уверенный в себе. Совершенно другой парень, стройный и складный, мне не знакомый. Его кулаки пылали огнем, как и глаза, которые горели неприкрытой яростью. Он шел на меня, пока я пятилась к стене и проклинала себя за неугомонность. Ну почему не поехала в лес к Вивиан? Почему ослушалась Стэнли?

— Много лет я скрывал свою сущность, боролся с ней и ненавидел, — низким, шипящим голосом заговорил он, продолжая медленно надвигаться. — Темная сторона моей души, из-за которой я избрал путь одиночки. Был вынужден притворяться и вызывать у людей жалость, чтобы войти в доверие, и проклинал себя за это. Ведь бэлморты так и поступают. Разве нет? Они лгут и втираются в жизнь человека, а потом убивают его. Чем я лучше? А тем, что я никогда и никого не убивал. И спасибо Саммер — только она видела во мне светлую сторону! А ты спрашиваешь, убивал ли я ее?!

Оказавшись рядом, Майло склонил голову, чтобы видеть мои глаза. Его сила обжигала кожу, словно я стояла у открытой печи. Лицо его было пусто, красиво, непроницаемо. Лишь в глазах плясал ледяной гнев, подсвеченный магией. Его ладони оказались в опасной близости — я прижалась к стене. Шрам на шее зашипело, как напоминание о недавней боли. Я зашипела сквозь стиснутые зубы и озадачила своим поведением Майло. Он замер, удивленно прищурился, когда моя рука сама собой потянулась к ожогу.

— Она дала мне работу, — громко произнес он и ударил правым кулаком в стену около моего лица.

Я даже не моргнула — стояла и смотрела на соседа, которого видела словно впервые. Майло не был убийцей, хоть и легко приходил в бешенство. Знала бы его ближе, этого разговора можно было избежать.

— Мы с ней хотели изменить мир к лучшему, а теперь я остался один.

— Каким образом?

— Саммер разоблачала мошенников, приторговывающих поддельными оберегами и зельями. И помогал ей в этом я.

— Она приносила тебе их?

— Да, или люди. Приносили неисправные игрушки, купленные с рук. Саммер пыталась доказать, что ограбления в городе — дело рук мошенников, сбывающих именно эти подделки наивным смертным. Они не могут отличить настоящий оберег от пластиковой дешевки. И когда дело пошло в гору, эти, с позволения сказать, кудесники замахнулись на охранную сигнализацию. Людская жадность преобладает над разумом. Из-за незначительной разницы в цене они покупают безделицы, а мошенники проникают в их жилища и обчищают. А все потому, что настоящие, заговоренные обереги стоят чуть дороже!

— Так вот откуда в ее доме столько барахла... — Мне стало ясно, почему охранная сигнализация — единственное волшебное средство, способное остановить бэлморттов. Как бэлморт может убить бэлморта, так и воздействовать на него можно его же магией. Ее изготавливал и устанавливал Майло. Гениально! — И что вы делали? Как обличали негодяев?

— Мелкие сошки быстро кололись. Но те, что сейчас промышляют в городе, хорошо поставили дело. Их магазинчик переезжает с места на место и постоянно меняет название. Он может быть где угодно. Они притаились около одного из домов и выносят золото и другие ценные вещи. А все потому, что Саммер больше нет.

— А как же булочная?

— Всего лишь прикрытие.

Я внимательно посмотрела на Майло. Чем дольше он отвечал мне прямым взглядом, тем заметнее в нем стихала магия. Тьма и гнев ускользали, дышать стало легче, и кожа не плавилась от его силы. Он медленно отпустил руку и разжал пальцы, сквозь которые еще мгновение назад вырывались языки магического пламени. Смутившись, Майло отвернулся и шагнул прочь от меня.

— Майло, — тихо позвала я, и сосед посмотрел на меня через плечо. — Расскажи мне. Кеннет, Бишоу и Калев вместе с вами разоблачали шарлатанов?

Он мотнул головой.

— Нет. Не имею понятия, чем они занимались.

— Когда ты был в детском доме, они подыскивали детям семьи.

— Что-то припоминаю, — Майло нахмурился.

— Почему тебе не нашли?

— Я сам не хотел, был слишком привязан к Саммер. Она заменила мне мать.

— Я думала... Она же ненамного тебя старше?!

— Разница в возрасте незначительная, но наши отношения не имели романтического характера. И предугадывая твой дальнейший вопрос, отвечу — у нее не было мужчины. Она целиком и полностью отдавалась нашему общему делу.

— Как же так?! — я прошла к стулу и опустилась на него. В стене темнела обгорелая вмятина, стол вместе с чаем вылетел в окно, из которого в комнату задувал прохладный ночной ветер. — Где связь между их смертями?

Майло бесцельно бродил по комнате, несколько раз измерил ее широкими шагами, а потом остановился напротив меня с задумчивым видом.

— Ты никому не расскажешь про меня?

— И в мыслях не было, Майло. Ты сможешь разыскать мошенников, чистящих дома?

— Конечно.

— Я постараюсь поспособствовать, чтобы тебя взяли на подмогу полиции. Тогда ты не

останешься без дела, Майло. Но мне нужны ответы на вопросы, которые ты, вероятно, знаешь. Откуда у тебя зелья? Вивиан продает?

— Я несколько раз ходил с Саммер в ее лавку, а потом один стал захаживать. И Вивиан спокойно продавала мне их, хотя я понимаю — они запрещенные.

— Что ты говоришь....- задумчиво произнесла я. — А она не имела отношения к детским домам?

— Мы росли вместе. Понятия не имею, удочерили ее или нет, ведь я покинул приют задолго до того, как он сгорел.

— Сгорел? — переспросила я, чувствуя, что по спине пробежал холодок. — Я слышала, что его просто бросили.

— Нет, там произошел несчастный случай. Я — не единственный ребенок, рожденный от бэлморта. Нас таких было много. Не каждый способен подавить в себе магию....

— Значит, сгорел? Ты уверен?

— Да, абсолютно уверен. А кто тебе сказал, что его бросили?

— Да так.... Я уже и не помню, — а про себя подумала: какая же я дура, что не просмотрела личные дела каждого ребенка из детского дома!

— Странно....- пробормотал Майло.

— Как думаешь, Вивиан могла быть рождена от бэлморта?

— Я не задумывался. По крайней мере, никогда не замечал за ней ничего, характерного бэлмортам.

— Ясно, — вздохнула я. — Я наткнулась в приюте на инициалы «М.Б.», вырезанные на спинке кровати....

Он нахмурился, пробежался недоумевающим взглядом по комнате.

Не припоминаю, чтобы оставлял их. Меня часто переселяли из спальни в спальню из-за горячего нрава, — он невесело усмехнулся.

— Думаю, мне пора, Майло, — улыбнувшись, проговорила я и поднялась со стула. — Надо еще кое-что успеть сделать сегодня.

— Наведаться к другому подозреваемому? — он тихо рассмеялся, но улыбка до глаз не дошла.

Я посмотрела на него.

— Да. Я с самого начала собиралась туда, но решила проведать тебя. Прости, если что.

Когда я выходила из дома Майло, зазвонил мобильник. Напряженно осматриваясь, я зажала его ладонью — только бы никто не услышал! Том мог оказаться поблизости, и малейший шум привлечет его внимание. Перебежав улицу и добравшись до машины, я достала телефон из кармана. Из динамика донесся встревоженный голос Джоша:

— Эшли, звонил Стэнли. Он составил списки, и оказалось, Вивиан Моррис никогда не работала с детскими домами. После выхода из приюта, она открыла собственную лавку.

— Я знаю, Джош. Она приторговывала запрещенными зельями, и Саммер хотела сдать ее.

— Откуда ты....

— Только что рассказал Майло, — буднично отозвалась я, заводя двигатель и отъезжая от обочины.

— Какого черта, Эшли?! — взревел он так, что пришлось убрать аппарат от уха. — Стэнли велел сразу ехать к Вивиан, не трогать Майло!

— Знаешь, о чем я подумала, Джош? — игнорируя его вопли, я рассуждала вслух. — Детям давали имена работники детского дома. Что, если был еще один М.Б.? Но сейчас его зовут совершенно по-другому? И я не обратила внимания на инициалы, потому что попросту не знаю их? Приемные родители могли дать ребенку другое имя.

— Значит, придется пройтись по всему списку, — сменил гнев на милость Джош и тяжело вздохнул. — А как же Вивиан?

— Сейчас еду к ней. И еще. Детский дом сгорел. Никто его не бросал.

— Черт. Там могли погибнуть люди.

— Почему Стэнли не упомянул об этом?

— Он упомянул бы, если бы были сведения о пожаре.

— Выходит, их нет?!

— Похоже на то. Я поговорю с ним снова, а ты будь осторожнее. Отбой.

— Отбой, — вздохнула я, нажав кнопку сброса вызова, и убрала телефон в карман плаща. Сейчас уговорю Лорелею оказать мне помощь и покачу в темный, кишачий фантомами, лес допрашивать древнюю ведьму. Какой насыщенный вечер выдался!

К закату я не успела — Лорелея уже скользила между столиками в баре. Изящной походкой обходила посетителей, которые бросали ей в след восхищенные взгляды. В этот поздний час заведение было до краев наполнено веселым людом, так что я с трудом протолкнулась в зал.

Запах табака и алкоголя сбили мои осязательные настройки, но через пару минут я привыкла к характерной для бара атмосфере. Музыка, громкий смех и звон бьющихся бокалов и бутылок. Белокурая девушка с невероятными глазами никак не вписывалась в местный интерьер, но чувствовала себя, как рыба в воде. Нагнав Лорелею, я коснулась ее локтя. Русалка обернулась, одарив меня обворожительной улыбкой.

— Привет, Эшли! Я успела соскучиться по тебе.

— Я тоже, моя дорогая, — улыбнувшись, я потянула ее на себя. — Мне необходима твоя помощь. Срочно.

Русалка погрустнела.

— Но у меня рабочий день в разгаре...

— Придумай что-нибудь! Хотя... Знаешь, я не стану тебя вовлекать. Просто знай, дело опасное, возможно крайне опасное, и мне без тебя не справиться. Но если у тебя не получится, то я не обижусь.

Лорелея задумалась, взмахнув длинными густыми ресницами. Удочка закинута. Сыграю на ее любопытстве и тяге к приключениям. Не думаю, что участие в мероприятии может навредить русалке, но я должна была предупредить. Возможно, Мишель права, и я не учитывала чувства людей, когда втягивала их в свои авантюры... Но Лорелея — взрослая девочка и сама должна решить, как ей поступить и что выбрать.

— Я постараюсь быстрее управиться, — тихо пообещала она и убежала с подносом на кухню, оставив за собой шлейф из приятного, легкого аромата.

Выдохнув, я огляделась и заметила почти сразу мужчину в черной толстовке за дальним столиком. Странник. Давно я хотела с ним повидаться!

— Доброй ночи, Странник, — я присела на стул перед мужчиной в капюшоне. Кажется, он усмехнулся — по коже пробежала щекочущая дрожь.

— Здравствуй, Эшли. Давно тебя не заносило в наши края.

— Погрязла в расследовании. Сам понимаешь, как это бывает, — я скривилась, складывая руки перед собой.

— Закажешь что-нибудь?

— Нет, у меня мало времени.

Он хмыкнул:

— Очередная зацепка?

— Я чувствую, что близка к разгадке. Но шарю, будто вслепую, в темноте ищу нити, — задумчиво произнесла я, разглядывая свой маникюр. — Много до сих пор остается непонятным.

— Что тебе не понятно, Эшли? Расскажи, что узнала. Может, я, как и прежде, натолкну тебя на нужную мысль.

— Мне стало известно, что все погибшие маги когда-то работали с детьми из детского дома, пристраивали их в семьи, — начала рассказ я. — Также я узнала, что он сгорел в результате несчастного случая. Ты не слышал ничего об этом?

Странник затаился и выпустил в воздух кольцо дыма. Наблюдая за его полетом, тихо заговорил:

— Возможно, но пролить свет на подробности вряд ли смогу.

— А на что сможешь?

— В детском доме в ни чем не приметный день случился пожар. Что послужило виной тому, какие события предшествовали — мне неизвестно. Впрочем, как и его работникам. Они похватили детей и покинули здание, после чего никто не слышал о них. Всех, кто трудился там, распустили. Кому-то повезло остаться в Системе и послужить магическому народу в иной сфере, а кто-то попросту остался без работы или сам отказался от предложенной должности.

— Откуда тебе это известно?

— Знаешь художника Люцио? Он любит шпионить за соседями, разносить подробности криминальных происшествий и лезть не в свое дело, а потом трепать об этом в пьяном угаре бармену, — Странник небрежно указал пальцем мне за спину, и я обернулась. За стойкой, благодушно улыбаясь посетителям, разливал по стопкам горячительные напитки хозяин бара Джереми.

Я вновь повернулась лицом к Страннику и склонила голову, вглядываясь во тьму под капюшоном.

— Имен он не называл?

— Если и называл, то я не вспомню сейчас. А кто тебя конкретно интересует?

— Я достала список из имен детей, живших там, и узнала, что мой сосед Майло является ребенком бэлморта. Разумеется, я первым делом понеслась к нему выяснять, за что он убил Саммер....

Странник поперхнулся дымом, а когда откашлялся, глухо спросил:

— Почему он должен был убивать Саммер? А, подожди, — он вытянул руку вперед, не дав мне заговорить, — дай угадаю! Ты решила, раз имя знакомое, то преступник именно тот маг, кому оно принадлежит?

— Хм.... Да, вероятно, я в тот момент так и решила. Из твоих уст это звучит как-то особенно нелепо, — разочарованно протянула я. — Но я осознала свою ошибку, хоть и поздно, да и беседа с Майло не оказалась бесполезной.

— Он поведал тебе что-то новое?

— Сказал, что детский дом сгорел, а Саммер заменила ему мать.

— И все?

— Да.

Странник тихо рассмеялся, затушив сигарету об дно пепельницы.

— Ты не должна отталкиваться от знакомых имен или связей между магами, какими бы они не были — дружескими или романтическими. Нет очевидной связи — это не значит, что нет мотива у убийцы.

— Я понимаю.

— Ты выяснила только то, что многие годы назад убитых магов объединяла служба в детском доме? — спросил Странник, прикурив очередную сигарету, и в голосе прозвучала надменная нотка. — Столько дней потрачено впустую?!

— Напомни-ка, когда ты успел стать моим непосредственным начальником? Что за тон, Странник? Может, еще и премиальных лишишь?!

Уверена, после этих слов у него от изумления брови на лоб полезли.

— Ты обязалась распутать этот кровавый клубок, Эшли. Ввязалась в расследование, взяла на себя ответственность за жизни последующих жертв, если таковые будут, разумеется. И топчешься на месте, пока сквозь пальцы утекает драгоценное время, улики остывают, а убийца пакует чемоданы. Назвалась груздем — полезай в кузов!

— Откуда столько страсти? — удивилась я и откинулась на спинку стула. — Не знала, что чужие судьбы тебя так трогают, Странник.

— Мне абсолютно наплевать, — выдыхая струю дыма, равнодушно бросил он. — Я не понимаю, зачем тебе все это. К гибели твоих родителей убийства, случившиеся в городе, не имеют никакого отношения. Так чего ты хочешь, Эшли? Помешать полиции раскрыть их? Встать на пути у фамильяров? Маги, которых ты знала, мертвы, и им уже все равно.

— Да, мертвы, — задумчиво повторила я. — Но тот, кто забрал их жизни и силу, все еще жив.

Я достала из кармана плаща список с именами и развернула его. Вчитываясь в строчки, беззвучно шевелила губами, проговаривая каждое слово. На одном из имен я споткнулась и несколько раз повторила — что-то вздрагивало в груди, когда я читала его вновь и вновь. Но оно казалось незнакомым....

— Что ты делаешь? — голос Странника был беспристрастен.

— Ищу. Ты знал, что бэлморты являются такими же гражданами магического народа и частью Системы, как и обычные маги?

Подняв голову, я внимательно взглянула на Странника. Он секунду пребывал в раздумьях.

— Этого следовало ожидать.

— Чего именно?

— Того, что они относятся к Системе. Вполне логично, мне кажется.

— Они открыто передвигаются по Библиотеке, там же получают заказы. И все это на глазах у фамильяров.

— К чему ты клонишь, Эшли?

Мне удалось его заинтересовать. Странник подался вперед и сложил руки на столе, переключая сигарету из одной в другую. Он крутил ее между пальцами, а взгляд был прикован ко мне — я чувствовала его тяжесть.

— Меня натолкнул на мысль Майло, мой сосед. Прежде я думала, что убийц было двое: первый из них заказчик, а второй — бэлморт. Теперь я понимаю, что за всем стоял один маг, он же темный по происхождению.

— И что тебе это дает?

— А то, — с улыбкой сказала я, — что он или она всегда маячил перед моим носом. И часто бывал в Библиотеке, потому что этого требовала служба. Ты случайно не в курсе, у бэлмортов исключительно мальчики рождаются, или девочки тоже бывают?

— Полагаю, что бэлморт — не половой признак, — с иронией протянул Странник. — Посвятишь в свои догадки?

— Я вспомнила фото, которое обнаружила в детском доме. На нем были дети — замечательные мальчики и девочки, брошенные глупыми, перепуганными ответственностью, родителями. Они не понимали, какого счастья лишились, когда отказались от своих крох....

Странник расхохотался, и по коже побежали мурашки. Так всегда бывало, когда он смеялся. И я не могла объяснить — почему.

— Да уж, действительно не понимали! Миленькие спиногрызы! Один из них, между прочим, по твоей теории жестокий убийца, забыла?

— Возможно, потому он или она таким и стал. Никогда не знал материнской любви, — я печально вздохнула.

— Без сентиментальностей, пожалуйста, — хмыкнул Странник, затушив сигарету.

— Да, действительно, — опомнилась я и достала мобильный телефон из кармана плаща. — Мне пора.

— Куда-то собираешься?

— В лес Грейтхем.

— Только не говори, что Лорелею потянешь за собой, — выдыхая облако табачного дыма, предостерег меня Странник.

Я мило улыбнулась.

— Пошли со мной вместо нее. Тебе будет любопытно, полагаю. Мы оба получим массу новых впечатлений.

— Нет, я не воин и не самоубийца. Предпочитаю размеренный образ жизни.

— Ну, тогда продолжай зарабатывать рак легких, сидя в этом пропахшем перегаром и

никотином сараюшке! А нас тянет на природу.

— С каких пор ты стала любительницей природы?

— С недавних. Еще не успела привыкнуть, поэтому побаиваюсь прогуливаться в одиночку. — В помещении стало душно, футболка прилипла к спине. Поерзав на стуле, я потеревшила ворот плаща и огляделась, высматривая Лорелею.

— Что с твоей шеей? — как бы без интереса спросил Странник. Я повернулась к нему, и нахмурилась, будто не расслышала вопроса. — Кто автограф оставил?

— А, ты про это?! — усмехнувшись, я поправила ворот плаща, пряча след от ожога в форме ладони. — Меня заказали.

— Кто? — он любопытно склонил голову набок, и слова прозвучали резко и быстро. Я чуть не вздрогнула.

— Верховная Ведьма.

— Ерунда. — Странник вдруг затушил сигарету. — С последней нашей встречи ты изменилась, Эшли.

— Да, ну? Может, это потому что меня пытались убить или из-за видений, всплывающих перед глазами, когда им заблагорассудится?!

— О каких видениях ты говоришь? Я думал, тебя тревожат голоса в голове, а тут еще и видения! Смахивает на опухоль мозга.

— Отомстил, поздравляю! — я просияла. Но заговорила уже совершенно серьезно:- Я вижу воспоминания Линетт. Иногда утомляет, высасывает силы и выбивает из реального мира. Я часто вижу силуэт мужчины, с которым они по большей части ссорятся. Но я чувствую то же, что она, и знаю — она его любила.

— Она никогда не говорила тебе о нем?

— Нет. И теперь мне действительно пора.

С последними словами я набрала номер Джоша и поднялась из-за стола.

— Джош, мне нужно срочно поговорить со Стэнли.... Ну, или ты с ним созвонись, но только прямо сейчас! — закрыв ладонью динамик, я обернулась к Страннику и прошептала:- До встречи.

Глава 44 (продолжение)

Лорелея ждала меня у выхода, но я уже решила, что смогу обойтись без ее помощи. Однако, потянула за собой на улицу, не отнимая телефона от уха. В коротеньком белом летнем платье из воздушной ткани с вышивкой она выглядела особенно мило. Если не знать, сколько Лорелее на самом деле лет, может показаться, что это милое создание — юная невинная девушка.

— Пусть просмотрит записи Мэриона.... Это мой сосед, он работает там статистом. Мне нужно знать, как часто в архив заходила Вивиан Моррис. И сразу отзовись. Я направляюсь к ней домой.

Не дойдя до выхода нескольких шагов, я остановилась между столиками. Перед глазами вдруг поплыло, темные густые волны света, словно я смотрела сквозь бутылочное стекло. Тело стало невероятно легким, будто и не моим вовсе, невесомым. Я не чувствовала ни рук, ни ног, ничего. Миг спустя беззвучно вздрогнули стены, и с потолка посыпалась побелка — на посетителей, на столики, в бокалы с пивом, но никто кроме меня не видел этого. И тогда по спине пронесся холодок. Тонкая ледяная струйка страха скользнула меж лопаток. Рефлекторно передернув плечами, я сглотнула — в горле пересохло. Нажав отбой, медленно обернулась. Я знала, куда нужно смотреть, чувствовала, где сосредоточилась магия. Каждым волоском на коже, каждой клеточкой своей сущности. Сделала шаг вправо, чтобы заглянуть в узкий проход в туалет. Тусклая лампа освещала лишь часть тесного пространства, но этого оказалось достаточно. Темный силуэт крепкого мужчины в коротком пальто. Он держал руки в карманах, как всегда. Я разглядела знакомое лицо, узнала гладко выбритую голову, как бы он не втягивал шею, прячась за воротником-стойкой. Хотя, думаю, он не прятался, а наблюдал за мной исподлобья. Мы встретились взглядами на долю секунды, и мужчина шагнул в сторону туалета, скрывшись из виду. В груди сжималась магия, пока я решала, как поступить. Последовать за ним соблазн был велик, но меня уже ждала Лорелея, а я не могла подвести подругу. В то же время ощущение присутствия бэлморта переполняло силой. Она поднималась из глубин тела — щекочущая, бурлящая, опьяняющая. Я чувствовала ее покалыванием в кончиках пальцев, тяжелым нематериальным шаром энергии в груди, холодными брызгами вокруг себя. От меня исходило мерцание, как и от кулона, дрожащего на тонкой цепочке. На миг я испугалась, что кто-то увидит, но пробежав глазами по лицам людей, сидевших за столиками, поняла — бояться нечего. Сжав кулаки, я попыталась подавить в себе пробудившуюся силу, отозвавшуюся на темную магию бэлморта. Пусть уходит. Сейчас есть дела гораздо важнее.

Наваждение исчезло так же быстро, как и возникло. В глазах прояснилось, я снова чувствовала свое тело и свободно дышала. Развернувшись на каблуках, решительно направилась к выходу, бросив мимолетный взгляд через плечо в сторону столика, за которым сидел Странник. И чуть не врезалась в дверь — его там не было. Подавив в себе очередной всплеск магии и адреналина, я взялась за дверную ручку и вышла на свежий воздух.

Наслаждаясь ощущением того, как кислород заполняет легкие, я перебежала дорогу, пустую, как обычно в этот поздний час. И только сейчас обнаружила, что сжимаю телефон в руке. Спрятав его в карман, закуталась в плащ и облегченно выдохнула — Лорелея ждала меня у машины.

— Ты можешь остаться здесь и не рисковать жизнью.

Виновато улыбнувшись, я обошла авто, но русалка догнала меня. Поймав за руку, развернула к себе лицом.

— Ты отправишься одна разоблачать убийцу?

— Я не должна тебя втягивать, но в баре бэлморт. Честно говоря, не знаю, где тебе будет находиться безопаснее.... Со мной в темном лесу, наштигованном магическими тварями, или на работе?!

Округлив глаза, русалка моргнула, взмахнув длинными ресницами.

— Откуда ты знаешь? — едва различимым шепотом спросила она, и я поняла, что речь идет о бэлморте.

— С недавних пор я чувствую их присутствие. А, возможно, всегда чувствовала, но не осознавала этого, — я открывала дверцу. Лорелея поспешила сесть с другой стороны. Когда мерно загудел двигатель, я поерзала на сидении, удобнее в нем располагаясь. Лорелея следила за мной внимательным, вопрошающим взглядом, пристегивая ремень безопасности.

— А сейчас что ты чувствуешь?

— Опустошенность. Когда бэлморт скрывается с глаз долой, я ощущаю легкую рассеянность, будто что-то потеряла, но не могу понять, что именно. Неприятное чувство....

— Впервые слышу о таком, — пробормотала Лорелея.

Посмотрев на нее, я улыбнулась уголками рта и положила руки на руль.

— А что с твоей шеей?

— Заработала в драке с бэлмортом. Уже не болит, — усмехнулась я и посмотрела на подругу. — Ну, что? Вперед, за приключениями?

Русалка наморщила красивый носик и сложила руки на груди. Тихо засмеявшись, я нажала на газ.

Чтобы попасть в лес Грейтхем, пришлось свернуть на центральный проспект, сделать огромный крюк, а потом выехать на набережную. Северная часть города — район Вижн — исключительно для людей с толстым кошельком. Здесь дома эксклюзивной архитектуры и ландшафтным дизайном, дорогие автомобили в гаражах и бассейны с перспективой. С одной стороны живописный парк, а с другой — чистейшее озеро. Чтобы попасть в Вижн, нужно пересечь город и миновать мост, извивающийся змеей над озером Олха. Мост являлся примером мастерства инженеров и изобретательности и креативности архитекторов мира людей. При взгляде на него захватывало дух, и не верилось, что здесь обошлось без магии. Нет, никакого волшебства — только огромные деньги проживающих тут богачей. Съехав с моста, попадаешь в другой мир — мир роскоши и показухи. Соседи старались перещеголять друг друга, удивить диковинной находкой в интерьере, гардеробе или гараже. Глаза слепили огромные окна и разнообразные фонари, понатыканные повсюду — дома буквально кричали о состоянии своего хозяина. От изобилия цветов в клумбах и отделке зданий разбегались глаза, но я не хотела бы здесь поселиться. Искусственная жизнь, фальшивые соседи и друзья — я лучше в скромном домике моей мамы в компании сестер скоротаю вечность.

Как меня сюда занесло? Хотела объехать пробку в центре Мортелля и проскочила поворот на набережную. Лобовое стекло автомобиля переливалось всеми цветами радуги, отражая свет фонарей. Сонная тишина, темные окна, и только я медленно и бесшумно катила между потрясающе красивыми домами, погруженными в дрему. Лорелея молчала и рассматривала пейзаж с открытым от восторга ртом.

Непроизвольно отвлекаясь на мерцание фонарей и гирлянд, словно мотылек, я проехала одну улицу, затем свернула налево и оказалась на другой, еще более красочной и вычурной, но вскоре мне надоело глазеть по сторонам. Всматриваясь в ночную мглу, я начинала нервничать — нигде не было дорожного указателя, по которому я смогла бы сориентироваться на местности и уехать восвояси. Мысленно осыпая проклятиями себя, любимую, за торопливость, я проехала всю улицу и остановилась на перекрестке. Дорога разбегалась черными лентами в четыре стороны, и они оказались погруженными в крошечную темень. Слабый свет от фонарей и автомобильные фары не могли разогнать ее — над дорогой раскинули ветви акации и плакучие ивы. Слева показалось что-то белое, и вскоре я различила очертания фургона.

— Что это? — спросила Лорелея, но я шикнула на нее.

Белый фургон под ветвями деревьев около дома, больше похожего на замок — мне сразу показалось это подозрительным. Заглушив двигатель и погасив фары, я притихла у высокого кованого забора.

— В городе орудует банда мошенников. Похоже, мы стали свидетелями ограбления.

Двое крепких мужчин выносили из дома огромную плазменную панель. На пороге стояли расписная ваза прошлых столетий, на скорую руку обмотанная в простыню, картина и два бронзовых канделябра. Сомневаюсь, что владельцы дома затеяли переезд среди ночи.

Помнится, Майло рассказывал о фургоне, разъезжающем по городу. Мошенники, торгующие поддельными сигнализационными устройствами, обчищали дома экономных до абсурда граждан. Кто именно стоял за грабежами, он еще не успел выяснить, но — необычайное везение! — так сошлись звезды, что сегодня я смогу помочь ему в этом

непростом деле. Сползая с сидения, я достала телефон из кармана плаща и набрала номер Лукаса.

— Доброй ночи, Лукас, — шепотом сказала я, когда после третьего гудка он ответил заспанным голосом. — Я понимаю, что сейчас три часа ночи, но дело не терпит отлагательств.

— Что случилось, Эшли? — с ноткой тревоги спросил он. — И почему ты шепчешь?

— Так получилось, что я стала случайным свидетелем ограбления в районе Вижн. — Я намеренно не упомянула Лорелею, чтобы избавить ее от внимания полиции. Она косилась на меня, когда следила за грабителями, но молчала. — Не спрашивай, каким ветром меня занесло сюда — к делу это не относится.

— Хорошо, не буду, — безропотно отозвался он.

— Кто в вашем отделе ведет расследование грабежей? Речь идет о поддельных магических сигнализационных системах.

— Не может быть, — похоже, Лукас вскочил с постели — его голос прозвучал неожиданно бодро. — Ты что-то узнала?

— Один мой знакомый занимается починкой волшебных безделушек. В последнее время он часто сталкивался с подобными системами, и они навели его на мысль разобраться, кто их продает легковверным смертным. Скажу проще: так же, как и я, мой знакомый взялся расследовать дело самостоятельно и выяснил кое-что, — говорила я не без сарказма и иронии, но спросонья Лукас не заметил в моих словах подвоха.

— Что именно?

— По городу колесит белый фургон. На нем же похитители производят установку систем. Вычислить его сложно лишь по причине частых переездов с места на место. И ты даже представить себе не можешь, Лукас. Я сейчас имею счастье наблюдать за выносом дорогостоящих предметов интерьера из шикарного коттеджа в Вижн!

Повисла пауза, в ходе которой я внимательно вслушивалась в тяжелое дыхание человека. Собравшись с мыслями, он вздохнул:

— Назови адрес, Эшли. Я сейчас же пришлю людей и приеду лично. В отделе настоящий завал с этими ограблениями, а мы еще не разобрались с убийствами магов, поэтому вынуждены выезжать на все вызовы.

Хмыкнув, я задумчиво закусил губу. Детективы в тупике — расследование убийств магов не продвигается, и они бросаются на любую работу, как голодные псы за костью..... Это печально, разве нет?

— Кстати, — осторожно произнести не вышло — в интонации вновь промелькнула насмешка, — вы что-нибудь выяснили по делу Саммер?

— Ты действительно хочешь знать, или решила уколоть? — его голос сквозил подозрением.

Я обиженно надула губки, но он, разумеется, не видел этого.

— Считаешь, я на такое способна?

— Я теперь не знаю, на что способна девушка, которую, казалось, я отлично знаю. Ты обманула меня, а потом еще и бросила около полицейского участка! Что, по-твоему, я думаю и чувствую?

— Я не обманывала тебя, — холодно возразила я. — Это ты усомнился во мне. Не хочу быть рядом с человеком, который мне не доверяет и принимает за чистую монету каждое слово своего напарника. — Вздохнув, я добавила:- пока мы выясняем отношения, грабители

погрузят весь дом целиком в фургон и увезут к чертям собачьим!

— Да, ты права, — тихо отозвался Лукас. — Уже выезжаю.

— И скажи своим людям, чтобы ехали без сигнальных огней и с выключенными фарами.

— Ты не дождешься меня?

— Извини, Лукас. Я очень тороплюсь.

Я сбросила вызов и спрятала телефон обратно в карман. Ни малейшего желания нет разбирать завершившиеся отношения по косточкам и мусолить их до рассвета! Возможно, я поступила с ним излишне холодно и грубо, оборвала связь, не разобравшись, но мое сердце принадлежало другому мужчине, хотя и без взаимности.

— Вы расстались?

От неожиданности я вздрогнула и повернулась к Лорелее. Она говорила с сожалением, но не хотела смущать меня. Я растерялась сначала, но секунду спустя взяла себя в руки.

— Да.... Отношения с Лукасом перегорели, изжили себя. Все годы, проведенные вместе, я утешала себя мыслью о комфорте и спокойствии. Никаких сильных чувств, кроме симпатии, — которую тоже вряд ли можно назвать «сильным чувством», я не испытывала к нему, Лорелея.

Я замолчала, не договорив. Не испытывала чувств.... Поэтому и ранила, не задумываясь, человека, влюбленного в меня. Якобы влюбленного — вероятно, он тоже не до конца был со мною искренен. Любящее сердце никогда не поверит словам посторонних людей. Или на мужчин эта теория не распространяется?

Лорелея понимающе кивнула. Вздохнув, она улыбнулась и протянула мне руку. Я вложила в нее свою ладонь, улыбнувшись в ответ. Она всегда знала, что мне нужен другой, хотя относилась к Лукасу более, чем положительно.

Выглянув поверх руля, я облегченно вздохнула: грабителям приглянулось что-то еще, и они возвратились забрать это «что-то». Надеюсь, Лукас успеет — в конце концов, я сделала все, что было в моих силах, и могу со спокойной душой ехать по своим делам. Хм.... Только как мне это сделать тихо и незаметно? Конечно, при помощи магии.

Перед нами раскинулся мрачный лес. Деревья здесь были настолько древними и высокими, что верхушками, казалось, задевали и щекотали луну. Дремучая зелень — переплетающиеся ветвями ели и дубы, вязы и сосны, образовывали густую крону. Она накрывала лес лохматой изумрудной шапкой. Ветер играл на коже, трепал нежно мои волосы, но деревьев не касался — ощущалась защитная магия, сквозь которую вряд ли будет легко пробиться. Но мы рискнем.

Первой шагнула вперед Лорелея. Обернувшись, она едва заметно улыбнулась и направилась к лесу. Здесь не было слышно ночных птиц, не раздавались песни сверчков, и не шелестела листва — безмолвная тьма, от которой по коже побежали мурашки. Лорелея походила на маленькую девочку в коротком белом платице, беззащитную и слабую. Хотелось догнать ее, поймать за руку и не дать войти в темную таинственность. Но я же знала, кем она являлась на самом деле и не стала останавливать.

Разведя осторожно руками ветви, русалка заглянула во мрак леса. Магическая броня не оттолкнула ее, хотя должна была. Направившись следом, я подняла глаза вверх и окинула высоченные деревья взглядом.

— Защитная магия, — тихо сказала Лорелея. — Ты ее чувствуешь? Она повсюду, но по какой-то причине пропускает нас.

— Нас впустят, — согласилась я, — но не выпустят. Мы пытаемся пробраться в капкан. Лорелея шагнула в лес и обернулась.

— Ты передумала? Ведь с самого начала было известно, куда нас несет.

— А по мне заметно, что я передумала?

Темные лапы елей угрожающе нависали над тропинкой. Я пригнулась и вошла в зеленый омут, полный тайн и магии. За стеной растительности, огораживающей лес с внешней стороны, оказалось не так уж и темно. Под ногами мерцала изумрудная трава, осыпанная бисером росы, мелкие голубые цветы, похожие на разбросанные драгоценные камушки. Я осторожно ступала по траве, стараясь не наступать на них. Когда ветви за спиной Лорелеи опустились, лес погрузился в сказку.

— За нами сплетаются ветви, — предупредила русалка, осматриваясь. Она казалась спокойной, словно частенько бывала здесь, захаживала по грибы, и знала каждый пенек и корягу.

— Я слышу, как шелестят листья, — кивнула я, но оглядываться не стала. Деревья закрывали обратный путь, и я не хотела этого видеть. В воздухе витала магия, по коже скользили мурашки. Волшебство внушало страх путнику и сбивало с толку, но мы знали, с чем имеем дело. Не обращая внимания на сосание под ложечкой, я двинулась дальше. Темнота была плотной, но серебристое сияние травы разгоняло ее, освещая тропинку. Легкий ветерок чуть шевелил густые кроны, будто невидимый великан гладил пальцами деревья. Нагибал их и перебирал листья. От этого движения у меня напрягались плечи. Будто сама ночь была живой. По земле сочилась сила, стелилась мглой и поднималась по стволам деревьев, как масло по фитилю лампы. Кора завораживающе засияла золотом, и захотелось коснуться ее. Я видела только это чудесное свечение и тянулась к нему. Мир сузился, мрак охватил меня, обернул мягким пледом. Еще шаг, и я смогу ощутить тепло чар....

— Эшли, — окликнула меня русалка. Я обернулась, магия разбилась и просыпалась искрящейся пылью на траву. — Не сходи с тропинки.

Закатив глаза, я шагнула по узкой тропе, петляющей между кустами, усеянными росой.

— Похоже на сказку, — усмехнулась я, стряхивая с себя золотую пыль. — На мрачную, полную неприятных неожиданностей и отвратительных монстров, сказку.

— Так и есть, — прошептала Лорелея.

— А?

— Я про монстров.

Я посмотрела на русалку. Изогнув бровь, она осторожно указала пальцем на старый дуб, ствол которого был настолько толстым от старости, что мы бы вдвоем не смогли бы охватить его руками. Кудрявые ветви отбрасывали причудливые тени, но когда я присмотрелась, то заметила движение. Ветра не было, поэтому стало ясно, что вовсе это не тени. За нами наблюдали фантомы — сторожи леса.

— Мы их не трогаем, и они нас не тронут, — тихо произнесла я.

— Ты уверена? — с сомнением протянула Лорелея.

— Нет. Я предполагаю. Давай двигаться дальше. Думаю, дом Вивиан уже близко, — я посмотрела вперед на искорку желтого света, которой мог оказаться уличный фонарь. Русалка с опаской покосилась на подвижные тени за деревом. Пожав плечами, я зашагала по тропинке. Из-за дерева послышалось глухое рычание. Я замерла и посмотрела через плечо на русалку. Ее белокурые волосы свесились и загородили лицо. Опустив руки вдоль тела и глядя под ноги, она подняла ладони вверх. Звук, похожий на рык крупного хищного животного,

стал громче и внушительнее. В груди загло, когда фантом рванул на нас, и я выставила ладонь ему навстречу. Лорелея сделала то же самое, взметнув копной золотистых волос в зеленом полумраке. Мелькнула тень, искрометно пронеслась под деревом, черной дымкой закружилась вокруг ствола, обвила его, будто змея, и накрыла нас облаком. В тот же миг ладони Лорелеи засияли, и сквозь них пролилась магия — голубой сверкающий вихрь, похожий на водоворот морской воды, рассеял дымку, разогнал бестелесную черноту. Испуганный вскрик разнесся по лесу, разорвал тишину и унесся ввысь, исчезнув в густоте листвы. Ничто живое такой звук издавать не может. Он пробежал по другим фантомам, как огонь по сухим ветвям. Лес ожил — тьма ожила.

Глава 45 (продолжение)

Не успел он унести прочь, как из-за другого дерева появился другой. Мне он напомнил огромного черного волка, пронзающего мрак блеском алых глаз. Издав тихий гортанный вой, нематериальный зверь пригнулся перед прыжком и рванул на меня. Взмах руки — сила ударила тень прямо в воздухе. Испуганный фантом кубарем упал на траву и заскулил. Он пополз ко мне наказанным псом и притих у самых ног. Я пронзила его грудь магией, но не насквозь. Желто-белый сгусток энергии подсвечивал изнутри сотканное из ночи тело, словно пламя свечи в ладонях. Захотелось наклониться и погладить пса по холке, но от него веяло потусторонним холодом. В сознании мелькнуло жуткое видение — фантом бросился вперед, оскалив клыки. Я прерывисто выдохнула и шагнула прочь. Еще мгновение, и сгусток света стал разгораться. Фантом плавился, как воск, сгорал на глазах, и вдруг магия поглотила его. Яркая вспышка — и на землю медленно осел черный пепел.

— Как? — ошарашено спросила Лорелея. Ее ладони по-прежнему сияли и были выставлены вперед.

Я пожала плечами, потому что не доверяла своему голосу. Удивленно поглядела сначала на оставшуюся от фантома горстку пыли, а потом на свои руки. Я действительно не понимала, как смогла одолеть порождение ночи. Впервые сразилась со стражем леса, и сразу такой успех! Но всем известно, что их может одолеть колдун иной стихии. Я всегда считала себя потомком лесных магов, а теперь уже начинала сомневаться....

— Я не знаю, — не договорив, я застыла на месте. Краем глаза, уловив движение слева, посмотрела исподлобья сквозь занавес свесившихся волос и обомлела — нас окружали десятки пар алых глаз.

— Лорелея, мы должны прорваться к дому, — тихо сказала я, опуская руки и направляя их ладонями к стае фантомов. — Они не материальны, но, если настигнут, разорвут нас по-настоящему.

— Я поняла, — отозвалась она, разворачиваясь лицом к выходу из леса. — Я прикрою наши спины.

Русалка развела руками, озарив часть леса голубым светом. Фантомы, подобравшиеся сзади, заскулив, разбежались и нырнули в темноту. Лорелея справится, теперь очередь за мной.

Развернувшись лицом к тропинке, уводящей в лесную чащу, я направилась к свету фонаря, очень быстро, почти бегом. Отстреливаясь от преследующих нас фантомов, мелькающих между деревьев вдоль дороги, смотрела лишь вперед. Те, что осмелились встать на пути, обращались в пепел, не успев атаковать. Мы продвигались все глубже в лес, и казалось, фантомы отступали, их становилось все меньше. Путь был почти свободен, когда мы приблизились к той части леса, где росло особенно много старых, массивных деревьев. Выдался миг, чтобы перевести дух. Остановившись, я покрутила головой: зелень листвы и хвои, ветви, опущенные почти до земли, и густая тьма. Ощущение беспокойства не покидало меня, хотя вокруг не было ни души. Я опустила руки и повернулась к Лорелее. Думала взбодрить ее и порадовать победой над защитниками леса Вивиан, но вид русалки насторожил. Она смотрела на меня большими голубыми глазами. Ее кожа белела в темноте и казалась алебастровой в этот миг. Выражение лица, с которым она медленно подняла голову и посмотрела вверх, заставило мое сердце вздрогнуть и неистово забиться. Я

проследила за ее взглядом и... Наверное, мое лицо тоже побледнело от ужаса — беззвучно взмахивая крыльями, над нами кружили огромные вороны. Чернее ночи и крупнее настоящих воронов, гораздо крупнее, с горящими огнем глазами. Не меньше сотни птиц. Судя по неподвижным теням, нависающим над верхушками деревьев и сидящим на ветвях, это еще не вся армия.

— Что-то мне подсказывает, — громким шепотом сказала я, — вспышками не отделаться и бегством не спастись. Не теперь.

Лорелея медленно опустила голову и, посмотрев на меня глазами, полными ужаса, коротко кивнула.

— Но мы же попробуем? — натянуто улыбнувшись, я приготовилась обороняться от новой напасти и по неосторожности шагнула в сторону, задев ногой пучок травы. Легкий шелест, звон капель росы, настолько неуловимый, что обычный человек и не услышал бы. Но у фантомов к несчастью невероятный слух. Стая, кружащая над нами, понеслась вниз, обрушилась на нас. Меня и Лорелею накрыло тьмой, которая постоянно двигалась, обвивала нас и задевала ледяными, жесткими, царапающими кожу, перьями.

Как будто упало ночное небо — я ничего не видела, как ни пыталась рассмотреть. Лорелея пропала из виду, в ушах стоял свист крыльев, рассекающих воздух, и мое собственное дыхание. Я искала глазами русалку, но фантомы настолько близко летали, что приходилось жмуриться. Я боялась, что они выключат мне глаза. Алые огни мелькали повсюду и так быстро, что кружилась голова. Не знаю, как мне удалось устоять на ногах. Целую вечность тени огромных птиц атаковали нас, но ничего не причиняли особого вреда. Ждали, когда мы свалимся от бессилия? И стоило подумать, как щеку обожгло резкой острой болью — я ахнула. Но тут же проглотила вскрик — фантомы резали меня острыми, как бритва, перьями. Я успела только закрыть руками лицо, как десяток сотканых из ночи птиц окружили меня, пролетая настолько близко, что кожу холодило. Звук разрезаемой ткани, неуловимыми взмахами крыльев, сначала уколы боли и обжигающее тепло, стекающее по коже. Уже через минуту я перестала что-либо чувствовать. Тело зудело от порезов, в ушах звенело, и хотелось кричать, просить их остановиться. Но я не могла проронить и слова, разве что подумать и взмахнуть рукой. Отняв одну руку от лица, я развернула ее ладонью вверх, и магия озарила тьму. Золотистое мерцание извивалось, кружилось, пока не сплелось в шар. Он поплыл по воздуху, медленно и плавно, замер над моей головой. Неожиданно вспыхнув, взорвался искрами энергии, и вся стая взмыла вверх. От вихря силы, пронесшегося по поляне, я покачнулась и чуть не свалилась на траву. Глаза на миг выхватили из темноты силуэт Лорелеи — она стояла так далеко, что от страха за нее сдавило горло.

Вокруг русалки расплескалось лазурное море. Оно омывало подбирающихся фантомов, волнами сбивало их в воздухе. Магия топила их один за другим, то прилетали новые и бросались на Лорелею. Я попыталась окликнуть русалку, но гул, донесшийся откуда-то сверху, заставил резко поднять голову. Стая фантомов кружила над лесом, а те, что сидели на ветвях, поднимались ввысь, сливаясь с ними в водоворот сплошной тьмы. Сомнений не было: через мгновение она рухнет на нас и поглотит.

— Бен, — прошептала я, обреченно наблюдая за приближением фантомов. Направив руку вверх, поставила магический блок, который должен был остановить или хотя бы немного ослабить, но они разнесли его вдребезги. Сила, рванувшая из меня, обожгла их, над головой вспыхнули перья. С дикими криками фантомы слились в плотное черное облако,

испешренное алыми бусинами глаз. И я снова прошептала:- Бен... Где ты? Ты сейчас мне очень нужен.

А про себя подумала, как же глупо надеяться на чудо. Он не мог слышать меня, не мог чувствовать, что я влипла и вот-вот погибну. А если не погибну, то упаду от бессилия — фантомы поглощали энергию жертвы, высасывали ее. Именно поэтому им не помешала моя магия. Они напитались ею. Если бы я и Лорелея не колдовали, не оборонялись бы от них, то и им нечем было бы насыщаться. Но тогда бы фантомы нас загрызли еще при входе в лес. Замкнутый круг получается.

Сердце дрожало, но не от страха. Я думала о Бене в эту ужасную минуту, которая истекала, сочилась песком сквозь пальцы, как наши хрупкие жизни. В последний миг я думала о нем. Не о пребывающей в ужасе, перед неизбежной гибелью Лорелее. Не о Мишеле или Монике, и даже не о Джоше. Мне хотелось еще раз его увидеть и прикоснуться, хотя бы потому, что я никогда этого прежде не делала. Я так и не узнала, какая на ощупь у Бена кожа, каковы на вкус губы, и насколько мягкие волосы... Сколько времени упущено, сколько потерянно....

С губ сорвался прерывистый вздох, и я словно протрезвела. В груди жгло от холода, будто я проглотила льдинку, и она медленно скатывалась по горлу. Кулон замерцал розовым светом. Сердце взволнованно забилося, участилось дыхание. Меня охватила тревога. Неужели....?!

Тьма над головой встревожено взметнулась, забурлила. Она колыхнулась точно водная гладь, внезапно ее разорвал черно-серый, мерцающий вихрь, камнем падающий вниз. Я заморожено глядела на сноп дыма, несущийся кометой. Приблизившись к земле, он рухнул, почва под ногами дрогнула. Полетели ошметки травы и клочья земли, поляну заволокло мглой, и из нее вышел Бен. Горящие магией глаза, пылающие силой руки — мы встретились взглядами, и он резко развернулся, разгоняя руками нависший над нами мрак. Фантомы обступали его, кружились, норовя нанести удар, но Бен хватал их руками, рвал на части и расшвыривал. Сгорая в воздухе, фантомы оседали пылью и больше не поднимались. Их становилось все меньше, а когда были повержены все до единого, Бен оглядел лес. Сверкнули в ночи сияющие силой глаза. Он стоял вполоборота и, слегка опустив голову, смотрел на меня. А я ошарашено хлопала ресницами.

— Как...? — только и смогла вымолвить.

Бен поджал губы и медленно повернулся ко мне.

— Понятию не имею, откуда я знаю, где ты, и что тебе нужна помощь. Просто знаю и все.

— Эшли! — почти взвизгнула Лорелея, подбежав ко мне и схватив за руку. Она попыталась оттащить меня, но засмотрелась на Бена. На ее лице отразилось любопытство, смешанное с ужасом. Она не могла отвести от него глаз. Шерман же взирал на нее с отсутствующим видом. Русалка спряталась за мою спину, перебирая теплыми пальцами на моем запястье. Лорелею посетило озарение, и она изумленно хохотнула. — Это же бэлморт!?

— Да, — вымолвила я.

Он вроде был зол, но, все же, не спешил убираться восвояси. Стоял и смотрел, словно хотел подойти ближе, но Лорелея помешала, испортила момент. Что-то мелькнуло на его лице — в груди зажгло, потекло по венам. С моих губ сорвался прерывистый вздох. Я готова была броситься к нему, но стояла будто приклеенная. Обратив на русалку свой взор, в котором почти ничего не осталось от магии, Бен склонил любопытно голову.

— Это что — русалка?! — передразнил он ее писклявым голосом. По лицу бэлморта пробежала насмешливая гримаса.

Лорелея отстранилась, возмущенно хмыкнув.

— Ты знаешь его? — горячо прошептала она. Страх покидал ее, и верх брал истинно женский интерес, почти потребительский. Она разглядывала Шермана, от макушки до пят, закусив губу.

— Вроде как, — замялась я. — Он должен был убить меня.

— Что? — опять этот испуганно-восторженный визг Лорелеи, на который Бен ответил тихим надменным смешком. Посмотрев вверх, он вздохнул и шагнул в нашу сторону. На его губах все еще угадывалась ухмылка.

— Что ты здесь забыла? Да еще в компании русалки.

— У тебя на лбу шрам? — я заметила багровую полосу, рассекающую бровь и заходящую за линию роста волос. Она была оставлена чем-то острым и раскаленным, но уже затягивалась. Мой голос предательски дрогнул: — Том?

Бен резко стал серьезен.

— Мне пришлось защищаться. Он пытался сдержать обещание, а я отстаивал свою точку зрения — еще легко отделался.

— Ты убил его?

Бен поморщился, словно ему было неприятна сама мысль об этом.

— Нет. Я не смог убить своего брата.

— Он сильнее тебя?

— Нет. — вскинув иронично брови, он холодно улыбнулся: — рука не поднялась. Видишь ли, с недавних пор во мне проснулась совесть или какая-то иная дрянь, не позволяющая вредить ближнему. Чтобы это могло быть, Эшли? Как считаешь?

— Искушение, — прошептала я, и Бен вновь поморщился и посмотрел в сторону.

— Тому повезло чуть больше меня, и его не обременяют чувства. Я вынужден постоянно перемещаться по городу в попытках уйти от него, скрыться хоть ненадолго, — он вновь посмотрел на меня голубыми глазами, от которых я теряла дар речи. — Рано или поздно брат найдет меня и убьет, а потом примется за вас.

— Зубы сломает, — ледяным тоном произнесла я.

Бен нахмурился.

— И кто ему помешает? Ты и твоя подруга-русалка? — хмыкнув, он устало покачал головой. — Возможно, именно сейчас он пробивает магическую броню, защищающую твой дом и всех, кто в нем находится. На нас практически не действуют чары, — он огляделся, — иначе как бы я попал сюда?! Конечно, существуют заклятия, останавливающие и ослабевающие бэлмортов, но их число ничтожно мало.

— Однако чары, оберегающие мой дом, не позволяют вам пробраться на его территорию, — возразила я. — Без разрешения хозяина или мага, наложившего их, никто не попадет за калитку.

Бен сделал вид, будто задумался, но через секунду обреченно пожал плечами:

— Это как раз именно то исключение, которое нам не одолеть.

Он застыл, отвел задумчивый взгляд. Бен прислушивался к тишине, и я невольно огляделась, но кроме черного кружева листвы и мерцающей травы ничего не увидела. И не услышала. Посмотрев вновь на него, я вопросительно склонила голову.

— Они возвращаются, — тихо сказала Лорелея из-за моей спины.

Я почти забыла про нее и чуть не вздрогнула от неожиданности. Русалка обошла меня и встала перед Беном. Они сверлили друг друга изучающими, но осторожными взглядами. Похоже, бэлморт впервые видел живую русалку, но был наслышан о ее народе. Как и она — достаточно много знала об бэлмортах, но никогда не сталкивалась лицом к лицу. Наблюдая за ними, я нервно озиралась по сторонам, тихонько злясь на то, что они слышат фантомов, а я — нет. Наконец, потеряв терпение, я громко хмыкнула и в упор уставилась на Бена. Он нехотя оторвал взгляд от Лорелеи и перевел его на меня.

— Не то, чтобы мне было неприятно, — сказала я, холодно улыбнувшись, — но к нам спешат недобитые тобой фантомы. Я их не слышу, а вы бессовестно пялитесь друг на друга!

— Ты тоже их слышишь, — с улыбкой на губах тихо возразил Бен. Он наверняка отметил, что во мне говорила простая человеческая ревность. Ему она чужда, поэтому только веселила. — Разве ты не слышишь лес? Не чувствуешь ночь?

Я поджала раздраженно губы, но задумалась. Не о шелесте листвы он говорил, и не о ветре — Бен имел в виду ощущение легкой тревоги, которое испытываешь в темноте. То же самое чувство охватывает, когда заходишь в погруженную во мрак квартиру после трудового

дня, зная, что там никто тебя не ждет. Для кого-то это просто страх, для кого-то предчувствие зла, ощущение чего-то постороннего, хотя разум говорит об обратном. Люди думают о призраках и привидениях, а маги о фантомах.

В животе защеколало от волнения, и по коже пробежал холодок — теперь и я слышала их приближение. Темнота, тяжелая и бездушная, окружала нас со всех фронтов. Я посмотрела на Лорелею, потом на Бена:

— И что, мы так и будем стоять?

Я могла бы обратиться в дым и долететь до дома Вивиан за мгновение ока, но Лорелея не умела перемещаться по воздуху. Не бросать же ее?! Поэтому я побежала, схватив русалку за руку. Когда мы пронеслись мимо Бена, он усмехнулся.

— Мне пора. Дальше вы справитесь сами.

И черно-серым молниеносным облаком пронесся у нас над головами. Да, я уверена — черно-серое облако....

— Почему ты не рассказала? — на ходу спросила Лорелея. — Ты — искупление бэлморта!? Почему я ничего не знаю, Эшли?!

— Так вышло, — нехотя отозвалась я. — Мы только вчера сами поняли это.

— Я его видела. Он полицейский, да? Частенько увозил из нашего бара пьяных посетителей, затевавших драки.

— Меня он оштрафовал за парковку в неподобающем месте, — улыбнувшись воспоминаниям, сказала я.

— Ни за что бы не подумала, что передо мной бэлморт.... Такой симпатяшка!

Впереди показались огни дома. Я ожидала увидеть что-то сказочное: огромное старое дерево, в стволе которого светятся желтым светом круглые окошки, а густая крона служит крышей. Но на деле оказалось все гораздо аскетичнее. Одноэтажное строение из темного кирпича с черепичной черной крышей. Металлические чешуйки отливали серебром в свете луны, в больших окнах дрожало тусклое пламя свечей. Аккуратная лужайка перед входом, усеянная мелкими темно-синими цветочками, похожими на разбросанные по мягкому зеленому ковру ягоды черники. Красиво, но все же немного мрачновато.

Остановившись перед широким порогом, мы сначала осмотрелись. Плетеные перила обвивал бойкий вьюнок, перепрыгивая на стены и огибая оконные рамы.

— И где покосившаяся избушка и дождь из жаб? — хмыкнув, протянула я.

Лорелея хихикнула.

— Ведьмы живут в ногу со временем. Ты же не обитаешь в землянке и не варишь снадобья в котле на печи?!

— Действительно, — я направилась к двери и снова остановилась, потянувшись к ручке, но так ее и не коснувшись. Меня смутила ее форма — металлическое кольцо, и больше ничего.

Лорелея подошла ближе, чтобы посмотреть, что меня так заинтересовало.

— Думаешь, это ловушка?

— Честно говоря, ничего я не думаю, — проворчала я и взялась за кольцо, и оказалась права — ничего не произошло. Дверная ручка, и все. И, к тому же, дверь была не заперта. По спине пробежал холодок: — Надеюсь, мы не опоздали?!

— Не опоздали? — задумчиво переспросила Лорелея, взглянув в темноту пустого холла. — Что ты имеешь в виду, Эшли?

Но я не ответила — шагнула через порог, опустив руки и слегка приподняв ладони.

Деревянный пол, гладкий и скользкий, не скрипел. Ветер в открытую дверь не задувал, и шторы на окнах не колыхались. Я не чувствовала ничего, кроме запаха дрожжевого теста и свежей выпечки с ягодной начинкой. Здесь не жила темная магия, и никто не умирал. Сердце кольнуло от тревоги: раз я не ощущала Вивиан, то она вполне могла оказаться невероятно могущественной ведьмой. Настолько, что ее силу невозможно почуять, попробовать на вкус. Любого мага, кроме бэлморта, легко обнаружить в толпе, поймать в воздухе импульсы энергии. Если Вивиан произошла от темных, то это неудивительно, но я помнила, как обжигала ее мощь в лавке. Поэтому не укладывалось в голове.... Неужели она притворялась? И чему я удивляюсь опять?! Она могла оказаться мертва с абсолютно той же вероятностью, но почему тогда я не чувствовала холод смерти? Нас ждала мгновенная или наоборот мучительная гибель от рук необъятной силы колдуньи, или мы обнаружим ее труп? Начало многообещающее....

Холл представлял собой широкий коридор, упирающийся в стену. Если свернуть налево, то открывается вид на просторную гостиную, а если направо, то окажешься на кухне. Я остановилась, когда заметила слабое пляшущее мерцание на полу — пламя свечи отбрасывало блики. Похоже, Вивиан не пользовалась электричеством. Прислонившись спиной к стене, я осторожно выглянула на кухню.

Большой стол, застеленный белоснежной скатертью с выбитыми цветами, стулья с высокими спинками, деревянные полочки и тумбы, большая выбеленная печь. На ней дымилась эмалированная желтая кастрюля, а из заслонки валил густой дым — теперь понятно, откуда шел волшебный аромат выпечки.

Около окна стояла сама Вивиан в зеленом платье в пол. Стройный силуэт в мерцании свечи, которую она держала в руке и вглядывалась вдаль. Блестящие густые рыжие волосы стекали водопадом ниже спины, и от них невозможно было оторвать взгляд. Ведьма повернула голову, и мы замерли, когда она заметила нас. Резко обернувшись, отчего волосы рассыпались в воздухе медным веером, Вивиан встала перед нами. Ее лицо вытянулось от изумления, а глаза заблестели, словно она вот-вот заплачет. Но это не помешало ей взмахом руки вышвырнуть нас обратно в холл. Я и Лорелея одновременно ударились об стену и стекли на пол.

Лицо ведьмы исказилось от ярости. Она вновь поднимала руку, собираясь нанести удар. Вдох застрял где-то в груди, но я бескостным движением оказалась на коленях. Она этого не ожидала, испуг отразился в ее глазах цвета хризолита. Импульс силы сбил ведьму с ног. Вивиан не успела понять, что я сделала. Ее подбросило в воздухе и швырнуло на стол, ведьма неуклюже скатилась вниз и притихла. Я замерла, в ожидании очередного выпада, напряженно глядя под стол. Подол длинного платья раскинулся зеленым озером. Каскад рыжих волос обрамлял бледное лицо. Я видела лишь его нижнюю часть — губы ведьмы подрагивали. Пока она не пыталась встать, Лорелея поднялась с пола, разгладила вышивку на юбке. Русалка шагнула в тень за дверью в кухню, таким образом, чтобы все помещение было, как на ладони, но Вивиан при этом ее не видела. Я осталась ждать, когда рыжеволосая очнется и обрушит на меня свой гнев. И вдруг на столе появилась ее рука. Хватаясь за скатерть, Моррис пыталась подняться, но стоило ей выглянуть, как моя сила подняла ее и пригвоздила к стене. Шагнув ближе, я ощутила, что вокруг меня бушует магия — сползая вниз, Вивиан вскрикнула и закрыла лицо ладонями. Я не собиралась причинять ей боль. Просто хотела слегка охладить пыл негостеприимной ведьмы. С мольбой посмотрев на меня сквозь пальцы, она закашлялась. Кулон задрожал, обдал кожу жаром. Меня заполняла сила,

воздух вокруг плавился. Теплым ветерком пронеслась по помещению магия, порывом отбросила мои волосы назад. Лицо Вивиан поплыло перед глазами, размазалось, словно пятно краски. Я ощутила движение Лорелеи — она вышла из-за двери, скользнула ко мне, вытянув руки. Прохлада наполнила кухню, запахло морем, и послышался шум прибоя. Она хотела остудить мою силу, притушить ее. Мне ничего не стоило раздавить Моррис, никаких усилий не требовалось, только желание. Я испугалась, по-настоящему испугалась и пошатнулась. Сердце чуть не выпрыгнуло через рот. Магия стремительно потекла в кулон, и камень погас. Дышать стало легче. Охнув, Вивиан отлипла от стены и быстро заползла под стол. Теперь ее скрывала свисающая до пола скатерть.

— Это он вас подослал? — справляясь с частым дыханием, спросила ведьма.

Я и Лорелея переглянулись.

— Кто — он?

Вместо ответа в меня полетел сноб зеленых искр. В глазах расцвел салют, а в голове зазвенело, словно он рванул внутри моего черепа. Хватая воздух ртом, я отмахнулась рукой, искры обратились в изумрудные осколки и осыпались на пол. Едва прояснилось сознание, как из них проросли побеги, обвили ноги и повалили меня. Чем сильнее я колотила их, тем туже растения сдавливали тело. Пока я боролась с буйным вьюном, Лорелея обрушила на Вивиан водоворот силы. Он закружил ее морской вспененной волной, поглотил разъяренной пучиной. Вивиан походила на жука, закованного в кусочке еще не успевшего застыть янтаря.

— Про кого она говорит? — обратилась ко мне Лорелея, посмотрев через плечо.

Побеги стремительно вяли, засыхали и превращались в сухую растительную пыль, Вивиан не могла подпитывать их магией. Я стряхнула с себя последние путы, ссохшиеся на щиколотках, и поднялась на ноги. Дом пошатнулся, потолок закружился со скоростью света, перед глазами заплясали цветные окружности. Опершись на стену, я глубоко вдохнула и громко выдохнула:

— Понятия не имею. Может, о Стэнли?!

Я хотела сказать что-то еще, но вдруг чары Лорелеи дали трещину — водная клетка, в которую русалка заточила Вивиан, замерзла, став огромным кубиком льда. Я запомнила горящий силой взгляд ведьмы, взирающей на меня сквозь голубую толщу. Трещина, точно молния, пробежала по всему кубику, и он с треском развалился. Куски замерзшей воды раскатились по полу кухни, Вивиан высвободилась из оков. Перешагнув через глыбу, она выставила вперед ладонь и толкнула в меня силой. Я предвидела это, и так же выставила ладонь за миг до удара. Сила копилась где-то внизу живота, росла из крохотного импульса в большой, едва умещавшийся в теле, обжигающий шар. Отпустив его, я испытала секундное облегчение и невероятное ощущение мощи. Пока упивалась чувством собственного могущества, сгусток силы столкнулся с магией Моррис. Мой шар вобрал ее в себя. Шар силы Вивиан, желто-зеленый, мерцающий, самоотверженно бился о стены моего шара, пытаясь прорваться сквозь золотисто-красную оболочку, но через мгновение он притих и растворился в ней. Две разных стихии слились воедино, и то, что получилось — мерцающая золотистая сфера, повисшая в воздухе, рванула к Вивиан. Она сшибла на своем пути стол, стулья и тумбы. Ведьме повезло: силой удара ее отбросило к окну, а все, что снес шар, поднялось в воздух и, налетев на стену, разнеслось в щепки и рассыпалось по комнате. Он разбился, разлетелся алыми искрами, оставив на стене черный след, как от огненной вспышки.

Не дав Вивиан прийти в себя, я вошла в кухню и, остановившись в центре, повернулась к

ней лицом. Задыхаясь от напряжения, она подняла на меня взгляд хризолитовых глаз, и они больше не светились силой. Ярость стихла, остались только обреченность и страх. Я не предала этому значения — ничего не почувствовала, словно меня выключили. И когда поднимала руку над Вивиан, ничто не екнуло в сердце, не зашевелилось в душе, словно так и должно было быть. Не показалось странным, что собираюсь причинить вред магу, покарать за преступление, хотя никогда прежде этого не делала. Глядя на испуганную ведьму поверх своей ладони, я сжала пальцы, и вся мебель задвигалась, со скрежетом поползла к Вивиан. В страхе вращая головой, ведьма отползала к стене, перебирая ногами, запутавшимися в подоле длинного платья. Но безуспешно.

Глава 46 (продолжение)

Вивиан уже зажало между двумя шкафами. Казалось, еще миг, и послышится треск костей. Она вытаращила в ужасе глаза и подняла их на меня. И где-то в груди кольнуло — я разжала пальцы, и все прекратилось. Повернув голову, я увидела в дверях Лорелею, переводящую напряженный бирюзовый взор с меня на Вивиан. На ее лице ничего не отразилось — ни страха, ни упрёка, мое поведение не вызвало у нее ни капли потрясения. Как так?! Если даже я пришла в ужас, осознав, что только что хотела сделать!

Сглотнув ком, подобравшись к горлу, я ощутила, как ко мне вернулись чувства. И медленно опустила голову. Затравленный вид сейчас был у могущественной лесной ведьмы, хотя в чем ее могущество? Я же только что чуть не расплющила ее?!

— Кто — он? — повторила вопрос я.

Глаза Вивиан полыхнули страхом.

— Мэрион....

— Что?

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но в кармане моего плаща зазвонил телефон. Разочарованно закатив глаза, я полезла за ним и посмотрела на дисплей — Джош. Полагаю, звонок имел срочный характер?

— Что ты узнал? — с ходу спросила я.

— Эшли, — затараторил Джош, запинаясь, словно только что добежал марафон и решил сообщить об этом прямо с финишной. — Я поговорил со Стэнли и вот, что выяснил: никакого Мэриона — статиста у них никогда не было. Ты уверена, что твой сосед про Центральную Библиотеку говорил?

— Теперь я ни в чем не уверена, — пробормотала я, глядя на сжавшуюся на полу Вивиан. Никогда бы не подумала, что она может выглядеть такой уязвленной.... В лавке Моррис произвела впечатление сильной и властной женщины, наделенной внушительной силой, а сейчас передо мной сидела сломленная и перепуганная девчушка. — Что еще сказал Стэнли?

— Он на всякий случай нашел своего статиста и проверил его записи. Вивиан не посещала личные ячейки, не появлялась в Библиотеке с позапрошлой недели, за исключением вчерашнего дня, и то по служебному вызову. Но, — интригуяюще и в то же время весело протянул Джош, — угадай, кто был замечен в перечисленных местах?

— Мэрион, — сама не веря в то, что говорю, сказала я.

— В точку! — голосом Джоша звенел от напряжения, как натянутая струна. — И есть кое-что еще.

— Что же? — пребывая в состоянии, в котором, казалось, уже ничто не может удивить и поразить, я подняла с пола уцелевший стул и опустилась на него. Лорелея вошла в кухню, непонимающе заглядывая в мое лицо.

— Мэрион был частым гостем секции для бэлморттов, — многозначительно проговорил он, и повисла тишина. Я не смогла ничего ответить, а он, очевидно, ждал бурной реакции и громких ликующих возгласов. Их не последовало. Тогда Джош решил осведомиться о моем здоровье: — Эш, с тобой все в порядке?

Впервые услышала у него нотку волнения. Прежде он не проявлял столь явно заботу обо мне. Всегда только юмор, сарказм и притворство. Любую ситуацию Джош обращал в шутку,

и я привыкла, стала считать нормой такое поведение. Я непроизвольно улыбнулась, не скрывая удивления.

— Да, Джош. Я пытаюсь переварить то, что ты сказал. Как хорошо, что ты позвонил именно сейчас, а то я могла бы натворить глупостей.

— Глупостей — в смысле что-то действительно идиотское? — заинтересовался Джош. — Потому что ты постоянно совершаешь глупости, и это в порядке вещей, но никогда не признаешь этого. А тут сама заявляешь..... Эш, где ты?

— Я и Лорелея в доме Вивиан Моррис. Знаешь, она невероятно гостеприимна! — я огляделась и усмехнулась окружающему нас кавардаку. По полу были разбросаны щепки, пирожки и булочки. Мне почему-то стало их особенно жалко. — Сначала, когда ты позвонил и ошарашил новостью, я подумала, что мы напрасно потеряли время, но теперь... Теперь понимаю, что мы пришли во время. Вивиан должна стать следующей жертвой, а, значит, убийца скоро пожалует. У меня к тебе будет одна просьба, Джош.

— Какая? — уже без тени улыбки спросил он.

— Обратись за помощью к фамильярам. И пусть они постараются явиться сюда как можно скорее. Нам не справиться с бэлмортом, присвоившим шесть кулонов.

— Что происходит? — голос Лорелеи прозвучал обеспокоенно.

Я печально улыбнулась ей.

— Держитесь, — бесцветно, чтобы скрыть беспокойство, произнес Джош и отключился.

Пряча телефон, я смотрела мимо русалки на Вивиан. Закинув ногу на ногу, сложила руки на коленях.

— Расскажи мне о Мэрионе, Вивиан. И поднимись уже с пола!

Ведьма и пальцем не пошевелила. Я устало закатила глаза — пусть сидит на полу, раз ей так больше нравится.

— Мэрион никогда мне не нравился, хотя он не делал ничего плохого, — тихо начала она. — Он рос замкнутым мальчиком, играл один и ни с кем не сближался. Что-то было в его взгляде.... Когда нам исполнилось по десять лет, в детский дом приехала семья магов — супруги, могущественные волшебники леса. Им приглянулся Мэрион — он был похож на женщину. Такой же светловолосый, худощавый и белокожий. Они, не задумываясь, забрали его домой, но Саммер это было не по душе. Она продолжала наблюдать за ним, со стороны, осторожно. Ее поведение смахивало на паранойю. Она даже поселилась рядом с ними! Тогда я не понимала, зачем ей все это нужно. Но когда Мэриону исполнилось восемнадцать, его приемный отец трагически погиб, якобы от руки бэлморта. Естественно, кулон бесследно исчез. Тогда-то Саммер и забила тревогу: она твердила о темной сущности парнишки, о причастности к гибели отца, но никто ее не слушал. Никто, кроме Калеба, Кеннета и Бишоу. Все четверо сплотились в группу наблюдателей втайне от Системы. Но сколько бы они ни вынюхивали, сколько бы ни пытались отыскать улики, подтверждающие вину Мэриона — безрезультатно. Время шло, годы летели, и когда все уже забыли о смерти лесного мага древнего рода, погибает его жена при тех же обстоятельствах.

Мне было не по себе, когда Вивиан рассказывала о таинственных обстоятельствах, о шепоте среди магов, об ужасе, нависшем над волшебным народом. Я непроизвольно вспоминала своих родителей — похожая картина пугающих смертей. Неожиданно умирают супруги, один за другим, а их ребенок остается сиротой. История, похожая на мою, вот только я — урожденная ведьма, а не отпрыск бэлморта, и не осталась сиротой по причине

совершеннолетия. Порождение тьмы в лице милого мальчика убило людей, давших ему кров и родительскую любовь. От какой же злобы его сердце гнило? Или в нем пробудились темные инстинкты?

Вивиан теребила пальцами подол платья. Она смотрела в пол мутным взором, а мимо скользила Лорелея, сложив руки на груди. Она хмурилась, пребывая в раздумьях — похоже, история тронула ее за душу.

— Саммер удалось выяснить, кто их убил?

— Она и так знала, — голос Вивиан был пропитан горечью. — Просто ей никто не верил в Системе. Мэрион унаследовал власть и состояние, но ему показалось этого недостаточно. Он решил замести следы.

— И сжег детский дом?

Вивиан подняла глаза:

— Да. К счастью, Саммер и группа ее последователей успела вывести всех детей из здания. Дело осталось нераскрытым, и вскоре о нем вовсе забыли. Возгорание в результате неосторожности! — ведьма пренебрежительно хмыкнула и посмотрела в сторону. — Системе не нужны отпрыски бэлмортов. Верховной Ведьме не нужны.

— Куда теперь отправляют отказных детей? — спросила Лорелея, остановившись между мной и Вивиан.

— Сейчас другие нравы, — нехотя призналась Моррис. — Никто не избавляется от детей — так нам говорят.

— А на самом деле?

— Не думаю, что Система пойдет на крайние меры. Полагаю, их увозят подальше от Эгморра и поселяют в интернатах для детей смертных, которым так же «посчастливилось». Это логично: люди не знают о бэлмортах....

— Почему Мэрион начал убивать столько лет спустя? — легким взмахом руки я подозвала к себе графин с водой и стакан. Наполнив, передала его Вивиан по воздуху. Ведьма приняла стакан трясущейся рукой и сжала его в ладони. Вода забурлила, закипая. Она пренебрежительно скривила губы.

— Быть может, ему не давала покоя совесть. Или он не мог дальше жить, зная, что кто-то копает под него, продолжает искать доказательства. Он встречался с Саммер на улице и в магазине, был вынужден смотреть ей в глаза и улыбаться.... Вероятно, нервы начали сдавать. Даже непрошибаемый охотник может дойти до грани и сломаться.

— А почему он хочет убить тебя?

Вивиан подняла на меня потемневший от злости взгляд.

— Я — последняя, кто знает о нем всю правду. Ведь нас привезли в детский дом в один день.

Я любопытно склонила голову и с минуту разглядывала лицо Вивиан. Она терпеливо смотрела на меня, и в ее глазах читался ответ на мои мысли, которые я решила озвучить:

— Группе удалось подкрепить доказательствами причастность Мэриона к смертям приемных родителей, но он, видимо, не знал, у кого именно они хранились. Он обыскивал дома, перевернул все вверх дном. Я побывала в булочной Саммер, где кое-что выяснила. Она всегда носила при себе дневник в кожаной обложке, держала близко к сердцу и не выпускала из рук. Наверняка именно он представляет ценность для Мэриона. Вот только.... я запнулась, опустила голову.

Лорелея повернулась ко мне и посмотрела в глаза, как бы я их не прятала.

— Что «только», Эшли? — спросила настороженно русалка.

— Я побывала в домах убитых членов группы и не нашла дневник, — подняв взгляд, я с горечью посмотрела на Лорелею, а затем на Вивиан. Обреченно ссутулившись, ведьма шарила взглядом по полу, усеянному мукой и щепками.

— Если Мэриону удалось добыть его....- она подняла голову и с мольбой посмотрела на меня. — Он должен поплатиться за содеянное!

— Но столько лет прошло....

— В нашем мире преступления не имеют срока давности. Если ты кого-то убил, то даже через сто или двести лет, когда всплывет правда, понесешь наказание. А она обязательно рано или поздно всплывет! Мэрион убил своих родителей, пусть приемных, но они стояли не на последней ступени иерархической лестницы. Сильнейшие маги лесного народа, могущественные волшебники — их можно было бы сравнить с княжеской семьей в мире людей. Кара за их загубленные жизни будет наивысшей.

— Даже если дневник у него, он все равно явится за Вивиан, — вслух подумала Лорелея, расхаживая по кухне. Она накручивала на палец локон волос и хмурилась. Вид у нее при этом был хрупкий и сердитый одновременно.

— Это неизбежно, — подтвердила я. — Она знает правду.

Лорелея резко остановилась и развернулась на каблучках лицом к Вивиан. Рыжеволосая ведьма заметно напряглась — глядела исподлобья на русалку, словно чувствовала в ней опасность. Или в еще не высказанных ею словах.

— Если дневника не было ни у одного члена группы, то где он? — Лорелея обращалась к хозяйке дома, хотя вопрос мог показаться риторическим.

Ведьма уловила интонацию русалки и растерялась.

— Я в глаза его не видела!

— Тогда где он может быть? — вмешалась я, поднявшись со стула неуловимым от скорости движением. Подавшись вперед, оперлась ладонями о стол. — Ячейки в Библиотеке Мэрион первым делом обыскал, дома обшарил.... Где Саммер могла спрятать столь ценную вещь?

— Мне только одно на ум приходит, — чуть слышно отозвалась Вивиан.

— Булочная?

Она коротко кивнула.

— Что? — удивилась Лорелея. — Это же слишком очевидно, разве нет?

— Именно. На это она и рассчитывала. Наверняка Мэрион обшарил ее в первую очередь, но не обнаружил дневника — он лежал на самом виду, но не попадался на глаза. Раз он отпрыск бэлморты, то чары на него не должны действовать. А, следовательно, дневник замаскирован под что-то совершенно неброское и заурядное.

— Книга жалоб, — прошептала Лорелея и просияла. — Ты должна отправиться в булочную и забрать дневник!

— Я сделаю проще, — доставая мобильный телефон, я загадочно улыбнулась и набрала номер Джоша.

— В булочной, на самом видном месте на прозрачной стеклянной полочке стоит книга жалоб и предложений, — с ходу заговорила я, едва услышав его голос. — Ты должен забрать ее. В обложке от книги на самом деле лежит дневник Саммер в кожаном коричневом переплете. В нем доказательства того, что Мэрион убил своих родителей.

— Эм.... — Джош опешил, но быстро взял себя в руки. Откашлявшись, он заговорил

деловым тоном:- Будет сделано, Эш. Я кого-нибудь пошлю в булочную.

— Ты же понимаешь, что дневник бесценен?

— Разумеется. Из-за него убили четырех моих коллег. Не просто коллег и магов с соседней улицы — мы были друзьями. Я сделаю все, чтобы дневник доставили Стэнли в целостности и сохранности. — Он перевел дух и встревожено спросил:- у тебя все в порядке? Фамильяры уже в пути.

— Все будет хорошо, Джош, — заверила я его и улыбнулась. Знаю, он не мог видеть, но определенно слышал.

Тяжело вздохнув, он тихо сказал:

— Отбой.

Спрятав телефон в карман, я задумчиво прошлась по кухне, выглянула в холл. Входная дверь, которую мы с Лорелеей оставили открытой, со скрипом открывалась и закрывалась на ветру. Я ощутила ледяное дуновение, и по спине пробежал холодок. Верхушки деревьев тревожно переговаривались — надвигалось что-то темное и стремительное. И я знала, что именно.

— Зачем ты на нас напала? — не оборачиваясь, спросила я у Вивиан.

— Я?! Вы пробрались в мой дом! Все мое существо замерло в ожидании смерти.

— Могла бы для начала поинтересоваться, кто мы и зачем пожаловали, — отметила Лорелея, осторожно выглядывая в окно, и фыркнула.

— Кто вы? И зачем пожаловали? — слабеющим шепотом спросила Вивиан.

Я серьезно на нее взглянула.

— Мы те, кто хочет установить справедливость. Я приходила к тебе в лавку, помнишь?

— Да. В сопровождении Джоша, — вспомнила ведьма и нахмурилась. — Так не было никаких ядовитых колючек в ягодицах?!

Я с трудом сдержала улыбку.

— Хочу попросить тебя, Вивиан.

— О чем?

— Мне нужно зелье исцеления, — я указала на ожог на шее. — Оно слабо помогает, но я не хочу ходить с уродливым шрамом.

— Кто оставил его? — деловито спросила она. Ее лицо вновь обрело строгие черты, на щеках появился здоровый румянец. Страх отступал, Вивиан приходила в себя. — Мне важно знать, чтобы правильно подобрать снадобье.

— Сама как думаешь?

Коротко кивнув, ведьма поднялась на ноги и потянулась к полке над плитой. Открыв ее, долго перебирала склянки и флакончики. Обнаружив то, что искала, бросила мне четыре пузырька магического лекарства.

Пока я пыталась залечить рану на шее, Вивиан снова опустилась на пол, подогнув под себя ноги. Спрятав пустой пузырек в карман плаща, я посмотрела на нее. Лицо ведьмы стало непроницаемой маской. Я буквально слышала, как со щелчком на место становятся стены. Она надела лицо, которое носила на публике. Но в глазах по-прежнему темнел страх. Моррис замерла, охватив руками колени, в ожидании смерти. И она была уже близко в обличии симпатяги Мэриона. Гнусного и хладнокровного, но симпатяги.

— Почему ты думаешь, что он явится именно сегодня?

— Он прекрасно понимает, что его ищут. Чувствует, как идут по пятам, — голос Вивиан прозвучал естественно и ничем не выдавал снедающей изнутри паники.

Я едва заметно кивнула и обернулась.

— И он уже близко.

Вивиан поднялась с пола, а Лорелея опустила руки и попятилась к стене.

— Если бы ты рассказала все нам еще в лавке....

— Ты была с Джошем! — резко разворачиваясь, возразила Моррис. Каскад медных волос рассыпался в воздухе, переливаясь в тусклом свете. — А он работает на Стэнли!

— И что? Я, можно сказать, тоже работаю на Стэнли, хоть и не официально.

— Я боялась. Не знала, кому могу доверять. К тому же, вы не спрашивали.

— Да, моя ошибка.

Дверь с грохотом ударилась о стену. Я переместилась в кухню, скользнула полупрозрачной дымкой. Заняв оборону рядом с Лорелейей, встала лицом к входу.

— Мы должны продержаться, потянуть время, пока фамильяры добудут дневник.

Глава 47 (продолжение)

Едва я успела договорить, как в дом влетела тьма. Будто кто-то пролил чернила в стакан с водой. Мерцающая дымка, испещренная огненными бликами, повисла перед дверью в кухню, словно разглядывала нас, оценивала. Вдоволь насладившись зрелищем, она опустилась вниз. По полу стелилось черное облако, от него несло гарью. Из этой бесшумной, тающей в воздухе тьмы вышел Мэрион. Воплощение глянцевої красоты — безупречные черты лица озаряла почти ласковая улыбка; натренированное тело, излишне жилистое на мой вкус. Черный пуловер, черные джинсы, того же цвета ботинки — весьма символично. Одежда оттеняла идеальный бронзовый загар и шла к его паскудной душонке.

— Доброй ночи, дамы! По какому случаю собрались?

— У нас девичник. Пижамная вечеринка, — холодно отозвалась я. — Заказали стриптизера, а каким-то шальным ветром надуло тебя.

Мэрион огляделся и впечатлено покачал головой.

— Вижу. Вместо подушек, стульями дрались? — он улыбнулся так, что мне полагалось растаять в лужицу. Не вышло.

— Подушки кончились, — огрызнулась Лорелея. — Как раз обсуждаем, во что бы еще поиграть.

Внешне все мы были образцом благоразумия. До этой минуты. Изобразив кокетливую улыбку, русалка легкомысленно потеребила подол платья. С текучей грацией она шагнула к бэлмарту, и в этом движении было столько соблазна, что у меня лицо зарделось. Я нутром чуяла, что подруга собирается выдать какую-то матросскую пошлость и схватила ее за руку. Надув обиженно губки, она внезапно преобразилась. Склоняя медленно голову набок, Лорелея буравила бэлморта леденеющим взглядом, в котором пробуждалась необузданная стихия. С ее кукольно-прекрасного лица ушли все эмоции.

Мэрион наморщил лоб — снисходительно и иронически.

— Простите?

— Говорю, что ты здесь забыл? — от русалки повеяло запахом моря — она нервничала. Но в голосе послышалось приближение шторма.

— Я пришел по делу, — его безупречное лицо разгладилось, от улыбки не осталось даже тени. Только темный огонь в глазах напоминал о том, что Мэрион — живое существо. — У Вивиан есть кое-что, крайне необходимое мне.

— Зелье? — бесхитростно предположила Вивиан, медленно подбираясь к Лорелее. — Я не храню дома запрещенные снадобья. Приходи в лавку завтра утром....

— Она скромничает, — усмехнулась я. — Мы всё выпили. Не бежать же в магазин среди ночи?!

— Хватит! — взревел Мэрион, и в кухне поднялся ветер. По стенам верх поползли тени, огни свечей задрожали. Лорелея и Вивиан одновременно вздрогнули, но не я. — Ты знаешь, что мне нужно, Вивиан! Прекращай играть в игры!

Выбросив вперед руку, Мэрион пригвоздил ведьму к стене. Она сопротивлялась, но ее тело против воли продолжало медленно ползти вверх. Когда она оказалась прижатой к потолку, Лорелея бросилась к бэлмарту, протянув к нему руки. Незримый поток энергии пронесся мимо меня к Мэриону, разметав мои волосы. Но небрежным жестом, даже не оборачиваясь, он разрушил чары, и швырнул русалку через все помещение. Она пролетела

мимо меня и, ударившись об стену за печью, упала вниз и притихла.

— Ты скажешь мне, где дневник Саммер!

Вместо ответа Вивиан неестественно помотала головой. Было заметно, как тяжело ей совладать с собственным телом. Мэрион холодно усмехнулся и сжал пальцы — ведьму скрючило на потолке, словно сломанную марионетку. Она беззвучно кричала, выгибалась от боли, а вокруг нее растекалась темная лужа крови. Алеющее пятно расплывалось по плоской поверхности, но ни капли не упало на пол. Я смотрела и не могла понять, откуда у Вивиан идет кровь? Видимых ранений Мэрион не наносил ей. Меня пробрала дрожь, голова закружилась от запаха железа и страха. Я должна была отвлечь Мэриона, скоро прилетят фамильяры....

— За что ты убил Саммер, Мэрион? Разве она плохо относилась к тебе?!

— У нее был слишком длинный нос, — сквозь зубы, процедил он. — Своим любопытством эта мерзкая, любознательная фея могла разрушить все, чего я добился. Кстати, она чем-то напоминает мне тебя, Эшли.

Я пропустила замечание об ассоциациях Мэриона мимо ушей. Сама прекрасно знала, что пытливый ум меня погубит, и что с того? Меняться я не планировала.

— А ты сам разве мало погубил жизней? Твои родители....

— Они не были моими родителями! — Мэрион повернул медленно голову, чтобы видеть меня. Я двигалась вдоль стены, медленно подбираясь к выходу. Но под его испепеляющим взглядом замерла на месте. Смотрела в глаза убийцы и боялась моргнуть.

— Они вырастили тебя. Дали все, что ты имеешь.

— Всего, что я имею, я взял сам. Против их воли. Иначе бы они никогда не оставили мне свое состояние и силу. Они притворялись, что любят меня, но не планировали делать своим наследником. Я же отпрыск бэлморта! В моей крови темная магия — магия убийцы.

— И ты решил подтвердить это. Что ж, вышло очень убедительно. Но зачем ты убил остальных? Саммер владела информацией — это я могу понять, но....

— Они все были заодно! Копали под меня днем и ночью, рыли носом землю....

— Первым ты убил Майкла Бишоу.... Почему?

— Он был Хранителем ячеек. Я полагал, что с его помощью проникну в личную ячейку Саммер Джоунс и добуду ее дневник. — Мэрион хмыкнул и растянул губы в ухмылке: - он не желал колоться, где находится дневник, но журнал с описью имущества последователей Саммер, показал. — Поморщившись, он добавил: - На самом деле, я рассчитывал ограничиться убийством Бишоу.

— Но ты отправился к Саммер, — додумала я за него.

— Естественно! — возмущенно воскликнул Мэрион. — Мне же ее дневник был нужен.

— Ты был в булочной и поссорился с ней?

— Думал, по-хорошему отдаст. Упёртая была, гадина.

— Обыскав ее дом, ты ничего не нашел, как и в домах Кеннета и Калеба. А Вивиан никогда не держала в руках дневник Саммер. Кто следующий в очереди? Кто еще поплатится жизнью за твое благополучие и эгоистичность?

Мэрион посмотрел в мои глаза, поджав добела губы. Я склонила любопытно голову, вопросительно вскинув брови. Не терять самообладание, глядя в лицо смерти, довольно непросто. Но я старалась. Больше Мэрион не казался мне красавцем — его лицо исказилось от ненависти и злобы.

— Не нарывайся, Эшли, — прошипел он. — До тебя дойдет очередь, обещаю! Не

приближай мучительный момент смерти — я пока немного занят.

Сжав пальцы, он растянул губы в омерзительной, слащавой улыбке, а Вивиан вскрикнула. Я подняла взгляд — бэлморт перевернул ее на живот. Выгнувшись назад, так, что конечности повисли в воздухе, а волосы свесились медным занавесом, она парила в воздухе в неестественной позе. Скованное болью тело, ужас, застывший в немигающем пустом взоре — она оказалась на волоске от смерти.

— Зачем ты прятал библиотечные бирки в книги?

— Ты нашла их? — повеселел Мэрион. Он действительно был горд собой и абсолютно счастлив, что его загадку разгадали. Я же чувствовала горечь и отвращение, глядя на него, страх за жизни Вивиан и Лорелеи. — Поэтому ты здесь! — он удовлетворенно кивнул. — Саммер любила разгадывать ребусы, как и ее шайка единомышленников. И я придумал для нее роковую шутку-головоломку. Кто следующий, к сожалению, она так и не узнала, хотя бирки я подложил в книги за несколько дней до ее смерти. Саммер определенно не увлекалась поэзией.

— Где ты их достал? Соблазнил библиотекарку?!

— В Библиотеке заправляет фамильяр, и его развратила занимаемая должность. Стэнли следовало бы чаще опускать голову, чрезмерно задранную, и смотреть по сторонам. Бэлморты без труда проходят в любые двери и остаются незамеченными, Эшли. Но он должен был заметить!

— Так это вызов Стэнли? — поморщившись, уточнила я. Стоять и смотреть не осталось сил. Вивиан таяла у меня на глазах, Лорелея лежала без чувств. Я должна была что-то предпринять. Но что? — Ты решил утереть нос Главному Фамильяру Верховной Ведьмы? По-моему, ты перегнул Мэрион. Этот кусок пирога тебе не по зубам.

— А что, расскажешь ему? — он удивленно посмотрел на меня. На его лице смешалась насмешка и гнев. Обжигающий коктейль. А губы растягивались в ледяной улыбке:- и не надейся, Эш.

— Столько крови из-за старого дневника, — скривившись от отвращения, тихо произнесла я. Кулон дрогнул, кольнул кожу. Я втянула носом воздух, пытаюсь расслабиться. Он отвернется, и у меня будет шанс, всего один. — Все твои попытки скрыть правду — жалки и бессмысленны. Тебе уже ничего не поможет, Мэрион. А наши загубленные жизни прибавят кандалов на твоих руках, утянут на самое дно, откуда уже нельзя выбраться. Отпусти Вивиан, и твоя участь будет не такой ужасной.

— Ты смеешься? Отсюда никто из вас не выйдет живой.

— Ты — чудовище, Мэрион, — прорычала я.

Попытки отвлечь его от истязаний Вивиан оказались напрасными — по ее рукам стекали струйки крови. Капли, густые и тяжелые, падали на пол и оглушали. Шум моей собственной крови и биение сердца мешали думать. Бэлморт отвлекся от измученной жертвы и посмотрел на меня. Выдалась минутная передышка — ведьма жадно хватала воздух ртом. Горящие силой глаза Мэриона смотрели глубоко в меня, но я не дрогнула и не посмела вскрикнуть. Его сила обжигала где-то внутри, где никаким рукам не место. Он пронизывал меня магией, словно леску протягивал. Руки задрожали, я сжала их в кулаки, чтобы он не заметил. Следующий ход за мной.

— Убил магов, давших тебе все. Погубил шесть невинных жизней. Ты по праву можешь считать себя одним из тех бэлмортов, которыми нас пугали с детства в жутковатых сказках.

Повисла тишина. Мы сверлили друг друга взглядами, пока Мэрион не хмыкнул —

холодно и пугающе.

— Власть, сила, деньги — мы не сильно отличаемся от людей, которых ты так любишь. Ты не ожидала от меня жестокости, Эшли, не так ли? Симпатичный сосед, положительный во всех смыслах, и вдруг открывается тако-ое!

— Никогда не любила смазливых мужиков, — плюнула я. Мэрион запрокинул голову и раскатисто рассмеялся. — Отпусти Вивиан!

Смех резко оборвался — мелькнул взгляд, и вдруг Вивиан швырнуло в другой угол кухни по потолку. Она покатила, переворачиваясь в воздухе. На белом полотне остались кровавые мазки, точно такие же, как в доме Саммер. Я не могла больше ждать, иначе он убьет ее у меня на глазах. Выставив вперед руку, направила в Мэриона поток силы. Волна энергии ударила его поперек тела, но с ног не сшибла. Прогнувшись вперед, бэлморт ухнул, и тут же на его лице заиграла самодовольная ухмылка.

— Я тебе не по зубам, Эшли Браун.

Он щелкнул пальцами, и Вивиан швырнуло об стену. Удар был настолько сильный, что я ахнула: человек бы не уцелел. Но она не была человеком. Ведьма медленно соскользнула на пол и обмякла, потеряв сознание. Стену усеяли брызги крови и густой багровый след, оставленный ее падающим телом. Резко повернув голову, я взмыла вверх, уходя от удара Мэриона — вспышка огня не попала в цель и ударилась в настенные часы. Они разлетелись в щепки. Спустившись на пол, я взмахнула рукой, и на Мэриона бросилась посуда с полок.

— Мы уже это проходили, — уворачиваясь от тарелок, летящих в лицо, рассмеялся он.

— И в прошлый раз это помогло, — напомнила я.

Не дожидаясь, пока посуда закончится, я переместилась Мэриону за спину. Миг назад стояла в другом конце кухни и вдруг появилась так близко к нему. Он ощутил, повел плечами и стал разворачиваться. Я растворилась в воздухе и пронеслась размытой полосой вокруг бэлморта. Мои образы ускользали, сливались с силой, вихрящейся в помещении. Мэрион протянул руку, чтобы поймать хоть один из них, но магия просачивалась сквозь его пальцы. Я была повсюду и нигде одновременно. Лицо бэлморта стало непроницаемой маской — сжав руку добела, он рванул за мной. И ничуть не уступал в скорости.

Промелькнув у него перед носом, я взлетела на стену. Пронеслась над головой у Мэриона, но, ощутив раскаленную ладонь на своем запястье, оказалась перед бэлмортом. Он стоял на расстоянии вытянутой руки и ухмылялся. Задрав пуловер, он оголил живот. Следы от порезов, глубокие нарывающие раны черными полосами бороздили левый бок. Когда он вдыхал, края рубцов раздвигались, и из ран вытекала мерзкая желтая жидкость. Она имела характерный запах, от которого захотелось отвернуться и зажать нос. Но я не отвернулась. Помню, как оставила эти порезы осколком зеркала, но почему они не зажили? Почему они почернели, а кожа вокруг воспалилась? К горлу подобрался кисло-сладкий ком, но я не отвела взгляда.

— Что это? — осипшим голосом спросила я.

Мэрион с веселым видом посмотрел на свой живот.

— Ты ранила меня в доме Саммер.

— Знаю. Но почему порезы не заживают?

— Они не просто не заживают, Эшли, — процедил сквозь зубы Мэрион, поднимая голову. Его гнев вернулся внезапно, смыв поддразнивающую дружелюбность. И заорал так, что стены содрогнулись: — они гниют, убивают меня изнутри! С каждым днем становится только хуже, а боль просто невыносимая!

— Разве такое может быть?! Почему?

Мэрион приблизился ко мне почти вплотную. Я с трудом удержалась от порыва отстраниться.

— На осколке была твоя кровь, — произнес он обжигающим шепотом. — Ты отравила меня. Твоя кровь отравила меня и пожирает, Эшли.

Я не осознавала до конца, что только что услышала. Стояла, будто обухом по голове ударили. Он подался вперед рывком, его ладонь поднялась, и от нее веяло жаром. Интуитивно направив руку, я вышвырнула его в холл. Появившись в дверях, занесла руку для очередного удара. Он плавно оказался на ногах, словно его за ниточки подняли. Сила, хлынувшая из меня, пригвоздила Мэриона к стене. Раскинув руки, он захохотал. От этого смеха мороз по коже побежал.

— Ты хорошо подумала, Эшли? То, что ты собираешься сделать, лишит тебя сущности. Ты готова пожертвовать всем ради моей смерти?!

Он бросился на меня, развеяв чары. Разогнал их, словно туманную дымку. Но едва приблизился, как я растворилась в воздухе. Опустившись за спиной у Мэриона, положила руку на плечо и швырнула его обратно в кухню. Но едва он коснулся пола, как обратился в дым и окутал, поглотил. От удушливого запаха першило в горле, я с трудом придушила рвотный позыв. Я сгорала — чувствовала, как кожа сползает, плоть тает от его силы. Утопая в нестерпимой боли, окруженная тьмой, упала на колени. Рука Мэриона тянулась к моей шее. Когда его пальцы сомкнулись на ней, дом задрожал от ужасающего вопля. Отдернув руку, Мэрион бросился прочь от меня и уперся в стену. Я пошатнулась, стоя на коленях, припала спиной к ножке стола. Черное облако издавало вселяющие ужас звуки, но я их слышала, словно через вату. Мучительный жар отступил, перед глазами расцвел пестрый калейдоскоп бликов. Меня так шатало, будто дом вращался. Схватившись за столешницу, я прикрыла рот ладонью. Кажется, меня немного укачало. Потянуло запахом железа, что-то горячее струилось по коленям. Кольнуло, зажгло — я ахнула, и в голове прояснилось. Я сидела на осколках, которые резали мне ноги. На ум пришла идея.... Пошарив ладонью вокруг себя, нащупала длинный и острый, как клинок, осколок. Я подняла его, крепко, насколько могла, зажала в ладони. Кровь потекла густыми струйками, первые капли упали на пол.

Когда я поднималась на ноги, занося руку для удара, вокруг меня был белый шум. Внутри меня разверзлась пустота. Я не осознавала, что делаю. Время остановилось — Мэрион возник передо мной, на его лице промелькнула тень страха. Он смотрел мне в глаза и то, что увидел, заставило его попятиться. Но я оказалась быстрее. Словно во сне ударила Мэриона осколком, орошенным моей кровью, пронзила грудь. Он вошел легко, на руки хлынула горячая, темная кровь. Вместе с осколком частичка света проникла в плоть бэлморта и замерцала изнутри. В тишине пронесся дрожащий вопль, и я вздрогнула. Очнулась и отпрянула от изгибающегося Мэриона. Трясущимися руками он потянулся к осколку, но не смог. Боль, должно быть, была невыносимой.... Задыхаясь, я прислонилась к стене. Сердце колотилось так, что могло выпрыгнуть из груди. Колени подогнулись, и я соскользнула на пол, руки безвольно упали. Мэриона разрывало на части. Свет изгонял тьму, поглощал его. Лицо бэлморта покрылось огненными трещинами, будто расколовшаяся глиняная маска. Внезапно оно разлетелось на куски, забрызгав стены черными густыми каплями. Мелким бисером оросило мне лицо, заставив вскрикнуть от неожиданности. Я знала, что это, но не смогла пошевелиться. Ощувив смертельную усталость, завалилась на

бок и перевернулась. Лежа на спине, смотрела на потолок, покрывающийся черной липкой массой, скатывающейся из остатков бэлморта. Этот поганец забрызгал всю кухню. Огромная лужа поползла к стене, скользнула вниз, двигаясь ко мне. Мэриона не стало, но теперь в доме Вивиан поселилась темная магия, след чужой смерти. И сейчас она хотела завладеть мной. Но почему именно мной?

Тьма подкрадывалась, окружала, а я лежала на полу сломанной куклой. Лежала и смотрела в остекленевшие глаза Мэриона, на то, что осталось от его лица. Разбитая глиняная маска. Черная густая масса обволакивала меня. Я чувствовала, как холодеют ноги, как сознание уносится прочь, далеко отсюда, где светло и спокойно. Из груди вырвался болезненный судорожный выдох, и я закашлялась. К глазам подступили слезы. Я не хотела умирать, но не могла подняться и дать отпор темной магии. Могла только думать.... И я подумала. О Бене.

Когда Тьма коснулась одежды, я вздрогнула, как от порыва ледяного ветра. Было слышно, как она ползет — противные чавкающие звуки. Еще мгновение, и меня не станет. Только бы Бен услышал....

Дверь ударилась о стену, и жаром обдало кожу лица, разметало волосы. Перехватило дыхание, сердце затрепетало в груди. Черное облако влетело в дом и проплыло надо мной. Я открыла глаза и вымученно улыбнулась.

— Привет.

Облако опустилось вниз, и ко мне склонился Бен. Повеяло ароматом его одеколона и гарью — совсем чуточку. Оглядевшись, он склонил любопытно голову, всмотрелся в лицо.

— Прогони ее, — прошептала я.

Ничего не говоря, Бен просунул руку мне под голову. Тьма вздрогнула и отползла прочь, потянувшись вверх по стене и скользнула в вытяжку над входом в кухню. Покачав головой, Шерман устало вздохнул и поднял меня с пола.

— Вляпалась, так вляпалась, — пробормотала я.

Бен осуждающе хмыкнул, хотя улыбка уже дошла до глаз.

— Ты не можешь жить спокойно. Что не день, то происшествие.

Я обняла его за шею и опустила голову на плечо. Казалось, минула вечность — мы стояли в холле в полной тишине. Бен держал меня на руках, а я училась заново дышать и чувствовать. У стены неподвижно лежал Мэрион, вернее, его останки. Я ощущала темную магию, исходящую от него, но она казалась такой далекой и нереальной, как фоновый шум. В этот миг мне было необходимо касаться Бена, хотя бы украдкой. Он избегал прямого взгляда, но мне, почему-то, казалось, что он рад здесь находиться. Вот так близко. В глубине холодной души теплился слабый огонек, но он не позволял ему разгораться. Сдерживал всеми силами, но иногда одного желания недостаточно. Бен еще не решил, хочет ли он оставаться бездушным и холодным, во тьме и одиночестве. Но частичка него уже тянулась ко мне, хоть он этого и не осознавал. А я не стану говорить — пусть сам почувствует. А пока мы насладимся обществом друг друга, хотя обстановка совсем не располагала.

И мы простояли бы так еще вечность, а то и две, если бы в дверях кухни не появились Лорелея и Вивиан, повисшая у нее на плече. Русалка перерыла все полки и обнаружила исцеляющее зелье, которым несколько минут отпаивала истерзанную ведьму. Вид у нее был еще неважнецкий и даже пугающий, но снадобье делало свое дело, раны затягивались буквально на глазах.

Бен вынес меня на улицу. Лорелея и Вивиан плелись следом, но остановились в дверном проеме. Лес безмятежно дремал, сияя лунным серебром. Несколько минут тишины, и мне стало легче. Крепко обвив руками шею Бена, я прикрыла глаза. Он не мешал мне, хотя

его плечи напряглись. Его пугало то, что происходит. То, что я рядом. И участвовавший пульс выдавал его.

— Кто ты, Эшли? — прошептала русалка, и я подняла голову.

Переглянувшись с Беном, я посмотрела поверх его плеча и увидела два ошарашенных лица. Русалка и ведьма боялись подойти ко мне. Лицо Бена приняло беспристрастное выражение, и он осторожно опустил меня на ноги.

— Что? Лорелея, о чем ты?

— Ты убила бэлморта, — ответила за нее Вивиан хриплым, срывающимся на шепот, голосом. — Ни кому, кроме таких же бэлмортов, это не под силу.

— Я... Я сама не знаю, как это вышло, — сглотнув ком в пересохшем горле, я посмотрела с надеждой на Шермана, но он коротко мотнул головой. Я поникла: — наверное, случайно....

Издали неслышимо шорох крыльев, вскоре звук стал настолько отчетлив, что мы дружно посмотрели вверх. Нет, это не фантомы. К нам спешили фамильяры во главе со Стэнли. Отличить его от других воронов не составило труда: размах огромных крыльев сдувал ветви елей. Он повис на миг над лесом и вдруг камнем бросился вниз. Я не успела вздрогнуть, как перед нами стоял Главный Фамильяр.

Бен отстранился, планируя скрыться, но я поймала его за рукав и развернула к себе лицом.

— Ты опять исчезнешь?

— Хочешь сдать меня ему? — сквозь зубы, процедил он, всматриваясь в мои глаза. Сцепив пальцы на моей руке, удерживающей его, дернул на себя. Я оказалась прижатой к его груди. И кожей почувствовала, как вздымается его грудь, как колотится сердце. Жар разлился внутри меня, задел каждый нерв. На миг даже потеряла дар речи — похоже, связь отлично действовала и через одежду.

— Нет, — робко ответила я. — Просто будь поблизости.

— Тебе достаточно подумать обо мне, — раздраженно прошептал он, наклоняясь к моему лицу. Мы почти коснулись носами, и я не могла оторваться от его глаз, хотя в них пылал гнев. — И я появлюсь.

Не дождавшись моего ответа, Бен высвободил руку, резко и грубо, так что я покачнулась. Он взмыл в небо сизой молниеносной тучей и растворился в ночи. Шерман исчез из виду, но я продолжала стоять с запрокинутой головой. И простояла бы так еще долго, всю ночь, считая звезды, охваченная приятными до дрожи чувствами, паря в фантазиях. Но из тени вышел Стэнли. Он остановился напротив меня. Я обернулась, забыв о том, как только что летала в облаках.

— Тело Мэриона вы найдете на кухне. Он больше никого не убьет, — мой голос прозвучал глухо и отстраненно. Я еще не отошла от шока или, напротив, погружалась в него.... Только сейчас осознала, что натворила, и сердце в панике заколотилось у самого горла.

— Спасибо, Эшли, — если Стэнли и удивился, то не показал виду.

За его спиной появлялись фамильяры, принимая человеческий облик. Легко кивнув в сторону дома, он отдал безмолвный приказ проследовать за телом убитого бэлморта. Пятеро отделились от толпы и двинулись к дому, а еще двое подошли к Вивиан и Лорелее. Взяв рыжеволосую ведьму под руки, они взмыли вверх, на ходу обращаясь не в воронов, как я ожидала, а в дым. И унеслись прочь.

Вымученно улыбнувшись, я посмотрела на Стэнли. Судя по тому, как дрогнуло его лицо, он отлично чувствовал мое состояние. Как всегда располагал к себе и внушал доверие, воплощение добродетели и душевной чистоты. Сапфировые глаза светились в темноте, лицо с тонкими чертами, густые черные брови.... Его лицо казалось прекрасным. Хотелось поделиться с ним своими страхами и задать накопившиеся вопросы. Во мне заговорила усталость, из-за пережитого ужаса я ощутила себя маленькой потерявшейся девочкой, которой нужно, чтобы ее срочно пожалели.

— Что теперь со мной будет? Я утрачу истинный облик, и превращусь в бездушное существо омерзительного вида?

Он изогнул бровь, лицо осталось неподвижно.

— Если бы тебе было суждено им стать, то это произошло бы сразу после того, как сердце Мэриона остановилось.

— Тогда что со мной не так? — обняв себя за плечи, я дрожала от холода и слабости. Адреналин схлынул, похмелье от него горько отдавало опустошенностью. На глаза наворачивались слезы, но я изо всех сил старалась не моргать. Мне было страшно за себя — кем же я стала?!

— Просто ты другая.

— Настолько, что смогла убить бэлморта и не утратить себя? Кому это под силу?! Мои родители не были бэлмортами....

Коснувшись моего плеча, мягко и деликатно, Стэнли едва заметно улыбнулся. Прислонив указательный палец к своим губам, он остановил поток моих мыслей.

— Не нужно копаться в себе и искать причины. Ты — другая, Эшли. И твой дар — тому доказательство. Прими и смирись. Я точно не знаю, по какой причине ты настолько многогранна, но обязательно выясню. И ты будешь первая, кому я доложу об этом.

Меня задели его слова, где-то в глубине души. На смену слезам пришла ярость, и пальцы впились в плечи.

— Ты морочишь мне голову, Стэнли!

Он посуровел.

— Кто был рядом с тобой, когда я появился? Твой ручной бэлморт?! Куда он подевался? Я хотела возразить, но слова застряли в горле. Он видел Бена, знал, кем он являлся, и мне нечего было ответить.

— А ты не думала, что его присутствие в твоей жизни влияет на твою сущность и способности?

— Нет, не думала....

— Подумай, — холодно бросил Главный Фамильяр. Он отступил, и его рука соскользнула с моего плеча. Чувство защищенности, что я ощущала миг назад, покинуло меня. — А теперь отправляйся домой, Эшли. Нам нужно прибраться здесь.

— А как же полиция?

— Этот лес не в их юрисдикции, — жестом руки он отправил группу из шести фамильяров в дом. Пятеро других, выносивших тело Мэриона, исчезли в сияющем мраке ночного неба. — Тебе не о чем волноваться.

Одарив согревающей улыбкой на прощание, Стэнли кивнул мне. Почти поклонился. Взяв за руку Лорелею, я двинулась по тропинке прочь из леса. Душу снедало мучительное чувство вины. Только сейчас я до конца осмыслила, что натворила — убила, практически не задумываясь. Убила! Мэрион заслуживал смерти, но почему я не подумала о своей душе,

когда занесла руку для удара? Почему не вспомнила о том, во что превращусь? Я ничего не боялась, только хотела спасти Вивиан.... Не думала, не могла предположить, что способна на такое.... То, что я осталась самой собой, можно считать чудом.

Кому сказать «спасибо»? Или.... Кого винить в этом?

Глава 49. Эпилог

Стэнли спрятал руки в карманы черных вельветовых брюк. В темных густых зарослях таяли два удаляющихся женских силуэта. Он провожал их задумчивым взглядом. Русалка торопилась покинуть лес и тянула подругу за собой. Ее можно понять — несколько минут назад у нее на глазах Эшли убила бэлморта. Убила, и осталась собой. В мире магов предостаточно чудес, но такого еще никто не видывал. Теперь в голове Лорелеи зрели вопросы, на которые подруга была не в состоянии ответить. Она сама понятия не имела, что с ней произошло.

Эшли спотыкалась на корнях, но безропотно брела по тропе. Случившееся потрясло ее. В ее сердце останется неизгладимый, глубокий, как ножевая рана, след. Такое не забывается. Она шла и не видела Лорелею, ничего перед собой не могла разглядеть. Глаза застилала слезы. Единственное, что помогало Эшли не упасть и не забиться в истерике — неожиданное открытие о Бене. Бэлморт услышал ее зов и прилетел, спас ей жизнь. Возможно, все не так уж и паршиво?! Может, силы свыше даровали ей свободу от проклятий народа? Она же наказала жестокого убийцу, а не отобрала жизнь у невинного существа ради выгоды, зависти или злобы. Думать о том, что чудес не бывает, и всему виной связь с бэлмортом, ведьма не хотела. Ерунда. Он ту не причем. Просто кому-то важно, чтобы она оставалась собой и продолжала докапываться до истины. Действительно, эта мысль гораздо приятнее....

Силуэты растворились во мраке, а Стэнли все смотрел. Смотрел и размышлял. Вынув правую руку из кармана, он потер подбородок и нахмурился. Сзади послышался шорох травы, чьи-то неспешные шаги, но он не обернулся. Рядом остановился высокий мужчина, и тяжело вздохнув, сложил руки на груди.

— Ты же понимаешь, что происходит, Джош? — бесцветным голосом спросил Стэнли. Он глядел затуманенным взором в изумрудную гущу леса.

— Отлично понимаю, — выдохнул Джош. В его интонации угадывалось опасение и усталость, но выражение лица осталось непроницаемым.

— Процесс запущен. Еще немного, — Стэнли повернул голову, чтобы видеть его, — и он будет необратим.

Джош изумленно повел бровью в ответ, но Стэнли ожидал большего. Он хмыкнул и нахмурился. На ум пришла неприятная мысль, но он отмахнулся от нее и покачал головой.

— Хочешь предотвратить? — в голосе Джоша прозвучала суровая нотка.

— Нет, — небрежно пожав плечами, бросил Стэнли. — Пусть все идет своим чередом. Видимо, так и должно быть, и кто я такой, чтобы мешать высшим силам?! Продолжай за ней приглядывать и оберегать, как прежде, но при этом постарайся ни во что не вмешиваться. Теперь ее жизнь гораздо важнее твоей. И моей тоже. Новая страница в судьбе простой ведьмы.... Ее ждет еще больше приключений, страданий, ребусов, страхов и, несомненно, боли. Но.... Чему быть — того не миновать, и не в наших силах предотвратить неизбежное.

Вздохнув, Стэнли развернулся и направился в сторону леса. Когда его силуэт скрыли тени деревьев, он расправил крылья, взмыл в воздух и унесся прочь.

— Да, — прошептал Джош. — Но мы могли бы попытаться....